

Б.Г. Алиев

**Структура класса феодалов
и формы феодального
землевладения в Дагестане
в XVIII – первой половине XIX в.**

Москва 2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Б.Г. Алиев

**СТРУКТУРА КЛАССА ФЕОДАЛОВ
И ФОРМЫ ФЕОДАЛЬНОГО
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ
В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

**(Трансформация, дифференциация,
региональные особенности)**

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

Москва 201

instituteofhistory.ru

ББК 63.3. (2Р-6Д)
УДК 94 (470.67)
А-50

Рекомендована к изданию решением ученого совета Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (протокол № 17 от 11 октября 2011 г.).

Ответственный редактор:

А.Р. Шихсаидов – заслуженный деятель науки РФ и РД, доктор исторических наук, профессор.

Рецензенты:

Н.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор
Д.С. Кидирниязов – доктор исторических наук, профессор

Алиев Б.Г.

А-50 Структура класса феодалов и формы феодального землевладения в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. М.: Издательство «Парнас», 2011. – 560 с.

ISBN 978-5-4326-0019-6

Монография посвящена одному из основных классов дагестанского феодального общества – классу феодалов, его сословным группам и феодальному землевладению в XVIII – первой половине XIX в.

Это первая монографическая работа, посвященная указанной проблеме. В монографии на основе анализа и обобщения всех доступных источников и литературы, а также использования работ предшественников широко и подробно с охватом всех регионов Дагестана изучены все сословные группы класса феодалов и формы феодального землевладения.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и читателей, интересующихся историей Дагестана.

Автор выражает благодарность за спонсорскую помощь

ISBN 978-5-4326-0019-6

© Алиев Б.Г., 2011
© Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2011
© ООО «Парнас», 2011

ВВЕДЕНИЕ

АКТУАЛЬНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ

Постановка для исследования проблемы, посвященной классу феодалов Дагестана в XVIII – первой половине XIX в., его сословным группам, феодальной земельной собственности, значима и важна не только в научно-познавательном плане, но и в плане изучения опыта исторического развития общества, его социальной структуры, роли и места в обществе различных классов. Это особенно важно в наше время, когда после и в результате развала социалистического государства и строительства капиталистического общества, основанного на рыночных отношениях, возрождаются различные классы капиталистов и помещиков – как хозяев крупных промышленных предприятий, так и крупных землевладельцев, сосредоточивших в своей собственности большие земельные площади и применяющих в своем хозяйстве наемный труд.

Это возрождение того, что было в Российской империи до Октябрьской революции 1917 г. Это возрождение деления общества на противоположные по своему экономическому и социально-политическому положению общественные группы, которых пока не называют классами. Но, что может быть общего, единого, объединяющего как целостный народ у миллиардеров и миллионеров, с одной стороны, и той группы на-

селения, которая нищенствует или сводит концы с концами, с другой. Это и есть противоположные классы, интересы которых не совпадают и которые живут на разных полюсах общества. Это то, что было в России в целом и в Дагестане, в частности, в прошлом, когда дагестанское общество делилось на противоположные антагонистические классы – класс феодалов и класс крестьянства с их различными сословными группами в зависимости от экономического и социально-правового положения в обществе.

Мы далеки от мысли ставить прямые аналогии между тем, что было в Дагестане в период феодализма, когда здесь не было единой государственности, и на его территории существовали две различные политические структуры – множество феодальных владений и еще больше союзов сельских общин, и нынешним дагестанским обществом. Однако нельзя не учитывать то, что и для феодального общества, и для нынешнего дагестанского общества характерны одни и те же институты классового общества, как частная собственность и исходящие из нее различные положения людей в обществе и разделение их в связи с этим на различные группы. И в средневековье (эпоху феодализма), и в наше время та часть членов общества, которая сосредоточила в своих руках большую частную собственность, – это верхушка общества, носители богатства и власти, в то время как остальная часть общества лишена их.

Поэтому изучение прошлого опыта важно для понимания современного развития общества, путей дальнейшего развития и продвижения его вперед без противоречий, напряжения и конфликтов, что очень важно для спокойного и гармоничного развития страны. Ибо без этого не может развиваться общество.

Противоречия в обществе – это тормоз, препятствие на пути его прогресса. Поэтому необходима такая политика, проведение таких реформ и мероприятий, которые способствовали бы их уменьшению в обществе, чтобы не было того огромного разрыва, который ныне существует в нашем обществе между положением успевших разбогатеть на базе «прихватизации» всенародного достояния, всенародного богатст-

ва, что было создано при Советской власти, и теми, которые остались ни с чем, многие из которых потеряли и то, что имели, и никак не могут приспособиться в новом обществе, не могут найти себя, не смогли воспользоваться теми «одинаковыми» стартовыми условиями, которые были «созданы для всех», как это было сказано после развала СССР главным его виновником.

Обращение к изучаемой проблеме объясняется и тем, что в дагестанской историографии до сих пор нет ни одной монографической работы, посвященной специально классу феодалов и феодальному землевладению, хотя в различных исторических исследованиях – монографиях, посвященных социально-экономическому развитию Дагестана, обобщающих трудах по его истории и отдельных статьях эта проблема поднималась многими учеными-дагестановедами. В одних работах она решается довольно подробно, в других – менее, перечисляя лишь наличие различных классов. Этим и объясняется обращение для подробного, всестороннего на основе использования всех доступных источников и литературы изучения класса феодалов и феодального землевладения в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в., так как в тот период истории Дагестана еще не произошли коренные изменения в его социально-экономическом и политическом развитии, которые были характерны для последующего периода, когда завершился процесс окончательного присоединения его к Российской империи. Именно для исследования выбранного хронологического периода был характерен в наиболее развитой форме феодализм в Дагестане, основными классами которого были класс феодалов и класс крестьянства. Эти вопросы в последние годы находятся в центре внимания наших исследований. По классу крестьянства нами изданы две монографии в 1997 и 1999 годах, одна из которых посвящена свободному узденству как наиболее многочисленной категории дагестанского крестьянства, а вторая – крестьянству Дагестана в целом. Целью же данного монографического исследования является изучение класса феодалов, всех его сословных групп и феодального землевладения как одной из форм частного земле-

владения – основного показателя положения человека в обществе.

Класс феодалов, конечно же, имел место и в предыдущие эпохи, начиная с возникновения раннефеодальных государственных структур. Но каждая эпоха, каждый исторический период имели свои особенности, связанные с уровнем и степенью социально-экономического развития общества. Поэтому имели свои особенности и их классы, проявлявшиеся в их социально-правовом и экономическом положении и прежде всего в наличии политической власти, земельной собственности как основы их жизнедеятельности. Не различать, не видеть всего этого невозможно, и наша задача – остановиться в данном исследовании главным образом на том, что было характерно для изучаемого хронологического периода, являвшегося следствием развития общества в предыдущие века и впитавшего в себя как основные институты, имевшие место ранее, так и институты новой эпохи, появившиеся как результат, последствия дальнейшего социально-экономического развития общества. Поэтому, останавливаясь на обзоре работ, в которых в той или иной мере поднимаются вопросы изучаемой проблемы, считаем необходимым кратко указать и на те из них, которые написаны немногим ранее изучаемого периода. Это позволит проследить как наличие в предыдущие периоды класса феодалов, его сословных групп и феодального землевладения, так и те изменения, которые произошли в социально-экономическом и политическом положении различных групп, различных представителей этого класса в исследуемое время.

А изменения действительно происходили в различных направлениях. Они проявлялись в увеличении или уменьшении тех или иных групп класса феодалов, увеличении или уменьшении их роли в обществе, в увеличении земельной собственности у одной группы и уменьшении – у другой части, что, естественно, и приводило к изменению положения в обществе, потере того значения, которое они имели ранее, или увеличению их роли и значения в новых социально-экономических условиях, особенно той части феодалов, кото-

рая поступала на службу местной царской администрации или находилась на военной службе, что давало возможность иметь побочные, новые доходы и покупать новые земельные массивы, в итоге способствовавшие еще большему возвышению их не только над другими слоями населения, но и выделению среди представителей своего же класса, своей же сословной группы.

В общем, краткая историография проблемы предшествующего наиболее близкого к исследуемому времени периода полезна и необходима в сравнительном плане и для показа преемственности классов и тех сословных групп, которые были характерны для изучаемого хронологического периода.

Что же касается историографии проблемы изучаемого хронологического периода, то ее можно разделить на три части – дооктябрьского, советского и постсоветского периодов, на что и будет обращено внимание в первой главе данной работы. Выделение же в качестве отдельной, специальной и самостоятельной главы по историографии и источникам вызвано тем, что исследуемая в монографии проблема, посвященная классу феодалов, его сословным группам и формам феодального землевладения, как указывалось и выше, поднимается во многих трудах авторов всех отмеченных периодов, и не останавливаться на всех этих трудах, упустить какие-то работы было бы несправедливо. Анализ же всех работ, имеющих отношение к исследуемой проблеме, с указанием конкретного вклада каждого автора в ее изучение, какие вопросы исследуемой нами темы поднимаются в их работах, занимает в монографии довольно большое место. Поэтому такую солидную часть исследования посчитали возможным и целесообразным выделить в качестве отдельного, самостоятельного раздела, чтобы читатель имел возможность представить полную картину, какая литература и какие источники существуют по изучаемой в монографии проблеме.

Это тем более необходимо потому, что широкому читателю недоступна существующая литература по исследуемой проблеме, в особенности исторические работы, изданные в дооктябрьский период. А отдельные, если не сказать, многие

значимые работы даже для исследователей в современных условиях становятся недоступными в виду их давности (отсюда и их ветхости) издания, малого тиража и отсутствия в местных научных и республиканских библиотеках и сосредоточения их в столичных библиотеках – в Москве и Санкт-Петербурге, куда поехать для работы не каждый ученый может себе позволить ввиду отсутствия для этого своих средств.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА I

ИСТОРИОГРАФИЯ. ЛИТЕРАТУРА. ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ.

§ 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ.

а) ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

Из наиболее близких к исследуемому нами хронологическому периоду по времени написания работ, где поднимаются некоторые вопросы нашей проблемы, является «торговый дорожник» московского купца Федота Котова¹, который в начале 20-х гг. XVII в. по царскому указу ездил в Персию и описал ряд прикаспийских земель и городов. Среди них и Кайтаг, о котором он писал: «А между Тарками и Дербентом живут лезгины, у них свой князь, которого называют усминским». Далее в его работе отмечается, что «у них (у кайтагов. – Б.А.) есть каменная крепость (речь идет о Калакорейше. – Б.А.), а сами они живут далеко в горах, никому не подчиняясь». Речь здесь, конечно, идет не о населении всего Кайтагского уцмийства, а только о жителях Верхнего Кайтага, где находились союзы Муйра Гапи и Ганк, и в этом сообщении нам важны взаимоотношения их с уцмием, от которого они находились только в номинальной зависимости, имея свое самостоятельное внутреннее управление.

Из других сообщений Ф.Котова интерес представляет вопрос о наличии в Кайтаге, кроме уцмий, и других «кайтагских

¹ Хождения купца Федота Котова в Персию / Под ред. А.А.Кузнецова. М., 1958.

князей», имеющих своих людей. Речь здесь может идти только о беках, имевших, как и уцмий, своих дружинников.

В «Проскинтарии»¹ Арсения Суханова, выходца из мелкопоместных дворян Тульской губернии, несколько раз побывавшего на Востоке, который, возвращаясь из поездки в Иерусалим, побывал и в Дагестане, – путь его лежал через Дербент – Буйнак – Тарки и в последнем оставался до 12 января 1653 г., интерес для нашей проблемы представляют различные его наблюдения о Тарковском шамхальстве, в частности о служилых людях – везире, служилых узденях, «ратных людях Шевкаловых», ногайских улусах.

Отдельные интересующие нас вопросы проблемы имеются и в ряде работ иностранных авторов. Так, в своем «Описании»² А.Олеарий – немецкий ученый-математик, астроном и географ, советник голштинского посольства Круза и Бругельмана 1636 г., который, также возвращаясь из Персии, побывал в Дербенте и Тарках, писал о мурзах, как родственниках феодальных правителей, о принадлежности дербентскому Шахеверди-султану Мюскюра, названного наместником, о Султан-Махмуде (Султан-Муте) Эндиреевском, названном дагестанским шамхалом, живущим на «Койсу», об уцмии, как «татарском князе Осмин». Интересны сообщения А.Олеария, что в Дагестане «имеются различные князья; почти в каждом городе имеется особый, а главный из них шевхал», церемонии его избрания; о владении уцмия; буйнакском владетеле, который имел «очень много» овец; о правителе Тарки Сурхай-хане, названном «главным князем этого города и области»; о Султан-Махмуде, имевшем резиденцию в «местечке Андре» и т.д.

О том, что видел, и свое понимание виденного описал в своей работе «Три путешествия» голландский путешественник и ремесленник Я.Стрейс³.

¹ Суханов А. Проскинтарий Арсения Суханова // Православный Палестинский сборник. СПб., 1889. Т.VII. Вып.3.

² Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

³ Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935.

Писал он о князьях (феодалных правителях), в частности о князе уцмии, о богатых родственниках – окружении князей и т.д.

Большой интерес для изучаемой нами проблемы, по различным вопросам, поднятым по нашей теме, представляет труд турецкого ученого-путешественника Э.Челеби, который дважды (в 1641-1642 и 1666-1667 гг.) побывал как в других местах, так и на Северном Кавказе и оставил описание своего путешествия, где поднимается масса вопросов, касающихся класса феодалов и управляемой ими территории.

Во втором выпуске своей «Книги путешествия»¹ Э.Челеби останавливается на весьма интересных вопросах, касающихся феодальных правителей. Шамхалом назвал он не только правителя Тарки, но и Султан-Мута Эндиреевского («дагестанский падишах», «шамхал Дагестана»), имевшего 10 тыс. воинов. Хорошо показана роль духовенства (шейх-уль-ислам, муфтий, кадий, накыбы), служилых административных лиц (везир, кадиаскер и др.). Э.Челеби писал о наличии в Дагестане семи ханств и сорока семи округов, управляемых кадиями, сорока одного города, пятидесяти шести крепостей. Интересно дан вопрос о значимости того или иного хана, наличия множества биев, которым принадлежала власть.

Писал Э.Челеби также о Хайдаке, его правителе, различных должностных и служилых лицах (воины, джигиты-азнауры, кадий, муфтий), о его составе (7 округов). Хотя и не так много, как о Кумыкской плоскости, писал Э.Челеби о Цудахаре, Карабудахкенте, Пирбае (?), где правил сын карабудахкентского хана.

Отдельные вопросы нашей проблемы затронул Э.Челеби и в третьей книге своего «Путешествия»². Здесь говорится о Дербенте, Табасаране, стране авар, их столице, где находились хан, кадий, калантари, мунши, дарги и около тысячи нукеров. Интерес представляет описание области «Хатан» (?) – одной из областей Дагестана, где было 300 сел, области сел. Цахур, где

¹ Челеби Э. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. Вып.2.

² Челеби Э. Книга путешествия. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М., 1983. Вып.3.

было 150 сел и правил Эмир Юсуф-бей – «один из вождей племени» под властью правителя Дагестана.

Конечно, все перечисленное нельзя не учитывать при характеристике дагестанских феодальных владений, их правителей в исследуемый период.

Голландский путешественник и художник Корнелий де Брейн, совершив поход на Восток, в начале XVIII в. на обратном пути два раза побывал на Восточном Кавказе. Он издал богато иллюстрированное описание своего путешествия, в котором останавливается и на ряде вопросов нашей проблемы.

При описании Прикаспийского региона он писал, что жители его «управляются собственными своими князьями; ... главный город у них Тарки, затем Андрей», что в этом крае «находится 4 князя, из которых главный князь самгалов (шамхал. – Б.А.), второй – крым-самгалов, третий – бег и четвертый Карабудуг-бек»¹.

Краткая историография XVII – начала XVIII в. – не самоцель, а на нем мы остановились для показа преемственности социально-экономического положения Дагестана исследуемого периода с предыдущим, что класс феодалов имелся и ранее, имелись и разные сословные группы и служилая знать.

Что же касается историографии класса феодалов изучаемого времени, то необходимо отметить, что в работах XVIII–XIX вв. она более дифференцирована, более конкретна по имевшим место сословным группам и притом не только в целом по Дагестану, но и по различным феодальным владениям.

Наиболее ранней работой, где мы находим вопросы изучаемой проблемы, является «Журнал путешествия через Дагестан»² участника посольства в Персию А.П.Волынского – дворянина А.И.Лопухина, который оставил нам много вопросов, касающихся как феодальных владетелей (уцмий Кайтага, шамхал Тарковский, султан Дербента, владетели Буйнака, Ута-

¹ См.: Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. / Состав., введ., вступит. статья к текстам и примеч. проф. В.Г.Гаджиева. Махачкала, 1992.

² Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. / Под ред. М.О.Косвена и Х.-М.Хашаева. М., 1958. (Далее: ИГЭД).

мышского султанства, княжеств Засулакской Кумыкии, казанщенинского «шевкала» и т.д.), так и окружения феодальных правителей – их братья, дяди, мурзы, служилые люди (везир, назир, талмач, писарь, меомендарь).

Для нашего исследования наибольший интерес по XVIII в. представляет сочинение И.-Г.Гербера, участника Каспийского похода Петра I в Прикаспие в 1722 г., который и после этого несколько лет оставался на Кавказе, результатом чего явилась его замечательная работа, впервые изданная в 1760 г.¹, а затем в 1958 г.² Значимость труда И.-Г.Гербера заключается в том, что эта многоплановая работа, в которой автор останавливается на многих вопросах исследуемой проблемы и притом по всем феодальным владениям. Здесь освещены не только вопросы о феодальных владетелях, их власти, территории, столицах, земельной собственности, податях и повинностях населения, но и той политике, которую они проводили в отношении друг к другу, и отношениях с Россией, Ираном и Турцией, помогающие представить картину о каждом из них, определить место, занимаемое ими в системе политических структур Дагестана. Порой сам автор работы говорит об этом, что облегчает нашу задачу характеризовать каждого из них.

Отдельные вопросы темы затронул в своем труде Я.А.Маркович³, который, находясь на военной службе, с мая 1725 по 1728 г. в чине полковника был в Дагестане. В его дневнике, изданном в конце XIX в., говорится о феодальных владетелях, которых он называет князьями, положении шамхала и уцмий, как наиболее сильных правителей, их окружении, служилых узденях, воинских силах и т.д.

¹ Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и об их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служе. СПб., 1760. Июль-сентябрь. Т.17. № 7-8.

² Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958.

³ Маркович Я.А. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717-1767). Киев, 1893-1895. См. также: Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала, 1992.

Джон Белл, доктор медицины из Шотландии, находившийся на русской службе с 1714 г., был участником похода Петра I в Прикаспие. В третьем томе его работы о путешествии¹ также имеются вопросы о дагестанских владетелях – князьях, окружении их – вельможах, выборности шамхала, уцмия и прочих начальников.

Действительный член Русской Академии наук, немец по национальности, С.Г. Гмелин по поручению Академии наук исследовал прикаспийские области². Интерес для нас в работе С.Г. Гмелина представляет характеристика Фатали-хана, его доходы, которые складывались из податей и повинностей населения, сведения о его воинских силах, из кого они состояли и т.д.

И.А. Гильденштедт, ученый, натуралист, доктор медицины, также действительный член Русской Академии наук, побывал в Северном Дагестане и других местах Кавказа и составил книгу, изданную в 1787-1791 гг. в Петербурге на немецком языке³. На русском языке извлечения из его «Путешествия» были изданы в 1809 г.⁴ В работе автор останавливается на феодальных владетелях, говорит о зависимости от аварских правителей многих союзов сельских общин, шамхала называет главным «повелителем всех Кумыков и многих лезгинских округов», Табасаран считал подвластным Фатали-хану, даются имена ряда владетелей Дагестана.

Интерес для нашей темы представляет работа еще одного немца – доктора медицины Я.Рейнеггса, который путешествовал по Востоку, был в Тифлисе, служил в Астрахани и Петербурге. Составленное им историко-топографическое описание

¹ Белл Дж. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли; а именно: Испогань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Т. III.

² Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1785. Ч.3. Половина первая.

³ Güldenstädt J. Reise durch Russland und im Caucasischen Gebürge. St. Pbg., 1787. Bd., 1791. Bd. 2.

⁴ Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия Г-на Академика И.А.Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809.

Кавказа в 1786 г. было опубликовано на немецком языке¹. Описывая феодальные владения Дагестана, он привел имена ряда из них, в частности князей Засулакской Кумыкии, описал церемонию вступления нового шамхала на престол, что он был «вали Дагестана», писал о политике Магомед-шамхала, которому, по его словам, «большая часть кавказских народов его советам повинуются». Весьма интересно писал Я. Рейнеггс о Кайтаге, его частях, о других феодальных владениях и их правителях, их взаимоотношениях. Нельзя не отметить рассуждения автора о последствиях раздела князьями своих земель, что повлекло за собой разделение владений на «разные малые провинции».

Пожалуй, среди перечисленных работ и трудов, которые будут анализированы ниже, наиболее ценным для нашей проблемы является исследование С.М.Броневского², в котором автор поднял многие важные вопросы социально-экономического и политического положения дагестанских феодальных владений в конце XVIII – начале XIX в. Прежде всего отметим данные в работе формы правления дагестанских феодальных владений, их аналогии с владениями других кавказских народов, на что впервые обратил внимание М.А.Агларов, сделав при этом акцент на дефиницию «республика»³. Нас же больше интересует отнесение одних феодальных владений Дагестана к монархическому единоначальному правлению, среди которых в работе даны Тарковское шамхальство, Каракайтаг, Табасаран, Казикумухское ханство, других – к аристократическому или «правлению многих» (княжества Засулакской Кумыкии, Дженгутай), третьих – к демократическому федеративному разряду, каковым С.М.Броневский считал Аварское ханство⁴. В работе даны правящие княжеские фамилии Засулакской Кумыкии, говорится о принадлежности им чеченских и ногойских селений. Интерес в работе С.М.Броневского представляет и его понима-

¹ Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und Spb., 1796. См. также «Дагестан в известиях...»

² Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.

³ Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988.

⁴ Броневский С. Указ.соч. Ч.1. С.38-39.

ние, кто такие дворяне, духовенство, уздени, а также определение им места, занимаемого тем или иным дагестанским феодальным владельцем среди других кавказских правителей¹.

В 30-е годы XIX в. вышел ряд работ², имеющих отношение к исследуемой проблеме. Среди них отметим труд П.Зубова, третья часть которого посвящена Дагестану. Интерес для нашей темы представляют вопросы о феодальных владельцах, составе феодальных владений, подчинении многих союзов сельских общин феодальным владельцам. Говорит автор работы и об управлении, характеризуя управление в Тарковском шамхальстве и уцмийстве Кайтагским как «самовластное». Зависимость ряда союзов сельских общин (например, союзов федерации Акуша-Дарго) объясняет автор работы недостатком своих пастбищных мест и соли.

Из работ 40-х годов XIX в. отметим труды трех авторов: М.Б.Лобанова-Ростовского³, Н.Данилевского⁴ и А. Неверовского⁵. Наиболее значимой из них является статья М.Б.Лобанова-Ростовского, опубликованная в газете «Кавказ» и посвященная Засулакской Кумыкии. Прежде всего, отметим, что в работе большое место уделено роли выдающегося государственного деятеля, выделявшегося своей энергией, активной деятельно-

¹ Броневский С. Указ.соч. Ч.1. С.42, 45, 46.

² Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных ему земель; в историческом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1835. Ч.3; Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835; Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и подлинное по высочайшему соизволению. СПб., 1836. Ч. 1, IV.

³ Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков в 1843 году // Кавказ. 1846. № 37-38. Отдельное издание под тем же названием докт. ист. наук С.Ш.Гаджиевой. Махачкала, 2002.

⁴ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846.

⁵ Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847; Его же. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов в Закавказье. СПб., 1848.

стью, Султан-Мута, который, переселившись в Засулакскую Кумыкию в конце XVI в., образовал здесь Эндиреевское княжество. Большое место отведено в исследовании истории становления и статуса сословий феодального класса – князьям, биям, сала-узденям. Хорошо показаны сословные отношения в Засулакской Кумыкии, где при потомках Султан-Мута образовались три феодальные владения. Много места уделено дружинникам – сала-узденям второй группы, отличавшихся от сала-узденей первой группы, напоминавших дворянское сословие и имевших свою земельную собственность еще до переселения в Засулакскую Кумыкию Султан-Мута.

В работе Н.Данилевского «Кавказ и его горские жители» даны «народные сословия горцев», среди которых князья, духовенство, дворяне, уздени, крестьяне и невольники. Показаны сословные отношения, разъясняется, что представляла собой каждая сословная группа. Остановившись на феодальных владениях, Н.Данилевский говорит об управлении их, и при этом управление Тарковского шамхальства и Кайтагского уцмийства определял как самовластное с неограниченной властью владельца. Здесь же автор писал, что внутреннее управление большей части горских народов находится в руках князей и старшин, избираемых народом.

В работах А.Неверовского говорится о феодальных владельцах Казикумуха, Кайтага, Дауд-беке Мюшкурском, их взаимоотношениях. Достоинство майсума Табасарана определяется как наследственное, а казикумухского Сурхай-хана автор считал первым и сильным владельцем в Дагестане в особенности после получения в управление Ширвана. В то же время А.Неверовский писал о возвышении, выделении среди дагестанских владельцев аварского Ума-хана, который своей активной политикой и храбростью имел большое влияние на другие владения не только Дагестана, но и Закавказья, даже заставлял платить себе дань грузинского царя Ираклия II, ханов Дербентского и Кубинского, Бакинского, Ширванского, Шекинского, пашу Ахалцыхского. Интересно его заключительная оценка личности Ума-хана, что «ни одно владетельное лицо в Дагестане не достигло той степени могущества, как Омар-хан Аварский. И если Казикумыки гордятся своим Сурхай-ханом,

то Аварцы, всегда самое сильное племя в горах, еще более имеют право вспоминать с гордостью об Омар-хане, бывшем действительно грозой всего Закавказья»¹.

Из работ 50-х годов, в которых поднимаются вопросы нашей проблемы, отметим труд проф. Казанского университета И.Н.Березина². Не останавливаясь на его бесчисленных утверждениях, что горцы Дагестана являются дикарями, хищниками, варварами, тиранами, извергами, грабителями, злобными, ленивыми, отметим то, что он писал о нескольких феодальных владениях Дагестана и их правителях. Это, прежде всего, Тарковское шамхальство. Здесь им дано описание дома шамхала, где находился четырехугольный камень, на котором «он один и рядил своих подчиненных», а также короновали вновь избранного «владельца Тарху». Из других его мнений для нас интерес представляет перечень администрации Тарки, характеристика формы управления Кайтагского уцмийства и Табасаранского майсумства, о положении беков этих феодальных владений, о роли кубинского Фатали-хана в политической жизни Дагестана, возвышении ханства при нем.

В следующем, 1851 г., была издана работа Я.Костенецкого – участника военных действий в Аварии – под названием «Записки об аварской экспедиции на Кавказе»³, в которой для нас интерес представляет вопрос об управлении горцев Дагестана, о которых он писал, что они не имеют ни ханов, ни князей, а живут патриархальными обществами, управляемые старейшинами. Наиболее полно он дает Аварию, о которой писал, что она была некогда самым сильнейшим в горах Лезгистана обществом – ханством, почти единственной повелительницей в этой части гор, от ханов которого трепетали все соседи. Описал автор «Записок» и ханский дворец в Хунзахе.

В конце 50-х г. в журнале «Военный сборник» были изданы две статьи военных деятелей – Окольничего «Перечень по-

¹ Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан...; Его же. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан.

² Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд., пополненное. Казань, 1850. Ч. I-II.

³ Костенецкий А. Записки об аварской экспедиции на Кавказе. 1837 г. СПб., 1851.

следних военных событий в Дагестане»¹ и А.-Д.Г. «Обзор последних событий в Дагестане»². Помимо военных событий, авторы указанных статей останавливаются и на описании Дагестана, его истории, основных событий, имевших место ранее, описании феодальных владений и союзов сельских общин. В связи с этим в их статьях поднимается вопрос о сословных группах класса феодалов, их управлении, доходах феодальных правителей. Интересна данная ими форма правления феодальных владетелей («ханы управляли своими подданными совершенно самодержавно, жалую своих приближенных титулом бека, а иногда продавая его за деньги богатым») и беков («Шамхальство управляется шамхалом, чрез посредство беков, чанков и старшин. Некоторые из беков имеют наследственное право над подчиненными им деревнями»)». ⁴

В конце 50-х г. XIX в. был издан и ряд статей А.Берже. Это прежде всего «При-Каспийский край»⁵, где в связи с описанием феодальных владений Дагестана затрагивается и управление, дается его характеристика с указанием формы правления. При описании Кайтагского уцмийства автор работы отмечает место, занимаемое уцмием среди других феодальных владетелей, говорит о подчиненности ему акушинцев.

Определенный интерес для нас представляют и другие работы А.Берже – «Краткий обзор горских племен на Кавказе» и «Материалы для описания Нагорного Дагестана»⁶, в которых поднимаются вопросы, изученные на основе архивных материалов. Это вопросы о населении, владениях и союзах сельских общин, краткие исторические сведения, помогающие воспроизвести прошлое и связать с тем, что было в XVIII-XIX вв. При

¹ Окольничий. Перечень последних военных событий в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1859. Т.V. № 1.

² А.-Д.Г. Обзор последних событий в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1859. Т.IX.

³ Там же. С.481.

⁴ Окольничий. Указ.соч. С.146.

⁵ Берже А. При-Каспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856.

⁶ Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 г. Тифлис, 1857; Его же. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 г. Тифлис, 1858.

этом во втором труде А.Берже писал об отсутствии сословий в Аварии. Дается также родословие аварских ханов.

Много работ, имеющих отношение к исследуемой нами проблеме, было издано в 60-е гг. XIX в. Секретарь по управлению горцами в штабе Терской области Т.Н.Макаров в газете «Кавказ» издал статью под названием «Кумыкский округ»¹. Практически эта статья является воспроизведением с небольшими дополнениями статьи М.Б.Лобанова-Ростовского «Кумыки, их нравы и законы», изданной в газете «Кавказ» в 1846 г. Поэтому не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что в статье даны сословные группы кумыков и княжеские фамилии, земельные отношения, а также подати и повинности зависимых крестьян Кумыкской плоскости.

В 1862 г. была издана интересная статья пристава Шамиля А.Руновского под названием «Взгляд на сословные права и взаимные отношения сословий в Дагестане»², в которой автор говорит о сословиях, имевших место в Дагестане, со слов Шамиля. Сословие беков охарактеризовано как дворянство, в работе говорится о происхождении чанков, которые сами себя также называли дворянами, но этого не признавали чистокровные беки. Интересно, что А.Руновский писал о появлении аристократов в Дагестане только после его исламизации, что первые правители избирались из среды самих свободных граждан, и эти правители не пользовались наследственной властью³. Еще одно утверждение А.Руновского, представляющее интерес, – подати были введены образовавшейся аристократией, «Вернее сказать, тиранство дагестанских владетелей превышало все, что только можно представить себе воображение самое неудержимое»⁴.

В 1866 г. К.Никитин издал в газете «Кавказ» статью «Очерк Елисуйского ущелья»⁵, в которой для нас интерес представляет

вопрос о возникновении Илисуйского султанства. Это одно из существующих мнений по этому вопросу.

В газете «Кавказ» за 1867 г. была издана большая статья П.Петухова «Очерк Кайтаго-Табасаранского округа»¹, в которой автор останавливался на многих вопросах и по нашей проблеме. Это обстоятельный очерк, где даются не только общие сведения о местном населении, хозяйстве, но и конкретные вопросы нашей проблемы – о сословных группах двух народов – кайтагов и табасаранцев, их земельных отношениях, имевших место податях и повинностях. По оценке С.Ш.Гаджиевой, труд П.Петухова является первым обстоятельным очерком «о южных кумыках, их занятиях, общественных отношениях, материальной культуре и т.д.»²

Но следует отметить, что при всей значимости работы П.Петухова, нельзя согласиться с его мнением, что в прошлом «отношения между беками и раиатами были вообще патриархальные; с появлением русских, а с ними и понятий об отношениях крестьян к помещикам, отношения эти отчасти изменились не в пользу раиатов, и те обычаи, которые вытекали из человеколюбия, беки старались обратить в обязательный обычай»³.

В 60-е гг. XIX в. в «Сборнике сведений о кавказских горцах» было опубликовано несколько статей, имеющих прямое отношение к изучаемой нами проблеме. Это в первую очередь «Шамхалы Тарковские»⁴ – историческая справка, составленная Временной комиссией для определения личных и поземельных прав населения Темир-Хан-Шурина округа. В статье дана характеристика шамхала, как «Владетеля Буйнакского, Валя Дагестанского и Хана Дербентского», говорится о его происхождении, политической деятельности, выделении удела Султан-Муту, деятельности шамхала Адиль-Гирея, феодальных

¹ Макаров Т. Кумыкский округ // Кавказ. 1860. № 77-78.

² Руновский А. Взгляд на сословные права и взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. 1862. № 8.

³ Там же. С.374.

⁴ Там же. С.383.

⁵ Никитин К. Очерк Елисуйского ущелья // Кавказ. 8 сент. 1866. № 70.

¹ П-в [Петухов]. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. 1867. № 7, 8, 12, 13, 15, 17.

² Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С.10.

³ Петухов П. Указ.соч. // Кавказ. 1867. № 12.

⁴ Шамхалы Тарковские // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. (Далее: ССКГ).

раздорах внутри шамхальства во второй половине XVIII в., составе шамхальства в разные периоды. В конце статьи приложена родословная шамхальского рода.

Следующая статья «Казикумухские и Кюринские ханы»¹, автором которой был А.Комаров, была опубликована во втором выпуске сборника в 1869 г. Начинается статья с описания «страны лаков». Здесь же говорится о шамхалах, правивших в Казикумухе до середины XVII в., халклавчи и приходе к власти Сурхай-хана (Чолака), показано его активное участие в восстании 1707-1721 гг. против Персии, а затем в борьбе народов Дагестана против Надир-шаха. В статье дана характеристика и других деятелей Дагестана, как например, уцмья Ахмед-хана, названного здесь сильнейшим в то время владельцем Дагестана, располагавшим самыми большими средствами. Здесь же показана деятельность наследников Сурхай-хана (Чолака) – Магомед-хана, Сурхай-хана II (Кумбута), Аслан-хана, говорится о территориальном расширении ханства Казикумухского за счет присоединения земель Южного Дагестана. Статья также завершается родословной казикумухских ханов.

Третья статья, изданная также в 1869 г. в указанном сборнике, посвящена мехтулинским ханам². Интерес здесь представляет, как образовалось Мехтулинское ханство, его первоначальный состав и расширение территории с увеличением и усилением власти хана, который со временем становится таким же феодальным владельцем, как и другие дагестанские ханы. В статье даны и налоги и повинности, которыми были обложены зависимые крестьяне как до, так и после присоединения ханства к России. И в этой статье в конце дана родословная мехтулинского ханского дома.

В том же году, в том же выпуске сборника была опубликована статья П.Гаврилова по поземельному быту кавказских горцев³. Для нашей темы интерес представляет описание Ку-

¹ Комаров А.В. Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869.

² Мехтулинские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.

³ Гаврилов П. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.

мыкского округа, где автор останавливается на сословных отношениях с указанием на сословные группы класса феодалов: князья, чанки, сала-уздени. В статье говорится также о землепользовании, феодальной земельной собственности и связанных с ней податях и повинностях зависимых крестьян в виде барщины (булка) и натуральных повинностей, т.е. «брать ясак» за пользование феодальной землей в виде хлеба, денег и скота.

В 1869 г. была издана крупная работа (в 3-х частях) академика П.Г. Буткова¹, участника Персидского похода В.Н. Зубова 1796 г., долгие годы служившего на Кавказе и использовавшего большое количество источников, официальных документов, рукописей и т.д. Нас в его работе заинтересовало описание различных событий, в которых участвовали феодальные владельцы Дагестана, описание дагестанских владений, характеристика их правителей, как представителей высшего слоя класса феодалов, взаимоотношения их между собой (уцмья, Фатали-хана, аварского хана, тарковского шамхала и др.), что имеет важное значение для выявления роли в политической жизни Дагестана той или иной личности.

70-е гг. знаменательны изданием 6-томной работы академика Н.Ф. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе»². В течение долгого времени, будучи на военной службе, Н.Ф. Дубровин в 60-е гг. был прикомандирован к Главному штабу для написания военно-исторических работ. Много использовал различных источников и материалов и в результате написал труд компилятивного характера. В первом томе работы много места уделено разделам «Дагестанские горцы» и «Кумыки».

Для нашей темы интерес представляют вопросы об управлении, сословном делении населения, земельных отношениях, обязанностях зависимых сословий, описание дагестанских феодальных владений. Ханскую власть автор работы характеризовал как «совершенно неограниченную», а самих ханов –

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I-III.

² Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн. I.

как владельцев, которые все вопросы, кроме маловажных, решали по личному усмотрению. В работе дана и история заселения Засулакской Кумыкии, характеристика сословий класса феодалов, их землевладения, в связи с чем интерес представляет отмеченное автором обилие земли в Засулакской Кумыкии, что позволило Султан-Муту «раздавать некоторые участки своим кабардинским и кумыкским узденям», а большинство присвоить себе.

В 1873 г. была издана большая статья И.Линевича, посвященная Илисуйскому султанству¹. Главное, что важно для нас в этой статье, – это состав султанства, происхождение султанов, положение султана и беков, личная собственность султана, какие доходы он получал от кахских магалов и зависимых лично от него сел. Другой вопрос – беки, их происхождение, состав бекских селений, изменения в социально-правовом положении султана и беков после присоединения султанства к России, в особенности Даниель-бека, как наследственного правителя.

В отчете о поездке в Дагестан Д.Н.Анучина² для нашей проблемы интерес представляют вопросы, касающиеся расслоения среди узденства союзов сельских общин, когда появляется группа людей, обладающих сотнями и тысячами голов скота.

Выдающийся ученый-юрист, кавказовед М.М.Ковалевский останавливался на многих вопросах исследуемой проблемы в ряде работ, изданных в 80-е гг. XIX в. Прежде всего, отметим статью, посвященную поземельным и сословным отношениям у горцев Северного Кавказа³. В статье автор останавливается на княжеских родах Засулакской Кумыкии, на их привилегированном положении и «принадлежности им верховной собственности на землю», чанках, сала-узденях и их преимущественном положении, отношениях к князьям. Небезынтересно отметить мнение М.М.Ковалевского, что на возникновение сословной организации кумыков оказали влияние кабардинцы и

¹ Линевич И. Бывшее Илисуйское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.

² Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИРГО. СПб., 1884. Т. XX. Вып. 1.

³ Ковалевский М.М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. Кн. XII.

что сословные отношения у горцев Северного Кавказа вообще сложились по образцу кабардинцев¹.

Более подробно вопросы сословного деления класса феодалов наряду с другим важным вопросом – феодальным землевладением – подняты М.М.Ковалевским в его капитальном труде «Закон и обычай на Кавказе»². Здесь он уже более шире подошел к вопросу сословной организации у кумыков, отмечая, что «сословная организация горцев... всецело должна быть отнесена на счет одновременного воздействия на их быт грузинского феодализма, возникшего на северной плоскости, благодаря завоеванию ее пришлым племенем не менее феодальной по своему характеру организации кабардинцев»³. В то же время, как и некоторые другие ученые, он писал, что образование сословий в Дагестане связано с арабским владычеством⁴.

Останавливаясь на характеристике феодальных владетелей, М.М.Ковалевский писал о генеалогии шамхалов, допустив при этом противоречие – в одном месте он писал, что генеалогия их, как и других феодальных владетелей (уцмий Кайтага, казикумухский и мехтулинский ханы, султан Илисуйский), «восходит лишь до XVI столетия», в другом – что они были поставлены арабами⁵. Писал он также о слабом развитии у горцев частной собственности, сосредоточении частной собственности в руках отдельных пар или индивидуальных семей⁶.

Интерес представляет вопрос об избрании феодальных владетелей – шамхала, халклавчи, уцмия и т.д., сходстве сословных групп класса феодалов в дагестанских владениях, институте «назру» и т.д.

В статье А.Лилова⁷, изданной в 1892 г., для нас интерес представляют вопросы о сословиях дагестанских горцев, феодальной

¹ Ковалевский М.М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. Кн. XII. С. 147, 149.

² Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1-2.

³ Там же. Т. I. С. 78.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Там же. С. 46, 221.

⁶ Там же. С. 63, 207.

⁷ Лилов А. Очерки быта кавказских горцев // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. XIV.

земельной собственности, обязанностях узденей, связанных с пользованием ею, принадлежности кумыкским князьям и узденям кулов.

Большой интерес представляют мемуары генерала М. Ольшевского, изданные в ряде номеров журнала «Русская старина» за 1892-1894 гг. и переизданные отдельной книгой в 2003 г. под названием «Кавказ с 1841 по 1866 год. Записки»¹. В работе сделаны интересные наблюдения о жизни различных народов Северного Кавказа, среди которых имеются и дагестанцы. В историческом экскурсе автор останавливается на различных периодах, связанных с деятельностью Султан-Мута, Петра I, здесь же описание Кумыкии, княжеского управления, княжеских родов, образовавшихся от кабардинцев, и их местожительства, феодального класса и поземельной зависимости от него крестьян, пользовавшихся его землей. Шамхалов Тарковских автор называет «Валями Дагестана», т.е. «владыками гор», при этом отмечается особое положение шамхалов у русских властей. Власть тарковского шамхала, как и предшественники, М.Ольшевский характеризовал как деспотическую, отмечал наличие в шамхальстве беков, узденей и рабов. При этом беки названы высшим классом шамхальского дворянства.

В работе Е.Г. Вейденбаума «Материалы для историко-географического словаря Кавказа» для нашей темы интересен вопрос о карачи-беках, их расселении, возникновении названия, их прошлом социально-правовом положении в обществе².

В 1895 г. была издана книга Н.Семенова, посвященная народам Северо-Восточного Кавказа³. Работа интересна тем, что в ней много вопросов по нашей проблеме, касающихся обитателей Кумыкской плоскости, сословных групп, среди которых бии или князья, чанки, сала-уздени, их положение в феодальной иерархической лестнице, кварталах и их заселенности разными этническими группами. Автор работы дает названия

княжеских родов, проживавших в трех основных селах Засулакской Кумыкии и названных дворянскими (в Эндирее – в квартале «Бараган-аул»), где проживало много дворянских (узденских) фамилий, как например, Тутушевы, Карабудаговы и др., которые считали себя выходцами из Брагуны; дворянскими родами в Аксае были Кандауровы, Паштовы, Баммат-аджиевы и Тавлиевы, которые считали себя выходцами из Гумбета. Интересно мнение Н.Семенова, что некогда в Засулакской Кумыкии было много народов, и здесь проживали кумыки, от которых под воздействием «странствующих народов» остались только жалкие остатки, растворившиеся с пришельцами и забывшие свое происхождение, между тем как язык и нравы их сделались полным достоянием пришельцев¹. Останавливаясь на ногайцах, Н.Семенов писал об отсутствии у них разделения на сословия и что все фамилии были независимы друг от друга².

В 1895 г. издал свою статью под названием «Землевладение в Терской области» и А.Белобородов³, где перечисляются существовавшие в области, в том числе на Кумыкской плоскости, формы землевладения, их категории. Интересно наблюдение автора, что дробление земельной собственности феодалов, находящейся в пользовании крестьян, приводило к тому, что эти клочки земли не могли удовлетворить потребностей земельных собственников.

В другой статье А.Белобородова «Прошлое кумыков», изданной в 1896 г.⁴, хорошо дано историческое прошлое Кумыкской плоскости, как она была заселена Султан-Мутотом, какая именно территория ему досталась, показан этнический состав населения его владения, как произошло разделение единого Эндиреевского владения на три княжества, как происходила колонизация Кумыкской плоскости, как происходило наделение землей дружинников, дана характеристика сала-узденей как независимых дворян, кто такие чанки, подати и повинно-

¹ Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год // Русская старина. Отдельный оттиск 1893, 1894 и отдельное издание. СПб., 2003.

² Вейденбаум Е.Г. Материалы для историко-этнографического словаря Кавказа // СМОМПК. Тифлис, 1894. Вып. I.

³ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

¹ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С.246.

² Там же. С.385-386.

³ Белобородов А. Землевладение в Терской области // Терские ведомости. 1895. № 107, 108, 109.

⁴ Белобородов А. Прошлое кумыков // Терские ведомости. 1896. № 145, 146.

сти, которыми были обложены крестьяне за пользование феодальной землей.

Перечень вопросов, на которых остановился в указанных статьях А.Белобородов, показывает, что в какой-то мере они носят компилятивный характер. Эти вопросы поднимались и другими авторами, начиная с М.Б. Лобанова-Ростовского, Д.-М. Сихалиева, Хамзина (о работах последних будет сказано ниже при анализе трудов местных авторов), Т.Макарова и др. Тем не менее, нельзя не указать на наличие указанных статей.

В статье «Землевладение в Дагестане», изданной в 1898 г. в «Терских ведомостях»¹, интерес для нас представляет вопрос о земельной собственности сословных групп класса феодалов, указание на то, что свободные горские уздени «могли быть только арендаторами ханских и бекских земель»².

Несколько работ, имеющих отношение к изучаемой проблеме, было издано в первой четверти XX в., и среди них в первую очередь отметим статью профессора церковного права Московского университета, а с 1911 г. директора Лазаревского института восточных языков П.В. Гидулянова, изданную в 1901 г. в трех номерах «Этнографического сборника». Хотя статья, названная «Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане»³, носит компилятивный характер, но в ней подробно даны сословные группы класса феодалов и земельная собственность господствующего класса. И не без основания С.Ш.Гаджиева писала, что эта работа относится «к числу интереснейших и содержательных работ по истории Дагестана»⁴. Само название статьи показывает, что автор останавливается в ней на двух вопросах – сословно-поземельном и зависимости раят от феодалов, что было следствием феодальной земельной собственности.

Большое значение для нашей темы имеют работы Н.П. Тульчинского – землемера Межевского управления, а затем

управляющего Терской областной чертежной, издавшего ряд статей по сословному и земельному вопросу в Терской области. Среди них, как наиболее крупную и обобщающую, отметим статью под названием «Поземельная собственность и общественное землевладение на Кумыкской плоскости»¹, охарактеризованную С.Ш.Гаджиевой как серьезное для своего времени исследование². В работе много вопросов по нашей проблеме – о сословных группах класса феодалов, их земельной собственности и пользовании ею, за что «народ» (уздени разных категорий) нес барщину (булка) и натуральные подати различными продуктами земледелия и животноводства. К этому же вопросу относится и распределение среди крестьян земли, что было связано с количеством выходящих в поле плугов, «полагая, – как писал Н.П. Тульчинский, – на каждые четыре пары волов и один плуг на три двора»³. Для нас интересно и другое утверждение автора статьи: «При введении ясака владельцы *бийлика* (княжеская часть земли. – Б.А.) не брали, а все удобные для пахоты и покоса земли отдавали народу, оставляя себе львиную долю пастбища для своих табунов, стад и баранты»⁴. Писал Н.П. Тульчинский и о самовольном захвате князьями массы общественных земель⁵, по которому им приведены конкретные примеры по исследуемому периоду. Разъясняется в работе и что такое «назру», «ясак», «булка». Даны также интересные примеры, как на Кумыкской плоскости получали огромные земельные массивы российские чиновники различного уровня, которые также конкретно относятся к исследуемому периоду.

Работа Н.П. Тульчинского – это не только труд историографического характера, но и ценный источник, содержащий конкретные материалы по изучаемым нами вопросам проблемы.

В 1905 г. Н.Д. Гаيبов издал важную для нас и интересную по содержанию – разбираемых в ней вопросов – работу под на-

¹ Землевладение в Дагестане // Терские ведомости. 1898. № 90.

² Там же.

³ Гидулянов П.Г. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. 1900. № 1-3.

⁴ Гаджиева С.Ш. Кумыки... С.12.

¹ Тульчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное землевладение на Кумыкской плоскости. (Краткий исторический очерк, составленный по официальным источникам). Владикавказ, 1903.

² Гаджиева С.Ш. Указ.соч. С.12.

³ Тульчинский Н.П. Указ.соч. С.7.

⁴ Там же. С.8.

⁵ Там же. С.10.

званием «О поземельном устройстве горских племен Терской области. Исторический очерк. (Составлен по официальным документам)»¹. Это большая работа, где отдельно дается раздел, посвященный Засулакской Кумыкии, названный «По кумыкскому (ныне Юртовскому) округу». Дана характеристика этой части Кумыкии, говорится о ее заселенности в прошлом ногайцами, а после распада Золотой Орды – разными племенами: чеченцами, дагестанцами, салатавцами, гуенами, тюменами и бураганями, обитавшими «по правой стороне р. Сулак», которые и «образовали впоследствии нынешний народ – Кумыкский»². Автор писал о наличии тогда на Кумыкской плоскости обширных и хороших земель, которые были захвачены князьями, о разделе их между крестьянами после выделения владельческой части (бийлик), барщине и натуральных повинностях в пользу феодалов, особом ясаке под названием «сильный ясак», заключавшемся в том, что князья взыскивали подать с жителей, проживавших в подвластных им селах и не занимавшихся хлебопашеством³. Для нашей темы интерес представляет материал о владельческих участках князей и сала-узденей в Засулакской Кумыкии, где указаны владения и названия участков, названных автором работ дачами. По его данным, раньше было 166 владельческих участков, а в его время их стало 206⁴. Автор работы говорит также о раздаче в Засулакской Кумыкии «государственных земель и крестьянских душ знатным лицам за военные и гражданские заслуги»⁵.

Из работ дореволюционных авторов, имеющих прямое отношение к исследуемой теме, следует указать на труды чиновника по особым поручениям при наместнике на Кавказе В.Линдена – «Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их

сословных прав»¹ и «Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края»². Работы по сюжетам идентичны, но первая из них конкретно посвящена классу феодалов, как высшему классу, его сословным группам, имевших место в дагестанском обществе, а во второй работе дается как классовая структура, так и земельные отношения в Дагестане. Оба вопроса конкретно касаются нашей темы. Анализируя работы В.Линдена, следует отметить, что они важны для нас именно ввиду поднятых в них вопросов по классу феодалов и феодальному землевладению и землепользованию. Причем интерес представляют и вопросы по Закатальскому округу и «Горским обществам», где, по словам В.Линдена, не было базы для образования сословных делений, что он объяснял республиканским типом государственности у горцев.

Историография класса феодалов и феодального землевладения исследуемого периода представлена и рядом работ местных авторов. Среди них по хронологии написания первым стоит труд А.-К.Бакиханова «Гюлистан-и Ирам»³, написанный на персидском языке в 1841 г. и переведенный на русский язык в 1844 г. Хотя в работе разбирается в основном политическая история, тем не менее в ней подняты и вопросы о феодальной знати Дагестана – показана политическая деятельность феодальных владетелей, их взаимоотношения между собой и с Россией, роль в политической жизни Дагестана и положение среди других владетелей.

Большой интерес для нашей проблемы представляет работа этнографа и историка кумыков Д.-М.Шихалиева «Рассказ кумыка о кумыках», изданная в газете «Кавказ» за 1848 г.⁴ Он,

¹ Гаилов Н.Д. О поземельном устройстве горских племен Терской области. Исторический очерк. (Составлен на основании официальных документов). Тифлис, 1905.

² Там же. С.137-138.

³ Там же. С.144.

⁴ Там же. С.160-333.

⁵ Там же. С.140.

¹ Линден В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1915.

² Линден В. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // КК на 1917 г. Тифлис, 1916.

³ Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам / Ред., коммент., примеч. и указ. акад. АН Аз ССР З.М.Буниятова. Баку: Элм, 1991.

⁴ [Кумык] Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. 1848. № 39-44.

как никто другой автор до него, описал подробно класс феодалов кумыков и его сословные группы, показав происхождение князей и княжеских (феодалных) родов. Причем конкретно показаны права и обязанности каждой сословной группы класса феодалов: старших князей, биев, чанков, сала-узденей, служилой части сала-узденей (дружинников), поземельная зависимость от них различных категорий крестьянства и исходящие из этого различные формы феодальной земельной ренты. Д.-М.Шихалиев был первым автором, писавшим как русский кумыкский историк и этнограф, который ранее – до отставки – был офицером царской армии. Труд его в 1993 г. был издан отдельной книгой доктором исторических наук, профессором С.Ш.Гаджиевой¹.

В газете «Кавказ» в 1865 г. была издана статья князя Хамзаева «Кое-что о кумыках»², где автор останавливается и на сословном делении кумыков. По его мнению, кумыки разделялись на семь классов или сословий, среди которых перечислены также князья, чанки и первостепенные уздени (или салауздени). Дана характеристика всех сословных групп – их происхождение, социально-правовое и экономическое положение, место каждой из них в кумыкском обществе.

При изучении социально-правового и экономического положения общинной верхушки неопределимую помощь для нашего исследования оказала статья уроженца сел. Урахи Г.-М.Амирова, изданная в 1873 г. под названием «Среди горцев Северного Дагестана»³ еще, когда он учился в Ставропольской гимназии. Статья важна тем, что в ней показана не только повседневная жизнь свободных узденей-общинников, но и их социальное расслоение, когда одна часть из них сосредоточила в собственности много земли и скота, а другая – превращалась в малоземельных или безземельных. Хорошо показан процесс

найма богачами наемных работников, в особенности при сборе урожая.

Среди местных авторов конца XIX в. отметим и Г.-Э.Алкадари, написавшего ряд работ по историческому прошлому Дагестана. Остановимся на работе «Асари-Дагестан»¹, представляющей наибольший интерес для нас. Хотя, как и А.-К.Бакиханов, он не писал конкретно о сословных группах и феодальном землевладении, в его работе даны образы многих феодальных правителей, их взаимоотношения между собой и с правителями соперничавших за господство в Дагестане держав.

Из работ местных авторов начала XX в. нельзя не остановиться на большом труде С.И. Габиева, посвященном лакцам и изданном в 1906 г. в СМОМПК². В работе говорится о происхождении лакцев, дана их история с древнейших времен. Но главное, что важно для нашей темы, – это история лакцев, начиная с Сурхай-хана I (Чолака). Показана его внешняя политика по расширению владения, его активное участие в восстании против Персии в 1707-1721 гг., расширении его власти, когда он становится ханом, и последующих ханов, показана как возникла первая ханская земельная собственность, принадлежность последующим ханам всех горных пастбищ, за пользование которыми ханы получали огромные доходы, дается перечень зависимых от хана сел и т.д.

б) ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Советский период историографии изучаемой проблемы, практически начавшийся с 30-х гг. XX в., насыщен различными монографиями и отдельными статьями. Первым ученым, который останавливается на интересующей нас проблеме, был И.П.Петрушевский. В 1934 г. он издал в Ленинграде работу, посвященную Джаро-Белоканской конференции союзов сельских общин, которая в 1993 г. была переиздана В.Г. Гаджие-

¹ Д.-М.Шихалиев. Рассказ кумыка о кумыках / Составл., предисл. и коммент. доктора исторических наук С.Ш.Гаджиевой. Махачкала, 1991.

² Кн. Х-ъ. Кое-что о кумыках // Кавказ. 1865. № 68, 70.

³ Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (Из дневника гимназиста) // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.

¹ Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929; 1994.

² Габиев С. Лаки, их прошлое и быт // СМОМПК. Тифлис, 1906. Вып.36.

вым¹. В работе имеется глава, посвященная внутреннему строю Илисуйского султанства, в которой дается характеристика илисуйского султана, говорится о его выборности, происхождении сословия беков, имевших в султанстве три типа, о земельной собственности султана и беков, как крупных кешкелевладельцев и тех формах земельной ренты, которая взималась с зависимых крестьян. В работе дана и характеристика знатных кевхов Джара, которых И.П. Петрушевский называл относительно крупными землевладельцами, имевшими в собственности несколько десятков кешкелей. Отмечается также отсутствие в султанстве и у джарцев крупного помещичьего хозяйства, а также барщины, ни султан, ни беки не вели своего отдельного хозяйства в крупных размерах.

В 1938 г. была издана большая статья проф. С.В.Юшкова, посвященная особенностям феодализма в Дагестане². Пожалуй, давая оценку труду С.В.Юшкова, следует отметить, что это весьма значимая первая работа, в которой подняты почти все вопросы изучаемой нами проблемы. В статье автор характеризует все сословные группы класса феодалов, останавливается на их социально-правовом и экономическом положении. Изучая феодальные владения Дагестана, автор статьи говорит о принадлежности лучших и больших земель феодальным владельцам, различных формах ренты, среди которых «отработочная рента все более и более вытесняла другие формы ренты», но главной формой оставалась натуральная, конкретно о доходах каждого феодального владельца.

Все сказанное по приведенным вопросам верно. Но, соглашаясь со всем этим, вместе с тем следует сказать, что в статье С.В.Юшкова имеются и неверные утверждения, о которых более подробно будет сказано при изучении конкретных вопросов проблемы. Здесь же отметим неверные утверждения его, когда,

¹ Петрушевский И.П. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический сборник. Л., 1934; Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. / Ред., вступит. статья, коммент. и примеч. проф. В.Г.Гаджиева. Махачкала, 1993.

² Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута. Свердловск, 1938. Вып. 1. (Исторический).

говоря о сословно-классовом делении феодального Дагестана, он писал: «Между классом феодалов и феодально-зависимого крестьянства не было той резкой черты, которая так бросалась в глаза в Западной Европе и затем в России». На основе этого он делал вывод, что феодализм в Дагестане даже в тех частях, в которых процесс феодализации достиг наибольшего развития, он относится к феодализму раннего типа¹.

В довоенный период была издана и статья А.Иванова, посвященная социально-экономическому и политическому положению Дагестана до присоединения к России². В ней также подняты вопросы по сословным группам класса феодалов, их социально-правовому и экономическому положению.

Историография проблемы послевоенных лет начинается с кандидатской диссертации М.В. Саидовой, посвященной переходу народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным³. Практически в ней охвачены и феодальные владения, и союзы сельских общин. Поэтому, естественно, что в работе говорится о классах и сословных группах феодальных владений и феодальной фактически и феодализирующейся знати союзов сельских общин. В связи с последним вопросом весьма интересны сюжет и материал о представителях богатой части рутульского общества, названной автором кетхудами.

Определенный интерес для нашего исследования представляет монография И.П.Петрушевского по истории феодализма в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в.⁴ К нашей теме имеют отношение вопросы, связанные с цахурскими султанами, которых номинально назначали персидские шахи и турецкие султаны.

Наибольшее количество работ, имеющих непосредственное отношение к исследуемой нами проблеме, было издано в 50-60-е

¹ Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута. Свердловск, 1938. Вып. 1. (Исторический). С.85.

² Иванов А. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал. 1940. № 2.

³ Саидова М.В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дис... канд.ист.наук. М., 1947.

⁴ Петрушевский И.П. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в. Л., 1949.

гг. XX в. В 1954 г. состоялась научная сессия, посвященная социально-экономическому строю Дагестана, где было сделано много докладов ведущими учеными научных учреждений и учебных заведений. Были изданы материалы сессии, среди которых особо следует отметить материалы к сессии Х.-М.Хашаева под названием «Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке»¹. Автор материалов прежде всего останавливается на формах земельной собственности плоскостной части Дагестана, где дана земельная собственность князей Засулакской Кумыкии, феодальная земельная собственность тарковского шамхала, мехтулинского хана и кайтагского уцмий, а затем феодальных правителей, беков и чанков феодальных владений Горного Дагестана – Аварского и Казикумухского ханств. Приведен в работе и материал о собственности богатой феодализирующейся части союзов сельских общин.

В 1957 г. была издана весьма крупная монография Р.М. Магомедова, также посвященная общественно-экономическому и политическому строю Дагестана², в которой широко, на богатой источниковой базе – архивных и литературных источниках, адатах народов Дагестана и историко-этнографического материале изучены союзы сельских общин аварцев и даргинцев и, главное, что важно для нашей проблемы, феодальные владения Аварии, Кумыкии и общественный строй лаков. Р.М. Магомедов дал подробную характеристику класса феодалов, его сословных групп, описал феодальную земельную собственность и связанные с ней формы феодальной земельной ренты.

В 1957 г. была издана статья Р.Г. Маршаева, посвященная социально-экономическому развитию Ахтыпаринского «вольного» общества³, в которой интерес для нас представляет показанная здесь автором дифференциация, фактическое расслоение свободного узденства, выделение в его среде богатых, от-

¹ Хашаев Х.-М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке. (Материалы к сессии). Махачкала, 1954.

² Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957.

³ Маршаев Р.Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII – нач. XIX вв. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1957. Т. III.

личавшихся от основной массы своим экономическим и правовым положением.

Большой интерес для нашей проблемы представляет изданная в 1960 г. статья Г.Г. Османова, посвященная социальному строю Дагестана в конце XVIII – начале XIX в.¹ Весьма хорошо, на конкретном материале автор статьи изучил класс феодалов в целом и все его сословные группы, показав их экономическое и социально-правовое положение. Интерес представляет и выделение высшего духовенства как одной из групп класса феодалов. При характеристике различных сословных групп класса феодалов автор говорит об их земельной собственности и формах феодальной земельной ренты.

В 1961 г. Х.-М.О.Хашаев издал большую монографию, посвященную общественному строю Дагестана в XIX веке². Эта работа фактически является продолжением, расширенным вариантом его работы 1954 г., проанализированной выше. В то же время это новая крупная монография, дополненная новым архивным материалом и с новыми вопросами. Автор работы рассматривает класс феодалов всех феодальных владений Дагестана, дает все сословные группы, на интересном и большом фактическом материале показывает все категории феодальной земельной собственности, а также феодальную земельную ренту. Приведен также интересный материал по духовенству и экономическому положению феодализирующейся знати горских обществ Дагестана, многие представители которой имели в своей собственности десятки голов крупного рогатого скота и тысячи овец.

В 1961 г. С.Ш.Гаджиева издала статью о сословных отношениях у кумыков³, в которой говорится обо всех сословных группах класса феодалов, феодальной земельной собственности, формах феодальной земельной ренты, которым автор уделил особое место.

¹ Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX в. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1960. Т. VII.

² Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.

³ Гаджиева С.Ш. О сословных отношениях кумыков в первой половине XIX века // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX.

В том же 1961 г. в Москве была издана крупная монография С.Ш. Гаджиевой, посвященная историко-этнографическому исследованию кумыков¹. В монографии имеется глава, посвященная социально-экономическим отношениям и политическому строю кумыков в первой половине XIX в., где, наряду с другими вопросами этой проблемы, освещаются классовая структура, земельно-правовые отношения, подати и повинности, имевшие место в феодальных владениях кумыков. В монографии дается характеристика всех сословных групп кумыков, их земельной собственности, а также форм феодальной земельной ренты, т.е. податей и повинностей различных категорий кумыкских крестьян, которые они обязаны были нести феодалам за пользование их земель.

Отметим еще одну работу, изданную в 1961 г. Это «История Дагестана...» Р.М. Магомедова², которая была переиздана в 1968 г. в более расширенных хронологических рамках, т.е. доведена до конца XIX в.³ В работе автор изучил дагестанские феодальные владения различных исторических периодов и при этом останавливался на характеристике феодальных правителей, сословных групп класса феодалов, их земельной собственности и зависимых отношениях эксплуатируемого населения – раятов и чагаров.

В 1964 г. Х.Х.Рамазанов и А.Р.Шихсаидов издали работу, посвященную Южному Дагестану⁴. Изучая социально-экономические отношения различных периодов, в том числе XVIII-XIX вв., они останавливаются и на различных вопросах,

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. В 2000 г. монография, дополненная и расширенная, была переиздана под названием «Кумыки. Историческое прошлое, культура, быт. Кн.1, в которой практически интересующие нас вопросы освещены так же, как и в издании 1961 г.

² Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до начала XIX века. Махачкала, 1961.

³ Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968.

⁴ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964.

имеющих отношение к исследуемой нами проблеме. В частности, они в своей работе изучают вопросы классовых отношений – пишут о феодальных правителях Табасарана – майсуме и кадии, кайтагском уцмии, казикамухском Сурхай-хане, кюринском хане, Фатали-хане Кубинском, беках феодальных владений как второй сословной группы класса феодалов, земельной собственности различных сословных групп феодалов, формах земельной ренты и зависимости крестьян, феодализирующейся знати различных общин, сосредоточивших в своих руках как политическую власть, так и большие земельные массивы.

В 1965 г. В.Г.Гаджиев в издательстве «Наука» в Москве издал монографию, посвященную роли России в истории Дагестана¹, в которой первая глава посвящена социально-экономическому и политическому строю Дагестана накануне присоединения к России. В работе автор останавливался на классовом строе, где даны феодальные правители и следующие за ними другие сословные группы класса феодалов – беки и чанки. Автор писал об их социально-правовом и экономическом положении, формах эксплуатации различных сословных групп класса крестьянства.

В 1967 г. были изданы четыре работы по этнографии Дагестана, две из которых посвящены материальной культуре аварцев² и даргинцев³, третья – монография М.М. Ихилова, посвященная народностям лезгинской группы (лезгинам, табасаранцам, агулам, рутульцам и цахурам⁴), а четвертая – монография С.Х. Асиятилова посвящена историко-этнографическому изучению хозяйства аварцев⁵. Хотя в указанных работах не так подробно изучаются вопросы нашей проблемы, так как основная цель их авторов изучение материальной культуры, тем не менее, они содержат ряд вопросов, имеющих отношение к классу феодалов и их земельной собственности, а также феодализирующейся знати.

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965.

² Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.

³ Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.

⁴ Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.

⁵ Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX вв.). Махачкала, 1967.

Г.Д. Даниялов в 1970 г. издал большую монографию, посвященную классовой борьбе в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в.¹ Первая глава монографии посвящена социально-экономическим отношениям в Дагестане. Само название главы «Коротко о характере классовых и сословных отношений у народов Дагестана» говорит, что она имеет прямое отношение к исследуемой нами проблеме. Здесь автор, опираясь на архивные и литературные источники, убедительно показывает наличие в Дагестане оформившихся классов феодального общества. Описывая класс феодалов, автор работы показал все его сословные группы, первенствующую роль в котором играли феодальные владельцы. Дана характеристика также бекам, чанка-бекам, чанкам и карачи-бекам. Приведены интересные цифры о численности разных сословных групп класса феодалов в различных феодальных владениях и союзах сельских общин. Нельзя не отметить и то, что в работе поднят и вопрос о земельной собственности представителей класса феодалов и формах земельной ренты, обязанных нести феодально-зависимые крестьяне за пользование землей феодалов.

В 1970 г. была издана коллективная работа трех авторов «Из истории средневекового Дагестана»², в которой интерес для нашей темы представляет вопрос о феодализирующейся знати федерации союзов сельских общин Акуша-Дарго, которая фактически захватила управление и сосредоточила в своих руках большие земельные участки и много скота.

В следующем, 1971 г., была издана работа Р.М.Магомедова под названием «Дагестан. Исторические этюды»³, в которой интерес представляет § 2 главы IV под названием «Заметки из истории обычаев дагестанских аулов». Здесь имеются интересные вопросы по бекам, талхъанам, феодализирующейся знати, землях ханов и беков, повинностях крестьян. Практически ма-

¹ Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1970.

² Алиев Б.Г., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

³ Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып. I.

териал монографии можно рассматривать и как источник, но ввиду того, что в основном здесь автор дает статьи по различным вопросам истории Дагестана, она приведена здесь как работа по историографии исследуемой нами проблемы.

В 1975 г. Р.М.Магомедов издал еще одну работу под тем же названием «Дагестан. Исторические этюды»¹, где также наряду со статьями по различным вопросам истории Дагестана, даны вопросы (вернее будет – материал) по феодальным владельцам, бекам и талхъанам, сословиям «нуцалов», феодальной земельной собственности, податям и повинностям, которыми были обложены зависимые крестьяне, общинной знати различных сел Горного Дагестана.

В 1975 г. была издана и работа А.Р.Шихсаидова «Дагестан в X-XIV вв.»² Монография, как видно, посвящена более раннему периоду. Тем не менее для нас она важна тем, что в ней при изучении феодальных владений дана характеристика феодальных владельцев, беков и других сословных групп, а также их земельной собственности. С точки зрения методологии изучения класса феодалов и наличия их различных групп, конечно, работа А.Р.Шихсаидова представляет большой интерес и важна для нашей проблемы.

В том же году была издана и коллективная (Ш.М. Ахмедов, А.Г. Булатова, А.И. Исламмагомедов) работа по агулам³, первая глава которой посвящена краткому историческому очерку и социальным отношениям агулов в XIX – начале XIX в. Здесь авторы останавливаются на ряде вопросов, имеющих отношение к теме нашего исследования – захват Сурхай-ханом II лезгинских, в их составе и агульских селений, включении Агула после ликвидации власти Сурхай-хана в состав Кюринского ханства, ханские и бекские земли на территории Агула, подати и повинности агулов, которые взимали лакские феодалы, богатые тухумы и их представители, узурпировавшие обширные

¹ Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. II.

² Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. Махачкала, 1975.

³ Агулы (Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре) / Ответ. ред. А.И.Исламмагомедов. Махачкала, 1975.

сенокосные и пастбищные участки, скрытая форма эксплуатации агулов, известная под названием «мел» и т.д.

М.Р.Гасанов в 1978 г. издал книгу по табасаранцам¹, где по нашей проблеме поднято много вопросов. Глава II «Земельные, социальные отношения и политическое устройство Табасарана» содержит параграф, посвященный социальным отношениям и формам эксплуатации зависимого населения, где автор останавливается на классе феодалов, его сословных группах и формах эксплуатации зависимых крестьян.

В следующем, 1979 г., в Москве в издательстве «Наука» была издана монография В.Г.Гаджиева, посвященная историографическому анализу сочинения участника Каспийского похода Петра I майора И.-Г.Гербера². Это довольно содержательная в плане охвата вопросов по нашей проблеме и феодальных владений Дагестана работа, где автор при анализе сведений И.-Г.Гербера делает экскурс как в периоды до XVIII в., так и в более позднее время. В работе описаны все сословные группы класса феодалов с указанием их доходов, складывающихся из разнообразных податей и повинностей, которые несли зависимые крестьяне феодальных владений.

В 80-е гг. XX в. было издано несколько работ дагестанских ученых, имеющих отношение к теме нашего исследования. Это монографии Г.Г. Османова «Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана»³, А.Р.Магомедова «Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV-XVII вв.»⁴ и М.А. Агларова «Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.»⁵

¹ Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX вв. Махачкала, 1978.

² Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.

³ Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984.

⁴ Магомедов А.Р. Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV-XVII вв. Р.н/Д., 1985.

⁵ Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988.

В монографии Г.Г. Османова имеется специальная глава I под названием «Социально-экономический строй Дагестана и аграрная политика царизма в XIX в.», в которой для нашего исследования интерес представляет вопрос о социальном составе населения Дагестана. Здесь изучены класс феодалов и класс крестьянства. Даны все сословные группы феодалов, показаны их социально-правовое и экономическое положение, формы зависимых отношений – подати и повинности крестьян, которыми они были обложены за пользование землей феодалов.

Монография А.Р.Магомедова, хотя и посвящена более раннему периоду, тем не менее представляет для нас интерес, так как в ней изучается социальная структура феодальных образований Дагестана, где даны и различные сословные группы класса феодалов, что дает нам возможность исследовать интересующие нас вопросы в сравнительно-историческом плане. Кроме того, интерес представляют и поднятые в работе вопросы по земельным отношениям, где говорится и о феодальной земельной собственности.

Монография М.А. Агларова – это своеобразная и весьма интересная работа, где изучается множество вопросов, среди которых для нас интерес представляют вопросы третьей главы, посвященной социально-экономическому строю общины. Здесь автор останавливается на сословно-классовом строе Нагорного Дагестана. Не много места уделено в монографии вопросам нашей проблемы, но интересно мнение автора по ним. Останавливаясь на классе феодалов в Нагорном Дагестане, М.А. Агларов кратко пишет о его сословных группах – беках и чанках и при этом отмечает, что сословие беков в общинах «являлось скорее прослойкой и с большими правами и привилегиями, чем рядовые уздени, и то только в тех случаях и в тех обществах (Телетль), где беки обосновывали свое право собственности на территорию»¹. Еще ранее он писал о фактическом отделении бекской прослойки от общин, что они были постав-

¹ Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988. С.137.

лены вне закона и не имели каких-либо гражданских прав¹. Это его мнение, которое можно оспорить, если иметь в виду не отдельные случаи (примеры), а в общем социально-правовое положение представителей класса феодалов в общинах Нагорного Дагестана, взять, к примеру, чанков, обосновавшихся в андалальских и гидатлинских селах.

Интересные работы были изданы в 90-е гг., которые можно считать исследованиями советского периода, так как они были написаны намного раньше их издания. Отметим, прежде всего, монографию Р.Г. Маршаева и Б.Б. Бутаева, посвященную лакцам². Над данной проблемой Р.Г. Маршаев работал еще в 50-е гг., и эти работы имеются в Рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН. В работе, изданной в 1991 г. как совместный труд (в соавторстве с Б.Б. Бутаевым), имеется глава, посвященная общественно-экономическому строю лакцев в конце XVIII – первой половине XIX в., где говорится о социальных отношениях лакцев указанного периода. Здесь и говорится о классе феодалов, его сословных группах, их земельной собственности, податях и повинностях зависимого населения (раюты, уздени, рабы). Безусловно, работа интересна и она использована в нашем исследовании, в ней много интересного материала по ряду вопросов нашей проблемы. Особо следует отметить наличие в работе материала по истории лаков, собранного А.Каяевым и записанного им на лакском языке, что делает его невозможным использование. Кроме того, в исследовании много нового архивного материала из центральных архивохранилищ страны и ЦГА РД. Все это и делает монографию Р.Г. Маршаева и Б.Б. Бутаева важным историографическим трудом, имеющим немаловажное значение для нашей проблемы.

instituteofhistory.ru

¹ Агларов М.А. Указ соч. С.136.

² Маршаев Р., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1991.

в) ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Ряд исторических работ был издан в 90-е гг., т.е. в **постсоветский период**. Но среди них есть также работы, которые были написаны в предыдущие годы. Одна из них – монография М.Р.Гасанова «Очерки истории Табасарана», изданная в 1994 г.¹ В ней автор более широко с привлечением дополнительных источников и литературы изучает социально-экономическую историю Табасарана, что было сделано им уже в указанной выше работе «Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX вв.». В главе 6 имеется параграф «Социальные и земельные отношения», в котором и изучаются вопросы, касающиеся нашей проблемы – класс феодалов и его сословные группы, их социально-правовое положение, земельная собственность и формы феодальной земельной ренты.

В 1995 г. вышли две работы: Ш.М.Мансурова и А.Г. Мансуровой. Первая из них посвящена Салатавии², а вторая – Цудахарии³. Хотя эти работы посвящены союзам сельских общин, в них для нас интерес представляют вопросы, связанные с выделением в них общинной знати, как имевшей в собственности большие земельные массивы, много скота, так и захватившей политическую власть. Это было характерно особенно для Салатавии, где имелись владельцы больших горных пастбищ и тысяч голов овец, для пастьбы которых их владельцы нанимали десятки чабанов.

В 1998 г. вышла монография Н.А.Магомедова, посвященная Дербенту и Дербентскому владению⁴, в которой изучаются и социальные отношения: показан класс феодалов, их социаль-

¹ Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.

² Мансуров Ш.М. Салатавия (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала, 1995.

³ Мансурова А.Г. Цудахария (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX вв.). Махачкала, 1995.

⁴ Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала, 1998.

но-правовое положение, земельная собственность, формы эксплуатации зависимых категорий крестьянства.

В 1998 г. М.-С.К. Умаханов издал статью о численности феодальных владений Дагестана¹, имеющую прямое отношение к нашей проблеме. Анализируя имеющиеся мнения и источники, автор аргументировано показал действительное число феодальных владений Дагестана.

В том же году была издана монография А.С. Акбиева, посвященная кумыкам². Пожалуй, это работа, где больше всего конкретно изучены вопросы по нашей теме относительно кумыков. Здесь дана характеристика как феодальных владельцев кумыкских феодальных владений, так и всех сословных групп класса феодалов кумыков. Причем в главе, посвященной социальным отношениям кумыков, в качестве отдельных параграфов даны и земельные отношения, и классовая, и сословная структура кумыков. Достоинством работы А.С. Акбиева является использование большого архивного материала из ЦГА РД, что и позволило ему более полно раскрыть поставленные в работе вопросы и прийти к аргументированным выводам по ним.

В следующем году была издана двухтомная большая монография Р.М. Магомедова³, посвященная истории даргинцев, в которой даются вопросы социально-экономического и политического развития даргинцев в различные исторические периоды, в том числе в XVIII – первой половине XIX в. При этом автор дает социальный состав населения в различные периоды, среди которых для нашей темы наибольший интерес представляют вопросы, связанные с классовым составом Кайтагского уцмийства, где характеризуются как уцмий – феодальный владелец, так и следующие за ним сословные группы класса феодалов – беки, чанки с раскрытием их социально-правового и экономического положения.

¹ Умаханов М.-С.К. О численности феодальных владений Дагестана в XVII-XVIII вв. // Труды Географического общества Дагестана. Махачкала, 1998. Вып. XXVI.

² Акбиев А. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998.

³ Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т.1-2.

В 1999 г. была издана и монография Б.Г. Алиева о союзах сельских общин Дагестана¹, хотя она была написана в 1985 г. и защищена в качестве докторской диссертации в 1991 г. в Ленинградском государственном университете. Для нашей темы интерес представляют вопросы, связанные с социальным составом населения союзов сельских общин. В работе подробно и широко показано существование различных по своему экономическому и политическому положению различных групп населения. Подробно, на конкретных примерах показано выделение среди свободных узденей богатой и влиятельной верхушки, которая сосредоточила в своих руках большие земельные массивы и эксплуатировала своих односельчан, применяя их труд в земледелии и животноводстве.

В 2000 г. А.С. Акбиев издал указанную выше работу под другим названием («Общественный строй кумыков в XVII-XVIII вв.»)² и более объемно. Достоинство работы, безусловно, и в этом ее отличие от работы 1998 г., но не только – здесь больше сюжетов и все вопросы вообще изучены более основательно с привлечением ряда новых источников, поэтому эта работа более объемна, чем предыдущий его труд.

В 2000 г. была издана и работа Д.С. Кидирниязова³, посвященная ногайцам в XV-XVIII вв. Для нашей темы интерес представляет вопрос о классовом составе ногайского общества. Автор пишет о наличии двух противоположных классов – феодалов и крестьян. Среди класса феодалов перечислены князья (бии), стоявшие «на вершине феодальной иерархической лестницы» и возглавлявшие каждый ногайский улус. Они же являлись верховными собственниками своей земли, пашен и пастбищ, владельцами крупных материальных ценностей, а также крепостных и рабов. За князьями перечислены мурзы – ногай-

¹ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, социальные и земельные отношения, структура власти). Махачкала, 1999.

² Акбиев А. Общественный строй кумыков в XVII-XVIII вв. Махачкала, 2000.

³ Кидирниязов А. Ногайцы в XV-XVIII вв. Махачкала, 2000; Его же. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII веке. Махачкала, 2000.

ское дворянство, владевшие также улусами. В составе класса феодалов перечислены и кайбаши, или средние дворяне, которые также владели значительными земельными угодьями и скотом. Перечислено в классе феодалов и местное мусульманское духовенство (кадии, эфенди и муллы).

В интересной работе Э.М. Далгат, посвященной крестьянству Дагестана на рубеже XIX–XX вв., для нашей темы интерес представляет вопрос о податях и повинностях крестьян, среди них выделены частновладельческие повинности, которые несли крестьяне за пользование землей беков. Хотя вопрос и посвящен более позднему времени, тем не менее, работа представляет интерес для сравнения и сопоставления материала с изучаемыми нами вопросами в исследуемый период.

В изданной в 2004 г. монографии Х.М. Джалиловой¹ отношение к исследуемой проблеме имеет вопрос о социальных отношениях у рутулов, где даны формы земельной собственности и социальный состав населения. Среди этих вопросов есть и феодальная земельная собственность, и местные феодалы в лице беков, родословная которых начинается с Казии-бека. В работе автор говорит о подчиненности рутульским бекам ряда сел – Лучека, Луткуна, Ялаха, Хрюка и т.д. Сказано в работе и о мусульманском духовенстве (кадии, эфенди, муллы).

В работе Б.Г. Алиева, посвященной свободному узденству Дагестана, изданной в 2007 г.², для исследуемой проблемы интерес представляет вопрос о наличии в горных обществах различных групп населения, различавшихся между собой по своему экономическому и политическому положению. Разбогатевшая часть узденства, как показано в работе, сосредоточила в своих руках большие земельные участки и много скота и практически захватила местное общинное и союзное управление.

В 2008 г. были изданы монографии трех молодых исследователей: М.-П.Б. Абдусаламова «Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине

XVIII века»¹, А.Э. Абдуллабековой «Частное землевладение в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в.»² и С.М.-С. Адзиевой «Сословно-классовая структура и формы зависимых отношений в Дагестане в XVIII – первой половине XIX века»³.

В монографии М.-П.Б. Абдусаламова в первой главе «Социально-экономическое развитие кумыкских феодальных владений в первой половине XVIII века» имеется третий параграф «Социальная структура», где дается перечень сословных групп класса феодалов и класса крестьянства кумыков, их характеристика, показано социально-правовое положение, права и обязанности, а также земельные отношения и исходящие из наличия феодальной земельной собственности подати и повинности крестьян. Все эти вопросы даны в монографии кратко, так как это не основные вопросы, которые изучаются автором работы.

Во второй работе к нашей проблеме имеет прямое отношение глава 2 «Крупное (частное) феодальное землевладение». В частности, здесь интерес представляют вопросы, связанные с феодальной земельной собственностью различных сословных групп класса феодалов как частных собственников – владельцев мульков. В главе разбираются такие вопросы, как земельная собственность (домены) феодальных правителей Дагестана; бекское землевладение и мелкая феодальная земельная собственность. В монографии С.М.-С. Адзиевой во второй главе разбираются сословные группы класса феодалов: феодальные правители, беки, чанка-беки, карачи-беки, а третья глава посвящена классу крестьянства и формам зависимых и рентных отношений, где в связи с изучением различных сословных групп крестьянства даются и подати и повинности крестьян, которые они обязаны были нести за пользование феодальной землей.

В 2009 г. была издана еще одна монография Б.Г. Алиева, посвященная крестьянству Дагестана в XVIII – первой полови-

¹ Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала, 2008.

² Абдуллабекова А.Э. Частное землевладение в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2008.

³ Адзиева С.М.-С. Сословно-классовая структура и формы зависимых отношений в Дагестане в XVIII – первой половине XIX века. Махачкала, 2008.

¹ Джалилова Х.М. Рутулы в XVII – первой половине XIX века. Махачкала, 2004.

² Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, 2007.

ны XIX в.¹ Для исследуемой нами проблемы интерес в работе представляет третья глава «Особенности зависимых и рентных отношений различных категорий дагестанского крестьянства», в материале которой раскрываются существовавшие в дагестанских феодальных владениях, да и в союзах сельских общин, различные формы податей и повинностей. Исходя же из последних представляется возможным проследить и существовавшие формы земельной собственности различных сословных групп класса феодалов.

Завершая обзор и анализ монографических работ дагестанских историков, следует обратиться и к тем работам дагестанских этнографов, в которых в той или иной мере, в какой-то степени изучаются, хотя и не так подробно, как в работах историков, некоторые вопросы нашей проблемы. Это этнографические работы, изданные в конце 80-90-х гг. XX и в начале XXI в.: Б.М. Алимовой и Д.М. Магомедова, М.К. Мусаевой, С.А. Лугуева, Г.М. Мусаева, А.Г. Булатовой, М.А. Агларова, А.И. Исламмагомедова².

Исследуемой нами проблеме, конечно же, внимание уделялось и в обобщающих коллективных работах, изданных как в

¹ Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2009.

² Алимова Б.М. Табасаранцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992; Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993; Мусаева М.К. Хваршины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995; Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Капучинцы (хъанал) в XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997; Алимова Б.М., Лугуев С.А. Годоберинцы. Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала, 1997; Мусаев Г. Рутулы (XIX – нач. XX вв.): историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997; Алимова Б.М. Кайтаги. XIX – нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1998; Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы). Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX вв. Махачкала, 2000; Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – нач. XX вв.). Махачкала, 2000; Агларов М.А. Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002; Исламмагомедов А.И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование. XVIII – нач. XX в. Махачкала, 2002.

советский, так и в постсоветский периоды. Это прежде всего и в основном работы по истории Дагестана. Среди них наиболее ранней работой является «Очерки истории Дагестана», изданная еще в 1957 г.¹

В первом томе в главе V «Дагестан накануне присоединения к России» в § 2 «Общественные отношения» говорится о ханах и беках, как «верховных собственниках пахотных и пастбищных земель», частью из которых они «владели на правах вотчины». Здесь же дается перечень податей и повинностей, собираемых Ума-ханом.

В 1967-68 гг. была издана «История Дагестана» в 4-х томах. В первом томе «Истории» в главе IX имеется параграф «Социально-экономический строй», посвященный видам земельной собственности, классовой структуре и характеристике феодальных владений и союзов сельских общин². Все эти вопросы имеют прямое отношение к исследуемой нами теме. Здесь говорится о ханских землях, принадлежавших феодальным владельцам и условной собственности, сословных группах господствующего (феодального) класса, правах и власти феодальных правителей. Но почему-то в работе ни слова не сказано о кюринском хане и илисуйском султানে, которые являлись такими же феодальными владельцами, как другие ханы, шамхалы, нуцалы и т.д.

Во втором томе «Истории Дагестана»³ в главе II, посвященной социально-экономическому развитию и политическому устройству Дагестана в первой половине XIX в., второй параграф посвящен земельно-правовым отношениям, где разбираются вопросы землевладения и землепользования в равнинном и горном Дагестане. Здесь перечислены все категории земель всех сословных групп класса феодалов, разбираются класс феодалов и его сословия. В связи с характеристикой феодальных владений раскрыт вопрос о социально-правовом положении феодальных владельцев.

¹ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957.

² История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т.1.

³ История Дагестана. М.: Наука, 1968. Т.2.

В 1988 г. была издана «История народов Северного Кавказа...» в 2-х томах.¹ В первом томе работы в главе XIV, посвященной социально-экономическим и внутривосточным отношениям на Северном Кавказе в XVIII в., в третьем параграфе изучается классовая структура. Здесь даны все сословные группы класса феодалов Дагестана, чему посвящена всего одна третья часть листа. Во втором томе вопросам, исследуемым в нашей проблеме, уделено больше внимания. В главе III, посвященной общественному и политическому устройству народов Северного Кавказа в первой половине XIX в., подняты вопросы о земельно-правовых отношениях на Северном Кавказе, где в параграфе I дано феодальное землевладение, а в параграфе 2 – социальная структура горских народов, содержащий вопрос о классе феодалов. Но при этом следует отметить, что указанные вопросы даны в общем, обобщенном плане, с указанием, например, количества земель, которые находились у того или иного феодального владельца. То же самое можно сказать при характеристике сословных групп класса феодалов, которым в работе уделено всего около одной страницы².

В «Истории Дагестана с древнейших времен до наших дней», первый том которой посвящен истории Дагестана с древнейших времен до XX в.³, вообще нет раздела или главы, посвященных социально-экономическому развитию Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. И, естественно, в работе ни слова не сказано о классовой структуре и земельных отношениях в Дагестане отмеченного периода. Только в третьем разделе работы имеется глава вторая под названием «Социальные отношения и классовые выступления в Дагестане в XVI-XVII веках», где первый параграф посвящен социальным отношениям. Но здесь кратко сказано о феодальных владельцах и других сословных группах класса феодалов и буквально несколько

слов о существовании в Дагестане феодальной земельной собственности.

Перечень и краткий анализ приведенного выше материала показывает, что в советский и постсоветский периоды было издано много работ как монографий (в основном), так и отдельных статей, в которых их авторы останавливаются на вопросах исследуемой нами проблемы. Во многих из них сделан хороший анализ использованных источников и литературы и довольно подробно с приведением конкретного материала (примеров) даются вопросы нашей проблемы: класс феодалов и его различные сословные группы с раскрытием их социально-правового положения в обществе, формы феодальной земельной собственности, а также формы феодальной земельной ренты, т.е. подати и повинности, которыми были обложены зависимые крестьяне феодальных владений и даже лично свободное узденство.

Недостатком анализируемых работ является то, что почти все они, в особенности изданные в 70-90-е гг. XX в. и в постсоветское время, практически однотипны и опираются на работы своих предшественников. Их авторы останавливаются на тех же вопросах, которые имеются в исследованиях 50-70-х гг. XX. Есть, конечно, среди них исключение – это серьезные квалификационные труды, изданные затем как монографии (например, две монографии А.С.Акбиева). Но в целом, в особенности кандидатские диссертации, которых мы не анализируем, хотя во многих из них имеются вопросы о классе феодалов и феодальном землевладении и с ними мы знакомы, повторяют те же вопросы, которые изучены их предшественниками и в них нет ничего нового, на что можно было бы обратить внимание. Некоторые из них изданы в качестве отдельных монографий, и на них, как имеющих наибольшее отношение к нашей проблеме, мы остановились выше.

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Т.1.

² История народов Северного Кавказа. Конец XVIII – 1917 г. М.: Наука, 1988. Т.2.

³ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т.1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2005.

§ 2. ИСТОЧНИКИ

По исследуемой проблеме существуют разнообразные источники, на основе которых и с использованием имеющейся литературы и написано наше исследование. Это архивные материалы, материалы Рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН), опубликованные архивные материалы в различных публикациях, адаты народов Дагестана, литературные источники, историко-этнографический материал, собранный в основном автором работы в различных районах Дагестана в период летних историко-этнографических и историко-археографических экспедиций в 1962-1993 гг.

Наибольшее значение в изучении главных вопросов проблемы имеют архивные и литературные источники. Это в первую очередь материалы Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД). Среди архивных материалов их больше всего, и они разбросаны в различных фондах указанного архива. Это: ф.2. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура, 1883-1917 гг.; ф.18. Дербентский комендант. 1812-1849 гг.; ф.21. Дагестанский областной статистический комитет, г. Темир-Хан-Шура. 1864-1918 гг.; ф.33. Ветеринарная экспедиция Дагестанской области, г. Темир-хан-Шура. 1883-1920 гг.; ф.72. Податной инспектор Гунибо-Казикумухского участка Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура. 1894-1917 гг.; ф.73. Податной инспектор Аваро-Андийского участка Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура. 1894-1907 гг.; ф.80. Податной инспектор Даргино-Табасаранского участка Дагестанской области, г. Дербент. 1894-1907 гг.; ф.90. Комиссия по разбору сословно-поземельных прав населения Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура. 1877-1894 гг.; ф.105. Кумыкский окружной отдел комиссии по правам личным и поземельным туземцев Терской области. Управление Хасавюрта. 1890-1918 гг.; ф.126. Канцелярия начальника Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура; ф.147. Управление Хасавюртовского округа Терской области, г. Хасавюрт. 1867-1917 гг.; ф.150. Комиссия по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Южного Дагестана, г.

Дербент, Дагестанской области. 1864-1922 гг.; ф.379. Кизлярский комендант.

Материал по исследуемой проблеме содержат несколько фондов Российского государственного военно-исторического архива. Касаются они как класса феодалов, так и феодальной земельной собственности. Это материалы следующих фондов: Военно-ученый архив (ВУА). Д.6164. Ч.64 (1-2). Ч.93. Ч.96 (1); Д.6379. Ч.1; 6512, 6528, 18474; ф.205. Клюки фон Клюгенау. Краткий географический и статистический взгляд на общество Дарго; ф.400. Главный штаб 1866-1918 гг.; оп.1. Д.1323; оп.258/968; Д.18; ф.414. Статистические сведения о Российской империи. Д.300; 10/3213; ф.482. Кавказские войны. Д.101, 128.

Отдельные материалы по исследуемой теме имеются еще в трех центральных архивах Российской Федерации. Это Архив внешней политики России (АВПР) – ф. Сношения с Персией. 1722 г. Д.8; Российский государственный архив древних актов (РГАДА) – ф. Колл. ин. дел. «Кумыцкие дела». 1719 г. Д.3; Д. б/н; «Сношения России с Персией. 1772 г. Д.24 и Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (РГИА СПб.) – ф.1268. Кавказский комитет. 1833-1882 гг. оп.1. Д.429, 782; оп.5. Д.372; ф.1377. Д.3; ф.1276. оп.2. Д.84.

Следует отметить, что интересный материал по различным вопросам исследуемой темы имеется в Центральном государственном историческом архиве Республики Грузия (ЦГИА РГ). Материал по нашей теме разбросан в различных фондах: ф.2. Канцелярия Главноуправляющего Закавказским краем. 1806-1848 гг.; ф.8. Департамент общих дел Главного управления наместника Кавказа. 1825-1867 гг.; ф.16. Канцелярия Тифлисского военного губернатора управляющего гражданской частью. 1802-1849 гг.; ф.65. Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. Д.3; ф.79. Д.16; ф.231. Комиссия для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавказского края по военному управлению. 1893-1917 гг.; ф.263. Горская экспедиция грузинского верховного правительства. 1801-1831 гг. Оп.2. Д.4; ф.345. Д.3158; ф.416. Кавказская археографическая комиссия. Оп.1. Д.17; оп.3. Д.12/24; 101; 1224; 1301; оп.4. Д.35; ф.916. Кавказская археографическая комиссия. 1864-1917 гг. Оп.1. Д.917; оп.3. Д.1224; ф.1086. Военно-топографический отдел во-

енно-окружного штаба Кавказского военного округа. 1865-1918 гг. Оп.6. Д.345.

Во всех указанных фондах центральных архивов Российской Федерации, Центрального государственного архива Республики Дагестан, а также Центрального государственного исторического архива Республики Грузия материал по интересующим вопросам исследуемой проблемы сосредоточен в различных официальных документах (рапортах, докладах, отчетах, письменных обзорах военных комендантов, переписке различных военных деятелей высшего командования царской армии с официальными правительственными чиновниками, а также в воспоминаниях участников военных походов, очевидцев событий, письмах военных и гражданских лиц, занимающих различные должности как на местах, так и в правительственных учреждениях и т.д.). В указанных официальных, а также других документах содержится много материалов о сословном делении населения феодальных владений Дагестана, прежде всего о феодальных владетелях, беках, карачи-беках и чанках, их социально-правовом положении, земельной собственности и исходящих из пользования ею податях и повинностях, которыми были обложены различные категории класса крестьян и, прежде всего, зависимые категории – райты и чагары.

Немало материалов по исследуемой теме сосредоточено в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН). Это: документальные материалы по истории Дагестана XVIII в. из архива МИД, выявленные в 1962 г. В.Г. Гаджиевым. Ф.1. Оп.1. Д.52; Документы по земельным отношениям в Дагестане до XVIII в. включительно. Ф.3. Оп.1. Д.273; Записка о правах и преимуществах господствующих групп населения; об адатах и управлении жителей Присулакского наибства. Ф.5. Оп.1. Д.79; Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге с приложениями к ней. Ф.1. Оп.1. Д.155; Запись из рукописи «Шарх ал-Минхадж». Коллекция М.Г. Нурмагомедова. № 18; А.Каяев. Материалы и документы, собранные по истории Дагестана. Ф.5. Оп.1. Д.4; А.Каяев. Материалы по истории лаков. Ф.1. Оп.1. Д.444; Ю.Клапрот. Историческая, географическая, этнографическая и политическая

карта Кавказа и соседних провинций Грузии и Персии. Париж, 1827 / Перев. с француз. З.Кидаловой. Ф.1. Оп.1. Д.76; Копии документов, извлеченных из фондов Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), относящихся к истории России, Персии, Кавказа и Дагестана первой половины XVIII в. Ф.1. Оп.1. Д.59; Краткие сведения о поземельных правах высшего сословия. Ф.1. Оп.1. Д.158; Материалы по истории Дагестана в XVII-XIX вв. Ф.1. Оп.1. Д.291; Материалы по истории Дагестана XVIII в., извлеченные из РГАДА Е.Н. Кушевой. Ф.1. Оп.1. Д.449; Материалы по истории Дагестана XIX в. Ф.6. Оп.1. Д.51; Материалы по истории Карабудахкента / Перев. с кумык. Г.С.Федорова. Ф.416. Оп.1. Д.35. ДНС. № 13; Новые материалы по истории сословно-поземельных отношений в дореволюционном Дагестане (монография – автор неизвестен). Ф.1. Оп.1. Д.199; О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам и о главных основаниях поземельного устройства населения Дагестанской области и Закавказского округа. Ф.1. Оп.1. Д.329; Письмо Усишинского сельского суда нач. Даргинского округа Гайковичу / Перев. с араб. яз. К.Баркуева; Письмо шамхала Адиль-Гирея Тарковского Петру I. Указ Петра I Адиль-Гирею, записи дневника Андриана Лопухина при проезде его из Шемахи в Москву, записи о проезде в Петербург шамхала Тарковского, допросы и т.п. Материалы о сношении России с Дагестаном в 1717-1725 гг. Ф.1. Оп.1. Д.60; Происхождение жителей и права их в пользовании землей. Ф.1. Оп.1. Д.194; Прощение беков Темир-Хан-Шурина Главноначальствующему гражданской частию на Кавказе. 1884-1907 гг. Ф.1. Оп.1. Д.192; Рукопись перевода Кади-Магомед-оглы, жителя селения Усиша Даргинского округа. Ф.1. Оп.1. Д.397; Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX в. / Состав. В.Г.Гаджиев, Д.-М.С. Габиев, Н.А. Магомедов, Р.С. Шихсаидова. Ф.3. Оп.1. Д.278; Салатавия. Географическо-экономический очерк. 1928. Ф.5. Оп.1. Д.79; Справка, составленная Лобановым «Тяжесть обложения крестьянского населения Дагестана при власти ханов и царей по сравнению с положением при советской власти». Ф.1. Оп.1. Д.283; Фотокопии документов из фонда «Сношения России с

Персией. Кумыцкие и Тарковские дела», выявленные Р.Г. Маршаевым. Ф.6. Оп.1. Д.44.

Перечисленные материалы, многие из которых выявлены в архивохранилищах центральных и местных архивов в различные годы Советской власти, – это источники по феодальным владениям и их владельцам, другим сословным группам класса феодалов, их земельной собственности, податям и повинностям, которые несли в их пользу крестьяне, пользовавшиеся феодальной землей.

Но, кроме указанных материалов, в Рукописном фонде ИИАЭ ДНЦ РАН хранятся рукописные работы советских и в основном дагестанских ученых-историков С.В. Юшкова, И.А. Тамая, Р.Г. Маршаева и др., которые также содержат различный материал по теме исследования.

Следует также отметить, что в РФ ИИАЭ ДНЦ РАН хранится историко-этнографический материал, собранный специалистами по истории феодализма и востоковедами, который пока не издан, но содержит весьма интересные сведения по исследуемой теме. Здесь же находятся переводы ряда изданных работ на иностранных языках (Э.Челеби, Ю.Клапрот и др.), которые также содержат ценные для темы исследования вопросы и сведения.

Очень необходимые и притом в большом количестве источники из различных архивохранилищ страны, а также стран СНГ опубликованы в различных сборниках публикаций, подготовленных в дореволюционное и главным образом в советское время. Из дореволюционных публикаций следует, прежде всего, отметить «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею» (АКАК)¹, изданные в 12-ти томах в 1866-1904 гг. Здесь имеются разнообразные документы в виде описания феодальных владений, характеристик феодальных правителей и других представителей класса феодалов и т.д., которые даются в различных донесениях русского военного командования на Кавказе, рапортах, письмах и т.д.

¹ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1866-1904 гг. Т.1-ХII.

Отдельные материалы по изучаемой теме опубликованы в сборнике «Материалы по истории Дагестана и Чечни»¹ (МИДЧ), изданном в 1940 г. Ряд из них был опубликован в другом сборнике архивных материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.» (ИГЭД)², изданном в 1958 г. В этом сборнике, как и в сборнике 1940 г., опубликовано большое количество документов, извлеченных из РГВИА, которые представляют собой описания различных политических структур Дагестана. Значимость их в том, что они составлены современниками, являвшимися участниками различных военных походов в Дагестан, начиная с XVIII в. и кончая 30-ми гг. XIX в. В них много сведений о феодальных владетелях, их социально-правовом и экономическом положении, месте, занимаемом в политической системе Дагестана, их доходах, взаимоотношениях между собой, Россией, Ираном и Турцией.

В 1958 г. был издан еще один сборник архивных материалов, составленный Р.Г. Маршаевым³. Хотя сборник посвящен русско-дагестанским отношениям, в нем есть и материал, касающийся феодальных владетелей, их социально-правового положения.

Весьма значимый для нашей темы сборник архивных материалов, посвященный движению горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX в., был издан в 1959 г.⁴ Здесь публикуются имеющие отношение к изучаемой проблеме документы, в которых говорится не только о феодальных владетелях, но и различных сословных группах класса феодалов. Особый интерес в публикации представляет материал из РГВИА под названием «Из обзора политического состояния Кавказа», 1840, различные предписания, рапорты, донесения, докладные записки,

¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни / Под ред. С.Бушуева и Р.Магомедова. Махачкала, 1940. Т.3. Ч.1. (МИДЧ).

² История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О.Косвена и Х.-М.Хашаева. М., 1958. (Далее: ИГЭД).

³ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Архивные материалы / Состав. Р.Г.Маршаев. Махачкала, 1958.

⁴ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в. Сборник документов / Состав. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. Махачкала, 1959.

возвращения, письма военных деятелей России на Кавказе. Имеются в сборнике и сведения о численности различных сословий класса феодалов, а также перечень податей и повинностей, которыми были обложены крестьяне различных феодальных владений.

В изданном в 1965 г. сборнике архивных материалов «Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.»¹, кроме адатов, о которых будет сказано особо, имеются различные сведения по Акуша-Дарго, Кайтагу, Самурскому и Кюринскому округам и Табасарану, которые содержат и ряд материалов по теме нашего исследования.

В 1968 г. был издан сборник материалов и документов, составленный А.С.Омаровым², где также, кроме адатов, имеются и отдельные сведения о представителях класса феодалов, их земельной собственности, податях и повинностях крестьян.

Очень ценным для темы нашего исследования является изданный в 1969 г. сборник архивных материалов «Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в.»³. В сборнике опубликованы документы и материалы, содержащие значимые для нас сведения по всем сословным группам класса феодалов и их земельной собственности. Особо хочется отметить материал, имеющийся в ведомостях о доходах феодальных владельцев, ведомости прошений, поданных во время проезда императора по Кавказу, показания различных сословных групп об их правах и земельной собственности до присоединения Дагестана к России. Очень интересны материалы сословно-поземельных комиссий различных регионов Дагестана, которые содержат сведения по землевладению различных сословных групп класса феодалов феодальных владений Дагестана. Много в сборнике материала по податям и повинностям зависимых групп класса дагестанского крестьянства. Пожалуй, этот сборник для нашего исследования имеет наибольшее значение по количеству

¹ Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы / Состав., предисл. и примеч. Х.-М.Хашаева. М., 1965.

² Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы) / Состав. А.С.Омаров. Махачкала, 1968.

³ Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Архивные материалы / Состав., предисл. и примеч. Х.-М.Хашаева. М., 1969.

имеющихся в нем вопросов, их подробности и объективности изложения. Причем отмеченный материал в сборнике имеется по всем феодальным владениям и союзам сельских общин, где проживали представители класса феодалов.

В 1988 г. ряд сотрудников отдела истории Дагестана до XX в. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР издал большой сборник документов по русско-дагестанским отношениям в XVIII – нач. XIX в.¹ В сборнике имеются документы, содержащие сведения о феодальных владельцах, большой интерес представляют сведения о служилых людях феодальных владений Дагестана, которые выполняли различные поручения феодальных владельцев, отдельные из которых – наиболее приближенные – выступали в качестве министров.

Интересен для нашей проблемы и сборник, изданный В.Г.Гаджиевым в 1992 г., куда вошли различные труды отечественных и зарубежных авторов XIII-XVIII в.² Это как уже изданные, так и неизданные работы, содержащие сведения о Дагестане. Для нас особую ценность представляет работа Я.Рейнегса, рукопись которой хранится в государственной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге³. В работе Я.Рейнегса имеются интересные сведения о феодальных владельцах Дагестана, их социально-правовом и экономическом положении.

Важнейшие документы по исследуемой теме находятся в публикации «Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв.», составленной и изданной в 1999 г. Т.М. Айтберовым.⁴ Здесь, главным образом, в первой части публикуются различные по своему характеру и поднимаемым вопросам материалы. Это различные соглашения феодальных

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов / Состав. В.Г.Гаджиев, Д.-М.Габиев и др. М., 1988.

² Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. / Состав., введ., вступит. статья к текстам и примеч. В.Г.Гаджиева. Махачкала, 1992.

³ Reineggs J. Allgemeine historisch-topografische Beschreibung des Kaukasus. Gota: St Pbg., 1796-1797.

⁴ Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. / Состав. Т.М.Айтберов. Махачкала, 1999. Ч.1-II.

владельцев и других представителей класса феодалов Дагестана с отдельными горскими обществами, адаты, договоры политического характера феодалов и сельских общин, дарственные, купчие и т.д. В них содержатся сведения о различных сословных группах класса феодалов, их посреднической деятельности во взаимных конфликтах между сельскими обществами и т.д. Особенно интересны сведения о наличии своих феодалов в горских союзах сельских общин, в частности «аристократов-шухби» в Гидатле, их правах и землях. Много интересного материала содержит «Хрестоматия...» по феодальной земельной собственности, среди которых также вопросы о границах феодальных владений, о пастбищных горах феодалов, о захвате и покупке ими земель у сельских обществ, акты о дарственных землях, сдаче их в аренду, податях и повинностях и т.д.

Особенная ценность всех перечисленных источников в том, что они все местного происхождения и не вызывают сомнений в их правдивости, составлены они как самими феодалами, так и сельскими обществами и часто в них отмечается, что указанное в них имело место не только в период составления этих документов, но в более ранний период. И еще, что важно отметить, все документы составлены хронологически в изучаемый нами период – XVIII – первая половина XIX в. Во второй части «Хрестоматии...» публикуются документы второй половины XIX в., и они носят такой же характер, и в них поднимаются такие же вопросы, что и в документах первой части.

Важным источником по изучаемой проблеме являются адаты (обычное право), неписаные законы, которыми руководствовались в повседневной жизни жители Дагестана – и представители правящих верхов – класс феодалов, и крестьянские массы. И не без основания в свое время советские ученые отмечали значимость адатов для изучения социально-экономического развития средневекового общества. Так, Р.М.Магомедов писал, что нормы адатов «дают богатый и разнообразный материал для изучения дагестанского общества с древнейших времен до XIX в. включительно»¹. По адатам

¹ Магомедов Р.М. Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960. С.2.

можно судить об уровне развития союзов сельских общин, социальной структуре и политической организации общества. Известный советский этнограф В.К. Гарданов писал: «Можно без преувеличения сказать, что адаты горцев Северного Кавказа являются **главнейшим и подчас единственным источником** (подчеркн. мною. – Б.А.) для характеристики социальных отношений у этих народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и в особенности для периодов XVIII – начала XIX вв.»¹

Запись и публикация адатов народов Дагестана начались во второй половине XIX в. Мы не будем здесь останавливаться, когда и какие адаты были изданы в то время. Нас интересует только те адаты, которыми руководствовались жители феодальных владений. А.В.Комаров объединил и систематизировал адаты различных народов Дагестана в изданной в 1868 г. статье в ССКГ, где в приложении дана и запись «Постановления Кайтахского Уцмия Рустем-хана»². В 1872 г. были изданы «Адаты жителей Кумыкской плоскости»³. В адатах южно-дагестанских обществ⁴ имеются адаты Кюринского, Кайтаго-Табасаранского и Самурского округов. В 1882-1883 гг. Ф.И.Леонтович издал «Адаты Кавказских горцев»⁵, в предисловии к первому выпуску говорится об адатах аварцев, кайтагов и бежтинцев. В 1899 г. были опубликованы «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа»⁶, куда вошли адаты как изданные в 1873 и 1875 гг., так и адаты ряда бывших союзов сельских общин и Казикумухского округа (бывшего ханства).

¹ Гарданов В.К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX вв. // СЭ. М., 1960. № 5. С.12.

² Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.1.

³ Адаты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI.

⁴ Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII.

⁵ Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882-1883. Вып.1-2.

⁶ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899.

Р.М.Магомедов в 1964 г. издал книгу «Памятник истории и письменности даргинцев XVII века»¹, где помещены на русском и даргинском (кайтагский диалект) языках «Свод заповедных законов Кайтаг-Дарго». Это законы, которыми руководствовались и феодалы, и крестьяне, они определяли права и обязанности их.

В указанном выше сборнике архивных материалов «Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.»², изданном в 1965 г., в основном помещены адаты союзов сельских общин. Но здесь же имеются «Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского», а также «Кодекс законов Умму-хана Аварского (Справедливого)», т.е. адаты трех феодальных владений, где определены права и обязанности их жителей.

Еще в одном указанном выше сборнике «Из истории права народов Дагестана»³, изданном в 1968 г., также имеются адаты по отдельным феодальным владениям. Среди них: «Собрание адатов селений Аварского округа», «Сборник адатов, существующих в Казикумухском округе», «Сборник адатов Кайтага и Табасарана», «Постановления Кайтахского уцмия Рустемхана», «Уцмиевы адаты (в Кайтаге)». В них также отражены права и обязанности жителей указанных феодальных владений.

Нельзя не остановиться еще на одних адатах – это «Адаты об отношении терекемейских раят к своим бекам», которые были собраны со слов старожилов-терекемейцев различных периодов, и были изданы в приведенном выше сборнике архивных материалов «Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в.»⁴ Здесь даны права беков в отношении зависимых раят, подати и повинности последних и т.д.

Значимость адатов для исследуемой темы в том, что в них четко зафиксировано классовое деление общества, наличие различных категорий или сословных групп, отражены взаимо-

отношения между классом феодалов и классом крестьянства, их земельные отношения, права и обязанности правителей феодальных владений, подати и повинности, которыми были обложены зависимые категории крестьян, пользовавшиеся землей феодалов.

Хорошими и весьма необходимыми источниками по изучаемой проблеме являются кавказоведческие работы дореволюционных авторов, которые были либо современниками, либо даже участниками тех событий, которые происходили в Дагестане в XVIII-XIX вв. Это отдельные записки, статьи, монографические работы, которые содержат конкретный материал по тем или иным вопросам проблемы.

К источникам этого рода относятся труды А.И.Лопухина, И.-Г.Гербера, Д.Ф.Еропкина, Я. Лерха, Д.И. Тихонова, С.Г. Гмелина, И.А. Гильденштедта, Ф.Ф. Симоновича, И.Т. Дренякина, А.Г. Сереброва, П.Г. Буткова, А.И. Ахвердова, А.П. Тормасова, А.М. Буцковского, Н.Ф. Ртищева, М.А. Коцебу, Хрисанфа, Ф.П. Скалона, Р.Ф. Розена, А.П. Щербачева, М.К. Ковалевского, Н.Ф. Бларамберга, П.Ф. Колоколова и др.

Кроме отдельных работ, труды указанных авторов изданы в анализированном выше сборнике «История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.».

К источниковедческим работам можно отнести и более крупные труды – большие, порой в нескольких томах или частях, монографии и менее крупные, таких авторов, как С.М. Броневский, П. Зубов, О. Евецкий, А.А. Неверовский, А. Берже, А.П. Ермолов, А.В. Комаров, П.Г. Бутков, Н.Ф. Дубровин, Н. Семенов, М.М. Ковалевский, М.Я. Ольшевский, ряд из которых нами анализирован и как историографические работы ввиду того, что в них авторы высказывают и свое мнение, описывая то или иное событие или действительность, очевидцами которых они являлись во время пребывания в Дагестане и на Кавказе вообще. Причем следует отметить, что многие из указанных авторов, как и авторы XVIII – начала XIX в., сами собирали материалы для своих работ на местах и, еще раз подчеркнем, были современниками событий и использовали различные официальные документальные материалы, что и придает их работам источниковедческий характер.

¹ Магомедов Р.М. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964.

² Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. М., 1965.

³ Из истории права народов Дагестана. (Материалы и документы). Махачкала, 1968.

⁴ Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. М., 1969.

Остановимся еще на одном виде источников – это историко-этнографический материал, собранный нами за 30 лет экспедиционных работ почти во всех основных населенных пунктах Дагестана, а также другими дагестанскими учеными. В своих работах, изданных в предыдущие годы, неоднократно нами отмечалась значимость для исследователя истории периода феодализма историко-этнографического материала. При этом мы исходили не только и не столько из своего опыта исследования различных вопросов истории феодализма в Дагестане, но и высказываний ряда известных исследователей дореволюционного и советского периодов, таких как А.Кауфман¹, проф. Х.П. Стродс², акад. Е.М. Жуков³, проф. Р.М.Магомедов⁴ и др. Не останавливаясь на их мнениях по данному вопросу, приведем лишь высказывание Х.П. Стродса, писавшего, что «история периода феодализма, реконструированная только на базе письменных источников, в определенной степени оказывается неполной и односторонней»⁵.

Конечно, мы согласны и солидарны с мнением и оценкой, которую дали указанные выше и другие ученые историко-этнографическому материалу, отмеченной ими значимости его в исторических исследованиях, в особенности по периоду феодального развития общества. Действительно, в историко-этнографическом материале, в сохранившихся в народной памяти преданиях и легендах, сведениях по различным вопросам истории, исторических событиях, известных политических деятелях, местных адатах и обычаях имеется и материал по исследуемой проблеме.

Историко-этнографический материал дополняет имеющиеся письменные источники, а порой выступает как основной ис-

¹ Кауфман А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1904.

² Стродс Х.П. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. М.: Наука, 1977.

³ Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980.

⁴ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Выписки из полевых дневников. Махачкала, 1977. Вып. I.

⁵ Стродс Х.П. Указ. соч. С.42.

точник по тем или иным вопросам, по которым отсутствуют или малочисленны письменные источники.

Говоря о сборе историко-этнографического материала, нельзя не отметить ту огромную работу, которую проделал Р.М.Магомедов, в течение десятков лет собирая этот материал во всех районах Дагестана. По этим материалам он издал ряд работ, среди которых большой материал по исследуемой нами теме находится в работе «Дагестан. Исторические этюды»¹ и «По аулам Дагестана»². В них издан огромный материал, собранный почти во всех дагестанских горных селах, где имелись представители феодалов. В них имеются сведения о социально-правовом положении представителей класса феодалов, об их земельной собственности, повинностях местного населения за пользование феодальной землей, классовой борьбе. Особый интерес представляют собранные Р.М.Магомедовым сведения по феодалам тех горных сел Дагестана, по которым отсутствуют письменные источники – это сведения о происхождении тех или иных феодальных фамилий, возникновении их земельной собственности, как местное население попало в зависимость от них и т.д.

Таковы историография изучаемой проблемы и круг источников и литературы, на основе которых исследованы поднятые в работе вопросы. Перечень и анализ трудов, сделанных в работе, показывает, что как в дореволюционной, так советской и постсоветской историографии имеется большое количество работ, в которых в той или иной мере изучаются вопросы нашей проблемы. Особенностью работ всех периодов является то, что в них поднимаются одни и те же вопросы, порой это краткий пересказ уже известного, имеющегося в работах предшественников. Не считая отдельных трудов известных советских ученых (С.В. Юшков, Р.М. Магомедов, Х.-М. Хашаев, С.Ш. Гаджиева, Г.Г. Османов), писавших о Дагестане в целом или конкретно об одном дагестанском народе, а также ря-

¹ Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып. I; 1977. Вып. II.

² Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. Вып. I; 1979. Вып. II.

да исследователей постсоветского периода (например, А.С. Акбиев, изучивший общественный строй кумыков XVII-XVIII вв.), ни в одном труде вопросы нашей проблемы не изучены в полном объеме. Нет в дагестанской историографии и ни одной монографической работы, посвященной конкретно классу феодалов, его сословиям, феодальному землевладению Дагестана в целом.

Что касается источников, то следует отметить их разнообразие – это, прежде всего, архивные документальные источники, разбросанные в различных архивах страны и отдельных стран СНГ. Среди них наибольший интерес по теме монографии представляют источники, хранящиеся в различных фондах ЦГА РД. Среди других источников, имеющих по теме, отметим материалы РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, различные публикации архивных материалов, литературные источники, адаты и традиции народов Дагестана и историко-этнографический материал.

Основываясь на все эти источники, а также на исследования предшественников, и изучена поставленная в монографии проблема.

ГЛАВА II

КЛАСС ФЕОДАЛОВ ДАГЕСТАНА И ЕГО СОСЛОВНЫЕ ГРУППЫ

§ 1. К вопросу о численности феодальных владений и правящих феодальных фамилий в Дагестане

Приступая к исследованию проблемы, посвященной классу феодалов Дагестана и его сословных групп, хотя бы вкратце следует остановиться на вопросе о численности феодальных владений и феодальных фамилий, имевших место как в феодальных владениях, так и во многих селах союзов сельских общин. Необходимость сказанного объясняется или вызывается тем, что последний вопрос связан в целом с проблемой о классе феодалов и феодальном землевладении в Дагестане. Без изучения этого вопроса, выяснения, какие феодальные владения существовали на территории Дагестана в изучаемый период, невозможно представить или определить, о каких сословных группах класса феодалов должна идти речь в исследовании, которые имелись почти повсеместно, почти во всех регионах Дагестана, где находились и феодальные владения, и союзы сельских общин. Речь не идет о повсеместном господстве их, а о том, что представители класса феодалов находились как в феодальных владениях в качестве основного эксплуататорского класса, так и в различных селах союзов сельских общин, попавших под влияние соседних феодальных владений, откуда они переселились и распространили свою власть, в результате чего жители свободных общин попали в различные формы политической и экономической зависимости и вынуждены были в силу этого нести в их пользу различные повинности.

В исследуемый период, как и в предыдущие периоды, Дагестан был раздроблен. Но в процессе дальнейшего развития феодальных отношений, феодальной дифференциации внутри класса феодалов и сопутствующей феодальной междоусобицы в рамках XVIII – первой половины XIX в. происходили и определенные изменения политического характера, когда на политической карте Дагестана появляется ряд новых государственно-политических структур или единиц. Если, по подсчетам Р.М. и А.Р.Магомедовых, на территории Дагестана к началу XVIII в. насчитывалось 18 независимых «княжеств-государств», среди которых ими перечислены также Акуша-Дарго, Салатавия, Ахты-пара и Джаро-Белоканский союз, то во второй половине XVIII – нач. XIX в. их стало 24¹. Это было следствием дробления Дагестана на мелкие самостоятельные территории, что, в свою очередь, являлось «политическим выражением экономической независимости феодалов»².

Однако среди дагестанских исследователей нет единого мнения по количеству феодальных владений Дагестана исследуемого периода. Причем одни и те же авторы высказывают различные мнения. Так, помимо приведенного выше суждения о количестве феодальных владений в изучаемое нами время, Р.М.Магомедов еще в 1961 г. писал, что на территории Дагестана располагались 36 небольших феодальных государств-ханств и владений. В одном только Южном Дагестане насчитывалось 15 феодальных владений, в Аварии – 11, в Кумыкии – 8. Причем он отмечал, что «Процесс образования новых ханств еще не был закончен. Непосредственной средой для их возникновения служили дагестанские вольные общества, находившиеся на переходной стадии от дофеодальных отношений к феодальному строю. Возникали мелкие феодальные владения в Дагестане и вследствие выхода укрепившихся бекств из вассальной зависимости от ханств»³.

¹ Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1994. С. 189, 224-226.

² Бархударян В.Б. Феодальное землевладение в Армении в IX-XI веках: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1954. С. 9.

³ Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968. С. 196.

Одни исследователи поддержали мнение Р.М. Магомедова, иные высказали другое суждение. Так, С.М. Нурова, М.А. Агларов и Э.М. Эльдаров приводят те же самые цифры, что и Р.М. Магомедов для периода Кавказской войны. В связи с этим они пишут: «До начала широкомасштабной антифеодальной борьбы горских народов Кавказа с Россией, продолжавшейся большую часть XIX века, общественно-экономическое развитие Дагестана происходило в обстановке феодальной раздробленности»¹. Но они не перечисляют, какие же конкретно феодальные политические структуры были в то время в Дагестане, хотя и Р.М.Магомедов не говорил обо всех феодальных владениях. Из его работ мы узнаем лишь, что в Аварии помимо общеизвестного Аварского ханства существовали еще «в Гочатле, Сиухе, Гидатле, Телетле, Анди, Ругудже, Салатавии, Хварши и в других местах – ... более мелкие феодальные образования»². В качестве самостоятельных феодальных княжеств в Кумыкии, наряду с шамхальством Тарковским, им перечислены Буйнакское, Эндиреевское, Аксаевское, Костековское, Эрпелинское, Карабудахкентское, Казанищенское³. Остановившись на Южном Дагестане, в частности при описании Кюринского ханства, Р.М.Магомедов отмечал, что в начале XVIII в. «в Курахе, Каке, Целегюне, Гапцах утвердились после похода Сурхай-хана лакские феодальные фамилии»⁴.

Как отмечалось выше, не все исследователи разделяют мнение Р.М.Магомедова, и для подтверждения сказанного приведем конкретный материал. Так, проф. М.-С.К. Умаханов в статье, посвященной конкретно изучаемому вопросу, т.е. численности феодальных владений Дагестана, но в данном случае XVII-XVIII вв., пишет следующее: «В принципе, можно согласиться с указанным выше мнением Р.М.Магомедова о причинах образования множества феодальных владений на территории Дагестана. Но, к сожалению, при этом остается нераскры-

¹ Нурова С.М., Агларов М.А., Эльдаров Э.М. О системе общественного самоуправления в досоветском Дагестане // Труды Географического общества Дагестана. Махачкала, 1998. Вып. XXVI. С. 145.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 203.

³ Там же. С. 208.

⁴ Там же. С. 201.

тым, например, вопрос, какие конкретно пятнадцать феодальных владений были в Южном Дагестане в XVIII в. То же самое приходится констатировать и относительно одиннадцати феодальных владений Аварии, а также всех «36 небольших феодальных государств-ханств и владений Дагестана»¹. Останавливается М.-С.К. Умаханов и на приведенных выше других цифрах о количестве феодальных владений Дагестана, в частности 24, в связи с чем пишет: «.. на этот раз число феодальных владений Дагестана... более реально и ближе к действительному их количеству»².

Сведения Р.М.Магомедова в основном базируются на историко-этнографическом материале, собранном им в различных районах Дагестана в результате многолетней поисковой работы. Других конкретных сведений, кроме по Аварии, которые были собраны сословно-поземельной комиссией из опроса представителей различных сословных групп населения, по феодальным сословным группам и феодальным владениям, кроме общеизвестных, мы не имеем. Именно этим можно объяснить, что ни один другой дагестанский исследователь не говорит о таком большом количестве феодальных владений Дагестана, как об этом писал Р.М.Магомедов. Не сказано об этом и ни в одном обобщающем коллективном труде, изданном начиная с 50-х гг. XX в. и кончая нашим временем. В «Очерках истории Дагестана» для нач. XIX в. перечислены 12 феодальных владений: шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, ханства Дербентское, Аварское, Казикумухское, Кюринское, Мехтулинское, майсумство Табасаранское, владения кадия Табасаранского, владения Эндиреевское, Аксаевское и Костекоское³. В «Истории Дагестана», изданной через 10 лет после «Очерков...», перечислены всего 10 феодальных владений, из поля зрения коллектива авторов выпали, как и авторов «Очер-

¹ Умаханов М.К. О численности феодальных владений Дагестана в XVII-XVIII веках // Труды Географического общества Дагестана. Махачкала, 1998. Вып. XXVI. С. 196.

² Там же.

³ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т.1. С. 195.

ков...», Илисуйское султанство, а также Дербентское и Кюринское ханства¹. С учетом последних получилась бы цифра 13.

Приведенная в «Истории Дагестана» численность феодальных владений Дагестана дана и в «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XIX в.»². Во втором томе «Истории народов Северного Кавказа...» также сказано о существовании в Дагестане в начале XIX в. 10 феодальных владений³. Причем, перечисленные Р.М.Магомедовым как самостоятельные феодальные владения Буйнакское, Карабудахкентское, Эрпелинское, Бамматулинское, Казанищенское названы уделами (бийликами) шамхальства⁴. Впрочем, еще в 1813 г. ген. Н.Ф.Ртищев также писал, что «Волости Карабудаг, Дювдени (Губден. – Б.А.), Буйнах, Тарки» составляли «Шамхальское владение» и находились «во владении или повелении» шамхала⁵. Но С.Ш.Гаджиева была иного мнения, она писала, что еще в начале XVII в. от Тарковского шамхальства (которого, кстати, в этот период еще не было, в горах с центром в сел. Казикумух было Казикумухское шамхальство. – Б.А.) отделяются Карабудахкентское, Кумторкалинское, Губденское и Бамматулинское владения, а несколько позднее и Мехтулинское ханство⁶.

Никто не говорит об Утамьшском султанстве, известном по источникам XVII и начала XVIII в. (до Петровского похода в Прикаспие), занимавшем территорию между Кайтагским уцмийством и Буйнакским бийликством⁷.

¹ История Дагестана. М.: Наука, 1967. С. 320.

² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Т.1. С. 398.

³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. Т.2. С. 112.

⁴ Там же.

⁵ Ртищев Н.Ф. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 248.

⁶ Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 49.

⁷ См., например: Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД; Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД.

Как видим, ни в одной из перечисленных и цитируемых работ нет Илисуйского (Цахурского) султанства, а в «Истории Дагестана», а также в «Истории народов Северного Кавказа...» не дано Кюринское ханство, хотя при описании политических событий в Южном Дагестане о нем говорится¹.

Интересны сведения о численности феодальных владений Дагестана, имеющиеся в сведениях начиная с начала XVIII в. А.И.Лопухин – участник посольства русского дипломата А.П.Волынского, проходивший через приморский Дагестан в 1718 г., перечисляя владения, на территории которых они проходили из Персии на север, приводит Дербентское владение, Кайтагское удмийство, шамхальство, княжества Засулакской Кумыкии, а также говорит о Буйнаке, Утамыше и владении шамхала Омалата, т.е. приводит 9 феодальных владений². О владениях Горного Дагестана он не писал.

Вслед за ним, через 10 лет И.-Г.Гербер дал описание всех указанных владений, дополнив их Казикумухским и Аварским ханствами и небольшим владением «шубках шамхала»³. Другой участник Каспийского похода Петра I Дж.Белл писал: «Здесьняя страна разделяется на многие независимые ни от кого владения, каковы суть Кабарда, Шамхал, Усмея и проч.»⁴

В конце XVIII в. Д.И.Тихонов в составе шамхальства перечисляет Утамыш и Буйнак⁵. А Д.Ф.Еропкин дает владельцев Губдена, Карабудахкента, Буйнака, Канабура, Атлы, Параула, Дженгутая, Эрпели, Кафыр-Кумуха, В. и Н.Казанище, Брагуни, Медигина, Буглена, Капчигая, Эндирея, Аксяя, Костека⁶.

И.Т. Дренякин и П.Г. Бутков перечисляют только основные феодальные владения – без Утамыша и Буйнака⁷.

¹ История народов Северного Кавказа... Т.2. С. 113.

² Лопухин А.И. Указ.соч. // ИГЭД.

³ Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД.

⁴ Белл Дж. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли; а именно: Испогань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Т.III. С.179

⁵ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 129.

⁶ Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С.121-123.

⁷ Дренякин И.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. Таблица; Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. С. 210.

Как видим, ни один из указанных авторов XVIII в. не говорит не только о каких-то южнодагестанских и аварских владениях, но и таких известных среди них, как Кюринское ханство и Илисуйское султанство.

Если учесть все сведения о феодальных владениях Дагестана XVIII – первой половины XIX в., то их общее количество может достигнуть до 15. Но это основные и наиболее крупные феодальные владения, о которых имеются приведенные выше конкретные сведения по одним в рамках исследуемого периода, по другим – только по началу XVIII в., по третьим – начиная с конца XVIII до начала XIX в. Между тем нельзя не согласиться и с приведенными сведениями из работ Р.М.Магомедова и С.Ш.Гаджиевой, так как наше исследование посвящено XVIII – первой половине XIX в., когда на политической карте происходили изменения и политические структуры не всегда занимали одинаковое положение в разное время. Нам также удалось собрать ряд материалов, подтверждающих наличие представителей класса феодалов, в частности представителей правящей феодальной фамилии шамхалов в Аварии и казикумухских ханов во многих селах Южного Дагестана. Этот материал говорит даже о наличии ряда самостоятельных небольших феодальных владений, как например, Ярагского владения, где в качестве владельца были выходцы из казикумухского ханского дома, первоначально переселившиеся в Курах, а оттуда разошедшие по разным кюринским селениям и сохранившие родственные связи с владельцами Кураха.

Нами собраны также материалы и различные сведения, подтвержденные архивными источниками, о наличии представителей класса феодалов в узденских селениях даргинцев, как, например, в Викри, Мюрего, Мургук, во многих аварских селах и т.д. Все это, конечно, нельзя не учитывать, говоря о классе феодалов Дагестана XVIII – первой половины XIX в. Это были в основном дети либо феодальных правителей, либо беков, рожденные главным образом от неравных браков, т.е. представителей феодального класса и узденков, порой даже от рабынь. Но все же, какое бы ни было их происхождение, они представляли собой такую сословную группу, которая стояла выше свобод-

ных узденей, попадавших в силу определенных обстоятельств в зависимое положение от них.

Возникновение класса феодалов, как эксплуататорского, привилегированного по сравнению с другими группами населения и главным образом с крестьянством, связано с возникновением государственно-политических структур, относящихся к периоду распада Кавказской Албании, т.е. к раннему средневековью. Как отмечается во всей существующей исторической литературе, в раннем средневековье, т.е. в V-X вв., на территории Дагестана уже «существовал ряд незначительных по территории государств – Баб ал-абваб (Дербент), Лакз (Южный Дагестан), Табасаран, Хайдак (Кайтак), Гумик (Кумух), Зирихгеран (Кубачи), Серир (Авария), Карах (Уркарах), Филан, Шандан»¹.

Поэтому вряд ли можно согласиться с существовавшим мнением о возникновении класса феодалов только после походов в Дагестан арабов и распространения среди дагестанских народов ислама. Изучая различные вопросы социально-экономического развития Дагестана, А.Руновский, например, писал, как бы заключая социальный состав населения Дагестана, что «с достоверностью можно заключить, что аристократический элемент появился в Дагестане только с распространением ислама; до этого же времени население страны состояло из одних лишь свободных граждан, в некоторых местностях не признававших совершенно никакой власти, а в других плативших подати правителям, которые избирались из среды их же, и, может быть, не пользовались даже наследственными правами»².

На самом деле, как отмечено было выше, различные классы и сословные группы и, в первую очередь, класс феодалов возникают с появлением государственно-политических структур. Говоря о позднем возникновении Мехтулинского ханства и Илисуйского султанства и описывая существовавшие еще в на-

¹ Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. Махачкала, 1975. С. 9. Ссылается на: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда IX-XI вв. М., 1963. С. 112-144; Магомедов Р.М. История Дагестана... С. 52-61; История Дагестана. М., 1967. Т.1. С.121-131; Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.) Махачкала, 1969. С. 28-46.

² Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. 1862. № 8. С. 374.

чальный период раннего средневековья таких государств, как шамхальство Казикумухское и уцмийство Кайтагское, проф. М.М.Ковалевский писал: «Едва ли нужно говорить, что до их (арабов. – Б.А.) наступления в Дагестане не было сословий; родовая организация, какую представляли собой независимые друг от друга тухумы, не была благоприятна развитию общественного неравенства. О сословиях в период, предшествующий возникновению ханов, не может быть следовательно и в помине. Сказанное требует, впрочем, оговорки. Военнопленные даже в период догосударственный всегда представляют собой готовый контингент рабов (кулов и каравашей), который время от времени восполняется попавшими в кабалу несостоятельными должниками»¹. И далее, останавливаясь на дальнейшем историческом процессе, М.М.Ковалевский писал: «Для своего дальнейшего развития процесс образования сословий нуждается уже в замене первоначальной независимости родов общим подчинением их единой центральной власти, какой и является в Дагестане власть шамхалов, халхавчи, ханов, султанов и отдельных правителей или беков. Поэтому только в среде обществ, достигших государственной формы общежития, встречаемся мы с фактом существования отличного от свободных сословий крепких к земле людей, обязательный труд которых доставляет правителю и членам родственных ему династий необходимые средства для покрытия издержек его двора, его военного и гражданского управления»².

Но следует отметить, что в своих суждениях М.М. Ковалевский оказался не совсем последовательным. Еще до приведенных выше его слов он писал: «Арабское владычество в Дагестане и сменившее его господство поставленных от Шаха Дербентских ханов положили свою печать и на политический строй горцев. Оно вызвало образование в их среде более или менее независимых от Персии государственных сообществ и повело к возникновению в них сословных делений»³.

¹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т.1. С. 226.

² Там же.

³ Там же. С. 220-221.

В то же время далее М.М.Ковалевский писал: «Зачатки государственности, согласно преданию, существовали в Дагестане еще до пришествия аравитян. Авары... имели своих ханов до прихода Абу-Муслима и сохраняли свою политическую независимость целых два века спустя (ссылается на Мухаммеда Рафи. – Б.А.). Но в Кумухе, по словам Масуди, не было царей и правителей. Дагестанская летопись Мухаммеда Рафи (составленная в конце XV века) связывает происхождение кумухских ханов с фактом нашествия арабов на Кавказе»¹.

Причем, по мнению М.М.Ковалевского: «Сословная организация горцев... всецело должна быть отнесена на счет одновременного воздействия на их быт грузинского феодализма и возникшего на северной плоскости, благодаря завоеванию ее пришлым племенем, не менее феодальной по своему характеру организации кабардинцев»².

В. Линден под влиянием М.М.Ковалевского также остановился на вопросе о сословных группах кавказских горцев. Но он высказал и свое суждение по этому вопросу. «Родовая организация, какую представляли независимые друг от друга тохумы или их союзы, не была благоприятна развитию общественного неравенства и следовательно о сословиях в первый период (автор, очевидно, имеет в виду родовой строй. – Б.А.), предшествующий возникновению ханств и других владений, не могло быть и речи, за исключением, впрочем, сословия рабов (кулов-рабов мужчин и каравашей-рабынь), члены которого вербовались у дагестанцев, так же как и среди туземного населения других районов Кавказского края, по преимуществу из числа военнопленных»³. После этого В. Линден говорит о времени возникновения владений монархического типа. «Сословия, – писал он, – возникли только впоследствии, когда среди беспрестанных войн, а также благодаря внешним влияниям и поддержке (в частности персидских шахов) государственная власть

¹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т.1. С. 221.

² Там же. С. 78.

³ Линден В. Краткий очерк былого общественно-политического и земельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // КК на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 284-285.

укрепилась и постепенно из избирательной превратилась (в большинстве владений к концу XVII и началу XVIII столетия) в наследственную»¹.

В историографии XVIII-XIX вв. высказывались и другие различные суждения как по поводу существования феодальных владений и первой сословной группы класса феодалов, так и появлению на политической карте Дагестана государственно-политических структур. Порой высказывались весьма невероятные мнения, на отдельных из которых нелишне остановиться. Так, в 80-е гг. XVIII в. Я. Рейнеггс писал об образовании дагестанских владений в определенных границах также с периодом после арабских завоеваний, характеризующим сначала различными раздорами, пока правители не поняли необходимость прекращения раздоров и «все они изнурясь междоусобными браньями назначили себе границы. Таким образом произошли княжества Гази-Кумук, Каракайдек, Табасаран и независимые [от] оных князья по старой и долговременной привычке. Князья вместе с достоинством получали и имя первого князя – прародителя своего»².

Появившись в раннем средневековье, развиваясь по пути дальнейшей феодализации, изменяясь в границах и в своем составе, дагестанские государственно-политические единицы в исследуемый период достигли своего апогея, и они представляли собой настоящие феодальные владения со всеми присущими атрибутами феодальных структур. Но они, как отмечено во многих работах исследователей истории Дагестана, развивались по своему пути, со своими особенностями, что являлось следствием различных причин исторического, политического и естественно-географического характера и, безусловно, влияния окружающих восточных государств. Поэтому мы не совсем согласны с существующим, казалось бы обоснованным, мнением, весьма авторитетного ученого-проф. С.В. Юшкова о том, что

¹ Линден В. Краткий очерк былого общественно-политического и земельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края ... С. 185.

² См.: Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. проф. В.Г.Гаджиева. Махачкала, 1992. С. 266.

феодалы владения Дагестана были недоразвиты, где не было устроенной управленческой структуры, ни феодального двора, ни служилой группы и т.д. При этом он не учитывал местных особенностей и говорил о параллелях с западно-европейскими странами и Россией. Вот, что он писал о Дагестане: «Здесь прежде всего мы не найдем сложной системы административных учреждений. Не создано особой системы феодалов, подобно витенагемоту в Англии, Курии во Франции, боярской думы в России. Мало того, нам не удалось найти следов дружинной организации (Gefolgschaft – западно-европейского средневековья), так типичного для раннего русского феодализма»¹.

В связи с этим хотелось бы заметить, – почему было обязательно, чтобы Дагестан с отмеченными выше особенностями исторического развития должен был копировать детально все, что было в странах Западной Европы и в России? И еще по вопросу дружинной организации. Разве нукеры – это не те же самые дружинники, которые были характерны для раннего русского феодализма. Ведь надо учитывать масштабы дагестанских владений и стран Западной Европы и России. Разве они соотносились или были сравнимы по территории и населению? Да и сам С.В. Юшков, как увидим далее, говорил о дагестанских нукерах и их функциях.

Но продолжим приводимый в его статье о феодализме в Дагестане перечень институтов, которых не было здесь, имевших место в других указанных выше странах. В частности, он писал: «Конечно, ханы должны были совещаться с наиболее видными своими вассалами, но эти совещания так же, как это было в Киевской Руси, были актами думанья, а не учреждением»².

Далее он писал об отсутствии в дагестанских феодальных владениях той «сложной системы так называемого дворцово-вотчинного управления», какое было в странах Западной Евро-

¹ Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута. Свердловск, 1938. Вып. I. (Исторический). С. 83.

² Там же.

пы и в России. Но была ли в ней необходимость для небольших дагестанских феодальных владений? «Как было указано, – продолжал писать С.В. Юшков, – в Дагестане не было министералитета (дворцовых чинов). Так мы, как общее правило, не находим дворецких, конюших, стольников, чашников, воевод и т.д., которые обычно принадлежали к числу наиболее влиятельных феодалов. Очевидно, все эти функции выполнялись или ханскими рабами или нукерами. Обычно упоминается только о визирях и назирях, иногда дворецких. Функции визиря, вероятно, были теми же, что и в других мусульманских странах, т.е. они были непосредственными помощниками хана, его правой рукой. Назири выполняли разнообразные поручения»¹.

Далее С.В. Юшков, останавливаясь на описании ханского двора, опять возвращается к вопросу о нукерах и в связи с этим писал: «Ханский двор, кроме рабов, включал т.н. нукеров, выбиравшихся, вероятно, из верхушки узденства. Ближе всего к нукерам Дагестана подходят гриди Киевской Руси. Их функции, как и функции гридей, были разнообразны. Они выполняли и финансово-административные и судебные функции. Вместе с тем нукеры составляли военные отряды при хане»². Как видно из приведенных слов, С.В. Юшков противоречит сам себе. Выше он писал об отсутствии у дагестанских правителей дружин, а здесь говорит об их наличии.

Далее С.В. Юшков писал о примитивности местного управления по своей организационной структуре. Он писал, в частности, об этом так: «Мы не наблюдаем деления ханства на более или менее крупные административные единицы (уезды в Древней Руси; префектура во Франции и т.д.)». Следующее предположение его является ответом, почему не было необходимости (или невозможности) такого деления. «Очевидно, – писал С.В. Юшков, – земельные владения ханов (домены) за вычетом земельных владений, принадлежавших бекам, были так незначительны, что не было необходимости территориаль-

¹ Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания)... С. 83-84.

² Там же. С. 84.

ного деления»¹. Поэтому и это было особенностью дагестанского феодализма, а не показателем его недоразвитости.

Продолжая утверждения об отсутствии в Дагестане тех или иных феодальных институтов, характерных для стран Западной Европы и России, С.В. Юшков отмечал превалирование здесь натуральной ренты, состоящей в основном из скота, и в связи с этим отсутствие специальных финансовых агентов у ханов; отсутствие постоянной или профессиональной армии, кроме нукеров, простоту административного устройства бекств (заметьте, что выше С.В. Юшков отрицал деление ханств на более мелкие административные структуры. – Б.А.); отсутствие грамот, дипломов, выдававшихся в других государствах вассалам, оммажа, патронажа, бенефиции, феодалов и т.д.²

Что можно сказать по этим наблюдениям или утверждениям проф. С.В. Юшкова? Отметим, что свою статью он озаглавил: «К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания)». Все приведенное выше из его статьи и есть особенности феодализма в Дагестане. Думается, что это и необходимо было подчеркивать в соответствии с названием статьи, а не использовать все это для утверждения недоразвитости феодализма в Дагестане. В частности, из всего приведенного С.В. Юшков пришел к выводу: «Феодализм в Дагестане даже в тех частях, в которых процесс феодализма достиг наибольшего развития, относится к феодализму раннего типа»³.

В связи со всем приведенным, хотелось привести слова С.М. Броневского, сказанные им еще в конце XVIII в. о горцах Кавказа в целом, в том числе Дагестана. Он писал, что трудно «изобразить общими чертами хаос многочисленных видов, союзов и притязаний, составляющих политику Горских народов. Но действительно у них есть политика, в которую, к сожалению, мало вникают; есть также народное право, соблюдаемое неписаными законами или обычаями; не менее известны им и прочие средства, употребляемые для приобретения помощи,

¹ Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания)... С. 84

² Там же. С. 84-85.

³ Там же. С. 85.

для выигрывания времени, для успокоения сильного неприятеля или для взаимного примирения: союзы, договоры, посольства, подарки, посредничества, ручательства, залогов; да и не должно быть иначе»¹. Все это говорит о той системе устройства феодальных владений Дагестана, с которым мы сталкиваемся в изучаемое время. И не следует доказывать чрезмерную примитивность административно-территориального устройства дагестанских владений, не следует проводить прямых аналогий с классическим феодализмом европейских стран и России. Там свой путь развития, свои особенности, в Дагестане свои особенности. Но в целом – это феодализм с проявлением местных особенностей.

Таково было в целом положение Дагестана в изучаемое время, характеризуемое дальнейшим развитием феодальных отношений, усилением одних владений, развитием других без особых радикальных изменений и упадком и даже прекращением существования третьих в результате внешнего вмешательства или присоединением их к другим более крупным и сильным феодальным структурам как их новых частей.

Все это, естественно, не могло не оказать и определенного влияния на положение классов и сословных групп дагестанского общества исследуемого периода, что проявлялось в усилении одних владельцев и ослаблении других, которые в силу определенных обстоятельств теряли свои феодальные привилегии в обществе. На этом вопросе, на характеристике класса феодалов и конкретно различных его сословных групп и остановимся мы ниже, начиная с самой привилегированной группы. Но прежде отметим, что класс феодалов в изучаемое время состоял из шамхалов, ханов, уцмиев, майсумов, кадиев, султанов, беков, чанков, сала-узденей, высшего мусульманского духовенства, а также феодальной и феодализирующейся знати союзов сельских общин.

¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I. С. 53.

§ 2. Феодалы как высшая знать класса феодалов

Самой привилегированной частью или сословной группой класса феодалов дагестанского общества, как и любого другого феодального общества, являлись феодалы-владельцы или, как часто еще их называют, феодалы-правители. Это высшая знать класса феодалов Дагестана, среди которых были шамхалы, ханы, уцмий, майсумы, кадий и султаны, правившие в различных феодальных владениях Дагестана. Это представители высшего сословия класса феодалов Дагестана, которым принадлежала верховная власть, управление своим владением в целом, а также высшая военная и судебная власть, и которая в зависимости от конкретного исторического развития в том или ином владении проявлялась по-разному, с определенными особенностями, характеризующимися проявлением их более в широком виде в одних владениях, с ограничениями – в других.

Именно в исследуемое время наблюдается яркое проявление упадка одних и возвышение других феодальных владений над другими, возвышение одних правителей и потеря влияния других. И это было связано не только с конкретным историческим развитием того или иного феодального владения, природно-географическими факторами, но и личностью самого феодального владельца, его расторопностью, активностью в политической жизни, его характером, способностью проявлять себя во взаимоотношениях с другими феодальными правителями, умением поставить, показать себя, умением вступать в различные связи с другими владельцами, вступать в контакты с ними, заключать различные союзы, привлекать на свою сторону других, быть в почете, пользоваться авторитетом у народа и т.д.

Об этом конкретно будет сказано при характеристике каждого феодального правителя. Здесь же нельзя не отметить, что сказанное в особенности хорошо видно на примере политической деятельности Сурхай-хана Казикумухского – правителя Казикумухского ханства, уцмий Кайтага Ахмед-хана и Амир-Гамзы, кубино-дербентского правителя Фатали-хана, аварского хана Ума-хана, возвышавшихся в период их правления в своих

владениях в результате активной политической жизни в Дагестане и за его пределами.

И в связи со сказанным все же позволим привести наблюдения ряда авторов XVIII-XIX вв. о слабости, т.е. ослаблении в определенные годы исследуемого периода некоторых феодальных владельцев, что способствовало этому, почему это происходило в тех или иных феодальных владениях Дагестана. Отметим, что еще в начале XVIII в. А.И. Лопухин – участник посольства 1715-1718 гг. в Персию А.П. Волынского, посланный в 1718 г. «сухим путем» через Дагестан в Россию для доставки подарков шаха Петру I, писал о слабости по отношению к своим подчиненным уцмий и шамхала. Первый из них на просьбу посланцев А.П. Волынского провести их до Тарков ответил, что не сможет это сделать, так как «здесь в горах народ самовольной, особливо близко меня живут каракайтаки, которых никто унять не может, и ежели что над ними сделают такое худо, в том я на себя приму слово и гнев от шаха»¹. О Тарковском шамхальстве он также отмечал: «Народ именуется под властью Алдигирея, только люди очень вольные, ево самово мало слушают и промежду собой у них живут драки частые и убивства»². Особенно упало влияние шамхала на Дагестан после его выступления на крепость Святого креста. «Достоинство шамхала, – писал А.А. Неверовский, – уничтоженное русскими в 1725 году и восстановленное Шахом Надиром, – не могло достигнуть того значения в Дагестане, какое оно пользовалось прежде. Все старания шамхалов остались тщетными, и они навсегда утратили вес и влияние между горцами, а в особенности при жизни Омар-Хана Аварского. Звание валия дагестанского осталось у них только пустым титулом»³.

О причинах разорения и ослабления князей Засулакской Кумыкии Д.-М. Шихалиев писал: «... члены их семейств, по необыкновенной плодовитости потомков Султанмута, в роде

¹ Лопухин А.П. Указ.соч. // ИГЭД. С. 12, 18.

² Там же. С. 44.

³ Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С. 40.

младшего его сына Айдемира, более и более умножались: потребности жизни были те же, что и при отцах их, земли те же, но каждому новичку из князей хотелось, по следам своих предков, блеснуть открытой жизнью, приобрести себе новых приверженцев, жаловать их доходами и вещами, не примечая того, что это ведет его с потомством к совершенному разорению. Все это влекло за собою истощение богатств княжеских, оскудению средств к приличному содержанию»¹. Далее он дает характеристику самим княжеским особам. «Изнеженные, избалованные неопытными, но чересчур подбострастными пестунами, они с разных лет приучились не обращать внимание на собственное хозяйство, и, относя это на попечение аталыков своих, безотчетно предавались развлечениям праздной жизни. Не оставалось и следов доблестных примеров их предков. Воинственный дух, воодушевлявших тех, постепенно ослабел в них. Уздени и все свободные сословия, составлявшие конные их дружины, рассчитывая уже выгоды собственные, потеряли к ним усердие; чагары, составлявшие им в случае надобности пехоту, потребовали уменьшения или по крайней мере неизменения поземельного оброка, тогда как князьям, разветвившимся на многие отдельные семейства, более против прежнего, предстояла нужда в увеличении доходов. И все это довело нынешних князей до того, что большая часть из них терпит крайнюю бедность»². Речь здесь идет о 40-х гг. XIX в., когда с периода заселения Султан-Мутом и его сторонниками Засулакской Кумыкии прошло 2,5 века.

Интересно мнение Я. Рейнеггса об ослаблении правителей кавказских феодальных владений вообще и дагестанских, в частности. Он, в частности, писал, что «кавказские князья, ... разделяя земли детям своим и основавши разные малые провинции, сами подали случай к своей слабости, из которых каждая и донныне находится под властью наследных князей и управляется независимо и для того то (поэтому. – Б.А.) мы ны-

¹ Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках / Сост., предисл. и коммент. доктора исторических наук С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1993. С. 44-45.

² Там же. С. 45.

не видим, что княжество Гази-Кумук разделено на 4 провинции, кои теперь их же князей во владении находятся, а именно: у шамгала Магомета-хана, Али-Султана и у Гаспулата. Владелец Каракайдекский лишился города Дербента с принадлежащими к нему местами, которой почитался из давних времен завоеванным владением сей провинции.

Табасаран отпадением разных колен и ширванских городов также в слабость приведен. Следовательно, границы онаго далее гор не простираются, он принужден держаться одинакого с прочими равновесия, по которому все сии князья, будучи друг другу взаимно страшны, власть свою ограничивают и делают невозможным распространение (расширение. – Б.А.) своих пределов»¹.

Я. Рейнеггс при этом отмечал, что в ослаблении феодальных владетелей большую роль играл и народ. Он писал: «Да и самой народ, не теряя ни мало вольности своей, лишь из доброй воли повинуется, тем реже соответствует он повелительным намерениям своих начальников, чем менее находит пользу для себя и для самопроизвольного подданства своего в умножающейся их власти, а для того князья всегда обязаны с чрезмерной осторожностью поступать с своими подданными, ибо малейшая строгость в правлении взбунтовать их в состоянии»².

Не менее интересно другое высказывание Я. Рейнеггса по усилению или ослаблению феодальных владетелей Дагестана вообще. По его мнению, феодальный владетель («князь»), «снискавший доверенность многих поколений, бывает более в почтении, однако прибыли от того ожидать он никакой не должен; ибо как скоро только в нем приметят дух честолюбия или малейшую склонность ко расширению внутренних своих границ, то он теряет всю доверенность по тому, что поколения,

¹ Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und St. Petersburg, 1796. См. русский перевод: Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992. С. 266.

² Там же. С. 267.

будучи склонны ко своей вольности, легко понимают, сколь много может им причинить вред умножающая власть князя»¹.

И далее он отмечал: «Сия взаимная осторожность заставляет князей быть спокойными при их владениях, а поколения при их вольности, которая однако ж нередко в их бешенство превращается, и через вредные и непрерывные брани приводит их в слабость. Как же скоро кто-нибудь из князей вне границ своих войну вести вознамерится, то народы сии тотчас явятся с полным своим оружием и собираются в разном количестве, смотря по нужде и соображаясь с ожидаемою от того прибылью с намерениями князя»².

Теперь остановимся на конкретной характеристике каждого феодального владетеля.

1. Шамхал Тарковский

Изучение феодальных владетелей, их характеристику как феодальных правителей, их политическую деятельность начнем с шамхала Тарковского, так как Тарковское шамхальство в исследуемое время, как и ранее Казикумухское шамхальство, было не только среди кумыкских феодальных владений, но и среди феодальных владений Дагестана вообще, наиболее крупным по занимаемой территории и наиболее известным по своему политическому влиянию, по своим связям с внешним миром, в частности с Ираном, Турцией и Россией, владением, которое образовалось в середине XVII в. в связи с переходом в Тарки шамхалов Казикумухских. Поэтому, естественно, и то, что шамхалы в исследуемый период, как и в предыдущие века, занимали особое место среди других феодальных владетелей Дагестана. Но прежде чем приступить к характеристике личности шамхала, коль мы затронули его владение, чтобы убедиться о его масштабах и размерах, думается, следует остановиться и на этом вопросе. Наиболее ранние сведения о территории и границах Тарковского шамхальства по изучаемому периоду име-

ются у участника похода Петра I в Дагестан И.-Г. Гербера, который писал, что его территория на севере доходила до реки Сулак, на западе – до гор Буйнака, хайдаков и карахайдаков, а к востоку уходила «до акушинцов и таулинцов»¹.

И.-Г. Гербер писал и о величине и составе шамхальства, отмечая, что этот «уезд великой, состоит при городе и столицы шамхальской Тарху во многих добрых и великих деревнях», которые находились «часть на нижней земле недалеко от моря, часть на горах и между горами»².

Участник Персидского похода 1796 г. Д.И. Тихонов более детализирует территорию шамхальства и его границы, отмечая, что на севере они доходили до Сулака, к востоку до Каспийского моря, к югу «начинается сухою границею с уцмиевым и Али Султановым (Дженгутаевского. – Б.А.) владениями, от урочища Урусай-Булака, от которого подымается хребтом, а потом наклоняется к северу от хребтов гор, лежащих между рек Большого и Малого Манаса, до границы уцмиевой, от коей пахи (также. – Б.А.) повернется же на запад, между вершинами рек Манаса и Торкали Озени и дойдет до западных гор, за которыми граничит с народами акушинцами и салатавцами»³.

Писали о территории и границах Тарковского шамхальства и многие другие авторы – А.И. Лопухин, Я. Рейнеггс, П. Зубов и т.д. Не останавливаясь на них, отметим только весьма интересное описание Тарковского шамхальства, которое оставил нам С.М. Броневский. «Границы его, – писал он, – с трех сторон те же, что Дагестана, а к полудню области Уцмия Каракайдацкого. Против устья Койсу, Восточный кряж Кавказа отстоит в 50 верстах от морского берега; потом мало-помалу горы остесняются к морю и оставляют между берегом онаго длинную низменную равнину, коей ширина уменьшается от 15 до 10 и до 5 верст. В сем последнем разстоянии находится город Тарку, главное местопребывание Шамхала на самой середине владения его расположенное. От Тарку до Орусай-Булака, между коими 50 верст разстояния, продолжаютя такие же низменные

¹ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв ... С. 275.

² Там же.

¹ Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С. 71.

² Там же.

³ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 125.

долины между морем и горами. Сии долины плодородны и большею частию отработаны под хлеб»¹. И последующие авторы после С.М. Броневского подчеркивали эти границы шамхальства². По сведениям офицеров русской армии М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга, в 30-е гг. XIX в. владение шамхала Тарковского простиралось «между р. Койсу и ручьем Орусай-Булак» «вдоль по берегу морскому на 110 верст»³.

Возвращаясь к сведениям И.-Г. Гербера о территории шамхальства, еще раз приведем его слова о том, что это был «уезд» «великой», т.е. большой, который состоял «при городе и столицы шамхальской Тарху во многих добрых и великих деревнях»⁴. По свидетельству А.И. Лопухина, в первой четверти XVIII в. в Тарках – столице шамхальства – было 1500 дворов⁵. Об этом же писал в конце XVIII в. Д.И. Тихонов⁶. Но по сведениям 70-80-х гг. XVIII в., в Тарки было меньше дворов. И.А. Гильденштедт приводил «до 1200 дворов семейств»⁷, а Я. Рейнеггс – «1080 дворов жителей его»⁸.

Еще в 1711 г. голландский художник К. Брейн писал, что в Дагестане главный город «Тарку» или «Тирк», «Тарки», «Таргу»⁹. С.М. Броневский писал, что «Тарку, город, местопребывание Шамхала, лежит в 5 верстах от моря, между реками Озень и Манас, на скате горы, в довольно просторном и высоком ущелье, которое вышло полукружием, лицом к морю, ... вид сего города... представляет с морского берега подобие амфитеатра. В самом высшем ярусе находится Шамхальской дворец, который примечателен водопроводами, доставляющими

¹ Броневский С. Указ.соч. Ч.II. С. 294-295.

² Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 215; Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 306.

³ Там же.

⁴ Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С. 71.

⁵ Лопухин А.И. Указ.соч. // ИГЭД. С. 57.

⁶ Тихонов Д.И. Указ.соч. // ИГЭД. С. 129.

⁷ Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия Г-на Академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809. С. 107.

⁸ См.: Дагестан в известиях... С. 271.

⁹ Там же. С. 149.

туда с вершины горы ключевую воду, которая потом разными желобами разливается по всему городу»¹.

Подробное описание Тарки оставил нам и акад. П.Г. Бутков, писавший, что «Тарки имеет прелестное положение. Составляющие его 1500 домов разбросаны по косоугору версты на 3. Главную часть сего города занимает почти полной цыркуль горы... Дома... главной части города расположены все по косоугору, так что один дом почти над другим стоит...

Дом Шамхала примыкает к восточному берегу горы, расположен лицом к западу. Любопытного ничего не имеет, и все его достоинство состоит в древности»².

Через более 50 лет И.Н. Березин также описал Тарки, отметив те же особенности его. Но любопытно из его описания о Тарки сведения о шамхальском доме. В частности, он отмечал: «Почти в середине города находится дворец... – просто дом Шамхала; это здание единственное в городе, отличается от саклей и величиной и тщательной отделкой, но все же азиатская натура положила на нем свое клеймо: у дома Шамхала кровля плоская, как и у всех саклей... Народонаселение Тарху ныне не превышает пяти тысяч; прежде доходило до десяти... Домов считается здесь до 1200»³. В другом месте И.Н. Березин дал более подробное описание дома шамхала. «Дом Шамхала, – писал он, – находится в верхней части Тарху и выстроен не совсем по-здешнему: это довольно правильное здание сложено из тесаного камня, освещается правильно расположенными окнами с рамами и стеклами, и с фасадом, перед которым растут тополя, очень похоже на европейское жилище; к одной из боковых комнат примыкает балкон. У главных ворот находится тюрьма – выкопанная в земле яма, в которую на веревке спускают преступников; при мусульманском владычестве наказания были гораздо суровее, и восточные казни-ослепление и проч. были в большом ходу.

¹ Броневский С. Указ.соч. Ч.II. С. 303-304.

² Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 200.

³ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань, 1850. Ч.1. С. 62, 67.

На первом дворе находится между главными и вторыми воротами фонтан или правильное четверугольный бассейн сажень семь в окружности, покрытый навесом; подле бассейна лежит небольшой серый камень: это трон Шамхала, на котором он судит и рядит своих подданных, на котором и коронуются и новые владетели Тарху»¹.

О составе владения шамхала Тарковского имеются противоречивые сведения. Как отметили выше, по сведениям 20-х гг. XVIII в., шамхальство состояло «во многих добрых и великих деревнях, которые часть на нижней земле недалеко от моря, часть на горах и между горами» находились². По мнению В.Г. Гаджиева, в это время, т.е. в период похода Петра I в Прикаспие, в Тарковском шамхальстве было 20 селений³. По данным Д.И. Тихонова, в конце XVIII в. во владении тарковского шамхала находилось 26 селений⁴. Причем среди них перечислены и села бийликов (бекств) как Карабудахкент и Буйнак⁵. А С.М. Броневский писал о вхождении во владения шамхала, кроме Карабудахкента и Буйнака, также Эрпели, Дургели и Губдена⁶. И по сведениям Н.Ф. Ртищева, относящимся к 1813 г., в составе Тарковского шамхальства находились указанные села⁷. То же самое мы видим и по данным статьи «Шамхалы Тарковские» и «Записки временной комиссии о владении шамхалов Тарковских...», согласно которым под владением шамхала вместе с перечисленными селами бийликов находилось 13 сел, а также кочующие в его владении ногайцы⁸.

¹ Березин И. Указ.соч. С. 74-75.

² Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С. 71.

³ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. С. 94.

⁴ Тихонов Д.И. Указ.соч. С. 129.

⁵ Там же.

⁶ Броневский С. Указ.соч. Ч.II. С. 304.

⁷ Ртищев Н.Ф. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 249.

⁸ Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.1. С. 71; Феодалные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Арх.мат. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1969. С. 68.

По сведениям Д.И. Тихонова, во всех 26 селениях (в том числе в Тарки и Буйнаке) шамхальства было, по одним данным, 4100, а по другим – 5400 домов¹. Согласно сведениям русских офицеров М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга, подданных собственно принадлежавших шамхалу было до 12 тыс. дворов², а по данным майора Ивченко, в шамхальстве было 28 селений с 5000 семействами «из лезгин (дагестанцев. – Б.А.), ногайцев и армян»³.

Но, согласно существующим сведениям, под влиянием шамхала Тарковского находились, кроме кумыков и ногайцев, ряд горных обществ. В первой трети XVIII в. И.-Г. Гербер писал: «Шамхалы изстари великую власть и чрезмеру великую волю и привилегии имели, ибо не токмо все уезды в Дагестане под их властию стояли, но оные еще некоторую часть из тавлинцов под свою власть брали и самовольно яко подданными владели, а другие около их живущие породы всегда их высоко почитали и их силы боялись»⁴.

Возникновение политической зависимости ряда обществ и народов от шамхала было следствием его экономической мощи. Так, под влиянием шамхала находились верхнедаргинские союзы сельских общин, которые, как писал в 1796 г. Д.И. Тихонов, «шамхалу податей никаких не дают, но ежели случится, что нужно будет ему вооруженное войско, то просит их по доброй воле, а иногда и с заплакою, а принудить их не может»⁵. «Но главная их нужда в шамхале та. – отмечал он, – что в рассуждении их в горах жилища, где в зимнее время свои стада со скотом продержат никак не могут по причине малости подножного корму, а больше еще и стужи, а потому необходимо принуждены нанимать на зимнее время завсегда в шамхаловом владении лежащие на плоскости кутаны, и по той самой причине его уважают»⁶.

¹ Тихонов Д.И. Указ.соч. // ИГЭД. С. 129.

² Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 307.

³ Там же.

⁴ Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С. 71.

⁵ Тихонов Д.И. Указ.соч. // ИГЭД. С. 131.

⁶ Там же.

Однако, как далее отмечал Д.И. Тихонов, взаимоотношения шамхала и верхнедаргинцев не ограничивались арендой зимних пастбищ и уважением. Как указывал далее он, верхнедаргинцы во главе с акушинским кадием активно участвовали при избрании и коронации нового шамхала, который считался избранным только после того, как его сажали на четырехугольный камень. Как писал Д.И. Тихонов, «по окончании сей церемонии шамхал, вставши, дарит их по его рассмотрению, и в то время уже признан будет от всех народов шамхалом»¹.

Такие отношения шамхала Тарковского и верхнедаргинцев отдельные авторы рассматривали как зависимые. Еще П.Г. Бутков писал, что кроме собственно Тарковского владения, «имеет шамхал в своей зависимости народы акушинские»². С.М. Броневский также писал, что акушинцы были «под покровительством Шамхала, находясь в некоторой зависимости в разсуждении пастьби скота... и прочих местных обстоятельств»³. О некоторой зависимости верхнедаргинцев от шамхала по указанным причинам писал и П.Зубов⁴. Х.-М. Хашаев считал верхнедаргинцев вассалами шамхала Тарковского и что эти вассальные «отношения к шамхальству у акушинских народов (т.е. собственно акушинцев, цудахарцев, мекегинцев, усишинцев и мугинцев. – Б.А.) сохранились вплоть до 1820 г.»⁵.

Согласно имеющимся данным, в исследуемое время в зависимости от шамхала Тарковского находился и Койсубулинский союз сельских общин. В одном из источников центр союза Унцукуль и селение Чирката названы «подведомственными шамхалу»⁶. В 1809 г. в одном из своих писем главнокомандующему на Кавказе ген.-л. А.П. Тормасову нуцал Хунзахского ханства Султан-Ахмет-хан сообщал, что Койсубулинское общество «подвластно владетелю Тарковскому ген.-л. шамхалу» и находится «в его зависимости» и что «стада их постоянно зимуют в

его владениях, там же они промышляют и летом»¹. В письмах шамхала Адиль-Гирея в Унцукуль от 1718-1719 и 1721 гг. унцукульцы названы «сотрапезниками и любимцами»². В «Соглашении» между шамхалом и араканцами от 1757 г. на обращение араканцев об отдаче их джамаату гор Уркат и Акай-тау, принадлежавших Мехти-шамхалу, говорится, что последний удовлетворил их просьбу с условием, что араканцы будут его войском, его сыновьями, его людьми, будут усердно служить ему так, как это было раньше при предках, делить с ним радость и горе»³. Известный арабист-востоковед Т.М. Айтберов переводит арабский текст документа по-другому: араканцы являются по отношению к Мехти-шамхалу «его войском, райятами и помощниками в радости и горе со времен его предков»⁴, из чего делается вывод, что в первой четверти XVIII в. жители селений Арагани и Балахани были действительно подвластны шамхальскому роду и платили ему подати⁵. Согласно «Соглашению», шамхалу были подвластны также селения Ирганай, Кикунь, Гимри, Чирката, Карачи, Харахи, Гергебиль, которые платили ему подати различными продуктами земледелия, садоводства, виноградарства, а также баранами и ягнятами за пользование шамхальскими горами Исмаил, Уркаб, Акмитав, а также Магмиз⁶.

Выше мы приводили утверждение С.М. Броневского о зависимости жителей Акуша-Дарго от шамхала. Но в другом месте он писал о союзнических отношениях их. «Союзничество Дженгутейцов и Акушинцев с Шамхалом, – отмечал он, – не включает в себе дальнейших обязанностей и не препятствует сим народам вступать в подобные сношения и с другими соседственными владельцами; однако... недостатки в пастве и соли

¹ Тихонов Д.И. Указ.соч. // ИГЭД. С. 131.

² Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта...» // ИГЭД. С. 201.

³ Броневский С. Указ.соч. Ч.II. С. 307.

⁴ Зубов П. Картина Кавказского края... СПб., 1835. Ч.3. С.247.

⁵ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 127.

⁶ Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 266.

¹ АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 160.

² Айтберов Т.М., Нурмагомедов А.М. Койсубулинский союз и шамхальство в первой четверти XVIII в. (По письмам Мухаммада Кудутлинского к Адил-Гирайя-Будай-шамхала Тарковского) // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 140-141.

³ Феодалные отношения... С. 28.

⁴ Айтберов Т.М., Нурмагомедов А.М. Указ.соч. С. 140.

⁵ Там же. С. 137.

⁶ Феодалные отношения... С. 29.

(чем объяснял он зависимость от шамхала. – Б.А.), равно как и положение их нагорных жилищ, отрезанных землями Шамхальскими от равнин, побуждают их иметь постоянную и теснейшую связь с Шамхалом, который с помощью сих союзников набрать может, в случае нужды, от 20 до 25 тысяч вооруженных людей»¹.

Политическое положение Тарковского шамхальства, а вместе с этим и его правителя в изучаемое время, как и ранее, определялось как международной обстановкой и политикой, проводимой соперничавшими за влияние на Кавказе и в Дагестане, в частности, тогдашними великими державами Персией, Турцией и Россией, так и внешнеполитической ориентацией шамхалов. А придерживалось в изучаемый период шамхальство пророссийской ориентации. Как писал И.-Г. Гербер в 1728 г., шамхальство «под Российской империи с 1722 года, прежде того под Персиею»².

Как отмечалось выше, Тарковское шамхальство являлось наиболее крупным, сильным и влиятельным владением Дагестана. «Пожалуй, – писал В.Г. Гаджиев, – этим и объясняется, что с шамхалами Тарковскими считались не только соседние владетели, но и ближневосточные государства»³. Это было и следствием того, что шамхалы, согласно существующим преданиям, происходили от названия страны Шам (Сирия) и селения Хал в Сирии. Об этом говорится в «Дербент-наме» и «Тарих Дагестана» Мухаммеда-Рафи. Но в связи с этим мнением высказаны и другие утверждения. Но прежде следует отметить, что указанное выше мнение наиболее распространено среди исследователей и мимо этого вопроса не проходил ни один из них, останавливаясь при изучении шамхальства Казикумухского, а затем и Тарковского. Это и исследователи XVIII-XIX вв., и ученые советского, и постсоветского периодов. Поэтому, хотя большинство из них и согласны с приведенным мнением о возникновении титула шамхал и, естественно, шамхальского рода от названия Шам (Сирия) и города Хал, некоторые ученые

не согласны с этим и считают, что титул шамхал – местного происхождения. Причем они не согласны с тем, что якобы Абу Муслим для управления народом поставил одного из представителей рода Мухаммеда Шахбала – внука (по другим версиям сына) Абдуллаха, сына Абдалмуталиба из племени Курайш. По третьей версии, Шахбал был сын Абдаллаха, сына Кашма, сына Абдуллы, сына Аббаса. Так, известный дагестанский арабист М.-С. Саидов писал: «Версия об Абумуслиме – сплошная выдумка незадачливых компиляторов и безответственных переписчиков – «любителей истории»¹. Р.Г. Маршаев писал, что термин «шамхал» возник в VII-X вв. «Вероятно его возникновение в Лакии относится к периоду завоеваний сельджуков», с которыми принимали участие и многочисленные проповедники ислама из Сирии². Но в то же время он считал, что термин «шамхал» произошел от соединения двух слов «Шам» – у лаксов Сирия и «хьул», «хьал», «хал» – окончание слова. «По законам словообразования лакского языка аффикс «хьал», – писал он, – является показателем принадлежности лица к определенному роду, племени и месту»³. По мнению другой представительницы лакского народа, известного дагестанского этнографа А.Г. Булатовой, возникновение термина «шамхал» может быть связано с приходом в Лакию арабов, которые на место прежних правителей назначили своих ставленников. Образоваться термин мог от слияния слова «шам» (Сирия) с «ал» (народ), то есть шам-ал народ из Шама, сирийцы⁴. По мнению известных дагестанских ученых Р.М. Магомедова и Х.-М. Хашаева, термин «шамхал» не связан с арабским языком и возник до прихода арабов⁵. Согласен с этим мнением и дагестанский

¹ Саидов М.-С. О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1957. Т. II. С. 49.

² Маршаев Р.Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1959. Т. VI. С. 67.

³ Там же.

⁴ Булатова А.Г. Лакцы: Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв.). Махачкала, 2000. С. 56.

⁵ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 144-145; Хашаев Х.-М. Указ.соч. С. 158.

¹ Броневский С. Указ.соч. Ч. II. С. 307-308.

² Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С. 71.

³ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера «Описание стран... С. 100.

востоковед, проф. А.Р. Шихсаидов, который пишет: «Мнение о местном, возможно, доарабском происхождении термина нам кажется наиболее точным»¹.

В связи со всем сказанным возникает вопрос: если шамхал не был поставлен арабами для управления Дагестаном, как он стал падишахом и самым могущественным князем в Дагестане, как об этом говорится в «Завещании Андуника»². И Махмуд из Хиналуга упоминает шамхала с титулом «вали Дагестана». И в хронике Абдулхая, как об этом пишет А.Р. Шихсаидов в связи с событиями конца XV в., шамхал также назван «вали Дагестана»³.

Все это говорит также о неверности существующего в исторической литературе мнения, что титул «вали Дагестана» был дан шамхалу персидскими шахами, с которыми шамхалы действительно из правителей Дагестана были наиболее связаны. В связи с этим нелишне вспомнить утверждение Х.-М.О. Хашаева, писавшего: «Факты свидетельствуют о том, что Казикумухское ханство во главе с шамхалами существовало очень давно... и было одним из сильнейших» в Дагестане⁴.

В связи с этим небезынтересно и мнение В.Г. Гаджиева, который писал: «Но если считать доказанным, что в шамхальство входили кумыки, лаки, даргинцы, авары, лезгины и др., то вправе ли мы и в настоящее время связывать шамхальство с Кумухом или Тарками, только с историей лаков и кумыков. Не точнее ли будет считать шамхальство общедагестанским государством»⁵. Именно в это время шамхальство являлось наиболее сильной структурой. Как отмечается в «Записке временной комиссии о владении шамхалов Тарковских...»: «Несколько веков шамхалы имели в полномостной зависимости своей большую часть Дагестана, а остальное население его, равно как и сопредельные племена, признавали главенство их. Название

валия дагестанского, присвоенного им, по словам одних, арабийскими халифами, по словам других, персидскими шахами, вполне оправдывалось их властью»¹. Но «по мере того как шамхалы удаляли свою резиденцию с гор к побережью моря, власть их на Среднем Дагестане ослабела и наконец совершенно утратилась»².

В свете сказанного нельзя согласиться с существовавшим в исторической литературе дооктябрьского периода мнением, что власть шамхала до прихода русских была слаба и только после этого она усилилась. Так, В. Линден писал: «Правители, поставленные в некоторых частях Дагестана арабами, первоначально пользовались среди свободолюбивых горцев лишь незначительную частью и долго не могли установить ее твердого преимущества во всем нисходящем потомстве. До конца XVII и начала XVIII столетий (а в некоторых районах и позднее), во всех образовавшихся в Дагестане владениях с характером единодержавия, народ упорно удерживал за собою избрания достойнейшего из числа всех наличных членов владетельного рода... при таких условиях предел власти шамхалов, ханов и др. должен был быть очень ограничен»³. Такое мнение было и среди официальных лиц. По этому поводу Е.И. Козубский и В. Линден писали, что по отзыву одного из начальствовавших в Дагестане в сороковых годах XIX в. лиц: «До русского владычества власть шамхала над подвластными была очень ограничена. Хотя он имел право на жизнь и смерть, но обычай и вольность жителей делали шамхала умеренным. С прибытием же в Дагестан русских, права шамхала значительно увеличились, и народ стал беспрекословно исполнять все требования шамхала, зная, что русские легко могут наказать всякого ослушника воли вали дагестанского»⁴.

¹ См.: Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване XIV-XV вв. / Перев. с араб., состав., предисл., коммент и прилож. А.Р. Шихсаидова. Махачкала, 1997. С. 125.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.218. Л.9.

³ Махмуд из Хиналуга. Указ.соч. С. 125.

⁴ Хашаев Х.-М. Указ.соч. С. 158.

⁵ Гаджиев В.Г. Указ.соч. С. 100.

¹ Феодалные отношения... С. 59.

² Там же.

³ Линден В. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // КК на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 294.

⁴ Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 8; Линден В. Указ.соч. С. 295.

На фоне сказанного более верно мнение о влиянии шамхала как вали Дагестана на его народы, о его силе и авторитете, которым он пользовался во всем Дагестане.

В «Обзрении Российских владений за Кавказом...» по этому поводу сказано: «Звание *Шамхала*, важнейшее в Дагестане, существует с VIII и не позже как с IX столетия; оно давалось от Арабских калифов. Во время же владычества Персиян к званию Шамхала прибавлялось достоинство *Вали* (выше мы видели, что титул вали или падишах Дагестана шамхал имел еще до «владычества Персиян». — Б.А.); поэтому полный титул владетеля Тарковского есть Шамхал-Тарху, Вали-Дагестан. Прежние Шамхалы, оружием, храбростию и благоразумием, приобрели такую славу и уважение среди тамошних народов, что клятва *Шамхал-баши*, т.е. головою Шамхала, составляет вернейшую поруку в справедливости и, священна во всем Дагестане»¹.

В связи с этим не лишне еще раз привести слова И.-Г. Гербера, относящиеся именно к периоду до русских завоеваний и установления своей власти в Дагестане, отмечавшего: «Шамхалы изстари великую власть и чрезмеру великую волю и привилегии имели, ибо не токмо все уезды (уездами он называл и владения, и союзы сельских общин. — Б.А.) в Дагестане под их властью стояли, но оные еще некоторую часть из тавлинцов под свою власть брали и самовольно яко подданными владели, а другие около их живущие народы всегда их высоко почитали и их силы боялись»².

Именно такой сильный владетель мог быть опорой для шахского Ирана и султанской Турции в Дагестане, стремившихся к приведению в покорность его народы. Поэтому турецкие султаны и персидские шахи постоянно обхаживали шамхалов Тарковских. Как отмечал И.-Г. Гербер, чтобы шамхал «все здешние народы в подданстве послушанием страхом держать и к тому силы иметь мог, допущено ему не токмо все доходы и

подати в Дагестане на себе брать, но и каждый год от шаха получал 4000 тумен, он повинен был за которые деньги несколько войска содержать»¹. Еще в 1714 г. в своем донесении князь А. Бекевич-Черкасский писал, что «пригорного народа (т.е. горцев. — Б.А.) в тех сторонах безмерно боятся, а паче в страхе персияне, которые для опасения своего кумыцким князьям и шевкалом, будто жалованье дают, и ежели разсудить их дела, то подоно дани, и расход великой от шаха персидского владельцам кумыцким повсягодно бывает»². И сам шамхал Адиль-Гирей в письме к Петру I в 1717 г. писал, что шахи Персии выдавали ему «по 2000 тумень теврискских денег» (20 тыс. руб. — Б.А.)³. Это же он подтвердил через пять лет в письме к Петру I от 19 сентября 1722 г., но уже писал, что он получал «от шаха жалованья по 50000 рублей на год»⁴. Чабан-шамхал и другие эндириевские владельцы в письме к Петру I от 24 апреля 1720 г. также писали, что шамхал получал от персидского шаха «повсягодно по 20000 рублей денежного жалованья»⁵.

Анализируя приведенные сведения, В.Г. Гаджиев писал, что «чаще всего факт выдачи денег правителями Ирана владетелям Дагестана объясняется стремлением шахов обезопасить подвластную им территорию от нападения горцев», о чем, как указывал он, писал английский путешественник XVIII в. Джон Ханвей⁶. «Однако, — писал он далее, — независимо от того, является ли выдача денег шахами Ирана владельцам Дагестана раз и навсегда установленным жалованьем или эта сумма выдавалась от случая к случаю, при возникновении надобности, все равно можно с уверенностью сказать, что для выдачи или установления жалованья была не только отмеченная выше причина. И меньше всего шахи беспокоились о благополучии шамхалов. Нельзя ведь забывать, что шахи Ирана делали все, чтобы прибрать Дагестан к своим рукам. Из этого непреложного факта

¹ Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях / Под ред. В.С. Легнобытова. СПб., 1836. Ч.IV. С. 189.

² Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С. 71.

¹ Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С. 71.

² Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Докум. и матер. / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 224.

³ Там же. С. 226.

⁴ Там же. С. 266.

⁵ Там же. С. 236.

⁶ Гаджиев В.Г. Указ.соч. С. 101.

нужно исходить и при изучении взаимоотношений Дагестана с шахским Ираном»¹. Но нельзя забывать и другую причину, почему шахи Ирана обхаживали шамхалов. Этой другой – также веской причиной, заставлявшей шахов считаться с шамхалами, которые, по словам И.-Г. Гербера, при дворе шахов «были всегда в великом почтении»², являлось то, что шамхал был «защитник против России»³.

Иранские шахи смотрели на шамхалов как на свою опору во всей кавказской политике. Как писал И.-Г. Гербер⁴, во время «великих торжеств» из «четырех знатнейших защитников» Ирана (среди них были кандагарский хан и царь Грузии), которые стояли по левую и правую стороны трона шаха как наиболее почтенные персоны, был и тарковский шамхал⁵. Именно такое положение шамхала, такая значимость его, как полагал В.Г. Гаджиев, «играло не последнюю роль и в том, что шахи Ирана платили шамхалам большие суммы денег. Вместе с тем это говорит и о том, что вопрос зависимости шамхалов от шахов Ирана является проблематичным»⁶. Развивая эту мысль, далее он писал, что хотя некоторые шамхалы были утверждены шахами, но последние не могли назначать «по своему усмотрению угодных им лиц на престол тарковских владетелей. Более того, факты свидетельствуют, что такое утверждение не имело большого значения»⁷, о чем говорит то, что утвержденные шахом шамхалы могли быть (и такие случаи были) сменяемы другими претендентами и что шахи ничего не получали от шамхалов, они не несли никаких обязанностей. Кроме того, следует отметить, что шамхалы в аналогичных отношениях, как с персидскими шахами, находились и с султанской Турцией, и с

¹ Гаджиев В.Г. Указ.соч. С. 101.

² Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С. 71

³ Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях, и о состоянии в 1728 году // Соч. и перев. к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Июль-октябрь. Т.8. С. 37.

⁴ Там же.

⁵ Гаджиев В.Г. Указ.соч. С. 102.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Россией. Шамхалы ориентировались то на одно, то на второе, то на третье государство. Особенно усилилась ориентация шамхалов на Россию с начала исследуемого периода. Да и Россия видела в шамхале наиболее сильного дагестанского владетеля, который имел в Дагестане большое влияние на другие владения и авторитет среди других владетельных особ. Поэтому она и хотела найти в лице шамхала опору себе. В 1717 г. тарковский шамхал Адиль-Гирей обратился к Петру I с заявлением, что он, как и его отцы и прародители, готов служить России и поддается под его покровительство¹. В марте 1718 г. шамхалу Адиль-Гирею была направлена ответная грамота Петра I о принятии его под «высокую оборону и в подданство»². В апреле 1719 г. Адиль-Гирей через своего посла Маметбека Алыпкачева снова подтвердил, что он «подлинно и верно поддался под сильную руку его царского величества»³. С этого времени шамхалы и владетели Буйнака стали получать от России «хлебное и денежное жалованье». «В свете этого, – писал В.Г. Гаджиев, – надо признать, что И. Гербер допускает ошибки, утверждая, что в начале XVIII в. шамхальство находилось под властью Ирана»⁴.

Во время похода Петра I в Прикаспие шамхал Адиль-Гирей оказал русским войскам «посильную помощь»⁵. Шамхал прислал «600 быков, в телеги запряженных, для перевозки провианта и 150 на пищу войску и три персидские лошади»⁶. 12 августа 1722 г., когда передовые части русских войск приближались к Таркам, шамхал устроил Петра I в Тарках в своей резиденции⁷.

Следует подчеркнуть, что со времени вступления русских войск в Прикаспие власть шамхала еще больше усилилась, наблюдается новое возвышение его. В «жалованной грамоте» Петра I шамхалу от 21 сентября 1722 г. и по существу он при-

¹ Русско-дагестанские отношения... С. 225-226.

² Там же. С. 227.

³ Там же.

⁴ Гаджиев В.Г. Указ.соч. С. 103.

⁵ Там же.

⁶ Бутков П.Г. Указ.соч. Ч.1. С. 23.

⁷ Там же. С. 24.

знается шамхалом дагестанским. «... Известно и ведомо да будет всем, – говорится в ней, – что понеже как предсим так и при настоящем времени благородный шамхал Адиль-Гирей к нашему императорскому величеству показывал свои услуги и поступал по всем образом, как доброму и честному человеку надлежит. Того ради за оные обнадеживаем мы содержать его, Адиль-Гирея-шамхала, в нашей императорского величества непременной высокой милости и защищений, и в знак оной нашей императорского величества к нему шамхалу, милости повелели ему дать сию нашу милостивую жалованную грамоту и чрез оную определяем ему быть по прежнему над дагистанцы шамхалом (подчерк. мною. – Б.А.). Також даем ему полную силу и власть владеть всеми землями и местами и жилищами владения Салтан-Магмута Утемышского. И тако по силе сей нашей императорского величества жалованной грамоты имеет он, шамхал, по чину его над дагистанцы подчиненными ему правление свободно иметь и всякие дела по достоинству исправлять...»¹ (подчерк. мною. – Б.А.).

Как видно из грамоты, в ней подчеркивается, что и далее Адиль-Гирей был шамхалом дагестанским и этой грамотой дагестанцы по-прежнему признавались подчиненными ему. Но из этого не следует, что шамхал имел реальную власть над всеми дагестанцами. Он был верховным правителем собственно в своем владении – Тарковском шамхальстве, будучи наиболее влиятельным и известным правителем среди всех других правителей Дагестана. Еще в начале XVIII в. голландский художник К. Брейн писал, что в Дагестане находятся четыре князя, «из коих главный князь самгалов, второй князь – крым-самгалов, третий – бег и четвертый – Карабудаг-бек»². Речь здесь, конечно, идет собственно о тарковском шамхальстве, а не о Дагестане в целом, хотя о владении шамхала, а вернее будет о равнинной части Дагестана, он говорит как о всей его территории, что подтверждается и его утверждением, что «главный город у них Тарку, затем Андрей»³.

¹ Русско-дагестанские отношения... С. 267-268.

² См.: Дагестан в известиях... С. 149.

³ Там же.

Когда С.М. Броневский писал о формах правления на Кавказе, среди ряда других феодальных владений Дагестана, а также владений Грузии (Имеретия, Мингрелия), Ширвана (владения Шекинское и Шахинское), Карабах, Еревань, Нахичевань, Тарковское шамхальство отнес «к монархическому или единоначальному правлению»¹. П.Г.Бутков писал, что «Шамхал Тарковский есть самовластный владетель, и тяжбы своих подданных сам решает деспотически»². П. Зубов в 30-е гг. XIX в. писал: «Шамхал Тарковский управляет самовластно, как Государь неограниченный, всем своим владением»³. Об этом же писал Н.Данилевский⁴. Еще позже М.Я. Ольшевский, говоря о прежнем положении шамхалов, также отмечал, что они «по примеру прочих повелителей востока, управляли своими подданными деспотически, так что жизнь и смерть каждого шамхальца была в их руках. По мере же утверждения нашей (русской власти. – Б.А.), самоуправление их постепенно уменьшилось и, наконец, дошло до того, что шамхал не имел права располагать произвольно жизнью своего подданного»⁵. Причем последнее утверждение совершенно противоположно тому мнению, которое приводилось выше о слабости власти шамхалов до присоединения Тарковского шамхальства к России и усиления ее после этого, имевшее распространение и среди русского начальства в Дагестане.

Но в целом, как видно, авторы приведенных из их работ цитат единодушны о большой власти шамхалов, их самовластии, деспотическом управлении их. Такое положение шамхалов было характерно и для начала исследуемого периода. В 1804 г. А.И. Ахвердов писал: «Шемхал – есть из самых сильнейших в Дагистане владельцев, предкам которого и весь Кавказ повиновался. Восемьдесят лет тому назад (т.е. в первой четверти XVIII в. – Б.А.) назывался он Дагистан валиси»⁶. И

¹ Броневский С. Указ.соч. Ч.1. С. 38.

² Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета...» // ИГЭД. С. 200.

³ Зубов П. Картина Кавказского края... Ч.3. С. 247.

⁴ Данилевский Н. Кавказ и его жители в нынешнем их положении. СПб., 1846. С. 157.

⁵ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1844 по 1866 год. СПб., 1994. С. 291.

⁶ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 215.

позже шамхал Тарковский продолжал называться валием Дагестана и владельцем буйнакским, хотя он уже реальной власти за пределами шамхальства не имел¹.

Аналогичное мнение было высказано еще П. Зубовым, писавшим, что раньше шамхалы были сильнейшими владельцами в Дагестане, но теперь власть их простирается только собственно на округ Тарковский². Вместе с тем, еще в XVIII в. за тарковским шамхалом сохранялось старшинство и он считался первым из кумыкских владельцев³. В то же время, как писал П.Г. Бутков, шамхал и в изучаемое нами время «есть вторая особа по своему могуществу во всей Ирании». А по мнению С.М. Броневского, «достоинство шамхальское» было «главнейшее в Дагестане, а в областях заключающихся между Терекком и Курою, почитается вторым после царя Грузинского»⁴.

Достоинство шамхала переходило по наследству в шамхальском роду, но не по прямой линии, а по старшинству. При чем происходило это в торжественной обстановке на собрании князей, мурз и «лучших людей»⁵. А. Олеарий, описывая церемонию избрания нового владельца из дома шамхалов в XVII в., отмечал: «...Когда его избирают, все мурзы или князья должны сойтись в круг, а священник (мулла) бросает в них позолоченное яблоко, в кого он попадает, тот становится шемхалом. Священник, однако, хорошо знает, в кого он должен бросить»⁶. Здесь же А. Олеарий писал, что «такого рода шемхал (или Zumen (светоч?), как на их языке он именуется, пользуется, правда, почетом и уважением, но другие князья не особенно ему повинуются и доверяют»⁷. Об этом писал и голландский путешественник Ян Стрейс в 70-е гг. XVII в.⁸ Значит, церемо-

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки... С. 106-107.

² Зубов П. Указ.соч. Ч.3. С. 247.

³ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С. 169.

⁴ Броневский С. Указ.соч.

⁵ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С. 187, 188; Гаджиева С.Ш. Кумыки... С. 51.

⁶ Олеарий А. Путешествие в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 494-495.

⁷ Там же. С.495.

⁸ Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С. 220.

ния избрания шамхала возникла давно, еще в тот период, когда столицей шамхальства был Казикумух. Об этом говорилось и в отписке терских воевод М.П. Пронского и др. в Посольский приказ, где рассказывается об избрании шамхала Айдемира, сына эндиреевского владельца Султан-Мута: «... а ездил де он (Султан-Мут. – Б.А.) в Казыкумыхи для обирания (избрания. – Б.А.) на шевкалство сына ево, Айдемира мурзы и давал в Казыкумухе кабацким (сельским. – Б.А.) узденем подарки – лошади и быки и овцы, где даетца по их обычаем шевкалство, а то де у них исстари повелось, что от шевкалства подарки дают всяким людем и до последнево узденя»¹.

С переносом столицы шамхальства в Тарки избрание шамхала происходило здесь. 12 марта 1763 г. в письме кумыкского воеводы Алиша Хамзина говорилось об избрании Тишсиз Магомеда в Тарках. По его свидетельству, сюда съехались «губденцы и карабудатцы и все кумыцкие народы». Все они дали избранному шамхалу присягу следующего содержания: «ныне де владелец нашты, и ты де будешь нам приказывать, мы служить будем, и мы де приятелям будем приятелями, а неприятелям неприятелями. И оные народы дали ему аманат. И живущие по той стороне Койсу все присягали ему, чтоб послушными быть»².

В приведенных документах не сказано конкретно о присутствии на церемонии избрания шамхала верхнедаргинцев. Между тем, согласно другим сведениям, присутствие их было обязательным, что надо полагать, началось со времени вхождения их в Казикумухское шамхальство. Вот как об этом писал в 1796 г. Д.И. Тихонов: «... во время нового преемника шамхальского достоинства акушинцы посылают несколько чиновников в Тарки, и по приезде их сажают его на камень четвероугольный, и по окончании сей церемонии шамхал, вставши, дарит их по его рассмотрению, и в то время уже признан будет от всех народов шамхалом»³.

¹ Русско-дагестанские отношения... С. 135.

² ЦГА РД. Ф. 379. Оп.1. Д.543. Л.26. Акбиев А. Общественный строй кумыков в XVII-XVIII вв. Махачкала, 2000. С. 158.

³ Тихонов Д.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.131.

Одновременно с шамхалом выбирался и его наследник, который носил титул «крым-шамхал» и, как правило, являлся правителем Буйнака. Р.М. Магомедов считал, что этот термин возник еще в период «правления Шахбалов в Кумухе». Их наместником на кумыкской равнине всегда был один из ближайших родственников. У кумыков он получил звание ярим-шамхал, что означает «половина шамхала»¹. С.Ш. Гаджиева писала, что появление титула крым-шамхал, «по преданию, связано с бийским (феодалным) обычаем, согласно которому самый старший в роде после шамхала считался наследником престола и должен был до получения власти, т.е. до смерти правящего в Тарках владетеля, жить в Буйнаке на положении «ярим-шамхала» («половинного» или «неполного» шамхала). Что же касается слова «крым-шамхал», то оно, очевидно, вначале применялось как прозвище владетеля («кьырым» – уничтожающий, беспокойный и т.д.)»². Это название соответствовало поведению крым-шамхалов. Часто преемники шамхала, проживавшие в Буйнаке, находились в постоянной усобице. Так, известно, что в 20-х гг. XVIII в. Муртузали Буйнакский всеми мерами стремился устранить своего брата Адиль-Гирея с шамхальского места. Он даже обратился к Петру I в 1722 г. с просьбой убрать Адиль-Гирея и назначить шамхалом его как старшего брата.

Исходя из этих и других фактов, Р.М. Магомедов писал: «Нам думается, что наличие самого факта прижизненного преемника уже лишало шамхала права самолично распорядиться престолонаследием. Власть шамхала, следовательно, не была наследственной»³.

Естественно, шамхалы старались нарушить отмеченный порядок передачи власти или порядок избрания шамхала, но этому препятствовали кумыкские феодалы. Как писал Р.М. Магомедов: «Шамхал на протяжении всего XVIII века стремился уничтожить ограничения, какими он был связан, и сделать свою власть наследственной. Этой политике противодейство-

вали в первую очередь преемник шамхала, сидевший в Буйнаке, а затем и все остальные влиятельные кумыкские феодалы»¹. Но, как отмечал далее Р.М. Магомедов: «К середине XVIII века традиции шамхальского дома стали рушиться. Старшинство при избрании шамхала перестало соблюдаться, и решающим фактором стала вооруженная сила и смелость самого шамхала»².

И «только со времени проникновения русского царизма на Кавказ власть шамхала сделалась наследственной»³. Остановившись на этом вопросе, А.С. Акбиев, который, исходя из того, что по сообщению Д.И. Тихонова, в конце XVIII в. в Буйнаке правителем был сын шамхала, пишет: «Из этого можно заключить, что на протяжении всего XVIII в. шамхалы проводили политику укрепления своей власти, подчинения бийликов и, прежде всего, добивались передачи шамхальского звания по прямой линии»⁴.

Следует отметить, что эти стремления шамхалов имели хорошие результаты. Как пишет А.С. Акбиев, «рассматривая внутреннее состояние шамхальства в XVII-XVIII вв., можно отметить, что примерно с 40-х гг. XVIII в. это феодальное владение начинает усиливаться. Зависимость бийликов от центральной власти становится большей, повышается авторитет шамхалов среди владельцев Дагестана и Северо-Восточного Кавказа». Для убедительности он приводит оценку положения шамхала. Он пишет: «Примечательно в этом отношении сообщение Я. Рейнеггса о шамхале Магомеде, получившем это достоинство в 1784 г. По словам автора, этот шамхал имел многочисленных союзников и «большая часть князей и племен дагестанских пристала к его стороне». Как и его брат Муртузали, он был «удостоен... чести и назван... оракулом Дагестана». «При всяком предприятии обыкновенно требуют его мнение, и большая часть кавказских народов его советам повинуются»⁵.

¹ Магомедов Р.М. Указ.соч. С. 189.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Акбиев А. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998. С. 102.

⁵ См.: Дагестан в известиях... С. 270; Акбиев А. Кумыки... С. 102.

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С. 151.

² Гаджиева С.Ш. Указ.соч. С. 49.

³ Магомедов Р.М. Указ.соч. С. 189.

И не без основания, спустя некоторое время, С.М. Броневский, располагая по значимости кавказских владетелей, как первенствующих или царственных особ, первым перечислял шамхала Тарковского. Он писал: «Мы поместили здесь их имена по порядку их политической важности в Кавказе в нынешнем их положении: Шамхал Тарковский, Царь Имеретинский, Хан Казыкумыцкой, Хан Аварской, Хан Шемахинский, Ахалцихский Паша, Хан Ериванский, Хан Шакинский, Усмей Каракайдацкий, Князь Дадиан Мингрельский, Келет-Бек Согумский, Кади Табасаранский, Хан Карабагский...» и т.д.¹

Шамхал Тарковский как владетель и правитель выполнял на территории своего владения все функции государственного управления и суда. Он сосредоточил в своих руках также военную власть. Управлял он своим владением из Тарков, где, как было описано выше, находился его дворец, через своих беков, признававших шамхала своим главой и оказывавших ему свое «послушание»². Выше мы уже отмечали, к какому типу государственного правления принадлежала власть шамхала. Возвращаясь к этому вопросу, отметим, что Р.М. Магомедов писал: «Власть шамхала по отношению к своим подданным была проявлением разновидности восточного деспотизма. Ему принадлежало неограниченное право жизни и смерти и право на имущество своих подданных»³. Шамхал и его дети могли чинить какие угодно насилия и издевательства. Участник посольства А.П. Вольнского А.И. Лопухин был свидетелем, когда сын шамхала Адиль-Гирея «убил одного узденя за одну саблю», который «человек был знатной, жил всегда при отце ево» и за это шамхал не промолвил ни слова⁴.

Р.М. Магомедов привел интересный пример, подтверждающий деспотизм и власть шамхалов по отношению к своим подданным. В письме шамхала Мехти к джамаату сел. Параул говорится: «... вы являетесь моими подданными. Я силен, и

мое наказание сурово... Знайте же, что все мюльки и земли селения Параул являются моими мюлками и моей собственностью, и вы являетесь моими людьми. Я один распоряжаюсь вашим имуществом, мюлками и вами самими. Все это в моих руках, и делаю я, что желаю, кого хочу, того вознаграждаю. Вам незачем вмешиваться в мое дело»¹. Как писал далее Р.М. Магомедов, это письмо было написано шамхалом параульцам в связи с тем, что за усердную службу шамхал подарил некоему Омару дом в сел. Параул, а параульцы ненавидели Омара и в знак своего недовольства разграбили его дом. Шамхал в наказание за их поступок потребовал «немедленно» доставить в Аймаки 23 сажени дров и предупредил в конце письма: «Если вы будете откладывать исполнение настоящего приказания или будете отговариваться, то я вас накажу самым суровым образом. Тогда будет поздно каяться»².

О жестокости и насилии, которые сопровождали правление шамхала хорошо сказано и в записи Маная Алибека, который писал: «Шамхалы, князья жили как хозяева кумыков. Сколько народа погибло под их насилием – нет счета. «Убей его сейчас же!» – приказывал князь слуге, если кто ему приходился не по душе. Джамаат, поклонившись князю коленопреклоненно, просил разрешения убирать труп и погребать. Но труп оставался лежать на том месте целую неделю, и родственники, смотря издали, не могли подойти к нему близко. Когда же они подходили, слуга князя с криком «хирт» («хирт» – возглас, которым отгоняли кумыки собак – примеч. Р.М. Магомедова. – Б.А.), бросая в них камни, прогонял. Так, позорили и насмехались шамхалы над кумыками. Они убивали их на празднествах, во время увеселений. Поэтому народ желал шамхалам смерти: «чтобы твой род сгнил, сидящий на камне. Никакими словами нельзя передать страдания народа вследствие насилия шамхалов»³.

Еще более наглядно показывается произвол шамхала над подвластными в сообщении участницы Персидского похода 1796 г. В.И. Бакуниной, писавшей, что ей показывали в Тарках

¹ Броневский С. Указ.соч. Ч.1. С.42-43.

² Белл Д. Белевы путешествия чрез Россию в разные Азиатские земли, а именно: Ипогань, в Персию, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Т.3. С. 170.

³ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С. 191.

⁴ Лопухин А.И. Указ.соч. // ИГЭД. С. 44.

¹ Магомедов Р.М. Указ.соч. С. 191.

² Там же.

³ Там же. С. 191-192.

«скалу с весьма наклонной вершиной», откуда «кидают по повелению шамхала преступников, т.е. тех, кто ему не нравится и чье имение он хочет конфисковать»¹.

Отношение шамхала к населению, которое отбывало ему известные повинности, обуславливалось: а) в одних случаях правом земледельца; б) в других правом правителя; в) в третьих, тем и другим правом вместе².

Как и в любом феодальном обществе, шамхал, как владелец и правитель, имел свиту из знатных лиц и нукеров. В их сопровождении он ходил на охоту, делал праздничные выходы, давал аудиенции³.

В целом, как отмечается в исторической литературе⁴, административное управление в Тарковском шамхальстве «несмотря на наличие дворца, свиты, приемов, выездов» было не сложным. Здесь «отсутствовали государственный аппарат: министералитет с четко ограниченными функциями, государственная казна, армия и т.д.» Как отмечал Р.М. Магомедов, в Тарках не было «сложного штата дворцовых чинов, на которых зиждилась бы все система управления шамхальством. Можно предположить, что функций конюших, стольников, чашников и других лиц, которые должны были составить категорию влиятельных феодалов, выполнялись кулами, каравашками и наиболее ответственными нукерами»⁵.

По этому вопросу мы уже высказали свое мнение в связи с аналогиями, которые приводил по феодализму в странах Западной Европы и России с дагестанским феодализмом С.В.Юшков. Нет необходимости еще раз возвращаться к этому вопросу. Но все же еще раз хочется обратить внимание – обязательно ли в точности должно быть в развитии разных обществ все совпадать. Нельзя ли полагать, что каждое общество, развиваясь по общим закономерностям, в то же время имело и свои особенности. При таких относительно маленьких структурах, как государственно-политические системы Дагестана, бы-

¹ Магомедов Р.М. Указ.соч. С. 192.

² Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.1. С.8.

³ Магомедов Р.М. Указ.соч. С. 192.

⁴ Там же. С. 191-193; Акбиев А. Кумыки... С. 102-103.

⁵ Магомедов Р.М. Указ.соч. С. 192.

ла ли необходимость в сложном государственном аппарате? Ведь масштабы не сравнимы. Разве можно, к примеру, сравнить страны Западной Европы и единую Российскую империю с русскими княжествами средневековья? То же самое можно сказать и о феодальных владениях Дагестана. Поэтому в свете приведенных выше примеров по функциям власти и управления шамхала не совсем, видимо, верно говорить и об ограниченности его власти советом, находившимся при нем, на котором решались важнейшие государственные дела и практически он и «был главным органом управления шамхальства»¹. Ведь выше мы приводили мнения, утверждения авторов XVIII-XIX вв. по этому поводу. Все они (С.М. Броневский, П.Г. Бутков, П. Зубов, Н. Данилевский, М.Я. Ольшевский) единодушны в вопросе о фактической власти шамхала, которого характеризовали как деспота, самовластного, неограниченного владельца. И все это они относили к периоду до присоединения Тарковского шамхальства к России.

Безусловно, были и в истории Тарковского шамхальства периоды подъема и упадка. Но каждый раз после упадка влияния или роли шамхала как в его собственном владении или же в Дагестане в целом, наступало такое время, когда они опять возвышались и власть их по-прежнему, т.е. как и во времена их могущества, становилась сильной, а они сами играли первейшую роль в делах Дагестана. Так было и после выступления шамхала Адиль-Гирея в 1725 г. против политики России в Дагестане, в частности попытке овладеть крепостью Святого креста, когда он неудачно осадил с 30 тыс. войском из различных обществ и владений Дагестана крепость, после чего был сослан в Архангельск, где и умер. После этих событий по указу Петра I «опасное шамхальское достоинство» было «отменено, и высочайше повелено командующему в Ширване генералу отправлять и чин шамхала»². Доходы шамхала были оставлены «сынам шамхала и некоторым старшинам из сего народа, по взятии от них в крепость Св. Креста аманатов»³.

¹ Акбиев А. Указ.соч. С. 103.

² Бутков П.Г. Указ.соч. Ч.1. С. 83.

³ Там же.

Надир-шах восстановил в 1734 г. шамхальское достоинство, назначив шамхалом Хасбулата – сына Адиль-Гирея, который был одарен богатыми подарками за оказанные «большие услуги»¹. Причем Надир-шах восстановил шамхальское достоинство с титулом вали Дагестана².

После Хасбулата шамхалом стал его племянник (сын сестры) Муртузали, против которого выступил владетель Казанищенского бийлика Магомед. С помощью кайтагского уцмия Амир-Гамзы, аварского хана-нуцала и эндиреевского владетеля ему удалось изгнать Муртузали из Тарков и провозгласить себя шамхалом. Но не прошло и месяца, как Муртузали с помощью Фатали-хана кубинского и дербентского правителя, Акуша-Дарго и койсубулинцев отстранил Магомеда и сам стал шамхалом. После смерти Муртузали шамхалом стал его брат Баммат (1782-1794), а в конце XVIII – начале XIX в. – Мехти (1794-1830)³. Шамхалом после смерти Мехти стал Сулейман паша (1830-1836), а затем Абу-Муслим-хан (1836-1860)⁴.

Указанные после убийства Надира шамхалы опять, как предыдущие шамхалы, укрепили свою власть и влияние в Дагестане. Следует также отметить, что немаловажную роль в этом играла Россия. Среди дагестанских дел взаимоотношения с шамхалами всегда находились в центре внимания России, «систематически проводя политику укрепления своих политических позиций в Дагестане, царское правительство в первую очередь опиралось на тарковских шамхалов, многие мероприятия осуществляло с их активным участием»⁵. Но и шамхалы верно служили России. И они действительно после убийства Надира-шаха и особенно со второй половины XVIII в. являлись опорой России в Дагестане. «С этого времени начинается непрерывная и неизменная верность шамхалов Русской Державе, не смотря ни на какие затруднительные обстоятельства, в которые они были поставлены неприязненными действиями против России прочих владетелей и народов Дагестана»⁶.

¹ Шамхалы Тарковские // ССКГ. Вып.1. С. 59.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Гаджиева С.Ш. Указ.соч. С. 59.

⁶ Шамхалы Тарковские // ССКГ. Вып.1. С. 61.

За такую верноподданническую службу шамхалы получали от русского двора большие жалованья, различные чины, подарки и т.д. В 1776 г. шамхал Муртузали вступил в подданство России. В 1784 г. «учинил на подданство российскому престолу присягу» шамхал Баммат (Магомед). В грамоте Екатерины II от 15 октября 1786 г. он был признан шамхалом тарковским, буйнакским владетелем и повелителем дагестанским. Грамотой императрицы Екатерины II от 19 апреля 1793 г. он был «подтвержден с потомством в шамхальском достоинстве и при этом ему пожалованы: брильянтовое перо, для ношения на шапке в знак шамхальского достоинства, и степень тайного советника, с тем, чтобы перо и сан тайного советника переходили к преемникам его. Сверх того, ему же Магомед-шамхалу назначен ежегодный отпуск 2 г.р. для содержания войска во всегдашней готовности на службу России и оборону шамхальства»¹.

Ставший шамхалом после Баммата (Магомеда) сын его Мехти грамотой Павла от 2 мая 1797 г. был также утвержден в сан тайного советника с правом ношения пера на шапке и жалованьем от казны 6 тыс. руб. в год. А в грамоте Александра I от 10 октября 1806 г. «за особые заслуги, оказание во время занятия» русскими войсками «владения изменившего России дербентского Шихали-хана, Мехти-шамхалу, переименованному уже из тайных советников, в генерал-лейтенанты», было «пожаловано достоинство дербентского хана с правом пользования «всеми доходами владения Дербентского (Улусский магал), по прежним правам и обычаям, за исключением города Дербента»². Согласно приведенному источнику, Мехти-шамхал был единственным из дагестанских владетелей, который со времени похода А.П. Ермолова в 1818 г. «остался твердым в преданности России»³.

Обхаживая шамхалов, русские власти ставили их выше других дагестанских владетелей. И это особое положение шамхалов хорошо отражено в письме шамхалу Тарковскому от 30 января 1807 г. графа Гудовича, где, в частности, сказано: «... Щедрости нашего императора, обильно на вас излинные,

¹ Там же. С.62.

² Там же.

³ Там же.

столь велики, каковыми не удостоен ни один из ханов, имеющих счастье находиться во всероссийском подданстве... Сверх настоящего Тарковского владения, вам принадлежащего, е.и. в. ... благоудно было, за исключением г. Дербента пожаловать в непосредственное владение ваше со всеми доходами и Дербентское ханство... Столь знатное присоединение к вам селений дербентских умножило вместе с тем в большем количестве и доходы ваши. Во-вторых, наравне с прочими ханами, вы имеете чин российского ген.-лейтенанта, но разница в том, что они получают жалованье по чину их, а ваше превосходительство по милосердию е.и.в. получаете по 500 р. и почти вдвое против их; ... еще знатное имеете пред ними преимущество в том, что при таковых выгодах изъяты от дани, каковую все прочие ханы от 7 и 8000 червонцев взносят в казну е.и.в. в знак своей зависимости, тогда как вы, по особым к вам высочайшим щедростям, вместо дани сами пользуетесь пенсионом от казны е.и.в. Наконец, должен к сему присовокупить, что по особенной к вам высокомонаршей щедроте вы удостоены также медалью, осыпанною бриллиантами, какового отличия ни один хан не имеет»¹.

Таково было положение первого среди других феодальных владетелей Дагестана шамхала Тарковского в XVIII – первой половине XIX в. Как писал полковник Я.А. Маркович, «шамхал был целым комендиром»², т.е. первым, главным³. По словам А.И. Ахвердова, шамхал был «из самых сильнейших в Дагестане владельцев», а по оценке неизвестного автора, оставившего описание Дагестана конца 20-х или начала 30-х гг. XIX в., тарковский шамхал был «главный владетель» Дагестана⁴. Поэтому, естественно, что по шамхалам Тарковским осталось больше сведений, на основе которых и написана эта часть работы.

¹ АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 410.

² Дагестан в известиях... С. 180.

³ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 215.

⁴ Неизвестный автор. Описание Дагестана. Конец 20-х или начало 30-х годов // ИГЭД. С. 279.

2. Князя Засулакской Кумыкии

Чтобы в работе материал по кумыкским феодальным владетелям был дан компактно и исходя из того, что их история взаимосвязана с историей тарковских шамхалов, обратимся после шамхалов к характеристике князей владений Засулакской Кумыкии: Эндиреевского, Аксаевского и Костековского владений (княжеств). Отметим прежде всего, что и история этих феодальных владений и их феодалов также связана между собой, так как они возникли от одного феодального владения и родоначальником их был один из представителей шамхальского рода по имени Султан-Мут. Поэтому, не остановившись на этом вопросе, будет не верно сразу приступить к характеристике засулакских феодалов XVIII – первой половины XIX в.

Засулакская Кумыкия – это территория, расположенная между реками Терек и Сулак. А.М. Буцковский писал: «Прежнее владение под общим названием Аксаевских кумыков простиралось от Каспийского моря до реки Гуйдюрмеза, впадающей в правый берег Сунджи в 15 верстах выше устья сей; к северу имело границею реку Терек, начиная от устья Сунджи до Каспийского моря, к югу же Дагестан и Лезгистан»¹. И далее о границах Засулакской Кумыкии он писал: «Южный рукав Койсу, называемый Куру (Сухой Койсу), разграничивает кумыков от владения шамхала тарковского. Полоса земли, или понизовье между Сунджею, местечком Аксай и левым берегом реки Аксая, принадлежала прежде гребенским казакам»². Это была территория, лежащая в основном («большею частию») «в долинах, понижающихся к морскому берегу, где превращается в болотистые низины, камышами обросшие»³.

До образования на указанной территории владения одного из представителей шамхальского рода Султан-Мута оно входило в состав Казикумухского шамхальства. Образование же этого феодального владения, ставшего известным под названием

¹ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 239.

² Там же.

³ Там же.

Эндиреевского княжества, произошло в конце XVI в. после переселения сюда Султан-Мута. Произошло же это, как пишется почти во всех работах дореволюционных, советских и постсоветских авторов, в результате отделения от шамхальства земель шамхала, находящихся за Сулаком и до Терека. Почти все авторы, пишущие о социально-экономическом развитии Дагестана и, в частности кумыков, останавливаются на этом вопросе, и в целом они все единодушны о причинах, времени и последствиях образования нового феодального владения у кумыков. Различие мнений среди исследователей только в том, чьим сыном был Султан-Мут: шамхалов Чопана, Сурхая или Андия. Данный вопрос основательно изучил А.С.Акбиев и приводит все существующие мнения. Согласно всем собранным им материалам, мы имеем следующие мнения. По показаниям кумыкских биев и народным преданиям, Султан-Мут был сыном шамхала Андия¹. Согласно сведениям гуенов, старейших жителей Кумыкской плоскости, Султан-Мут был сыном шамхала Муртазали². По народным преданиям и мнениям А.-К. Бакиханова и Г.Э. Алкадари, отцом его был шамхал Чопан³. Д.-М. Шихалиев – уроженец сел. Эндирей, считал Султан-Мута сыном Андия или Чобана⁴. По документам XVII в., Султан-Мут был дядей тарковских правителей Гирея и Эльдара, сыновей Сурхай-шамхала, а старшим дядей их был Андий. Тогда, как об этом пишет А.С. Акбиев, проанализировавший все эти данные, Султан-Мут был братом Сурхая и Андия⁵. И далее на основе родословной шамхалов, составленной Л.И. Лавровым, из чего видно, что шамхалом до Сурхая был Чобан⁶, он полагает, что последний и был отцом трех братьев: Сурхая, Андия и Султан-

¹ ЦГА РД. Ф. 105. Оп.5. Д.4. Л.142. Акбиев А. Общественный строй кумыков в XVII-XVIII вв. Махачкала, 2000. С. 137.

² Там же. Л. 113-114; Там же. С. 137.

³ Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1926. С. 88; Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929. С. 43.

⁴ Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С. 27.

⁵ Акбиев А. Указ.соч. С. 137.

⁶ Лавров Л.И. Шамхалы Казикумухские и Тарковские // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 130.

Мута¹. Впрочем, об этом же писал и Д.-М. Шихалиев, но как о пятерых сыновьях Чобан-шамхала, который умер в Буйнаке в 1574 г., оставив наследство сыновьям Эльдару, Магомеду (Баммат), Андию, Гирею и Султан-Муту. Но первые четыре брата, рожденные от дочери Султан-Ахмеда – уцмийа Кайтагского, разделив между собой «все государство», не дали удела пятому брату Султан-Муту, считая его чанкой, рожденным от черкесской узденки из фамилии Анзоровых и не имеющим с братьями своими, рожденными от княгинь, одинаковых прав на наследство². Именно после этого Султан-Мут покидает шамхальство и переходит на жительство в Засулакскую Кумыкию, поселившись с двумя братьями Муцалом и Ахмедханом, рожденными от его же матери, сначала в Гельбахе, а затем в Чирюрте. Как писал Д.-М. Шихалиев, это переселение Султан-Мута «было эпохой возрождения Кумыкской плоскости, событием необыкновенным для равнины, заключающейся между Тереком и Сулаком, на которую шамхалы до того времени мало обращали внимания, или потому, что пространство это было не населено, или по сильному влиянию на оную, с начала XVI столетия, русских воевод, находившихся в Терском городе»³.

Упрочив свое положение в результате различных событий и особенно после разгрома русских стрельцов в 1605 г., в котором Султан-Мут практически сыграл основную роль (в связи с этим небезынтересно привести слова Д.-М. Шихалиева о том, что Султан-Мут «был первым и главным виновником изгнания... русских гарнизонов, конечно, оказал шамхалу существенную услугу и по справедливости мог приписывать себе всю славу такой победы»⁴), он «не замедлил переселиться из Чирюрта на урочище Чумлу, в трех верстах выше Андреева»⁵. За ним переселились также «его последователи все вышедшие с ним из-за сала кумыки, салатавцы, ... гуены и тюмени»⁶.

¹ Акбиев А. Указ. соч. С. 137.

² Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С. 27.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же.

По другой версии, после смерти Султан-Мута сыновья его Казаналип и Айдемир переселились из Чир-юрта в урочище Чумлу недалеко от Эндирея, выше его. Затем происходит переселение в другие места сыновей последних, внуков Султан-Мута. Сын Айдемира – Чопалав «основал свое жительство» в местности Чопалау-тюбе – на возвышенном месте Эндирея. Другой сын Айдемира – Алибек вместе с рядом семейств сала, гуенов и тюменов и других подвластных «отправился на запад и на р. Аксай, близ нынешнего Герзель-аульского укрепления, основал селение Аксай... Одни из потомков Айдемира, андреевский князь Алиш... населил Костек на земле князей бурчебиев» (С.Ш. Гаджиева полагала возможным, что это было прозвище тюменских князей)¹. Другой эндиреевский князь Казий, также потомок Айдемира, основал Кази-юрт. Алиш был родоначальником княжеского рода, известного в Костеке под именем Хамзиных². Так, при внуках Султан-Мута и их потомках увеличилось число князей, которые и были владельцами в Засулакской Кумыкии. Все они практически находились в трех основных поселениях: Эндирее, Аксае и Костеке, а «на протяжении XVII в. ... в Эндирее, каждый со своими «кабаками»³. Об этих князьях, как феодальных владельцах, как потомках двух сыновей Султан-Мута – Айдемира и Казаналипа, являвшихся и основателями в конце XVII в. трех феодальных владений-княжеств Засулакской Кумыкии: Эндиреевского, Аксаевского и Костековского и пойдет речь в данной части нашего исследования.

Среди владений Засулакской Кумыкии, образовавшихся во второй половине XVII в. после распада единого Эндиреевского владения Султан-Мута, главным являлось Эндиреевское княжество. Центром княжества было сел. Эндирей (Эндирей-аул, Андрей), являвшееся одним из крупных населенных пунктов Дагестана. И.-Г. Гербер называл Эндирей «великой деревней», «которая между горами и густыми лесами построена»⁴. Согласно имеющимся сведениям, в нем проживало от 1000 до 3000

¹ Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.32-33.

² Там же. С. 33-34.

³ Акбиев А. Указ.соч. С. 152.

⁴ Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С. 69.

семей. Я.Рейнеггс в 80-е гг. XVIII в. писал, что Эндирей – это «знатный город», находящийся на правом берегу реки Адамсуи, «состоящий из 3000 дворов»¹. Комендант Кизлярской крепости А.И. Ахвердов писал в начале XIX в., что в Эндирее 1000 семей², а в 1812 г. А.М. Буцковский отмечал, что он «заключает в себе до 1500 домов»³. Эндирей занимал важное стратегическое положение, располагаясь «между рекою Агташом и двумя утесистыми ручейками, Ачи и Чумлы, с четвертою же стороны высокими горами» и тем самым, являясь «воротами между горами и долинами»⁴. По сведениям С.М. Броневского, Эндиреевское владение в случае войны могло выставить до 6000 вооруженных людей, в том числе один Эндирей – до 3000 воинов⁵.

Согласно сведениям участника Каспийского похода Петра I в 1722 г. Д.Ф.Еропкина, в Эндирее в 20-30 гг. XVIII в. правили: «1» Мусал Чепалов, который ныне имеет над всеми Андреевскими владельцами первенство, «2» Адемир Хамзин, «3» Алдигерей Чепан Чемхалов, да у оных владельцев во владении их деревни: «1», Алберю, «2», Караблак, «3», Тумен». Кроме того, по его же сведениям, «бывшагося ж андреевского владельца Казана Алыпа (Казаналипа. – Б.А.) княгиня Бахтын бека з детьми жительство имеет в Андреевой деревне, да под ведением ее имеются деревни Кубар, Асанбек, Цубуд...»⁶

Согласно документу за ноябрь 1747 г., Эндиреем управляли князья из четырех фамилий: Хамзаевых, Чопановых, Чопаншамхаловых и Казаналиповых⁷. Причем первые две группы князей были потомками Чеполава Айдемирова, т.е. внуками Айдемира, а два следующих – потомками Казаналипова⁸.

¹ Дагестан в известиях... С.253.

² Ахвердов А.И. Описание Дагестан. 1804 г. // ИГЭД. С.213.

³ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С.241.

⁴ Там же. С.241-242.

⁵ Броневский С. Указ.соч. Ч.II. С.196.

⁶ Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С.122.

⁷ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.159а. Л.228. Акбиев А. Указ.соч. С.187.

⁸ Фотокопии документа из фонда «Сношения России с Персией. Кумыкские и Тарковские дела», выявленные Р.Г.Маршаевым // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.6. Оп.1. Д.44. Л.1-3.

По сведениям Я. Рейнеггса, в 80-е гг. XVIII в. Эндирей состоял «во владении разных ...татарских (читай кумыкских. — Б.А.) князей, из коих знатнейшие суть Мурдис-Али-бек и Тимур-бек»¹. Уже в начале XIX в., по сведениям А.И. Ахвердова, в Эндирее правили пять княжеских фамилий: Казаналиповы, Темировы, Алишевы, Айдемировы, Муртазали-Аджиевы². Из них самым многочисленным было потомство Хамзаевых, которое разделилось на три ветви: Айдемировых, Темировых и Алишевых³. Хамзаевы, будучи наиболее влиятельными в Эндирее князьями, еще в 40-80-е гг. XVIII в. постоянно пытались подчинить своему влиянию остальные фамилии⁴.

Вторым по размерам, а, следовательно, по силе и значимости владением в Засулакской Кумыкии было Аксаевское княжество. Родоначальником его, как было отмечено выше, был внук Султан-Мута Алибек, у которого было двое сыновей: Султан-Махмуд и Ахматхан. От них образовались пять княжеских фамилий: Алибековых, Ахматхан Каплановых, Эльдаровых, Уцмиевых и Арсланбековых⁵. По сведениям Д.Ф. Еропкина, в 20-30-е гг. XVIII в. в «деревне Аксай находились владельцы Албек Салтанмамутов, его братья: «1», Магамет Усмей, «2», Клан Гирей, «3», Араслан бек, «4», Элдар хан». В составе владения перечислены деревни: «1», Сику, «2», Нуям берды, «3», Апонгур, «4», Кошкилды, «5», Али аул, «6», Наурус, да и в их же владении тавлинская деревня Буртана»⁶. По сведениям Я. Рейнеггса, в 80-е гг. XVIII в. в Аксае было 1200 дворов и это место «прежде сего было во владении 2-х братьев: Эльдар-бея и Султана-бея, а теперь дети их Адиль-Алгас, Агмет-хан, Арслан-бей и Магамет каждой свою часть имеет в сем месте, так и в принадлежащих ко оному деревнях»⁷. Старшим князем в период Петра I в Аксае был приверженец России «султан Мамут

¹ Дагестан в известиях... С.254.

² Ахвердов А.И. Указ.соч. С.213.

³ Фотокопии... // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.6. Оп.1. Д.44. Л.1-3.

⁴ Акбиев А. Указ.соч. С.188-189.

⁵ Ахвердов А.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.214.

⁶ Еропкин Д.Ф. Указ.соч. // ИГЭД. С.123.

⁷ Дагестан в известиях... С.252-253.

Аксай»¹, а после него его сын «Албек Салтанмамутов», правивший, как отмечалось выше, вместе с четырьмя братьями². А.И. Ахвердов в начале XIX в. писал, что в Аксае старшим владельцем был Хасбулат Арсланбеков³. По его же сведениям, в Аксае было всего «семей до пяти сот»⁴. В 1812 г. А.М. Буцковский писал, что в Аксае было не более 800 домов⁵. Эти противоречивые сведения по количеству дворов и населения Аксая отразились и на сведениях о вооруженных силах. По сведениям А.И. Ахвердова, Аксаевское владение могло выставить до 1500 вооруженных⁶. По данным же С.М. Броневского, относящимся к концу XVIII — началу XIX в., аксаевцы могли выставить в случае войны 5000 вооруженных людей⁷.

Из трех владений Засулакской Кумыкии самым маленьким было Костековское княжество. По сведениям А.И. Ахвердова, в Костеке было «до трехсот семей»⁸, а по данным А.М. Буцковского, в нем было около 650 домов⁹. Кроме того, во владении, т.е. «приписных к ней деревнях», было еще 300 семей¹⁰. Вплоть до 30-х гг. XVIII в. в Костеке правили потомки Муцала — младшего брата Султан-Мута. По сведениям Д.Ф.Еропкина, в Костеке владельцем был Гарей Мусалов, и во владении его находилась деревня «Торкали»¹¹. В 1733 г. последний представитель этой ветви Гирей, о котором писал Д.Ф.Еропкин, совместно со своим племянником Исмаилом принял участие в походе крымского хана на Иран, а по возвращении, опасаясь гнева русских властей, в Костек не вернулся, скрываясь в горах¹². В

¹ Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С.62; Бутков П.Г. Материалы... Ч.1. С.22.

² Еропкин Д.Ф. Указ.соч. // ИГЭД. С.123.

³ Ахвердов А.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.214.

⁴ Там же.

⁵ Буцковский А.М. Указ.соч. // ИГЭД. С.242.

⁶ Ахвердов А.И. Указ.соч. С.214.

⁷ Броневский С. Указ.соч. Ч.2. С.195.

⁸ Ахвердов А.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.214.

⁹ Буцковский А.М. Указ.соч. // ИГЭД. С.242.

¹⁰ Броневский С. Указ.соч. Ч.2. С.201.

¹¹ Еропкин Д.Ф. Указ.соч. // ИГЭД. С.123.

¹² Фотокопии... // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.6. Оп.1. Д.44. Л.1-3.

1739 г. костековским владельцем становится эндириевский бек Алиш Хамзаев – активный сторонник России. Был два раза в Санкт-Петербурге, за верную службу был пожалован чином генерал-майора¹. В бытность академика И.А. Гильденштедта в Костеке владельцем был «Хан Мурза, фамилии Таркусского Шамхала»². Немногим позже Я. Рейнегтс писал, что это место «принадлежало прежде несколько лет назад умершему российско-императорской службы бригадиру Алиш-беку, а ныне (80-е гг. XVIII в. – Б.А.) владеет оной сын его Гам-мирсе, которой имеет достоинство капитана в той же службе»³.

А.И. Ахвердов в начале XIX в. писал, что: «Деревня Костековское принадлежит одной владельческой фамилии семи братьев и в Андреевой деревне имеющим владение, Алишевым, старшему Муртазалию, Устерхану, Адилю, Актоле, Баммат Мурзе, Омахану и Хасаю»⁴. По этим же сведениям, костековцы в случае необходимости могли выставить «оружейных до шестисот»⁵.

Права и обязанности князей Засулакской Кумыкии были заложены еще при Султан-Муте, который создал и систему управления образованной им государственно-политической структуры, где была четко расписана вся система внутренней организации общества с разграниченными функциями исполнительной, законодательной и юридической ветвей власти⁶. Хотя в исследуемый период, в отличие от периода владения Султан-Мута, было уже не одно цельное княжество, а три, возникших, как отмечалось выше, при его внуках, тем не менее структура власти в целом, те институты, которые возникли при нем, имели место и в исследуемый период, конечно, с возникновением новых структур, подсказанной изменившейся политической системой Засулакской Кумыкии.

¹ Якубова И.И. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40-70-е годы XVIII в. Нальчик, 1993. С.55. Акбиев С. Указ. соч. С.188.

² Гильденштедт И.А. Указ. соч. С.106.

³ Дагестан в известиях... С.255.

⁴ Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.214.

⁵ Там же.

⁶ Акавов З.З. История просветительского движения в Засулакской Кумыкии: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2003. С.14.

О возникновении той системы управления, которая была в изучаемое время. Д.-М.Шихалиев писал: «Род князей, происходящий весь из одного корня, умножаясь со временем, разветвился на несколько отдельных семейств; часто разрозненные противоположностью выгод, они сохраняли, однако же, тесные связи и по бракам считались все в близком родстве; семьи княжеские во всех городах жили отдельно от прочих, окруженные своими узденями, своими служителями, им одним послушными. ... Властолюбие их беспрерывно нарушало спокойствие устроенных ими обществ... и часто, за одно дерзкое слово, возгоралась кровная брань между самыми близкими родственниками князей»¹.

Остановливаясь на условиях и как возникло управление, устраивавшее все княжеские фамилии, Д.-М.Шихалиев отмечал: «Роды князей, с различными противоположными видами (интересами. – Б.А.), не могли согласиться между собою в принятии чего-нибудь общего для управления гражданскими делами. Главнейшим препятствием к тому служила междоусобная их вражда». Именно поэтому «с общего согласия князей, были назначены в Андрееве, Аксае, а потом и в Костеке старшие князья, с приличными званию их доходами... князья эти выбирались всегда из старших летам, и цель их назначения была та, чтобы стараться примирять враждующих князей, и, управляя всем городом, заключающим в себе такое множество независимых кварталов, доставлять всякому обиженному удовлетворение»².

Значит, старшие князья или, как их называли кумыки, уллубии находились на вершине феодальной лестницы владений Засулакской Кумыкии. Выбирались они во всех трех владениях. «Если в XVII в. уллубий был один, то теперь их было двое. Так как родоначальник костековских беков Алиш Хамзаев был выходцем из Эндирея, то эндириевские и костековские беки выбирали одного уллубия на два владения. Так, в 30-40 гг. XVIII в. старшим князем был Алиш Хамзин»³.

¹ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.74.

² Там же. С.75.

³ Акбиев А. Кумыки... С.112.

В. Линден сравнивал засулакских уллу-биев (старших князей) с кабардинскими пши, являвшимися высшей знатью в Кабарде. «Характер власти последних (засулакских старших князей. — Б.А.), по отношению к остальным сословиям, — писал он, — несколько приближало их к кабардинским пше»¹.

Уллу-бии возглавляли выборный совет князей, который и осуществлял управление владения. Назначение и функции уллу-бия, как писал Д.-М. Шихалиев, были в том, что он «был посредником между княжескими родами, князь, сала или простой проситель, имевшие ответчиков в других кварталах, особенно в тех, где находились их враги, собирались к старшему князю. При нем были в качестве десятников бегаулы, от каждого рода по одному; он их посылал за ответчиками, с предварительным объявлением, по какому делу требует, а если те не хотели на месте удовлетворить просителя, являлись к старшему князю с родовым своим князем или назначенным от него поверенным, который был свидетелем, чем кончится дело истца с ответчиком; заседание при старшем князе называлось махкаме, оно составлялось по предложению старшего князя из депутатов, от каждого рода и каждого сословия, из стариков, сведущих в коренных кумыкских обычаях, и кадия, здесь председателем был старший князь, имевший голос, хотя не решительный, но по старшинству лет и опытности предпочитаемый»².

Из всего сказанного выше видна структура управления владений Засулакской Кумыкии и функции власти старшего князя, возглавлявшего выборный совет князей. Как видно из сведений Д.-М. Шихалиева, советы князей во владениях Засулакской Кумыкии являлись высшими органами управления, куда входили по одному представителю от каждого правящего во владениях феодального рода и других сословий, стариков и кадия. Совет, называемый махкаме, возглавлял старший князь или уллу-бий. Старший князь в повседневной жизни являлся верховным правителем. Он был предводителем народного ополчения во время войны или походов, регулировал отношения и различные споры между обществами владения, являлся

¹ Линден В. Указ. соч. С.271.

² Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.75-76.

гарантом порядка и защиты. Но так как в каждом владении, кроме него, находились еще и другие представители его рода, уллу-бий управлял своим владением совместно с этими родственниками — беками.

Кроме власти, описанной выше, как старший князь среди остальных князей владения уллу-бий имел и ряд привилегий по сравнению с остальными князьями. В донесении князя Эльмурзы Черкасского кизлярскому коменданту Н.А.Потапову от 29 апреля 1765 г. говорится: «Но точию у горских владельцев обычай имеются такие: кто из них годами старшим обстоит, тот первенство и власть имеет пред всеми владельцами полную, и которые, хотя и не в паю между деревень их дачи состоят, власть имеет же»¹. Далее Эльмурза Черкасский приводит в пример Алиша Хамзина, который, будучи эндиреевским и костековским уллу-бием, присоединил земли, которые не принадлежали ему. Он писал: «Понеже, когда владение имел бригадир и воевода Алиш Хамзин Костюковскою деревнею, то уже и все тамошние округа той деревни овладел, которые вовсе ему во владение не отдано было. По нем и протчие такие ж обстоятельства старшие владельцы производят, понеже такие обычаи у них издревле обстоит. О чем по знаемости моей сим доношу до рассмотрение в.пр.»².

А.С.-М. Акбиев, который проанализировал приведенный выше документ, приводит и другие привилегии уллу-бия. Он отмечает, что после присоединения к России засулакских владений уллу-бии получали от российских властей различные содержания, в частности жалование. Так, Алибек Солтанмахмудов, будучи старшим аксаеевским князем с 1743 по 1745 гг., получал годовое жалование в 200 руб., а Алиш Хамзин — 300 руб.³ В пользу старших князей с подвластного населения собиралась и небольшая подать. Кроме того, уллу-бии обладали

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. / Состав. В.Г. Гаджиев, Д.-М.С.Габиев, Н.А.Магомедов, Ф.З.Феодаева, Р.С.Шихсаидова. М., 1988. С.112.

² Там же.

³ ЦГА РД, Ф.379. Оп.1. Д.90. Л.21. Акбиев А. Общественный строй... С.192.

правом преимущественного владения ногайскими аулами, подчиненными засулакским князьям¹.

Вместе с тем А.С.-М. Акбиев отмечает и другую сторону – обратное явление в положении уллу-биев. Он, в частности, пишет, что «несмотря на ряд привилегий, власть уллу-биев над остальными беками и населением Засулакской Кумыкии была номинальной. Так, в июне 1760 г. старший аксаевский владелец Каплангирей Ахматханов информировал о себе кизлярского коменданта следующим образом: «... хотя я в нашем владении пред прочими и старшим считаюсь, только прочие мои братья владельцы ежель касающегося им дела исполнить не хотят, то мне окончатъ того никак невозможно»².

А.С. Акбиев приводит интересные примеры того, что в еще большей независимости от старших князей находились остальные эндиреевские князья, которые открыто выступали против них и даже угрожали им, чтобы они проводили политику, удобную им. Им приводятся примеры о противостоянии в 40-е гг. XVIII в. старшему князю Эндирея Адиль-Гирею Чопан-шамхалу (сын Чопан-шамхала) эндиреевских князей, а после его смерти и старшему князю Алиш Хамзаеву, о котором А.С. Акбиев пишет, что «и он не был застрахован от противодействия со стороны местных владетелей, причем главным его противником стал родной брат Темир. В документах кизлярского комендантского архива содержится ряд сведений об их скрытой борьбе. Оба брата не гнушались в ней любыми средствами»³.

Анализируя приводимые им примеры раздоров между старшими князьями и беками, А.С. Акбиев приходит к такому выводу: «Таким образом, приведенные факты позволяют констатировать отсутствие сильной централизованной власти, жестко регулирующей общественные отношения местного населения в засулакских феодальных владениях. Бекские советы во главе с уллу-биями не могли быть гарантами внутривластной стабильности ввиду отсутствия единства между представителями феодального сословия, их разобщенности, часто пе-

рераставшей в кровавую вражду. Слабость центральной власти способствовала усилению роли узденства в урегулировании важных общественных вопросов, решение которых нередко выносилось на народное собрание»¹.

Нельзя не согласиться с этим выводом, который подтверждается и наблюдениями ряда авторов XIX в. Так, С.М. Броневский писал: «Владельцы без согласия Узденей ничего предпринять не могут и чаще случается, что первые должны приставать к мнению последних»². А.И. Ахвердов также высказал аналогичное мнение, указывая, что «владельцы их без согласия подвластных своих узденей, то есть дворян (сала-узденей. – Б.А.), никакого дела предпринять не могут, и чаще бывает, что они должны соглашаться на мнение узденей, нежели узденья на владельческие предложения»³. Уместно в связи со сказанным привести и слова Х.-М.Хашаева о том, что в Засулакской Кумыкии «власть принадлежала повсеместно биям, имевшим право суда над крестьянами»⁴.

Для решения важных вопросов, которые касались владения в целом, созывались народные собрания (джамааты). Д.-М.Шихалиев писал: «В важных случаях, где должно было принимать меры общими силами, князья составляли между собою, в присутствии старшего князя, соглашение, и положенное там решение приводили в исполнение, каждый в своем ауле. Когда дело шло о предмете, требующем непременно содействия всего народа, князья имели обыкновение сзывать мирские сходки у главной мечети деревни; изложив необходимость предполагаемой меры, они давали ее обсудить народу и с тем вместе уже избирали окончательные средства, как привести ее в действие, но иногда случалось, что народ, минуя князей, по собственной воле собирался на совещание, чтоб истолковать о своих нуждах, представить князьям какую-либо просьбу или даже согласиться в сопротивлении им, когда были притесняемы»⁵.

¹ Акбиев А. Указ. соч. С.194.

² Броневский С. Указ. соч. Ч.1. С.202-203.

³ Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.214.

⁴ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.206.

⁵ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.76-77.

¹ ЦГА РД, Ф.379. Оп.1. Д.90. Л.21. Акбиев А. Общественный строй... С.192.

² Там же.

³ Там же. С.193.

Последнее еще раз подтверждает сказанное выше об ограниченности власти старших князей как главных владетелей засулакских княжеств.

Как и у всех народов Дагестана, у кумыков существовали законодательства: адат и шариат. Д.-М.Шихалиев в связи с этим писал: «Тяжбы передавались на суждение стариков, по адату, или кадию, для разнообразия (разбирательства. – Б.А.) по шариату, смотря по тому, к которому из этих двух законодательств дело принадлежит и к которому проситель, ответчик и большая часть заседания склонны»¹. Причем, как увидим из слов Д.-М.Шихалиева, дальше уже проявлялась власть старшего князя. «После решения дела, – писал он, – и возложения на одного из двух тяжущихся должного удовлетворения старший князь просил повелительным тоном родового князя привести определение суда в исполнение, и тем кончалось дело»².

Разбирательство по адату было словесное, а по шариату иногда записывалось на бумаге, особенно, когда того требовал обвиняемый. По адату разбирались частные дела, «права и отношения сословий и, наконец, некоторые правила суда, по преданию сохранившиеся от предков». Разбирательству же по шариату подлежали «дела по духовным завещаниям, по разделу движимого имущества, опеке, продаже и покупке всякой вещи и холопов. Воровство же, убийство и все преступления судились по адату...»³

Как писал Д.-М.Шихалиев: «Между кумыками никогда не существовало определенной полицейской власти, обязанной принуждать к исполнению решений суда», судебные решения, как указывалось выше, объявлялись в присутствии князя родовому князю для исполнения. Но, как отмечал далее Д.-М.Шихалиев, «примеры неповиновения и самоуправства были редки в прежние времена»⁴.

Сведения, которыми мы располагаем, не говорят о личной администрации простых князей, как представителей правящих

¹ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.76.

² Там же.

³ Там же. С.77-78.

⁴ Там же. С.78.

фамилий. Только ясно, что не все они были равны между собой, как выходцы от потомков Султан-Мута. Как пишет А.С. Акбиев: «Здесь все зависело от того, сколько подвластных было в их подчинении, какое количество узденей находилось у них на службе, сколько владетелей в случае необходимости они могли перетянуть на свою сторону, каково влияние того или иного бека в народе»¹. В его работе приведены весьма интересные сведения о положении различных князей, так, по характеристике кизлярских властей, эндириевский князь Баматгирей Чопанов был «весьма убогой и силы в Андреевской деревне не имеет»². Причем он сам признавался в письме к кизлярскому коменданту в ноябре 1756 г.: «Я здесь состою в таком народе, что главного себе никакого не причитают, причем и меня ни мало не послушают»³. Другой интересный пример – по сообщению кизлярского дворянина Ивана Мещерякова о соотношении сил в Аксаевском владении (9 февраля 1749 г.), где он сравнивает двух местных владетелей: Каплангирея Ахматханова и Магомед Уцмия Солтанмахмудова: «... А по разведыванию моему он, Каплан, в Аксаевском владении половинное число имеет... А Магомед Уцмей перед ним убожен и токо силы во владении не имеет как Каплан и ежели как за владельцев какое самовольство произойдет, то Магомед Уцмия никто не послушает»⁴. В Эндириевском владении в XVIII в. наибольшим влиянием пользовались беки из фамилии Хамзаевых, «которые всяческими путями стремились подчинить себе представителей других знатных фамилий»⁵. Об отсутствии особой власти у рядовых князей говорит и то, что, согласно старинным кумыкским обычаям, «беки не имели права быть судьями и не могли подавать в мехкеме голос, а были сами судимы стариками по выбору истца и ответчика призванным старшим князем»⁶.

Все это имело место в большей части исследуемого периода. Но со временем, особенно с присоединением к России и

¹ Акбиев А. Общественный... С.189.

² Там же. С.189-190.

³ Там же. С.190.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.197.

⁶ Акбиев А. Кумыки... С.113.

главным образом в XIX в., во владениях Засулакской Кумыкии происходили определенные изменения в их управлении и функциях власти старших князей. Об этом писал и Д.-М.Шихалиев: «В настоящее время (середина XIX в. – Б.А.) в каждом из трех городов (Эндирей, Аксай и Костек. – Б.А.), находится один старший князь, назначенный правительством не по старшинству лет, а по заслугам; весь круг его действий состоит в понуждении посредством бегаулов жителей к исполнению требуемых с них повинностей, объявляемых местным приставом; он разбирает мелочные тяжбы жителей, но для разбирательства тяжб более важных учрежден генералом Вельяминовым, около 1810 г., Андреевский городской суд; в нем заседают кадий Андреевский и несколько стариков из узденей, председатель-комендант кр. Внезапной»¹. Андреевский городской суд решал «дела всего Кумыкского владения (т.е. всех трех владений Засулакской Кумыкии. – Б.А.) по шариату и по адату, смотря по тому, которому из сих законодательств он подлежит». На нем, кроме постоянных членов из Эндирея, должны были присутствовать депутаты из Аксая и Костека. Причем, как отмечал Д.-М.Шихалиев, эндиреевский «городской суд» содержался раньше за счет «доходов старших князей андреевского и аксаевского и на счет подати с салатавцев, под именем ясачных баранов взимавшийся». Но в связи с тем, что сборы этих доходов «по случаю смут в нагорных обществах, совершенно прекратились, и старшие князья отказались от содержания суда», то разбирательство дел было остановлено, «и члены суда, находясь при главном приставе», стали разбирать «дела большею частью на словах, без судебного порядка»².

Приведенный материал, о чем писали также С.Ш. Гаджиева и А.С. Акбиев, говорит о несложности административно-политического управления во владениях Засулакской Кумыкии. Оно здесь отличалось от управления Тарковского шамхальства. Старшие князья (уллу-бии) обладали гораздо меньшей властью, нежели шамхалы. У них не было придворных в лице везиров, назиров, кадиаскеров, дворецких, почетных чиновников и т.д.

¹ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.79.

² Там же.

И кроме того, в отличие от шамхальских беков, засулакские беки, называемые так же, как и правители, князьями – по происхождению от одного знаменитого их предка Султан-Мута, «были самостоятельными, независимыми от верховной власти владельцами»¹. И еще следующее отличие – в шамхальстве, как видно из приведенного выше материала, при изучении власти и управленческих функций шамхала, не было мехкеме, куда выбирались представители свободных сословий, и имевшее место в Засулакской Кумыкии. Кроме того, в управлении владений здесь важную роль играло народное собрание, которое ограничивало власть местных князей. К тому же: «Весьма активно проявляло себя узденство, с которым беки должны были считаться»². С.М. Броневский относил управление владений Засулакской Кумыкии к аристократическому типу³.

3. Кумыкские бии как самостоятельные феодальные владельцы бийликов

Выше нами было отмечено, что начиная с XVI в. в Казикумухском шамхальстве начинается процесс дробления и образования отдельных самостоятельных владений, во главе которых стояли представители шамхальского рода. Исследованные выше владельцы Засулакской Кумыкии являлись одними из них, как потомки представителя шамхальского рода Султан-Мута. В этой же части работы нам предстоит остановиться на других выходцах шамхальского рода, которые также стали самостоятельными владельцами на кумыкской земле. Как писала С.Ш. Гаджиева: «Этот процесс, как и повсюду, отражал определенный этап развития феодальных отношений, был вызван ростом крупного землевладения и связанного с ним экономического и политического укрепления отдельных феодалов, а также ростом феодальной эксплуатации и усилением классовой борьбы»⁴.

¹ Акбиев А. Кумыки... С.115.

² Там же.

³ Броневский С. Указ. соч. Ч.1. С.38-39.

⁴ Гаджиева С.Ш. Кумыки... С.48-49.

Ею же отмечено, что из шамхальства первым выделилось Буйнакское владение, охватывающее земли от Буйнака до границ Кайтагского уцмийства на юге. И.-Г.Гербер в немецком издании своего труда назвал его «Территория Бойнак», а в «Описании» – «Буйнак уезд», как и другие владения, также названные уездами. Он располагал его «близ моря между горами Буйнак, подле Утямиш»¹. Еще до И.-Г.Гербера А.И.Лопухин писал, что буйнаки находятся от моря в «верстах пяти, поселены в полугорке и вокруг его буераки. Жила в нем дворов с 30», это «маленький городок», где живет владелец «Мортузалея»². Ниже он писал, что река Манас «разграничила владение Алдигиреево (шамхал Тарковский. – Б.А.) с Мортузалеем»³.

Как писал И.-Г.Гербер, «уезд» Буйнак состоял «в деревнях немногих»⁴, что говорит о небольшой территории, занимаемой этим владением, вернее будет сказать бийликом, как части Тарковского шамхальства. Но у ученых по этому вопросу существуют разные мнения. Как отметили выше, С.Ш.Гаджиева считала Буйнак, выделившимся от шамхальства во второй половине XVI в., подобно Карабудахкентскому, Кумторкалинскому, Губденскому, Бамматулинскому владениям, выделившимся от шамхальства в начале XVII в., а позднее Мехтулинскому ханству, самостоятельным владением⁵. Однако, согласно сведениям начала исследуемого нами периода, этот бийлик находился в составе Тарковского шамхальства, о чем мы узнаем из грамоты Адиль-Гирея Петру I от 27 сентября 1722 г., где наряду с другими селами, которыми он владел, говорит и о Буйнаке⁶. Об этом же писал и И.-Г.Гербер, отмечая: «Под Российской империи с 1722 года, прежде того под шамхалом и под Персией»⁷. И далее, говоря о владельце Буйнака, И.-Г.Гербер отмечал, что «как и прежде в том уезде представленные владельцы, видели

¹ Гербер И.-Г. Описание стран... // ИГЭД. С.73.

² Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.38.

³ Там же.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.74.

⁵ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.48-49.

⁶ Русско-дагестанские отношения... (1958). С.270.

⁷ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.74.

себя принуждены шамхалу во всем послушанными быть»¹. Показателем зависимости Буйнака от шамхала являются и слова И.-Г.Гербера, что «шамхалы часто, осердясь на бойнакских владельцев, по своей воле одного оставили, а другога приставили, и того ради сей Мегемед (правитель Буйнака в первой трети XVIII в. – Б.А.) принужден был к шамхалу, когда он збунтовал (речь идет об осаде Адиль-Гиреем в 1725 г. крепости Святого креста. – Б.А.), со своими хотя малыми людьми пристать»². П.Г. Бутков также в конце XVIII в. отмечал, что это местечко находится во владении тарковского шамхала³.

Буйнакское владение в исторической литературе известно как бийлик крым-шамхала, а по русским источникам правители его известны под названием крым-шамхала⁴. На происхождении указанных названий владения и его владельца останавливались Р.М. Магомедов, Х.-М.О. Хашаев, Р.Г. Маршаев, Г.Ш. Гаджиева, В.Г. Гаджиев и др. По мнению Р.М. Магомедова, термин «крым-шамхал» возник «еще в период правления шахбалов в Кумухе. Их наместником на кумыкской равнине всегда был один из ближайших родственников. У кумыков он получил название ярим-шамхала – в переводе означает половина шамхала»⁵. С.Ш. Гаджиева писала, что появление титула крым-шамхал, «по преданию, связано с бийским (феодалным) обычаем, согласно которому самый старший в роде после шамхала считался наследником престола и должен был до получения власти, т.е. до смерти правящего в Тарках (вернее будет в Казикумухе и в Тарках. – Б.А.) владельца жить в Буйнаке на положении «ярим-шамхала» («половинного» или «неполного» шамхала). Что же касается слова «крым-шамхал», то оно, очевидно, вначале применялось как прозвище владельца («кырым» – уничтожающий, беспокойный и т.д.). Буйнакские владельцы и в самом деле нередко занимали враждебную политику

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.74.

² Там же.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.436.

⁴ Крым-шамхал – произошло от кумыкского слова «кырым», означающего беспокойный, уничтожающий, враждующий.

⁵ Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968. С.117.

по отношению к правящим тарковским шамхалам, интриговали против них и т.д.»¹.

Р.Г. Маршаев в отличие от Р.М. Магомедова и С.Ш. Гаджиевой считал, что термин «крым-шамхал» произошел от лакского слова «хърив» или «хъириб», что в переводе означает «последующий» и при этом ссылался на Х.-М.О. Хашаева, который писал, что слово «крым» происходит от слова «хъириб», что значит «следующий» на балхарском диалекте лакского языка². Р.Г. Маршаев далее писал: «Соглашаясь с этим положением, вместе с тем необходимо внести некоторые уточнения. Было бы правильным, если бы автор при определении этимологии слова «крым» исходил из вицхинского диалекта, который является носителем древних форм лакского языка. Старинная транскрипция этого слова в вицхинском диалекте звучит в виде «хърив-шамхал», что значит «после шамхал», давая понятие «будущий шамхал», «наследник престола шамхала». Вероятно, слово «хърив» было искажено русскими, став словом «крым», и в таком виде вошло в историческую литературу»³.

Остановившись на анализе термина «крым-шамхал» и отмечая наличие этих двух взаимоисключающих точек зрения по его происхождению, В.Г.Гаджиев писал, что «как будто обе они вполне логичны и убедительны. Однако отдать предпочтение одной из них в настоящее время не представляется возможным, так как имеющийся фактический материал не позволяет окончательно решить вопрос о происхождении интересующего нас термина»⁴. В связи с этим он привел и интересный материал о наличии термина «крым-шамхал» в форме фамилии «Крымшамхаловы» у карачаевцев, а по данным Клапрота и у знатных фамилий в форме «Крым-шамхал» и «Кумух»⁵. И далее, как бы продолжая свое отношение к указанным выше мнениям, он писал: «Очевидно, ни у кого не вызовет возражения,

если скажем, что решение данного вопроса нуждается в дополнительной аргументации и мотивировке»¹. Мы же, указывая, что возникновение термина «крым-шамхала» («хърив-шамхал») произошло еще в тот период, когда основной резиденцией шамхальства был Казикумух², склонны думать, что среди приведенных мнений более приемлемо мнение Р.Г. Маршаева. Именно, когда со второй половины XVI в. (когда Казикумух еще являлся центром шамхальства) возникает Буйнакское бийликство и, видимо, с этого времени в Буйнаке определялся будущий шамхал, его наследник, которым мог быть старший представитель шамхальского рода.

Следует отметить, что Буйнак в шамхальстве играл довольно значительную роль, поскольку его владетель считался наследником шамхала. Как отметили выше, обычно правителем Буйнака («крым-шамхалом») становился старший в роде после шамхала. Он «предназначался наследником титула и власти его (шамхала. – Б.А.), поэтому он как бы считался уже в половину шамхалом»³. После же смерти шамхала «крым-шамхал» становился полновластным правителем Тарковского шамхальства, но с проведением той церемонии его избрания, о котором было указано выше, при характеристике шамхала Тарковского. Поэтому крым-шамхалы часто «вели себя беспокойно, подчас враждебно» по отношению к правившему в шамхальстве правителям – «настоящим шамхалам и иногда путем интриг и иными методами отнимали у старших братьев шамхала их владения»⁴.

Как отметил Р.М. Магомедов, в XVII-XVIII вв. владетели Буйнака территориально окрепли и политически значительно усилились. С ними уже не могли не считаться соседние владельцы. Уцмию и шамхалу часто приходилось сталкиваться с ними, ибо через их владения и владения утамышского султана проходили торговые пути сообщения между Закавказьем и Северным Кавказом. Как видно из «Журнала путешествия через

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.49.

² Хашаев Х.-М. Прогрессивное значение присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1958. С.8.

³ Маршаев Р.Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // УЗ ИИ-ЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1959. Т. VI. С.169.

⁴ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера... С.111.

⁵ Там же. С.112.

¹ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера... С.112.

² Магомедов Р.М. История Дагестана... С.117.

³ Феодалные отношения... С.60.

⁴ Магомедов Р.М. Общественно... С.152.

Дагестан» А.И.Лопухина, буйнакский владетель Муртузали находился в междоусобной борьбе с шамхалом Тарковским и уцмием Кайтагским. В разговоре с А.И.Лопухиным Муртазали Буйнакский говорил: «...провожу вас в Казаныш к Омудат шевкалу, для того что он со мной в дружбе, а к Алдигирею в Тарки провожать вас не стану, для того что он мой неприятель»¹. Позже, когда шамхал Тарковский хотел власть свою передавать по наследству по прямой линии, против этого в первую очередь выступали буйнакские владетели крым-шамхалы. Уже к концу XVIII в., как видно из ряда имеющихся сведений, само сел. Буйнак становится одним из крупных населенных пунктов. Если по описанию А.И.Лопухина, Буйнак был убогим, маленьким селением, где было всего 30 дворов «и строение бездельное, все развалилось, с поль защиты никакой нет, только есть повыше сего строения, где Муртузалею сам живет, сделан малинькой городок»² (причем А.И. Лопухин конкретно писал о границах этого владения и Тарковского шамхальства – «... сия речка (Манас. – Б.А.) разграничила владение Адилгиреево с Муртузалеем»³), то уже в конце XVIII в., как писал Д.И. Тихонов, в Буйнаке... «шамхалова сын пребывает, а домов в оном до 950» (по другому списку 650)⁴. Именно территориальное и политическое укрепление Буйнакского владения стало влиять на взаимоотношения с ним других феодальных владений Дагестана и в первую очередь уцмиев и шамхалов, между владениями которых находилось владение крым-шамхала.

Как было отмечено выше, владетеля Буйнака А.И. Лопухин называет Муртузали, а у И.-Г.Гербера это Магомед. По данным участника Каспийского похода Петра I Д.Ф.Еропкина, в Буйнаке было четыре владельца: «1. Махти; 2. Элдар; 3. Сурхай; 4. Салтанмрат»⁵.

¹ Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.37.

² Там же. С.38.

³ Там же.

⁴ Тихонов Д.И. Указ. соч. С.129.

⁵ Еропкин Д.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.121.

Из всего приведенного вроде ясно, что владетель Буйнака находился в зависимости от шамхала, так как он назначался из шамхальского рода и был его наследником. Но в то же время проводимая крым-шамхалами политика, направленная к самостоятельности, независимости от шамхала, говорит, что он не находился в вассальной зависимости от Тарковского владетеля. Об этом говорит, как отметили выше, как вражда, которая бывала между ними, так и самостоятельное обращение крым-шамхалов еще до изучаемого и в изучаемый период к русским царям о принятии подданства. «А крым-шамхал, – сообщали в Москве послы грузинского царя, – с нами в любви и дружбе; и кумыцкая земля половина с ним стоит, а мы их под государеву руку приняли и божья милостью шевкальское дело плохо для того, что они промеж собою бронятца, да и у них же междоусобная рать», т.е. война¹.

В 1722 г. после похода Петра I в Прикаспие, как и другие феодальные владетели Дагестана, крым-шамхал принял подданство России и стал получать «хлебные и денежные жалования»².

Остальные бийликта – Карабудахкентское, Кумторкалинское, Губденское, Бамматулинское и Эрпелинское, ряд из которых и по территории и по составу превосходили Буйнакское владение, не имели такого веса и влияния на дела Дагестана и в шамхальстве, хотя и они образовались в результате выделения из шамхальства части его земель. В результате и в этих бийликах появились свои феодальные владетели, которые также старались и проводили самостоятельную политику, хотя села, входившие в их состав, часто перечисляются в составе владения шамхала. Губденский и Карабудахкентский бийлики – это одноаульные владения. В составе Бамматулинского и Эрпелинского бийликта находился ряд сел. Бамматулинский бийлик состоял из сел: Большие Казанищи (Нижнее Казанище) – рези-

¹ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. 1578-1613. М., 1888. Вып. I. С.255-256; Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т.1. С.2.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.16; см. также: Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.40.

денция князей, Малые Казанищи (Верхнее Казанище), Муслим-аул, Буглен, Халимбек-аул, Кафыр-Кумух и Темир-Хан-Шура, которые в XVII в. были выделены в удел одному из братьев шамхала – Баммату¹. Он и был первым владельцем Бамматулинского бийлика. По свидетельству А.И.Лопухина, в первой четверти XVIII в. владельцем Бамматулинского бийлика был Умалат, который в его «Журнале» также назван шамхалом². Владетели Бамматулы также претендовали на шамхальское достоинство. В то время Умалат находился в ссоре с шамхалом Адиль-Гиреем, с уцмием Кайтага и с крым-шамхалом Муртузали. Во время междоусобицы в шамхальстве Умалату Казанищенскому удалось даже на время изгнать тарковского шамхала и завладеть престолом. Русскому царю шамхал писал: «Умалат на меня восстал, которого по счастью вашего величества я изгнал с столичного шамхальского места Тарков»³. Известно, что после Хаспулата шамхалом должен был стать его двоюродный брат Мехти, который был владельцем Буйнака как крым-шамхал. Но Хаспулат, неприязненно относившийся к Мехти, который развелся с его сестрой, по завещанию возвел на престол бамматулинского правителя Тишнек-(Тижсиз)-Баммата. Но Мехти с помощью верхнедаргинцев и койсубулинцев изгнал из Тарков Тишнек-Баммата и шамхалом стал сын его Муртузали. Тишнек-Баммат вынужден был примириться с этим, и он опять стал бамматулинским владельцем⁴. Выше мы приводили сведения о составе Бамматулинского владения с выделением восьми сел из шамхальства. Но, по данным второй половины XVIII в., во владении бамматулинского Гирей-бека и его братьев находилось пять селений – Большие Казанищи, Буглен, Муслим-аул, Темир-Хан-Шура и Халимбек-аул⁵.

¹ Шамхалы Тарковские. С.60.

² Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.37, 40.

³ РГАДА. 1719. Д. б/н. Л.61-64. Магомедов Р.М. Указ. соч. С.157.

⁴ Шамхалы Тарковские. С.59-61.

⁵ Там же. С.71-72.

Другое владение, которое также состояло из нескольких сел – Эрпелинский бийлик, куда входили: Эрпели (резиденция бийлика), Ишкарты, Верхний Каранай, Нижний Каранай, Ахатлы¹. Владетели их назывались карачи-беками и еще с конца XVI в. вступали как отдельные самостоятельные владетели в дипломатические связи с русским царем². Как писал Р.М.Магомедов: «В XVII-XVIII вв. эрпелинский владелец был равным среди других кумыкских владельцев и в своих внутренних делах был независимым от шамхала»³. По сведениям Д.Ф.Еропкина, в 1732 г. в Нижнем Эрпели были владельцами два брата Муцал и Салтан бек Гиреевы, они владели и сел. Каранай; в Верхнем Эрпели были владельцы Будаичи и его дети: Бартахан, Казыхан, Мурза, Салтан и Магди⁴. Эрпелинские владетели, как и другие феодальные владетели, активно участвовали в политической жизни феодальной Кумыкии. Так, во время междоусобиц в Тарковском шамхальстве после смерти шамхала Хаспулата эрпелинские владельцы стали на сторону казанищенского (бамматулинского) правителя Магомеда-Тишнека (Беззубого) и приняли его у себя после побега из Тарков⁵. В 1735 г. эрпелинские владетели были приняты в подданство России и от них взяты в аманаты Патали Акламов и Перебудак Будаев⁶. По сведениям Д.И.Тихонова от 1796 г., Эрпели перечислено в составе Тарковского шамхальства, так же как и другие села Эрпелинского бийлика (Ишкарты, Каранай)⁷.

Особо писать о Карабудахкентском и Губденском владениях и о их владельцах не приходится ввиду отсутствия о них каких-либо подробных сведений. Известно лишь из сведения Д.Ф.Еропкина, что в Губдене в 30-е гг. XVIII в. владельцами

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.155.

² Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.49.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. // ИГЭД. С.156.

⁴ Еропкин Д.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.122.

⁵ Шамхалы Тарковские // ССКГ. Вып.1. С.60.

⁶ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1 С.129.

⁷ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.129.

были Гирей, Элдар, Алкас, Мамат, Усмей и Бадыш, а в Карабудахкенте – Элдар, Алшагир, Усеусь Гиреевы¹.

Карабудахкентское владение (бийлик), находясь между территорией собственно шамхала Тарковского – на севере и Буйнакским владением – на юге, как и последнее, занимало выгодное географическое положение и поэтому с его владельцами другие владельцы Дагестана вынуждены были считаться и вступать в определенные контакты и взаимоотношения. Поэтому его владельцы, естественно, были вовлечены во всевозможные политические события, происходившие на плоскости Дагестана, особенно с Тарковским шамхальством, от которого, по сведениям XVIII в., Карабудахкент находился в зависимости. В одном из писем Петру I от 27 сентября 1722 г. шамхал Адиль-Гирей сел. Карабудахкент называет селением, находящимся в его владении². И по сведениям Д.И.Тихонова, оно было в составе владения шамхала, перечисляя его «(Карабудахкент)» в составе Тарковского шамхальства, как и селения Кака-Шура, Гелли³, также входившие в состав Карабудахкентского бийлика. И по сведениям XIX в., Карабудахкент был в составе шамхальства. Так, по сведениям, собранным временной комиссией о владении шамхала Тарковского, Карабудахкент перечислен как селение, находящееся «во владении Мехти-шамхала» (1794-1830 гг.) и в зависимости от него⁴.

И Губден, по тем же сведениям, дается как селение, входившее в состав Тарковского шамхальства⁵.

Из этих сведений можно заключить, что не всегда владельцы бийликов сохраняли свою самостоятельность и могли вести свою самостоятельную внешнюю политику, хотя во внутреннем управлении они сохраняли самостоятельность и являлись такими же феодальными владельцами, как и владельцы крупных феодальных владений Дагестана.

¹ Еропкин Д.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.121.

² Русско-дагестанские отношения... (1958) С.270.

³ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.129.

⁴ Феодальные отношения... С.68.

⁵ Там же; см. также: Шамхалы Тарковские // ССКГ. Вып.1. С.71.

4. Мехтулинский хан

Чтобы завершить исследование феодальных владельцев, которые по происхождению являлись представителями шамхальского рода, как владельцы определенных территорий и сел, отделившихся из состава шамхальства и в исследуемое время превратившихся уже в крепких и влиятельных владельцев, остановимся на мехтулинских владельцах, которые являлись владельцами Мехтулинского ханства, образовавшегося примерно в середине XVII в. в результате распада Казикумухского шамхальства. Основателем ханства был один из членов казикумухского ханского дома по имени Мехти (по прозвищу Кара (черный)). Он был приглашен аймакинцами, а затем охлинцами, «чтобы он принял их под свое покровительство. Примеру этих селений последовали вскоре и общества других одиннадцати селений, живших до того вольными, самостоятельными обществами, – и Кара-Мехти, приняв их в свое ведение, в непродолжительное время приобрел над всем отдавшимся ему народом власть правителя и военачальника»¹.

Как и другие бийлики, отделившиеся от шамхальства, Мехтулинское владение по занимаемой территории было небольшим. Я. Рейнегтс в 80-е гг. XVIII в. писал: «Провинция Чингугай, находящаяся во владении Али-Султана, граничит к северу с Казанищем, к западу – с Кумухом, ко востоку – Каракайдеком и с южно-восточной стороны – с окрестностями Дербента»². Наш автор здесь не совсем прав, утверждая, что территория Мехтулинского ханства доходила до окрестностей Дербента или граничила с Кумухом и Дербентом. Его сообщение можно воспринимать лишь как указание направлений, хотя и у других авторов территория ханства доведена до Кайтага. Так, согласно сведениям Д.И. Тихонова, в конце XVIII в. ханство граничило «со владением шамхала; от севера хребтом гор, лежащих между вершин рек Торкали-Озени и Манаса; от востока переходит через хребет гор, лежащих между Малого и Большого Манаса, до хребта гор, лежащего от юга, которым граничит с владением

¹ Мехтулинские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С.2.

² Дагестан в известиях... С.273.

ущмиевым, а от запада с вольным народом акушинцами»¹. А.П. Щербачев в 30-е гг. XIX в. писал, что Мехтулинское ханство граничило «к северу и западу с владениями генерал-лейтенанта шамхала тарковского, к востоку с Акушею и койсубулинцами, к югу Аймакским ущельем и землями шамхала»².

По территории и составу Мехтулинское ханство превосходило другие бийлики, образовавшиеся на бывшей территории Казикумухского шамхальства. Но имеющиеся сведения о его составе противоречивы. В «Реестре горским владельцам» от 1732 г., составленном Д.Ф. Еропкиным, в его составе даются Дургели, которым владел «Мегди, Пермаметев сын», «Деревня Поремейт (Параул. – Б.А.), жительство имеют Пермаметевы дети: 1. Салтан; 2. Махмут Мегди, «Деревня Ченгутей (Дженгутай. – Б.А.), во оной владеец Албек Магдиев», «Деревня Какошера (Кака-Шура. – Б.А.) владения дюргелинского Махти»³. Наиболее крупными из них были Дженгутай и Дургели, которые и выступали в качестве резиденций хана. В Дургели, например, по данным конца XVIII в., было 750 домов, в то время как во всех остальных селениях ханства было всего около 3000 домов⁴. По данным Я. Рейнегса, относящимся к 80-м гг. XVIII в., в Большом Дженгутае было 500 домов, «Беилер-кент» – также было «немалое местечко и деревня Малой Чингутай», имела «в себе 200 дворов». В составе ханства дается им и сел. «Тургелли» (Дургели). По его сведениям, в ханстве было 14 деревень⁵. Причем он написал, что у владельца ханства Али-Султана «для ради великого множества находящихся у него во владении деревень и для приятного и выгодного положения земли его, почитают за такого владельца, которой при множестве народа изобилием и благоденствием наслаждается. Сие его подданные почитаются богатейшими жителями Кавказа, ибо они как в земледелии, так и в разводе винограда и садов с вели-

¹ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.125.

² Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. 1830 г. // ИГЭД. С.293.

³ Еропкин Д.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.121, 122, 123.

⁴ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.130.

⁵ Дагестан в известиях... С.273.

ким успехом упражняются...»¹. По другим данным конца XVIII в., во владении Али-Султана Дженгутайского было 3750 дворов с населением 11250 человек². По данным же П.Г. Буткова, в Мехтулинском ханстве было 10 деревень с 21 тыс. человек³. По Д.И. Тихонову, в ханстве было 16 сел⁴, среди которых, кроме 13 сел (Большой Дженгутай (резиденция ханов), Малый Дженгутай, Дуранги, Апши, Ахкент, Огли, Кулецма, Аймаки, Чогли, Дургели, Кака-Шура, Параул, Урма), которые даны в составе Мехтулинского ханства в «Краткой записке о Мехтулинском ханском доме...»⁵, перечислены также все три Чоглы, Наскент и Леваша. Причем он центром ханства («главной» деревней) называет Дургели. Согласно сведениям А.П. Щербачева, в Мехтулинском ханстве было до 5000 «душ мужского пола» и более 1000 дворов⁶. До передачи удела Султан-Ахмед-хана шамхалу Тарковскому Мехти, т.е. до 1818 г., Мехтулинское ханство насчитывало 3450 дворов и 15932 человека жителей, из которых 2792 двора отбывали подати и повинности ханской фамилии, 3 – фамилиям беков и 33 – чанкам⁷. В.Г.Гаджиев писал, что во второй половине XVIII в. в ханстве было 18 сел, это было повторено и в «Истории Дагестана»⁸.

Противоречивы и сведения XIX в. о количестве хозяйств (дворов, домов) и численности населения Мехтулинского ханства. По данным А.П.Щербачева, в «12 главных деревнях» ханства число жителей мужского пола доходило до 5000 (в другом списке – 8000), дворов было 1000 (в другом списке – 2500 и в примечании: 1500 семейств по Ивченко)⁹.

¹ Дагестан в известиях... С.273.

² Дренякин И.Т. Указ. соч. // ИГЭД. Таблица.

³ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. С.210.

⁴ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.130-131.

⁵ Феодальные отношения... С.35.

⁶ Щербачев А.П. Указ. соч. // ИГЭД. С.294.

⁷ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д.163.

⁸ Гаджиев В.Г. Роль России... С.25. История Дагестана. М., 1967. Т.1. С.323.

⁹ Щербачев А.П. Указ. соч. // ИГЭД. С.293-294.

Противоречивы также сведения о воинских силах ханства. По данным П.Г. Буткова, ханство могло выставить до 5000 вооруженных¹. А.П. Щербачев писал, что ханство могло выставить всего около 1000 человек (в другом списке – до 1500 человек)², а по М.К. Ковалевскому и И.Ф. Бларамбергу – до 3000 человек³.

В исследуемый период Мехтулинское ханство проводило активную политику. Известна роль Ахмед-хана в борьбе народов Дагестана против Надир-шаха. Об этом в дагестанской историографии написано много и хорошо показана роль ханства, вклад, который внесли мехтулинцы и хан в разгром завоевателей⁴. Поэтому нет необходимости еще раз останавливаться на этом вопросе в данном исследовании.

Мехтулинские ханы вели и активную политику внутри Дагестана, участвуя в различных внутриагестанских делах, имевших место междоусобицах и т.д. Принимали участие мехтулинские владетели и в различных мероприятиях вне Дагестана. Али-Султан Дженгутайский, являвшийся дядей аварского правителя Ума-хана, по словам П.Г. Буткова, «был неприятен царю Ираклию, что сей отказал ему в жалованье, какое давал племяннику его Омар-хану аварскому. И когда в 1784 г. Ираклий решил покорить Ганджу вместе с русскими, ганджинцы призвали на помощь Али-Султана и он «прибыл к ним с Дагистанцами»⁵. В следующем году Али-Султан вместе с 11-ю тысячами горцев и Ума-ханом аварским прибыл к реке Алазани. Переправившись через нее, они начали «опустошать Грузию»⁶.

Такая политика не могла не обострить отношения Али-Султана не только с Грузией, но и с Россией, покровительство-

¹ Бутков П.Г. Сведения... // ИГЭД. С.210.

² Щербачев А.П. Указ. соч. // ИГЭД. С.294.

³ Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.308.

⁴ См.: Магомедов Р.М. Общественно-экономический...; Тамай И.А. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741-1743 гг.) // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т.III; Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996; Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000.

⁵ Бутков П.Г. Материалы... Ч.2. С.159.

⁶ Там же. С.178.

вавшей ей. И, естественно, что в таких условиях он искал покровительство Турции. Это подтверждается и словами П.Г. Буткова, что «Али-Султан и Омар-хан аварский весьма преданы Порте»¹.

Когда в конце XVIII в. к власти в Иране пришел Ага-Мухаммед-хан, феодальные владетели решили выступить против него вместе с русскими войсками. Среди них был и Али-Султан Дженгутайский². Во время похода русских войск в 1796 г. в Дербент, хотя он не был в подданстве России, поддержал этот поход³.

Мехтулинские ханы, как и другие феодальные владетели Дагестана, имели наследственную власть и «свое правление». В «Записке временной комиссии о владениях Мехтулинского ханства...» сказано: «...после Кара-Мехти власть и права, предоставленные ему народом, переходили к его потомкам по праву старшинства в роде, они успели значительно усилить и укрепить за собой эти права и, войдя в родство с домами шамхала и аварских ханов, начали сами именоваться ханами»⁴. От хана также зависела «власть определить и казнить преступников»⁵.

К сожалению, других сведений об управлении мехтулинских ханов нет, нет никаких сведений и об институтах управления, административно-должностных лицах. Даже П.А. Щербачев, посвятивший специальную статью Мехтулинскому ханству, вместе с Койсубулу и Аварским ханством, не дает сведений по его управлению. Он лишь писал в рубрике «Правление»: «Народы сии управляемы Ахмет ханом (капитан нашей службы) сын Гакан (Гасан. – Б.А.) хана»⁶. В одном источнике, приведенном в работе Х.-М.О. Хашаева, говорится, что мехтулинские ханы творили суд и расправу вплоть до смертной каз-

¹ Бутков П.Г. Материалы... Ч.2. С.277.

² Там же. С.350; Броневский С. Указ. соч. Ч.2. С.301.

³ Там же. С.306.

⁴ Феодальные отношения... С.36.

⁵ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С.26; История Дагестана. Т.1. С.323-324; РГВИА. Ф.ВУА.Д. 18474. Ч.2. Л.7.

⁶ Щербачев П.А. Указ. соч. // ИГЭД. С.294.

ни, шамхалу Тарковскому не подчинялись и подати ему не платили»¹.

Но исследователи подчеркивают несложность управления Мехтулинского ханства, как и других владений Дагестана, менее сложность административно-управленческого аппарата этого владения, чем в Тарковском шамхальстве².

Сохранились сведения о мехтулинских ханах, которые правили ханством как в изучаемое время, так и ранее. В середине XVIII в. ханом владения был Ахмед-хан. Согласно «Записке о Мехтулинском ханстве», «кто именно первый наследовал Мехти (основатель ханства по прозвищу Кара. – Б.А.) и сколько поколений прошло до того, пока достоинство владетеля досталось Ахмед-Хану-Аджи, – ни у старожилов, ни у нынешних членов ханского дома никаких верных сведений не сохранилось»³. Х.-М.О. Хашаев писал, что Ахмед-хан был сыном Мехти-бека⁴. Однако в указанной выше «Записке...»: «Современники... Ахмед-Хана-Аджи, из которых несколько человек находятся в живых (речь идет о 60-х гг. XIX в. – Б.А.), положительно удостоверяют, что он был второй сын Умы; что право ханствования должно было перейти к старшему брату его, Али-Султан-беку, но он не пожелал властвовать, и, взяв в свой удел четыре деревни, предоставил остальные младшему брату, Ахмед-Хану-Аджи, на правах владетеля, и что чрез это в ведение хана поступали из прежнего нераздельного владения только девять селений, а четыре, составлявшие по численности населения около половины ханства, отошли особым уделом к старшему брату его»⁵.

Ахмед-Хан-Аджи умер в 1796 г., не оставив после себя наследника, когда Али-Султан-бек был еще жив. Поэтому ханство вторично досталось ему. Однако он снова отказался от власти и, оставшись при своем уделе, посадил на ханство своего старшего сына Гасан-бека⁶, который правил ханством до 1818 г.

¹ РГВИА. Ф.ВУА. Д. 18474. Ч.2. Л.10-11. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.217.

² Гаджиев В.Г. Роль России... С.26; История Дагестана. Т.1. С.323.

³ Мехтулинские ханы // ССКГ. Вып II. С.2; Феодалные отношения... С.36.

⁴ Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С.216.

⁵ Мехтулинские ханы... С.2-3; Феодалные отношения... С.36.

⁶ Мехтулинские ханы... С.3.

В 1800 г., когда умер аварский владетель Ума-хан (Омар-хан), прекратилась мужская линия аварских владетелей. Единственная дочь покойного хана, Паху-бике была замужем за вторым сыном мехтулинского «Али-Султан-бека, Султан-Ахмед-беком. Поэтому и по желанию аварцев, возбужденному вдовой Омар-хана, Гийли-бике, Султан-Ахмед-бек призван был принять ханство Аварское»¹. Так при жизни Али-Султан-бека его сыновья сделались ханами: Гасан-бек – в Мехтуле, а Султан-Ахмед-бек – в Аварии².

Интересно, что из приведенных сведений не видно, чтобы в Мехтулинском ханстве были другие беки, сидевшие в своих селах, как в других феодалных владениях Дагестана. Из всех сел ханства, как было отмечено выше, 9 селений (Б.Дженгутай – резиденция хана, М.Дженгутай, Дуранги, Апши, Ахкент, Огли, Кулецма, Аймаки и Чогли) находились в непосредственном ведении хана, а 4 селения (Дургели, Кака-Шура, Параул и Урма) – в ведении Али-Султан-бека. Конечно, не может быть сомнения, что в каждом из сел ханства находились представители владетелей – бегавулы (старшины и карты), сельские судьи, правившие в них от имени владетелей. Но сведения не говорят о наличии в этих селах родственников владетелей и что кто-то другой, кроме как в пользу владетелей, нес повинности.

Али-Султан-бек умер в 1807 г., удел его – 4 селения, указанные выше, должны были поступить мехтулинскому владетелю, сыну покойного, Гасан-хану. Но брат последнего Султан-Ахмед-хан (аварский владетель) потребовал, чтобы удел его отца был оставлен ему. Гасан-хан не стал спорить и передал брату Султан-Ахмед-хану сел. Дургели. Кака-Шуру, Параул и Урму, «которые и состояли в исключительном владении его до прихода генерала Ермолова в Дагестан»³.

Владетели Аварии Мехтулы и Бамматулы оказали сопротивление русским войскам, когда Ермолов начал военные действия против горцев, поднявшихся в первой трети XIX в. против политики России в Дагестане, проводившей колониальную

¹ Мехтулинские ханы... С.3.

² Там же.

³ Там же. С.4; Феодалные отношения... С.37.

политику, стремясь для укрепления своей позиции и подчинения дагестанских народов строить крепости, укрепления и дороги, вырубая леса, портя пахотные поля и сенокосы, отнимая у общин земли и превращая их в казенные. Ермолов, разбив дагестанцев и «изгнав владетелей в горы, объявил их лишенными прав на занятия... владения»¹. Сел. Параул, Кака-Шура, Дургели и Казанищи были отданы тарковскому шамхалу Мехти с условием, что они могут быть получены его наследниками только с соизволения Государя Императора. Так, удел аварского хана из Мехтулинского ханства достался шамхалу Мехти².

Из сел. Б.Дженгутай, М.Дженгутай и Дуранги, признавших «полную покорность», было образовано особое приставство, над которым был поставлен сначала один из шамхальских чиновников, а потом русский офицер – войсковой старшина Яков Батырев», который был убит местными жителями, подстрекаемыми аварским и мехтулинским ханами. После этого по ходатайству шамхала Мехти Ермолов позволил детям Гасан-хана Ахмет-Хану и Али-Султану явиться с повинною, который, даровав им прощение, дал первому из них бумагу», согласно которой Ахмет-Хан принял Мехтулинское ханство, за исключением удела дяди своего, аварского хана, состоявшего из четырех деревень, отданных генералом Ермоловым в 1818 г. Мехти-шамхалу³.

Вскоре шамхал, выдав за Ахмед-Хана свою дочь Нох-бике, передал ему и одну из мехтулинских деревень – Кака-Шуру и во владении Ахмед-Хана стало 10 сел (Б. и М.Дженгутай, Дуранги, Кака-Шура, Апши, Охли, Ахкент, Аймаки, Кулецма, Чогли).

Так в феврале 1820 г. Мехтулинское ханство было восстановлено. Младший брат Ахмед-Хана Али-Султан был отправлен в Россию на службу и до 1834 г. Ахмед-Хан владел указанными селами один. Когда в 1834 г. Али-Султан вернулся на Родину, Ахмед-Хан дал ему в виде удела сел. Кака-Шуру⁴. После

¹ Мехтулинские ханы... С.4; Феодалные отношения... С.37.

² Там же. С.5; С.37-38.

³ Там же. С.6; С.38.

⁴ Там же. С.6; С.38.

смерти аварского хана Султан-Ахмед-хана представители ханского рода, в том числе Абу-Султан-Нуцал-Хан были истреблены Гамзат-беком. Русское правительство поручило управление Аварским ханством правителю Мехтулинского ханства Ахмед-Хану. Но наследником ханства был сын убитого Абу-Султан-Нуцал-Хана от дочери шамхала Мехти – Айбат, который в честь дяди был назван Султан-Ахмедом¹.

Еще при жизни Нуцал-Хана Аварского его мать Паху-бике домогалась, чтобы с вступлением ее сыновей в подданство России им возвратили удел их отца из Мехтулинского ханства, отданный Ермоловым шамхалу. Она получила отказ. Шамхал же хотел завещать указанные четыре селения своему малолетнему внуку – аварскому хану Султан-Ахмеду. На эти четыре селения претендовал и мехтулинский хан Ахмед-Хан, который умер в 1843 г., оставив двух малолетних детей и вдову Нох-бике, которой и было поручено управление Мехтулинским ханством. К ней был приставлен русский штаб-офицер, который на самом деле был полным правителем ханства. И такое управление продолжалось 12 лет, т.е. до 1854 г.²

Непосредственное управление Мехтулинским ханством осуществлялось через русских штаб-офицеров, назначавшихся сначала под названием помощников ханши, а потом управление было поручено сыну Ахмед-Хана Ибрагим-Хану, который в 1859 г. Барятинским был назначен аварским ханом. Мехтулинским ханом был назначен его младший брат Рашид-хан, который управлял ханством до образования Дагестанской области, т.е. до июня 1860 г. При хане было учреждено управление, состоящее из его помощника, военной канцелярии и словесного суда. Так ханская власть то ликвидировалась русским командованием, то ограничивалась разными институтами, учреждаемыми при хане. Поэтому после занятия Ермоловым основных сел ханства, их разорения, а затем присоединения ханства к России власть мехтулинского хана коренным образом изменилась. Она была ограничена и не могло быть и речи о ее деспотичности или неограниченности.

¹ Мехтулинские ханы... С.6-7; Феодалные отношения... С.38-39.

² Там же. С.8; С.40.

5. Султан Утамышский и его владение

Чтобы завершить изучение феодальных владетелей кумыков, остановимся на характеристике утамышского султана, начав с краткого описания его владения, которое располагалось на территории южных кумыков. Оно известно по источникам XVII-XVIII вв. и находилось между Кайтагским уцмийством и Буйнакским бийликом. По источникам XVIII в., здесь владельцем был Султан-Махмуд, владение которого и уцмия разделялись рекой Куце¹. В 1728 г. И.-Г.Гербер писал, что «Утямиш уезд» находился «подле моря между горами, Буйнак и усмейского владения»². Состоял «уезд» из нескольких деревень, «между которыми деревня Утямиш главнейшая»³. По сведениям П.Г. Буткова, во время Каспийского похода Петра I в 1722 г. Утамышское султанство состояло из семи деревень – из местечка «Отемыш, в коем содержалось до 500 дворов, и других шести деревень, так же по сторонам лежащих»⁴. В составе султанства находилось и сел. Каякент, которое, по словам А.П. Лопухина, было «брата ево салтан Мамута утемышского»⁵.

Когда образовалось Утамышское владение, нет сведений. Но в исторической литературе оно известно и как Гамринское. 20 апреля 1719 г. посланец шамхала Адиль-Гирея Мамет-бек Алыпкачев сделал «словесное посольское представление», в одном из пунктов которого, говоря о нападении на А.И.Лопухина и его грабеже 21 апреля 1718 г. при движении около речки Куце «вверх до деревни Хаякент», называет жителей Утамышского владения «Умры (Гамри. – Б.А.), с которыми был их Салтан-Махмут»⁶. П.Г. Бутков называл Утамышское султанство «уезд Гамрин»⁷, а А.-К. Бакиханов – «владение Гамры»⁸.

¹ Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.33, 56.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.74.

³ Там же.

⁴ Бутков П.Г. Материалы... Ч.1. С.25. См.также: Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С.56.

⁵ Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.33.

⁶ Русско-дагестанские... (1958). С. 228, 233.

⁷ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 25.

⁸ Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. С.130.

По сведениям Д.И. Тихонова и П.Г. Буткова, в «Гамринском округе» в конце XVIII в. было 16 селений¹. Но это неверно, так как в его составе даны села Каба-Дарго (Меусиша, Мурги, Мургук, Канасираги, Цизгари и даже центр союза Урахи). Р.М. Магомедов писал, что в составе султанства было семь селений – Утамыш, Каякент, Мюрего, Кичи-Гамри, Маммаул, Алихан-кент, Уцми-кент². В.Г. Гаджиев писал, что верны мнения и дореволюционных авторов, и советских ученых. «Только может быть, – отмечал он, – вместо сел. Мюрего в состав «уезда» входило сел. Уллугамри. Тем более что о сел. Гамри (в документе «Умры») как о селении, входящем в «уезд Утемыш», говорится в донесении шамхала тарковского Петру I от 1719 г.»³. Согласен был В.Г. Гаджиев и с Д.И. Тихоновым. «Как ни странно, – писал он, – прав и Д.И. Тихонов. Оказывается, во второй половине XVIII в. изменилось название самого «уезда», намного расширилась его территория, естественно, увеличилось число селений, входящих в его состав»⁴. Тогда не согласуется мнение, что вместо сел. Мюрего входило сел. Уллугамри со сведениями Д.И. Тихонова, который перечислял в составе «Гамринской округи» одновременно и «Муреге» и «Уллугамры»⁵. В.Г. Гаджиев пытался подкрепить свое мнение и сведениями П.Г. Буткова, отмечавшего, что в конце XVIII в. «уезд Гамрин» состоял из 16 деревень⁶.

Совпадение мнения Д.И. Тихонова и П.Г. Буткова можно объяснить влиянием одного из них на другого. О неверности же мнения их было сказано выше, в связи с чем отметим и то, что и по составу других «округ» сведения Т.И. Тихонова неверны⁷.

Противоречивы сведения и по титулу утамышского владетеля – «султан». По сведениям XVIII в., трудно понять значение этого слова, так как оно дается то как имя собственное, то

¹ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.132-133.

² Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.210.

³ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера... С.115.

⁴ Там же.

⁵ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.132.

⁶ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.25.

⁷ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.132-133.

как титул феодального владетеля. Впервые мы с этим сталкиваемся в «Журнале...» А.И. Лопухина, который дает это слово то как собственное имя («Салтан Мамут»)¹, то как титул феодального владетеля («султан»)². И.-Г.Гербер дает это слово как титул феодального владетеля («султан Мамут»)³. Д.И.Тихонов через 70 лет после И.-Г.Гербера писал, что «округа Гамринская» имеет своих князей, которые прежде назывались султанами и были в давние времена сильными»⁴. П.Г.Бутков также давал слово «султан» как титул феодального владетеля⁵. В грамоте Петра I тарковскому шамхалу Адиль-Гирею от 30 августа 1725 г. «Салтан» дается как часть собственного имени⁶. То же самое было и в сообщении действительного советника П.П.Толстого и генерал-адъютанта графа Ф.М.Апраксина шамхалу Тарковскому Адиль-Гирею от 16 февраля 1722 г.⁷ И, наконец, Г.-Э.Алкадари также употреблял это собственное имя: «утамышский правитель Султан-Махмуд»⁸.

Не совсем ясны и противоречивы сведения источников и о политическом положении Утамышского владения. Только у И.-Г.Гербера были различные утверждения на этот счет: «Султан Мамут Утямиш ... – писал он, – стоит под властью усмея», затем – «под Российской империи с 1722 году, прежде того временем под шамхалом, временем под усмеем, токмо с обоими под Персию», и, наконец, «владетель султан Мамут временем от шамхала, временем от усмея зависит и послушен был, смотря на случай, а больше чтился с обоими в приятстве быть»⁹.

В более позднее время П.Г.Бутков писал, что «уезд Гамрин состоит в зависимости усмия, имея, однако своих князей»¹⁰. А.-К.Бакиханов, касаясь событий периода похода Петра I в При-

¹ Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.32.

² Там же. С.33, 34, 40, 41.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.74.

⁴ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.133.

⁵ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.25, 34, 83.

⁶ Русско-дагестанские отношения... (1958). С.252.

⁷ Там же. С.265.

⁸ Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С.56.

⁹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.74.

¹⁰ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.25.

каспие, также писал, что «Султан Махмуд» подвластен «кайтаскому уцмию»¹.

Анализируя все приведенное выше, В.Г.Гаджиев ставил под сомнение правдоподобность сообщения И.-Г.Гербера о зависимости Утамышского владения от тарковского шамхала в связи с чем писал, что в этом случае «вряд ли Петру I в августе 1722 г. понадобилось бы передать его шамхалу»². Вместе с тем он допускал, что «временами владетели Утемышша попадали в сферу политического влияния шамхалов тарковских»³. Исходя же из сообщения И.-Г.Гербера о том, что «доходы берет султан Мамут»⁴, В.Г.Гаджиев писал, что в описываемое время Утамыш «был относительно самостоятельным владением, хотя находился в сфере политического влияния Кайтага»⁵. На самом же деле политическое влияние Кайтага на Утамышское владение в XVIII-XIX вв. явно преобладало. И не без основания И.-Г.Гербер сообщал, что «султан Мамут... принужден... купно с усмеем воинское дело отправлять»⁶, что и случилось во время продвижения войск Петра I из Тарков через земли Утамышша в Дербент, когда султан Махмуд с 10 тыс. (у других авторов это количество войск от 5 до 16 тыс., например, у Кантемира 5 тыс., П.Г.Буткова – 7 тыс., у А.-К.Бакиханова – 16 тыс. и т.д.) войском «под начальством *Мегти-Бега*, *Якши-Бега* и *Айтемур-Бега*, подданных отемышских и усмийских», состоявшими из своих подданных и кайтагов, напал на них и разбит был в урочище «Кучюк-Изваре» (район нынешнего Избербаша, который даргинцы, в частности урахинцы, называют «Инзбар», что значит «родниковое место». – Б.А.), при речке Индже»⁷. Местечко «Отемыш» было разграблено и превращено в пепел, было взято в качестве добычи 7 тыс. быков и до 4 тыс. баранов»⁸ (у А.-

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.128.

² Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.116.

³ Там же.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.74.

⁵ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.116.

⁶ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.74.

⁷ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.25.

⁸ Там же.

К.Бакиханова «15 тыс. баранов и другого рогатого скота»¹, было убито около 600 человек, в том числе один из предводителей Якши-Бег»². Г.-Э.Алкадари писал: «Этот правитель (Султан Махмуд. – Б.А.) по приказанию уцмия, собрав из трех районов и округов до шести тысяч войск», сразился с русскими и потерпел поражение. Русское войско «разграбило и сожгло их селение, достигавшее пятисот домов, а также разграбило и другие ближние селения. Из числа пленных император казнил несколько лиц. При этом русским войскам досталось до пяти тысяч овец и прочих угнанных животных»³. Только приходится гадать, какие это три района и округа, в которых султан собрал до шести тысяч войск. Еще до Г.-Э.Алкадари А.-К.Бакиханов писал, что Султан-Махмуд «с 16 тысячами войска как своего, так и кайтакского, которое имел в готовности (т.е. ранее он приготовился к сражению с войсками Петра I. – Б.А.) напал на лагерь, но сразу же был разбит»⁴.

Из сообщения А.-К.Бакиханова можно предположить два момента: войско его состояло более из людей кайтагского уцмия, от которого, безусловно, он был зависим, и второе – раз большинство войска было уцмия, то логично предположить, что, так как сам уцмий из своего владения не мог собрать такое количество войска, то он привлек против русских и верхнедаргинцев во главе с акушинским кадием.

Интересно, что из описанных событий утамышский султан не сделал никаких выводов. Когда войска Петра I из Дербента, возвращаясь обратно, проходило через территорию Утамышского владения, он опять вместе с уцмием организовал нападение на оставшиеся отряды русских. Поэтому в конце сентября 1722 г. Петр I послал русские войска (1000 казаков и 40 тыс. калмыков) под начальством донского атамана Краснощокова на «жилища усмия и отемышского султана Магмута, дабы еще отмстить за их упорство»⁵. В результате было разорено, «что от

прежнего поиска оставалось; много порублено, 350 человек пленено и 11 тыс. рогатого скота получено в добычу, кроме других знатных вещей казакам доставшихся»¹. Это было наказание за то, что утамышцы 12 сентября 1722 г. напали «у реки малого Извара» на оставшихся позади армии людей во время ухода петровских войск из Дербента по территории уцмия Кайтага и Утамышы².

Антирусская политика Утамышского султана и конкретно-неудачные попытки оказать сопротивление российской армии дорого обошлись ему: он был отстранен от власти; «уезд» передан в управление шамхалу Тарковскому³, который в то время был наиболее приверженным сторонником России.

Но, согласно сведениям П.Г. Буткова, «султан» Утамышский был и позже. Он писал, что в 1725 г., после того как завершилось неудачное выступление шамхала Тарковского против крепости Святого креста, многие дагестанцы присягали на верность России и вступление их в ее подданство. Тогда же, как писал он, султан Утамышский вместе в уцмием Кайтага (это еще раз говорит о его зависимости от уцмия) и кубачинцами признал себя российским подданным и отдал в аманаты своего полуторагодовалого сына⁴. Об этом же еще ранее писал и полковник Я.А.Маркович. Интерес в его сообщении представляет то, что по требованию русского полковника фон Лукея аманатов «зараз (сразу. – Б.А.) ... усмей представил, между (среди. – Б.А.) которыми был салтан Мамута маленний» (младенец. – Б.А.)⁵, что опять-таки подтверждает его зависимость от уцмия.

Как указывалось и выше, в последующем Утамышское султанство было известно, как одна из округ Кайтагского уцмийства под названием «Гамринская округа», «Гамринский магал», «уезд Гамри» или просто «Гамри»⁶. В 40-е гг. XVIII в. Я. Лерх

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.128.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.25-26.

³ Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С.56.

⁴ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.128.

⁵ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.34.

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.34; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.130.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.32.

³ Русско-дагестанские отношения... (1958). С.252.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.83.

⁵ Дагестан в известиях... С.190.

⁶ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.132-133; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.25; Ч.2. С.15; Ч.3. С.528; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.130.

сообщал, что Утамыш – это «небольшой уезд; неподалеку от Буйнака под горами лежит: оным управляет султан Магмут Утемыш»¹, т.е. тот же султан, который выступил вместе с войсками уцмий против войск Петра I. Значит, он после измены шамхала России был восстановлен в своих правах владельца Утамышского султанства. В Утамыше султан правил и позже.

Но конкретных сведений об этом феодальном владении нет, а имеющиеся – разноречивы и часто нелепы. С.Броневский называл Утамыш местечком и замком, а также городом «на речке Инчхе, в 25 верстах от моря, мало населено, и кажется не исправилось еще от разорения в 1722 г. российскими войсками причиненного»². П.Зубов в 30-е гг. XIX в. также называл Утамыш «крепостцой» на берегу реки Инчхе – «главное место округа сего имени, управляемого старшинским родом наследственно»³. И.А. Гильденштедт Утамыш вместе с такими «татарскими (кумыкскими. – Б.А.) деревнями», как «Озень, Таргу, Карабудахкент, Бойнак» перечислил как принадлежащий шамхалу⁴. Я. Рейнеггс немногим позже дал Утамыш в составе Буйнака⁵. Еще более нелепо утверждение Н.Данилевского, писавшего, что Утамыш – это «крепостца на р. Инчае», находившаяся в составе Акуша-Дарго⁶.

В начале описания Утамышского владения уже говорилось о его территории и границах. Географически владение занимало выгодную территорию. Через нее издревле проходила международная торговая трасса, связывающая народы Дагестана со странами Востока, с Россией, а через нее с Европой. Поэтому Утамыш активно был связан торговыми сношениями с Дербентом, Тарками, Эндиреем, Кизляром⁷ и с его владельцами считались остальные владельцы Дагестана. Из Утамышского владе-

ния в большом количестве вывозились свежие и сушеные фрукты, так как здесь сильно было развито садоводство и виноградарство, а также красильное сырье – корень марены¹.

Относительно численности населения, подвластного утамышскому владельцу-султану, сведения скудны. По А.-К. Бакиханову, в период похода Петра I в Прикаспие в самом Утамыше было 500 семейств². По более поздним сведениям, здесь было 477 дворов, в Каякенте – 376, Мюрего – 366, Алходжакенте – 269, Бурдеки – 27, Маммаауле – 14³. А по данным 80-х гг. XIX в., в Утамыше было 598 дымов, что говорит о стабильном развитии владения в целом и его центра, в частности, которые возродились после практически учиненного разорения и уничтожения многих сел владения султана.

6. Владелец Кайтага – уцмий

Что же представляло собой владение уцмий Кайтага? Кайтагское уцмийство – это одно из крупных феодальных владений Дагестана, занимавшее низменность, предгорье и горную часть. Причем эта же территория была в уцмийстве и в предыдущие периоды истории. Так, по свидетельству Э.Челеби, на юге уцмийство доходило до Персидского Демир-Капу очень близко⁴. В Посольском приказе в январе 1632 г. посол Кайтага Шамсей заявил, что «...Дербени от уцмиевы земли блиско, всего в 15 верстах»⁵. А в начале XVIII в. А.И.Лопухин свидетельствовал, что Дербент «имеет границу с усмием в двух агачах»⁶. О близости южных границ уцмийства с Дербентом писали также С.Г.Гмелин, А.И.Ахвердов⁷ и др.

¹ Продолжение известия о втором путешествии доктора и Коллежского советника Лерха в Персию с 1745 по 1747 года // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791. Месяц август. С.76.

² Броневский С. Указ. соч. Ч.2. С.312.

³ Зубов П. Указ. соч. Ч.3. С.255.

⁴ Гильденштедт И.А. Указ. соч. С.113.

⁵ Дагестан в известиях... С.274.

⁶ Данилевский Н. Указ. соч. С.186.

⁷ ЦГА РФ. Ф. 379. Оп.1. Д.5. Л.95-102.

¹ ЦГА РФ. Ф. 379. Оп.1. Д.1196. Л.41; Д.291. Л.62; Д.963. Л.49; Д.881. Л.34.

² Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.128.

³ Феодальные отношения... С.230-231.

⁴ Челеби Э. Книга путешествия. Вып.2. С.117.

⁵ Русско-дагестанские отношения... (1958). С.95.

⁶ Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.30.

⁷ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1795. Ч.3. С.25; Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.217.

Более подробная характеристика территории и границ Кайтагского уцмийства дана И.-Г.Гербером, отмечавшим, что оно находится «подле моря, расстоянием от Утямиша до реки Дарбах, которая речка назначает границу от Ширвани к норду (северу. — Б.А.), к весту (западу. — Б.А.) протекается до карахайтаков...»¹ Это территория Нижнего Кайтага («Хайтака»). Вторую часть уцмийства «Карахайтак» И.-Г.Гербер располагал «выше хайтаков, между нижними горами, далее к весту (западу. — Б.А.) имеются высокие горы, за которыми кумыки живут, к зюйду (югу. — Б.А.) протянется до Табасарании и хасии кумыкам, а к норду (северу. — Б.А.) до Кубяша»². А.И.Лопухин писал, что речка Куце «разделила владение усмиево с салтан Мамутом утемышим»³. В 80-е гг. XVIII в. Я. Рейнеггс отмечал, что «правый берег реки Инче составляет северные, а река Тарабах (Дарбах. — Б.А.) — южные границы княжества Каракайдека» и что земля уцмий «с южно-западной и северной стороны граничит с другими поколениями (народами. — Б.А.) и Али-Султаном (мехтулинский хан. — Б.А.)»⁴. Автор конца XVIII в. Д.И.Тихонов собрал сведения о всей территории Кайтагского уцмийства и писал, что «владение уцмиево определялось от севера шамхаловым и Али-Султановым владениями, частью и акушинцами; от востока ... омывается Каспийским морем; от юга рекою Дарбахом до вершины, от коей хребтом горы, между рек Гургени и Буама, со владениями Дербентским, кадиевым и Девек Елемиевым; от запада вышесказанным хребтом гор с народом вольным казыкумыками»⁵. Подробно территорию Кайтагского уцмийства и его границы описал в 30-е гг. XIX в. и П.Зубов⁶.

В работах отдельных авторов дана и площадь территории владения уцмий. В 1804 г. А.И.Ахвердов писал: «Владение уцмий каракайдацкого есть на плоскости, в длину простирающееся на 50, в ширину от моря до гор 25, а внутри гор, из деревни

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.83.

² Там же. С.84.

³ Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.33.

⁴ Дагестан в известиях... С.275, 276.

⁵ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.125-126.

⁶ Зубов П. Указ. соч. Ч.3. С.256.

его пребывания, называемой Баргшлы, до 90 верст»¹. Кайтагское уцмийство занимало территорию от речки Орусай-Булак к югу вдоль Каспийского моря на 60 верст до реки Дарбах, в ширину от моря до гор и в самих горах — верст на 100, а в окружности 350 верст². Аналогичные сведения по исследуемому периоду даны и в других работах, написанных позже³.

Территория Кайтагского уцмийства делилась на две части: Нижний Кайтаг (УбяхI Хайдак) и Верхний Кайтаг (ШибяхI Хайдак). В его составе была и территория даргинцев, известная под общим названием Муйра, куда входили собственно Муйра, Гапш и Ганк, каждая из которых, в свою очередь, делилась на сельские общества. Рейнеггс Нижний Кайтаг делил на 5 частей-уездов: Кьутсе, Баршли, Каракайдек, Мурр-ерг и Ирчамул и дал количество семей, которые были в каждом из них⁴. Д.И.Тихонов писал о 13 округах Кайтага⁵, что впрочем, не совсем верно, так как в его составе даны и Сюрга, и Каба-Дарго, и отдельные села, которые не входили в него.

Другие авторы, писавшие в XIX в., во владении уцмий дают от 8 до 10 частей, но опять-таки вместе с Сюрга и Каба-Дарго⁶. Более верны сведения Е.И.Козубского, писавшего о восьми частях владения уцмий: это Муйра (Муйра, Гапш и Ганк), Хайдак (Шуркант, Каддагни, Уртчимул; Убах Хайдак; Хуцари (Ицари), Маджалис (Маджалис-Кайтта) и Таркамей (Терекеме)⁷.

Владение уцмий было полиэтническое феодальное государство, куда входили собственно кайтаги, кумыки, терекемейцы, даргинцы, кубачинцы и евреи. Это была густонаселенная территория со множеством населенных пунктов. Как писал И.-Г.Гербер, и Нижний, и Верхний Кайтаг состояли «во многих

¹ Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.215.

² Броневский С. Указ. соч. Ч.2 С.309; Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.205.

³ Зубов П. Указ. соч. Ч.3. С.250; Обзорение Российских владений... Ч.4. С.191; Березин И. Указ. соч. Ч.2. С.48.

⁴ Дагестан в известиях... С.276-277.

⁵ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.131-133.

⁶ См.: Обзорение Российских владений... Ч.4. С.191-192.

⁷ Козубский Е.И. Памятная книжка... С.53-54.

хороших и великих деревнях»¹. По его же словам, среди них деревня Башлы «была знатнейшая» и в ней «усмей» жил². Он же отмечал, что в Верхнем Кайтаге отличалась «одна деревня великая, крепкая и сильная, Карагураш (Калакорейш)»³. Я.Рейнеггс писал, что в уезде Башлы была деревня Ахмедкент «всегдашнее жилище утцума»⁴. Это было летнее местопребывание уцмий.

Что Башлы были центром, писали также А.И. Лопухин, Д.Белл, Я.А. Маркович, Я.Лерх, И.А. Гильденштедт. Как значительные села С.М. Броневский дает Утамыш, Мюрего, Башлы, Уллу-Гамри, Берикей, Маджалис, Великент, Алихан-кала, Баршамай и Кубачи, которых называл «главнейшими сборными местами» владения уцмий⁵.

Согласно архивным данным начала XIX в., всех сел в Кайтаге было 57, из них в Верхнем Кайтаге – 32, в Нижнем – 25⁶. На самом деле во владении уцмий было более 100 сел. В Нижнем Кайтаге было 80 сел, только в Ирчамуле и Каракайтаге их было 32⁷.

Густонаселенность уцмийства предопределило относительно большое число населения. И.Т. Дренякин писал: «Уцмий Каракайтагской с кочующими» имел 25000 дворов, а число жителей доходило до 75000 человек⁸. Аналогичные сведения имеются и в работах П.Г. Буткова, С.М. Броневского, Ю. Клапрота, М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга. Согласно архивным материалам начала XIX в., во владении уцмий было 6032 двора и 29484 жителя, из которых в Нижнем Кайтаге – 3530 дворов и 18421 человек, в Верхнем Кайтаге – 2502 двора и

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.83-84.

² Там же. С.83.

³ Там же. С.84.

⁴ Дагестан в известиях... С.277.

⁵ Броневский С. Указ. соч. Ч.2. С.312-313.

⁶ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.8. Л.25; см. также: Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. 1867. № 7.

⁷ Комаров А. Народонаселение Дагестанской области // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Кн.8. С.43; Козубский Е.И. Указ. соч. С.306-331.

⁸ Дренякин И.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. Таблица.

11063 человека¹. По данным 30-х гг. XIX в., «Владение Каракайтагское» имело более 10400 дымов с 36200 душами мужского пола². Имеются и другие данные, противоречащие друг другу. Но особенно неверны данные Ф.Боденштедта, писавшего, что под владением уцмий было всего 15000 человек³.

Противоречивы сведения и о вооруженных силах уцмий. В августе 1722 г. кайтагский уцмий и утамышский султан, по данным разных авторов, выставили против войск Петра I от 5 до 16 человек, о чем было сказано и выше. Безусловно, основную часть их составляли кайтаги, что видно из сведений ряда авторов. По Я.А. Марковичу, в 20-е гг. XVIII в. уцмий мог собрать «8000 татар, тавлинцов 6000, а его усмеиових 2000⁴». И.Т. Дренякин в конце XVIII в. писал о 12500 вооруженных уцмий⁵, а уже в XIX в. С.М. Броневский, М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг – 8 тыс.⁶, П.Г. Бутков – 7 тыс.⁷, Ю.Клапрот писал, что такое количество вооруженных уцмий мог собрать только вместе со своими братьями⁸.

Будучи большим по территории, многолюдным и сильным владением, Кайтагское уцмийство и его владетели играли в прошлом и в изучаемый период большую роль как во внешнеполитических вопросах, так и внутри Дагестана. Чтобы не быть голословными, обратимся к источникам разных периодов. Еще в 1618 г. в отписке терского воеводы Н.Вельяминова о сношениях с кайтагским уцмием Рустем-ханом писалось: «И князь Сунчалей мне сказал, что уцмей де князь кайдацкой в горах человек первой

¹ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.8. Л.21.

² Обзорение Российских владений... Ч.1. С.21.

³ Bodenstädt F. Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Berlin, 1855. S.317.

⁴ Дагестан в известиях... С.184.

⁵ Дренякин И.Т. Указ. соч. // ИГЭД. Таблица.

⁶ Броневский С. Указ. соч. Ч.2. С.314; Ковалевский М.К. и И.Ф.Бларамберг. Указ. соч. // ИГЭД. С.309.

⁷ Бутков П.Г. Материалы... Ч.1. С.210.

⁸ Клапрот Ю. Историческая, географическая, этнографическая и политическая карта Кавказа и соседних провинций между Россией и Персией. Париж, 1827 / Перев. с фран. З.Кидаловой // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.76. С.10.

и людьми силен, никому не служит, ни турскому, ни крымскому, ни кызылбашскому не голдует и ясаку не дает, а человек де он гордой против Гирея-князя (правитель Тарков. – А.Б.) не вставая шапки не сьмает, и Герей де перед ним з братом своим с Илдаром вместе не садятца и стоят на коленках... земля де его в крепких местах»¹. Вспомним слова А.П.Лопухина, относящиеся к первой четверти XVIII в. об уцмии Кайтага, что он «владелец людной», «владелец сильной и славной, ведают про то, что здесь, кроме его, никто силы такой не имеет»².

В источниках разного времени отмечается, что Кайтагское уцмийство было вторым после шамхальства владением, имевшим большой вес и влияние во всем Дагестане. В первой трети XVIII в. И.-Г.Гербер писал: «Усмей после шамхала всегда знатнейший у здешних народов был и ныне еще в великом почтении»³. Именно такое положение уцмийства дало основание другому офицеру русской армии – полковнику Я.А. Марковичу, бывшему в Дагестане также в 20-х гг. XVIII в., писать, что «шамхал был целым комендиром, а усмей, чина имя, вицекомендиром»⁴. «Достоинство уцмий, – писал А.А.Неверовский, – было второе по старшинству, поставленному в Дагестане аравитянами»⁵. И.Н. Березин также подчеркивал, что: «Первоначально Усмий вместе с Шамхалом составляли первостепенных владельцев Дагестана»⁶. Интересно, что в одном архивном источнике отмечается: «Род усмиев издревле пользовался почетом и относительным могуществом в Дагестане и уступал только Шамхальскому роду, когда Шамхалы в качестве Валы Дагестанского были поставлены выше других владельцев; но когда Шамхалы утратили прежнее свое значение и в половине 17 столетия перенесли свою резиденцию из Казикумуха в Тарки, то уцмии стали равно-

сильными с Шамхалами»¹. В связи с этим небезынтересно привести слова А.И. Лопухина: «Шевкала здесь не почитают, и силы ево такой нет, как уцмиевой, а коли усми скажет, поезжайте, ... никто не смеет за ево словом ... противности зделать»².

Такое высокое и почетное положение кайтагского владельца отмечено и другими авторами³. Я.Лерх, посетивший Дагестан в 30-40-е гг. XVIII в., писал, что уцмий был «сильнее прочих владельцев и поэтому русские его часто ласкали»⁴. Речь идет о уцмии Ахмед-хане, о котором А.А. Неверовский, а затем и В.Потто писали, что он действительно был одним из сильнейших владельцев в горах⁵. Были сильны и последующие уцмии Кайтага. В предписании ген.-адъютанта И.В. Гудовича С.А. Булгакову от 19 августа 1806 г. говорится, например, что «Каракайтагский владелец уцмий Али-хан, сильнейший из всех живущих около Табасарана»⁶. В донесении С.А. Булгакова от 5 января 1807 г. Али-хан назван одним из «первых и сильнейших почти владельцев в Дагестане»⁷. А.И. Ахвердов о нем писал, что это «человек мужественной и любимой в подвластном ему народе»⁸.

Как писал Я.А. Маркович, уцмий был также «против (по сравнению. – Б.А.) других владельцев горских делеко богатший»⁹. Именно богатство и сила уцмий и выделили его среди других владельцев Дагестана. И нельзя не согласиться с В.Г. Гаджиевым, который писал, что «Кайтагское уцмийство всегда (подчерк. мною. – Б.А.) играло заметную роль в истории Дагестана»¹⁰.

¹ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.18. Л.39.

² Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.16.

³ Берже А. При-Каспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856. С.322; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1881. Т.1. Вып.1. С.37.

⁴ Лерх Я. Продолжение известия о втором путешествии... // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791. Ч.ЛXII. С.77.

⁵ Неверовский А. Указ. соч. С.14; Потто В. Указ.соч. С.37.

⁶ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.278. Л.885.

⁷ АКАК. Тифлис, 1869. Т.III. С.387.

⁸ Ахвердов А.И. Указ. соч. С.215-216.

⁹ Дагестан в известиях... С.188.

¹⁰ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.121.

¹ Русско-дагестанские отношения... (1958). С.64-65.

² Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.11, 23.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.83.

⁴ Дагестан в известиях... С.180-181.

⁵ Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С.14.

⁶ Березина И. Указ. соч. Ч.2. С.49.

И на самом деле уцмий Кайтага играли либо первостепенную роль, либо принимали самое активное участие во многих политических событиях изучаемого периода. Это видно уже в самом начале XVIII в., когда уцмием Кайтага стал Ахмед-хан, сын Уллубия. Как сообщал И.-Г.Гербер, до похода Петра I в Прикаспие уцмий, как и шамхал, находился «под владением персидским» и получал от шаха «каждый год по 2000 рублей», за что должен был «со своими подданными воинскую службу по требованию отправлять»¹. Как и шамхалы, уцмий утверждались сефевидскими шахами, которые выдавали фирманы на владение земельными угодьями. И уцмий Ахмед-хан в 1711 г. был утвержден шахом Гусейном на владение Кайтагом. Ему было увеличено жалованье со 100 туманов до 200². После этого, как писал А.-К.Бакиханов, уцмий «день со дня усиливаясь, пошел войною на Табасаран»³. Он разграбил и разорил несколько деревень, после чего правители Табасарана Магомед-Масум, а также Рустам и Алибек изъявили покорность и дали аманатов⁴.

Уцмий Ахмед-хан в начале XVIII в. принимал самое активное участие в антииранском восстании дагестанцев против политического и религиозного гнета Сефевидов. Он послал на помощь руководителю восстания Дауд-беку отряд во главе со своим братом Муртузали. Повстанцы взяли Шабран. После взятия Худата в Кубинское ханство вместе с казикумухским Сурхай-ханом прибыл и уцмий Ахмед-хан. Усилившись еще больше после взятия и разграбления табасаранских сел, уцмий «посредством тайных прокламаций и своих приверженцев старался возмутить жителей Ширвана и вооружить их против Персии»⁵. Он вместе в Дауд-беком и Сурхай-ханом участвовал в осаде Шемахи в 1721 г., а в следующем году – в осаде Ардабила. Узнав о походе Петра I, Ахмед-хан возвратился в Дагестан и в августе 1722 г. вместе с утамышским султаном высту-

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.83.

² Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.124.; История Дагестана. Т.1. С.341.

³ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.124.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

пил против русских войск в урочище Кучюк-Избар. В 1725 г. Ахмед-хан подстрекал шамхала Адиль-Гирея выступить против России, но сам не помог и «сидел тихо, ожидая, будут ли турки по обещанию Дауд-бека шамхалу в помощь идти»¹. В том же году уцмий присягнул на верность России, дал аманатов и сохранил власть. Ему было определено жалованье в 2 тыс. руб. в год².

Уцмий Ахмед-хан был одним из самых активных участников и организаторов борьбы народов Дагестана против Надир-шаха. На территории его владения (Маджалис, Калакорейш, Кубачи, Калкни, Дибгаши и др.) неоднократно происходили кровопролитные сражения с войсками Надир-шаха, о чем много написано исследователями Дагестана³.

После смерти Ахмед-хана уцмием стал его внук Амир-Гамза, сын Хан-Магомеда, «храбрый и предприимчивый человек»⁴. Он продолжил активную политику Ахмед-хана. В 1765 г. он помогал кубинскому Фатали-хану присоединить к Кубинскому ханству Дербентское владение, за что получил деревню Малакальль и «Таможенные доходы, собираемые в воротах дербентских»⁵. Чтобы еще больше укрепить союз с сильным Амир-Гамзой, Фатали-хан женился на его сестре Туту-бике и обещал выдать за него свою сестру Хадидже-бике. Но он не сдержал обещание, после чего между ними «разгорелась сильная вражда», хотя до этого Амир-Гамза был одним из важнейших «тогдашних союзников» Фатали-хана⁶. В связи с этим небезынтересна характеристика, данная Амир-Гамзе Я. Рейнеггом: «... при тонкости его нравов, – писал он, – кажется, что

¹ Бутков П.Г. Материалы... Ч.1; Неверовский А. Указ. соч. С.16.

² Там же.

³ См.: Магомедов Р.М. Общественно-экономический...; Тамай И.А. Указ. соч. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т.5; Алиев Б.Г. Даргинцы в борьбе с Надир-шахом // Эхо Кавказа. М., 1995. № 3(9); Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996; Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000.

⁴ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.156.

⁵ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.250-251; Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.183.

⁶ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.251.

пороки его столь же велики, сколь велико его искусство скрывать их под видом добродетели. Он мстителен в его гневу и столь искусно умеет повелевать наружностью лица своего, что терзается внутренне злобою, мщением и ненавистию, показывает такой вид, как будто бы он хотел щастливыми сделать тех, коим, может быть, в то же мгновение ока смертью в мыслях своих угрожает. Он учтив безмерно, и когда советами, покровительством или властью своею вызывается помогать несогласным сторонам, то всякой подумает, что он за них всеми своими силами хочет жертвовать, однако ж он знает вернейший средство по получении своих выгод, кои были единственно причиною ссоры, которую ему же и решить надлежало»¹.

Амир-Гамза умело привлекал на свою сторону других феодальных владетелей Дагестана. Как писал А.Г. Серебров, «в отмщение обиды своей ему (Фатали-хану. – Б.А.), что не выдал за него сестры своей, наруша прежний мир», Амир-Гамза «чинил частые набеги на его провинцию Кубу и Дербент и потом, согласясь с табасаранскими владельцами: Рустем-беком, Мирзой-беком, Магемет-беком и Махмут-беком, прошел их владениями к Кубе»².

Усилением Фатали-хана были недовольны и другие дагестанские владетели. В результате против усилившегося Фатали-хана создалась антикубинская коалиция, в которой немаловажную роль играл Амир-Гамза. Он усиливал табасаранского кадия Рустама и привел его на свою сторону, как и многих дагестанских владетелей. В 1774 г. на Гавдушинском поле близ Худата Фатали-хан потерпел поражение. Но он обратился за помощью к России и в следующем, 1775 г. из Кизляра были отправлены русские войска под командованием ген. де Медема. Ниже Башлы в местечке Иран-Хараб Амир-Гамза был разбит. После этого Амир-Гамза присягнул на подданство России³. Но с уходом русских войск он с «3000 отборной конницей прошел через Дербент, Кубу и Ширван и напал на Ардабил. Опустошив этот край, он через Карабах напал на Ганджи и разорил окрест-

¹ Рейнегс Я. Указ. соч. См.: Дагестан в известиях... С. 276.

² Серебров А.Г. Указ. соч. С.185.

³ Бутков П.П. Указ. соч. Ч.II. С.22.

ности ее более, чем округ Ардабила»¹. Затем через Шеки, Ахты и кюринские магалы он возвратился назад. Никто не мог оказать ему сопротивление. Как писал А.-К.Бакиханов, ни один из владетелей областей, через которые уцмий проходил, «не смел ему противиться, а некоторые старались задобрить его подарками и отклонить таким образом от своих владений»².

Но Фатали-хан не мог примириться с возвышением уцмий. Поэтому в отсутствие Амир-Гамзы он привлек на свою сторону его племянника Хан-Магомед-бека, «построил ему крепость, Хан-Магомед-кала (нынешняя Мамедкала. – Б.А.)... и переселил туда сто семейств из Кубы»³. Привлек он на свою сторону и других феодалов и «почетных лиц» Дагестана, и Амир-Гамза «вынужден был покориться обстоятельствам и войти в мирные сношения с Фатх Али-ханом»⁴. В апреле 1776 г. на сборе дагестанских правителей он и кадий Табасарана обязались оставить в покое Фатали-хана.

В 1784 г. уцмий вместе с другими правителями Дагестана обратился к России с просьбой о принятии в подданство. В 1786 г. он повторил просьбу. В 1787 г. Амир-Гамза умер, уцмием стал его брат Устар-хан, поддерживающий дружественные отношения с Фатали-ханом. После смерти Устар-хана в 1792 г. уцмием стал Али-бек, который умер в 1795 г., оставив престол внуку Ахмед-хана – Рустем-хану, который назывался и Мамаем⁵.

И преемники Амир-Гамзы неоднократно обращались с просьбой о принятии в подданство России. Когда над Дагестаном нависла угроза завоевания шахом Ага-Мухаммед-ханом, вместе с шамхалом и дербентским ханом он был принят в подданство России. Ген. Савельеву, отправленному в Дагестан с войском, было дано указание для необходимых расходов на содержание войск выдать уцмию 2 тыс. руб. Во время похода ген. В.Зубов в 1796 г. вместе с другими владетелями Дагестана уцмий присоединил свои войска к царским войскам, которые уча-

¹ Бутков П.П. Указ. соч. Ч.II. С.22.

² Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.163.

³ Там же. С.163.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.172.

ствовавали в походе на Кубу. И после смерти Екатерины II вместе с другими владетелями Дагестана уцмий неоднократно обращался к России с просьбой о принятии в подданство. Уцмий Рустем был возведен в чин 4-го класса с ежегодным жалованьем в 2 тыс. руб. В 1796 г. после Рустем-хана уцмием был Разихан, потом опять Рустем-хан (1804-1805), после его смерти Али-хан (1805-1809)¹ сын Устар-хана, затем брат его Адиль-хан (1809-1819) последний уцмий, находившийся под покровительством России².

После заключения Гюлистанского мирного договора 1813 г. и утверждения царской власти в Дагестане уцмий стал отходить от пророссийской политики. Вступив в сговор с бывшим кубино-дербентским Шихали-ханом, уцмий Адиль-хан отказался подчиниться дербентскому коменданту, не явился по его вызову в Дербент. В октябре 1818 г. в Кайтаг были направлены русские войска под командованием ген. Мадатова, которые разбили ополчения уцмий и разорили многие села. 26 января 1820 г. по приказу А.П. Ермолова уцмий был отстранен от власти, который бежал с семьей в Акуша, а затем к аварскому хану Ахмед-хану. Звание уцмий было ликвидировано. Кайтаг был оставлен под управлением беков, находившихся под наблюдением пристава, пребывавшего в Великенте. В 1838 г. ген. Фези поручил управление Верхним Кайтагом сыну Адиль-хана — Джамав-беку. А.Неверовский охарактеризовал эти события так: «... уцмийство рушилось навсегда, и хотя отдано было в его роде, но без титула уцмий с подчинением приставу»³. И далее, комментируя управление Джамав-бека, он писал, что его «власть чрезвычайно слаба и все управление находится в руках старшин»⁴. В 1846 г. Кайтаг был включен в состав Дербентского уезда и находился там до образования Кайтаго-Табасаранского округа⁵.

¹ Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване XIV-XV вв. Махачкала, 1997. Комментарии А.Р.Шихсаидова. С.173-181.

² Березин И. Указ. соч. Ч.2. С.50.

³ Неверовский А. Указ. соч. С.16.

⁴ Там же.

⁵ История Дагестана. Т.2. С.10-11, 14-16, 67.

Но до побега Адиль-хана в связи с поражением от русских войск и уничтожения практически того управления, которое было в Кайтаге, уцмий были сильны и имели крепкую власть. И не напрасно С.М. Броневский вместе с такими дагестанскими владениями, как Тарковское шамхальство, Табасаран, Казикумухское ханство и ряд закавказских владений, Кайтагское уцмийство относил к «монархическому, или единоличному правлению»¹, хотя по значимости уцмий он поставил девятым после шамхала, царя Имеретии, ханов Казикумухского, Аварского, Шемахинского, Ереванского, Шекинского, паши Ахальцихского².

П.Зубов, а вслед за ним и Н.Данилевский характеризовали власть уцмий Кайтага как самовластное³, что было, как отмечалось выше, характерно и для шамхала.

В противоположность им И.Н.Березин писал: «Усмей не был полновластным распорядителем всех дел, хотя и был главой управления, дела решались то Усмеем, то старшинами, — разбирательство производилось большею частью с помощью присяги, к которой приводились проситель, ответчик и благонадежные свидетели. Все следствие производилось словесно. Важные и сомнительные тяжёлые дела шли на решение шариата и окончательно также словесно присягою свидетелей»⁴.

Известный ученый М.М. Ковалевский, изучив и проанализировав кодекс законов Рустем-хана, а также все имеющиеся сведения, также пришел к выводу об ограниченности власти уцмий Кайтага. Власть уцмий была наследственной и переходила к старшему в уцмиевом роде. Так было заведено издревле, была традиция и продолжала быть и в изучаемое время. Но при этом тот член уцмиевского рода, который становился уцмием, должен был утверждаться всенародным собранием в торжественной обстановке⁵. Вот как об этом писал М.М. Ковалевский: «По сведениям, собранным официальным путем, кайтагский уцмий в течение целого ряда столетий был избираем народным

¹ Броневский С. Указ. соч. Ч.1. С.38.

² Там же. С.48.

³ Зубов П. Указ. соч. Ч.3. С.248; Данилевский Н. Указ. соч. С.158.

⁴ Березин И. Указ. соч. Ч.2. С.51.

⁵ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.8. Л.1.

сходом, собиравшимся в окрестностях Маджалиса. На этот сход могли являться все совершеннолетние мужчины возрастом от 20 до 50 лет. Выбор ограничен был членами определенной династии и обыкновенно падал на старшего в роде. Признаком избрания было возложение на голову кандидата особой шапочки, похожей на еврейскую ермолку. Надевать такую шапочку на голову уцмия составляло почетную привилегию старшего в тухуме, Гассан-бека – одного из древнейших и почетнейших родов Кайтага»¹. Еще до М.М.Ковалевского П.Петухов писал: «При избрании правителей происходил некоторый обряд, называемый *папах-каймага* (возложение шапки). Право надевания шапки уцмием принадлежало тухуму *Омар* из сел. Гырцук, в горном магале Ирчамуль. Тохум это хранит особую парчевую шапку и копье с золотой насечкою на арабском языке»².

Сравните: как все это схоже с избранием шамхала, которого также избирали на сходе (но не всенародном, а близких – беков, мурз и др.) с обязательным участием верхнедаргинцев во главе с акушинским кадием. И церемония надевания папахи акушинским кадием на избираемого шамхала очень схожа с церемонией надевания особой шапочки на уцмия старшим представителем из старинного тухума Гасан-бека или тухума Омар из Кирцика.

Продолжая описание обряда избрания уцмия, М.М. Ковалевский писал: «Избранный одаривал присутствующих почетных лиц: кого оружием и деньгами, а кого и скотом. Всею же собранному народу устраиваемо было богатое угощение – опять-таки на средства уцмия»³. Все это опять-таки очень схоже с тем, как устраивал одаривание представителей Акуша-Дарго и местной знати и угощение народа избранный шамхал.

Далее М.М. Ковалевский писал, почему власть уцмия была ограничена. «Избрание уцмия, – указывал он, – вовсе не устраняло необходимости дальнейшего сбора на народные сходы с

¹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т.1. С.223.

² Пъ-в [Петухов] П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. 22 янв. 1867. № 8.

³ Ковалевский М.М. Указ. соч. Т.1. С.223.

целью разбирательства таких вопросов, как война и мир, заключение союзов, решение пограничных и других споров между общинами и тому подобное»¹. Как все это схоже с вопросами, обсуждаемыми на народных сходах союзов сельских общин. Они в буквальном смысле слова повторяют друг друга. Именно исходя из приведенного, М.М. Ковалевский приходит к выводу: «Уже одно это показывает на ограниченность власти уцмиев, которое приобретало более или менее важное значение только в военное время, когда уцмий собирал войска и начальствовал над ополчением. В мирное же время он был не более как судьей, приговоры которого, подобно приговорам прочих посредников, не носили обязательного характера, не могли быть насильственно приведены в исполнение и входили в силу только при желании заинтересованных лиц»².

Останавливаясь на функциях власти уцмия как правителя феодального владения, М.М. Ковалевский писал: «Права уцмия... были весьма ограничены; он не мог лично подвергать наказанию слушников до тех пор, пока само общество не считало нужным выдать их ему, или до тех пор, пока подосланные им агенты не подкарауливали и не убивали их»³. И в связи с этим он отмечал: «Власть уцмия была так далеко от неограниченной, что можно припомнить случаи, когда и сам он был подвергаем штрафу по такому, например поводу, как не соблюдение поста»⁴. И далее, продолжая описание судебных функций уцмия, он писал: «Судебная власть уцмия проявлялась всего чаще в случаях воровства, так как само общество обыкновенно посылало к нему подозреваемого для принесения очистительной присяги... В прочих делах уцмий являлся судьей по выбору заинтересованных сторон, которые, как общее правило, предпочитали его вмешательство обыкновенному посредничеству. Только собственных крестьян уцмий казнил по собственному усмотрению»⁵.

¹ Ковалевский М.М. Указ. соч. Т.1. С.223.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С.223-224.

⁵ Там же.

Подробно на основе большого материала исследовал административные функции и права уцмий Р.М. Магомедов, который также писал об ограниченности его власти в целом в Уцуми-Дарго. Он конкретизировал власть уцмий в различных частях владения. Так, он не имел той власти в узденских селах (даргинских обществах Верхнего Кайтага), которую имел в раятской части и в зависимых селах. Причем писал он и об особом положении столицы уцмийства – сел. Башлы, где имелись свои судебные и исполнительные органы, независимые от уцмий. Не были данниками по отношению к уцмий и кубачинцы, которые были независимы от него. «Уцмий не имел право распоряжаться общественными землями, самопроизвольно творить суд, нарушать адаты, вести войну и объявлять мир. когда это дело касалось всего Кайтага, без соответствующего на то одобрения джамаатов»¹. В связи с этим он согласен с выводом М.М. Ковалевского об ограниченности власти уцмий и писал далее: «Джамааты всячески старались сохранить свое внутреннее устройство и не быть придатком уцмий. Но вместе с тем они нуждались в таком покровителе как уцмий, ибо обстановка тогдашнего Дагестана – этого конгломерата мелких владений и союзов джамаатов, враждующих между собой, – поневоле толкали их на сближение с уцмием»². В этом плане интересно сообщение И.-Г.Гербера, отмечавшего, что уцмий старался усилить свое влияние на свободных узденей и другую зависимую часть населения, для чего применял следующий обычай: «Усмей следующую обыкновенность (традицию, обычай. – Б.А.) имеет, – писал он, – чтоб своих подданных к обязанности к себе содержать. Когда усмей родился сын, то несколько дней по рождению младенец посылается в некоторую из его деревень, которого тамошних жителей жены грудью своими кормят, а когда во всей деревне ряда отошли (т.е. обошли все дома села. – Б.А.), то отвезут младенца в другую деревню, где таким же образом поступают, потом в третью, и в четвертую, пока время младенца от грудей отставить; отчего обитатели тех деревень обязанными считаются свой живот (жизнь. – Б.А.) и тело для

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.247.

² Там же.

их терять, ибо они себя с ними в свойстве счисляют, понеже одну грудь с ними сосали»¹.

Вместе с тем, как было сказано выше, при ограниченности власти уцмий в узденской части Уцуми-Дарго, «по отношению к подвластным раятам уцмий оставался полновластным господином, бесконтрольно распоряжавшимся их имуществом и жизнью. Тут, – как отмечал Р.М. Магомедов, – он действовал как наследственный правитель, феодальный монарх, проявляя настоящий восточный деспотизм»². И далее, продолжая о таком положении уцмий, он писал: «Это необычное положение уцмий в Кайтаге выделяло его среди других дагестанских владельцев. В раятском Кайтаге уцмий выполнял функции государственного управления и суда, издавал законы и держал военные силы»³. Это была постоянная дружина из 300 всадников-нукеров, укомплектованная, как правило, из узденей. В их обязанность входила не только постоянная охрана своего хозяина, но и исполнение полицейских функций⁴, например, «приведение в повиновение узденей, не исполнявших требований уцмий»⁵. Они помогали при сборе податей наследником уцмий – гаттымом⁶. Нукеров содержал сам уцмий – давал им лошадей, одежду, а иногда и оружие⁷.

В административном отношении Кайтагское уцмийство делилось на бегства и магалы (союзы сельских общин), в которых, как правило, сидели родственники правящего феодального дома Кайтага, т.е. представители из рода уцмий. Уцмий не вмешивался в дела беков. Но он не давал им возможности самовольничать. Они являлись вассалами уцмий и не могли вести сепаратистскую политику. «Уцмий были беспощадны к бекам, стремившимся отколоться от них и стать самостоятельными и всеми мерами старались держать их в вассальной зависимости. Власть уцмий в раятском Кайтаге и его влияние на остальной

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.84.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С.247.

³ Там же.

⁴ Феодальные отношения... С.183.

⁵ ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.24. Л.4-5.

⁶ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.248; Гаджиев В.Г. Роль России... С.27.

⁷ Феодальные отношения... С.183.

Кайтаг были прочными лишь до тех пор, пока беки повиновались уцмию»¹.

Но была и другая причина прочности власти уцмия – это поддержка проводимой им политики узденскими магадами. А они, хотя были самостоятельными, имели свое внутреннее управление, не платили уцмию подати, ввиду их вхождения в единую политическую структуру – Уцуми-Дарго, находились в определенной экономической зависимости (получали хлеб в Терекеме, пасли свои стада в зимнее время на равнинной части уцмийства, где находились зимние пастбища (кутаны), выставляли для уцмия свои воинские части. У уцмия, как известно, подобно другим феодальным владетелям, не было постоянного войска. Поэтому в необходимых случаях он обращался к горным обществам, которые в полном снаряжении являлись к нему. Д.И.Тихонов писал в 1796 г.: «Уцмия владения все жители на случай надобности в войске на защищение границ своих дают с каждого двора по одному человеку. Если же угодно будет уцмию их войском сделать пособие другому владельцу, в таком случае просит их согласия и заплакою им за то денег, а насилем в такой стороне войны их не принудит»². Выше мы приводили сведения о воинских силах, которые могли выставить уцмии при необходимости. Дополнительно здесь отметим, что имеются сведения, что их число доходило до 12000 человек³.

Завершая характеристику уцмия как феодального владетеля, отметим, что из приведенного материала видно, что его власть как феодального правителя в различных частях была не одинаковая. Она была деспотична в раятской части Кайтага, а в узденской части (союзах сельских общин горной части Уцуми-Дарго) уцмий не имел практически административной власти. Здесь было свое местное – общинное и союзное управление, хотя эти общества и союзы являлись частью Уцуми-Дарго, во главе которого стоял наследственный уцмий; и в этом плане нельзя не согласиться с В.Г.Гаджиевым, который писал: «Из сказанного явствует, что в одной части владения уцмий высту-

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.248.

² Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.134.

³ Гаджиев В.Г. Роль России... С.29.

пал как самодержец, в другой – как предводитель, которому вверялась в некотором роде исполнительная власть и в качестве вознаграждения за это предоставлялись некоторые материальные выгоды»¹. Причем этот вывод В.Г.Гаджиева аналогичен с заключением «Записки о сословно-поземельном строе в Кайтаге», где отмечается, что «власть уцмия не походила на значение и власть бывших закавказских ханов» и что отношения уцмия к трем главным классам было разное: «в отношении к подвластным лично раятам он был полновластный господин, но таким же был каждый бек в отношении к своим подвластным; в отношении к бекам он был скорее старший член в семействе, чем повелитель, к которому обращаются другие члены за советом, но который могут принять или отвергнуть по своему благоусмотрению; в отношении к узденям и отчасти к бекам он был не более как предводитель в военное время всего Кайтага во внешних сношениях»².

7. Казикумухский хан

Владение казикумухского хана в исследуемое время сначала занимало только территорию собственно Лакии и некоторых даргинских и аварских обществ. Находилась собственно эта территория в Среднем Дагестане – в центре Нагорного Дагестана, занимая высокую долину Казикумухского Койсу. Что же касается территорий, присоединенных к ханству его владетелями в исследуемый период, то границы были намного шире. Народ «хаси-кумуки», писал И.-Г.Гербер, находится «между горами подле карахайдаков и Табасарана, а от зюйду (юга. – Б.А.) и от весту (западу. – Б.А.) высокими горами обнять»³. Это собственно лакская территория, а более широкая, о которой в 80-е гг. XVIII в. Я.Рейнеггс писал: «К норд-весту (северо-западу. – Б.А.) от княжества Шамгал находится... не менее сильное княжество, которое собственно называется Гази-Кумук, оно граничит к западу с аварами, к югу Табасараном, а

¹ Гаджиев В.Г. Роль России... С.29.

² Феодальные отношения... С.184.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.102.

к востоку Дербентом и Каракайдеком»¹. Более детальные границы ханства дал Ф.Ф.Симонович, который писал в 1796 г.: «Лежит наперевес Дагестана, простираясь от горы Кохма провинциею Кура, с южной с провинциею Казыкумыцкою (эта и есть собственно территория лаков. – Б.А.), в Северной Дагестан провинция Кура или Кюре простирается от Кавказского снежного хребта по четырем верхним полосам между реками Гургели и Самуром, к северу граничит с Табасараном, к востоку с Дагестанским владением, к югу с Кубинским, Ахтынским и Рутульским владениями, а к западу окружается Кавказскими горами»².

Как видно из сказанного, это огромная территория, охватывающая не только земли собственно лаков, но и часть даргинцев и народов Южного Дагестана. Причем в составе владения Казикумуха земель других народов Дагестана было больше, чем земли собственно лаков. О собственно территории лаков В.Г. Гаджиев писал так: «Высокими горными хребтами лаки были отделены с севера и северо-запада от аварских союзов сельских общин, с востока – от даргинцев, с юга – от лезгин»³. Именно эту территорию сами лаки называли и называют ныне: «Страна лаков» (Лакрал-клану)⁴. Эта территория «от восточного склона Турчи-Дага, граничащего с Аварией, до пределов Дюльти-Дага, т.е. долина Казикумухского Койсу...»⁵

Образовалось владение ханов Казикумуха как отдельная самостоятельная политическая структура после перехода шамхалов в Тарки, когда «казикумухцы (лаки. – Б.А.) отложились совершенно от них и выбрали себе особого правителя под названием Халклавчи», что значит глава – от арабского слова «халк» – народ и лакского слова – «лавай» – высший, превосходящий⁶. Примерно в 1700 г. умер халклавчи Алибек. В результате борьбы за власть с помощью казикумухцев халклавчи стал

¹ Дагестан в известиях... С.272.

² Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.151.

³ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера... С.147.

⁴ Там же.

⁵ История Дагестана. Т.1. С.306.

⁶ Комаров А. Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С.6.

внук Алибека (сын Гирея) Сурхай, который в поединке со своими двоюродными братьями из-за податей с союза Буркун-Дарго потерял руку, но вышел победителем, откуда и произошло его прозвище Чолак-Сурхай, т.е. безрукий Сурхай. После этой победы Сурхай окончательно закрепил за собой власть в Лакии и стал вести активную политику.

В первые же десятилетия своего правления Сурхай проявил себя как энергичный, умный и активный политический деятель. «Казикумухский хан Сурхай в первой половине XVIII века не только сумел привести в совершенное послушание лакские общества, составлявшие его владение, но и распространил свою власть на значительное число кюринских обществ и на ряд магалов Табасарана, сделавшись крупнейшим владельцем на северо-восточном Кавказе»¹. При Сурхай-хане «границы казикумухского владения настолько раздвинулись за счет покоренных земель, что в середине XVIII века оно представляло собой уже обширную территорию от Кумуха, Кюре и Самура до Кубы и включало в себя уже не одну народность, а множество, в том числе даргин, авар, агул, арчин, лезгин и табасаран...»² Именно при нем происходил «непрерывный территориальный рост ханства».

Преемники Чолак-Сурхая – сын его Магомед и сын последнего Сурхай-хан II (Кумбутай) – продолжили политику присоединения территорий соседних ханств. Как писал на основе различных источников А.Комаров, лаки, которые могли собрать «от 6 до 7 тысяч человек, без особого затруднения», «подчинили себе целое общество Вуркун-Даргуа, иначе Ашти-Кунки, и заставили платить дань; присоединили несколько селений от общества Андалала и Рис-Ора, завладели селен. Арчи и частью ущелья реки Кара-Самура»³. В результате вместе с присоединенными территориями Казикумухское ханство стало крупнейшим по масштабам Дагестана владением.

При Чолак-Сурхае началась и активная внешнеполитическая деятельность Казикумуха за пределами Дагестана, что в

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.269.

² Там же. С.281.

³ Комаров А. Указ. соч. С.4.

первую очередь проявлялась в его участии в восстании народов Южного Дагестана и Северного Азербайджана 1707-1721 гг., с чем связано и получение им титула хана. В 1722 г. он «объявил себя ханом и активно включился в события, имевшие прямое отношение ко всему Дагестану, Ирану и Закавказью. У Сурхая в этих событиях проявились незаурядные способности правителя и полководца». Он стал одним из руководителей выступления горцев против шахского Ирана. В 1711 г. объединенные дагестанские силы осадили Шемаху, но без успеха. «Хахлавчи Сурхай, оставшись главным вождем предприятия, в 1712 году вновь пошел на Шемаху и после 15-дневной осады, при помощи шемахинских суннитов, взял город и совершенно разграбил его»¹. Как писал далее А.Комаров: «Взятие Шемахи чрезвычайно возвысило в Дагестане значение Сурхая, и он, по просьбе шемахинцев, принял титул хана»². По этому поводу В.Г.Гаджиев писал: «Воспользовавшись внешнеполитическими успехами, он (Сурхай. – Б.А.) объявил себя ханом. Обычно это событие связывается с взятием Шемахи, причем полагали, что оно произошло в 1712 г. Но это неверно, так как Шемаха... была взята не в 1712 г., а лишь в 1721 г. А к этому времени Чолак-Сурхай во всех известных нам документах именуется уже ханом»³.

Что бы ни было верным из приведенных сведений, ясно одно, что Сурхай принял титул хана и Казикумухское владение в первой четверти XVIII в. становится ханством.

После взятия Шемахи Сурхай-хан вместе с другими руководителями повстанцев участвовал в разгроме войск ганджинского и эриванского ханов, в осаде Баку, Ардабила, Дербента и других стратегических и политических центров. Разделив между собой освобожденные от Сефевидов земли и понимая сложность создавшейся обстановки, когда русское правительство потребовало возвращения убытков, причиненных русским купцам во время взятия Шемахи, Сурхай-хан и Дауд-бек в 1721 г. обратились к турецкому султану о приеме их в покровительст-

во. Но в подданство был принят только Дауд-бек, который был назначен правителем Ширвана¹. Сурхай-хан обиделся на него, «разсорился с ним и вскоре сделал набег на Ширван, прошел почти до Ганджи; но, не имея особого успеха, возвратился в Казикумух»².

Сурхай-хан отрицательно воспринял поход Петра I в Прикаспие. И хотя он во «время движения русских войск и в последствии, ... не предпринимал против них никаких враждебных действий, но и не изъявил покорности»³. Он не признал и Константинопольского договора 1724 г. и призвал горцев к борьбе с Турцией. Зимой 1725 г. он с 6-тысячным отрядом совершил поход на Мюшкюр, родину Дауд-бека. Турция, видя невозможность подчинить Сурхай-хана, сначала передала ему Кабалу и он «Зурхай, в оном, – как писал И.-Г.Гербер, – укрепился, также и Агдаш противно повелением турецким во власть взял» и требовал отдать ему Шемаху⁴. Он получил также чин двухбунчужного паши и жалованье в 3 тыс. рублей, а в 1728 г. был утвержден ханом Шемахи. Так, Сурхай «реванжу полную над Хаджи Даудом получил»⁵. В результате всего этого: «Все владетели и общества искали дружбы и покровительства Чолак-Сурхай-хана»⁶, настолько он возвысился и стал сильнейшим владетелем Дагестана с огромной подвластной территорией, населенной различными народами.

Новый этап деятельности Сурхай-хана начинается с приходом к власти в Иране Надира, который возобновил военные действия против Турции за возвращение территорий, принадлежавших раньше Сефевидскому государству⁷. После ряда побед Надира Турция была вынуждена в 1733 г. заключить Багдадский мирный договор, по которому обязывалась возвратить Ирану все ранее принадлежавшие ей территории. Но властвовавший в Ширване Сурхай-хан не подчинился Ирану. Когда

¹ Комаров А. Указ. соч. С.9-10.

² Там же. С.10.

³ Гаджиев В.Г. Сочинения... С.153.

¹ Комаров А. Указ. соч. С.10.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.103.

⁵ Там же.

⁶ Комаров А. Указ. соч. С.10.

⁷ Бутков П.Г. Материалы... Ч.1. С.104-109.

Турция приказала передать Ширван Ирану, Сурхай-хан убил привезшего этот приказ слугу правителя Астафы Мусы Тальшского и ответил, что завладел Ширваном при помощи мечей мусульман-лезгин (дагестанцев), а не по пожалованию Турецкой державы¹.

В ответ на действия Сурхай-хана летом 1734 г. Надир двинул свою армию в Ширван. С этого времени и вплоть до убийства Надир-шаха народам Дагестана пришлось вести тяжелую и упорную борьбу с иранскими завоевателями, в которой большую роль играли Сурхай-хан и его сын Магомед.

Магомед-хан и его преемник Сурхай-хан II (Кумбутаи) (1789-1827) продолжили политику присоединения к своему владению территорий соседних народов. В период их правления Казикумухское ханство намного расширило свои границы. Им удалось покорить «ближайших соседей. Магомед-хан не раз восстанавливал правление своего отца Чолак-Сурхай-хана в Шемахи, он в 1777 г. «завладел Кубой и Кюрой и присоединил их к Казикумуху», хотя вскоре Фатали-хан Кубинский изгнал его из Кубы. К этому же времени относится выделение из Казикумухского ханства и Кюринского ханства во главе со старшим сыном Магомед-хана Шахмарданом. Основой образования ханства была вся северная «часть Кюры до Кабира и от Кубы весь Гюнейский магал», которые Фатали-хан поручил управлять Шахмардану «на ханских правах». Последний присоединил к своему владению и Курахский магал и, таким образом, образовалось новое Кюринское владение².

Но, несмотря на все это, к концу XVIII в. благодаря активной внешнеполитической деятельности своих владетелей Казикумухское ханство представляло собой огромное по масштабам Дагестана феодальное владение, которое, по выражению Ф.Ф.Симонович, лежало «наперевес Дагестана», охватывая земли лаков, части даргинцев, агулов, рутулов и лезгин³. Соб-

¹ Алкадари Г. Указ. соч. С.60; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.138; Неверовский А. Указ. соч. С.24.

² Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.163; Комаров А. Указ. соч. С.14-15; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С.78.

³ Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ЦГЭД. С.151.

ственно «Казыкумыцкая провинция», т.е. территория лаков, составлявшая ядро ханства, как писал Ф.Ф.Симонович, к северу граничила «с народами цудахара, акуша и микяга (надо читать Акуша-Дарго. – Б.А.), к востоку с народом гураки, сирга, каракайдаками и с частью Табасарана, к югу провинцией Кура, а к западу окружается Кавказским хребтом»¹.

Вместе с присоединенными землями других народов Дагестана во владение казикумухских ханов, по одним сведениям, было до 300 деревень с населением до 150 тыс. человек², по другим сведениям того же (конца XVIII в.) периода, имеющихся в работе Ф.Ф. Симоновича, в Казикумухской «провинции» было до 150 деревень с населением до 300 тыс. человек³. По данным другого участника Персидского похода 1796 г. И.Т. Дренякина, здесь было 15.666 дворов и 46998 душ⁴. Согласно данным А.П. Торماسова, в 1811 г. во владении казикумухского хана было 18000 дворов, в которых проживало 108000 жителей⁵, а по сведениям А.Комарова, собственно лакских сел было в 60-х гг. XIX в. 97 с 6750 дворами, где проживало 34 тыс. человек⁶. В семи «магалах» (округах, частях) Южного Дагестана было до 100 деревень и до 12000 жителей мужского пола⁷.

В.Г.Гаджиев на основе анализа сведений XVIII в. пришел к выводу, что «численность лакского населения колеблется от 32,5 до 47 тыс. человек, причем в течение почти одного столетия оно уменьшается чуть ли не на 15 тыс. человек». Объяснял он это тем, что «казикумухские ханы в XVIII в. вели бесконечные войны, в результате которых здесь не только не происходил естественный прирост, а все более и более сокращалась численность населения. Имея все это в виду, можно предполагать, что в нача-

¹ Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ЦГЭД. С.152.

² Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. С.210.

³ Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.152.

⁴ Дренякин И.Т. Указ. соч. // ИГЭД. Таблица.

⁵ Тормасов А.П. Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана. 1811 г. // ИГЭД. С.237.

⁶ Комаров А. Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. С.4.

⁷ Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.151.

ле XVIII в. она доходила до 45-47 тыс. человек¹». В конце XIX в. почти через 200 лет, согласно сведениям Е.И. Козубского, в Казикумухском округе, образованном из бывшего владения казикумухских ханов, было 52060 человек².

Имея огромную территорию и численность населения, казикумухские ханы могли выставлять огромное по масштабам Дагестана войско, которое, по сведениям И.Т. Дренякина и А.И. Ахвердова³, доходило до 8 тыс. человек, П.Г. Буткова – до 20 тыс.⁴, а А.В. Комарова (собственно лаков) – от 6 до 7 тыс.⁵

Такую численность войск могли собирать как Сурхай-хан I (Чолак), так и его сын Магомед и сын последнего Сурхай-хан II (Кумбутаи), проводившие, как отметили выше, активную внешнюю политику, чему препятствием была Россия, имевшая свои интересы в Дагестане. Поэтому казикумухские владетели и не воспринимали активное вмешательство России в дела Дагестана, она противоречила их интересам. Особенно активно против политики России в Дагестане выступал Сурхай-хан II. Хотя он неоднократно давал присягу на верность России, но при первом удобном для него случае отказывался признавать власть России над собой и не раз организовывал антироссийские выступления или же принимал в них самое активное участие, при этом не раз обращаясь за помощью к Ирану и Турции⁶. Так, когда в Дагестан в 1796 г. вступили русские войска под командованием В.Зубова, Сурхай-хан II вместе с Шихали-ханом Дербентским собрал войско, и «они хотели напасть на русский авангард»⁷. Но их планы были расстроены, так как русские войска взяли Дербент, а самого Шихали-хана – в плен. Когда русские войска ушли из Дербента, Сурхай-хан собрал до 10 тыс. человек и двинулся на Кубу. Но он потерпел поражение от генерала Булгакова и, уйдя к Самуру, обратился с просьбой

¹ Гаджиев В.Г. Сочинение... С.150.

² Козубский Е.И. Памятная книжка... С.296.

³ Дренякин И.Т. Указ. соч. // ИГЭД. Таблица; Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.225.

⁴ Бутков П.Г. Сведения... // ИГЭД. С.210.

⁵ Комаров А. Казикумухские и Кюрийские ханы // ССКГ. Вып. II. С.4.

⁶ История Дагестана. М., 1967. Т. I. С.269.

⁷ Комаров А. Указ. соч. С.16-17.

принять его в подданство России. Но с уходом русских войск в Кизляр «начались обычные беспорядки». Шихали-хан, который бежал из плена, вновь овладел Дербентом, а Сурхай-хан II несколько раз пытался овладеть Кубой. На этой почве между ними происходили военные столкновения¹.

После занятия Дербента в 1806 г. ген.-майором Глазенапом и Кубы ген. Булгаковым Сурхай-хан II второй раз принял присягу на верность России. Однако он отказался подписать «трактат на тех же условиях, как это было сделано прочими ханами»² и продолжал антироссийскую политику. Он занял Табасаран и помогал Шихали-хану. После занятия Куры русскими войсками в декабре 1811 г. Сурхай-хан II бежал в Кумух. Главкомандующий русскими войсками Паулуччи, отделив от Казикумухского ханства Кюре, образовал Кюрийское ханство, поставив его ханом племянника Сурхай-хана II Аслан-бека, его непримиримого врага³. После этого и принятия Казикумухского ханства в подданство России Сурхай-хан II бежал в Иран. Через некоторое время он вернулся и занял Казикумух, Аслан-хан, находившийся в Казикумухе с 1814 г., бежал в Кюрийское ханство. Сурхай-хан II опять обратился с изъявлением покорности. В 1820 г. русские войска во главе с ген.-майором Мадатовым разбили отряды Сурхай-хана II при Чирахе и Хосрехе и заняли Кумух. Сурхай-хан II бежал в Аварию, после чего Казикумухское и Кюрийское ханства снова были объединены в одно владение под властью Аслан-хана⁴. После смерти Аслан-хана (1836 г.) Казикумухско-Кюрийским ханством управляли его сыновья – Нуцал-Ага (умер в 1836 г.) и Магомед-Мирза (умер в 1838 г.), а затем вдова Аслан-хана Умми-Гюльсум-бике⁵. В 1847 г. управление ханством было поручено Агалархану – брату бывшего управляющего Умми-Гюльсум-бике. После его смерти в 1858 г. управление ханством было поручено

¹ Комаров А. Указ. соч. С.17.

² Там же.

³ Там же. С.19.

⁴ Там же. С.27.

⁵ Там же. С.29-37.

русскому штаб-офицеру, а затем образован Казикумухский округ¹.

Как же перечисленные владетели Казикумуха управляли своим огромным владением, ведь управлять таким владением с разными этническими группами, находящимися в его составе, не было легким делом. Такое огромное владение требовало и рациональное, и наиболее удовлетворимое устройство. Управлять им из одного центра, конечно, было трудно. Именно поэтому владение было разделено на различные части. Это, прежде всего, собственно лакские магалы. Остальная территория, как писал Ф.Ф. Симонович, была разделена на 7 округов². П.Зубов писал, что «Ханство Казыкумукское состоит из 8-ми магалов или округов, подвластных Хану»³. Это прежде всего шесть лакских магалов: Мачайми, Вицки, Гумучиял, Кулал, Ури-Мукарки и Барткиаял. Магал Гумучиял состоял из 23, Мачайми – из 20, Вицки – из 18 джамаатов⁴. А 7 округов, о которых писал Ф.Ф.Симонович, – это южнодагестанские земли: «Гунек, в нем уездное место Гилиар, на левом берегу реки Самура..., Истал во оном уездное селение Исталаяр..., Картас, в нем уездное место Касумкент лежит с правого берега реки Арахчай..., Гугдже, в нем уездное место Улукатах, на речке..., Котур Кюре, также имеет уездное и главное провинции место Кура, на правом берегу Карачай, где и временное пребывание владельца, Рича, называется по имени главного селения, в оном заключающего, Чирах, называется по имени же главного селения». Причем в этой части владения было до 100 деревень, «а жителей мужеска пола до 12000 душ»⁵.

Но, кроме лакских магалов и 7 округов, в ханстве были еще магалы: Аштикункинский (Буркун-Дарго) и Арчи-Шалинский (Рис-Ор). И тогда число всех частей ханства дойдет до 15. На всю эту территорию и распространялась власть казикумухского владетеля.

¹ Комаров А. Указ. соч. С.39.

² Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.151.

³ Зубов П. Указ. соч. Ч.3. С.207.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.288; История Дагестана. Т.1. С.288.

⁵ Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.151.

С.М.Бронеvский Казикумухское ханство, как и ряд других феодальных владений Дагестана (Тарковское шамхальство, Кайтагское уцмийство и др.), отнес к владениям, где правление было монархическое или единоличное. На самом деле это было так. Во главе ханства в изучаемое время стояли наследственные ханы. «Хан казыкумыцкий, – писал в конце XVIII в. Ф.Ф.Симонович, – имеет в обеих провинциях (т.е. собственно территории лаков и остальной части. – Б.А.) наследственное владение и **неопределенную (бесконтрольную, неограниченную. – Б.А.) власть над народом**» (подчеркн. мною. – Б.А.)¹. С этим утверждением не был согласен Р.М.Магомедов, который писал, что анализ характера власти хана и его прав при существовавших в изучаемое время общественно-экономических отношениях «вскрывает и те своеобразные стороны устройства политических органов у лаков, которые также говорят далеко не в пользу неограниченной и деспотической власти хана»².

В пользу своей версии Р.М. Магомедов говорил, во-первых, о наличии у лаков сельской общины и их союзов (магалов) и, во-вторых, о существовании в одном из этих магалов – феодального владения во главе с ханом, власть которого распространялась и на покоренные земли, в то время как на местах, т.е. в тех землях, где находились независимые общины, продолжала сидеть общинная администрация, которая только изредка прибегала к советам и помощи хана.

Вместе с тем он писал, что хан являлся военным предводителем народа (халклавчи) и с этой стороны он объединял все лакские джамааты, выступал в качестве верховного лица единой государственной организации. Но, как писал он далее, это было не постоянным явлением, а продолжалось только в момент военных походов и внешней опасности³.

Р.М. Магомедов считал, что у лакцев был специальный орган, который направлял деятельность хана как военачальника и регулировал взаимоотношения между ним и джамаатом – это

¹ Комаров А. Указ. соч. С.152.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С.283.

³ Там же.

къат (народное собрание), в котором участвовали делегации от всех свободных узденских джамаатов.

И далее, основываясь на цитируемый нами выше труд А. Комарова, Р. М. Магомедов писал о процедуре выбора халклавчи на совещании старшин и выборных от каждого селения, т.е. на къате. Но речь то идет о периоде до XVIII в.

В связи с этим – небольшая реплика – все это разве не было характерно и для Тарковского шамхальства, в выборе которого участвовали даже верхнедаргинцы во главе с акушинским кадием, и для Кайтагского уцмийства, уцмия которого также выбирали, подобно в шамхальстве, с обязательным участием наиболее авторитетной духовной особы из древнейшего рода Кайтага. Ведь мы признаем их, как это было показано выше, самовластными владельцами в той части их владений, которые принадлежали им непосредственно.

Поэтому более верно другое утверждение Р. М. Магомедова о положении и власти казикумухского владельца после того, как Чолак-Сурхай становится ханом.

Но прежде в связи с этим остановимся на процессе, как происходило возвышение, утверждение владетельской власти. Будучи умным политиком, Чолак-Сурхай, конечно, стремился (и этого он добился) усилить свою власть и освободиться от опеки къата. С усилением же его, с увеличением его влияния и веса в Лакии, что, безусловно, было связано с его внешней политикой – удачными набегами на другие территории, участием в восстании против персидского господства, взятием Шемахи, что особенно возвысило Чолак-Сурхая, покорением самурских и кюринских обществ, власть его как военного вождя фактически превращается в княжескую власть.

Интересно о возвышении Сурхай-хана, усилении его влияния, как он превратился в сильнейшего владельца Дагестана писал А. А. Неверовский. «Огромные богатства, – отмечал он, – накопленные чрез грабежи, а в особенности во время разорения Ширвани, увеличили еще более его влияние в Дагестане, и он держал многие вольные общества в повиновении столько же силою, сколько и золотом. Ласкательства турок также не мало

¹ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 283-284.

способствовало к возвышению Сурхая, как в собственных, так и в глазах горцев, а когда он получил в управление Ширвань, то действительно сделался первым и самым сильным владельцем в Дагестане. Увеличение доходов позволяло ему содержать до 6 тысяч лезгинов, из коих каждому он платил ежедневно по 20 копеек серебром, а начальники их, кроме значительной платы, получали и подарки»¹. Затем вполне обоснованно он пришел к такому заключению: «После всего этого можно без преувеличения сказать, что время правления Сурхай-хана было блистательным и временем Казикумуков»².

Из военачальника халклавчи, каковым Чолак-Сурхай был при избрании его на кумухском къате, то есть практически на народном собрании, где участвовали представители всех слоев общества, и действительно управлявшего владением (Лакией) на основании постановлений этого собрания – къата, он становится ханом. И здесь как раз уместно привести то утверждение Р. М. Магомедова, которое мы считаем более реальным, более верным. «Это, – писал он, – как раз тот момент, когда совершилось превращением власти дофеодалного владыки, в данном случае военного вождя (каким был халклавчи Сурхай), в королевскую власть, в данном случае власть хана (каковым стал Сурхай)»³.

Все это, естественно, не могло не привести к ослаблению значения къата, который превращается в совещательный орган при хане, услугами и поддержкой которого последний продолжал пользоваться на протяжении всей своей деятельности как владелец, о чем убедительно свидетельствуют приведенные выше слова Р. М. Магомедова⁴.

Следует отметить, что власть Сурхай-хана еще больше усилилась в соперничестве с Дауд-беком, с укреплением его власти в Южном Дагестане, с присоединением к его владению Кубы, с признанием его правителем Шемахи, с провозглашением (или признанием) его ханом.

¹ Неверовский А. Указ. соч. С. 23-24.

² Там же. С. 24.

³ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 286.

⁴ Там же.

Все это подтверждается и тем, как к власти приходили потомки, преемники Сурхай-хана. Как известно, сам Сурхай-хан был последним халклавчи Лакии. После его смерти халклавчи не избирали. Сын Сурхай-хана Магомед, как он, не был избран на кьате, он стал после смерти отца официально именоваться не халклавчи, а ханом. Так вместо выборной (халклавчи) власть теперь стала наследственной (ханской).

Вместе с тем в какой-то мере нельзя не согласиться с Р.М. Магомедовым, когда он писал об ограниченности власти казикумухского владетеля. Несмотря на то, что Магомед-хан не был избран на кьате, а власть к нему перешла во владении Сурхай-хана после его смерти на ханских правах, кумухский кьат все еще оставался в силе. Причем он оставался в силе и в дальнейшем – при сыне Магомед-хана Сурхай-хане II (Кумбутае), который также стал ханом после смерти отца в 1789 г.

Но все же в изучаемое время кумухский кьат не был тем коллективным органом власти, каковым он был в предыдущий период. Р.М. Магомедов хорошо проследил изменения, происходившие в положении хана, и упадок роли кумухского кьата. Он писал о независимости кьата времен Чолак-Сурхая, когда он был халклавчи, и второй половины XVIII в. Усиление власти казикумухского хана как в самой Лакии, так и в покоренных землях, ослабило силу, влияние и значение кумухского кьата. Если раньше кьат собирался на священном месте под названием Ямани, то уже к концу правления Магомед-хана он стал собираться перед ханским дворцом, что являлось знаком «глубокого уважения к личности хана»¹. Дело дошло до того, что хан впоследствии не присутствовал на кьате, а наблюдал за его работой с балкона или с крыши². Р.М. Магомедов считал это ничем не оправданным фактом и писал в связи с этим: «Кумухский кьат, по мере укрепления экономических позиций хана постепенно начал терять свое значение, перестал быть высшим политическим органом лаков и к концу века (XVIII в. – Б.А.) стал совещательным органом при хане»³, утратив свои

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.290.

² Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып. II. С.132.

³ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.291.

традиционные функции важнейшего политического органа лаков, хотя еще и долго после XVIII в. функционировал как один «из основных политических органов», «пока Агалар-хан не уничтожил следы его бывшего могущества»¹.

В связи с этими переменами в политической жизни и в структуре власти в Казикумухском ханстве Р.М. Магомедов пришел к выводу: «Таким образом, высшим органом власти в Лакии были кьат и халклавчи, а со второй половины XVIII века – хан и кьат. Правда, и в это время на кьат юридически по-прежнему смотрели как на главный орган власти, но фактически решающая роль во всех внутренних и внешних делах уже принадлежала хану. Как видим, хан выступал как первое лицо в Лакии...»² Именно к этому времени можно отнести приведенные выше слова участника Персидского похода В.Зубова – Ф.Ф. Симоновича, писавшего в 1796 г. о том, что казикумухский хан имел «неопределенную власть над народом»³.

Остановливаясь на структуре управления Казикумухского ханства с усилением ханской власти, Р.М. Магомедов писал: «Казикумухский хан теперь имел надежную опору власти в лице преданной ему дружины из воинственных узденей, называвшихся нукерами. Созданный аппарат управления должен был обеспечить внеэкономическое принуждение в бекствах. И дворец хана выглядел иначе, чем раньше. Теперь во дворце сосредоточились слуги из рабов и узденей. У хана имелся дворецкий, он же казначей, именуемый назиром. Если раньше халклавчи был лишен права суда и наказания, то теперь хан сам чинил суд и расправу». И далее для убедительности и наглядности он приводит примеры частого обращения к ханскому суду, как высшей судебной инстанции, отдельных общинников и джамаатов для решения спора и тяжб с соседними джамаатами⁴.

Аналогичное положение было у казикумухского владетеля и в XIX в. О Сурхай-хане II (Кумбутае) А.И. Ахвердов в 1804 г. писал, что он «тверд в своем законе... народ его в совершенном

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.291.

² Там же.

³ Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.152.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.291.

повиновении, за малейшую шалость наказание у него смерть, отрубить руку или же выколоть глаза»¹. Именно эта твердость закона и власти хана отличала Казикумухское ханство от других владений, где, как писал тот же А.И. Ахвердов, «слово вор нет, так что проезжающие наши армянские купцы с шелками и другими шелковыми товарами бросают связки на улицах возле того дома, где имеют ночлег, а есть-ли бы кто и лошадь усталую под выюком должен был бросить среди степи или гор, на-верное, по утру же сыщут, естли зверьми не растерзана»².

Из приведенных выше слов А.И. Ахвердова видно, что казикумухский хан был не только главой всех владений, составлявших ханство, решал все вопросы внешнего управления, но и чинил суд и расправу.

Духовное управление, как и в других дагестанских владениях, возглавлял главный кадий, находившийся в Кумухе.

В подчиненных территориях руководство осуществляли представители казикумухского ханского дома – беки и вассалы хана³, которые выделялись своим умом и храбростью. Так, Шемахой управлял «Сурхая человек Качай», который имел «большую власть и силу»⁴. Р.М. Магомедов писал, что его звали Карат, и он был своего рода заместителем контролируемых ханом закавказских земель: Кубы, Шаки и Ширвана⁵.

Кроме введенных ханами различных институтов государственных служащих, ханы Казикумуха в качестве важнейшей опоры своей власти, как было отмечено и в одной из цитат из работы Р.М.Магомедова, приведенных выше⁶, ввели и институт нукеров. Это была, как и в других феодальных владениях, дружина, состоявшая «из профессиональных воинов-нукеров». Причем она набиралась из зависимых от него селениях. «Содержание дружины он возлагал на жителей этих же селений, развертывая расходы по дворам. В среднем постоянная дружи-

¹ Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.225.

² Там же.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.291.

⁴ АВПР.Ф. Сношения России с Персией. 1722 г. Д.8. Л.54; Гаджиев В.Г. Роль России... С.37.

⁵ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып. II. С.131.

⁶ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.291.

на хана состояла из 300 нукеров, причем на содержание каждого из них взималась особая подать с каждых 5 домов»¹.

Таков был процесс превращения правителя, избираемого народным собранием и правившего под его руководством халклавчи, в настоящего феодального правителя, каковыми были все казикумухские ханы, начиная с Чолак-Сурхай-хана I.

8. Аварский хан

Владение феодального правителя Аварии – хунзахского хана являлось в исследуемое время одним из влиятельных политических структур Дагестана. Расположено было ханство в Среднем Дагестане в окружении союзов сельских общин. И.-Г.Гербер писал, что «Аварской уезд», как называл он, как и другие политические структуры Дагестана, ханство, находился «в горах между таулинцами (горцами. – Б.А.), Грузии и горских черкасов»². Более конкретно писал о границах владения аварского хана А.П.Щербачев, отмечавший, что ханство граничило «к северу и северо-западу – койсубулинцами, к востоку – р. Койсу, Акуша и снеговой хребет гор, к югу – владение Сурхай-хана и снеговые горы, к западу – Андия и гумбетовцы»³. Это земли койсубулинцев, гумбетовцев, андийцев, ункратлинцев, андалальцев, мехтулинцев⁴, о чем писал еще ранее Хрисанф, отмечавший, что ханство граничило: «от востока мехтулинцами, Идорге (видимо Дарго. – Б.А.), к юго-востоку казыкумыками, к юго-западу джарцами, от северо-запада Андию, ... к западу округами Тушь и Мусук, обитающими в Черных горах..., а к северу койсубулинцами, гумбетовцами»⁵. Более подробно с конкретными деталями писал о территории и границах владения аварского хана П.Зубов⁶.

¹ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып. II. С.131.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.113.

³ Щербачев А.П. Указ. соч. // ИГЭД. С.297.

⁴ Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 г. Тифлис, 1858. С.264.

⁵ Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С.269.

⁶ Зубов П. Указ. соч. Ч.3. С.203.

И.-Г.Гербер отмечал, что «Аварский уезд» был «велик» и состоял «во многих между горами лежащими деревнями»¹. Он же писал: «Над аварами имеется усмей (нуцал. – Б.А.), которого называют Авар-усмей, или усмей над аварами; имя его Уму хан, только все авары под его властью стоят, ибо аварская земля на несколько уездов разделена, из которых каждой уезд своего владельца имеет, а под послушанием усмея не состоят, но и ему подчинены»².

Это сообщение согласуется и с мнением других авторов. Так, Хрисанф писал, что Авария разделялась на военные округа и данников и что все они находились «под непосредственным управлением хана, который решает в народе и уголовные дела»³. О зависимости отдельных обществ от аварского хана писал в 30-е гг. XIX в. и П.Зубов. Это общество Ичкеринское, Гумбетовское, Койсубулинское, Карталинское (?), Андийское, Дидойское, Анцухское, Кезерухское, Гидатлинское, Мукратлинское и другие⁴.

Мы здесь не дискутируем о правильности вхождения в ханство тех или иных союзов сельских общин, так как они на самом деле не входили в его состав, а находились в той или иной форме зависимости и либо несли за пользование пастбищными землями хана определенные повинности, либо выставляли для него свои ополчения, но, как подчеркивают писавшие об этом авторы, за определенную плату.

Поэтому нельзя согласиться и с теми разноречивыми, тем более завышенными цифрами о численности населения владения аварского хана. Отметим, что все авторы, писавшие о численности населения, дают разные цифры, точно так же, как и цифры о количестве сел и их населения, входивших в состав Аварского ханства.

Между тем, говоря об этом, надо иметь в виду только то количество сел и их население, которые находились собственно в Аварском ханстве. Для ясности приведем ряд сведений. Нач-

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.113.

² Там же.

³ Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С.269.

⁴ Зубов П. Указ. соч. Ч.3. С.205-206.

нем с данных И.Т. Дренякина, по которым в конце XVIII в. во владении аварского хана было примерно 30000 дворов и 90000 жителей, которые могли выставить 15000 войско¹. П.Г. Бутков тогда же писал о 100 деревнях хана, имевших до 90000 душ, «в том числе таких, которые управляются частными владельцами (очевидно, имеются в виду бекские уделы. – Б.А.) и из коих народ без позволения его, Умай хана, отлучается на службу за деньги к прочим владельцам»². Он «с союзными частными владельцами, ему приверженными, но управляемыми народом» (т.е. союзами сельских общин. – Б.А.), мог выставить «до 18000» вооруженных людей³. О 100 деревнях писал и А.И. Ахвердов, подчеркивавший при этом, что хан, «имея доверенность (т.е. разрешение. – Б.А.) от владельцев и старшин, почти половиною деревень... не владеет и податей, как с прочих, не получает»⁴.

На фоне этих сведений не совсем ясны сведения Хрисанфа, что Аварское ханство разделялось на две части; первая из которой – «вольные округа», в которых было 46 деревень с 5895 домами, а вторая – это данники, где было 164 деревни с 14843 домами⁵. Интересно, что и по данным А.Берже в 1828 г., как и у Хрисанфа, в этот же год, 164 деревни с 120000 душами были данниками аварского владетеля⁶. «Военные округа», о которых писал Хрисанф, это: Гид или Гидатл с 19 деревнями и 3869 домами, Кувал с 24 деревнями и 2381 домом, Киль – с 8 деревнями и 1358 домами и Каралал – с 18 деревнями и 2659 домами обязаны были по требованию хана поставлять «войска на собственном их продовольствии»⁷. Писавший через год Ф.П. Скалон отмечал, что Хрисанф «увеличил все слишком, как-то: число деревень..., домов, жителей и войска»⁸. По его сведениям, в Аварии не было более 80 деревень, число семейств до 10-ти

¹ Дренякин И.Т. Указ. соч. // ИГЭД. Таблица.

² Бутков П.Г. Сведения... // ИГЭД. С.210.

³ Там же.

⁴ Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.225.

⁵ Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С.269.

⁶ Берже А. Материалы... // КК на 1859 г. Тифлис, 1858. С.164.

⁷ Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С.269.

⁸ Скалон Ф.П. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. С.276.

тыс.». Он отрицал также зависимость от аварского владельца «вольных соседственных обществ», названных Хрисанфом «военными округами и союзниками аварского хана»¹. При этом Ф.П. Скалон писал, что союзы сельских общин невозможно было заставить не только служить, но даже если бы они и согласились на это, «то будут служить не аварскому хану, а преимущественно тому, кто больше может заплатить»².

Иные авторы ударились в другую крайность, слишком уменьшая состав Аварского ханства и численность его населения, как, например, Р.Ф. Розен, писавший, что в ханстве народонаселение «едва простирается до 5000 семейств, разбросанных по ущельям каменных гор и скалам; худо вооруженных войск могут выставить до 4500 человек, в том числе небольшая часть конных на весьма дурных лошадях». Он же писал: «Есть еще вольные общества в окружности ханства, коих называет хан своими данниками, управляющиеся... старшинами, совершенно независимыми от хана аварского и хотя дают слабый ясак за землю, которая почитается принадлежащей Аварскому ханству, но дань сия более сходствует на добровольное пожертвование части своей собственности, нежели подать, которую обязаны бы были платить из послушания и зависимости»³. По его словам, даже в самом ханстве «хану... как бы из милости и по обычаям дают малую долю своих посевов и стад для прокормления»⁴.

Конечно, все это вызывает интерес, но вряд ли можно согласиться со многими утверждениями нашего автора. Можно полагать, что он находился под влиянием сведений Ф.П. Скалона.

Подобные данные мы имеем и у других авторов 30-х гг. XIX в. Так, А.П. Щербачев писал: «Всех деревень в сем ханстве считаемся не более 80, семейств — менее 10000, но, судя по пространству земли, ими занимаемому, в сравнении с ханством Мехтулинским, то от 4-х до 5000 семейств, более положить нельзя». О воинских силах он писал, что хан собрать мог от 3

¹ Скалон Ф.П. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. С.276.

² Там же. С.276-277.

³ Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С.291.

⁴ Там же.

до 4 тыс. человек, «но, судя по народонаселению, более 2000 положить нельзя и то весьма дурно вооруженных»¹. Но зато у другого автора 30-х гг. XIX в. П.Зубова другие сведения — он писал, что в Аварском ханстве было «всех ... деревень около 270; а жителей с небольшим 100 т. душ мужского пола»².

В изучаемый период аварские феодальные владетели вели политику по расширению территории ханства, в связи с чем росло и его политическое значение. Аварское ханство было одним из сильных феодальных владений, с которым не могли не считаться и не искать с ним хороших отношений не только другие владетели Дагестана, но и владетели соседних закавказских ханств. В 1727 г. аварский хан Магомед-нуцал вступил в подданство России. В 30-70-е гг. XVIII в. ханством правил Нуцал-хан, при котором к ханству был присоединен ряд земель соседних обществ. Он принимал активное участие в борьбе народов Дагестана против Надир-шаха. В Аварии были разгромлены два отряда завоевателей — в августе 1742 г. численностью в 6 тыс. человек, а в сентябре — 300 человек³. И в решающем Андалальском сражении активное участие приняли отряды из Аварии.

В 1757 г. владетель ханства Нуцал-хан (известен и как Магомед-Муса-хан, Мерсель-хан) обратился с просьбой принять в подданство России. Он активно вмешивался в феодальные распри и междоусобицы в Дагестане, что особенно проявлялось во вмешательстве его в дела Кубино-Дербентского ханства, где правил энергичный правитель Фатали-хан. Во время конфликта уцмий Амир-Гамзы и Фатали-хана Нуцал-хан решил помирить их и предложил свое посредничество. Он уговорил Амир-Гамзу уйти из Дербента и помирил его с Фатали-ханом. За свои услуги он попросил у Фатали-хана даровать жизнь дербентскому чиновнику Ильяс-беку, перешедшему во время конфликта Фатали-хана с уцмием на сторону последнего. Но Фатали-хан убил Ильяс-бека, нарушив свое обещание Нуцал-хану.

Последующие события опять столкнули Нуцал-хана с Фатали-ханом. Когда Фатали-хан пытался овладеть «Ширванской

¹ Щербачев А.П. Указ. соч. // ИГЭД. С.297.

² Зубов П. Указ. соч. Ч.3. С.206.

³ Бутков П.Г. Материалы... Ч.1. С.215.

провинцией», бежавший из плена шемахинский хан Агаси упросил шекинского Гусейн-хана и аварского нуцала поддержать его. Произошло сражение с войском Фатали-хана и указанных ханов. Фатали-хан разгромил их¹. «Фатали-хан, обещая пощаду, пригласил Нуцал-хана к себе в лагерь» и по требованию акушинцев, которые «издавна питали к Нуцал-хану» ненависть, приказал убить его «вместе со всеми его товарищами»².

После смерти Нуцал-хана аварским владельцем стал Ума-хан (1774-1801). В 1783 г. он обещал царю, что «во всех сторонах ... войско» и он «сам сколько сил моих станет служить готовым»³. В 1785 г. он не поддержал шейха Мансура⁴. В начале 1787 г. в Кизляр прибыл посланник аварского хана Дала с предложением принять его в подданство России, обещая взять на себя целый ряд условий⁵.

При Ума-хане Аварскому ханству были подчинены как ряд аварских обществ, так и пограничные с Дагестаном территории, населенные чеченцами⁶. Силой были подчинены союзы сельских общин Технуцал, Ахвах, Тиндал, Хушти, Хварши⁷.

Завоевательные устремления Ума-хана достигли Грузии и Азербайджана. Как писал А.А. Неверовский, «располагая тогда огромными средствами, он вполне воспользовался своим положением и заставлял платить себе дань Грузинского Царя Ираклия, ханов Дербентского, Кубинского, Бакинского, Ширванского, Шекинского и пашу Ахалцынского с тем только условием, чтобы не причинять более вреда их владениям»⁸. Сумма этой дани составляла 85 тыс. руб. серебром в год⁹.

¹ Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.185.

² Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.161; Алкадари Г.-Э. Указ.соч. С.77; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.143.

³ История Дагестана. Т.1. С.394.

⁴ Там же. С.396.

⁵ Там же. С.397.

⁶ Там же. С.327.

⁷ Там же. С.332.

⁸ Неверовский А. Краткий исторический взгляд... С.34.

⁹ Там же. С.35.

С конца XVIII в. Ума-хан являлся грозой для соседних владений. Будучи в неприязненных отношениях с Фатали-ханом, он организовал поход против него и в течение десяти месяцев держал его в осаде в Сальянах, после чего Фатали-хан вынужден был заключить мирный договор. Согласно договору, он обязался уплатить Ума-хану доходы Сальянского владения, выдал за него свою дочь Пери-Джихан-ханум и обещал уплатить контрибуцию в 200 тыс. руб.¹ Ума-хан же обещал вывести войска «и не враждовать больше»².

Ума-хан Аварский совершал неоднократно походы и в Грузию. Так, с осени 1785 г. до весны 1786 г. он был в Имеретии³. Тогда он потребовал от Ираклия 10 тыс. руб. «для удовольствия дагестанских старшин, при нем находившихся и 10 тыс. руб. ему ежегодно жалованья, обещая немедленно возвратиться домой». Ираклий обещал дать 10 тыс. сразу и что будет выдавать по 4 тыс. руб. годового жалованья⁴.

В сентябре 1786 г. Ума-хан послал в Россию посланца с письмом Екатерине II, где уверял в «своем усердии». Посланец был отпущен с подарками для хана. «Генерал-поручику Потемкину было поручено отпускать хану аварскому ежегодно по 6 тыс. руб. на содержание войска, для службы российской по примеру шамхала тарковского»⁵.

Когда началась русско-турецкая война, и Россия, и Турция обхаживали Ума-хана. России, писал П.Г. Бутков, оставалось только «ласкать Омар-хана, чтоб отвратить его от набегов на Грузию и посылать ему подарки, по его просьбам, в железе и прочем»⁶. Турция, в свою очередь, послала аварскому хану, как и шамхалу, и удмию, 8 тыс. червонных, богатую саблю и соболью шубу. А Ираклий в октябре 1786 г. дал Ума-хану жалава-

¹ Кавказ. 1847. № 43; РГВИА. Ф.ВУА. Д.18474. Л.82-105; Серебров А.Г. Указ. соч. С.187; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С.82; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.243; История Дагестана. Т.1. С.382.

² История Дагестана. Т.1. С.382.

³ Бутков П.Г. Материалы... Ч.2. С.185.

⁴ Там же. С.185-186.

⁵ Там же. С.190.

⁶ Там же.

ные 6500 руб.¹ Затем Ираклий установил ему жалование 5 тыс. руб.² В августе 1800 г. Ума-хан обратился к Павлу с просьбой принять его под покровительство, что было удовлетворено 20 августа того же года. С вступлением в русское подданство «сумма, вносимая грузинами, обещана была ему от русского правительства в пожизненный пенсион, как награда за его верность».

В 1801 г., вскоре после неудачного похода в Грузию, где в сражении при реке Иора было убито 1500 человек, в Джаро-Белоканах умер Ума-хан и ханом стал мехтулинский Султан-Ахмед-хан, при котором Аварское ханство 1803 г. было принято в подданство России. И последующие годы хан несколько раз присягал на верность России. Но в 1807 г. он участвовал в антирусских выступлениях, в связи с чем несколько раз лишился жалования. В 1818 г. за антирусские выступления он был лишен ханского достоинства и в том же году А.П.Ермолов утвердил ханом Аварии Сурхай-хана, сына Гебека, брата Ума-хана. Он не имел большого влияния в народе и фактически ханством управляла вдова Султан-Ахмед-хана Паху-бике³.

В 1828 г. Авария была официально разделена между сыновьями Паху-бике – Абу-Султан-Нуцалом и Сурхай-ханом. Им были присвоены чины полковников русской службы с жалованием по 2 тыс. руб.⁴ В 1830 г. после того как Абу-Султан-Нуцал отстоял Хунзах в борьбе с восставшими горцами под руководством Гази-Магомеда, главнокомандующим на Кавказе ген. Паскевич вручил подарки, знамя и грамоту на ханство над всей Аварией Абу-Султан-Нуцалу. Сурхай-хан сошел с политической арены. Но в 1834 г. они оба были убиты Гамзат-беком вместе с Паху-бике и другими ханскими родственниками. Ханом Аварии был утвержден второй племянник Ума-хана – Аслан-хан – правитель Казикумухского и Кюринского ханства. В 1835 г. после смерти последнего ханом стал его сын Нуцал-ага, скончавший-

¹ Бутков П.Г. Материалы... Ч.2. С.196.

² Там же. С.197.

³ Неизвестный автор. Записка о сношениях с аварскими ханами 1800-го года по 1838 год // ИГЭД. С.353-356.

⁴ Там же. С.355.

ся в том же году. Аварским ханом был назначен брат Нуцал-аги Магомед-Мирзе, который вскоре отказался от власти. В 1836 г. ханом был утвержден брат бывшего аварского хана Султан-Ахмед-хана Мехтулинского – Ахмед-хан¹, правивший в первые годы вместе с Хаджи-Мурадом. В 1843 г. Ахмед-хан умер. Для управления Аварией было создано правление во главе со старшиной прапорщиком Айтбером. Общий надзор над управлением осуществлял начальник хунзахской цитадели. В том же году Авария попала под власть Шамиля.

Все приведенное – показатель активной внешнеполитической деятельности правителей Аварского ханства, особенно в XVIII – начале XIX в. Но каково же было их положение внутри ханства, какую власть они имели в ханстве, какова была форма их правления в исследуемый период.

Выше мы уже приводили формы правления в изучаемых дагестанских феодальных владениях, о которых писал С.М. Броневский. В отличие от Тарковского шамхальства, Кайтагского удмийства и Казикумухского ханства, форма правления которых он назвал монархической или единоначальной (единоличной), Аварское ханство вместе с многочисленными народами Северного Кавказа и союзами сельских общин Дагестана он отнес к демократическому или народному управлению. В частности, он писал: «К сему должно присовокупить и все владение Аварское, составленное из малых Федеративных обществ под покровительством Хана Аварского, который там имеет собственные свои поместья и, по мере личных свойств, пользуется властью»². Последние слова С.М. Броневского («по мере личных свойств») надо понимать так: более сильный, хан с твердым характером, могучий постоять за свои права правителя ханства, имел и большую власть, а бесхарактерный, слабый, не расторопный, не мог иметь такой власти, что и проявлялось при правлении различных перечисленных выше аварских ханов. Нельзя здесь не привести и другие слова С.М. Броневского, подтверждающие нашу интерпретацию приведенных выше

¹ Неизвестный автор. Записка о сношениях с аварскими ханами 1800-го года по 1838 год // ИГЭД. С.356.

² Броневский С. Указ. соч. Ч.1. С.40.

его слов. «Значимость рождения, — писал он, — есть весьма важное преимущество в Кавказе, и мало примеров, чтобы человек ничтожного происхождения достигнул до верховной власти. Самые неукротимые республиканцы уважают Княжеские особы, которые, по общему мнению, признаны как неприкосновенные. Но Князья со своей стороны, должны иметь личные качества наипаче храбрость; в противном случае теряют власть и почтение. Главное попечение их состоит в том, чтобы приобрести способы к содержанию известного числа приближенных людей, составляющих отборное войско, а при том снабжают себя нужными вещами: сукном, оружием, конскими уборами, то есть всякой старается о умножении двора своего и военных сил, дабы посредством сих последних достигнуть большой власти: кто живет мирно в своей земле и не налагает даней на своих соседей, не почитается за сильного владельца»¹. И далее, останавливаясь на других причинах усиления феодальных владетелей, С.М. Броневский писал: «Другая степень силы, которая ведет к первой, есть расширение родственных связей, и когда говорят сильные Князья, значит, что род их многочислен. Но сие относится к Горским князьям. Прочие владельцы, наипаче Ханы родом Персияне, опасаются своих ближних родственников и поддерживают уважение к своему владычеству брачными союзами с соседними владельцами»².

Разве все сказанное не имеет прямое отношение к владетелю Аварского ханства Ума-хану, правившему в конце XVIII — нач. XIX в. Уже «через небольшой промежуток времени после гибели отца Умма-хан в народе стал известен как «Великий». Прозвище он это получил за свою храбрость и многочисленные походы, которые совершал хан Хунзахский за пределы Дагестана против своих внешних врагов»³. И.А. Гильденштедт писал об Ума-хане: «Он могущественнейший Государь в Лезгистане и имеет над многими округами верховную власть»⁴. Но

¹ Броневский С. Указ. соч. Ч.1. С.43-44.

² Там же. С.44.

³ Увайсов У. Кто он, Умма-хан Великий // Дагестанская правда. 1 июня 2011.

⁴ Гильденштедт И.А. Указ. соч. С.119.

наиболее полную характеристику Ума-хану дал А.А. Неверовский, который писал: «Владения Омар-Хана превосходили немногим нынешние аварские владения. Но, дополняя недостаток материальных средств, дерзкою предприимчивостью и необыкновенною неустрашимостью, он обратил на себя внимание всех Лезгинов (дагестанцев. — Б.А.). Первоначально горцы принимали охотно участие в его набегах, в надежде на верный успех; а потом, когда Омар, приобретя сильное влияние и вес в горах, подчинил себе некоторым образом многие вольные общества, свободные Дагестанцы являлись к нему по первому призыву, как бы признавая его власть над собою»¹. Более того, он отмечал далее: «Располагая тогда огромными средствами, он вполне воспользовался своим положением и заставил (что было отмечено и выше, и не лишне еще раз сказать. — Б.А.) платить себе дань Грузинского Царя Ираклия II, Ханов Дербентского, Кубинского, Бакинского, Ширванского, Шекинского и Пашу Ахалцыхского, с тем только условием, что бы не причинять более вреда их владениям. Дань, вносимая означенными владельцами, простиралась на наши (российские. — Б.А.) деньги до 85 тысяч рублей серебром»².

И как бы завершая все сказанное, А.А. Неверовский писал: «После этого можно сказать без преувеличения, что не одно владетельное лицо в Дагестане не достигло той степени могущества, как Омар-хан Аварский. И если казикумыки гордятся своим Сурхай-ханом, то аварцы, всегда самое сильное племя в горах, еще более имеют право вспоминать с гордостью об Омар-хане, бывшем действительно грозою всего Закавказья»³. Последние слова — это дополнение слов, приведенных А.А. Неверовским впереди о том, что «никогда Лезгины не были так страшны для всего Закавказья, как во второй половине XVIII столетия, а в особенности когда имели предводителем Омар-хана Аварского»⁴.

¹ Неверовский А. Указ. соч. С.34.

² Там же. С.34-35.

³ Там же. С.35.

⁴ Там же. С.34.

Конечно, как обратил внимание Х.-М.Хашаев: «Могущество этого аварского хана здесь преувеличено, но несомненно, что Аварское ханство было в то время довольно сильным, многие «вольные» общества входили в его состав и зависели от него. От некоторых менее надежных «вольных» обществ хан держал заложников из самых влиятельных фамилий»¹.

В дальнейшем власть Ума-хана еще больше усилилась и он «стал распространять свое влияние на все общества Аварии. Одни находились в полной зависимости от него и платили подати, другие по его требованию выставляли войска для участия в различных походах»², о чем, как было отмечено выше, писал в 1828 г. Хрисанф. Но еще ранее – в первой трети XVIII в., об этом писал и И.-Г.Гербер. «Над аварами, – указывал он, – имеется усмей, которого называют Авар-усмей, или усмей над аварами; имя его Уму хан, только все авары под ево властью стоят, ибо аварская земля на несколько уездов разделена, из которых каждой уезд своего владельца имеет, а под послушанием усмея не стоят, но и ему подчинены»³.

Как было отмечено и выше, о подчиненности «многих округов» от владетеля Аварии писал в 70-е гг. XVIII в. и И.А. Гильденштедт⁴. Но, останавливаясь на вступлении аварского хана в подданство России, И.-Г.Гербер писал, что он один вступает в подданство – «только Авар усмей один со своими уездом, а другие владельцы аварские люди вольные»⁵.

Конечно, время, описываемое И.-Г.Гербером и Хрисанфом, не одно и то же. Их разделяет ровно 100 лет, и положение ханства и власть его владетелей над союзами сельских общин в 1728 и в 1828 г. было разное. И это хорошо прослежено впереди на примере деятельности Ума-хана. Уезды, о которых писали и И.-Г.Гербер, и Хрисанф, – это союзы сельских общин. Именно вхождение одних из них в состав ханства, подчиненное положение вторых и обязанность третьих выставлять воинские

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.143.

² Там же.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.113.

⁴ Гильденштедт И.А. Указ. соч. С.119.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.113.

силы дало основание С.М. Броневскому рассматривать всех их входящими в состав Аварского ханства и отнести это феодальное владение (в отличие от, например, о чем было сказано и выше, Тарковского шамхальства, Кайтагского уцмийства и не отмеченного еще Табасаранского майсумства, которых он относил к монархическому или единоначальному правлению) к демократическому или народному правлению. Как отмечалось выше, более конкретно он писал: «К сему должно присовокупить все владение Аварское, составленное из малых Федеративных обществ под покровительством Хана Аварского»¹. Об этом же Н.Данилевский писал: «Ханство Аварское» состоит «из многих отдельных обществ»². Ф.П. Скалон же, который не был согласен со многим, о чем писал по Аварскому ханству Хрисанф, как и С.М. Броневский, прямо писал о народоправстве в Аварском ханстве. «Впрочем, – указывал он в противовес Хрисанфу, власть их (ханов. – Б.А.) над народом ограничена до такой степени, что при получении подарков они бывают вынуждены уделять часть оных и другим значущим в ханстве людям, без чего могли бы иметь даже неприятности, почему правление их можно скорее назвать народным, нежели деспотическим»³. Практически об этом и даже шире писал в 1830 г. ген. Р.Ф. Розен. Население Аварского ханства, отмечал он, «имеет хана, которому вовсе не повинуются, в особенности, когда не предвидят для себя собственной своей выгоды. Без народных собраний и совещаний на оных ничего хан сам собою не может предпринять, все зависит от народа – мир, война, союз!»⁴. Из сказанного он приходит к выводу, что «правление Аварии народное, хану же, как бы из милости и по обычаям дают малую долю своих посевов и стад для прокормления»⁵. Здесь речь идет о собственно ханстве непосредственно, без союзов сельских общин, о вхождении которых в состав ханства писали И.-Г.Гербер в 1728 г. и Хрисанф через 100 лет, в 1828 г. Что же ка-

¹ Броневский С. Указ. соч. Ч.1. С.40.

² Данилевский Н. Указ. соч. С.158.

³ Скалон Ф.П. Указ. соч. // ИГЭД. С.276.

⁴ Розен Р.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.291.

⁵ Там же.

сается союзов сельских общин, то Р.Ф. Розен, как отметили и выше, писал: «Есть еще вольные общества в окружности ханства, коих называет хан своими данниками, управляющиеся... старшинами, совершенно независимы от хана аварского и хотя дают слабый ясак за землю, которая почитается принадлежащей Аварскому ханству, но дань сия более сходствует на добровольное пожертвование части своей собственности, нежели на подать, которую обязаны бы были платить из послушания и зависимости»¹. Все это, надо полагать, написано под влиянием труда Ф.П. Скалона, писавшего практически то же самое о независимом положении от аварского хана союзов сельских общин, названных Хрисанфом «военными округами».

М.А. Агларов, первым из исследователей обративший внимание на характеристику правления Аварского ханства, на основе различных дефиниций, применяемых С.М. Броневским: в отношении одних союзов сельских общин «республика», для других – «общество», приходит к выводу, что «общества» являлись подчиненными хану союзами. «Обращает на себя внимание и то, – пишет он, – что если Броневский «республиками» и «федеративными республиками» называл независимые политические образования (Цудахар, Анди и др.), то находившиеся под управлением ханов именовал «обществами» или «федеративными обществами», тем самым отличив последние от суверенных политических образований. Сочетание «федеративные общества» вместе с тем означало и то, что зависимость от феодального правителя была не всеобъемлющей, иначе речь бы шла об «обществах» и тем более не о федерации обществ. С. Броневский, таким образом, видел в Аварском ханстве не монолитное феодальное образование типа княжества, где масса крестьян живет на землях господ, а полиструктурное политическое образование с ограниченной персональной властью, с административным делением на самоуправляемые области»².

Для подтверждения сказанного выше М.А. Агларов ссылается на хунзахское «бо», которое не подлежало ханской юрис-

дикции, было самостоятельно в заключении договоров с соседними обществами и в распоряжении собственными землями и территорией. «Ханы со своей стороны, – пишет он, – не пытались узурпировать эти права у Хунзахского общества, наоборот, поддерживали его вольности, тем самым получая опору в борьбе за земли и власть в более слабых соседних общинах»¹.

Однако другие общества, подчиненные хану и входившие в его владение, не имели такой самостоятельности, как Хунзахское «бо», и вряд ли верно только из приведенного не относить аварское владение к ханству или феодальному княжеству, какими были другие аналогичные политические структуры Дагестана. Структура Аварского ханства была такой же, как и других феодальных владений Дагестана, хотя, как отмечал Х.-М. Хашаев: «Аппарат управления ханством был несложный: хан имел нукеров, судью, тайного советника и секретаря двора»². Разве в других феодальных владениях не было, как и в Аварском ханстве, народного собрания (возьмем выборы шамхальства и уцмия, кумухский кьат в Лакии и т.д.). Поэтому мы солидарны как с Х.-М.О. Хашаевым, так и с Р.М. Магомедовым. Последний писал: «Политическая организация класса аварских феодалов представляла собой феодальную иерархию. Во главе феодальной иерархии в ханстве стоял хан (нуцал). Отношения между ханом и беками строились на началах вассального подчинения»³.

Р.М. Магомедов также писал о самостоятельности, независимости Хунзахского «бо». Утверждение А.А. Неверовского о положении хана в целом, писавшего, что ханы аварские «пользовались полною и неограниченною властью, и, имея право жизни и смерти над своими подвластными, были почти всегда страшными деспотами»⁴, Р.М. Магомедов и А.Р. Магомедов дополняют словами: «за исключением хунзахского населения»⁵.

¹ Агларов М.А. Указ. соч. С.11.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.143.

³ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.108.

⁴ Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847. С.48.

⁵ Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1994. С.195.

¹ Розен Р.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.291.

² Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука, 1988. С.11.

Они также подчеркивают ограниченность власти аварского хана хунзахским «бо». «Без согласия хунзахского джамаата и его почетных людей хан ничего не мог предпринять. Мир, война, союз – все это зависело от народа. Хан, даже когда предпринимал набеги, вынужден был согласовывать свои действия с уважаемыми людьми узденских джамаатов, главами союзов вольных обществ»¹. Все это очень созвучно тому, о чем писал в 1830 г. Р.Ф. Розен: «Без народных собраний и совещаний на оных хан ничего собою не может предпринять, все зависит от народа – мир, война, союз! Из сего, – заключал Р.Ф. Розен, – следует, что правление Аварии народное»². Это дало основание Р.М. Магомедову и А.Р. Магомедову писать, что «в Аварии дух народо-властия был еще живуч»³. И далее они пишут, что хотя «Хунзах был столицей ханства, но положение хана в ней было двойственное»⁴.

Хунзахский джамаат «со своей знатью и независимыми тухумами постоянно оказывал давление на хана. Хан ничего не мог предпринять без [его] поддержки. Хунзах был могуч, сам выступал в роли коллективного феодала и мог вступить в соглашение самостоятельно»⁵. Вместе с тем следует отметить, что «народное собрание, созываемое в Хунзахе или в других местах на территории ханства, нельзя назвать постоянно действующим органом власти.

Носителем верховной власти в ханстве являлся хан (нуцал). Он, как глава феодальной иерархии, в своей деятельности опирался, прежде всего, на своих советников из беков»⁶.

Центром Аварского ханства, а следовательно, центром правления его владетеля было сел. Хунзах, где находился дворец хана. Здесь находился и весь аппарат управления хана. «У него были свои визири-министры, советники, секретари двора, вооруженная дружина и командующий войсками, кадий»⁷.

¹ Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. Указ. соч. С.195.

² Розен Р.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.291.

³ Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. Указ. соч. С.195.

⁴ Там же. С.196.

⁵ Там же.

⁶ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.111.

⁷ Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. Указ. соч. С.196.

Власть хана, как было показано выше, была наследственной, она переходила от отца к старшему сыну или же к старшему представителю ханского рода. Ханский дворец располагался в квартале «ШулалъутIа». Здесь же находился двор, включающий в себя не только семью нуцала, но и нукеров, дворцовую службу, дворовую челядь. Хан, как глава феодальной иерархии, в своей деятельности опирался, прежде всего, на совет из числа беков. Дивану подчинялся ряд ведомств: военное ведомство, ведомства внешних связей, финансов, служба связи и т.д.¹

Полицейские функции, как и в других феодальных владениях Дагестана, выполняли дружинники хана, составлявшие в мирное время вооруженные отряды. В военное время по призыву хана собирались в ополчение беки, чанки и уздени всего владения².

Возглавляя ханство, аварские ханы стояли во главе суда по адату. Ханы сами разбирали дела, подлежащие рассмотрению по адату, чинили суд и расправу по своему усмотрению. Сохранился «Тажал-Гамач («опора жестокости») – массивный камень с отверстием; на этом камне некогда восседал хунзахский хан, творя суд и расправу. По преданию, на площадке напротив этого камня по приказу хана некогда был сожжен Хочбар. Позднее по приказу второго имама Гамзат-бека здесь была казнена ханша Баху-бике»³. Были также специальные ямы, «игравшие роль тюремных камер»⁴, куда по приказу хана сажали виновных и ослушников. По приказу хана негодных ему людей сбрасывали со специальной скалы⁵. Все это очень схоже с тем деспотическим правлением шамхала Тарковского, которое было описано выше.

Все приведенное выше свидетельствует, что аварский владетель особо не отличался от владетелей других феодальных владений Дагестана. Ограничение власти феодальных владете-

¹ Фаталиева Х.Р. Аварское нуцальство в XVIII веке (Социально-экономическое, политическое и культурное развитие): Дис... канд.ист.наук. Махачкала, 1999. С.23.

² Гаджиев В.Г. Роль России... С.33-34.

³ Магомедов Р.М. По аулам Дагестан. Махачкала, 1977. Вып.1. С.46.

⁴ Там же. С.47.

⁵ Там же.

лей было характерно и для других феодальных владений. А то, что он не имел прямой власти над свободными общинами, которые несли какие-то обязательства и главным образом выставляли воинские силы, это было характерно и для других феодальных владений, как, например, для Кайтагского уцмийства, владетель которого – уцмий не вмешивался во внутреннее управление даргинских обществ, которые входили в состав Уцуми-Дарго как составные части. Поэтому характеристику аварского хана можно завершить словами проф. С.В.Юшкова, писавшего, что в Аварском ханстве «хан и беки являлись полновластными наследственными феодалами»¹, а их владение в изучаемое нами время – сильнейшим владением Дагестана. И не без основания С.М. Броневский, перечисляя по значимости различные феодальные владения Кавказа и их владетелей, как он писал, «владельческие особы под разными именами, составляющие первенствующее или царственное сословие», имена которых он давал «по порядку их политической важности на Кавказе», как он писал в своей работе, хана аварского ставит на четвертом месте – после шамхала Тарковского, царя Имеретинского и хана Казикумухского².

9. Правитель (владетель) Дербентского владения (ханства)

Дербентские владетели в зависимости от того, в чьем подчинении владение находилось, назывались по-разному – ханы, султаны, наибы. А оно бывало то в зависимости от Персии, то от Турции, то от России. Это, хотя по территории небольшое, но наиболее известное и значимое по своему географическому положению владение Дагестана. Поэтому И.-Г.Гербер называл это владение одновременно городом и уездом, находившимся «в таком месте, где горы в близости к морю подалися, которые от норду (севера. – Б.А.) к зюйду (югу. – Б.А.) подле берега

¹ Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута. Вып. I. (Исторический). Свердловск, 1938. С.67.

² Броневский С. Указ. соч. Ч.1. С.42.

простираются; между сими горами и морем город построен в даль, что из России или от норду в Персию или обратно сюда едущие город миновать или обойти не могут, но принуждены путь чрез город взять»¹. О территории правителя Дербентского владения, его границах в начале изучаемого периода И.-Г.Гербер писал: «Уезд, к Дербенту надлежащий, не великим расстоянием от города по берегу к норду 15 верстах до хайдаков или речки Дарбан, которая речка и означила границу ширванскую; к зюйду по берегу 30 верст до реки Самуры; и от моря вдоль до нижней горы или Табасарании 4,6 и до 8 верст»². Это собственно территория Дербентского владения. Но в его составе находились или ему были «подчинены многие другие уезды в Ширвани»³, – как об этом писал тот же И.-Г.Гербер. Этими «уездами», как перечислял далее он, были Мушкур, Низават, Шабран, Рустау и Бермяк⁴. В 80-е гг. XVIII в. Я.Рейнеггс писал, что уезд Дербентский начинается «от правого берега реки Тербаха или Тервака (Дарвах. – Б.А.) ... с западной его стороны весьма в близком расстоянии он граничит с Табасараном и с горскими жителями, ко востоку с морем, и к югу его далее простираются»⁵.

Не изменилась территория Дербентского владения и его границы и в последующем. В конце XVIII в. Ф.Ф. Симонович писал: «К северу окружается уцмия владением, к западу граничит с Табасараном, к полдню с провинциею Кура... и с Кубинским владением, а к востоку омывается Каспийским морем»⁶. Это границы территории собственно Дербентского владения без «уездов», которые перечислял в составе его И.-Г.Гербер. Это же видно и по сведениям XIX в. в «Описании...» А.И. Ахвердова. «Уезд города Дербента (т.е. Дербентское владение. – Б.А.), – писал он, – со стороны Персии кончится у знатной реки Самура, а от Дербента расстоянием в сорока верстах. На сей дистанции расположены 17 посредственных деревень, принад-

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.85.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С.86.

⁵ Дагестан в известиях... С.280.

⁶ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.142.

лежащих дербентскому Ших Али хану»¹. То же самое отмечали С.М. Броневский и авторы 30-х гг. XIX в. М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг: «Сей округ, важный по положению города Дербента, весьма мало значущ своим пространством и населением. Длина онаго по берегу Каспийского моря от реки Дарбаха до реки Гюргени 40 верст, а ширина от моря до гор, где начинается Табасаранский округ, включает в себе не более 15 и до 20 верст. Граничит к северу с округом Каракайдакским, от запада с Табасаранью, к югу с Кюринским ханством и к востоку с Каспийским морем»². Аналогичное описание Дербентского владения дается в труде П.Зубова и в «Обзрении Российских владений за Кавказом»³.

С образованием Кубинского владения «уезды», о которых писал в первой трети XVIII в. И.-Г.Гербер, как о подчиненных Дербенту территориях, как видно из приведенных цитат, уже не входят в Дербентское владение.

Дербент и Дербентское владение вплоть до середины XVIII в. находилось под властью Сефевидского Ирана, не считая периода начиная с Каспийского похода Петра I в 1722 г. и до Гянджинского договора 1735 г., когда Россия отказалась от земель, перешедших под ее протекторат по договору с Турцией в 1724 г.

Вхождение в Сефевидское государство обусловило и характер владетельных особ Дербентского владения. «Всегда здесь, – писал И.-Г.Гербер, – имелись султаны или губернаторы, также наипы или горододержавцы. Султаны всегда присылались от шаха из Испогани и великую власть имели над всеми к Дербенту надлежащими уездами»⁴. Кроме того, выбирались в Дербенте и наипы. «Наипов, – писал далее И.-Г.Гербер, – всегда выбирали из знатных дербентских фамилий и во одной чин от шаха конфирмованы (т.е. утверждены. – Б.А.) быть стали»⁵. Эти главные феодальные владетели и правители Дербентского владения.

¹ Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.220.

² Броневский С. Указ. соч. Ч.II. С.329; Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.310.

³ Зубов П. Указ. соч. Ч.3. С.260; Обзорение... Ч.IV. С.150.

⁴ Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С.85.

⁵ Там же.

Ф.И.Соймонов писал, что дербентский султан был «яко главный повелитель тамошнего места и окольных деревень» (т.е. Уллуцкого магала. – Б.А.)¹. Они, будучи верховными правителями, хотя и от имени шаха, осуществляли управление и получали все доходы со всех земель владения. Как писал П.Г.Бутков: «Доходы всех сих мест («уездов» Мушкур, Низават, Шабран, Рустау и Бермяк. – Б.А.)» отсылали к дербентскому султану².

Как глава государства, дербентский султан издавал законы, возглавляя высшую судебную власть, вынося приговоры к смертной казни и помилование. Можно сказать, что султаны Дербентского владения сосредоточили в своих руках всю исполнительную и судебную власть, даже по делам, подлежащим суждению «шариата» – духовного закона³.

Султан, как «главный повелитель», имел неограниченную власть. Управлял он владением «шахским установлением и по своему усмотрению, копировал все порядки шахского двора, подражая во всем шахскому окружению». «И в этом смысле, – писал В.Г. Гаджиев, – можно согласиться с Е.И. Козубским, утверждавшим, что здесь «общественный строй, цивилизация, нравы были персидские»⁴. Простому народу все это было чуждо»⁵.

Дербентские султаны являлись и командующими всеми воинскими силами владения, а их, как писал И.-Г.Гербер, было много – все жители Дербента, с чем не был согласен В.Г. Гаджиев, отмечая, что это утверждение автора «нельзя понимать буквально»⁶, тем более, что далее сам И.-Г.Гербер писал, что «избираются из них около 600 человек конных и 1000 человек

¹ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний // Ежемесячные сочинения и известия о судебных делах. СПб., 1763. С.88.

² Бутков П.Г. Материалы... Ч.1. С.27.

³ Магомедов Н.А. Органы управления Дербентского владения в первой половине XVIII в. // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С.69.

⁴ Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С.59.

⁵ Гаджиев В.Г. Сочинение... С.219.

⁶ Там же. С.219-220.

пехоты», среди них одна рота конницы, «называемая курчи», которую «можно ... почесть яко гвардиею шахову, ибо оные в великой чести и почтении бывали и, кроме шахской воли, в курчи никто не мог написан быть»¹.

Наиб Дербента являлся вторым лицом в Дербентском владении и получал эту должность по наследству². Он начальствовал над гвардией (курчи), будучи ее капитаном или юзбаши³, имел полицейские и судебные функции в городе, ему подчинялись нижестоящие чины⁴. Хотя он, по выражению И.-Г.Гербера, считался и юзбаши⁵ над гвардией, сам имел помощника по административному управлению под названием юзбаша.

При Петре I Дербентом управлял наиб Иман-Кули-бек, который организовал ему пышную встречу. По словам самого Петра I, когда русские войска 23 августа 1722 г. вступили в Дербент, население его с «любовью приняло и так нам рады, как бы своих из осады выручили». Поэтому Петр I по-прежнему наибом Дербента оставил Иман-Кули-бека, который был возведен в генерал-майоры дербентской милиции. После его смерти в 1727 г. наибом был избран 19-летний его сын Магомед-Гусейн, который через два года был провозглашен ханом, а наибом был избран Султан-бек.

В марте 1735 г. был заключен Гянджинский мирный договор между Россией и Ираном, согласно которому Россия обязалась Дербент «с уездом и к нему принадлежащими местами» до старой его границы освободить в два месяца⁶. Заняв в 1735 г. Дербент, Надир-шах «по-прежнему учредил здесь пребывание султана», которого он и назначил. Им стал Ферудун-Сюльтан.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.85-86.

² Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-XIX вв. Л., 1949. С.140; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана... Махачкала, 1964. С.93.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.85.

⁴ Козубский Е.И. Указ. соч. С.83.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.85; Бутков П.Г. Материалы... Ч.1. С.128.

⁶ История Дагестана. М., 1967. Т.1. С.357.

Хан Магомед-Гусейн, сын Иман-Кули-бека был назначен «юзбашею под тем султаном». Крымский хан во время похода в Дагестан назначил правителем Дербента кайтагского уцмия Ахмед-хана. Но с приходом опять Надир-шаха султаном был поставлен Мурад Сюльтан Устаджлю, который потом был казнен по приказу шаха и новым правителем Дербента был назначен Неджеф Сюльтан Караклю. В начале 1744 г. Надир-шах назначил новым правителем Дербента Мухаммед Али Хана Кырклю. После убийства Надир-шаха дербентцы провозгласили правителем Магомед-Гусейн-хана, сына прежнего дербентского правителя Иман-Кули-бека¹ с титулом хана. И последующие правители Дербента назывались ханами: Фатали-хан, Ахмед-хан, Шихали-хан, Хасан-хан.

Ханская власть копировала всю верховную власть султана. Это, как писал И.Н. Березин, было «лицо совершенно самовластное в своем маленьком владении: он мог, никого не спрашиваясь и никому не давая отчета, казнить и миловать, гнать и жаловать всех и каждого без различия званий. Хан (как прежние султаны. – Б.А.) сосредоточил в своих руках всю исполнительную и судебную власть, даже по делам, подлежащим суждению «шариата» – духовного закона: таким образом, все тяжбы по наследству начинались в канцелярии Хана, потом переходили на исследование и рассмотрение шариатских мулл и окончательно утверждались и приводились в исполнение Ханом»². Многие вопросы поступали прямо лично к хану. «Жалобы по денежным взысканиям, – писал И.Н. Березин, – поступали прямо к Хану, который сам производил следствие»³. К хану должен был предстать и убийца, а тот отдавал его родственникам убитого, которые могли распоряжаться его жизнью по своему усмотрению.

Особенно была сильна власть Фатали-хана, который, придя к власти в Кубинском ханстве в 1758 г. после смерти его отца Гусейн-Али-хана, захватив Ширванское ханство, возвысил значение своего владения и сосредоточил все управление в своих

¹ Березин И. Указ. соч. С.12.

² Там же. С.45-46.

³ Там же. С.46.

руках¹. Но, как писал далее И.Н. Березин, «честолюбивому юноше этого было мало: замыслы его простирались гораздо дальше, и с помощью хитрой политики, дружественных и брачных союзов, после многих битв... овладел Дербентским и Ширванским ханствами»². Как отмечал П.Г. Бутков, Фатали-хан, «согласясь с Лезгинами, шамхалом Муртузалием, уцмием Эмир-Эмзе и табасаранским кадием», в 1765 г. овладел Дербентом³.

После присоединения Дербентского ханства к Кубинскому ханству «Дербент стал главным политическим и административным центром Дербентско-Кубинского ханства, надежной опорой объединительной политики Фатали-хана»⁴. За короткое время Фатали-хан стал могущественным владельцем, объединив под своим началом Кубинское, Дербентское и Сальянское ханства и, как писал А.Г. Серебров, «сделался против других ханов Дагестанской Персии сильнее».

Еще ранее С.Г. Гмелин характеризовал Фатали-хана как сильнейшего к северо-западу живущего князя. Далее он писал, что Фатали-хан «от роду около тридцати лет, имеет шесть жен (по А.Г. Сереброву – 4 жены. – Б.А.)⁵ и по персидскому обыкновению пьет очень много. Сколько я приметить мог, то дербентские жители его нарочито любят. Власть его неограниченна, а доходов точно определить нельзя, потому что он подати накладывает смотря по обстоятельствам, и состоят оные в лошадях, скоте, всяком жите, пшенице, сорочинском пшене и других плодах; во всех городах имеет собственные сады и пашни. Войско его, сказывают, простирается до сорока тысяч человек и состоит не только из персиян, кои, когда в воинской службе находятся и от хана жалованье получают, куль (персидские солдаты. – Б.А.)

¹ Березин И. Указ. соч. С.66.

² Там же. С.66-67.

³ Бутков П.Г. Материалы... Ч.1. С.250.

⁴ Магомедов Н.А. Экономическое развитие Дербентского ханства в XVIII в. (Ремесло. Торговля. Налогово-финансовая система): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Нальчик, 1985. С.8; Его же. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. (политическое и экономическое развитие). Махачкала. 1998. С.34-35.

⁵ Серебров А.Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.188.

называются, но по большей части из наемных соседних татар, из коих особливо в сию службу вступают лезгинцы» (дагестанцы вообще и главным образом верхнедаргинцы, о чем свидетельствуют имеющиеся факты. – Б.А.)¹. Далее, останавливаясь на расходах, которые нес Фатали-хан на содержание такого войска, С.Г. Гмелин писал: «Сие наемное войско есть причиною превеликих ханских расходов. Все, что он с подданных собрать может, расходуется на оное; и хотя подданные хана своего и любят, однако ж не недостает при том и жалоб, и весь Дербент желает, чтоб возвратились те счастливые времена, в которые Ширвань была под скипетром российским. Хану ж напротив того по причине беспрестанного мятежа его соседей надобно войско»².

Интересна характеристика, данная Фатали-хану в 80-е гг. XVIII в. Я.Рейнеггом. В частности, он писал: «Неприятельские покушения, договоры, клятвы и вероломство были единственным упражнением Фет-Али-хана, однако ж сие как усугублению его величества, ни к умножению блага подданных его нимало не служило. Пылая властолюбием и не имея способов к удовольствованию своей страсти, принужден он был приняться за последнее средство и в крайности своей принес себе на жертву имение достаточных жителей»³.

Интересно, что Я.Рейнегг писал о бедности Фатали-хана из-за того, что приходилось все доходы расходовать на содержание войска. Причем он указывал, что когда он «уже не в силах был грабить чужие земли (в связи с этим интерес представляет сообщение С.Г. Гмелина, писавшего, что Фатали-хан только от бакинской нефти и соли получал от 30 до 40 тыс. руб. – Б.А.), в самое же то время, когда уже не оставалось в его княжестве ни единого подданного, который бы мог богатством своим похвалиться», то он ограбил индийского купца, проезжавшего через Дербент к Ираклию с подарками, «восходящими до 20000», и опять начал совершать грабительские походы, в частности, на Карабах, где «разграбил часть провинции...» и

¹ Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч.3. С.23-24.

² Там же. С.24.

³ Дагестан в известиях... С.287.

«увел с собою около 1200 жителей»¹. В связи с такими действиями Фатали-хана он писал о противоположном поведении его как ласкового и вежливого человека. «Когда душа, судя по наружному его виду, – писал Я.Рейнеггс, – кажется совсем неспособного ко всем вышеупомянутым действиям, в обхождении он весьма ласков, склонен к жалости, если же нужда не заставит его быть жестоким, в беспримерной своей щедрости забывает он самого себя, род свой, и истощенное государство. А посему и неудивительно, что он претерпевает всегдашнюю бедность; сколь же скоро собственной его недостаток неимущества (нищета. – Б.А.) подданных его щедростью, то грабеж, где только можно ему им воспользоваться, есть одно средство, служащее к успокоению его желаний, а он ничего не ищет кроме славы, заслужить имя героя, по крайней мере хотя азиатского»².

И далее интересны рассуждения Я.Рейнеггса, каким был бы Фатали-хан, если бы у него не было таких доходов, которые он имел, проводя свою политику войн и грабежа. «Я думаю, – писал он, – что ежели бы провидение или, лучше сказать, милосердная судьба не разсудила за благо отказать сему человеку в нескольких миллионах доходу, то бы он мог быть славен добродетелию и не подражаем в великодушии: но при несправедливости щастия своего получает он достойное имя по делам своим и в следующей его нужде не может он пользоваться ни благодеянием моря, ни богатой жатвой земли своей»³.

Выше была показана несложность в целом управления ханов, копировавших управление султанов, которых ставил персидский шах и от имени которого они правили городом и владением в целом. Конечно, образование более крупного владения требовало и соответствующих изменений во власти хана. Поэтому, безусловно, усиление ханской власти предполагали либо появление новых государственных структур, возглавляемых вассалами хана, либо ликвидации отдельных бывших структур из-за ненадобности их при усилении ханской власти.

¹ Дагестан в известиях... С.287.

² Там же.

³ Там же. С.287-288.

В целом же отметим, что при Фатали-хане, объединившем Кубинское и Дербентское ханства, управление стало более сложным. Однако, как отмечал В.И. Левиатов, «и здесь, несмотря на более развернутую, чем в других ханствах систему управления, не было создано нового цельного государственно-го аппарата. Фатали-хан уничтожил власть дербентских ханов, но он почти до самого конца своего правления не решил вырвать корни прежних шемахинских ханов»¹. Но в целом все же ханская власть усилилась.

Усиление Фатали-хана было воспринято дагестанскими владетелями, конечно, отрицательно. И это, в условиях феодализма, когда происходило постоянное соперничество между феодальными владетелями, было естественно. Они не поддерживали его политику по усилению своей власти, расширению и укреплению его владения, что в особенности проявлялось в отношении к нему кайтагского уцмья Амир-Гамзы, который рассорился с Фатали-ханом после того, как он, обещав выдать за него сестру Перижду-ханум, обманул его и не выдал ее за него. Объединенные силы дагестанских владетелей в сражении в 1774 г. на Гавдушанском поле близ Худата наголову разбили Фатали-хана, который бежал в Сальяны. Но, обратившись к России за помощью и получив ее в результате посылки в Дагестан русских войск, Фатали-хан восстановил свое положение, хотя с уходом их из Дагестана неприязненные отношения к нему со стороны дагестанских владетелей оставались и неоднократно проявлялись на деле, в их действиях против него. Но, как отмечал И.Н. Березин, Фатали-хан после того как с помощью русских войск разбил уцмья Кайтага, потерпел поражение казикумухский хан, а табасаранский владетель просил прощения и клялся в верности, «Куба опять явилась первенствующим владением в Дагестане» и Фатали-хан «начал думать о покорении Персии: преследуя эту цель, он начал с ближайшего – с обширного Ханства Ширванского, и для окончательного присвоения его себе приказал умертвить членов Ширванской Али-

¹ Левиатов В.И. Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С.49.

серкарской династии»¹. Далее он писал: «Честолюбивые планы Фетх-Али-Хана вызвали против него новый союз, но в образцовом сражении под старой Шемахой Кубинский Хан поразил союзников, и весь Дагестан опять искал его расположения. Север Персии признал его власть, а Дербент, Баку, Шамаха и Сальян находились в полном его распоряжении»². Когда он уже собирался «двинуться в Азербайджан, как внезапная болезнь свела его в могилу в 1789 году в Баку, на 54 году от рождения»³.

После его смерти его владение переходило от одного сына к другому – сначала ханом был сын его Ахмед-хан, который не отличался мудростью и волей отца. С его приходом к власти фактически началось падение владения Фатали-хана. Созданное усилиями, бесконечными войнами огромное владение при Ахмед-хане стало распадаться. В 1791 г. Ахмед-хан умер, ханом стал его 13-летний брат Шихали-хан. Хотя он в том же году обратился с прощением о принятии в подданство России и он «сочтен был за подданного» России, всю жизнь вел антирусскую политику. В 1799 г. Шихали-хан вместе с другими владетелями Дагестана опять был принят в подданство России с возведением в чин 3-го класса. Но и после этого он оставался противником России, привлекая на свою сторону других владетелей и руководителей союзов сельских общин. В 1800 г. он назначил свою сестру Хан-Бике-ханум правительницей Дербента. Однако вскоре с помощью Сурхай-хана II к власти в Дербенте пришел Гасан-хан. Несколько раз Шихали-хан намеревался взять Дербент, но безуспешно.

Летом 1801 г. Гасан-хан и Шихали-хан вместе с другими владетелями Дагестана обратились к Александру I о принятии их в русское подданство. Через два года – в 1803 г. Гасан-хан умер, Шихали-хан прибыл в Дербент, великолепно похоронил его и, назначив Имам-Кули-бека наибом Дербентским, вернулся в Кубу. В 1806 г. дербентцы выгнали враждебного России Ши-

хали-хана¹, 12 июля русские войска вошли в Дербент. Жители города были приведены к присяге «на вечную верность в подданстве России»². 23 августа 1806 г. Дербентское ханство было передано в управление тарковскому шамхалу Мехти, а управление городом «поручено Али-Панах-беку, произведенному в майоры»³. Шихали-хан бежал и до самой смерти в 1821 г. скрывался в разных местах Дагестана и продолжал возмущать его население, призывая выступить против России.

10. Владетели Табасарана

Высшей феодальной знатью, первой сословной группой класса феодалов Табасарана были правители его – майсум и кадий, правившие двумя самостоятельными феодальными владениями – Табасаранским майсумством – майсум, кадийством Табасарана – кадий. Табасаран находился между Кайтагом, Дербентским владением, кюринскими лезгинами и агулами. Называя, как и другие владения и союзы сельских общин, Табасаран «уездом», И.-Г.Гербер так писал о нем: «Зачинается близ города Дербента, простирается к норду (северу. – Б.А.) до хайдаков и карахайдаков, которых оной разделяет река Дарбах, к весту (западу. – Б.А.) до Зурхаева владения (Казикумухского ханства. – Б.А.), которого разделяет река Агула, к зюйду (к югу. – Б.А.) до куролей, от которых оной вострыми горами отделен»⁴. Я.Рейнеггс в 80-е гг. XVIII в. писал, что табасаранцы «занимают весьма обширное и плодородное пространство на Южном хребте Кавказа до некоторой высокой и весьма утесистой горы, Шах-Даги (царская гора) называемой»⁵, что, конечно, не совсем верно, так как до Шах-Дага никогда территория Табасарана не простиралась. Немногим позже – в 1796 г. Ф.Ф. Симонович писал о Табасаране так: «Простирается от горы Кохма-даг между реками Большой Дарбах и Гургели по четы-

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.189.

² История Дагестана. Т.II. С.19.

³ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.184.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.104.

⁵ Дагестан в известиях... С.279.

¹ Березин И. Указ. соч. Ч.II. С.67.

² Там же. С.68.

³ Там же. С.68.

рем верхним полосам. К северу граничит с уцмийскими народами, терекемей, кайдаками и каракайдаками, к востоку с Дербентским владением, к полдню (югу. – Б.А.) с провинцией Кура, а к западу с казыкумыками»¹. В другой работе, посвященной непосредственно Табасарану, Ф.Ф. Симонович писал о его территории. «Земля табасаранского народа, – отмечал он, – лежит в Дагистанской области и, простираясь по хребту, вышедшему из Кавказских восточных гор у вершин рек Койсу и Самура, окончившемуся же утесистыми крутизнами, образующими Дербентское предгорье у Каспийского моря, занимает в длину от востока к западу около семидесяти, а в ширину от юга к северу около пятидесяти верст» и далее дает границу Табасарана². Согласно сведениям П.Ф. Колоколова за 1831 г., Табасаран простирался от востока к западу на 90, от севера к югу на 50 верст и имел «в себе до 4500 квадратных верст»³. Иные цифры давал И.Н. Березин: длина 65 верст, ширина 30 верст, «окружность всей провинции – 222 верст»⁴. Причем он делил Табасаран на верхний или западный и нижний или восточный. Первый находится, писал он, в глубине гор, восточный ближе к морю. Нижний Табасаран делится на северный и южный: последний принадлежит Беку Карчагскому, а первый составляет вольное общество, подобно западному Табасарану⁵. М.Р. Гасанов пишет, что в состав Табасарана временами входила территория нынешнего Табасаранского, а также некоторые земли Хивского, Агульского и Дербентского районов⁶.

И.-Г.Гербер в 1728 г. писал, что табасаранцы «имеют своего магзума (майсума. – Б.А.), или владельца, нынешним именем Магумед, да одного кады, нынешним именем Рустан-бек, которым табасаранцы подлежат, только мало послушны бывают; а махсум и кады подчинены бывали султану дербентскому,

¹ Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. С.152.

² Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.197; Броневский С. Указ. соч. Ч.II. С.341.

³ Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С.313.

⁴ Березин И. Указ. соч. Ч.II. С.75.

⁵ Там же. С.76.

⁶ Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1978. С.166.

а ныне наипу и российскому коменданту в Дербенте»¹. И при описании Дербента И.-Г.Гербер писал: «В близости Дербента лежащие два уезда, Табасаран и Куба, повинны были оному султану послушны быть и по его приказу воинскую службу отправивать»².

В Табасаран входили три части: владения майсума, кадия и Девек Елеми. Резиденцией майсума было сел. «Чёхрах»³ (Джарах). По сведениям Ф.Ф. Симоновича, в майсумстве было 70 селений, а число жителей мужского пола доходило до 21 тыс. человек⁴, по сведениям П.Г. Буткова, здесь было 40 селений и до 24 тыс. жителей⁵. В таблице И.Т. Дренякина указано на наличие здесь 7 тыс. дворов и 21 человек⁶.

Центром кадийства было сел. Ерси – «главное селение и пребывание кадиево ... при ручье Егри Булак». В его составе были также Зил и Хаменди⁷. По этим же сведениям, в кадийстве было «20 деревень»⁸. По данным П.Г. Буткова, их было 18, а жителей – 6000 человек⁹, у И.Т. Дренякина – 10666 дворов и 31998 жителей¹⁰. Известными селами Табасарана были Джерах, Дарвах, Дюбек, Карчаг, Хулют, Камах, Гехрах, Махрага, Хаменди и др.,¹¹ по Я.Рейнегтсу – «Табасарань, Гаименде, Бербаз, Гомше и Ерси суть знатнейшие места одного княжества, а особенно Табассары за первойший город из всех почитается», где «Кадибей имеет... всегдашнее свое пребывание»¹². По его же сведениям, в Табасаране было «12000 семей»¹³. По данным М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга, в Верхнем и Нижнем

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.104.

² Там же. С.86.

³ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.153.

⁴ Там же.

⁵ Бутков П.Г. Сведения... // ИГЭД. С.210.

⁶ Дренякин И.Т. Таблица // ИГЭД.

⁷ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.153.

⁸ Там же.

⁹ Бутков П.Г. Указ. соч. С.210.

¹⁰ Дренякин И.Т. Указ. соч. С.210.

¹¹ Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. С.199.

¹² Дагестан в известиях... С.279.

¹³ Там же.

Табасаране было до 5379 семейств¹, И.Н. Березина – 57 деревень и до 5850 дворов с 35 тыс. жителями². По сведениям А.В. Комарова, во второй половине XIX в. в Табасаране было 125 селений, 3157 дворов и 17044 жителей³.

Табасаранские владетели – майсум и кадий – являлись одними из активных правителей, принимавших участие во многих политических событиях в Дагестане и за его пределами. В основном они поддерживали дружественные отношения с Россией. Они положительно восприняли поход Петра I в Прикаспие. Затем неоднократно обращались с просьбой о приеме в подданстве России, что они возобновляли при вступлении на царствование нового царя. Они принимали активное участие в борьбе народов Дагестана против Надир-шаха, которому Табасаран никак не подчинялся, ввиду чего он многократно совершал сюда свои карательные походы. Во второй половине XVIII в. кадий Табасарана вместе в уцмием Амир-Гамзой вел активную политику против Фатали-хана Дербентского. Летом 1799 г. Рустем-кадий был принят в подданство России и возведен в чин 4-го класса с жалованьем 150 руб. в год⁴. После прихода к власти Александра I летом 1801 г. владетели Табасарана Рази-бек и брат его Махмуд-бек и другие владетели Дагестана обратились с просьбой о принятии их в подданство России⁵. Их посланники были приняты с почестями и пожалованы ценными подарками. И в дальнейшем их обращения о подданстве неоднократно повторялись.

Попытки Шихали-хана Дербентского поднять против России табасаранских владетелей в начале XIX в. ни к чему не привели. Они отказали ему в помощи. Во время вступления русских войск в Дербент и далее табасаранские правители вышли им навстречу и дали клятву верности России. Тогда же они были приняты в подданство России, а затем их владения при-

соединены к Российской империи¹. И после этого Шихали-хан неоднократно пытался привлечь владетелей Табасарана против России и это ему удалось, в 1815 г. за участие в антироссийской борьбе вместе с Шихали-ханом табасаранские владетели были отстранены от власти. До 1823 г. управление Табасараном было возложено на коменданта, затем на генерала Верховского. После управления Табасараном было поручено бекам майсумского и кадийского происхождения.

Весь перечисленный материал приводится в работе ввиду того, что без хотя бы краткой характеристики территории изучаемых владений, без показа ее расположения, границ с другими владениями невозможно понять и те отношения, которые складывались между ними, на что влияла близость или дальность их расположения, установившиеся родственные и династические отношения и т.д. А политика, проводимая владетелями по установлению связей, взаимоотношений с другими владетелями и, конечно, с Россией, необходимо показать, так как это одна из сфер деятельности феодальных владетелей, как политических деятелей.

После всего этого, конечно, необходимо остановиться и на политическом положении владетелей внутри их владений, дать характеристику их власти и прав.

Власть табасаранских правителей – майсума и кадия была наследственной и переходила от отца к сыну. С.М. Броневский Табасаран относил к монархическому, или к единоначальному правлению, что и соответствовало тому, что в нем – и в майсумстве, и в кадийстве единолично правили представители знатных родов. Даже, когда в результате междоусобиц и майсумство, и кадийство распались фактически на ряд бекств, в последних владетелями были представители рода майсума и кадия². Так, согласно сведениям Ф.Ф. Симоновича, в конце XVIII в. Табасаран был разделен между двумя «главными владельцами: майсумом Захрабом и кадием Рустемом. К ним принадлежат частные владельцы, братья их и сродственники масумовы: Мустафа бек, шамхал, Кархал Гули и двоюродный брат

¹ Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.312.

² Березин И. Указ. соч. Ч.II. С.75.

³ Комаров А. Народонаселение Дагестанкой области // ЗКОРГО. Тифлис, 1873. Вып.8. С.19.

⁴ История Дагестана. Т.II. С.14.

⁵ Гасанов М.Р. Из истории... С.248.

¹ Гасанов М.Р. Из истории... С.249.

² Броневский С. Указ. соч. Ч.1. С.38.

Али Гули масум; кадиевы же – Магмут бек, Мегемет бек и Мурза бек»¹. И.-Г.Гербер в первой трети XVIII в., как было сказано выше, писал только о двух владетелях – майсуме и кадии. Разделение (или выделение из состава майсумства и кадийства) владений Табасарана происходит в последней четверти XVIII в., что хорошо прослежено в трудах М.-Р.Гасанова², показанное им на основе архивных материалов, работ А.-К.Бакиханова, Г.-Э.Алкадари, А.Р. Шихсаидова и т.д.³

После образования бекств основными правителями, как и ранее, оставались майсум и кадий, которые и сосредоточили в своих владениях всю полноту власти и управления. Но и в майсумстве, и в кадийстве, как и в других феодальных владениях монархического типа (Тарковское шамхальство, Кайтагское уцмийство, Казикумухское ханство), хотя власть переходила по наследству к старшему в роде, главным образом к сыну, приход наследника к власти, как и в отмеченных владениях Дагестана, был обставлен определенными церемониями, что происходило на общем сходе их владений. Так, каждый наследник майсума избирался в майсумы на общем сходе представителей от всех обществ майсумства, который собирался около сел. Туруф⁴. К сожалению, порядок и процедура избрания майсума не отражены в источниках. Но, как полагает М.Р. Гасанов, «порядок избрания кадия и майсума был один и тот же»⁵. Об избрании же кадия сохранились интересные сведения, в которых сказано: «При избрании кадия общества узденские и раятские собираются ниже селения Хучни на равнине Херба-Куран и там старший из известного тухума селения Хурюк надевал на избранного кади свою старую папаху, а кадия брал себе, в этом заключается обряд, посвященный в достоинство кадия. Избранный кадий не обязан был знать шариат, а это достоинство пере-

ходило к старшему в роде, хотя бы он был безграмотный. Кади Табасаранский шариатских дел не решал»¹.

Более подробно о выборе табасаранского кадия говорится в другом документе, составленном в 1867 г. поручиком Серебровым, где сказано: «Предлагаемый в кадии бек о необходимости выбора давал знать ругуджскому старшине; этот последний общал товарищам своим, старшинам храхскому и хивскому, с их обоюдного согласия оповещался народ собраться на Харба-Куран (ниже Татилия, около моста) в назначенный день.

В назначенный день являлся на Харба-Куран предполагаемый в кадии бек; он садился на камень... народ также. Тогда старшина сел. Хурик из тухума Ильдин-Агляр, подходил к избираемому кадию, снимал с него папах и надевал на него свой, стоящий, как говорят 20-30 коп., а его папах – на себя, говоря при этом, чтобы кадий был к народу справедлив и милостив; потом начинались поздравления: сначала поздравлял кадия хуринский старшина, потом – три главных старшины и народ, начиналась джигитовка; весь народ отправлялся в деревню кадия, где его угощали одни сутки; на другой день влиятельные лица получали подарки от кадия: ругуджский старшина лошадь, храхский и хивский по 1 штуке рогатого скота, по 1 штуке рогатого скота получали ханагский и хуринский; затем другим менее значительным лицам дарили по 1 штуке бурмету. Тем кончалось посвящение в кадии. Народ расходился»².

Не правда ли все это очень схоже с теми церемониями, которые проводились при избрании шамхала и уцмия.

Видимо, аналогично проводилась и церемония при избрании майсума.

В цитируемом источнике имеются сведения о функциях власти и управления кадия в своем владении: «кадий производил суд, расправу, собирал народ на войну, предводительствовал им, был полновластным хозяином в Табасарани, пользовался неограниченной властью»³. Далее в источнике сказано, что

¹ Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. С.199.

² Гасанов М.Р. Из истории... С.50-53; Его же. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С.198-201.

³ Бакиханов А.-К. Указ. соч. (1926). С.134-135; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. (1929). С.85; Шихсаидов А.Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана // УЗ ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 1961. С.143.

⁴ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.2.

⁵ Гасанов М.Р. Указ. соч. С.55; 201.

¹ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д. 4 б. Л.2.

² Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.: Архив. матер. /Состав., предисл. и примеч. Х.-М.Хашаева. М., 1965. С.49-50.

³ Там же. С.50.

раньше, чем был он составлен (до Рустем-кадия, когда кадийство не было еще разделено между членами кадиевского семейства), «Табасаранью управляли одни кадии, в его распоряжении сосредоточивалась вся сила Табасарани (служили люди-нукеры из всех деревень), при нем много служило влиятельных людей из узденской Табасарани – и тогда его власть его была действительно на всю Табасарань; по приказанию его убивали людей, и за это убийцы не подвергались никакому мщению со стороны родственников убитого»¹.

Аналогичную власть имел в своем владении и майсум, который также производил суд и расправу. Кадий и майсум «периодически собирали на совет приближенных лиц и принимали решения», они «имели лиц, регулировавших взаимоотношения с соседними народами и странами», известные в источниках как чиновники². Из этого М.Р. Гасанов приходит к выводу, что «кадий и майсум регулировали внутривластные и внешнеполитические дела. Они издавали постановления, разбирали спорные вопросы между беками и раятами, производили суд, собирали народ на войну, предводительствовали им, были полновластными хозяевами в своих владениях»³.

Хотя, как отметили выше, в последней четверти XVIII в. и в майсумстве, и в кадийстве образуются бекства, как следствие децентрализации их, где сидели родственники кадия и майсума, они находились в составе этих владений и подчинялись им. «Майсум и кадий, – пишет М.Р. Гасанов, – держали беков в покорности и находились в связях с узденской частью Табасарана. Они стремились как можно активнее вмешиваться во внутренние дела союзов сельских обществ, изолировать отдельные джамааты, нарушать их союз»⁴ и тем самым, ослабив их, больше влиять на них. «Усилению влияния майсумов и кадиев на союзы сельских обществ способствовали внутренние процессы – развитие торгово-экономических взаимоотношений, покровительственная политика над джамаатами, ослабление общинной

¹ Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв... С.50.

² Гасанов М.Р. Указ. соч. С.55; 202.

³ Там же.

⁴ Там же.

власти, а также внешнеполитические факторы – угроза со стороны соседних феодальных владений и иноземные нашествия»¹.

Подобно кайтагскому уцмию, майсум и кадий «при решении внешнеполитических дел, особенно во время нашествия иноземных завоевателей и борьбы с врагами... выступали не только как представители подвластных им джамаатов, но и также от имени узденских обществ»².

Как и владельцы других владений Дагестана, майсум и кадий держали при себе вооруженных людей-дружинников, основной функцией которых была охрана своих владельцев, исполнение их приговоров. «Для приведения в исполнение приговора своего над неповинующимися, – сказано в документе, – правители имели достаточное число нукеров, которым в этом случае обязаны были содействовать ближайшие жители и односельчане. Нукеры собирали повинности и подати, сопровождали феодалов, выполняли также различные полицейские функции»³. Они же занимались сборами «штрафных денег», пошлин и т.д.⁴, выполняли также различные административно-хозяйственные работы на кадия и майсума. М.Р. Гасанов пишет, что в Табасаране было два разряда нукеров: «одним бек давал лошадь, одежду, оружие и кормил его и лошадь; другие служили на своих лошадях и на своем продовольствии»⁵. Они были обязаны исполнять различные поручения майсума и кадия.

Майсум и кадий, как и другие владельцы Дагестана, не имели постоянной армии. Однако, как пишет, исследуя вопрос о военных силах Табасарана, М.Р. Гасанов: «Политическая раздробленность Табасарана, систематические междоусобные войны, постоянная угроза со стороны иноземных завоевателей диктовали необходимость содержания военных сил»⁶. Отмечая, что представляли собой эти военные силы и как они формировались или складывались, М.Р. Гасанов пишет далее: «Военную

¹ Гасанов М.Р. Указ. соч. С.55; 202-203.

² Там же. С.56; 203.

³ РГВИА. Ф.ВУА. Д.18474. Л.34-35

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России... С.31

⁵ Гасанов М.Р. Из истории... С.57.

⁶ Там же.

силу табасаранских владетелей составляли ополчение, нукеры, а также ополчения узденской части» Табасарана. Конечно же, это не постоянные военные силы, кроме нукеров, о которых было сказано выше. Кроме беков, обязанных выставлять при необходимости определенное число ополченцев, ополчения выставляли и узденские общества¹. «В магалах Вольной Табасарании, – писал П.Ф. Колоколов, – по случаю обороны может собраться войска до 3000, из сего числа конных не может быть более как 300». При этом он отмечал, что они собирались только для защиты своей территории, а не для хищничества и нападений на соседей. Собирались они по сигналу, который подавался ружейным выстрелом, с криком «харай» и могли быть на месте, откуда подан сигнал через полтора дня².

При объединении всех воинских сил владений кадия и майсума и узденской части Табасарана получалась довольно внушительная сила. По данным И.Т. Дренякина, майсум, имея в своем владении 7000 дворов и 21000 жителей, мог собрать 3000-е войско, а кадий, имея 10666 дворов с 31998 жителями – 5333-е войско³. Общее количество войска равнялось около 8333, а П.Г. Бутков писал о 3000-м войске⁴.

Интересно сообщение Ф.Ф. Симоновича, писавшего: «Табасаранцы, так как и все здешние народы, бывают всегда вооружены по непрерывному почти несогласию владельцев. Силы их разделены на столько же частей, на сколько земля владений; при общем же соединении народа можно положить к походу способных до 10000 человек»⁵. Из них 3000 было у кадия, 7000 – у майсума.

Исходя из анализа этих сведений о воинских силах, М.Р. Гасанов полагает, что при майсуме и кадии были специальные лица, руководившие военными силами⁶, как это было в Аварском ханстве.

Таковы были феодальные владетели Табасарана – майсум и кадий, которые являлись высшими должностными лицами-правителями, сосредоточившими в своих руках всю полноту власти и передававшими ее по наследству старшему из их знатных родов, в основном же старшему сыну. Сказанное дало основание характеризовать систему политического управления в Табасаране как «монархическую или единоначальную». Среди дагестанских владетелей по значимости, политической важности на Кавказе С.М. Броневский ставил табасаранского кадия на 10 место, а среди кавказских владетелей – на 12 место¹.

11. Цахурский (Илисуйский) султан

Владение цахурского султана занимало юго-западный участок и часть территории нынешнего Закатальского района Республики Азербайджан. По описанию Т.Н. Яишникова, султанство с севера граничило «цепью гор, отраслью Кавказского хребта, к востоку Шекинскую провинцию, от которого» отделялась «р. Каны-Коби, к югу Кахетию, от ней» отделялось «р. Алазань, к западу Джарскую областью, от которого отделялось р. Капчаем»². «Пространство, – писал он, – от севера к югу 80 верст, от востока к западу 18 верст, следовательно, 1440 кв. верст»³. По описанию И.П. Петрушевского, территория Цахурского султанства «примыкала к территории вольных обществ с востока, отделенная от нее реками Мухах-чаем и Капы-чаем; с юга границей султанства служила Алазань и ее приток Айри-чай, с востока река Кашка-чай, образовывавшая здесь границу с ханством Шекинским; на севере владения султана переходили на северную сторону Главного Кавказского хребта, захватывая район верховья реки Самура и граничили с Кюринским ханством»⁴.

Владение Илисуйского султана состояло из двух частей: Цахурского владения («Горный магал»), входившего в состав

¹ Гасанов М.Р. Из истории... С.57.

² Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С.316.

³ Дренякин И.Т. Указ. соч. Таблица // ИГЭД.

⁴ Бутков П.Г. Сведения... С.210.

⁵ Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. С.199.

⁶ Гасанов М.Р. Из истории... С.58.

¹ Броневский С. Указ. соч. Ч.1. С.42.

² Яишников Т.Н. Описание владения илисуйского султана. 1831 г. // ИГЭД. С.314.

³ Там же.

⁴ Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала, 1993. С.73.

дагестанских земель и заключавшего в своих пределах Цахур и окрестные селения, до реки Самур (ныне в составе Рутульского района), и собственно Илисуйского султанства, занимавшего пространство к югу от Цахурского владения, от которого отделялось Главным хребтом гор, до реки Капы-чая, Алазани, Айри-чая и Кашка-чая¹. По сведениям И.Линевича, чьи сведения приведены выше, в указанных пределах «считалось 2100 кв. верст и 21 т. душ муж. пола»².

Существуют разные сведения об образовании Илисуйского султанства. По одним сведениям, султаны – это потомки цахурских беков, некогда переселившихся из сел. Хица в Цахур, но уничтоженных местными жителями. Оставшаяся в живых одна беременная женщина из их рода убежала в сел. Илису и там родила сына Али-бека, который и стал первым султаном. По мнению М.М. Ковалевского, произошло это в начале XVII в., т.е. тогда, когда возникло Мехтулинское ханство, – «быть может, даже несколько ранее его»³. По его сведениям, Али-бек был избран своим правителем цахурами, который «позаботился о подтверждении своей власти персидским шахом, от которого и получил титул султана»⁴ и, «поселившись в Елису (из Каха. – Б.А.), сделался родоначальником султанов Елисуйских»⁵.

Но существуют и другие мнения по вопросу о происхождении илисуйских султанов. По утверждению Вахушты, во время нашествия на Кахетию шаха Аббаса I, «бывший в Кахской провинции эристав Али-бек изменил Кахетинскому царю, принял мусульманство и по распоряжению шаха был назначен султаном в управляемый им провинции. Таким образом, по сказанию Вахушты, Али-бек положил начало владычеству и фамилии султанов. Он же принял титул Елисуйского, по имени селения, в которое перенес свою резиденцию из сел. Ках»⁶.

¹ Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С.1.

² Там же.

³ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т.1. С.225.

⁴ Там же.

⁵ Линден В. Указ. соч. // КК на 1917 г. Тифлис, 1916. С.302.

⁶ Там же.

Иное объяснение происхождения илисуйских султанов дает М.А. Коцебу. Он писал, что лет 600 тому назад дагестанские горцы, в их числе и цахуры, называемые глуходарами (люди с открытой грудью), совершали из-за бедности нападения и воровство в Кахетии. Кахетинские цари не могли справиться с глуходарами. «Успехи глуходар наконец увенчаны были решительною победою, одержанною ими над соединенными силами царя кахетинского, и с тех пор (600 лет) они господствуют над $\frac{2}{3}$ Кахетии». В результате образовались пять джарских обществ, ставших известными как Джаро-Белоканские вольные общества.

Образование Илисуйского султанства он объяснял так: «Князь Эристов, управляющий в то время именем царя в городе Кахи, был изменник, который... не противился завоеваниям глуходар. Они в вознаграждение его усердия отдали ему всю землю, чтоб он принял магометанскую веру, собственным примером способствовал к быстрейшему распространению ее в своих владениях и наконец принял бы титул султана элисуйского; вот происхождение владения Элисуй-султана. И так, первый султан был грузинский князь, изменивший царю своему в вере. Главное пребывание султанов перенесено было из Кахи в Элисуй и посему-то они называются элисуйскими»¹. Практически об этом же писал в 70-е гг. XIX в. и Н.Дубровин². Вот такие три мнения о происхождении илисуйских или цахурских султанов.

Но существует еще один интересный документ, составленный в 1700 г. цахурцем Аллах-Верди из сел. Кахи. Здесь говорится о некоем Али-беке, имевшем столицу в Хейра, который напал на Георгий (Цахур) и потерпел поражение. По приказу Георгий-бека (цахурского) он переселился в Георгий и получил от Георгия большое имение в Закаталах. Получил здесь земли и брат Георгия Тургай. Затем в этих местах заселились и другие родственники Георгия. В документе далее сказано, что после того как здесь распространилась холера, на владение Тургая

¹ Коцебу М.А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. С.253.

² Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1. Кн.1. С.591.

напали хиновцы, которых победил Али-бек, пришедший на помощь Тургаю по его просьбе. После этого Георгий и Тургай укрепляют «братскую дружбу» с Али-беком. Али-бек помирил их и хиновцев и все стали жить мирно¹.

К сожалению, в документе не сказано как образовалось единое владение – Илисуйское султанство. Из него видно, что на его территории фактически было три владения, правителем одного из которых был Али-бек.

Согласно имеющимся сведениям, владение султанов состояло из четырех обществ, названных И.П. Петрушевским «вольными обществами» цахуров, которые заселяли «оба склона Главного Кавказского хребта и северную и среднюю (гористую) части территории султанства». Это «вольные общества» (джамааты) Цахурское (на сев. склоне Главного хребта), Сувагильское, Карадулакское и Илисуйское (всего 26 селений)². По данным же Т.Н. Яишникова, относящимся к началу 30-х гг. XIX в., в составе владения султана было 38 деревень с 2128 семьями³. Наиболее крупными селениями были Ках и Илису, остальные – это небольшие села, порою в несколько дворов. Но среди них не даются села Горного магала, т.е. Цахура: собственно Цахур – 107 дворов, Хиях – 25 дворов, Сюгют – 20 дворов, Муслух – 120 дворов, Мыых – 50 дворов, Гильмис – 96 дворов и Курдул – 46 дворов. Не даны и так называемые «колонии Цахура, бывшие долгое время в тесной связи со своей метрополией» – сел. Зерна – 109 дворов, Лякит – 25 дворов и Ляхит-Малах – 15 дворов⁴.

Среди цахурских сел главным был Цахур, «существующий, – как писал И.Линевич, – по преданию, 18 столетий», в котором вначале было до 2000 дворов; но с увеличением жителей часть из них переселилась в другое место, где основали селения Хиях⁵. По другим данным, Цахуру более 2000 лет и было здесь 2000 домов⁶. Всех дворов цахур, по сведениям М.А. Коцебу за

¹ Ибрагимов Г.Х. Новые источники по истории цахурцев // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С.174-178.

² Петрушевский И.П. Указ. соч. С.74.

³ Яишников Т.Н. Указ. соч. // ИГЭД. С.304-305.

⁴ Линевич И. Указ. соч. // ССКГ. Вып. VII. С.10.

⁵ Там же.

⁶ Ибрагимов Г.Х. Указ. соч. С.174, 178.

1836 г., было 6000¹. Он перечислял 39 селений, имеющие различение с названиями сел, данных Т.И.Яишниковым². Жителей, по данным 1830 г., в султанстве было 21 тыс., а в 1871 г. – 16982, проживавших в 3436 дымах³.

И.П. Петрушевский писал, что Илисуйское султанство, как и аваро-цахурские общества, было вассалом Джарского общества⁴. Поэтому последнее имело сильное влияние на султанство и его владетеля. И.П. Петрушевский отмечал, что, как и на Шекинское (Нухинское) ханство, которое также было вассалом Джара, «по временам попадали в настоящую зависимость от джарцев... султаны илисуйские под конец превратились по существу в вассалов джарского общества»⁵. Зависимость эта, по его мнению, была значительна в XVIII – начале XIX в.»⁶ Хотя эта «зависимость от джарцев не была закреплена никакими фирманами и грамотами и вообще не получила юридического оформления», «при избрании султана на илисуйских джамаатах решающую роль играл голос делегатов Джара. Избранные султаны должны были во всех вопросах внешней политики следовать указаниям джарцев. Попытки проявления самостоятельности почти всегда вели за собою свержение султана и замену его другим, более лояльным лицом»⁷. Более того: «Претенденты на престол отдавали джарцам иногда все свое состояние, так как их поддержка всегда обеспечивала избрание»⁸.

Илисуйские султаны, будучи зависимы от Джара, были вовлечены в ту политику, которую вели джарцы, в частности они принимали участие в их набегах на Грузию и Северный Азербайджан, совершаемых в основном для захвата невольников, которых джарцы продавали на своих и других рынках работорговли. В них и участвовали илисуйцы и цахуры-вассалы Джара. Но затем значимость султанства и его населения во главе с сул-

¹ Коцебу М.А. Указ. соч. // ИГЭД. С.261.

² Там же. С.264.

³ Петрушевский И.П. Указ. соч. С.43.

⁴ Там же. С.33.

⁵ Там же. С.72.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

таном значительно возросла. «Роль Елисуйского султанства в политической жизни региона возросла с начала XIX в., когда оно оказалось вовлеченным в борьбу Северо-Восточного Кавказа за независимость от царского самодержавия»¹.

В марте 1803 г. русские войска заняли Джаро-Белоканы. С принятием его в подданство вступило в подданство и Илисуйское султанство. По этому поводу И.П. Петрушевский писал: «К началу XIX в. политическая связь между Джарским обществом и Илисуйским султанством, единство между ними во внешней политике, в военных экспедициях было настолько прочным, что вступление Джарского и прочих аварских обществ «в подданство» России повлекло за собой механически такое «вступление в подданство» и со стороны Илису». Поэтому, естественно, илисуйский султан «был обязан при этом внести следующую с него долю дани царским властям через посредство Джарского общества»².

Когда Джар перестал платить наложенную на него дань, джарцы объясняли это тем, что не внесли свою долю илисуйцы. Поэтому «в 1805 г. джарский джамаат лишил власти Алисултана Илисуйского и заменил его Ахмед-ханом, который и был возведен на престол покорным воле джарцев илисуйским джамаатом»³.

Вплоть до 1830 г. илисуйские султаны были верны России. В 1807 г. Ахмед-хану был пожалован чин полковника с выплатой жалованья в размере 1200 руб. в год. Он принимал участие в русско-турецкой войне в 1826 г.⁴ После его смерти султаном стал его второй сын Муса, а затем Даниель-бек.

В эти годы Джар опять вел антироссийскую политику, джарцы совершали грабежи и, наконец, в 1830 г. «возмутились»⁵. В том же году российское правительство, «не считаясь

ни с илисуйским джамаатом, ни с правами старшего сына Ахмед-хана Имран-аги передало султанскую власть сыну Ахмед-хана Мусе-аге»¹. России не нужно было усиливать султана, которого раньше поддерживала в противовес джарцам.

В 1830 г. Даниель-бек присоединился к русским войскам и должен был усмирить восстание в султанстве². «И в 1830 г., и в 1832 г., и позже султан Муса, а затем и его преемник Даниель остались верны русскому правительству и помогли в покорении своего исконного недруга и прежнего сюзерена – Джара в июне 1832 г.»³ Усердно служа России, Даниель-султан дослужился до чина генерал-майора, был награжден орденом св. Владимира 3-й степени и жалованьем в 8600 руб. в год⁴. Но, как писал И.П. Петрушевский, «оставление его в роли хотя бы вассального и мелкого, но князька, «государя», казалось теперь правительству не нужным и даже не безопасным. Если бы илисуйский султан согласился удовлетвориться положением генерала и помещика и «добровольно» отречься от своих прав государя... он мог бы кончить свою жизнь спокойно, вероятно, щедро вознагражденный царским правительством»⁵. Однако начавшееся урезывание прав султана после 1830 г. продолжалось. В 1840 г. султан был превращен в участкового заседателя илисуйского участка Джаро-Белоканского округа, а в 1842 г. опять подчинен военно-окружному начальнику этого округа. Даниель-султан выражал недовольство и даже обратился к царю с просьбой восстановить его в правах правителя и владельца. «Именно это письмо и внушило, по-видимому, русскому правительству мысль избавиться от слишком притязательного султана»⁶. Поэтому в 1844 г. Даниель-султан собрал «довольно сильное скопище» и выступил против русских войск, но был разбит при сел. Чардахло, после чего перешел на сторону Шамиля⁷.

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Кн.2. (Историческая география Южного Дагестана). Махачкала, 2002. С.179.

² Петрушевский И.П. Указ. соч. С.72, 73.

³ Там же. С.95.

⁴ Линевиц В. Указ. соч. // ССКГ. Вып.1. С.35.

⁵ Фон Плотто А. Природа и люди Закатальского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып.IV. С.16.

¹ Петрушевский И.П. Указ. соч. С.115.

² Там же. С.144.

³ Там же.

⁴ Линевиц В. Указ.соч. // ССКГ. Вып.VII. С.46.

⁵ Петрушевский И.П. Указ. соч. С.144.

⁶ Там же. С.145.

⁷ Фон Плотто. Указ. соч. // ССКГ. Вып.IV. С.17.

Сказанное выше – это все связано с внешнеполитическим положением Илисуйского султанства и его владельца-султана, который в вопросах внешней политики целиком был подчинен Джарскому обществу. Но внутренняя жизнь султанства не была зависима от Джара. Как было показано также выше, с образованием Илисуйского султанства Джарское общество не имело отношения к выбору султана. Он был избран по договоренности четырех джамаатов. Как отмечал И.П. Петрушевский: «Первоначально джамаат играл значительную роль в управлении, приставлял к султану своих уполномоченных (векилей) и сменял его в предусмотренных адатом случаях, заменяя другим членом султанского рода»¹. В Илисуйском султанстве мы сталкиваемся с таким же положением, как и в других дагестанских феодальных владениях, когда власть правителя передавалась по наследству, но это происходило на сходе. Поэтому И.П. Петрушевский и писал: «Султан был одновременно и наследственным (если и не было установленного порядка престолонаследия, как и на всем Ближнем Востоке, то все же султанат оставался достоянием одной семьи) и выборным. Такое положение, – писал он далее, – было результатом компромисса между султаном и цахурскими джамаатами»². Причину этого И.П. Петрушевский объяснял, исходя из того, что первым султаном был избран грузин: «Такое положение, – писал он, – легко объясняется тем, что мусульманские преемники моуравов элисенских могли укрепить свою власть только при помощи цахурских обществ; их поддержка помогла султанам лавировать между Турцией и Персией, боровшимися за обладание Закавказьем, и держать в повиновении крестьян-ингилоев и мугалов»³.

Конечно, как и повсеместно, со временем, в частности начиная с XVIII в., т.е. в исследуемое нами время, когда Джарское общество было в расцвете своей мощи и практически держало в вассальной зависимости Илисуйское султанство, «избирательные права джамаата превратились в юридическую фикцию, а султаны в назначенцев Джарского вольного общества. Перед выборами претенденты из влиятельных членов султан-

¹ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 76.

² Там же.

³ Там же. С.75-76.

ской семьи отправлялись в Джар и там подарками и обещаниями старались склонить на свою сторону главных кевхов (старшин. – Б.А.)» джарского джамаата. Джар силой мог заставить принять их решение. Как отмечал И.П. Петрушевский: «Претендента, кандидатура которого одобрялась джарским джамаатом, илисуйский джамаат покорно провозглашает султаном; всякая попытка сопротивления илисуйцев, как уже отмечалось, грозила военным вмешательством со стороны джарцев»¹.

Хотя султан и не платил Джару определенной дани, «все управление султанством направлялось и контролировалось Джарским джамаатом»². Утверждение же султана вновь избранного (или правильнее будет назначаемого позже Джаром) на джамаате цахуров персидскими шахами или турецкими султанами («в зависимости от того, кто из них был в тот или иной момент хозяином положения в Закавказье»), «было простым признанием факта вступления султана «на престол» – черта типично феодальная, знакомая и переднему Востоку, и феодальной Европе»³. В.Линевич характеризовал илисуйского султана как «неограниченного повелителя в своем владении», каковыми султаны были до перехода Даниель-бека Илисуйского к Шамилю⁴. Тогда надо признать и то, что илисуйский султан имел такие же права по внутреннему управлению, право суда и расправы, как и другие феодальные владельцы Дагестана, хотя, как было отмечено выше и об этом писал И.П. Петрушевский: «Султанство Илисуйское, а временами и ханство Шекинское, были вассалами Джарского общества»⁵ и «все управление султанством направлялось и контролировалось Джарским джамаатом»⁶.

Конечно, как и другие владельцы, илисуйский султан, как феодал, имел и свои лично ему принадлежащие селения, которые находились в его полной собственности. Ему, как помещику-феодалу, «с давнего времени» принадлежали три селения: Ках, Алибегло и Мешабаш (всего 230 домов ингелоев и 77 му-

¹ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 76.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Линевич В. Указ. соч. // ССКГ. Вып. VII. С.22.

⁵ Петрушевский И.П. Указ. соч. С.40.

⁶ Там же. С.76.

галов), а при последнем султане к ним были причислены также сел. Онджало, Бабало, Караган, Шаговар, Алмало и Сускент¹.

И после присоединения к России султан в своем лично ему принадлежащем поместье был полновластным хозяином, вершившим и суд, и расправу и получавшим подати и повинности. Но его власть, управление султанством, как было отмечено и выше, совершенно изменились. Его власть, сначала ограничиваясь, затем была доведена до минимума, она превращалась в фикцию, формальность. С образованием Джарской области Илисуйское султанство, хотя и оставалось в распоряжении султана на прежнем основании, стало составной частью Джарской области и поступило в непосредственное управление «Областного Временного Правления», т.е. под управление российских учреждений, а султан с 1840 г., как отмечалось и выше, был превращен в участкового заседателя илисуйского участка нового Джаро-Белоканского округа.

Среди дагестанских феодальных владений Илисуйское султанство было одним из маленьких и его владетель-султан не играл особой роли в политической жизни Дагестана, что объясняется кроме сказанного и его отдаленностью от других политических структур и тем влиянием, которое на него оказывало Джарское общество, а также Персия и Турция. Именно поэтому С.М.Броневский по значимости и роли, которую играли феодальные владетели Кавказа, илисуйского султана ставил на последнее место².

12. Кюринский хан

В Южном Дагестане находилось самое молодое по времени возникновения феодальное владение Дагестана – Кюринское ханство во главе с ханами, происходившими из правящего в Казикумухе феодального рода. Возникло оно во второй половине XVIII в., предпосылкой чему послужили, как писал Р.М. Магомедов, утвердившиеся в результате походов Сурхай-хана I

¹ Линевиц В. Указ. соч. // ССКГ. Вып. VII. С.15; Петрушевский И.П. Указ. соч. С.79.

² Броневский С. Указ. соч. Ч.1. С.43.

в Курахе, Кака, Целягюне, Гапчахе представители лакских феодальных фамилий¹.

В начале XVIII в., как сообщал И.-Г.Гербер, на территории будущего ханства находились две части: Курали и Курги, которых, как и других владений и союзов сельских общин, он называл «уездами». При этом он писал, что каждая деревня управлялась старшинами, о владетеле он не писал². До образования ханства эта территория находилась то под властью ханов Казикумуха, то Кубы и Дербента³.

Но непосредственное образование Кюринского ханства во главе с феодальным владетелем связано с политикой дербентско-кубинского Фатали-хана, враждовавшего с Магомед-ханом Казикумухским. В 1774 г. Магомед-хан овладел Кубой и Кюрой и присоединил их к Казикумухскому ханству. Но вскоре Фатали-хан «собрал своих приверженцев и, пользуясь уходом союзников Магомед-хана, успел изгнать его из Кубы»⁴. В результате политики Фатали-хана влияние казикумухского хана в Южном Дагестане стало падать. Он «переманил на свою сторону сына осуществляющего ханскую власть в Казикумухском и Кюринском округах Магомедхана по имени Шахмарданбек»⁵. Последний был в ссоре со своим отцом, так как Магомед-хан больше, чем Шахмардан-бека, любил другого своего сына – Сурхай-хана, рожденного от другой жены. Еще, будучи ребенком, Сурхай убил брата Шахмардана Аслан Гусейна, за что Шахмардан «питал к нему кровную вражду» и, не видя возможность отомстить Сурхаю, уехал из Казикумуха и обратился за помощью к Фатали-хану⁶. Последний как раз используя эти раздоры, «способствовал возникновению Кюринского ханства как политического противовеса Кумуху и своего вассала». Он, «отделив от Дербента всю северную часть Кюры до Кабира и от Кубы весь Гюнейский магал, поручил их в управ-

¹ Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С.218.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.105.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.218.

⁴ Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. С.14.

⁵ Алкадари Г.-Э. Указ. соч. (1994). С.79; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.163; Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. С.14.

⁶ Там же. С.14-15.

ление Ших-Мардану на ханских правах. Вскоре Ших-Мардан успел присоединить Курахский магал и образовал особое Кюринское владение¹. Так в Южном Дагестане появился еще один феодальной владетель. Однако после смерти Шихмардана, а затем и Фатали-хана в 1789 г. казикумухский Сурхай-хан II овладел Кюрой и присоединил ее к Казикумухскому ханству и последнее стало называться Кюра-Казикумухским ханством².

Что же представляло собой Кюринское ханство, какую территорию оно занимало и каковы были его границы. В «Описании Кюринской провинции...» от 25 января 1812 г. о ханстве сказано: «Кюринская провинция лежит в Южном Дагестане, граничит с владениями Дербентским, Табасаранским, Казикумухским, Рутульским и Кубинским, от коего разделяется р. Самуром, содержит в себе до 300 кв. верст...³». Эта же территория дана у П.Зубова и в «Обзрении Российских владений за Кавказом...» как владение кюринского хана⁴. В целом можно сказать, что эта территория между Самуром, Табасараном, Каспийским морем и Казикумухским ханством. В ханство входили «вся Кюринская плоскость, территория Курахского, Кошанского, Агульского и Ричинского обществ»⁵. Когда территория ханства была в составе Казикумухского ханства, она была разделена на 7 «округов». По сведениям Ф.Ф.Симоновича, в них было до 100 деревень, «а жителей мужеска пола до 12000 душ»⁶. По сведениям 1812 г., в ханстве было более 500 дворов⁷. Р.М.Магомедов писал, что в ханстве было 104 населенных пункта⁸.

Присоединивший территорию ханства к Казикумухскому владению Сурхай-хан вел антироссийскую политику. Поэтому русские войска заняли Кюру в 1811 г., разбив его отряд. Управ-

¹ Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 15; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 163; Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 179-180.

² Габиев С. Лаки... // СМОМПК. Тифлис, 1906. Вып. 36. С. 4.

³ АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 135.

⁴ Зубов П. Указ. соч. Ч. 3. С. 210; Обзорение... Ч. IV. С. 146.

⁵ История Дагестана. Т. II. С. 68.

⁶ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 151.

⁷ АКАК. Т. V. С. 135.

⁸ Магомедов Р. М. История Дагестана... 1968. С. 207.

ление занятой территорией было поручено сыну Шахмардана — Аслан-беку и, таким образом, Кюра была отделена от Казикумухского ханства и вторично образовано Кюринское ханство как самостоятельное владение со своим владельцем.

Аслан-бек, став владельцем ханства, принял подданство России и подписал трактат, ограничивающий его власть во внешнеполитических вопросах и самостоятельность в вопросах внутреннего управления. В частности, в трактате говорилось:

1) Аслан-бек и его преемники не должны признавать над собою ни чьей власти, кроме власти русского императора и его наследников;

2) Аслан-бек и его преемники не должны вступать ни в какие связи и союзы с соседними владельцами и вольными обществами, без разрешения главнокомандующего;

3) Жителям Кюринского владения предоставляется пользоваться всеми правами, наравне с прочими верноподданными России;

4) Аслан-беку предоставляется право разбирать все дела, касающиеся до внутреннего управления, и производить суд и расправу по его усмотрению;

5) Аслан-бек обязывается вносить ежегодно подати по 3000 червонцев и по 3000 четвертей хлеба (2500 четвертей пшеницы и 500 четвертей ячменя);

6) В залог своей верности Аслан-бек должен выдать в аманаты старшего своего сына Нуцал-бека и 2-х сыновей почтеннейших кюринских старшин¹.

Сурхай-хан II не мог примириться с потерей Кюры и хотел «во что бы то ни стало возратить под свою власть» и вел опять антирусскую политику. В 1820 г. он был опять разбит ген. Мадатовым между Чирахом и Хосрехом. Отстранив его от власти, Ермолов поставил во главе Казикумухского ханства Аслан-бека. Ему была передана вся полнота власти в Казикумухе и в Кюре. Ханское управление одного владельца опять было уничтожено. С Аслан-ханом был заключен особый трактат, но уже как с владельцем Казикумуха, где было записано:

¹ Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. С. 19.

1) Аслан-хан утверждает, что владение ханством Казикумухским и к прежнему достоинству хана кюринского присоединяется звание хана казикумухского;

2) Хан обязан охранять свои границы и идти с войском, куда прикажут...;

5) Хану предоставляется право разбирать по закону и обычаям казикумухским все дела, кроме уголовных, которые должны быть разбираемы русским военным судом, для чего преступников отправлять к начальству;

6) Предоставляется Аслан-хану в Кюринском ханстве постановить наибома сына своего, или кого заблагорассудит; но отнюдь не соединять обоих ханств вместе, а каждым управлять особо», «чтобы, в случае измены хана, разделить силы обоих владений»¹.

Как видим, и здесь власть хана распространялась только на внутреннее управление, в проведении внешней политики он был ограничен и был под контролем русской администрации.

Став ханом Казикумухского ханства, Аслан-хан переехал в его резиденцию – Казикумух, поручив управление Кюринским ханством племяннику Гарун-беку, который исполнял беспрекословно все требования хана. Аслан-хан «в особенно важных случаях сам приезжал в Кюру для личных распоряжений»². Практически и в Кюринском ханстве вся власть принадлежала Аслан-хану.

После смерти в 1836 г. Аслан-хана казикумухским и кюринским ханом был назначен его сын Нуцал-ага, которому одновременно было поручено и управление Аварским ханством. Он в том же году умер и ханом стал его брат Магомед-Мирза, который умер в 1838 г. Так как прямых наследников Аслан-хана по мужской линии не осталось, кроме Гарун-бека, фактически управлявшим Кюринским ханством ген. Головин назначил правительницей жену Аслан-хана – Умми-Гюльсум-бике, «но с тем условием, чтобы оба владения, под общим только названием ханства Казикумухского и Кюринского, как это было и

прежде, управлялись каждое особо и совершенно независимо одно от другого»¹.

В 1839 г. в связи с прекращением рода «признанных правительством ханов по прямой нисходящей линии» Кюра-Казикумухское ханство было разделено на два – Кюринское и Казикумухское и управление ими поручено бекам из рода прежних ханов. Кюринским ханом был назначен Гарун-бек, сын брата Аслан-хана Тагир-бека, а после вторжения Шамиля в 1842 г. – брат его – Юсуф-бек, правивший до 1865 г.²

Кроме приведенных выше двух трактатов, других сведений об управлении ханством нет. Из них видно, что хану предоставлялось право разбирать все дела, касающиеся внутреннего управления и производить суд и расправу по его усмотрению и управлять обоими ханствами раздельно. Но они же показывают, что кюринский хан являлся полновластным владельцем, осуществлявшим свое внутреннее управление, суд и расправу. Такие права ханов сохранялись и после Аслан-хана. Как отмечается в источнике, все время существования ханства за ханами русское правительство «признавало все прежние их права, за исключением права лишения жизни и членов»³. Однако, как отмечается в примечании к пункту 5 второго трактата, заключенного с Аслан-ханом в 1820 г., по которому хан не имел права разбирать уголовные дела: «Этот пункт трактата на практике никогда не исполнялся. Хан по управлению народом делал что хотел и безнаказанно увечил и казнил смертию, кого находил того достойным»⁴. Значит, не только Аслан-хан, но и его преемники, а возможно и до него правившие, имели не только права верховного судьи, который решал тяжбы и другие вопросы в ханстве, принимая по ним решения по своему усмотрению самолично, ни с кем не обсуждая и не советуясь, но также право казнить виновного. Эта была такая же неограниченная власть, какую имели и другие феодальные владетели Дагестана, о которых было сказано выше, в частности, шамхале, уцмий, кази-

¹ Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. С. 27.

² Там же. С. 28.

¹ Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. С. 33.

² Феодальные отношения... С. 249.

³ Там же.

⁴ Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. С. 27.

кумухском хане, табасаранских владетелях – майсуме и кадии, форма управления во владениях которых С.М. Броневский характеризовал как «монархическое или единоначальное»¹. Эта была такая же деспотическая власть, которая особенно проявлялась в период объединения в одно владение Казикумухского и Кюринского ханств. Как отмечается в источнике, ханская власть здесь была не только деспотична, но «далеко превосходила власть Шамхала, Уцмия и других Дагестанских владетелей. Даже по присоединении Кюры и Казикумуха к России назначаемые правительством... ханы, несмотря на формальное отнятие у них права смертной казни и лишения членов, не переставали практиковать эти жестокости, главным образом из убеждения в необходимости таких мер для поддержания авторитета власти»².

Таковы были владетели самого молодого владения Дагестана – Кюринского ханства, возникшего в конце XVIII в. и просуществовавшего до 60-х гг. XIX в. Особенностью ханства было то, что оно существовало как самостоятельное владение, а, следовательно, в нем правили свои владетели, то его присоединяли к Казикумухскому ханству и тогда хан его или прекращал свое правление, предоставив такое право одному из представителей ханского рода, или увеличивал власть, распространив ее и на Казикумухское ханство.

§ 3. Беки, чанка-беки – второе сословие класса феодалов

Второй сословной группой класса феодалов были беки. Беки – это представители правящих феодальных фамилий феодальных владений Дагестана, которые не стали владетелями. Это братья, сыновья, дяди, племянники феодальных правителей, которые имелись во всех феодальных владениях и во многих обществах зависимых от феодальных владетелей союзов сельских общин. Из состава беков становились, как правило, новые феодальные владетели. Это бывали, обычно, старшие

сыновья правителя или же старшие представители правящего феодального рода.

Беки подразделялись на несколько групп: чистокровные беки, рожденные от правящих феодальных фамилий; беки, рожденные от беков и простолюдинок, называемые чанка-беками; чанки – рожденные от чанка-беков и простолюдинок. Первые две группы и являлись беками с правами представителей правящего феодального дома.

Будучи во всех феодальных владениях, беки между тем не везде находились в одинаковом положении. Если в одних феодальных владениях они являлись младшими (или боковыми) представителями феодального рода, то в других, также являясь таковыми, они были и вассалами феодального владетеля.

Беки в разных источниках и у разных народов Дагестана назывались по-разному: бек, бег (общедагестанское), бий (кумык.), талхъан (дарг. в отношении и ханов, и беков), князья (Засул. Кумыкия). В дореволюционной историографии беки были известны и как дворяне. Так, С.М. Броневский беков вместе с узденями, азнаурами и мурзами называл третьестепенными феодалами-дворянами¹. И далее, характеризуя их, он отмечал: «Дворяне Кавказские суть не что иное, как малые вассалы, живущие под покровительством Князей, которые сами бывают иногда вассалами других владельцев»². Дагестанскими дворянами называл беков и И.Н. Березин³. М.Я. Ольшевский, описывая сословные группы Тарковского шамхальства, писал: «Беки составляли высший класс или шамхальское дворянство. Они были потомками тех вассалов, которые пришли из Сирии»⁴.

Генезис бекского сословия, по мнению М.М. Ковалевского, был таким же, «что и служилых людей: антрустионов, танов, дружинников. Временное и личное отличие, вызываемое службой, со временем на почве чисто-фактических отношений приобретает характер постоянной сословной привилегии; вместо

¹ Броневский С. Указ. соч. Ч. I. С. 46.

² Там же. С. 46-47.

³ Березин И. Указ. соч. Ч. II. С. 47.

⁴ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1844 по 1866 год // Русская старина. 1894. Т. 81-82. № 1-2. С. 467.

¹ Броневский С. Указ. соч. Ч. I. С. 38.

² ЦГА РД. Ф. 150. Оп. I. Д. 8. Л. 9.

того чтобы вознаграждать служащих определенным жалованьем, ханы и султаны наделяют их правом обращать в свою личную пользу все натуральные и денежные поступления с крестьян известного округа. На первых порах это право всецело связано со службой и прекращается вместе с ней. Но так как со временем служба становится не только пожизненной, но и наследственной, то и право на крестьянские повинности и сборы приобретает характер наследственного пользования, фактически ничем не отличаемого от собственности»¹. Но вместе с тем нельзя согласиться с другим утверждением М.М. Ковалевского, что «на должности местных начальников правители обыкновенно определяют своих детей от неравных браков или так называемых чанков»². Однако такое положение имело место в отношении только так называемых чистокровных детей феодальных правителей, о чем говорится почти во всех работах и дореволюционных, и советских, и постсоветских исследователей. Так, В. Линден писал, что в отличие от Закавказья в Дагестане только чистокровные беки пользовались «преимущественными правами на занятия различных административных должностей и, в том числе, по управлению теми или другими районами данного владения или отдельными селениями, и передававших свои личные и в большинстве случаев имущественные права потомству, но опять-таки лишь при условии чистоты его происхождения»³. Он также отмечал, что в Дагестане в отличие от Закавказья, «по установившемуся обычаю, редко поручали управление селениями или целыми их группами лицам, из числа не состоявших с ними в той или другой степени родства»⁴. И, таким образом, он отмечал, что все родственники шамхалов, ханов и других владетелей, при условии чистоты своего происхождения, т.е. если они были потомками от равного брака, «составляли сословие беков»⁵.

¹ Ковалевский М.М. Указ. соч. Т.1. С.230.

² Там же.

³ Линден В. Указ. соч. // КК на 1917 год. Тифлис, 1916. С.286.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Звание бека продолжал он, «являлось наследственным и пополнение этого сословия извне лицами низшего происхождения практиковалось лишь в виде исключения»¹.

Из всего приведенного ясно видно, что основная масса беков в дагестанских феодальных владениях образовалась из членов семей феодальных правителей, которые получали в наследственное владение «отдельные районы владений», становились крупными феодальными землевладельцами, находившимися в вассальных отношениях к своему сюзерену (феодальному владетелю). Каждый член семьи феодального владетеля, рожденный от равного брака, считался беком. Поэтому в Дагестане их было много, о чем говорят и сведения по предыдущему периоду. Еще в 30-е гг. XVII в. А. Олеарий писал о Дагестане: «В этой стране имеются различные князья, почти в каждом городе имеется особый»². Я.Стрейс также писал, что здесь «много владетелинов и князей»³. Уже в первой трети XVIII в. И.-Г.Гербер об Аварии писал: «... аварская земля на несколько уездов разделена, из которых каждой уезд своего владельца имеет, а под послушанием усмея не стоят, но и ему подчинены»⁴. Не может быть сомнения, что речь идет о беках. Это подтверждается и его словами, что эти «владельцы» подчинены нуцалу. Д.Ф. Еропкин в 1732 г. писал о «владельцах», которых было даже по несколько человек в одной деревне: в Буйнаке (4 человека), Губдене (6 человек), Карабудахкенте (3 человека), Парауле (2 человека), Нижнем Эрпели (2 человека), Верхнем Эрпели (5 человек), Андреевской деревне (3 человека), Аксае (4 человека), Чечене (8 человек); а «бывшего Адилгирея шемхала дети» «Камбулат, Буда, Садат Кирей» владетели деревнями: «Тарки, Казаныш, Арекень, Булакен, Щук, Кадар, Темерхан, Шора, Мерселев аул, Алберу аул, Атли бую, Ак...жа», т.е. двенадцатью деревнями»⁵.

¹ Линден В. Указ. соч. // КК на 1917 год. Тифлис, 1916. С.286.

² Олеарий А. Указ. соч. С.494.

³ Стрейс Я. Указ. соч. С.220.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.113.

⁵ Еропкин Д.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С.121-123.

Беки имелись и у ногайцев. Согласно документу, еще до изучаемого времени («в те времена») «ногайскими князьями – беками были Карасай и Казий, сыновья Урака (ум. в 1548 г.), брата царя Мамаю... Затем князьями ... были Эльмурза – сын Казия, и Джанмурза.

Затем [в XVII – начале XVIII вв.] князьями были Чинмурза, сын Эльмурзы, и Канбулат, а затем Чобан-мурза, Девей мурза и Агиш-мурза, сын Темирбулата». Как написано в «Истории ногайцев...», они «властвовали» над ногайцами. Последними ногайскими князьями были Канбулат-мурза и Девей-мурза; был еще слабоумный мурза по имени Батыр-мурза...»¹

Эта особенность феодального развития Дагестана отмечена и советскими учеными. «... Институт беков в Аварии, – писал Р.М. Магомедов, – был довольно распространенным явлением. Беки имелись в самом Хунзахе, Гочатле, Сиухе, Голотле и в окрестных аулах ханства»². «Основными владельцами Казикумуха, – писал Р.Г. Маршаев, – являлись беки, которые ранее находились в вассальных отношениях к шамхалам, а со временем, например, второй половины XVII в. стали независимыми от шамхалов»³. Это были в основном потомки и родственники шамхалов, ханов и других владельцев⁴, являвшиеся владельческими беками⁵. Об этом в отношении Табасарана еще в конце XVIII в. Ф.Ф. Симонович писал, что майсумство и кадийство «заклучают в себе» других (кроме майсума и кадия. – Б.А.) «частных временных владельцев, братьев и сродственников настоящих владельцев»⁶.

Беки после феодальных владельцев Дагестана составляли высший феодальный класс, т.е. второе сословие класса феодалов. В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» так

¹ История дагестанских ногайцев, их обычаи и правовые нормы (не позднее 1860 г.) // Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1999. Ч.1. С.42.

² Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.104.

³ Маршаев Р.Г. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI-XVII вв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.22. Л.81.

⁴ История Дагестана. Т.1. С.318.

⁵ Там же. С.239.

⁶ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.152.

характеризуется бекское сословие: «Беки составляли высший класс населения в Кайтаге, кайтагские беки происходили из рода уцмия»¹.

Подобно кайтагским бекам, происходившим от правящего рода, беки шамхальства происходили от шамхала Тарковского, аварские беки – от аварского хана, лакские беки – от лакского хана, табасаранские беки – от майсума и кадия и т.д. Многочисленность беков объяснялась их давним происхождением. «Образование института бекства относится к периоду возникновения в Аварии феодальных отношений. Первые беки вышли из среды патриархальной знати. В последующем беками становились и дети нуцала, не ставшие ханами», – писал об аварских беках Р.М. Магомедов². «Беки же шамхальского дома, – писал он, – в большинстве своем находились в вассальной зависимости от шамхалов и ханов и составляли дворянское сословие», так как они «были потомками шамхальского дома»³. И далее он отмечал, что рост бекского сословия продолжался и в XVIII в. и приводил в подтверждение сказанного, как шамхал в 1735 г. подарил своему внуку Амал Магомеду деревни Харкас и Верхнее Казанище с принадлежащими им горами, а также два кутана в Чипчаке под названием «Хайдак» и «Сархай» и третий кутан «Чиканок» и деревню Хорхали-Такали со всеми принадлежащими к ней землями до Темир-Кою и до самого Уй-Соглак-Тобе⁴. По мнению Р.М. Магомедова, «юридическое оформление сословия беков в Кайтаге получило в XVI веке еще при уцмии Ахмед-хане», и поэтому они «не только превалировали численно, но и по своему общественному положению и другим материальным выгодам приобрели решающее влияние во всех делах Кайтага», потому что они происходили из «великого рода дагестанского уцмия»⁵. О беках Лакии он же писал, что они «после хана составляли следующий разряд класса феодалов.

¹ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.24. Л.8.

² Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.104.

³ Там же. С.170.

⁴ Там же. С.171.

⁵ Там же. С.223-224.

Все они происходили из казикумухского ханского дома. Одни из них были детьми хана, другие – братьями и их детьми»¹.

В одних селах, как было показано и выше, было по 1-2-3-4, а в других даже до 10 беков. Так, в кумыкском селении Гелли было 10 домов беков², из которых 9 домов беков было из шамхальского дома, а десятый – из рода карачи-беков. Причем среди беков были и очень богатые владельцы, особенно в Засулакской Кумыкии. В связи с этим Р.М. Магомедов писал, что беки сел. Эндирей «имели право неограниченной власти во всем своем владении»³. И далее, останавливаясь на кумыкских беках, он отмечал: «кумыкские беки не находились на положении служилых людей шамхала. Права распоряжения землей северных кумыкских беков шамхал не имел. Положение беков напоминает примерно то, какое занимали в России в ранний период удельные князья. Эндирейские беки не как вассалы, а как сюзерены, самостоятельно сносились с иностранными государствами»⁴.

Такое же мнение о положении дагестанских беков было у Г.Д. Даниялова, отмечавшего при этом их свободу, независимость в своем владении. «Беки, – писал он, – управляли на тех же правах, что и шамхалы, ханы, майсумы, теми селениями, которые находились в их непосредственной зависимости. В раятских селениях жители не только находились в административной зависимости от беков, но последним принадлежало и право суда над ними, причем беки налагали на виновных штрафы в свою пользу и даже подвергали провинившихся смертной казни. Собственно, по адатам, выносить смертные приговоры беки не могли, поэтому провинившихся раят они просто убивали»⁵. В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» вот как написано о правах беков: «Власть над поселянами подвластных беков деревень (раятами) в судебном и административном отношении принадлежала тому беку, в зави-

симости которого они находились. Суд в этих селениях производили беки безапелляционно: налагали на виновных штрафы в свою пользу и даже могли казнить смертью»¹.

Еще ранее И.Н. Березин писал, что «во время владычества Усмиев Беки имели большое влияние на народ, и подобно самому Усмю, налагали в своих деревнях разные наказания и пени, собирали с поселян известную подать и распоряжались ими как своими подданными, с тем исключением, что не могли продавать поселян»².

Но еще в 1938 г. С.В. Юшков (а позже и другие исследователи), останавливаясь на характеристике беков, писал, что они «были настоящими вассалами ханов. Беки по требованию ханов должны были собирать ополчение и командовать этим ополчением. Беки составляли обычную свиту хана и очевидно оказывали ему помощь советом. Но здесь... мы наблюдаем особенность дагестанского вассалитета. Вассальные отношения были основаны не на договоре, а на факте принадлежности к бекству и на землевладении»³. И далее, останавливаясь на правах беков, он писал, что они «пользовались полным иммунитетом в своих владениях. Они были верховными судьями в своем владении, взимали штрафы за преступления. Они могли удалять со своих земель порочных и преступных жителей, причем двор и прочие постройки выселяемого оставались в пользу беков»⁴.

«Беки пользовались, – отмечал С.В. Юшков, – целым рядом прав, которые резко выделяли их из других групп населения». Для подтверждения сказанного он приводит примеры по кумыкским бекам, кровомщения к которым могли совершать только равные им беки; за убийство бека узденем родственники его нападали на дом убийцы, убивали всю его семью, отбирали имущество и сжигали дом, в то время как за убийство беком узденя, убийца должен был скрыться из аула на два-три месяца;

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.277-278.

² Там же. С.171.

³ Там же.

⁴ Там же. С.172-173.

⁵ Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1970. С.36.

¹ Феодалные отношения... С.184.

² Березин И. Указ. соч. Ч.II. С.51-52.

³ Юшков С.В. Указ. соч. С.79.

⁴ Там же.

за воровство, совершенное у князей, виновные из свободных сословий платили в десять раз больше стоимости и т.д.¹

И, завершая разговор о кумыкских беках, он заключал: «Все эти признанные и регламентированные обычаем права (т.н. байские адаты) делали баев привилегированными, резко выделявшимся классом над всеми другими группами населения. Но несомненно, что все-таки эти права были источником настоящего произвола»².

Г.Г. Османов также отмечал, что беки «были вассалами хана и по феодальному обычаю должны были подчиняться ему». Вместе с тем он писал, что «фактически это подчинение носило весьма условный характер», что подкреплял цитатой из «Записки о сословно-поземельном строе в Кайтаге», где говорится, что «уцмий в отношении к бекам был скорее старший член в семействе, чем повелитель, к которому обращаются другие члены за советом, но который могут принять или отвергнуть по своему благоусмотрению»³. При этом он подчеркивал, что такое положение беков было не только в Кайтаге, но и во всех других феодальных владениях Дагестана. «Во внутренних делах, – писал он, – бек сохранял полную свободу. Власть хана заключалась в праве увещевать или уговаривать бека «отказаться от излишних требований или изменить свое решение, приказать же это он не мог»⁴. Собственность бека была неприкосновенна, и феодальный обычай лишал хана всякого права «отбирать наследственные имения беков»⁵.

Но беки не были свободны в проведении внешней политики, что подчеркивалось и всеми исследователями, изучающими социально-экономическое развитие Дагестана XVIII-XIX вв. «Несколько иными были отношения между ханами и беками, – писал Г.Г. Османов, – во внешнеполитических делах». Опираясь на «Записку о сословном и поземельном строе в бывшем

¹ Юшков С.В. Указ. соч. С.79.

² Там же. С.80.

³ ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.24. Л.7. Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX вв. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1960. Т. VII. С. 141-142.

⁴ Там же. Л.6; С.142.

⁵ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.6. Л.21. Османов Г.Г. Указ. соч. С.142.

Кюринском ханстве», он отмечал, что «... по требованию хана беки обязаны были со своими нукерами и подвластными выйти на войну»¹. Аналогичная мысль проводится и в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», – продолжал писать он: «Беки обязаны были беспрекословно выполнять приказания уцмий, относящиеся до исполнения воинской повинности; являлись на службу его во время войны на коне или пешие вместе со своими подвластными. За хорошую службу уцмий награждал бека подарками»², «состоявшими из вещей и скота»³.

Однако, как обратили внимание Р.М. Магомедов и Г.Г. Османов, нередко беки не только выполняли приказания уцмий, но и оказывали ему неповиновение и даже «отходили от него, и это заканчивалось кровавыми драмами»⁴. При этом они приводили в качестве примера переход племянника уцмий Амир-Гамзы на сторону противника последнего Фатали-хана. Укрепившись в Хан-Мамед-Кале, этот бек «привлек на свою сторону жителей селений Салик, Янгикент и Великент», которые после этого «отошли из-под власти уцмий и оставались вне зависимости от него до тех пор, пока уцмием не сделался Устархан»⁵. Среди беков имелись владетели весьма сильные, обладавшие большим имуществом и, конечно, они также старались освободиться из-под опеки уцмий. Так, как об этом писал Р.М. Магомедов, один из уцмиевских беков по имени Исмаил-бек «имел под владением 16 деревень»⁶. Но уцмий, конечно, не могли оставлять безнаказанно непослушных беков, они «были беспощадны к бекам, стремившимся отколоться от них и стать самостоятельными, и всеми мерами старались держать их в вассальной зависимости. Власть уцмий в раятском Кайтаге и его влияние на остальной Кайтаг были прочными до тех пор, пока беки повиновались уцмий»⁷.

¹ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.6. Л.21. Османов Г.Г. Указ. соч. С.142.

² ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.24. Л.5.

³ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.248.

⁴ Там же; Османов Г.Г. Указ. соч. С.142.

⁵ Феодальные отношения... С.183-184; Магомедов Р.М. Указ. соч. С.248.

⁶ Там же. С.224.

⁷ Там же. С.248.

Вообще следует отметить, как на это обратили внимание и другие ученые, власть беков в раятских частях Кайтага и Табасарана была сильнее, чем в других феодальных владениях. О Кайтаге довольно много было сказано выше, и поэтому остановимся на Табасаране, где беки также считались вассалами «верховных правителей (майсума и кадия. – Б.А.) и должны были подчиняться им»¹. Как писал И.Н. Березин, беки в Табасаране управляли «каждый в своих владениях на основании старых обычаев, мусульманского права и собственного разума»², т.е. как сам хотел. Эти права беков подчеркивались и в архивных источниках, в одном из которых сказано, что беки, как и табасаранские владетели – майсум и кадий, имели большое влияние на жителей, «делая им наказания и штраф... а иногда из прихоти своей сопряженные, с притеснением исполняли»³. В другом архивном источнике говорится, что табасаранские беки «управляли раятами, водили на войну, чинили суд и расправу между ними по адату, а иногда по своему убеждению»⁴, т.е. как хотелось, благорассудится. Как пишет М.Р. Гасанов, беки «наказывали преступников и даже казнили». По сведениям дербентского коменданта полковника Розенфельда, табасаранский бек «был в своем имении полным властелином – карал даже смертью и прощал всякого рода преступления». «Бек имел право прогнать раята из своего селения за неповиновение или за какое-либо преступление. Беки обязаны были по призыву майсума выходить на войну со своими нукерами и подвластными»⁵.

Еще раз отметим, что таких прав, как в Кайтаге и Табасаране, беки других феодальных владений Дагестана не имели, для убедительности чего приведем слова В. Линдена. Он писал: «Права беков по отношению к населению доставшихся им в удел районов были не везде одинаковы. Так, напр., в подвластных им раятских селениях Терекеме (плоскостная часть Кайта-

¹ Гасанов М.Р. Из истории... С.34; Его же. Очерки... С.179.

² Березин И. Указ. соч. Ч.II. С.79.

³ Феодальные отношения... С.245.

⁴ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.3, 8, 9; Гасанов М.Р. Указ. соч. С.34; 180.

⁵ Там же.

га) и Табасарани жители находились не только в административной зависимости от беков, но последним принадлежало и право суда над ними, причем беки налагали на виновных штрафы в свою пользу и даже подвергали провинившихся смертной казни. Собственно, по обычаю, выносить смертных приговоров беки не могли, но, тем не менее, вредных или опасных для них раят они просто убивали через посредство подсылавшихся ими лиц»¹.

Далее В. Линден отмечал, что если все это было характерно для плоскостных частей Кайтага и Табасарана, «где и экономическая зависимость населения являлась наиболее тяжелой, то в раятских же селениях Кюринского ханства беки не имели уже права судебной власти, да и административная от них зависимость жителей была скорее фиктивной»².

Писал В. Линден и о разнице положения беков и других владений Дагестана по сравнению с кайтагскими и табасаранскими беками, в связи с чем указывал: «В подвластных селениях северного Дагестана (узденских) беки пользовались той или иной степенью административной власти, но во внутреннее управление сельских обществ не вмешивались. Не имели они и права суда, который отправлялся выборными судьями, и беки, по желанию сторон, выступали лишь в роли посредников, но их приговоры не имели обязательного значения»³.

В связи с этими словами В. Линдена не лишне для подтверждения правильности их обратиться к «Записке комиссии о сословном строе в Кумыкском округе Терской области», где сказано: «Из первостепенных узденей избирались народные судьи в мехкеме (таречи или судьи), поэтому все дела общественные, разбор дел кровных, спорных и тяжёбных были в руках этого сословия; в делах общественных князья принимали участие и руководили оными, но в делах кровных, спорных и тяжёбных участия не имели и во всех подобных делах между собою и другими сословиями разбирались в мехкеме, причем недовольные решением обращались к пересмотру дел в карачи: к

¹ Линден В. Указ. соч. С.288.

² Там же.

³ Там же.

чанкам и узденям, проживающим в аулах Карабудаг-кент, Губден и Эрпели, где разбирались вновь по Измаил-корану» – (Измаил-коран у кумыков называется коран с толкованием известного дагестанского ученого Хаджи-Измаила с XVI в.)¹.

Положение беков изменилось с присоединением дагестанских феодальных владений к России. Для убедительности приведем анализируемый Р.М. Магомедовым документ начала XIX в. о положении беков до и после присоединения Кайтага к России. Он, в частности, писал: «В сведениях дербентского коменданта полковника Розенфельда, относящихся к 1828 году, говорится, что «во времена удмиев беки на народ, находящийся под их управлением, имели большое влияние и делали такие же наказания, как удмий, и брали с них разного рода штрафы. Со временем же российского правительства беки над народом той власти уже не имеют, кроме того, что берут с каждой пары рабочего скота по 20 мер пшеницы, 5 мер ячменя, десятую часть шелку, и жители обязаны беку своему сеять пшено сорочинское»². Р.М. Магомедов уточнял, что под «народом» надо иметь в виду только раят, в отношении которых, как он писал, «по установившемуся обычаю, «бек не имел права изгонять раята из селения по своему желанию, но он мог его притеснять до того, что раят должен был сам бежать из селения»³. Далее Р.М. Магомедов писал: «Ограничения действия бека были установлены не только в отношении раят, но и во многом другом, с чем связано было благополучие бека»⁴.

Но царские власти проводили и такую политику в отношении беков, которая укрепляла их положение в обществе. Останавливаясь на этом вопросе, Г.Г. Османов писал: «Царское правительство, с одной стороны, смещало неверных «и неблагонадежных беков, лишая их права на наследственную собственность, с другой – способствовало значительному укреплению положения беков»⁵. Для подтверждения сказанного он

¹ Феодальные отношения... С.89.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С.224-225.

³ Там же. С.225.

⁴ Там же.

⁵ Османов Г.Г. Указ. соч. С.143.

приводит цитаты из заключения комиссии по изучению сословного и поземельного строя в Кумыкском округе и комиссии по исследованию сословно-поземельных отношений в Кайтаге, в которых прямо отмечается: в первом: «Кумыкские князья – собиратели кумыкской народной земли в свою собственность, пользуясь своею силой до появления русских, потом под покровительством русской власти, простерли свое господство и на окрестных жителей не кумыкского племени»¹; а во втором, что «система управлять народом через посредство высшего класса населения» привела к увеличению «повинностей, имеющих вид правильного сбора», и далее: «отношение нашей власти к бекам, – влиянию которых в народе придавалось большое значение, ставившее их в положение чиновников-помещиков, в помощи которых наша власть как бы нуждалась для поддержания порядка, – давало им возможность поступать в своих отношениях к поселянам не стесняясь никакими условиями»².

Внутреннее управление бекств почти не было изменено. «За беком полностью были сохранены судебные и полицейские функции в отношении раят»³ как подвластного, зависимого населения. «Все дела, возникавшие между раятами, бек разбирал по адату. Однако, как указывает источник, нередко бек «решал дело совершенно произвольно»⁴.

Усиление беков при русском владычестве было отмечено и рядом дореволюционных авторов. В. Линден писал: «Как общее правило, беки не могли посягать на личные права жителей, которые пользовались личной свободой и правом выхода из состава зависимых от беков сельских обществ. Однако, в первые годы водворения русского владычества, беки, пользуясь покровительством местных властей, воспитанных на крепостном праве, стали доходить сплошь и рядом до полного произвола в отношении подвластных им поселян (раят), не только стесняя

¹ Труды комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С.287. Османов Г.Г. Указ. соч. С.143.

² ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.24. Л.46.

³ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.6. Л.21; Османов Г.Г. Указ.соч. С.143.

⁴ Там же.

их попытки к переселению, но даже продавая и даря их подобно русским помещикам той эпохи. Характерной иллюстрацией ей упомянутого произвола беков является рапорт Дербентского коменданта (от 15 июня 1839 года за № 1223) Дагестанскому Военно-Окружному Начальнику, в котором он ... доносил, что «беки, управляющие деревнями, кои им даны за заслуги их, или предков, разделяя семейства, из них мужского и женского пола людей продают и даже дарят другим, в другие деревни и города, чем самым ощутительно жители терпят угнетения»¹. Он писал также, что при русском владычестве беки повысили подати и повинности с зависимого населения – «и в этой области беки расширили свои права»².

Таковы были положения, права и власть второго по знатности после феодальных правителей беков, являвшихся их родственниками, представителями правящих феодальных родов и наиболее крупной сословной группой класса феодалов Дагестана.

§ 4. Карачи-беки – древнее сословие класса феодалов

К сословию беков относились и карачи-беки или карачи-бии. Сами себя они считали потомками древнего привилегированного сословия, выделившегося из местных племен, а затем, в связи с арабскими завоеваниями, потерявшего бывшее положение, что их происхождение древнее шамхальского. Д.-М.Шихалиев писал: «Карачи есть слово древнейшее, кумыкское, в переводе оно значит «смотритель» или «разбиратель»³. И далее он отмечал, что «сословие «карачи» находится в деревнях Северного Дагестана, Карабудах-кенте, Губдене, Эрпели, Каранае и Ишкарты» и здесь же давал опять разъяснение кто они такие: «Они суть потомки туземных (т.е. местных. – Б.А.) князей, когда-то знаменитых, но влиянием шамхала ныне униженных»⁴. Для подтверждения, что они были некогда

¹ Линден В. Указ. соч. С. 289.

² Там же. С.289.

³ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.45.

⁴ Там же. С.45-46.

«смотрителями», «разбирателями» дел Д.-М.Шихалиев писал, что даже позже засулакские кумыки приходили к «карачи», главным образом в Эрпели, для разбирательства спорных вопросов в присутствии «блюстителей всех кумыкских старинных обычаев» (т.е. в присутствии «карачи-беков»), где эти вопросы получали окончательное разрешение. Интересно и его сообщение, что именно в сел. Эрпели «хранилась книга, Исмаил-куран, где записывались все достопамятные постановления карачинского сословия»¹. Как полагала С.Ш. Гаджиева, «это был сборник адатов карачи-беков»².

Интересна характеристика карачи-беков, данная в «Кратких сведениях о привилегированных сословиях в Северном Дагестане», составленных в 1829 г., где сказано: «Судя по многочисленности карачи-беков, род их должен быть действительно весьма древним, но, размножившись и через это раздробив родовые земли на мелкие части, они крайне обеднели, и общественное положение большинства их с давнего времени мало разнится от положения простолюдинов»³.

В связи с приведенным небезынтересны и другие мнения о происхождении карачи-беков. Согласно одним из них, они были из рода аварских правителей, в частности Сураката⁴, а «по преданиям отдельных аулов северных районов Кумыкии, происхождение карачи-беков относится ко времени заселения прибрежной части Дагестана от Дербента к северу тюрками (кумыками). Родоначальники их, по мнению самих карачи-беков, пришли во главе племени, населяющего Тарковское владение, с которым они были соплеменны, и, следовательно, живут здесь со времени заселения этих мест тюркскими племенами (за несколько столетий до пришествия арабов). Они, следовательно,

¹ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.46.

² Гаджиева С.Ш. О сословных отношениях кумыков в первой половине XIX века // УЗ ИИЯЛ ДФ СССР. Махачкала, 1961. Т.IX. С.194; Ее же. Кумыки... С.108.

³ ЦГА РД. Ф.125. Оп.2. Д.16-а. Л.2. Османов Г.Г. Указ. соч. С.141; Вейденбаум Е.Г. Материалы для историко-географического словаря Кавказа. Вып.1 // СМОМПК. Тифлис, 1894. Вып.ХХ. С.12.

⁴ В.Линден Указ. соч. С.287; Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.170; Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.41.

древнее, чем род шамхала, уцмия и др.»¹, происхождение которых связывается с приходом в Дагестан арабов. В связи с этим интересно и то, что термин карачи «широко был распространен в Золотой Орде»².

Кроме перечисленных сел, карачи-беки имелись и в Утамышском султанстве, позже называемом Гамринским магалом или Хамур-Дарго. В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» сказано: «Гамринский магал составлял прежде отдельное и независимое владение под управлением бека по фамилии Карачи, из которых старший в роде был правителем всего магала»³. Интересно, что после перечня представителей класса феодалов, как: «беков, чанка-беков, чанков», здесь написано, что их происхождение было «неизвестно» и далее: «В настоящее время ... как чистокровных беков, так и чагар в этом магале нет»⁴.

Небезынтересно привести и высказанное Е.Г. Вейденбаумом мнение. «Название это, – писал он, – до сих пор не объяснено удовлетворительным образом. Вероятно, оно тождественно с титулом Карачи или Карачи-бек, который в Крымском ханстве принадлежал наиболее приближенным к ханам лицам главных бекских родов и имел значение верного слуги, наблюдателя, министра». Далее он отмечал, что Будагов («в сравнительном словаре тюркско-татарских наречий». – Б.А.) «производит его от джагатайского глагола **карамак** – смотритель, наблюдатель, ждать, искать, откуда **карачи**, т.е. смотри, исполни донесение без всякого лицемерия, о всех кто приходит и уходит»⁵.

Резиденцией гамринских карачи-беков было сел. Утамыш. Остановившись на характеристике гамринских карачи-беков, С.Ш. Гаджиева писала: «Вероятно, гамринские беки как более древняя феодальная прослойка управляли здесь самостоятельно до тех пор, пока на эту группу кумыков не распространилась

власть более сильного феодала, кайтагского уцмия, перенесшего свою резиденцию из высокогорного Кайтага (сел. Кара-Курейш) на плоскость (сел. Башли). В самом деле, Утамыш и другие сопредельные с ним селения в период Восточного похода Петра I имели своего владельца, называемого в восточных источниках отемишским султаном. Отемишский султан Махмуд формально считался самостоятельным владельцем, но из-за незначительности своего владения не имел большого экономического и политического веса и, очевидно, находился первое время в вынужденном союзе с уцмием, а потом в вассальной зависимости от него»¹.

В период похода Петра I в Прикаспие в Утамыше, кроме самого султана Махмуда, были и другие представители карачи-беков. Они предводительствовали воинскими силами, выступившими против войск Петра I, среди которых, по сведениям П.Г. Буткова, был и Якши-Бег, убитый в бою².

Кроме как отмеченного выше права карачи-беков разбирать дела, они имели и другие права. Прежде всего отметим, что они были независимы от шамхала, откуда и сохранились и в изучаемое время их права, которыми они обладали раньше. Изучая данный вопрос, Р.М. Магомедов писал: «Они могли самостоятельно сносятся с любым государством, вести переговоры, заключать договоры и вступать в подданство. Правда, карачи-беки по сравнению с остальной массой были малочисленны и экономически слабы... Тем не менее это были представители самостоятельного рода, хотя малая их численность и экономическая маломощность ставили их в известной степени в политическую зависимость от более крупных землевладельцев»³.

В связи со сказанным выше местами проживания карачи-беков и их независимости от шамхала, считаем необходимым еще раз вернуться к этим вопросам, о чем писал и В. Линден. Кроме указанных сел карачи-беков, он дает как места их проживания еще селения Ахатлы, Чиркей, Чир-Юрт и Султан-

¹ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.42.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С.170.

³ Феодальные отношения... С.228.

⁴ Там же. С.229.

⁵ Вейденбаум Е.Г. Указ. соч. С.11.

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.194; 108.

² Бутков П.Г. Материалы... Ч.1. С.25.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.170.

Янги-Юрт¹. Что же касается их взаимоотношений с шамхалом, то он отмечал, что они не входили в состав Тарковского шамхальства в период ослабления шамхалов, «а управлялись или особыми владетелями или же представляли собою независимые общины»². При этом он писал, что их власть распространялась только на семь селений – кроме указанных выше, еще на Эрпели, Каранай и Ишкарты и, кроме того, они управляли селениями Губден и Карабудахкент, входившими в состав шамхальства, которые «в последнее время его самостоятельного существования» (имеется в виду до присоединения к России. – Б.А.), состояли «в зависимости от шамхалов»³.

О положении карачи-беков в исследуемый период хорошо написал Е.Г. Вейденбаум. Об эрпелинских карачи-беках он писал, что они «считают себя потомками древних правителей, стоявших во главе кумыкского народа до появления арабов в Дагестане». И несмотря на то, что они обеднели и их общественное положение изменилось, тем не менее карачи-беки «и ныне пытаются сохранить за собою сословную исключительность и избегают браков с людьми простого происхождения. В делах по кровомщению они требуют удовлетворения, полагающегося по обычаю отцам высшего сословия»⁴.

Отмечая политическое положение карачи-беков в дагестанском обществе, В. Линден писал, что они «в глазах туземного населения Темир-Хан-Шуринского округа не только не уступают бекам шамхальского дома в древности рода, но, напротив, в этом последнем отношении должны быть поставлены выше их»⁵.

И еще одно, на что обратил внимание В. Линден, отмеченное и в работах других авторов, это то, что влияние, «общественное положение» карачи-беков уже давно до исследуемого периода «значительно понизилось» по причине раздробления их родовых земель, их обеднения по сравнению «с богатыми

бекскими родами – шамхальскими и других владетелей»¹. Несмотря на такое их положение, карачи-беки избегали «неравных браков, стараясь по возможности поддерживать свои былые сословные отличия»². И только гамринские беки находились в ином положении, о чем В. Линден писал: «Род их растратил свои земли, впал в крайнюю бедность и посредством брачных связей с простолюдинками большей частью окончательно смешался с окружающим населением»³.

Такова была вторая сословная группа беков, по своему происхождению более древняя, чем первая группа, но сохранившая и в изучаемый период определенные права класса феодалов, хотя и потеряла былую экономическую мощь.

§ 5. Чанки – побочная сословная группа класса феодалов

Чанки – это побочная группа класса феодалов, которые имелись как в феодальных владениях, так и во многих союзах сельских общин Дагестана. Эта особая группа людей феодальной иерархии, хотя и имела по своему происхождению отношение к первым двум знатным сословным группам класса феодалов, но не обладала правом на звание бека («не могут связать своей родословной с ... родом» уцмиев, – сказано, например, о кайтагских чанках⁴) и по своим правам практически ничем не отличалась от обыкновенных узденей. В отличие от чанка-беков, которые происходили от феодальных правителей и беков в браке с простолюдинками, и потомков их, рожденных от матерей-непростолюдинок, чанки являлись детьми чанка-беков, рожденных от браков с простолюдинками. В официальном документе прямо сказано, что чанки – это потомки беков, «рожденные от матерей неравного происхождения»⁵.

Чанка, как об этом писал Г.Г. Османов, «можно полагать слово даргинское (чанка) и означает дословно – голый»⁶. На

¹ Линден В. Указ. соч. С.287.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Вейденбаум Е.Г. Указ. соч. С.12.

⁵ Линден В. Указ. соч.

¹ Линден В. Указ. соч.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Феодальные отношения ... С.186.

⁵ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.6. Л.21.

⁶ Османов Г.Г. Указ. соч. С.144.

самом деле, подобно смыслу этого слова, означающего голый, и еще, если иметь в виду, что также называется у даргинцев безворсый палас и безволосая (лысая) голова, то не может быть сомнения, что на самом деле это даргинское слово, переводимое как человек, совершенно не имеющий ничего, т.е. как голый. Чанка на самом деле был таким. Он не имел не только прав, которые имели первые группы феодалов, но и земли, имущества и таковых он не получал от своего отца-феодала, так как считался по рождению неравноправным с его другими детьми, рожденными от брака с женщинами бекского или другого знатного рода. Между прочим, и возникновение этого термина связывается с кайтагским уцмием Хан-Магомедом, сыном Султан-Ахмеда, который в 1588 г. «определил разницу между терминами *эмир* и *джанка*». Как писал об этом А.-К.Бакиханов: «Сын эмира, рожденный от матери, равной по званию отцу, должен называться *эмиром*, а в противном случае – *джанка*. Весь Дагестан принял это определение»¹. Главное отличие чанков от беков и чанка-беков, таким образом, было происхождение и связанное с ним отсутствие у них прав, которыми были наделены первые группы беков. Чанки именно в силу своего происхождения «не пользовались правами на наследование имущества наравне с детьми от равной по происхождению жены, имущество давалось им только во временное пользование, как средство для жизни (так наз. чанк-пай)»².

Чанки действительно имелись почти во всех феодальных владениях и во многих обществах союзов сельских общин. Согласно имеющимся сведениям, особенно много их было в Лакии и Аварии. «Так, например, в Андалальском «вольном» обществе к XVI веку имелось 416 чанков, а в Казикумухском (ханстве. – Б.А.) 830 чанков. Только в одном ауле Ругуджа беков (читай чанков. – Б.А.) насчитывалось более 50. Из них в 1848 году Гамзат-беком было казнено свыше 40 человек»³.

О чанках шамхальства – детях Мехти-шамхала, рожденных от наложниц, т.е. неравного брака, Н.Н. Муравьев-Карский,

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.109.

² Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.42.

³ Там же. С.27-28.

бывший в 20-е гг. XIX в. в Тарках, писал: «...Кроме сих сыновей (рожденных от равного брака. – Б. А.), шамхал имеет еще других, рожденных от наложниц, которые воспитываются таким же образом, называются чанка и пользуются некоторым уважением в народе, но оказывают всегда, хотя они уже и во взрослых летах, почтение к законным детям шамхала»¹.

Исследуя вопрос о феодальном классе и сословных группах различных владений Дагестана, дагестанские ученые Р.Магомедов, Х.-М.О. Хашаев, Г.Г. Османов, С.Ш. Гаджиева, В.Г. Гаджиев, Г.Д. Даниялов и другие уделяли определенное внимание и чанкам, и каждый из них писал либо о чанках отдельного народа, либо в целом о чанках вообще всех дагестанских владений. Конечно, будучи одинаковы по происхождению, они, естественно, имели и в основном одинаковое положение в обществе. Но в отдельных случаях чанки чем-то и различались между собой. Для наглядности остановимся на общих моментах и особенностях чанков различных феодальных владений Дагестана.

Прежде всего, отметим, как общее для всех чанков, на что было обращено внимание и выше, их неравное положение в обществе по сравнению с беками и чанка-беками, отсутствие у всех чанков тех прав, которые имели первые. Чанки всех феодальных владений, как правило, не являлись владельцами феодалями, располагавшими земельной собственностью на территории феодальных владений вместе с беками и чанка-беками.

Хорошо проследил это неравное положение чанков в шамхальстве Тарковском Н.Н. Муравьев-Карский, который, в частности, писал: «Они (чанки. – Б.А.) не пользуются удельными деревнями, но пользуются землями, от коих получают доходы. Вообще все потомство нынешнего шамхала (Мехти. – Б.А.) отличается красотой своей. Законные сыновья его живут в своих уделах или в домах своих дядек; незаконные же дети служат в роде поверенных и употребляются в рассылке с различными поручениями, а также и на войне, где они в виде военачальни-

¹ Муравьев-Карский Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Русский архив. М., 1888 Кн. II. Вып. 5-6. С. 332-333.

ков находятся при небольших полках... вооруженных поселян»¹.

Рассмотрим положение чанков различных владений, из чего также можно сравнить или показать общее и особенное в их положении. Вот как сказано о правовом положении чанков в «Адатах жителей Кумыкской плоскости» и в «Записке комиссии о сословном строе в Кумыкском округе Терской области»:

1) «Чанки кумыкских князей владели поземельной собственностью в таком только случае, если отцы их при жизни своей выделяли им часть». В таком случае они пользовались всеми правами собственников и могли распоряжаться этой землей по своему усмотрению;

2) Браки чанков преимущественно совершались между этим сословием; очень редко чанки женились на княжнах кумыкских и это было доступно только тем из них, кто отличался богатством, умом или особенною храбростью и военною предприимчивостью; дети подобных браков считались чистыми князьями.

Первостепенные уздени, хотя по народному обычаю, считали чанков выше себя по сословному отношению, но дочерей своих за чанков не отдавали, считали таковые браки неприличными ... иногда чанки вступали в брак с другими свободными сословиями;

3) Чанки не имели своих узденей и сами считались приближенными тех княжеских родов, от которых они происходили;

4) В делах кровных и по воровствам они равны были со всеми свободными сословиями;

5) Чанки пользовались уважением народа и управляли подвластными в случаях прекращения их родственных княжеских фамилий².

Приведем еще один документ, показывающий отличие чанков от чанка-беков. Как показали кумторкалинские владельцы, «беки происходят от благородных матерей и редко разнятся в

правах от джанков, происходящих от простых матерей, т.е. не из бекского, а простого звания. Беки наследуют все имение отца, а джанке выделяется только некоторая часть, по усмотрению отца или старшего брата. Часто джанки служат своим родным братьям бекам и последние помогают джанкам, но сами последние ни на что сверх выделенной им доли с селениями более претендовать не вправе и не зовутся беками»¹.

Чанки кумыкских владений не имели и тех преимуществ, которые имели беки и в области уголовного права и отвечали наравне с первостепенными узденями. За убийство чанка узденем помимо убийцы в канлы выходили «на один год из ближайших родственников его три арчен-канлы»².

И еще два момента: если «после смерти чанки, у последнего не оказывалось наследников мужского пола, то все наследство переходило к шамхалу», «Чанки не имели своих узденей, и, по установившемуся обычаю, они сами считались вассалами тех владельцев (т.е. владетеля, беков и чанка-беков. – Б.А.), от которых они происходили»³.

Остановимся на чанках Кайтагского уцмийства, о которых в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» сказано, что они «составляют особый класс... живут по преимуществу в узденских селениях Кайтага, как в нагорной его части, так и в сел. Башлы»⁴. Они отличались от беков и чанка-беков не только по происхождению, но и тем, что не владели населенными землями, а имели в своем владении «обыкновенные участки при селениях», в которых жили и пользовались общественной землею наравне с прочими жителями». Они «слились совершенно с прочим населением и ни в чем не отличаются от него, кроме названия чанки...»⁵.

В Кайтаге чанки, «как общее правило, не имели полностью тех преимуществ и личных прав, которые были присвоены детям чистокровным». Чанка, как правило, «вскоре после же-

¹ ЦГА РД. Ф.105. Оп.5. Д.4. Л.131. Акбиев А. Кумыки... С.75; Его же. Общественный строй... С.95.

² Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.173.

³ Там же.

⁴ Феодалные отношения... С.186.

⁵ Там же; Линден В. Указ. соч. С.293.

¹ Муравьев-Карский Н.Н. Указ. соч. С. 333.

² Феодалные отношения... С.89; Алаты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI. С.19.

нитьбы или по достижении совершеннолетия, получив при жизни или после смерти отца незначительную долю из отцовского имения», выселялся «из родительского дома и затем уже не только не мог претендовать на наследство от отца, но и не считался членом его фамилии»¹.

Кайтагские чанки находились в приниженном положении — чанка здесь «нередко находился в положении почетного слуги (нукера) у бека, несмотря на то, что они могли быть детьми одного и того же отца, а также, что в случаях вознаграждения за обиды (плата «за кровь» и пр.) и при браках права чанки были не теми, как права чистокровного бека»².

Как и чанки Кумыкской плоскости, кайтагские чанки не имели «в своей зависимости поселян», «владели, на правах узденей, в составе свободных сельских обществ участками земли и наравне с прочими жителями данного селения пользовались общественными угодьями»³.

Аналогично чанкам Кайтагского уцмийства было положение и чанков Казикумухского ханства. Останавливаясь на этом, Р.М. Магомедов писал: «Чанка у лаков не отличается от кайтагских, если не иметь в виду, что они численно превосходили их в несколько раз (об этом, как было отмечено и выше, писал Г.Д. Даниялов. — Б.А.). Чанка имелись в самом Кумухе, в узденских и раятских селах. Они не имели никаких владельческих прав, и земельная собственность их не отличалась от обычной узденской»⁴.

Много было чанков, как было отмечено выше, и в Аварии. «Они жили почти во всех феодально-зависимых аулах ханства и даже в тех аулах, где никогда не жили беки»⁵. Таких примеров очень много — на самом деле чанки проживали во многих селах аварских союзов сельских общин, о чем прекрасно показал в своем исследовании Х.-М.О. Хашаев⁶.

¹ Линден В. Указ. соч. С.293.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.278.

⁵ Там же. С.105.

⁶ Хашаев Х.-М. Общественный строй... С.127.

Аварские чанки являлись по происхождению выходцами из правящего аварского ханского рода. Но в ряде сел Андалальского союза сельских общин и Гидатля проживали и чанки — выходцы из правящего Казикумухского ханского дома. Так, известно, что после схватки с Сурхаем трое из его семи двоюродных братьев поселились в Гоцатле, Телетле и Гоноде на привилегированных условиях.

Поэтому и писал Р.М. Магомедов, что: «Факты свидетельствуют, что чанки в большинстве своем (в Аварии. — Б.А.) не являлись уроженцами тех населенных пунктов, где они жили». И далее в связи со сказанным: «Очевидно, в прошлом ханы и беки практиковали поселения своих детей от неравного брака подальше от себя в феодально-зависимых аулах»¹.

Положение чанков в Аварии отличалось от положения чанков других владений Дагестана. Они имели больше прав как в управлении, так и имущественном отношении. Как писал Р.М. Магомедов: «В аулах чанки фактически являлись представителями ханско-бекской администрации и пользовались привилегиями по сравнению с массой зависимого крестьянского населения»². Причем чанки в селах, где они жили, имели земли (пахотные и пастбищные участки и участки леса), о чем имеются интересные сведения, собранные сословно-поземельной комиссией в аварских обществах³. Землей их наделяли в собственность ханы или беки, в зависимости от того, кто был отцом. В аулах Гоцо, Кидиб, Саситль, Мохсох, Цельмес, Шотода, Цалкита, а также Телетль, Зиури, Голотль, Гонода, Ругуджа, Гоцатль, Ури и др. население чанкам отбывало разные повинности⁴.

По вопросу наличия чанков в Южном Дагестане имеются разные мнения. Х.Х. Рамазанов пишет, что в Табасаране «в отличие от лакских, аварских и кумыкских феодальных владений (конечно, и Кайтагского уцмийства. — Б.А.), не было так независимых чанка-беков (он, очевидно, не подразделяет их на чанка-беков и чанков. — Б.А.). Табасаранские беки женились на

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.105.

² Там же.

³ Феодальные отношения... С.293-294.

⁴ Там же. С.293-294; Магомедов Р.М. Указ. соч. С.105.

женщинах из других сословий, но дети от этих браков пользовались одинаковыми правами с «чистокровными беками». При этом Х.Х. Рамазанов ссылается на архивный источник¹. М.Р. Гасанов – специалист по истории Табасарана, подробно изучивший его историю и издавший по нему две монографии, после характеристики табасаранских владетелей и беков, пишет: «Следующую феодальную группу в майсумстве составляли так называемые джанка-беки»². И далее, отмечая, что по данному вопросу имеются противоречивые сведения, цитирует тот же архивный источник, который цитирует Х.Х. Рамазанов и пишет, что речь в нем идет о Северном Табасаране, т.е. о Табасаранском кадийстве. «В майсумстве же, – продолжает он писать, – не было равноправия между беками чистокровными и рожденными от простой женщины (джанка-бек), выразившегося в неравномерном наследовании имения отца»³. Во всем остальном, – пишет он далее, – джанка-беки пользовались всеми правами и преимуществами, как и чистокровные беки»⁴. Как видим, и он не подразделяет детей правителей и беков, рожденных от простолюдинок, на две группы, давая их под общим термином джанка-беки.

В Дагестане, в частности в тех селах, где проживали карачи-беки, также имелись чанки, происходившие от их браков с простолюдинками. О них в «Кратких сведениях о привилегированных сословиях в Северном Дагестане» сказано: «Им не присваивается титула бека, и они не имеют никаких особых прав и отличий от простолюдинов»⁵. Интересно, что постоянно смешиваясь с узденями, гамринские карачи-беки вообще исчезли как особая сословная группа. В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» об этом отмечалось так: «В настоящее время... чистокровных гамринских беков нет, а есть внуки Кичи-хан-бека, последнего наследственного правителя

¹ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.46. Л.2; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С.152.

² Гасанов М.Р. Из истории... С.35; Его же. Очерки... С.180.

³ ЦГА РД. Ф.1. Оп.1. Д.46. Л.3. Гасанов М.Р. Указ. соч. С.35; 180.

⁴ Там же.

⁵ ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.16-а. Л.2.

этого магала, дети прапорщика Али-хана, рожденного от простой женщины»¹.

И после присоединения дагестанских владений к России чанки остались в неравном положении по сравнению с первыми знатными сословными группами феодалов. Царское правительство причислило чанков к податному сословию. Как сказано в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», чанки были «обложены податями в казну наравне с прочим населением»².

Таково было положение чанков как особой сословной группы, хотя и происходившей от первых высших и знатных групп класса феодалов, но в силу их рождения (от женщины не знатных групп населения) не имевших ни политических, ни имущественных прав наравне со своими братьями и другими родственниками, происходившими от женщин бекского происхождения. Между чанками различных политических структур имелись и различия. Чанки, жившие в селах союзов сельских общин, в особенности в Аварии, имели больше прав как их управители и собственники земель, скота и другого имущества. В целом это была наиболее большая группа населения, происходившая от феодальных правителей и их родственников – чистокровных беков и их детей, рожденных от простолюдинок.

§ 6. Сала-уздени (уллу-уздени), первостепенные уздени – низшая сословная группа класса феодалов

Сала-уздени – это низшая группа феодалов, которая имела только у кумыков. У кумыков они назывались еще уллу-узденями (большие уздени). Р.М. Магомедов писал: «К югу от шамхальства, в сторону Утамышы, эти группы именовались уллу-узденями, т.е. большими узденями»³. В русских источниках они известны как первостепенные уздени. Но, если согласиться с этим, первостепенные уздени имелись не только в Засулак-

¹ Феодальные отношения... С.229.

² Там же. С.186.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.174.

ской Кумыкии, но и в Тарковском шамхальстве, где они были известны под названием «таза-уздени»¹, смысл которого, как нам объяснили, означает «чистые уздени». И, кроме того, аналогичная сословная группа населения имела и в горном Дагестане, в частности в Казикумухском ханстве. По этому поводу А.Г. Булатова писала: «В XIX в. сословие узденей было неоднородно. Среди них выделились так называемые «хъуни кьаттри», просто уздени и «гъарзал узданта». «Хъуни кьаттри» – это состоятельные слои узденства. Эти уздени стояли близко к знати и не несли никаких повинностей в пользу кого бы то ни было. Они пользовались покровительством хана и по своему положению, по-видимому, близки к кумыкским сала-узденям»². Как увидим ниже, на самом деле их социально-экономическое положение было схоже с положением сала-узденей.

Первое упоминание сала-узденей, их происхождение связано с переселением Султан-Мута в Чир-юрт, где он «нашел несколько семейств сала или салатавцев, вероятно, зашедших с реки Саласу, где было главное их поселение». Они-то и были первой опорой Султан-Мута, который «был принят ими с радостью, и, судя по услугам, ими ему оказанным, должно полагать, что они и прежде были друзьями или аталыками этого князя. Султанмут поехал в сопровождении их в Кабарду, к родственникам своим Анзоровым, откуда приведя многочисленную дружину», встретился с отцом и тот вынужден был дать ему в управление земли Засулакской Кумыкии»³.

Разъясняя, кем были эти жители Сала-су, Д.-М. Шихалиев писал, что это были «Риконинские выходцы, предки нынешних сала-узденей», названные в записке, которой он пользовался, выходцами из Анди и добавляет, что «и Рикони есть отселок Андийский»⁴.

Более того, Д.-М. Шихалиев говорил о родстве Султан-Мута с андийцами. Отметив сходство имени отца (или брата)

¹ Полевой материал, собранный в Буйнакском и Каякентском районах.

² Булатова А.Г. Лакцы (XIX – нач. XX в.). Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971. С.35.

³ Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.28.

⁴ Там же.

Султан-Мута Андия с названием аварского сел. Анди и что это имя «совершенно чуждо характеру кумыкского языка», он писал: «Уж не воспитывался ли Андия в Анди, где получил это странное наименование... Я воображаю Андию воспитанником андийцев, и двор его в Кафыр-Кумыке наполняю почетными лицами из этого селения, почитавшими за счастье быть пестунами молодого Султанмута, который, возмужав и быв лишен наследия, вспомнил приверженцев отца своего и своих, прибыв в Чир-юрт, нашел там несколько из семейств, обласкал их, и был взаимно обласкан, и потомков его, в лице нынешних сала узденей, возвели на ту благородную степень значения, в которой они находятся»¹.

М.А. Агларов, проанализировав сведения Д.-М. Шихалиева на основе собранного им полевого материала, пишет о действительном родстве сала-узденей Засулакской Кумыкии с андийцами. Исходя из собранных им сведений, он отмечает, что «сам вопрос андийского, в частности, риквининского происхождения эндириевских сала-узденей для Шихалиева безусловно истина. Тухум *Салалал* как один из благородных в действительности имеется в андийском с.Риквани, как пишет Шихалиев, как и тухум *Хъандалал* (родоначальник Хан-Даур) в с.Ашали, которые сохраняют социальную память и свою связь с с.Эндирией. В селении Гагатль имеется также род, который называется Эндириевским (*ИндириллЮл*)». Далее, заключая приведенное, М.А. Агларов пишет: «Таким образом, указанные отрывки из исследования Шихалиева и наличные полевые материалы и факты свидетельствуют о прочных социально-экономических связях андийцев с аксаевскими и эндириевскими политическими образованиями кумыков»².

Интересно объяснение М.М. Ковалевского о происхождении сала-узденей. Вот что он писал: «Предание рассказывает, что, преследуемый братьями, Султан-Мут окончательно овладел кумыкским плоскогорьем при ближайшем содействии некоего «Бече», выходца из Андии, успевшего обложить населе-

¹ Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С. 27-28

² Агларов М.А. Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Юпитер, 2002. С.166.

ние по реке Сала-су личной податью или ясаком. Прогнанный вскоре затем своими подданными, Бече отправляется в Кабарду, приводит оттуда десятитысячное войско и, с помощью его, не только усмиряет возставших, но помогает и Султан-Муту водвориться в пределах нынешних кумыкских владений. В награду за эту помощь Султан-Мут и его приемники признали за потомками Бече привилегированное положение. От первоначального места поселения на р. Сале род Бече получил наименование «сала-узденей». С ними со временем уравниены были и некоторые выходцы благородного происхождения из среды ногайских, крымских и балкарских татар»¹.

Салатавцы вместе с гуенами и тюменами. «прежде всех признавших власть Султанмута», положили «основание Кумыкскому владению»². Когда Султан-Мут переселился из Чир-юрта на урочище Чумлу, в 3-х верстах выше Эндирея, на правом берегу Акташа, переселились сюда и салатавцы, а с ними тюмены и гуены. Сыновья Султан-Мута – Казаналип и Айдемир из Чумлов переселились в нынешний Эндирей. При внуках Султан-Мута – Чопалау и Алибеке сала переселились и в другие места, в частности вместе с первым из них на возвышенное место Чопалау-тюбе в Эндирей, где основали квартал «Сала-аул», как квартал сала-узденей Кандауровых и Паштовых³. Алибек же, «взяв несколько семейств из числа вышедших с дедом и отцом его сала, гуенов и тюменов и других подвластных, отправился на запад, и на р. Аксае... основал селение Аксай»⁴, где один квартал «Зах-аул» был сала-узденей Азнауровых⁵.

Остановившись на положении сала-узденей, «единоплеменных салатавцев»⁶, «первых союзников Султан-Мута», обитавших у Саласу и частью в Чир-юрте, которые «составляли сильный класс в своем племени», Д.-М. Шихалиев отмечал, что с переселением в Эндирей «их потомков, под именем «сала»,

эти нимало не лишились своих преимуществ. Потомки Султанмута осыпали их разными благодеяниями, дарили им земли и невольников, оружие и проч. Зато сала обязаны были верою и правдою служить князьям в качестве узденей, не щадя в случае нужды и жизни своей для них»¹.

Сала-уздени составляли «второй класс в народе после князей»². В. Линден называл сала-узденей вторым «благородным» сословием и писал, что они «отчасти» напоминали «по своим правам и обязанностям, кабардинских деженугов», т.е. вторую группу уорков – военных слуг³. По мнению Р.М. Магомедова, они занимали «промежуточное положение между классом феодалов и основной массой узденей»⁴. С.В. Юшков появление сала-узденей как особой группы класса феодалов, «которая была неизвестна ни в одном, ни в другом феодальном владении Дагестана», кроме Кумыкии, объяснял процессом «классовой дифференциации», которая и привела «к образованию особой группы низших феодалов, – так называемых сала-узденей»⁵. Р.М. Магомедов, как бы развивая мысль С.В. Юшкова, отмечал, что эта группа феодалов «образовалась путем постепенного освоения земли верхушкой узденей и путем закабаления, закрепощения ими беднейшего крестьянства. Этот процесс начался в результате постепенного вытеснения на плоскость безземельного горского крестьянства»⁶.

Эти переселенцы с гор и были первыми поселенцами в Засулакской Кумыкии, «владельцами поместья до прихода князей» и основателя их рода Султан-Мута. Поэтому они являлись древними хозяевами земли, независимыми дачниками, которые гордились своим происхождением, богатством и удалью, уступая первенство одним лишь князьям⁷. А.Белобородов называл

¹ Ковалевский М.М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. Кн. XII. С. 148.

² Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С. 42.

³ Там же. С. 32, 51.

⁴ Там же. С. 32-33.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Там же. С. 46.

¹ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С. 39.

² Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1823. Вып. II. С. 191.

³ Линден В. Указ. соч. С. 271.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 174.

⁵ Юшков С.В. Указ. соч. С. 67.

⁶ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 174.

⁷ Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков 1843 года. Махачкала, 2002. С. 38.

сала-узденей «независимыми дворянами», «древними хозяевами земли», «свободными владельцами»¹. Эту же мысль высказала С.Ш. Гаджиева, писавшая, что «на земле засулакских кумыков сала-уздени представляли собой более древнюю ветвь феодальной знати, чем князья (бии) из шамхальского дома. С установлением власти князей они оказывались в вассальных отношениях к ним, сохраняя, однако свои экономические и общественные права. Сала-уздени владели большими площадями земель, горными пастбищами, кутанами, чагарами, рабами и т.д.»². Именно владение землей делало их привилегированными, особым сословием феодального класса. «Положение это, – писал Р.М. Магомедов, – было основано на поземельных правах, которые сала-уздени успели получить не в результате приобретения мюльков, а в результате постепенного разложения поземельной общины и выделения верхушечного слоя узденства. Другая часть сала-узденей возвысилась путем получения от феодалов земли по назру. Этому вполне соответствует и то прочное положение, которое сала-уздени заняли в Кумыкии в рассматриваемый период и их отношение к феодалам»³.

Еще ранее С.В. Юшков писал: «Первостепенные уздени – это верхушка узденей, верхушка крестьянства, которая выделилась из родовой массы, несомненно, путем освоения пустых земель или путем захвата уже населенных земель и закабаления обезземельного крестьянства»⁴.

Конечно, в свете приведенных мнений досоветских авторов о происхождении сала-узденей, в частности М.Б. Лобанова-Ростовского, Д.-М. Шихалиева, А.Белобородова и др., работы которых почему-то не использованы при изучении вопроса о сала-узденях ни Р.М. Магомедовым, ни С.В. Юшковым, трудно согласиться с их утверждением, что эта группа кумыкского класса феодалов образовалась из «родовой верхушки», и они составляли «верхушку узденства», «верхушку крестьянства»,

¹ Белобородов А. Прошлое кумыков // Терские ведомости. 1896. № 145; Дубровин Н. Указ. соч. Т.1. Кн.1. С.629.

² Гаджиева С.Ш. Кумыки... С.109.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.174.

⁴ Юшков С.В. Указ. соч. С.80.

которая «выделилась из родовой массы». Ведь все досоветские авторы единодушны в том, что сала-уздени – это первые переселенцы на земли Засулакской Кумыкии, «владевшие поместьями до прихода князей», а не выделившаяся из массы населения родовой знать. Ни у кого они земли не отнимали и не покупали и не закабалляли «безземельное крестьянство». Пустующей земли здесь было много, и переселенцы обрабатывали ее, сколько могли, никого не ущемляя и ни у кого не отнимая ее. Поэтому и невозможно согласиться с мнением уважаемых и известных ученых, цитаты, из работ которых были приведены выше, не соответствующие действительности.

Будучи переселенцами и собственниками земли, сала-уздени, естественно, были свободны от всяких повинностей, что говорит о непринадлежности их к крестьянскому сословию, вопреки утверждению С.В. Юшкова, который в той же работе писал, что сала-уздени – это особая группа низших феодалов¹. Нельзя согласиться и с практически аналогичным мнением Р.М. Магомедова, что сала-уздени образовались как собственники земли в результате «разложения поземельной общины и выделения верхушечного слоя общества»².

Нельзя согласиться и с мнением Х.-М.О. Хашаева о том, что сала-уздени являлись результатом перерастания условной собственности в наследственную. «Сала-уздени, – писал он, – вассалы феодалов, пользовавшиеся в начале землями (бенефициями) своего сеньора-князя. Впоследствии бенефиция эта превратилась в лен-феод, так как, если в прошлом князья могли отобрать землю у сала-узденей, то в начале XIX в. она стала уже наследственной собственностью их, сначала – условной (хотя случаев отобрания князьями земель у сала-узденей в XIX в. не обнаружено), а после раздела земель в 1865 году земли сала-узденей стали безусловной собственностью их»³. Конечно, и здесь можно напомнить, что сала-уздени имели свои земли и до прихода Султан-Мута и речь в данном случае может идти толь-

¹ Юшков С.В. Указ. соч. С.67.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С.174.

³ Хашаев Х.М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке (на правах рукописи). Махачкала, 1954. С.14.

ко о тех землях, которые давались им князьями за службу. Но это уже другая группа сала-узденей, о которых будет сказано ниже.

Здесь же мы отметим, что прав был Г.Г. Османов, который, комментируя мнение Х.-М.О. Хашаева, писал: «Во-первых, сала-уздени сами составляли группу феодалов и были вассалами не просто «феодалов», а только тех, кто стоял выше их в феодальной иерархии. Во-вторых, земля «стала» наследственной собственностью сала-узденей, конечно, не в 1865 году, а значительно раньше и юридическое оформление их прав собственности было проведено рескриптом 1846 года»¹.

И далее, чтобы читателю было ясно, как применялся термин сала-узденей к различным слоям населения Засулакской Кумыкии, приведем еще одну цитату из работы Г.Г. Османова, который писал в связи с существующими двумя мнениями о возникновении этого сословия феодального класса: «На первый взгляд указанные точки зрения исключают друг друга. На деле это не так. При тщательном изучении источников выявляется, что эти точки зрения отображают две стороны одного и того же процесса»². И далее он писал о наличии двух групп сала-узденей.

И на самом деле, почему-то ни один другой исследователь не обратил внимание на наличие двух групп сала-узденей – это собственно сала-уздени и княжеские уздени, которые также назывались сала-узденями. М.Б. Лобанов-Ростовский первый заметил эту разницу и, как отметили выше, говоря о первой группе, писал, что сословие сала-узденей состояло из первых переселенцев на кумыкскую плоскость, которые владели поместьями и что в период, когда он писал свою работу, «сословие это стало мешаться с второстепенными или княжескими узденями; но до утверждения русского владычества резко отличалось от них». Далее он подчеркивал, кем были эти сала-уздени первой группы, как первые переселенцы: «Древние хозяева земли, независимые дачники (т.е. владельцы земель. – Б.А.),

они гордились своим известным происхождением, богатством и удачью, уступая первенство одним лишь князьям»¹.

Не менее важно для характеристики сала-узденей, показав их различия со второй группой, т.е. «княжескими узденями», следующие слова М.Б. Лобанова-Ростовского, что, будучи связаны «с князьями узами непосредственной подчиненности, они составляли класс самостоятельный и часто буйный, всегда готовый воспользоваться смутами, чтобы ослабить власть князей»². Как отмечал Г.Г. Османов, «среди всех сословий только сала-уздени не зависели от князей (хотя как отмечал М.Б. Лобанов-Ростовский, они были связаны с князьями «непосредственной подчиненности». – Б.А.) и даже не упустили случая «чтобы ослабить власть князей». Они соперничали с князьями и часто вступали с ними в междоусобицы»³. Именно поэтому кумыкские князья «всячески стремились привлечь их на свою сторону. С этой целью они наделяли сала-узденей землей и делали другие подарки». «Их отношения к князьям, – писал М.М. Ковалевский, – напоминают те, в каких к своему сюзерену стояли средневековые вассалы. Князь одаривает их земельными имениями и взамен требует от них постоянного присутствия при его особе, сопровождая его во всех путешествиях и походах и т.п.»⁴.

Признавая главенство князей, сала-уздени «обязаны были наблюдать все наружные знаки уважения, наравне с прочими узденями, но князья, в свою очередь, поступали с ними ласково и всячески старались привлечь их на свою сторону», – отмечал М.Б. Лобанов-Ростовский⁵. И, хотя они не были связаны родственными связями, «недозволяемые законом кумыкским, при неравенстве состояний, сближались узами, которые у кабардинцев и у кумыков почитаются едва ли не сильнее самого кровного родства: князья отдавали сыновей своих с первого детства в дом почетного сала-узденя на воспитание». И в этом

¹ Османов Г.Г. Указ. соч. С.146.

² Там же.

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.38.

² Там же.

³ Османов Г.Г. Указ. соч. С.146.

⁴ Ковалевский М.М. Поземельные... С.149.

⁵ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.40.

случае, выросший «в семье своего наставника, окруженный неусыпным попечением всех домашних, молодой князь на всю жизнь сохранял непоколебимую привязанность к семье своего воспитателя»¹.

Причем положение сала-узденей было крепким и из-за поддержки их народом. «Народ имел к ним большое доверие, и они всячески старались поддержать его заступничеством за угнетенных, а часто и за мошенников»². Поэтому сала-узденей «преимущественно слушали на мирских сходках; старикам их поручалось обыкновенно разбирательство ссор по обычаю; они передавали князьям жалобы народа»³. Как отмечал цитируемый автор, и в его время (40-е гг. XIX в.) «среди общего упадка народного духа они сохранили некоторую самостоятельность и воспоминания о прежней независимости»⁴.

Хотя земли сала-узденей были «не обширны», они находились «в самых лучших местах, и все поблизости деревни», т.е. сел. Эндирей, где они в основном проживали в своем квартале⁵. Кроме земель они имели «чагаров и холопей»⁶. Причем они никогда не занимались «полевыми работами»; в звании их это считалось «предосудительным»⁷. И.Ф. Леонтович писал, «если уздень» по бедности и дурному поведению, потеряют всякое уважение в народе и, дабы поддержать свое состояние, будут вынуждены зарабатывать себе на хлеб, то он исключается из самого сословия и поступает в разряд второстепенных узденей»⁸. Но почему-то М.Б. Лобанов-Ростовский еще ранее писал, что сала-уздени хлебопашеством в его время (в 40-е гг. XIX в.) занимались «прилежно и сами, вместе с холопами своими, выходят на полевые работы»⁹.

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.40.

² Там же. С.38-39.

³ Там же. С.39; Дубровин Н. Указ. соч. Т.1. Кн.1. С.629.

⁴ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.39.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.57.

⁷ Там же.

⁸ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып.1. С.192.

⁹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.39.

В «Записке комиссии о сословном строе в Кумыкском округе Терской области» отмечены преимущества и права сала-узденей перед другими сословными группами, находившимися за ними. «Преимущество сала-узденей, по объяснению их, – говорится в «Записке...», – состояло в том, что они владели населенными землями, пользуясь с жителей поземельными доходами и булкою (повинность), сами же не отбывали никаких повинностей князьям; им принадлежало предводительство в военных предприятиях, из них выбирались народные судьи (тарачи) в мехкеме, и они управляли делами общественными»¹. Как бы подтверждая приведенное, М.М. Ковалевский писал: «Преимущественное положение сала-узденей сказывалось во владении ими населенными землями, в полной свободе от повинностей и обложении «ясаком» и «булкой» низших сословий, занимающих их земли и состоявших под их управлением. Сала-уздени – ближайшие товарищи князя во время войны и его судебные помощники во время мира. Как таковые они заседают на народном суде, так называемом «мехкеме»². Сословие сала-узденей не вступало в браки с другими сословиями, а если когда случалось, что сала-уздень женится на догерек-узденке или выдаст свою дочь за разбогатевшего догерек-узденя, то в обоих случаях браки эти считались предосудительными и, кроме того, догерек-уздени должны были платить двойной калым»³. И еще – сала-уздени, «хотя по народному обычаю, считали чанков выше себя по сословному отношению, но дочерей своих за чанков не отдавали, считая таковые браки неприличными (даже лучшие фамилии из узденей первостепенных не отдавали своих дочерей за князей)»⁴.

В дополнение к сказанному в «Записке...» перечислены и другие привилегии и права сала-узденей. Здесь отмечено, что их свобода «от всяких повинностей... считалась между народом главным преимуществом». Из других прав сала-узденей отмечены: «все дела общественные, разбор кровных, спорных и

¹ Феодальные отношения... С.86.

² Ковалевский М.М. Поземельные... С.148.

³ Феодальные отношения... С.86.

⁴ Там же. С.89.

тяжебных были в руках этого сословия»; они были посредниками между высшим и другими сословиями; они управляли сами или через выбранных ими старшин аулами, поселенными на их земле; они могли свободно переходить от одного князя к другому, причем теряли право на владение теми землями, которые они получали от князей по назру; узденское достоинство считалось присущим по рождению, а потому князья не могли давать или лишать этого достоинства; поземельная собственность переходила в наследство только в мужском поле; в делах кровных и по воровствам они считались наравне с другими свободными сословиями и не равнялись только с князьями¹.

Живя в Эндирее в своем собственном квартале, сала-уздени производили здесь суд и расправу, их земли, находившиеся в самых лучших местах, располагали хуторами, которые были заселены «выходцами или безземельными кумыками, из вольного сословия, которые платили им ежегодно оброк»². «Отдавая своих детей на воспитание в горы, они вели куначество с горцами; к князьям соблюдали все наружные знаки уважения» и они выступали в качестве воспитателей (аталыков) княжеских детей, что приводило к сближению с князьями, которое было «сильнее всякого кровного родства». Причем, «эмчеки (дети аталыков), товарищи молодого князя по воспитанию почитались наравне с родными братьями».

Интересна характеристика сала-узденей, данная В.Линденом, писавшим: «Сала-уздени являлись ближайшими сотрудниками биев в военных предприятиях и общественных делах. Наиболее существенные привилегии этого сословия выражались в праве их быть избираемыми в члены (**тарачи**) народного суда (**мехкеме**) и в праве управления известной частью территории, входившей в состав удела данного бия. По отношению к поселенцам в состоявшем в их управлении районе членам свободных и зависимых сословий, сала-уздени пользовались приблизительно теми же правами, как и бии в отношении районов, подчинявшихся им непосредственно»³.

¹ Феодальные отношения... С.89-90.

² Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.39.

³ Линден В. Указ. соч. С.271.

Из всего перечисленного выше сословно-поземельная комиссия пришла к заключению, что как и другие привилегированные Кумыкской плоскости (бии и чанки), сала-уздени «в силу имеющихся за ними привилегий должны пользоваться наравне с кабардинскими пше, тлокотлеш и деженуго правами и преимуществами потомственного русского дворянства»¹.

Все сказанное наглядно говорит, что сала-уздени являлись настоящими представителями класса феодалов. Это наделенная многими привилегированными правами феодалов одна из сословных групп класса феодалов Кумыкии.

Что же представляла собой вторая группа сала-узденей, чем она отличалась от первой группы. Это была часть сала-узденства, которая образовалась из выходцев именитых родов Кабарды, Крыма, Аварии, переселенцев из Чечни и с гор к кумыкским биям, которые принимали их под свое покровительство и поселяли на собственных землях. Поселенец, занимая землю бия, должен был обещать ему известную подчиненность, становясь по феодальному обычаю Кабарды его узденем. С.Ш. Гаджиева называла их «пожалованными дружинниками»². А вот как писал об этой группе сала-узденей М.Б. Лобанов-Ростовский: «смутные времена многие выбегали из Чечни и из гор к кумыкским князьям, которые принимали их под свое покровительство и поселяли на собственных землях. — Таким образом, возникли многие деревни на Кумыкской плоскости». Выходцы эти составляли «класс людей важных, княжеских узденей. Следовать за князем в набеги, на войну, прислуживать ему дома, один день в году выходить на сенокос его, — вот в чем состояла вся служба узденя. До гроба приверженные своим князьям, они безропотно исполняли все их поручения, в междоусобных драках проливали кровь за них, ... в случае убийства князя мстили за кровь его на семье убийцы. ...В мирное время уздени жили обыкновенно при князе, около его дома, в ауле, т.е. квартале его фамилии; большую часть дня проводили с ним или на дворе его, чистили его оружие, присматривали за лошадьми, выезжали с ним на охоту... Зато и князья не остав-

¹ Феодальные отношения... С.90.

² Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.109.

ляли без награды их верной службы; они дарили их оружием, лошадьми, платьем, всем, в чем они нуждались... Князь не имел права наказывать узденей, но мог, рассердившись на одного из них, удалить его от себя и отобрать все данные ему подарки и землю»¹.

У Д.-М. Шихалиева несколько запутан этот вопрос. Как будто все, о чем писал М.Б. Лобанов-Ростовцев об этой группе, у него касается первой группы сала-узденей, в то же время, отмечая их преимущества как первых поселенцев в Засулакской Кумыкии, он писал, что с прибытием в Эндирей потомков салатавцев, «под именем «сала», эти нимало не лишились своих преимуществ. Потомки Султан-Мута осыпали их разными благодеяниями, дарили им земли, невольников, оружие и проч. Зато сала обязаны были верою и правдою служить князьям в качестве узденей, не щадя в случае нужды и жизни своей для них. Здесь же он говорит и о второй группе сала-узденей, отмечая: «Подобно сала-узденям, князья отличали пожалованием земель и многих других узденей с тем, чтобы они служили им по примеру сала». И здесь же он писал об обязанностях пожалованных земель узденей – «узденя никак не должен был забывать своего князя, обязанность его состояла в том, чтобы сопутствовать князю во всех его поездках и прогулках, охраняя его особу от непредвиденных случаев. Узденя должен был мстить за смерть своего князя на семье убийцы...»²

Далее, как и М.Б. Лобанов-Ростовский, о второй группе сала-узденей он писал: «По коренному обычаю кумыков, узденя, пожалованный землею и канавою, не может отлучаться от своего князя. Он всегда должен называться и быть на деле его узденем, но если он захочет перейти к другому князю, то должен лишиться своей земли и всех подарков, какие когда-либо от прежнего князя получал»³. Продолжая перечень обязанностей этой группы сала-узденей, Д.-М.Шихалиев отмечал: «Сала-узденя обязаны лично и потомственной службою князьям как жалованные от них на условиях постоянной преданности дача-

ми»¹. Он также называет вторую группу сала-узденей «второстепенными узденями» и указывал, что в отличие от первой группы сала-узденей, «не имея своих кварталов, рассеяны между всеми сословиями; они занимаются иногда полевыми работами на собственных участках, всюду по клочкам разбросанных, а по большей части участвуют вместе с кварталом, где живут и подчиняются их обычаям, потому что тут могут иметь для своей пашни воду». Отмечал также Д.-М.Шихалиев, что и среди этой группы сала-узденей много было «аталыков княжеских, пользующихся отличными почестями»². Князь мог, если был недоволен своим сала-узденем, наказать его: он «мог отнять у своего узденя пожалованную ему землю или вещи и то не навсегда, ибо за наказанием всегда следовало скорое примирение, тогда князь возвращал узденю с ласковым словом все отнятое»³.

С присоединением Кумыкской плоскости к России многие из княжеских узденей стали поступать на царскую службу, получали чины, нажили деньги, покупали земли, «иногда под разными предложениями выманивали у русских начальников окончательное укрепление за собою поместьев, полученных от князей под условием личной службы... Но для русского начальства десятилетняя давность владения была достаточным основанием для отчуждения поместья от настоящего владельца в пользу узденя... Переходя в вольные дачники, они естественно отвыкают от службы княжеской и вступают в сословие первостепенных узденей», – писал М.Б. Лобанов-Ростовский. И около князей оставались только те из них, «которые не успели еще приобрести независимого состояния»⁴.

Так выглядела в исследуемое время низшая сословная группа класса феодалов – сала-узденя, которые находились в основном у кумыков и внутри своей группы имели два разряда, различавшихся как по их происхождению, так и по своему общественно-политическому, хозяйственному и правовому положению.

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.34-36.

² Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.39.

³ Там же. С.56-57.

¹ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.60.

² Там же. С.61.

³ Там же. С.73.

⁴ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.37-38.

§ 7. Дагестанское мусульманское духовенство и общинная феодальная и феодализирующаяся знать

Мусульманское духовенство имелось во всех феодальных владениях Дагестана и в изучаемый период выступало как одна их сословных групп класса феодалов. Но так как среди духовенства были разные группы, отличавшиеся и по своему общественно-политическому и экономическому положению, то речь может идти только о его верхушечной части. Это кадии, шейх-уль-исламы, шейхи, сеиды, эфендии, которые и выступали в качестве духовных феодалов. К феодальной группе, конечно же, невозможно отнести простых служителей мечетей, которые практически в своем большинстве не отличались по своему положению от рядовых членов общества, ведущих свое хозяйство своими собственными силами и имевших в собственности такие же мюльковые участки, как и свободные члены общества – уздени. Эта часть духовенства (сельские муллы, будуны) в основном вербовалась из состава крестьянства, в то время как представителями высшего духовенства были либо потомки различных религиозных деятелей арабского происхождения, либо наследники местных религиозных особ, которые превратили свою религиозную власть в наследственную, передавая ее только членам своего тухума и даже семейства. В этом плане весьма показательным сообщением «Исторического обзора действий правительства по устройству мусульманского духовенства за Кавказом», составленного в 50-х гг. XIX в., где сказано: «... между суннитами мы находим особенности духовного устройства... К числу таковых особенностей должны отнести привычку сохранения духовных степеней в известных родах, обычай, который доселе в Дагестане так силен, что кадий, происходя из известного рода, не только может быть совершенно невеждою в своем законе, но даже может не знать ни читать, ни писать, нанимая за себя с ведома всех и каждого какого-либо грамотного муллу, пишущего за него законные решения»¹.

Но что интересно – так это то, что из привилегированных слоев, т.е. класса феодалов, было мало духовных лиц, что было

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Кол. 482. Д.101. Л.10.

в свое время отмечено и Г.Д. Данияловым, писавшим также: «Среди духовенства были разные группы, а потому невозможно себе представить его монолитным и целостным. Так, если шейх-уль-ислам, находившийся при владетельном князе, в торжественных случаях сидел даже выше самого князя, имел свои земли, богатства и зависимых крестьян, то низшее духовенство непосредственно срасталось с крестьянством, не отличалось от него и внешне»¹.

В изучаемое время духовенство в Дагестане представляло собой довольно многочисленную группу населения. Согласно имеющимся сведениям, в середине XIX в. в Дагестане насчитывалось 8600 духовных лиц².

До присоединения Дагестана к России дагестанское мусульманское духовенство играло большую роль в жизни общества. Согласно сообщению приведенного выше «Исторического обзора...», духовенство в Дагестане составляло «важнейший класс общества и ограничивало некоторым образом самую ханскую власть, потому что хотя ханы имели постоянно право жизни и смерти, смены и назначения каждого отдельного лица этого сословия, но они не могли коснуться прав и преимуществ всего сословия вообще, потому что это считалось бы посягательством на священное постановление пророка»³. Как отмечал Г.Г. Османов: «Такое влиятельное положение духовенства в дагестанском обществе в известной мере обеспечивало монополию на образование», что подкрепляется цитатой из «Исторического обзора...» о том, что духовенство являлось «образованнейшим классом мусульманских владений», у которого «владельцы постоянно искали беседы и советов», что давало им возможность оказывать влияние на все дела хана⁴.

Главным преимуществом дагестанского мусульманского духовенства, как и других сословных групп класса феодалов, даже наиболее низшего из них – сала-узденей, о чем было сказано выше, являлось то, что духовные лица были совершенно

¹ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.43.

² ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.71. Л.7.

³ РГВИА. Ф.ВУА. Кол.482. Д.101. Л.3.

⁴ Там же. Османов Г.Г. Указ. соч. С.149.

освобождены от податей и повинностей в чью бы то ни было пользу (феодалных правителей, беков и т.д.). Причем эти преимущества сохраняли и их дети, перешедшие в «светское состояние»¹.

Еще в XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби сообщал, что дагестанское духовенство не платит никаких налогов падишаху (шамхалу), а подчиняется его воле. Духовенство пользуется еще большими правами и преимуществами.

Согласно сообщению «Исторического обзора...», и высшее духовенство подразделялось на различные категории, начиная от «находящихся в услужении хана» и до «высших членов духовенства, которых нередко ханы возводили в достоинство беков»², в связи с чем Г.Г. Османов писал: «Это неравенство порождено сословным характером всего дагестанского общества»³.

Особенно в близких отношениях с правителями Дагестана находилась та верхушка дагестанского мусульманского духовенства, которая служила им, занимая различные должности и выполняя их разнообразные поручения. В 20-е гг. XIX в. Хрисанф, который был в Аварском ханстве в 1828 г., писал, что хунзахский кадий «сверх своей обязанности исправляет и должность секретаря при хане, участвуя и во всех важных советах вроде министра»⁴. Через год Ф.П. Скалон отмечал, что кадий, как и Андоллов-бек с братьями и чанков и даже узденей, вмешивался в управление ханством⁵. Р.М. Магомедов писал, что у шамхала Тарковского в качестве везира был шейх. Он полагал, что этот шейх «был главным духовным лицом, если не для всей Кумыкии, то, по крайней мере, у шамхала»⁶. Таких служителей при ханском дворе, видимо, правители и «возводили в достоинство беков».

Близость к правителям способствовала еще большему возвышению высшего духовенства, что позволяло им вмешиваться

¹ РГВИА. Ф.ВУА. Кол.482. Д.101. Л.3. Османов Г.Г. Указ. соч. С.149.

² Там же. Л.11.

³ Там же. Л.14. Османов Г.Г. Указ. соч. С.150.

⁴ Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С.269.

⁵ Скалон Ф.П. Указ. соч. // ИГЭД. С.277.

⁶ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.177.

во внутренние и внешнеполитические дела феодальных владений, к обогащению их. «Представители духовенства, – писал Г.Д. Даниялов, – стремились к власти, получали почести, порою и богатства, в значительном количестве имели и рабов. Как высшее сословие были явными угнетателями, наравне с беками и князьями. Некоторые из них, имея должности по наследству, были богатейшими землевладельцами, на которых работали крестьяне»¹. Поэтому духовенство, – как об этом пишут о Табасаране авторы «Очерков истории Южного Дагестана», «своими проповедями освещало и оправдывало угнетение трудового населения феодальным классом. И сами духовные лица эксплуатировали народ, получая различные поборы за исполнение религиозных обрядов»². Дополним эти слова, сказанные о табасаранском духовенстве свидетельством И.Н. Березина, писавшего в первой половине XIX в.: «Духовенство в Табасаране избирается по народному согласию из грамотеев; Кадий пользуется доходом большим, нежели Беки; муллы получают от жителей десятину пшеницы, из сорока баранов одного, за бракосочетание, похороны, раздел наследства после покойных и проч. получают вознаграждение лошадьми, рогатым скотом, ослиами, баранами и наконец, деньгами и разными вещами. Духовенство присутствует на народных собраниях, где имеют сильный голос, и принимает участие в сражениях словом и делом»³.

Останавливается в своих работах на духовенстве и М.Р. Гасанов. Отмечая многочисленность духовных служителей, он пишет, что мечети имели «значительные земли», которыми «распоряжались духовные лица, и почти весь доход, получаемый с них, использовали для своих нужд. Мечети имели доход в виде заката, который равнялся $\frac{1}{10}$ сбора урожая крестьянина... в пользу мечетей выделялся также крупный и мелкий рогатый скот с каждого или с группы дворов»⁴.

¹ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.44.

² Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С.152.

³ Березин И. Указ. соч. Ч.П. С.80. См. также: ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.46. Л.36; Ковалевский М.М. Указ. соч. Т.П. С.161.

⁴ Гасанов М.Р. Из истории... С.36-37; Его же. Очерки... С.181.

Аналогично было положение духовенства и в других феодальных владениях. Так, о кумыкском духовенстве Р.М. Магомедов писал: «На местах в больших селениях сидели кадии и муллы, в малых – один мулла. Мечети имели свои земли. Распоряжались ими кадии и муллы, и весь доход использовали на нужды мечети и обслуживающего персонала. Земли обрабатывались крестьянами. Кроме того, мечети имели доход от «вакуфных» земель и «заката», т.е. $\frac{1}{10}$ сбора урожая крестьянина. В зависимости от общего наличия скота в пользу мечетей выделялся также крупный и мелкий рогатый скот»¹. С.Ш. Гаджиева также отмечала, что кумыкское духовенство, отнесенное ею к господствующему классу, «кроме своих мюльков пользовалось вакуфными, или примечетскими землями... распоряжалось значительной частью «заката», получаемого от крестьян в размере десятой части их урожая, а также от других доходов крестьян»².

Об Аварии Х.-М.О. Хашаев писал: «Духовенство в Аварии было многочисленным и пользовалось огромным влиянием на население. Оно было сильно и экономически, так как всякие поборы от населения, прямо предусмотренные шариатом, не только обеспечивали нужды духовенства, но и давали возможность накапливать богатства. Многие кадии и дибирь имели свои крепкие хозяйства, в которых работали верующие. Духовенство не только экономически, но и идейно поработало трудящихся». Как отмечал далее Х.-М.О. Хашаев: «Фольклор разоблачает жадность, обман, ложь и недостойные поступки духовенства», для подтверждения чего он привел одну притчу, согласно которой по наставлению дибира, чтобы вызвать дождь, все женщины селения должны были по возвращении в селение после моления приготовить много еды, для раздачи в качестве милостыни. Придя домой после вечернего намаза, дибир застал жену, приготовившую много еды, он «разъяренный, бросился бить ее за то, что она расточительна. Рыдая, жена ответила ему, что ведь он сам целый день наставлял готовить по-

больше еды, чтобы раздать милостыню; дибир ответил ей: «Это не относится к тебе – жене дибира»¹.

Об эксплуатации рядового узденства и зависимого населения Дагестана в связи с наличием у мечетей земельной собственности – вакуфа, а также и других формах эксплуатации духовенством рядовых членов общества Дагестана вообще Г.Г. Османов писал так: «Все тяготы по наблюдению за вакуфным имуществом, по обработке земли, сбору урожая, по доставке дров для мечетей, по ремонту домов, мельниц и т.д. и т.п. лежали на крестьянах. Духовенство осуществляло лишь надзор за аккуратным поступлением доходов. Широко практиковалась также сдача вакуфов в аренду»².

Нельзя не отметить еще интересный момент по вопросу о дагестанском мусульманском духовенстве – наличии среди определенной части, подобно среди беков, первостепенных, т.е. рожденных от равных себе женщин и не равных, рожденных от других женщин. По этому поводу В.Линден писал: сеидами (сеид – господин, глава, старшина) мусульмане обычно называют потомков Магомета. Сунниты именуют сеидами потомков Абу-Бекра, Омара и Османа... Сеиды делятся на две группы: к первой относятся те из них, у коих как отец, так и мать были сеидами, а к другой – так сказать «неполные» сеиды (шарифы), только один из родителей которых был сеидского происхождения³. Он отмечал также, что среди населения сеиды пользовались почетом, не вносили никаких податей и не отбывали никаких повинностей и что это была наиболее существенная привилегия их⁴. Еще ранее С.М. Броневский также отмечал, что хотя духовенство находится в «глубочайшем невежестве, однако всякое в своем кругу имеет приличную власть и уважение», что он объяснял причиной «малого просвещения жителей и чрезмерной их склонности к суеверию». Духовенство С.М. Броневский относил ко второму классу «народного состояния», но при этом ошибочно считал, что муллы посылались «боль-

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.177.

² Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.111.

¹ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй... С.157.

² Османов Г.Г. Указ. соч. С.150.

³ Линден В. Указ. соч. С.294.

⁴ Там же.

шею частию из Турции»¹. Причем по занимаемому в обществе положению духовенство он ставил выше «дворянства», в составе которого вместе с узденями, азнаурами и мурзами он перечислял беков².

После присоединения Дагестана к России положение мусульманского духовенства заметно изменилось, «оно быстро потеряло все свои преимущества». Понимая роль мусульманского духовенства в политической жизни общества, царские власти в Дагестане приняли ряд мер, направленных на подрыв позиций духовенства. Из ведения духовенства были изъяты уголовные дела, чем был нанесен чувствительный удар по экономическому положению и моральному весу кадиев, творивших суд по шариату. Духовные лица стали назначаться царскими властями.

Конечно, царские власти относились к различным духовным служителям по-разному. Тем из них, которые были верны царскому престолу, назначались пенсии и жалованья, их одаривали землей и различным имуществом наравне с ханами и беками. В то же время царские власти лишали сословных привилегий низшие слои духовенства, с них стали взимать подати³. Естественно, это не могло не вызывать недовольства духовенства. Управляющий гражданской частью дербентского военного губернатора генерал-майор Минквиц писал по поводу намерения изъять из ведения духовенства гражданские дела: «Исключение из шариатского разбора исковых и тяжёбных дел не семейных... возбудило бы ропот... со стороны мусульманского духовенства за то, что оно потеряло бы доход, доставляемый ему разбором споров и тяжб, возникающих между их единоверцами, значением какового ропота не должно пренебрегать, особенно при настоящих высших обстоятельствах»⁴, т.е. в условиях Кавказской войны.

В связи со сказанным Г.Г. Османов, который цитирует приведенный выше документ, писал: «Недовольство мусульман-

ского духовенства, особенно его низших слоев, приняло такой широкий размах, что в конце концов царские власти вынуждены были пойти на уступки» – «судебное разбирательство споров и тяжб между мусульманами», согласно решению Совета Главного управления Закавказского края от 1856 г., следовало «проводить в том суде – в шариатском или в присутствии судебном – по выбору самих мусульман»¹. Вместе с тем, колониальные власти, чувствуя влияние духовенства на верующее население, «стали всеми мерами привлекать духовных лиц на свою сторону и опираться на них в проведении своей политики»².

В таком состоянии находилось дагестанское высшее мусульманское духовенство, согласно существующим источникам и литературы, где оно показано как действительный представитель класса феодалов, имевший и земельную собственность, и различные права, отличающие его от крестьянской массы и ставящие его в один ряд с другими сословными группами феодалов.

К феодальной знати Дагестана относилась и выделившаяся в союзах сельских общин богатая верхушка джамаатов, среди них одни уже в исследуемое время ничем не отличались от настоящих феодалов, другие находились на переходной стадии. По мнению Р.М. Магомедова, выделение земледельческой знати аварских союзов сельских общин происходило в двух направлениях. В одних из них усиленный процесс выделения земледельческой и скотоводческой знати происходил еще в XVIII и первой половине XIX в., а в других – процесс превращения патриархально-феодальной знати в феодалов к этому времени был уже в основном завершен. В XVIII в. здесь произошло выделение особых феодальных династий³. Типичным представителем такой знати, например, в Тинди был Динга Хаджи, который был феодалом, пользовавшимся «определенной формой господства, имевшим экономическую силу и поли-

¹ Броневский С. Указ. соч. Ч.1. С.46.

² Там же. С.46.

³ РГВИА. Ф.ВУА. Кол.482. Д.101. Л.16.

⁴ ЦГА РД. Ф.3. Оп.1. Д.24. Л.2-3. Османов Г.Г. Указ. соч. С.151.

¹ ЦГА РД. Ф.3. Оп.1. Д.24. Л.13. Османов Г.Г. Указ. соч. С.151.

² Там же.

³ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.55; Его же. История Дагестана... С.215.

тическую власть», «превратившимся из племенного вождя в князя. По преданию, Динга Хаджи был крупным работорговцем, владельцем больших отар овец, пастбищ и пахотных участков; он имел четыре жены, был неограниченным властелином в обществе». Г.Д. Даниялов, чьи слова приведены выше, восклицает: «Как иначе, чем феодалом, можно назвать такого предводителя набегов, наводившего ужас на Грузию?»¹ Знатнейшим лицом в Джурмуте в это время был Мама Шабан².

Интересный пример, как старшина одного из тухумов в сел. Батлух становится типичным феодалом, привел Х.-М.О. Хашаев. Он писал, что в этом селении по согласию двух других тухумов старейшина третьего тухума Агатилал был избран ханом Батлуха, и он стал называться Балук-ханом. Только он один имел право молотить хлеб в селении, остальным запрещалось возить снопы в селение. Он сам женился на дочери аварского хана и выдал свою дочь Монаршал-Урижа за одного из беков аварского ханского дома³, что является показателем возвышения этого бывшего старейшины узденского тухума до уровня правителей феодальных владений, которые считали его равным себе, почему и вступил с ним в родственные связи аварский хан.

Выделение феодальной (фактически) и феодализирующей-ся знати происходило в союзах сельских общин всех народов Дагестана. Именно эта часть джамаатов союзов захватила общинное управление, стала привилегированной частью общества, превратив управление общиной в наследственное в своем тухуме или в семье. Наиболее наглядным примером этого может быть акушинский кадий, являвшийся одновременно правителем федерации пяти верхнедаргинских союзов сельских общин, известной под названием Акуша-Дарго. В источниках указывается, что звание акушинского кадия «до русского управления было наследственным в роде или тухуме кадиевском»⁴. Кадием Акушинского союза выбирался представитель

¹ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.46, 47.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д.6528. Ч.2. С.2. С.110.

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.138.

⁴ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Ед.хр.7. Л.8.

из тухума Верхнего аула (Хьарша) Кьадихьали и «такого случая, чтобы обошли в выборе род кадиевский при выборе главного кадия не было примера»¹.

Подобно в феодальных владениях Дагестана, в которых их правителям подчинялись беки, в Акуша-Дарго акушинскому кадию подчинялись все кадии союзов Цудахар, Мекеги, Усиша и Муги, они находились «в зависимости от главного даргинского кадия»², он «решал с советом старшин важнейшие общественные дела, управляя притом духовною властью»³. Акушинский кадий являлся верховным правителем, судьей, военачальником. Он следил за соблюдением норм шариата и адата, разбирал споры между обществами, входившими в Акуша-Дарго, он «имел право подвергнуть личному разбирательству те или иные споры, возникающие не только между отдельными общинами, но и между частными лицами»⁴. К нему апеллировали по всем спорным вопросам, которые разбирали духовные и гражданские суды⁵. В функции власти акушинского кадия входили также сбор ополчения и начальствование над ним. Акушинский кадий был главным лицом при коронации шамхала Тарковского, на которого он надевал специальный головной убор.

Все функции власти акушинского кадия очень схожи с функциями власти феодальных владетелей Дагестана. И не случайно в источниках он называется «владельцем», «владельцем»⁶, что дает нам основание ставить акушинского кадия в один ряд с феодальными владетелями Дагестана. Как писал Р.М. Магомедов, превратив «публичную власть», которую он

¹ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Ед.хр.7. Л.8.; РГВИА. Ф.205. Оп.1. Д.139. Л.10; Ф.ВУА. Д.6514. Л.39; Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С.12.

² Гене Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. С.346; РГВИА. Ф.ВУА. Д.6164. Ч.93. Л.8.

³ Там же. Ф.414. Д.301. Л.416.

⁴ Ковалевский М.М. Указ. соч. Т.2. С.263.

⁵ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Ед.хр. 7. Л.8.

⁶ Микрофильмы архивных материалов, извлеченных В.Г.Гаджиевым из АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1730 г. Д.16. Л.253 // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д.3141.

получал от общины, «в средство внеэкономического принуждения и феодального произвола», акушинский кадий, «бывший главой для всех кадиев Акуша-Дарго, быстро становится типичным феодалом»¹.

Возвысились в своих союзах кадии Цудахара, Сюрга, Урахи, Ицари, Согратля, Анцуха и других союзов сельских общин, которые также превратили свою власть в наследственную и имели в своих союзах большую власть, решая все важнейшие дела общин и взаимоотношения их жителей.

Остановимся на примерах по другим союзам сельских общин. В Южном Дагестане, как писал Р.М. Магомедов: «В Ахтах и Кюре с древних времен существовала феодальная знать, она пользовалась всеми привилегиями земельных собственников и, прикрываясь адатами, эксплуатировала местное население»². В Ахтах, например, жители квартала кулияр, являвшиеся переселенцами из Цахура, Зрыха, Караку и Убарына, платили харадж и выполняли некоторые полевые работы на ахтынцев³. Другой квартал Ахтов назывался Гьакъар, что значит «те, кто платит дань»⁴. Р.Г. Маршаев писал, что в Гюнейской части Ахтов помимо аксакалов, являвшихся наследственной в прямой нисходящей линии феодальной знатью, выделилось еще одно привилегированное сословие так называемых бахтичяров, «приобретшие богатство путем грабежа соседних лезгинских селений и набегов на другие места». Он сравнивал бахтичяров с первостепенными узденями феодальных владений Дагестана и указывал, что они в основном являлись выходцами из богатых узденских тухумов – Кабанар, Касрияр и Сирияр⁵. Это была своего рода военно-служилая знать, благодаря которой были подчинены Ахтынскому обществу другие села самурских лезгин.

¹ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып.1. С.100.

² Магомедов Р.М. История Дагестана... С.224.

³ Панек Л.Б. Ахты как экономический, политический и культурный центр лезгин Самурской долины // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.30. Оп.3. Д.3. Л.119.

⁴ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С.69.

⁵ Маршаев Р.Г. Указ. соч. С.115.

И в других союзах сельских общин наблюдается в исследуемый период выделение общинной феодализирующейся знати. В сел. Муги (Акуша-Дарго) само узденство делилось на две группы – имеющие домостроение (юртла беглти) и не имеющие домостроения (юрт агарти). Старшин-судей выбирать имели право только первые, у которых было 4 тухума. В Цудахаре наиболее влиятельными также были 4 тухума. В Цудахаре жил некий Сулибанилов, относящийся к той разбогатевшей тухумной верхушке, из числа которой избирались хулелы (старшины) и кадий¹. В сел. Чиркей знатными считались потомки тухумов Пирсулал и Буралал или Урусилал². Еще в 30-е гг. XX в. Б.К. Далгат в Тидибе наблюдал «интересное явление, указывающее на неравенство между собой различных тухумов и выделение одного тухума более сильного, господствующего, как бы правящего над другими, своего рода феодального тухума»³. В ряде сел Гидатлинского союза была правящая верхушка, известная как Шамхалы. Привилегированные тухумы имелись в Салта, Корода, Арчибе, Салатавии и т.д. В лезгинских селениях влиятельными тухумами были: в Курахе – Мирчияр, Мангарар, Тахэр и Кадияр; в Гельхеме – Кабулар; в Ашаре – Чирахляр; в Кабире – Куруджияр и Казаглар; в Гильяре – Перер и т.д. Только они выдвигали на высшие административные должности своих представителей⁴. В муйринских селениях Чишили и Ираги богатые и влиятельные тухумы, от которых зависели другие тухумы, назывались Чанклаби, в сел. Дзилебки – талхъунти, т.е. их называли так же, как и феодалов⁵. В центре союза Гапш – сел Уркарах привилегированным был тухум Къанцабар, который имел большие богатства (в особенности крупного рогатого скота) и правовые преимущества⁶. В сюргинском сел. Урари – центре союза главным тухумом был Хулатта-кади, затем Багамма-кади, Омар-кади и Алай. Пользуясь своей много-

¹ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып.1. С.106-107.

² Полевой материал, собранный нами в 1972 г.

³ Далгат Б. Обычное право и родовой строй народов Дагестана. 1934 // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.1. Д.22. Л.37.

⁴ Памятники обычного права... С.41-42.

⁵ Полевой материал, собранный нами в 1966 и 1968 гг.

⁶ Памятники обычного права... С.33.

численностью, тухум Алай захватил лучшие сенокосные и пахотные земли¹.

Как и повсюду в период феодализма, феодальная и феодализирующаяся общинная знать союзов сельских общин сосредоточила в своих руках, кроме земель и скота, и всевозможное богатство. Говоря словами Ф.Энгельса, в союзах сельских общин происходил процесс, когда «всякое богатство, состоящее из движимости, в то время, естественно, зависело от обладания землей и все больше и больше скоплялось в тех же самих руках, что и земельная собственность»². Это, конечно, в первую очередь военная добыча, состоявшая из разнообразных вещей, ценностей, скота и пленников, которых превращали в рабов или обменивали и продавали за земли, скот, деньги и разнообразные вещи. Поэтому знать союзов сельских общин с охотой принимала участие в походах феодалов за пределы Дагестана и в их междоусобицах, за что получала, кроме добычи, плату от нанимателей. Так она еще больше обогащалась и разрыв между ею и рядовыми общинниками все больше и больше увеличивался. В сел. Кубачи, например, основатель тухума Акайлы «был умен и храбр» и он еще больше обогатился участвуя в походах за пределы Дагестана на стороне уцмиев кайтагских, в частности с уцмиями «Радзи, Амир-Гамзе и Мама», как сказано в источнике, «с последними он часто делал набег на Грузию»³.

Часто именно такие богатеи, как Акайлы, становились кадиями и старшинами в своих джамаатах и союзах сельских общин.

В источниках изучаемого периода они – богатеи, старшины, как и правители дагестанских феодальных владений, известны как амары, т.е. правители. Это говорит о том, что старшины по своему положению сравнивались с местной знатью и фактически превратились в особое сословие. Такими, например, были Али-бек и Хаджи из селения Орота, Маллачилав из Унцукуля, Курбан из Карата, Магомед, сын Али Мола из Бала-

¹ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып. II. С.220.

² Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.19. С.497.

³ Памятники обычного права... С.17.

хани, Мола Магомед из Ирганая¹, Мама Шабан из союза Джурмут, Харанчи Али Абдурахман и его сын Зага из Ругельда, Муртузали и Потберов из Урада² и т.д.

Выделение общинной знати, сосредоточившей в своих руках не только земли, скот и огромное богатство, но и политическую власть, привело к различного вида зависимым отношениям и эксплуатации рядовых, в особенности обнищавшихся и малоземельных общинников, вынужденных в силу отсутствия или недостаточности средств существования, попадать в зависимость от своих же сородичей и односельчан. Кроме того, общинная знать широко применяла в своем хозяйстве труд рабов³.

§ 8. Служилая группа дагестанских феодальных владений

В историографии, ни в одном исследовании, посвященном периоду феодализма и изучению классов и сословных групп, не выделяются как особая группа служилые люди. Они, как правило, даются при характеристике административного управления той или иной феодальной структуры и главным образом структуры управления феодальных правителей. Между тем, если исходить из того, что феодальные владения Дагестана являлись небольшими государствами и ставить аналогии с любым государством, где среди других классов и сословных групп выделяются и государственные служащие, как особая группа населения, выражающая интересы государства и господствующего класса, то мы считаем логичным выделить служащих феодальных правителей в особую группу под названием служилая группа феодальных владений Дагестана. Служилые люди имелись во всех феодальных владениях Дагестана, где больше, где меньше. В целом они были схожи между собой и даже в боль-

¹ Мирзамагомедов Г.М. Эволюция института «ка'ида» в политической структуре Дагестана // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1982-1983 гг. (27 апреля 1984 г.). Махачкала, 1984. С.37.

² РГВИА. Ф.ВУА. Д.6528. Ч.2. С.110, 231, 239.

³ Агларов М.А. Сельская община... С.114.

шинстве случаев носили одни и те же названия, как, например везир, назир, мурза, посланник, представитель, доверенное лицо, служащий, слуга, секретарь (все это по русским источникам) и т.д. Причем в качестве служащих феодальных владетелей выступали их родственники (сыновья, братья, дяди), представители знатных и богатых семей, представители высшего мусульманского духовенства, уздени и т.д.

По сравнению с другими сословными группами класса феодалов служилых людей в феодальных владениях было немного, так как эта группа в основном не была наследственной знатью, получившей какую-то должность у феодального правителя после смерти отца или другого служилого человека. И главное – этих служебных постов или должностей в любом феодальном владении было немного и их численность, хотя и зависела от величины владения и личного двора владетеля или правителя, даже в самом большом из них, например, в Тарковском шамхальстве, было не так много. Да и в их многочисленности на практике и не было необходимости. Если даже допустить, что в каждом дагестанском феодальном владении приблизительно их было 10 человек, и то по всему Дагестану их набралось бы не более 150 человек.

Но служилыми правителей были и нукеры-дружинники, которые имелись у всех феодальных владетелей, некоторые из которых имели постоянно по 200-300 человек. Если даже в среднем предположить приблизительно наличие нукеров 100-150 человек в каждом феодальном владении, то получится внушительная цифра – 1500-2500. А если учесть и то, что фактически дружинниками были и так называемые «княжеские» сала-уздени засулакских владетелей – князей, эта цифра увеличится еще больше. Так что, если мы решили исследовать вопрос о служилых отдельно, то думается это оправдано и здесь нет никакого криминала.

Надо полагать, что служилые люди появились, как отдельная социальная структура общества, с образованием первых государственно-политических структур, так как правителям нужны были люди, обслуживающие их, нужны были помощники для управления народом, в общении с другими политическими структурами, нужны были люди, охраняющие их. И это естест-

венно, ибо выделение руководящей личности требовало и появление его окружения, людей, помогающих ему, людей, проводивших его политику и претворяющих его решения.

Что у первых феодальных владетелей были дружинники не вызывает сомнений. Но о других служилых особах источники не говорят, хотя не может быть сомнения, что владетели имели свое окружение, которое проводило их политику. Первые упоминания о служилых людях владений Дагестана дают нам историографы Тимура Низам ад-Дин Шами и Шереф ад-Дин Йезди. Согласно первому из них, после того как в 1396 г. был убит предводитель Газикумуха к Тимуру прибыли с изъявлением покорности и «признанием своей вины» «эмиры гази-кумуков, ходжи и вельможи»¹. Шереф ад-Дин Йезди по-иному писал об этом событии – «... в это время пришли старшины (калантары) казикумухские и аухарские (т.е. аварские. – Б.А.) вместе с тамошними кадиями и вельможами (акабир)»².

Комментируя сказанное, А.Р. Шихсаидов пишет: «Амиры, упоминаемые в тексте, это представители шамхальского дома, стоявшие, очевидно, во главе отдельных отрядов шамхальского войска. Это наиболее влиятельная и самостоятельная часть феодальной верхушки после шамхала и крым-шамхала, точнее – беки, хотя этот термин и не употреблен. Представители духовенства названы казиями (или ходжи), а «вельможи (акабир) – это, по всей вероятности, представители богатой сельской верхушки»³. Под «калантарами», он полагает, имеются в виду предводители «отдельных отрядов аварского и кумухского войска»⁴. Соглашаясь со всем сказанным, можно предположить, что под вельможами имелись в виду и служители шамхала и аварского нуцала, как это было и в поздних источниках.

А.Олеарий, побывавший в Дагестане в 30-е гг. XVII в., писал, что когда шли по территории уцмия Кайтага, их встретил

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М., Л., 1941. Т. II. С. 124.

² Там же. С. 186.

³ Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975. С. 133-134.

⁴ Там же. С. 134.

сын князя Рустама с 15-ю всадниками в латах¹. Затем, описывая Тарковское владение, он писал, что рядом с правителем Тарки Сурхай-ханом «живут еще другие мурзы, его двоюродные братья. Младший из них, сын его брата, Имам-мирза, управлял также частью города»².

Первые упоминания о служилых людях по изучаемому периоду различных феодальных владений равнинного Дагестана мы встречаем у А.И. Лопухина, проходившего через эти земли в составе русского посольства в 1718 г. Первым владением, через которое проходило посольство, было Дербентское, и он писал, что дербентский султан присылал к ним «своего писаря Мурзу»³.

Когда посольство было еще в Дербенте, уцмий прислал сюда своего дворецкого по имени Сали, «которой по приезде своем был у нас и поздравлял от усмия дворенину»⁴. В других местах он дается как Салей, а также как «усмиев назырь»⁵. В Дербент приехал также «от Алдигирея свойственник ево Аджи Челпуг», который сообщил, что «завтра будет от усмия везирь да назырь к салтану с тем», чтобы взять их с собой «и проводят до Тарков сохранно»⁶. Причем этот служилый Адиль-Гирея – Аджи Челпуг имел «свою деревню Молукент ... блиско Дербени»⁷. Далее из описания А.И. Лопухина видим, что функции государственных служащих выполняли и родственники уцмий. Он сообщал, что «от границы дербентской поехали» они с «уцмиевым братом и сыном ево» в Кайтагское уцмийство⁸. Брат уцмий и его сын встречаются у А.И. Лопухина и при описании других различных событий. В качестве служилых людей у уцмий, которые должны были провожать и охранять русское посольство до владения буйнакского Муртузали, брат уцмий и его сын оставили двух «знатных мурз и с ними человек с 20 лю-

¹ Олеарий А. Указ. соч. С.495.

² Там же. С.498-499.

³ Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.21.

⁴ Там же. С.23.

⁵ Там же. С.24-25.

⁶ Там же. С.26.

⁷ Там же. С.15.

⁸ Там же. С.31.

дей...»¹ А когда ехали в Буйнак, к посланникам пришли «дятка Муртузалеев и салтан Мамутовы, два человека знатные, усмиев брат двоюродной», а потом утамышский «салтан Мамут великим людством»². По пути в Буйнак на русских посланцев напали «салтан Мамут, сам усмиев брат двоюродной с людьми усмиевыми, Муртузалеев дятка с людьми Муртузалиевыми»³. Среди убитых был и «один знатной мурза именем Мамулай, которой дяткою был у салтана Маамута»⁴. Отмечая, что в Тарках были невольницы из русских, А.И.Лопухин писал, что они жили у мурз. Причем он писал, что мурзы являлись «люди знатные»⁵. Когда посольство пришло к Тарки, дербентский султан прислал «два человека ис курчиев для проводывания (выяснения. – Б.А.)... грабежу... кто ... такое бедствие учинил»⁶. Сюда же приехал и посланец аксаевского правителя «салтан Мамута... один мурза» по имени «Акшай, которой привез к дворенину письмо от терского каменданта»⁷.

К этому же времени, т.е. к периоду до похода Петра I в Прикаспие, относятся сведения о служилой группе шамхальского окружения. В предписании Петра I Астраханскому губернатору А.П. Волынскому от 11 марта 1720 г. говорится о посланце шамхала Адиль-Гирея Мамет-беге, Алыпкачеве сыне, как брате шамхала⁸, а в грамоте Петра I к шамхалу Адиль-Гирею от 11 марта 1720 г., кроме него, указан и уздень Ахмет, являвшийся также посланцем правителя шамхальства. Причем в конце грамоты отмечено, что с Мамет-бегом были и уздени⁹. В письме шамхала Адиль-Гирея канцлеру графу Г.И. Головкину от 23 января 1721 г. сказано о посланцах шамхала Айдаре-Ага и Имам-Бердее. Причем второй из них назван секретарем

¹ Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.32.

² Там же. С.34.

³ Там же.

⁴ Там же. С.52.

⁵ Там же. С.42.

⁶ Там же. С.43.

⁷ Там же.

⁸ Русско-дагестанские отношения... (1958). С.233.

⁹ Там же. С.234-235.

шамхала¹. В одном из прощений шамхала Адиль-Гирея от 23 января 1721 г. его посланцем опять назван брат Мамет-бег. В письме шамхала Адиль-Гирея Петру I от 16 августа 1722 г. сказано, что русские солдаты «взяли ясырей у везира моего 3 человека, да и дворецки 4 человека»², т.е. это свидетельство наличия у шамхала государственных чиновников – везира и дворецкого. Причем везиров было у шамхала несколько, что видно из его письма Петру I от 16 августа 1722 г., где сказано: «Еще прощение к стопам вашего величества мое нижайшего было об моих двух везирей, а именно о шейхе Мухамет-Шерифе и Мухамет-Салихе, которым прежде всего от шаха бывало жалованье так же и обнаджены они были, что и от вашего величества будут они удостоены вашего величества жалованьем, когда прибудет в Терек астраханской губернатор»³. Везиры шамхала упоминаются и в других письмах шамхала Адиль-Гирея⁴.

Из прощения уцмия Ахмед-хана к Петру I от 23 августа 1722 г. мы узнаем, что он послал в Санкт-Петербург с двумя лошадьми «Мирзу-бека, Востек-Акая и Хойчу-Акая»⁵.

Служилые люди правителей Дагестана упоминаются и в источниках послепетровского периода. В частности, такие сведения имеются в работе Я.А. Марковича, находившегося на военной службе в Дагестане в 1725-1727 гг. в чине полковника. На разных листах работы упоминаются различные служилые лица, в частности «толмач шамхалов», пришедший в русский лагерь с сообщением, что шамхал «пришлет аманатчиков»⁶. В другом месте он писал, что шамхал «з своим узденями послан под караулом в крепость ст. Креста»⁷. Далее он писал о приезде в русский лагерь «племянника шафкальского» «з своими узденями» и дал присягу «на верность ее величеству»⁸. Он писал также о служилых людях уцмия Кайтага, который прислал по-

¹ Русско-дагестанские отношения... (1958). С.238.

² Там же. С.248-249.

³ Там же. С.250.

⁴ Там же. С.263, 275.

⁵ Русско-дагестанские отношения... (1988). С.38.

⁶ Дагестан в известиях... С.177-178.

⁷ Там же. С.180.

⁸ Там же. С.181.

сланца с сообщением, что «аманатов отдал уже в Дербен»¹. Затем приехал он сам «з 500 человек»². Интересно следующее сообщение Я.А. Марковича: «Посилание (т.е. посланцы. – Б.А.) сегодня отсюда до с усмея, повернулись купно (вместе. – Б.А.) з Узденем ближайшим усмеевим, башлибек, то есть городка Башли первый з начальник называючимся»³. Узденем, как видим, здесь назван градоначальник центра уцмийства Башли. Не может быть сомнения, что это крупный и знатный служилый чиновник уцмия узденского происхождения. В грамоте Анны Ивановны уцмию Ахмед-хану от 8 сентября 1730 г. она сообщала, что ею был принят его посланник Шамседин-ага⁴.

Уздени на службе у феодальных правителей были и в других владениях. Так, по свидетельству того же Я.М. Марковича, в русский лагерь владелец «буднацкий (буйнакский. – Б.А.), Мадий, сын Муртузалея брата шафкалового,.. в племянник шафкальский, приехал в лагерь з своими узденями и присягу» принял «на верность ея величеству»⁵. По его же сведениям, арестованный шамхал Адиль-Гирей, как было отмечено выше, был «послан под караулом в крепость ст.Креста ... з своими узденями»⁶, которые, надо полагать, являлись служилыми шамхала.

В письме астраханского губернатора А.С.Жилина от 31 января 1760 г. кизлярскому коменданту И.Л. Фраундорфу сообщалось, что Фатали-хан прислал «человека» по имени Кебек-бек. Из Аксая в мае 1762 г. в Кизляр для торговых дел прибыли «уздени» князя Каплана: Сеит Фазулаев, Кулиш Баксанов, Аксай Аташев, Абдулла Чучеков и Али Уршанов, а из Эндирея – уздень князя Темира Баммат Шафиев. Упоминаются везир шамхала Абдулла, а также некие Агали Халабердыев с «одним товарищем», отправленный в Костек и Чопан Алавердыев, отправленный в Аксай «для вымену хлеба». В июле 1763 г. в Кизляр из Аксая прибыл посланец Кады Утешев. В рапорте ко-

¹ Дагестан в известиях... С.181

² Там же. С.190.

³ Там же. С.189.

⁴ Там же. С.61.

⁵ Там же. С.181.

⁶ Там же. С.180.

мандующего на Кавказской линии П.С. Потемкина от 1 января 1783 г. заместителю астраханскому и азовскому Г.А. Потемкину сообщалось о прибытии в Астрахань «ближайшего ханского (Фатали-хана. – Б.А.) чиновника Кызырбека. Тогда же упоминается посланник Фатали-хана Юзбаши-бек. По другим данным за март 1786 г., везиром шамхала Бамата был Лаварслан, а чиновником – некий Гасан, почетным чиновником уцмия – Магомед-Али, чиновником Ума-хана – Даду, чиновником Фатали-хана – Мирза Садыки, опять упоминается везир шамхала Лаварсан, почетный чиновник уцмия Магомед-Али, посланец уцмия Устар-хан, посланник Хамзы, «посланники» шамхала в Петербург Лаварслан, Садыки Умар, мурза Умукай. В различных документах как чиновники упоминаются и эмчеки казанищенского владетеля Бамата – Муташ, «ближайшие эмчеки шамхала Баба и с ним Ибрагим и Пулат его «ближайший человек» Ага Усейн, посыльный Алхас¹ и т.д. и т.п.

Приведем еще один документ общедагестанского значения, где даны служилые чиновники многих феодальных владетелей, которые от их имени заключили (подписали) договор в Георгиевске 28 декабря 1802 г. Среди них были: чиновник Шихали-хана Медет-бег; чиновник шамхала Мехти Ирза-бек; уцмия Кайтага Рустем-хана чиновник Ахмет-ага; другого «правителя округа сей» Рази-хана чиновник Узней-бек; владетеля Табасарана, кадия Рустем-хана чиновник Мамед-бек; «высокостепенных сей же Табасаранской округи владельцев Сохраб-бек маасума, чиновник его Нур-Мамед-ага Мустафаев и Махмуда, брата владетеля округи Табасаранской, кадия, чиновник его Шихмулла»².

Может возникнуть вопрос, для чего все перечисленное дано так довольно подробно. На этот вопрос можно ответить очень просто – приведенные сведения показывают, что у феодальных владетелей была целая группа, состоявшая из выходцев различных слоев населения, которые привлекались для выполнения той или иной государственной работы. Это прежде

всего близкие родственники феодальных правителей – сыновья, родные и двоюродные братья, дяди, известные в приведенных источниках как мурзы, знатные люди из окружения феодальных владетелей, занимавшие должности везиров и назиров, и даже люди, жившие в других местах, а не в резиденциях владений, чиновники, посланцы, «ближние люди», «ближние эмчеки» и, конечно, дружинники-нукеры, постоянно сопровождавшие владетелей и их чиновников, когда они выезжали для выполнения того или иного задания.

Но для полноты списка служилой знати, чиновников дагестанских владетелей считаем необходимым более конкретно остановиться на основных феодальных владениях, так как приведенные материалы не дают полной картины, в них отсутствуют сведения о чиновниках владений Засулакской Кумыкии, Казикумухского, Аварского, Дербентского, Мехтулинского и Кюринского ханств, Илисуйского султанства и т.д. И, кроме того, в них не дается характеристика всех служилых чиновников, которые находились в различных феодальных владениях, хотя и из приведенных выше сведений видно, что круг служилых людей феодальных правителей был довольно широким, начиная с главных из них везиров и назиров и кончая посланцами, которыми могли быть и высокопоставленные чиновники, привлекавшиеся для важных сообщений к российским царям и высокопоставленным царским чиновникам на Кавказе.

Больше всего сведений о служилых людях по кумыкским владениям, которые и больше были связаны с Россией и постоянно их владельцы посылали в столицу и другие города, в частности Кизляр, своих представителей – служилых людей для решения различных вопросов. Большое внимание характеристике служилых кумыкских владений уделили в своих исследованиях Р.М. Магомедов, С.Ш. Гаджиева и А.С. Акбиев. В их работах часто даются сведения об одних и тех же персонах, являвшихся служителями шамхала Тарковского или князей засулакских владений. Но прежде отметим, что встречающиеся нередко в качестве служилых мурзы, по мнению Р.М. Магомедова, являлись наиболее высокопоставленными служилыми представителями класса феодалов. Он приводил примеры, когда мурзы находились при родственниках феодальных правителей

¹ Русско-дагестанские отношения... (1988). С.91, 103, 130, 143, 145, 175, 187, 181, 189, 191, 208, 210, 215, 216, 224, 243.

² Там же. С.258.

Кумыкии, в частности шамхала Тарковского, в свою очередь, при мурзах находились уздени, как об этом писал Р.М. Магомедов на основе архивных источников, приведя пример о прибытии в Казань мурзы шамхала Адиль-Гирея по имени Баммат Алыпкачев, при котором было «узденей пятнадцать человек»¹. Анализ использованных им источников привел Р.М. Магомедова к выводу, что «в мурзах надо видеть определенную прослойку господствующего класса»². Продолжая рассуждать о мурзах, он остановился также на вопросе их происхождения и писал, что они «не могли принадлежать ни к шамхальскому, ни к бекскому домам, хотя стояли ближе к ним, чем, например, сала-уздени и были более почетны»³. И далее, он писал: «Но если учесть, что мурзы у всех тюрко-татарских народов этого времени считались дворянами, то можно строить предположения и в отношении кумыкских мурз. Можно полагать, что термин «мурза» – остаток господства татаро-монгольской эпохи. Носители этого звания очевидно в свое время занимали видное место, но с течением времени потеряли его. Так, по-видимому, было и с кумыкскими мурзами. Еще в XVIII веке они продолжали свою роль в прежнем наименовании, но впоследствии совершенно растворяются в общей массе первостепенных узденей»⁴.

С.Ш. Гаджиева не писала и мурзах, а А.С.-М. Акбиев, также исследуя кумыков, пишет, что в документах по русско-дагестанским отношениям «обычно вслед за именем указывается и титул – бек или мурза, если человек, упоминаемый в грамоте или письме, был из числа знати. Рядом с именами шамхальских визирей нет титула бек или мурза, следовательно, как нам думается, они не были представителями бекского сословия»⁵.

На высшей ступени служилой знати о Кумыкии находился везир. «Везир был вторым лицом после шамхала»⁶. Еще

¹ РГАДА. Ф. Колл. ин. дел «Кумыцкие дела». 1719. Д. б/н. Л.1-2. Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.176.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Акбиев А. Кумыки... С.95; Его же. Общественный строй... С.168.

⁶ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.193.

Э.Челеби писал об этом, когда отмечал, что на советах, которые шамхалом созывались периодически для решения важных дел, где присутствовали наиболее влиятельные феодалы, везир Таки-хан перечислен среди них – «ханов правителей страны», первым¹. Интересно, что, по имеющимся сведениям, в шамхальстве было несколько везиров. Так, в годы правления шамхала Адиль-Гирея везирами были: Мухамет-Салих, шейх – Мухамет-Шариф, Айди и Имам-Верди, о которых было сказано и выше. Называя их «высшими сановниками», Р.М. Магомедов писал, что они находились не на одинаковом положении. «Быть может, шамхалы, подражая восточным правителям, завели себе сразу нескольких везирей, один из которых играл роль главного»². Чаще всего из указанных везиров в XVIII в. упоминается в документах Мухамет-Салих, а остальные стояли за ним. «Можно полагать, – писал Р.М.Магомедов, – что Мухамед-Салих был своего рода премьер-министром шамхала». А Мухамед-Шариф, «являясь шейхом, сочетал в себе духовный сан с гражданскими делами»³. Везиры, как видно из перечисленных документов, решали важные государственные дела, выступая «как вполне официальные лица»⁴. Так, один из упомянутых выше везир Айди (или Айдар) встречается еще и как секретарь шамхала⁵. Кроме того, на что обратил внимание и А.С. Акбиев, «некоторые из визирей исполняли свои обязанности при двух шамхалах, как, например, Абдулла, который долгое время был визиром шамхала Хасбулата, а затем занимал ту же должность при шамхале Магомедом»⁶, или Лаварслан, бывший везиром при шамхалах Муртузали и Бамате⁷. «По-видимому, – пишет А.С. Акбиев, – это были опытные политики, пользующиеся влиянием среди феодалов»⁸. Он пишет и о наличии у везиров широких полномочий, в частности, что они исполняли и карательные

¹ Челеби Э. Книга путешествия. М., 1979. Вып.2. С.109-110.

² Акбиев А. Кумыки... С.95; Его же. Общественный строй... С.168.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.194.

⁴ Там же. С.193.

⁵ Русско-дагестанские отношения... (1958). С.238.

⁶ Русско-дагестанские отношения... (1988). С.133.

⁷ Там же. С.176.

⁸ Акбиев А. Кумыки... С.96; Его же. Общественный строй... С.169.

функции, в их ведении «находилась и дипломатическая служба. Нередко, в виду важности тех или иных переговоров, они сами исполняли функции послов»¹.

Везиры – это важные чиновники. Их должность «была весьма почетной, визирям оказывалось внимание не только со стороны иранских шахов, крымского хана и русского императора. Когда в августе 1722 года кумыкские владельцы посетили Петра I на реке Сулак, с его стороны было отдано жалование оставленному от Адиль-Гирея-шамхала визирю на 100 руб. товарами и сукнами и мягкой рухлядью». Комментируя данный документ, А.С. Акбиев пишет: «Подарки, получаемые визирем, равнялись подаркам засулакским владельцам Чопану и Мусалу. В этом усматривается равенство в их положении»². Об этом же свидетельствует обращение к ним, как, например, в письме кубанского сераскера Адиль-Гирея-Султана к шамхалу Хасбулату и его везиру Ажи Мамету везир именуется «ваше почтенство и мой государь»³. Поэтому везиры и наделялись большими полномочиями. Интересно, что иногда они выполняли и торговые поручения шамхала, что подтверждается письмом шамхала Хасбулата кизлярскому коменданту А.П. Девицу, в котором сообщалось о посылке везира Абдуллы с узденями «для купечества» в Кизляр»⁴.

Везирами были не только выходцы из духовенства, но и из узденей. Как пишет А.С.-М. Акбиев, они назначались «из числа лучших и почетных узденей» как людей наиболее преданных шамхалу». Но, по его предположению, «такие люди не сразу становились визирями. Эту должность они должны были заслужить многолетней службой, выполняя различные поручения шамхала сначала в роли мирз, секретарей, доверенных лиц и посланцев»⁵. Так, везир Адиль-Гирея Айдар в документах за январь 1721 г. упоминается как посланец шамхала, а в 1724 г.

он уже шамхальский везир¹. То же самое можно сказать о везире Имам-Верди².

От шамхала везиры не получали жалования – «деньги и подарки им выплачивались либо от иранских шахов, либо от русского правительства (выше мы приводили пример как один из везиров получил от Петра I 100 руб. и разные вещи. – Б.А.), а иногда от обеих сторон сразу, в зависимости от ориентации шамхала»³.

В целом, завершая разговор о везирах, еще раз отметим их разнообразные функции. Они ведали делами не только по внутреннему управлению и внешнеполитическими вопросами, возглавляя «дипломатическую службу» – различные посольства в Россию, Персию, Азербайджан, Северный Кавказ и т.д., но и управляли также финансами, фискальством и т.д.

По занимаемой должности за везирами находились назирь. Говоря о Садах-назире,⁴ Р.М. Магомедов писал, что он «ведал финансами и другими работами»⁵. Расширяя сказанное, А.С. Акбиев пишет, что назир «следил за поступлением ясака в шамхальскую казну, за рахтарными сборами, ездил за жалованием для шамхала». О других видах работ назира он пишет далее: «Интересен факт, когда бывший при Адиль-Гирее назиром Садах-ага одновременно являлся и дворецким шамхала»⁶. «Видимо, эти должности предполагали схожие обязанности и их исполнял один человек. Как дворецкому, вышеупомянутому Садах-ага приходилось следить за сохранностью имущества шамхала, за поступлением продуктов в дом правителя, организовывать обеды со знатью, приемы послов и т.п.»⁷

За везиром и назиром третьим по служебной лестнице шамхала находился дворецкий, которого Р.М. Магомедов назвал мирза, и писарь. Выше было отмечено, что эти функции

¹ Акбиев А. Кумыки... С.96. Его же. Общественный строй... С.169.

² Там же. С.94; 167.

³ ЦГА РД. Ф.339. Оп.1. Д.47. Л.477. Акбиев А. Кумыки... С.94.

⁴ Там же.

⁵ Акбиев А. Кумыки... С.96; Общественный строй... С.169.

¹ Акбиев А. Кумыки... С.96; Общественный строй... С.169.

² Русско-дагестанские отношения... (1988). С.50.

³ Акбиев А. Общественный строй... С.167.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.194. (Приведен смысл термина назир: по-арабски казначей, в Турции так именовались министры).

⁵ Там же.

⁶ Русско-дагестанские отношения... (1958). С.274.

⁷ Акбиев А. Кумыки... С.96; Его же. Общественный строй... С.169-170.

выполнял и назир. Но Р.М. Магомедов приводил пример наличия у Адиль-Гирея дворецкого имама Бердая и писаря Жембулатова, который «доставлял наиболее важную переписку за пределы шамхальства»¹. При этом он ссылается на архивные источники². Но других сведений о мирза как дворецких мы не имеем.

В шамхальстве, по сообщению Э.Челеби³, была должность кадиаскара – верховного судьи при дворе шамхала. На приемах шамхала или ханских советах он сидел ниже шамхала, но выше знати. Это был верховный судья.

Выше мы приводили сведения и о наличии в шамхальстве «почетных чиновников», в частности таким был один посланец шамхала по имени Гасан, приехавший вместе с везиром Лаварсланом для принесения присяги на верность России от лица шамхала⁴.

Как пишет А.С. Акбиев, взиманием хараджа в различных частях шамхальства занимались специальные сборщики. Имелись здесь поборщики торговых пошлин – мытники. Этой работой занимались также дарга или пристав. «Они же, – пишет он, – очевидно, являлись и смотрителями на базаре и в посаде»⁵.

В приведенных документах по русско-дагестанским отношениям имеются сведения и об эмчеках и аталыках, посланцах шамхала. Но, как пишет А.С. Акбиев, «переговоры с другими государствами от имени шамхала вели специальные послы. Иногда роль послов выполняли представители феодального сословия»⁶. Он же пишет о наличии в шамхальстве «почетных чиновников», «ближних узденей», выполнявших функции послов, стольников, приставов, мытников, чашников, кравчих, конюшенных и т.д., а также кормильцах детей шамхала⁷.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.194.

² РГАДА. Колл.инд.дел «Кумыцкие дела». Д.3. Л.51.

³ Челеби Э. Указ. соч. С.106.

⁴ Русско-дагестанские отношения... (1988). С.189.

⁵ Акбиев С. Общественный строй... С.171.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С.174, 179.

В обобщенном виде о служилых людях шамхальства С.Ш. Гаджиева писала: «... шамхал располагал штатом придворных, среди которых главное место занимал везир – первый помощник владетеля. В источниках начала XIX в. нет упоминания о главе вооруженных сил, о везире и т.д., зато встречаются «дворецкий», «сотник», «городовой» и т.д. И.Н. Березин, например, пишет, что «для наблюдения за общественным спокойствием в Тарху существует кала-бек (городничий) из татар, а при нем находятся юзбаши (сотники) и чауши (городовые)»¹. Далее она писала: «Функциями конюшенных – «карасчы», стальников – «хунчачы», виночерпиев – «аякчы» и т.д., как правило, выполняли нукеры, рабы и казаки», указывала на наличие в Тарковском шамхальстве главы военной силы – «черив башы», советников и т.д.² Она отмечала также, что и в других феодальных владениях Кумыкии наблюдалось «почти то же самое», указав при этом отличие от них засулакских владений³.

Практически аналогичные служилые имелись и в других феодальных владениях Дагестана, сведения о ряде из которых нами были приведены выше при перечне документов о русско-дагестанских отношениях. Поэтому, не останавливаясь подробно на них по каждому владению, считаем возможным просто перечислить какие из них имелись в каждом из владений, если о них имеются конкретные сведения.

Возьмем для примера Кайтагское уцмийство, по служилым людям которого выше уже были приведены сведения. По ним видно, что на службе уцмия были, прежде всего, его близкие родственники – сыновья, братья, а затем «знатные мурзы», «везирь да назырь», «назырь Салей», «дворецкой... Сали»⁴. «Высшими сановниками уцмия, – писал Р.М. Магомедов, – являлись везири, за ними следовал назир, а затем шел мирза»⁵. Интересно сообщение А.И. Лопухина, что в Дербент уцмий прислал «к салтану везиря своего да назыря Салея, которые пошли... к

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки... С.133-134.

² Там же.

³ Там же. С.134.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.247.

⁵ Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.27.

салтану со объявлением тем, что они приехали по нас»¹. Имя везира не названо, но здесь интерес вызывает то, что за русскими посланцами посланы одновременно везир и назир, что говорит о значимости для уцмий русских посланцев, которых нужно было препроводить до Буйнака. Но о важности и влиянии везира говорят следующие слова, сказанные А.П. Волынскому назиром уцмий. Вот что писал А.И. Лопухин: «... вышеупомянутой усмиев назырь Салей и говорил дворенину про везира своего, что его есть многа в вашем деле у усмий трудов, за что желает, дабы ты его, за то подарил, чем ни на есть, за что охотнее ему будет вам впредь служить». Дворянин ответил, что нет у него ничего, на что назир сказал: «... нет бес того нельзя, естли ты ево ныне чем не подаришь, он у усмий человек **сильной** (подчерк. мною. – Б.А.), опасаются того, чтоб он дела вашего не испортил». Поэтому дворянин дал везиру 10 руб., за что он обещал «по возможности своей служить»². Но почему-то в описании А.И. Лопухина показана более активная роль назира Салей, чем везира уцмий.

А.И. Лопухин писал и о мурзах уцмий, как служителях его. Когда посланники двинулись от границы Дербентского владения, как отмечалось и выше, приехавшие сюда брат и сын уцмий «оставили здесь для провожания и караулу двух своих знатных мурз и с ними человек с 20 людей», чтобы они были неотступно при них и проводили «до Буйнаков к Мортузалею во всяком охранении»³.

Уцмий, конечно, имел на службе у себя и нукеров, выполнявших различные поручения и прежде всего по охране его личности. О других каких-то служилых людях уцмий сведений нет, кроме приведенных выше А.И. Лопухиным и о посланце уцмий Устар-хане, приехавшем в декабре 1789 г. к командующему Кубанским и Кавказским корпусом И.П. Салтыкову с письмом уцмий о верности России⁴. Но не может быть сомнения, что у уцмий были и другие служилые, обслуживающие его

¹ Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.27.

² Там же.

³ Там же. С.32.

⁴ Русско-дагестанские отношения... (1988). С.215.

двор как правителя и привлекающиеся к выполнению разнообразных работ.

Интересные сведения о служилых людях аварского хана имеются в официальных документах. Первое такое сообщение имеется о посланце Ума-хана Аварского за 1790 г., который был послан в Кизляр и там, в комендантской канцелярии сообщил, что «Ума-хан послал в чеченские селения «человека своего»¹.

Следующие сведения о служилых аварского хана относятся к началу XIX в. В письме Султан-Ахмед-хана к ген. Тормасову от 1809 г. хан просил «исходатайствовать царские милости казию (кадию) всех деревень Аваристана» и сообщал, что «кадий ему один из ближайших визирей». Это Мирза-Магомед-казий, которому, а также «нукеру Магомед-беку и советнику Хаджи-беладу; другому нукеру Али-беку-беладу, – последние два представителя из рода аварских предводителей; третьему моему нукеру. Кайтмаз-белади, сыну Али-хана-белади цатаныхского, сообразно их значению»² просил того же. Письмо заканчивается словами: «Остальные просьбы и их подробности доложит вам преданный наш нукер Хаджи-белади и переводчик его Мирза-Максуд Эфенди»³. Как видим, в источнике указаны везир, нукеры и переводчик. Но интересно, что Хаджи-белад дан то как советник, то как нукер. Значит, он выполнял разнообразные поручения.

Обратимся к другому источнику. Когда в 1828 г. в крепости Грозный Абу-Султан-нуцал давал присягу «на верноподданство России», с ним вместе были «первосвященник и судья аварский Нур-Магаммат» и восемь узденей⁴. В 1829 г. в списке депутатов аварского хана, которые прибыли в Петербург для представления Николаю I, числились: «посланник, аварский первосвященник, судья, тайный советник и секретарь аварского двора Нур-Магомед». Затем под грифом «Уздени или дворяне» дается перечень: «Родственник ханский, Магомед бек, Маша-

¹ Русско-дагестанские отношения... (1988). С.216.

² Письмо Султан-Ахмед-хана к ген. Тормасову. 1809 // АКАК. Тифлис, 1870. Т.IV. С.608.

³ Там же. С.609.

⁴ Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) / Под ред. С.Бушуева и Р.Магомедова. Махачкала, 1940. Т.3. Ч.1. С.130.

кай, Ибрагим, Али-бек, Аджиау, Девлет мурза»¹. Как видим, среди них есть и родственник хана, и мурза, отмеченные выше как служилые шамхала и уцмия.

На основе приведенных сведений Р.М. Магомедов делал вывод, что это был «круг лиц, на которых опирался хан в своей деятельности. У хана были свои визири, т.е. министры, тайные советники секретарь двора, нукеры и «главнокомандующий аварским войском»². Таким главнокомандующим при ханше Паху-бике был ее родственник Андалав-бек³. Интересно, что в одном документе в качестве служилого указан и эмчек – дядя хана Али-бек⁴, а в другом – два переводчика⁵.

Далее он обращал внимание на то, что хунзахский кадий сверх своих обязанностей исполнял должность везира и секретаря при хане и принимал участие во всех важных делах, связанных с делами ханства, для подтверждения чего приводит пример, как кадий написал письмо князю Цицианову в начале XIX в., обвинявшего хана в связи с грузинским царевичем Александром, где выгораживал Султан-Ахмед-хана, говорил о его невиновности, что царевича поддерживают в Аварии⁶.

В Хунзахе, как столице ханства, о чем сказано и выше, располагался ханский дворец в квартале «Щулаьтутла», где «находился ханский двор, включающий в себя семью нуцала, нукеров, дворцовую службу, придворную челядь».

«Нуцал, как глава феодальной иерархии, в своей деятельности, – пишет, исследуя Аварское нуцальство Х.Р.Фаталиева, – опирался, прежде всего, на совет (диван), на своих советников из числа беков. Дивану подчинялся ряд ведомств: военное ведомство, внешних связей, финансовое ведомство, служба связи и т.д.»⁷

¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни ... С.131.

² Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.112.

³ Материалы... С.188.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.130.

⁶ Письмо аварского кадия Мирза-Магомеда к кн. Цицианову // АКАК. Тифлис, 1869. Т.II. С.768.

⁷ Фаталиева Х.Р. Аварское нуцальство в XVIII веке (Социально-экономическое, политическое и культурное развитие): Автореф. дисс... канд.ист.наук. Махачкала, 1999. С.23.

Подобно аварскому хану, казикумухский хан также имел своих везиров, назиров, дворецкого и кадия¹. Это находит подтверждение в воспоминаниях А.Омарова, который писал о наличии в Казикумухском ханстве на услужении хана дворецкого, секретаря хана, смотрителя, караульных (или караульщиков), лазутчиков, слуг и, конечно, нукеров². Причем, как и в других владениях, отдельные служилые выполняли различные работы. Как писал Р.М. Магомедов, дворецкий одновременно был казначеем, «именуемый назиром»³. К сожалению, других сведений о служилых хана Казикумухского ханства нет.

Сведений по служилым феодальным владетелям Табасарана практически нет, если не считать некоторых из них по XIX в. Исследователь истории Табасарана М.Р. Гасанов пишет: «Видимо, майсум и кадий периодически собирали на совет приближенных лиц и принимали решения. Эти владельцы имели лиц, регулировавших взаимоотношения с соседними народами и странами. В документах они названы чиновниками»⁴. И далее он приводит уже указанные нами выше сведения о «чиновниках» табасаранских владетелей, которые вместе с другими «чиновниками» владетелей Дагестана 28 декабря 1802 г. в Георгиевске подписали договор. Это представители: «владельца Табасарана, кадия Рустем-хана чиновник Мамед-бек; «высокостепенных сей же Табасаранской округи владельцев Сохраб-бека майсума, чиновник его Нур-Магомед-ага Мустафаев, и Махмуда, брата владельца округи Табасаранской, кадия, чиновник его Ших-мулла»⁵.

В одном из документов, составленном во второй половине XIX в., раньше при кадии Табасаранском «много служило влиятельных людей из узденской Табасарани» и поэтому «власть его была действительно на всю Табасарань»⁶. Этому способствовала и многочисленность его дружины, как говорится в этом источнике, «служили люди-нукеры из всех дере-

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.291.

² Омаров А. Воспоминания муталима // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып.II.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.291.

⁴ Гасанов М.Р. Очерки... С.202.

⁵ Русско-дагестанские отношения... (1988). С.258.

⁶ Памятники обычного права... С.50.

вень»¹. В результате междоусобиц «власть кадия стала падать и на узденскую Табасарань, менее стала служить при нем влиятельных людей из вольной Табасарани, не стали являться на призыв его, так что для поддержания своего влияния там кадии должны были задабривать влиятельных людей подарками и угощением»².

Не много сведений и о служилых Дербентского владения. Источники в основном отмечают основных управителей этого владения – султана и наипа. Но не может быть, чтобы все внутренние и внешнеполитические вопросы решались непосредственно ими самими. Не может быть и того, чтобы они не привлекали к этому представителей различных слоев населения. Но, с другой стороны, коль султан ставился персидскими шахами в решении важных политических вопросов он не был свободен, без согласования с шахом он не мог принимать каких-то решений. Вместе с тем, когда Дербент освободился от зависимости турецких султанов и персидских шахов и он переходил под управлением ханов, естественно, возникал и штат управления хана, а вместе с ним и штат служилых.

Исходя из сказанного и необходимо говорить о служилых Дербента и его владения. К наиболее раннему сведению о них относится сообщение А.И. Лопухина о том, что дербентский султан присылал к А.П. Волинскому своего писаря Мурзу³. Мурза здесь дается как имя, а не представитель феодальной сословной группы, как в других феодальных владениях. И с этим надо согласиться, так как представитель феодального сословия вряд ли мог быть писарем. Но здесь интересно, что ему одному поручено увидеться с русским дворянином, возглавлявшим посольство. Упоминает А.И. Лопухин и «толмача самого салтана», «ишагасу ево», а также «меомендаря», который был приставлен к русскому посольству⁴. Опорой султана, по сведениям А.И. Лопухина, была дружина – «всегда готовых человек 1000»⁵.

¹ Памятники обычного права... С.50.

² Там же.

³ Лопухин А.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.21.

⁴ Там же. С.25, 26, 27.

⁵ Лопухин А.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.30.

Конечно, у управляющих и владельцев Дербента были, как и повсеместно, люди, которые посылались в другие дагестанские владения, Персию и Россию с различными поручениями. Так, как было отмечено и выше, в письме астраханского губернатора А.С. Жилина кизлярскому коменданту И.Л. Фрауендорфу от 31 января 1760 г. сообщается, что 23 января «прибыл сюда отправленной от кубинского Фетх-Али-хана человек ево Кебек-бек»¹. В письме Фатали-хана астраханскому губернатору ген.-м. Н.А.Бекетову пишется, что он отправил «собственного своего человека Ага-Летифа» для покупки красок². В письме Фатали-хана российскому консулу М.Е. Сулякову от 21 июня 1769 г. упоминаются «высокоблагородный и почтенный Кубатбек» и «верный придворный Агья-бек», которым приказал построить «для российских и протчих купцов гостиный двор»³. В письме Фатали-хана астраханскому губернатору Н.А. Бекетову от 2 октября 1769 г. говорится, что им послан «для покупки муки и протчей пищи нарочный человек ... Мирза Келбали-бек»⁴. И в других письмах Фатали-хана представителям русской администрации на Кавказе упоминаются различные посланцы его. Среди них «дербентский житель Мамед-Казим», «ближней ... человек, почтенной г-н. Аджи-Рахим-бек», Юзбаши-бек, Мирза Садык, которому Фатали-хан, как писал в письме генерал-губернатору П.С. Потемкину в 1786 г., дал «во всем доверенность» свою⁵ и т.д.

Все это подтверждает, что кубинско-дербентский хан располагал, как и другие владельцы Дагестана, служилыми людьми, ряд из которых был наделен большими полномочиями, как близкие его чиновники.

Специалист по Дербенту и Дербентскому владению Н.А. Магомедов пишет и о служилых людях Дербента. Изучая власть и его двор, он отмечает: «Ханы располагали своим двором и многочисленными своими нукерами (мулезимами), слу-

¹ Русско-дагестанские отношения... (1988). С.91.

² Там же. С.117.

³ Там же. С.129.

⁴ Там же. С.132.

⁵ Там же. С.133, 141, 176, 201.

гами. При дворе хана были также чисто придворные должности: заведующий столом, заведующий напитками, заведующий сластями, заведующий конюшнями и т.д.»¹ При этом он пишет: «Главными ведомствами при хане являлись военное и финансовое. Главу финансового ведомства называли саркером (высший саркер). Личным хозяйством хана управляли эшик-агаси (господин двора), а расходной частью ханской казны хазине-агаси (господин казны)»².

Остановившись на духовенстве (шейх-ул-исламы, казии, имамы, газии, мударрасы, шейхи, управители вакуфов, улемы и т.д.), он пишет: «Они же нередко занимали выгодные посты и в аппарате гражданского управления»³. Особо он останавливается на меликах, управлявших небольшими округами, чиновниках финансового ведомства и нукерах («военных слугах»), среди которых особое место занимали маафы – лица, освобожденные от налогов, податей в пользу ханской казны, но обязанных нести военную службу по первому призыву хана»⁴.

Особый интерес представляет служилая группа Дербентского ханства под названием муафы, о которой хороший материал приводит Н.А. Магомедов⁵. Это военно-служилая знать, которая по своему служебному положению стояла ниже беков, составляя ядро ханского войска. Они несли одновременно и мелкие административные обязанности. «Муафы-нукеры отличное войско хана, которые не только не платили никаких податей и не несли повинностей, но еще получали от хана подарки лошадьми, оружием и другими вещами. Они также употреблялись ханом для разных посылок, поручений и вроде экзекуций, если требовалось от противящегося настоящегого взы-

¹ Магомедов Н.А. Органы управления Дербентского владения в первой половине XVIII века // Государства и государственные учреждения в до-революционном Дагестане. Махачкала, 1989. С.69-70. Ссылается: Петрушевский И.П. Очерки истории... С.119.

² Там же. С.171-172. Ссылается: Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С.343.

³ Магомедов Н.А. Указ. соч. // Государства... С.71.

⁴ Там же. С.71-72.

⁵ Магомедов Н.А. Образование Дербентско-Кубинского ханства (вторая половина XVIII в.) Махачкала, 2010. (Рукопись). Л.35-37, 86-88.

скания»¹. Об обязанностях муафов В.Н.Левиатов писал: «Обязанность муафов состоит в том, что властью бывших ханов были они отправляемы в поход против неприятеля, исполняли распоряжение местного начальства и содержание караула, но не платили в казну податей на сем же основании»².

Как пишет Н.А. Магомедов, число муафов могло быть больше или меньше, потребность в которых в Дербентском и Кубинском ханстве была больше, чем в Шекинском и других ханствах. Институт муафов был органически связан с ханствами, вытекал из их социальной и военно-политической природы³.

Кроме муафов, в Дербенте были и служилые феодалы, которые составляли «социальное ядро ханской власти, без них невозможно было вести войну и править страной»⁴. Вместе с нукерами эти феодалы составляли личную гвардию хана и занимали должности от кендхуда и юзбаши до назира.

Как видно из приведенного материала, в Дербенте было довольно большое количество служилых людей и притом особенностью здесь было наличие их под терминами, которые не встречаются в других феодальных владениях, что было следствием персидского и азербайджанского влияния.

Особенностью Дербента и Дербентского владения было и наличие здесь служилого бекства, которое из дагестанских владений было только в Кайтагском уцмийстве⁵ и Илисуйском султанстве⁶. И.Н. Березин писал: «Беки, дагестанское дворянство, в других владениях пользовавшиеся разными преимуществами, при дербентских Ханах не имели почти никаких отличий; они должны были служить при Хане по его распоряжению и не владели никакими наследственными именьями, но в награду получали от Хана деревни на неопределенное время, то есть управляли деревней только до тех пор, пока продолжалась

¹ АКАК. Тифлис, 1885. Т.8. С.474.

² Левиатов В.Н. Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С.53.

³ Магомедов Н.А. Указ. раб. Л.37.

⁴ Там же. Л.87.

⁵ Там же.

⁶ Петрушевский И.П. Джаро-Белооканские... С.77.

ханская милость»¹. Обратил внимание на эту служилую группу беков и В.Линден, который писал, что «звание бека являлось наследственным и пополнением этого сословия извне лицами низшего происхождения практиковалось лишь в виде исключения. Так, некоторые из владетелей (напр., ханы Дербентские), под персидским влиянием, жаловали иногда титул бека состоявшим у них на службе лицам не бекского происхождения, сопровождая обычно означенное пожалование во временное или пожизненное их управление одного или нескольких селений, или же, в более редких случаях, ограничиваясь пожалованием одного только титула»². Со временем они, превратив временную привилегию в наследственную, сливались с потомственными беками и, как отмечалось в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», их в изучаемый период не было³.

По остальным дагестанским феодальным владениям о служащих нет практически сведений, хотя не может быть сомнения, что в каждом из них – Мехтулинском и Кюринском ханствах и Илисуйском султанстве они имелись и выполняли различные работы, различные поручения их правителей и занимали в обществе определенное место в сословной иерархии.

***

В заключение по исследованному вопросу можно отметить, что весь приведенный материал наглядно иллюстрирует развитость дагестанского общества XVIII – первой половины XIX в. Приведенные в работе государственно-политические структуры являлись небольшими феодальными владениями, возглавляемыми их правителями – высшей знатью класса феодалов: шамхалами, уцмиями, ханами, князьями, майсумами, кадиями и султанами, какие титулы носили феодальные владельцы различных феодальных владений Дагестана. Почти все они имели практически одинаковую верховную власть в своих владениях,

¹ Березин И. Указ.соч. Ч.II. С.47.

² Линден В. Указ. соч. С.286-287; см.также: Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.36.

³ Феодальные отношения... С.184.

в одних случаях неограниченную, в других в какой-то мере ограниченную советом, состоявшим из феодалов-беков и другой феодальной знатью или народным собранием (сходом), каковым был, например, къат в Казикумухе, имевший влияние на ханов вплоть до середины XVIII в. и даже немногим далее. Но в целом приведенные в работе сведения говорят о сосредоточении феодальными владельцами всей верховной власти по управлению своими владениями, всей политической и судебной власти. Многие из них, как говорят источники, правили деспотически, самовластно, произвольно, по своему усмотрению принимая решения по тем или иным вопросам и наказывая виновных (судимых) по своему разумению. Феодальные владельцы возглавляли также и внешнюю политику, вступали во взаимоотношения с другими феодальными владениями, странами, которые вели в Дагестане свою активную политику – Ираном, Турцией и Россией, вступали в различные союзы, поддерживали хорошие отношения с одними владениями и выступали против других и т.д.

Среди феодальных владельцев наибольшим влиянием, значимостью и ролью в политической жизни пользовались шамхалы Тарковские, которые были связаны и с соперничавшими за влияние в Дагестане государствами.

На второй ступеньке феодальной иерархии находились беки (бии), являвшиеся выходцами из правящих феодальных родов. Беки – это представители высшей феодальной знати, которые не стали правителями, но шли за ними по своему происхождению, социально-правовому и экономическому положению. Одни из них находились при дворе феодального правителя, как его ближайшие родственники (сыновья, братья, внуки), другие в своих небольших владениях-поместьях как местные «дворяне», по определению их ряда досоветских исследователей, полученных (выделенных им) ими от феодальных владельцев как представители правящего феодального рода. В своих поместьях беки имели практически такие же права, как феодальные владельцы в своих владениях. Они правили своими владениями, вершили суд среди жителей, принимали по ним решения вплоть до казни виновного. Часто они были такими же самовластными, своевольными деспотами в своих владениях. Они

считались вассалами правителей, но часто вели сепаратистскую политику, стремились быть самостоятельными и не подчиняться владетелю. Но владетели строго относились к ним и не давали им возможность отделиться и быть независимыми от них.

К сословной группе беков относились и чанка-беки, дети правителей и беков, т.е. двух первых наиболее знатных групп феодального класса, рожденные от неравного брака – простолюдинок. Они обладали всеми правами беков, отличались от других более низких сословных групп класса феодалов своим происхождением, своим социально-правовым и экономическим положением.

За беками и чанка-беками шли карачи-беки и простые чанки. Карачи-беки являлись потомками древней местной знати, которые в прошлом (до прихода арабов) были обладателями больших земель, они были «древние хозяева» кумыкской территории. Находились карачи-беки только в отдельных селениях Северного Дагестана: Карабудахкенте, Губдене, Эрпели, Каране и Ишкарты, а также в Утамышском султанстве (позже общество Хамур-Дарго). Их было много, но, раздробив свои родовые земли на мелкие части, они со временем обеднели, и их общественное положение стало падать, и они стали на положении основной массы населения. А карачи-беки у южных кумыков со временем слились с местным населением.

Чанки – это дети, рожденные от простолюдинок и чанка-беков. Их в Дагестане было много, проживая и в феодальных владениях, и во многих обществах союзов сельских общин. По феодальному закону, они не пользовались равными правами с беками и чанка-беками, не получали в удел земли, не занимали во дворе правителя, хотя он являлся родоначальником их, высоких должностей. Родители, как правило, поселяли их подальше, где они практически находились в одинаковом положении с местным населением. Положение чанков в союзах сельских общин было выше, чем положение чанков, проживающих в феодальных владениях. В первых они имели различные категории земель, пользовались с местного населения податями и повинностями, управляли обществами, где проживали.

Особую, низшую категорию класса феодалов составляли сала-уздени, или уллу-уздени (большие уздени), известные в русских источниках как первостепенные уздени. Имелись сала-уздени главным образом у кумыков, в основном в Засулакской Кумыкии. Эта категория класса феодалов образовалась в период Султан-Мута от проживавших здесь до его переселения выходцев из Андии, обосновавшихся на реке Саласу, откуда произошло и их название сала.

Существовали две группы сала-узденей, первая из которых были указанные выше сала, проживавшие здесь раньше Султан-Мута, которого они поддерживали и переселились вместе с ним в Эндирей, образовав там свой квартал. Это были «древние хозяева земли», «независимые дачники», которые гордились своим происхождением и независимостью. Они не были зависимы от кумыкских князей, имели среди народа большой авторитет, защищали их от их произвола, порой соперничая и вступая с ними в междоусобия.

Другая группа сала-узденей образовалась из выходцев именитых родов Кабарды, Крыма, Аварии и Чечни и с гор к кумыкским биям, которые принимали их под свое покровительство и поселяли на своих землях. За это они должны были служить им, почему в источниках они известны как пожалованные дружинники. Главная их обязанность была следовать за князьями в набеги, на войну, прислуживать им дома. Они были приверженцами князей, почему их называли также княжескими узденями.

Многочисленную привилегированную группу дагестанского общества составляло мусульманское духовенство. Но к феодальной прослойке можно отнести только его верхушку, которая близко стояла к классу феодалов, имела большие земельные участки, обслуживала правителей, участвуя в управлении и оправдывая угнетение крестьянства. Это шейх-уль-исламы, сеиды, кадии, эфендии и даже многие муллы, находившиеся при всех мечетях. Главным отличием духовенства от основного населения дагестанского общества было то, что оно не несло никаких податей и повинностей, как крестьяне, что являлось показателем зависимости последних от различных сословных групп класса феодалов.

И в союзах сельских общин имелись настоящие феодалы и феодализирующая знать. Это прежде всего высшие должностные лица (кадии и старшины), превратившие свои должности в наследственные и имевшие различные привилегии, а затем другие местные богатеи. Многие из них именно в силу наличия у них богатства и как организаторы и активные участники военных походов за пределы Дагестана, организуемых феодальными владетелями, возвысились в своих джамаатах. Известны имена многих таких богатеев горных обществ Дагестана.

Многочисленную группу населения феодального общества Дагестана составляли служащие феодальных владетелей как правителей своих владений. Служилые люди по своему происхождению относились к различным сословным группам общества. Но наиболее значимые должности занимались окружением феодальных правителей, главным образом их близкими родственниками (сыновья, братья) и другой феодальной знатью (мурзы, мирзы). Главными служилыми феодальных правителей были везиры, занимавшие положение министров, назирь, секретари, дворецкие, ответственные посланцы и т.д. Много было служилых, обслуживающих двор феодального владетеля и находившихся на положении прислуги. Поэтому, конечно, положение различных служилых в обществе было разное. Верхушка служилой группы была близка к феодальным правителям, выполняя наиболее важные работы по внутреннему управлению и в решении внешнеполитических вопросов.

Таковы вкратце итоги изучаемых в главе вопросов, которые исходят из всего приведенного в ней разнохарактерного материала.

ГЛАВА III

ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

§ 1. К вопросу о земельной собственности и феодальном землевладении: сущность, особенности, формы

Вопрос о земельной собственности, земельных отношениях вообще – это самый важный, наиболее значимый вопрос из всех аспектов социально-экономической истории любого общества, любой исторической эпохи, через которые прошло человечество, так как земля является основным средством производства материальных благ, продуктов жизнедеятельности человека. Владение землей определяет положение человека в обществе, положение его среди остальных членов, определяет взаимоотношения членов общества между собой вообще.

Формы земельной собственности, которые имеют место в обществе, соотношение их между собой, превалированное влияние или большая значимость одной из форм по сравнению с другими формами землевладения в конечном итоге определяют степень социальной расчлененности общества, а вместе с тем и уровень его социально-экономического развития, так как в земле, как не без основания писал великий мыслитель XIX в. К.Маркс, сосредоточено все что необходимо для жизнедеятельности человека. Земля, по его характеристике является одновременно и сырьем, и орудием, и плодом¹. И далее он отмечал, что земля – это «великая лаборатория, арсенал, достав-

¹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.2-е изд. Т.46. Ч.1. С.481.

ляющий и средство труда, и материал труда, и место для жительства, т.е. базис коллектива»¹.

Поэтому изучение каждой формы земельной собственности, определение, кому конкретно она принадлежит, кто ее действительный полновластный хозяин, является важнейшей задачей исследователей, занимающихся вопросами социально-экономического развития общества в целом, его основных, наиболее важных аспектов в конечном итоге определяющих уровень его развития: социальный состав населения или социальная структура общества, уровень развития хозяйства и производительных сил в целом и, конечно, земельно-правовые отношения.

Но это только одна сторона вопроса. Главное для определения характера социальной сущности земельной собственности – это выяснение не только кому она принадлежит, кто является ее собственником, но и кто ее обрабатывает, кто вкладывает в нее свой физический труд для получения дохода, определить, кому, в чью пользу идет доход с земли – тому, кому принадлежит земля, или тому, кто ее обрабатывает на каких-то условиях. Только так возможно определить сущность, характер земельной собственности, находящейся в собственности того или иного члена общества: носит ли она эксплуататорский или же потребительский характер, т.е. идет ли доход, получаемый от обработки (эксплуатации) земли в пользу того, кто владеет ею (является ее собственником), но не вкладывает в ее обработку свой личный труд или же собственник земли сам лично своим трудом обрабатывает ее, и доход с нее идет в его пользу и в пользу его семьи, возглавляемой им как собственником-хозяином.

В связи с этим вопросом следует отметить, что если формы земельной собственности являются ключевой проблемой феодализма, то основным вопросом этой проблемы является частная земельная собственность, известная в Дагестане, как и в других странах мусульманского мира под названием мюльк, означающий по-арабски «владение», «собственность». Термин

¹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 463.

«мюльк» в этом смысле является общим определителем для всех видов частнособственнических земель, – т.е. крупной феодальной собственности и частной мелкой земельной собственности.

В Дагестане также частная собственность на землю подразделялась на две формы: на индивидуальную земельную собственность мелкого независимого (свободного) производителя-узденя-общинника и собственность класса феодалов в целом и представителей его различных сословных групп, т.е. феодальную земельную собственность, в частности. Здесь то и проявляется отношение к своей земельной собственности, что и характеризует ее или эксплуататорскую (феодальную), или же неэксплуататорскую (нефеодальную) сущность. В связи с этим уместно здесь привести высказывание К.Маркса, что именно «в зависимости от того, являются ли эти частные лица (и владелец феодальной земельной собственности, и собственник земли уздень-общинник. – Б.А.) работниками или неработниками, изменяется форма частной собственности»¹.

Как известно, в классовых обществах существуют различные формы земельной собственности. Если при первобытном обществе имела только одна форма собственности – коллективная (родовая, общинная, племенная), то в классовых обществах понятие собственности совмещает в себе частную и коллективную собственность. Вместе с тем в феодальном обществе не всякая частная собственность является феодальной. Напротив, феодальная собственность является разновидностью частной собственности. Как известно, частная собственность была и при рабовладельческом строе, и при капитализме. Общим для всех форм собственности являлось «известное отношение к условиям производства как **своим**». Однако **условия** эти меняются. А изменения условий производства, как исходное собственности, влекло за собой изменение и самой формы собственности.

Но что же отличает феодальную земельную собственность от земельной собственности других классовых обществ, в чем

¹ Маркс К. наброски ответа на письмо В.И.Засулич. Второй набросок // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 411.

заключается ее сущность, каковы ее основные, характерные особенности? «Третья форма, – писали К.Маркс и Ф.Энгельс, – это феодальная или сословная собственность. Если для античности исходным пунктом служил *город* и его небольшая округа, то для средневековья исходным пунктом служила *деревня*... Подобно племенной и общинной собственности, она (феодальная собственность. – Б.А.) также покоится на известной общности, которой, однако, противостоят в качестве непосредственно производящего класса, не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне»¹.

Как отмечено выше, подобно и в других странах, и в Дагестане феодальное землевладение сочеталось с мелким крестьянским землевладением. Если феодалы были собственниками своих больших земельных массивов, то крестьяне-уздени в основном члены независимых сельских общин – собственниками своих небольших земельных участков, обрабатываемых ими самими, своим трудом.

С правовой точки зрения мюльки феодалов и мюльки мелких собственников-членов общины были идентичны. Как первые, так и вторые, как собственники земли, имели полное право на свое владение. Их мюльки – это земли, которые принадлежали им как владельцам на праве безусловной собственности, которых можно было свободно отчуждать путем продажи, дарения, заклада, передачи по наследству и т.д., т.е. мюльки любой категории как частная собственность находились в исключительном распоряжении их собственников. Это были не только фактическим владением, но и юридической собственностью владельцев. Вместе с тем с точки зрения пользования мюльки феодалов и мюльки мелких независимых собственников были разными, просто диаметрально противоположными категориями земельной собственности. Эти две формы мюльков (собственность на землю феодалов и собственность на землю непосредственных производителей), составляя одну и ту же правовую категорию собственности, в то же время на экономическом (базисном) уровне выступали как разные формы собственнос-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т.3. С.22.

сти, т.е. они отличались друг от друга по экономическому содержанию.

Землевладелец-феодал, будучи собственником земли, никогда не прилагал свой личный труд в свою землю. Он, как частный собственник и как частное лицо, вообще не был работником.

Феодал являлся только собственником земли, а работниками на его земле были различные категории зависимых и полувисимых крестьян. Но в отличие от античного раба крестьянин эпохи феодализма был наделен средствами производства (землей, прежде всего) и мог вести самостоятельное индивидуальное хозяйство на участке земли, принадлежащей феодалу, держателем которого являлся он на определенных условиях. Как указывал К.Маркс, феодальная форма хозяйства «тем и отличается от рабовладельческого или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно»¹. Феодал наделял крестьянина землей для получения с последнего прибавочного продукта в виде совокупной феодальной ренты. «... помещики, – писал В.И. Ленин, – наделяли крестьян этой (своей. – Б.А.) землей для того, чтобы эксплуатировать их, так что земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика»².

Так определили классики марксизма-ленинизма феодальную земельную собственность как особую форму собственности определенных лиц, которые наделяли крестьян земельными участками, платящих феодалному собственнику определенную ренту. Но феодальная собственность на землю становилась на определенной ступени производительных сил – лишь там и лишь поскольку, где и поскольку на земле складывались специфические феодальные способы присвоения. **«Первым**

¹ Маркс К. Капитал. Т.3 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.2. С.353-354.

² Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Полн. собр. соч. Т.1. С.191.

общим признаком всякой феодальной земельной собственности, независимо от того, идет ли речь о раннем, развитом или позднем феодализме, независимо от того, имеется ли в виду поместье или вотчина, независимо от сословного происхождения собственника или от того, выступает ли он как отдельный феодал, как феодальная корпорация или как феодальное государство, является именно то, что эта собственность обеспечивает получение отработочной, продуктовой или денежной ренты»¹.

В силу всего сказанного можно заключить, что земельная собственность феодала была эксплуататорской, а сам феодал – эксплуататором крестьянского труда, который присваивал за пользование его землей в виде определенного дохода неоплаченный труд производителя-крестьянина, т.е. феодальную ренту.

Именно феодальная рента являлась показателем того, что ее получатель не работник на своей земле. «Рента, – пишет В.И. Илюшечкин, – регулярный нетрудовой доход, не требующий от ее получателя предпринимательской деятельности»². Рента – это доход, который отчуждается собственником по праву собственности на средства и условия производства. Частнособственническая рента является порождением общественных отношений, основанных на частной собственности и эксплуатации человека человеком. Поэтому она свойственна классовому обществу³.

Это важно подчеркнуть, чтобы показать несостоятельность всякого рода измышлений, что дагестанские народы не знали классов и в своем общественном развитии не дошли до стадии или уровня общественного развития, когда здесь выделились, с одной стороны, крупные землевладельцы-феодалы, а с другой, – безземельные крестьяне и лично свободные мелкие собственники земли – производители-уздени. В Дагестане была частная собственность и частнособственническая рента как следствие

¹ Шапиро А.Л. О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. 1969. № 12. С.58.

² Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.: Наука, 1990. С.5.

³ Маркс К. Капитал Т.3. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.2.

наличия феодальной эксплуататорской собственности на средства производства и прежде всего землю. Феодальная частная земельная собственность являлась также и материальной базой существования системы личной зависимости и внеэкономического принуждения.

Целью данного раздела монографии является всестороннее изучение, насколько это позволяют имеющиеся и доступные источники, феодальной (эксплуататорской) земельной собственности, которая, как и сам класс феодалов, распадавшийся на различные сословные группы, показанный в предыдущем разделе работы, имела различные формы в зависимости от социального положения (или социального происхождения) той или иной группы феодалов в феодальной иерархической лестнице.

Иерархичность или сословный характер феодальной собственности означала, что владельцами феодальной земли выступало несколько сословных групп класса феодалов. Это, прежде всего, сами феодальные владельцы, являвшиеся самыми крупными землевладельцами. Вторая форма феодальной земельной собственности была бекская. Владельцами этой формы являлись ближайшие родственники феодальных владельцев (сыновья, братья и т.д.). Третья форма – это земельная собственность чанков, четвертая – мелкая феодальная земельная собственность сала-узденей. Следующая форма феодального землевладения – это условное. К феодальному землевладению нужно отнести и земельную собственность высшего мусульманского духовенства и феодальной и феодализирующей общинной знати.

Это и есть иерархическая система феодального землевладения, когда собственниками земли являлись различные сословные группы класса феодалов. Как указывал К.Маркс, «иерархия есть идеальная форма феодализма».

Иерархическая форма феодальной земельной собственности или, как принято ее еще называть, «условная или расчлененная форма земельной собственности – феодал (иначе лен), – связанная с обязательством землевладельца феодала (обычно наследственного) нести военную службу (или другую службу) государству в лице монарха» – это одна из основных особенностей феодализма, что в особенности было характерно в услови-

ях развитого феодализма. К.Маркс и Ф.Энгельс вообще говорили только «о феодальной или сословной собственности» при феодализме¹. Уделяли данному вопросу внимание и историки, занимающиеся вопросами земельной собственности в эпоху феодализма. Так, исследуя формы феодального землевладения в Иране в XIII-XIV вв., проф. И.П. Петрушевский так характеризовал сущность феодальной земельной собственности: «Сущность феодальной земельной собственности заключается в том, что она связана с принадлежностью к организованному в сословия господствующему классу и несением представителями этого класса военной или гражданской службы феодальному государству. Далее, – писал И.П. Петрушевский, – развитому феодальному обществу присущ иерархический раздробленный характер владения землей. Одна и та же земля имела над собой двух или нескольких владельцев, связанных между собой соподчинением в иерархическом порядке»².

Все сказанное является характерным всем феодальным обществам как Европы, так и Азии. И для дагестанского феодального общества, как и другим государствам феодального периода, была характерна раздробленность, многоступенчатость, иерархическая структура землевладения. Это существенная черта феодального землевладения любого феодального общества.

Феодальный вассалитет, как основа политической организации господствующего класса, опирался на сложную систему прав и обязанностей в сфере феодальной земельной собственности. Как указывали К.Маркс и Ф.Энгельс, и было отмечено выше: «Иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давала дворянству власть над крепостными. Эта феодальная структура, как и античная общинная собственность, была ассоциацией направленной против порабощенного, производящего класса»³. Причем здесь очень уместно подчеркнуть, что раздробленность, многоступенчатость или иерархичность перераспределения земельной

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Соч. 2-е изд. Т.3. С.22.

² Петрушевский И.П. *Землевладение и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков*. М.: Л., 1960. С.233.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Соч. 2-е изд. Т.3. С.23.

собственности между различными сословиями класса феодалов приводила к постоянному появлению новых крупных собственников.

И еще, что было характерно для крупного частного феодального землевладения, являлась его особенностью – это ее дальнейшее укрепление и расширение за счет захватов земель у сельских обществ, а также частных лиц, имевших свои индивидуальные земли – мюльки.

Все сказанное являлось общим, свойственным феодальным обществам как Европы, так и Азии, хотя в последних имелись и свои специфические особенности, в результате чего в исторической литературе в советский период появилось мнение о наличии особого «азиатского способа производства», отличавшегося от рабовладельческого и феодального. Нам нет необходимости останавливаться на этом вопросе. Укажем лишь на то, что развернутая на страницах исторической литературы и симпозиумах дискуссия по этому вопросу показала, что не существовал особый «азиатский способ производства» и не было азиатской собственности на землю. Наиболее всесторонне несостоятельность утверждений сторонников «азиатского способа производства» показал в специальной работе проф. Ю.В. Качановский. Нас интересует его высказывание о феодальной собственности. «Пожалуй, – писал он, – ни один социально-экономический тип собственности не отличался таким разнообразием внешних форм и юридических оболочек, как собственность феодалов на землю. По нашему мнению, ошибки некоторых сторонников концепции азиатского способа производства состоит в том, что это обилие внешних форм поглощает все их внимание и от них ускользает существенное, принципиальное единство земельной собственности средневековых Запада и Востока. Коренная природа феодальной земельной собственности в том, что в руках господствующего класса монополия распоряжения землей. Вся земля, как правило, присвоена господствующим классом, крестьяне могут иметь наделы и общинные угодья для ведения своих хозяйств на земле, принадлежащей эксплуататорам. Собственность на землю дает феодалам экономическое основание для взимания с крестьян ренты. Именно в этом принципиальная характеристика данного

социально-экономического типа собственности»¹. Что же касается термина, встречающегося в работах теоретиков марксизма-ленинизма, то: «Под этой формулировкой, высказанным К.Марксом в предисловии к «Критике политической экономии», следует понимать лишь местные **специфические особенности в формах собственности и производственных отношений** (подчеркн. мною – Б.А.), которые проявлялись в процессе развития рабовладельческой и феодальной социально-экономических формаций в ряде стран Азии»².

Этими особенностями являются преобладание в феодальном обществе стран Востока «неразвитых форм феодальной собственности», наличие свободных крестьян, сохранение рабовладельческих и патриархальных укладов, что было особенно характерно для раннефеодального периода, т.е. преобладание государственной собственности на землю в сочетании с общинным или мелким частным – крестьянским, парцеллярным землепользованием (держанием).

Одной из основных характерных особенностей большей части стран Азии было отсутствие собственности крупного господского хозяйства феодалов, по крайней мере зернового, основанного на барщинном труде. Феодалы не заводили на своей земле своего хозяйства, а дробили принадлежащие им земли на мелкие участки, которые сдавали в наследственное или временное держание крестьянам – целым сельским общинам или отдельным семьям. Иными словами, крупное феодальное землевладение сочеталось с мелким крестьянским землепользованием. Благодаря этому ведущей формой феодальной ренты в большинстве стран Азии была не отработочная рента (барщина), а рента продуктами, реже денежная³.

Сказанное имеет прямое отношение и к дагестанской действительности периода феодализма. Здесь была феодальная собственность, находящаяся в пользовании крестьян и сельских общин, были мелкие собственники-мюльковладельцы, которые

¹ Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М.: Наука, 1971. С.231.

² История стран зарубежной Азии в средние века. М.: Наука, 1970. С.5.

³ Там же. С.7.

еще сохранили личную независимость от феодалов, не было у феодалов своего личного хозяйства с барщинным трудом зависимых крестьян, основной формой феодальной земельной ренты была натуральная, преобладавшая во всех феодальных владениях над двумя остальными формами ренты. Все это, безусловно, своеобразие дагестанского феодализма, исходящее из существовавших форм феодального землевладения.

Подведя же итог характеристике феодальной земельной собственности в целом, говоря словами С.Д.Сказкина, можно отметить, что это была особая форма собственности определенных лиц на личность производителей, принимая при этом в качестве необходимого условия, что непосредственный производитель есть мелкий сельский хозяин и он неразрывно связан с землей как основным средством производства¹.

Ниже будет рассмотрено отвечала ли земельная собственность феодальных владетелей и других представителей класса феодалов (феодальных сословных групп) Дагестана XVIII – первой половины XIX в. тем принципам (полностью или частично с проявлением своих своеобразных особенностей), которые определили ее (феодальную собственность на землю) как феодальную, были ли для нее характерны (в каждом отдельном случае при описании земельного владения каждого феодального владетеля) указанные выше особенности, которые и характеризовали ее как феодальную.

§ 2. Земельная собственность дагестанских феодальных владетелей

В исследуемый период в Дагестане, как и повсеместно в феодальном мире, самыми крупными землевладельцами-собственниками земель всех категорий были феодальные владетели и так называемые «правлящие дома», которые они возглавляли. Феодальные владетели стояли во главе системы феодальной земельной собственности и осуществляли право вер-

¹ Сказкин С.Д. Классики марксизма-ленинизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении // Средние века. М., 1954. Вып. V. С.9-10.

ховной собственности класса феодалов в целом и входящих в него различных феодальных сословных групп. Ими в Дагестане были шамхалы, уцмий, ханы, майсумы, кадий и султаны, возглавлявшие свои феодальные владения. В Дагестане, писала Е.Н. Кушева, феодальная земельная собственность выступала главным образом как верховная собственность фамилий и родов шамхалов, уцмиев, нуцалов и т.д. на землю феодальных государственных образований¹. С земельной собственности этих феодальных владетелей и начнем изучение феодального землевладения, остановившись в отдельности на земельной собственности владетелей каждого феодального владения, аргументировав это конкретными примерами, насколько представляется возможным на основе сохранившихся источников и литературы.

Как отмечалось и выше, крупным феодалам принадлежали все категории земель: и пахотные поля, и сенокосы, и пастбища, и лесные участки, хотя их соотношение в разных феодальных владениях, что прежде всего зависело от естественно-географических условий, даже в период развитых феодальных отношений было разное. Главной особенностью Нагорного Дагестана, что будет показано ниже при изучении земельной собственности владетелей его феодальных владений, было то, что основным видом собственности крупных феодалов были пастбища – горы и отдельные пастбищные места, а не пахотные участки.

Земельная собственность дагестанских владетелей являлась наиболее крупной феодальной собственностью. Поэтому ее принято называть крупной феодальной собственностью. Это домены, т.е. личные земли феодальных владетелей, которые складывались из различных категорий земель.

Отметим также, что среди дагестанских феодальных владетелей наиболее известным, сильным и влиятельным в Дагестане и за его пределами был шамхал, правивший сначала огромной по масштабам Дагестана территорией в горном, предгор-

ном и равнинном Дагестане. С середины же XVII в. шамхалы стали владетелями территории равнинного Дагестана, которая была расположена между Сулаком и Кайтагским уцмийством. Северными границами шамхальства была река Сулак, а южные границы доходили до «урочища» («ручья», «родника») Урусай-Булак, которое и отделяло его от территории Кайтагского уцмийства.¹ А.Берже писал, что шамхальство Тарковское «занимает пространство между р. Сулак, Каспийским морем, Даргинским округом, Мехтулинским ханством и некоторыми обществами Нагорного Дагестана»². И на этой территории наиболее крупные и лучшие земельные массивы принадлежали шамхалам. Но это были не только земельные угодья, принадлежавшие лично шамхалу, но и те земли, которые находились в пользовании сельских общин и крестьян. Впрочем, аналогичное пользование землей мы наблюдаем не только в шамхальстве Тарковском, но и в других феодальных владениях, что было одной из особенностей земельных отношений Дагестана.

И в изучаемое время владения шамхала, правившего в Тарках, было наиболее крупным. По этому поводу участник Каспийского похода Петра I 1722 г. майор И.-Г.Гербер писал: «Уезд великой», который состоит «во многих добрых и великих деревнях»³.

В начале XIX в. на территории Тарковского шамхальства были расположены 24 селения, «которые принадлежали крупнейшему феодалу-шамхалу тарковскому, жившему в сел. Тарки, в резиденции всех шамхалов после переселения их из Казикумуха на плоскость»⁴. Согласно сведениям, собранным во второй половине XIX в., в непосредственной зависимости от

¹ Кушева Е.Н. О некоторых особенностях феодализма у народов Северного Кавказа // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С.185.

¹ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.125; Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С.215; Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С.308.

² Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 г. Тифлис. 1857. С.309.

³ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД, 1958. С.71.

⁴ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С.207.

самого шамхала находилось 2784 дыма¹. Как писал Х.-М.Хашаев: «Феодальная собственность в шамхальстве Тарковском образовалась путем захвата общинных и пустующих земель. Шамхалы, жившие в Казикумухе, считались валиями Дагестана и распространяли свою власть и на Прикаспийскую низменность. Эта власть давала им право считать земли, особенно пустующие, своей собственностью и заселять их выходцами с гор и из других мест с условием, чтобы они платили подати и отбывали повинности»².

Согласно исторической записке, составляемой Временной Комиссией для определения личных и поземельных прав жителей Темир-Хан-Шуринского округа, поземельные права как самого шамхала, так и других владельцев, «выражались всегда», в том числе в исследуемый период, в трех видах. К первому виду относились пахотные и покосные земли, которые принадлежали сельским обществам, но состояли издавна в общем пользовании их с владельцами «на условиях одновременного выдела определенной обычаем доли владельцам и узденям из участков, назначенных к обработке»³. Это переделываемые периодически (обычно ежегодно) пахотные и покосные земли между всеми членами общины, за пользование которыми общины платили шамхалу ренту и несли различные повинности. Одним из таких пахотных участков было поле в Герменчике, которое жители Тарки обязаны были засеять и собирать урожай для шамхала⁴. Надо полагать, что об этом поле идет речь в сведениях участника похода В.Зубова 1796 г. Д.И. Тихонова, который писал, что на шамхальских полях вспахивали «один день в лето, жители, обитающие в Тарках»⁵.

К первому виду земель относятся также пастбища, на которых владельцы и жители могли содержать скот в известные периоды года, и леса, в которых владельцы и жители имели оди-

наковое право свободной рубки¹. Анализируя характер шамхальских земель первого вида, С.В.Юшков писал, что это «по русскому феодальному праву – земли волостные, черно-тяглые»².

Ко второму виду относились земли, которые принадлежали шамхалу и бекам, но находились «в неотъемлемом наследственном пользовании известного населения без права отчуждения их за определенные обычаями повинности», т.е. за уплату крестьянами ренты и несение повинностей³.

К третьему виду относились земли, которые принадлежали шамхалу и другим владельцам, а также сельским обществам «на правах частной собственности их». Сюда входили кутаны, горы пахотные земли и другие угодья, которые находились «в исключительном пользовании шамхала и других лиц из беков и узденей, и особо, сельских обществ, с полным правом отчуждения их»⁴. Среди них, как видим, находились и мюльки самого шамхала. Земли шамхала третьего вида С.В. Юшков называл боярской пашней («terra domminicata») ⁵. Согласно имеющимся данным, в составе шамхальских мюльков находились более 10 кутанов: Уйташ, Сосик-булаг, Гийк-саяган, Верхний Хаджи-аул, Средний Хаджи-аул, Нижний Хаджи-аул, Уллу-Дормаз, Кичи-Дормаз, Кигиляу, Калмук-ятгань. Причем в источнике сказано, что «эти кутаны находились во владении рода шамхалов задолго до русского владычества в Дагестане»⁶, т.е. непосредственно и в исследуемый период они являлись собственностью шамхалов. По другим архивным источникам, этих кутанов шамхала было 12, среди которых перечислены также Эчикутан и Косу-уч (у Аграханского залива)⁷. Причем об этих двух

¹ Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.1. С.77; ЦГА РД. Ф.126. Оп.1. Д.26. Л.35.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.208.

³ Шамхалы Тарковские // ССКГ. Вып.1. С.77.

⁴ Там же.

⁵ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.130.

¹ Шамхалы Тарковские // ССКГ. Вып.1. С.77.

² Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута (исторический). Свердловск, 1938. Вып.1. С.69.

³ Шамхалы Тарковские // ССКГ. Вып.1. С.77.

⁴ Там же.

⁵ Юшков С.В. Указ.соч. С.69.

⁶ Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М.Хашаева. М., 1969. С.76.

⁷ РГВИА. Ф.400. Оп.258/968. Л.46; ЦГА РД. Ф.126. Оп.1. Д.21. Л.47.

кутанах в источнике сказано, что они «тоже находились во владении шамхалов задолго до русского владычества»¹. Согласно данным, собранным проф. Р.М. Магомедовым, к концу XVIII в. шамхал имел не менее 20 кутанов². Однако это количество кутанов, согласно архивным источникам (ведомость недвижимости имения шамхала Тарковского), было у шамхала с 1818 г., когда царское правительство предоставило в его собственность вместе с «Бамматулинским уделом» и 8 кутанов. Это Верхний Чинчак, Нижний Чинчак, Верхний Чубурча, Нижний Чубурча, Сунку-кутан, Ах-Тобе, Чубар-арка и Кизил-булаг³.

В собственности шамхала Тарковского находились также горы Большой Салатау и Малый Салатау, перешедшие к нему от кафыр-кумухских беков; Геллик-тау, доставшаяся шамхалу по назру от геллинских беков; Кашавка, Нуцаль-тау, Татархантау, Аликлич-тау, Ургели-тау, Кадани-тау и Сепи-тау, предоставленных русским правительством шамхалу из Бамматулинского удела; Жахлабар-тау и Урма-тау, предоставленные шамхалу также русским правительством из бывшего Мехтулинского удела, принадлежавшего Султан-Ахмед-хану⁴.

Указанные в источнике кутаны Эчи-кутан и Косу-уч использовались «под пастьбу» собственных стад баранов, табунов лошадей и стад рогатого скота шамхала; в случае же отдачи их «на откуп» (в аренду) они могли доставлять шамхалу «не менее 1000 руб.»⁵ Об остальных же кутанах и горах шамхала в источнике сказано: «По обычаю, издавна установившемуся в шамхальстве Тарковском, кутаны и горы находятся в исключительном использовании шамхалов и прочих владельцев: первые, т.е. кутаны – от начала осени до наступления лета (с 15 августа по 15 мая), в течение 9 месяцев, а горы – только в течение трех летних месяцев; по миновании же этих сроков почти во всех кутанах и горах окрестные жители вправе пасти свой скот и баранту. Поэтому кутаны, отдаются на откуп только на 9 ме-

¹ Феодальные отношения... С.76.

² Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С.197.

³ Феодальные отношения... С.76.

⁴ Там же. С.76-77.

⁵ Там же. С.76.

сяцев летних, в которые и находятся под запретом»¹, т.е. на них никто из жителей шамхальства не имел права пасти свой скот.

Кроме всего перечисленного выше, шамхал, по данным XIX в., имел в разных местах Темир-Хан-Шурина округа участки пахотных и покосных земель, а в сел. Тарки, Кафыр-Кумухе и Казанищах – сады².

Шамхал Тарковский владел горами не только в предгорье, но и в Горном Дагестане. Еще в начале XVIII в. участник посольства А.П. Волынского 1715-1718 гг. в Персию А.И. Лопухин писал о «Шевкаловских горах»³. Согласно собранным нами сведениям, шамхалу Тарковскому принадлежали горы, расположенные по левую сторону от ущелья Ая-Кака, известные у даргинцев под названием «Шамхалла дубурти»⁴. Даже сохранилась притча, согласно которой один нукер шамхала, решив помочь своим землякам-верхнедаргинцам, обратился к шамхалу с просьбой: выполнить его желание, которое он произнесет, пока не упадет на землю, брошенная им вверх папаха. Шамхал, рассмеялся и дал согласие. Бросив вверх папаху, нукер произнес: «Шамхалла дубурара зе шарара хьям» («Хватаю гору шамхала и соленое озеро»). Согласно притче, шамхал после этого разрешил верхнедаргинцам пасти скот на одной из гор в Ая-Кака и пользоваться солью на озере, известном под названием «Тузлук»⁵.

Шамхалу Тарковскому принадлежали в Горном Дагестане и другие горы, о чем имеются сведения в «Соглашении между жителями Араканы и шамхалом Тарковским», составленном или заключенном в 1757 г. Из «Соглашения...» видно, что Мехти-шамхалу принадлежали горы Уркаб, Акай-тау, Бухнаб, окраина горы Магмиз-меэра, Мамат-тау, Исмаил-тау, начиная с Аркаской горы до горы каранайцев, Уркат и Акмитав, а также горы Герген и Огуз-тау. Все эти горы в основном сдавались в аренду для пастьбы скота койсубулинцам – жителям селений

¹ Феодальные отношения... С.77.

² Там же.

³ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С.29-30, 50.

⁴ Полевой материал, собранный в Акушинском районе в 1966 г.

⁵ Там же.

Аракани, Кикунни, Балахани, Гимри, Чирката, Унцукуль, Карачи, Харахи, Орота¹.

В другом варианте документа, изданном Т.М. Айтберовым, сказано: «Ущелье, именуемое Бухна (*Buxna*), края горы Мамиз (*Maglmiz*), то есть Махмуз (*Magъмуз*), и гора Мамат-тав были всегда в руках шамхала. Сама же гора Мамиз была в руках жителей Аракан, но шамхалу поступало с названной горы ежегодно по сорок овец и по двадцать ягнят.

Далее горы, именуемые Герген, Огуз-тав и Исмаил-тав, начиная с Аркаской (*Гьаркес*) горы и вплоть до горы Герген-гюн (*Гьерен-...*), находились [всегда] во власти эмира Махди-шамхала, ибо являются они его собственностью (*мамлук*).

Далее, гору именуемую Исмаил и другие горы как Уркат и Акай-тав (*Акъай...*), Махди-шамхал отдал как-то «войску» хиндалальцев, однако, со следующим условием: хиндалальцы должны быть его войском и его паствой; они должны служить ему...»²

Сдаваемые шамхалом в аренду кутаны и горы приносили большие доходы, они действительно имели большое значение в его экономической жизни. Еще С.В. Юшков отмечал, что: «В перечне доходов, получаемых шамхалом с крестьянства, доход с гор всегда выделяется из общей массы других доходов»³. В конце XVIII в. Д.И. Тихонов писал, что имеющиеся кутаны в его (шамхала. – Б.А.) владении, одни принадлежат шамхалу, и он их отдает горским жителям на зимнее время в наем, смотря по величине кутана и его способных выгод. Берут в зиму за один кутан по 200 баранов, а за иной и менее, а другие кутаны принадлежат частным жителям, которые по своей воле отдают также их на зимнее время горским жителям в наймы по договору»⁴.

Перечисленные выше первые 10 кутанов давали шамхалу 5180 руб.; 8 кутанов, предоставленные шамхалам русским пра-

вительством одновременно с Бамматулинским уделом в 1818 г. – 2750 руб.; 8 кутанов, которые также принадлежали шамхалам еще до Абу-Муслим-хана, – 2490 руб.; 4 горы, которые перешли к шамхалам от кафыркумухских и геллинских беков, а также еще 8 гор, которые поступили во владение шамхалов от русского правительства, отняв их от Бамматулинского и Мехтулинского владений, – 1880 руб.; пахотные и покосные участки в Темир-Хан-Шуринском округе – 2000 руб.¹

Горы, которые арендовали перечисленные выше койсубулинские общества, также приносили шамхалу большие доходы. Жители сел. Аракани давали шамхалу с каждого дома по 2 ратла вина, один ратл виноградного уксуса, 40 овец, 20 ягнят за аренду горы Магмиз-меэр; жители сел. Кикунни – один ратл вина, 2 ратла виноградного уксуса, 15 баранов с их гор; жители сел. Балахуни давали шамхалу полмерки пшеницы с дыма, полратла конопляных семян; гимринцы – с каждого дыма – по одной корзине винограда; унцукульцы – полратла топленого масла, 10 баранов; чиркатицы – один ратл серы; карачинцы и оротинцы – по одной мерке конских бобов; харахинцы – одну мерку фасоли².

Исключительная роль в экономике шамхала кутанов и пастбищных гор подчеркивали и советские ученые. Так, проф. Р.М. Магомедов писал: «Особую роль в системе феодальной эксплуатации как внутри шамхальства, так и за его пределами, играла пастбищная рента. Достаточно сказать, что шамхал, как обладатель огромного количества зимних пастбищ, не только удовлетворял потребности в них внутри своего владения, но и отдавал пастбища в большом количестве горским жителям на зимнее время»³.

На этом необходимо обострить внимание еще и потому, что наличие в собственности феодалов в лице владельцев государственных структур Дагестана горных пастбищ и кутанов оказывало большое влияние на их взаимоотношения с союзами сельских общин и других политических структур, на политиче-

¹ Феодальные отношения... С.28-29.

² Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1999. Ч.II. С.5.

³ Юшков С.В. Указ. соч. С.69.

⁴ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.130.

¹ Феодальные отношения... С.76-77.

² Там же. С.29.

³ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.166.

ское положение феодальных владетелей, их влияние в целом в Дагестане. И в связи с этим уместно здесь привести слова Р.М. Магомедова, писавшего: «Кумыкским феодалам принадлежали на приморской равнине прекрасные зимние пастбища, без которых не могло обходиться население нагорного Дагестана. Сдавая эти пастбища горцам в аренду, кумыкские феодалы не только извлекали богатый доход, но и оказывали политическое давление на вольные общества Дагестана, стремясь этим путем держать их под своим влиянием и при случае, как это имело место в Салатавии, поставить их в зависимое положение. В таком примерно положении находился даргинский союз обществ»¹. И для подтверждения сказанного он приводит слова Д.И. Тихонова, бывшего в Дагестане в 1796 г., о том, что жители Акуша-Дарго «шамхалу податей никаких не дают, но ежели случится, что нужно будет ему вооруженное войско, то просит их по доброй воле, а иногда и с заплаатою, а принудить их не может. Но главная их нужда состоит в шамхале та, что в рассуждении их в горах жилища, где в зимнее время свои стада со скотом продержат никак не могут по причине малости подножного корму, а больше еще и стужи, а потому необходимо принуждены нанимать на зимнее время завсегда в шамхаловом владении лежащие на плоскости кутаны, и по той самой причине его уважают»².

По сравнению с кутанами и пастбищными горами пахотных участков и сенокосов, находящихся в собственности шамхала, было очень мало. Выше было уже отмечено, что такие участки находились как на территории Тарки, так и в различных местах Темир-Хан-Шурина округа.

Отметим еще, что в 1806 г. русские власти за оказанную помощь при взятии Дербента передали в управление шамхалу Улусский магал, доход с которого составлял «не менее 6000 руб. в год»³.

Были у шамхала и мареники, которые, как писал Д.И. Тихонов, он отдавал «на откуп армянам или другим каким куп-

цам» с условием, что «из подвластных ему деревень, в которых жители роют мариону, не могут другому купцу продавать, как только тому, кто взял на откуп, и не свыше положенной от шамхала за каждый пуд цены»¹.

Как указывалось выше, одним из способов увеличения земельной собственности феодалов был захват общинных земель. Прибегали к этому и шамхалы Тарковские. Так, согласно сведениям, собранным сословно-поземельной комиссией по Темир-Хан-Шурина округу, в конце XVIII в. шамхал Мехти захватил местность Кокрек, которая принадлежала жителям селений Атлы-Боюн и Кумторкала, и основал там селение Султан-Янги-Юрт².

Вторым источником расширения своей земельной собственности у шамхала, как и у других феодальных владетелей Дагестана, был захват земель, находящихся на границе с его владением. В письме старшего владетеля Эндирея Темира Хамзаева, введенного в научный оборот А.С. Акбиевым, кизлярскому коменданту от 14 ноября 1772 г. говорится, что шамхал поселил несколько дворов мюрегинцев (жителей общества Мюрего, входившего в союз Хамур-Дарго. – Б.А.) в урочище Кошкечу, «где прежние шамхалы никакого поселения не имели и нас не допускали». Урочище Кошкечу, о котором идет речь в письме, находилось на границе двух владений, являлось как бы нейтральной полосой, используемой в основном под пастбище. В письме правителя Эндирея содержалась просьба: так как на правом берегу реки Койсу паслись стада эндиреевцев, то поселение в Кошкечу мюрегинцев может привести к кражам скота. Поэтому в письме просилось коменданта либо самому запретить шамхалу заселять левобережье, либо предоставить это эндиреевцам и костековцам, которые могут разобраться с тарковским правителем по своим обычаям³. На запрос кизлярского коменданта шамхал Муртузали выразил несогласие с требованием российских властей и писал, что урочище, о котором идет

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.159.

² Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.131.

³ Феодальные отношения... С.77.

¹ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.130.

² ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.43. Л.3.

³ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.853. Л.79. Акбиев А. Общественный строй кумыков в XVII-XVIII вв. Махачкала, 2000. С.57.

речь, «состоит в самой середине нашей границы и никому до него дела нет, когда владение мое хочу строю хуторы или насе- ляю деревни, в том состоит власть моя»¹. Резюмируя приведен- ное, А.С. Акбиев пишет: «Таким образом, шамхал рассматри- вал земли, расположенные вдоль левобережья Койсу, как свой собственный мюльк и не допускал вмешательства посторонней стороны в право распоряжаться ими как ему угодно»².

Завершая обзор земельной собственности шамхалов Тар- ковских, обратимся к выводам, к которым пришли дагестан- ские ученые, занимавшиеся исследованием социально- экономической истории кумыков. Смысл их высказываний сводится к тому, что шамхалы Тарковские, распространяя власть на всю Кумыкскую плоскость, являлись как бы и вер- ховными собственниками всего владения. Причем, по мнению Х.-М.О. Хашаева, феодальная собственность в шамхальстве Тарковском образовалась путем захвата общинных и пустую- щих земель. Еще шамхалы Казикумухские, распространив свою власть и на Прикаспийскую низменность, считали земли, особенно пустующие, своей собственностью³. А вот как об этом писал Р.М.Магомедов: «Шамхал являлся обладателем лучшей части кумыкской земли, владения его были обширны, в сравнении с любым другим кумыкским князем он был бес- спорно сильнее, но властью над всеми кумыками он ни в нача- ле, ни в конце XVIII века не обладал. В более раннюю фео- дальную эпоху шамхалы, как об этом свидетельствуют источ- ники, действительно обладали всей Кумыкией и им принадле- жала вся полнота власти не только в особенном владении, но и на территориях их вассалов-беков. Позже власть шамхала как феодального монарха суживалась рамками его собственного домена»⁴. А.С. Акбиев, говоря о XVII-XVIII вв., пишет, что «шамхалы являлись верховными собственниками всех земель Тарковского владения, селений, которые они дарили или пере-

¹ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.853. Л.79. Акбиев А. Общественный строй ку- мыков в XVII-XVIII вв. Махачкала, 2000. С.57.

² Акбиев А. Указ. соч. С.57.

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.208.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.185.

давали в управление бекам или чанкам из шамхальской фами- лии»¹. В связи с мнением А.С. Акбиева интересно еще раз об- ратить внимание на письмо шамхала Мехти к джамаату сел. Параула, где в частности сказано: «...Знайте же, что все мюль- ки и земли селения Параул являются моими мюльками и моей собственностью, и вы являетесь моими людьми. Я один распо- ряжаюсь вашим имуществом, мюльками и вами самими»². Та- ких сел, как Параул, у шамхала было много и их землями рас- поряжался он сам – делал с ними что хотел – дарил, продавал, завещал и т.д.

Во владении шамхалов имелись отдельные села и земли и за пределами Дагестана. Об этом сказано в письме шамхала Адиль-Гирея к Петру I от 15 августа 1722 г., что «пять деревень в Мискурской (Мушкурской. – Б.А.) земле, одна деревня в Ширване и одна в Баку» были пожалованы ему «по указу Ша- хову» и с них он получал подати³.

Как было показано во второй главе, больше всего феодаль- ных владений было у кумыков. Поэтому, естественно, что и крупных феодалов в лице правителей этих владений на Кумык- ской плоскости было много. Выше указывалось также, что в конце XVI в. от шамхальства отделилась земля по левую сто- рону Сулака, где образовалось новое кумыкское феодальное владение сына шамхала Андия Султан-Мута. Территория вла- дения занимала пространство от Сулака до Терека. Это земли, которые ранее принадлежали шамхалу, на что указывали и ав- торы XIX в. Так, Н.Семенов писал о части земель по берегу Сулака, от моря до Черкеевских гор, уступленных шамхалом Султан-Муту⁴. Затем, как об этом писал Н.П. Тульчинский, эти земли от Султан-Мута перешли «по наследству к аксаевским князьям»⁵. Первоначально, естественно, собственником земель

¹ Акбиев А. Указ. соч. С.57.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С.191.

³ Письмо Адиль-Гирея Тарковского Петру I // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.60. Л.142.

⁴ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С.243.

⁵ Тульчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное земле- пользование на кумыкской плоскости. (Краткий исторический очерк, со- ставленный по официальным источникам). Владикавказ, 1903. С.13.

в Засулакской Кумыкии был Султан-Мут и здесь крупная феодальная земельная собственность образовалась постепенно с выделением из единого владения Султан-Мута трех феодальных княжеств: Эндиреевского, Аксаевского и Костековского. До этого, как писал Н.П. Тульчинский: «Обширный простор плоскости с плодороднейшей почвой и относительная малочисленность населения никого не побуждали искать на земли личного владения, которое только тогда и получило вес и значение, когда понятие о праве земельной собственности перешло к кумыкам от соседних русских при постоянных взаимных отношениях»¹. И по сведениям, собранным сословно-поземельной комиссией, занятые кумыками земли Кельбаха (урочище Чир-юрт, куда сначала заселился Султан-Мут), так и по левой стороне Сулака, составляли «общую собственность народа кумыкского, и каждый мог пользоваться ими совершенно свободно и бесплатно. Султан-Мут, дети его и потомки пользовались землей наравне со всеми, не имея никакого права на **ясак и булка**»². И знаток местной истории, выходец из Засулакской Кумыкии Д.-М.Шихалиев писал: «Хотя Кумыкское владение заключалось между Тереком и Темир-Кую, или ... между Тереком и Сулаком, но действительную вотчину кумыкских князей была та полоса земли, где проведены родовые их канавы»³. Речь здесь идет о тех родах или княжеских фамилиях, которых в исследуемый период было 10 и образовались от сыновей Султан-Мута, правивших образованными ими тремя указанными выше княжествами. Из них 5 (Казаналиповы, Темировы, Алишевы, Айдемировы и Муртузали-Аджиёвы) проживали в Эндирее; 5 (Алибековы, Ахмедхан Каплановы, Эльдаровы, Уцмиёвы и Арсланбековы) проживали в Аксае; одна владельческая фамилия Алишевы (они находились и в Эндирее) проживала в Костеке⁴. Как писал указанный выше Д.-М.Шихалиев, «наиболее плодоносная полоса земли, пересекае-

¹ Тульчинский Н.П. Указ. соч. С.5.

² ЦГА РД. Ф.105. Оп.5. Д.4. Л.41.

³ Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках / Сост. предисл. и коммент. докт. ист. наук С.Ш.Гаджиевой. Махачкала, 1993. С.41.

⁴ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С.213-214.

мая речками: Аксаем, Ямансу, Ярыксу и Акташем, до самого Сулака, по подошвам Чеченских, Ауховских и Салатавских гор была разделена князьями в 4-м колене после Султанмута, т.е. около начала XVIII столетия, на участки по числу княжеских отдельных родов; на каждый из этих участков проведены были из вышеуказанных рек канавы, и каждая канава с полосью, ею напалеваю» – орошаемую¹.

Внутри княжеских фамилий (родов) земли не были поделены, они были общесемейными (или общеродовыми) землями. Наличие семейной земельной собственности являлось отличительной чертой феодального землевладения в Засулакской Кумыкии. Впрочем, семейное землевладение было характерно и для феодального землевладения ряда других народов Северного Кавказа и Закавказья. Так, исследуя формы землевладения и землепользования у горцев Северного Кавказа, К.Г. Азаматов пишет, что среди трех форм земельной собственности была и «дворянская (семейно-родовая, индивидуальная)». И далее он отмечает, что семейная земельная собственность, имевшая место у народов Северного Кавказа, «постепенно уступает частно-семейному принципу владения»². Кабардинские историки Г.Х. Мамбетов и Х.М. Думанов пишут: «Вплоть до середины XVIII в. (в Кабарде. – Б.А.) господствовал семейный принцип владения князей и тлакотлишей земельными участками»³. Цитируемый выше К.Г. Азаматов пишет и об аналогии указанных форм феодальной земельной собственности феодалов народов Северного Кавказа с институтом семейно-частного владения «сахасо» или «сахасло» позднефеодальной Грузии. Длительное существование семейной земельной собственности «объясняется, – пишет он, – феодальной раздроб-

¹ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.41.

² Азаматов К.Г. Землевладение и землепользование по обычному праву горцев Северного Кавказа в конце XVIII – пер. пол. XIX в. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Региональная конференция. Тезисы докладов. Махачкала, 1980. С.20.

³ Мамбетов Г.Х., Думанов Х.М. К вопросу о феодальной земельной собственности в Кабарде в дореволюционный период // Генезис, основные этапы... С.48.

ленностью и междоусобицами, стойкостью северокавказской общины и длительностью кавказских войн»¹. Возможно, что первые три причины и способствовали этому, но не понятно, о каких длительных кавказских войнах идет речь. Где были эти войны, между какими народами или феодальными владениями кавказских народов.

Но, что бы ни было верно, ясно, что и у северокавказских народов, и у грузин феодальное фамильное землевладение имело место. Причем оно до изучаемого нами времени было в Засулакской Кумыкии преобладающей формой феодальной земельной собственности, и это можно объяснить тем, что владельческими считались все княжеские фамилии (роды), происходившие от их родоначальника Султан-Мута. Поэтому, если иметь в виду период до XVIII в., прав А.С. Акбиев, который, изучая общественный строй кумыков XVII-XVIII вв., пишет, что фамильная собственность на землю была главной и основной и что «личной владельческой бекской (князей Засулакской Кумыкии он называет беками. – Б.А.) земли или вообще не существовало, или размеры ее были невелики». Более того, по его мнению, если даже «бек и приобретал каким-либо путем участок земли, то он после его смерти составлял собственность целой фамилии или же сразу включался в родовую бекскую собственность»².

И представители княжеских фамилий в изучаемое нами время подтверждали господство в прошлом фамильной собственности феодалов. Так, один из представителей аксаевской княжеской фамилии Арслан-Хан Уцмиев сообщал, что «имения кумыкских князей находятся в первобытном состоянии, не разделенными между участниками; каждая фамилия владеет землями, занятыми на Кумыкской плоскости одним из своих предков»³. Эндиреевский князь Гебек Темиров также подтверждал это. «Отцы наши, Кара-мурза, Девлет-Герей, Исмаил и Шефи, – писал он, – во время своей жизни не делили оставшиеся от князя Темира имение, как-то: земли, кутаны, деревни, а все, что у

¹ Азаматов К.Г. Указ. соч. С.20.

² Акбиев А. Общественный строй... С.66.

³ ЦГА РД. Ф.105. Оп.5. Д.5. Л.2.

них было общим, и каждому выделялась следуемая часть доходов»¹. И другие засулакские князья подтверждали, что «земли всегда составляли их родовую собственность»². Так, в собственности князей Темировых, Каплановых, Хамзаевых и Айдемировых находились земли Куру, Алак, Харч, Гочала-Тао и др., которые с самого переселения Султан-Мута стали его собственностью³. Из 400.378 десятин всей земли «родовых» земель князей Темировых было около 70 тысяч десятин, князей Алибековых – около 23 тысяч десятин, Уцмиевых – 40 тысяч десятин. Князь Али-Султан Казаналипов владел более чем 70 тысячами десятин земли⁴. «Феодальная собственность на землю, – писала С.Ш.Гаджиева, – ее развитие и укрепление неизбежно приводили к возникновению частной собственности и на оросительные сооружения, водоводные каналы, колодцы и т.д.»⁵ По сообщению начальника Терской области, в 1818 г. земли, в количестве 17841 десятины – 975 саженой, находились в споре княжеских фамилий Уцмиевых, Каплановых, Алибековых, Эльдаровых и Арсланбековых; первые называли их собственными, а остальные считали их общими и надлежащими разделу⁶. Х.-М.О. Хашаев, который привел цитируемый источник, писал далее: «Первоначально, – указывала Комиссия, – народ не придавал особого значения притязаниям владельцев на землю, но с конца XVIII и начала XIX в. народ ставил перед владельцами условия, на которые они вынуждены были идти, но при появлении возможности не соблюдать эти условия владельцы не замедляли воспользоваться. Народ сохранил за собой право перехода от одного владельца к другому»⁷.

Интересно в связи с этим привести показания жителей Засулакской Кумыкии, которые утверждали, что все земли «искони принадлежали народу нераздельно с владельцами, народ пользовался землей, внося только ясак или отбивая булку

¹ ЦГА РД. Ф.105. Оп.5. Д.15. Л.7.

² Там же. Д.12. Л.20.

³ Там же. Ф.150. Оп.1. Д.14. Л.62, 93, 122, 172.

⁴ Там же. Ф.105. Оп.1. Д.12. Л.57-61. Гаджиева С.Ш. Указ.соч. С.123.

⁵ Там же.

⁶ ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.10. Л.1. Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.201.

⁷ Там же. Ф.108. Оп.1. Д.13. Л.2-4; С.201.

(барщина. – Б.А.) на владельческих бийликах» (т.е. их участках. – Б.А.). Причем интересно их утверждение, что эти участки – «бийлики выделяли владельцам жители, а сами владельцы не могли брать бийликов более указанных народом»¹.

О каком населении – жителях Засулакской Кумыкии – идет здесь речь? Это уточнение мы находим у А.С. Акбиева, который пишет, что «в старинных кумыкских селениях, в таких как Эндирей, Аксай и Костек владение землей происходило совместно, беки (князья. – Б.А.) не сумели стеснить в правах джамааты этих селений, в особенности те тухумы, чьи предки поселились на плоскости задолго до прихода Солтан-Мута, сюда мы включаем сала-узденей, гуенов и тюменов, часть узденей других категорий»².

В основном, соглашаясь со сказанным, у нас вызывает сомнение возможность совместного пользования землей с князьями догерек-узденей, кара-узденей и азат-узденей, которые даны у А.С. Акбиева как «часть узденей других категорий». Это были категории узденства, которые находились в поземельной зависимости от князей, они не имели своей земли, а пользовались землей князей. Тем более, не может быть и речи о чагарах, терекемейцах и других зависимых поземельно и лично категориях населения.

Изучая земельные отношения Засулакской Кумыкии, А.С. Акбиев, надо полагать, и, не без основания, если иметь в виду приведенные выше свидетельства как представителей самих князей, так и народа, выражает несогласие с существующим мнением дореволюционных (А.М. Буцковский, Ф.И. Леонтович, Н.П. Тульчинский) и советских (С.В. Юшков, Р.М. Магомедов, С.Ш. Гаджиева, Б.Г. Алиев) исследователей о том, что засулакские князья были абсолютными, неограниченными собственниками земли³. «Все же, – пишет он, – на наш взгляд, такая постановка вопроса является не совсем точной. Беки (князья. – Б.А.) были собственниками земли, однако: 1) им не удалось присвоить себе земли старых сельских общин; 2) те земли,

которые раздавались ими на правах условного владения, со временем считались собственностью получателей; 3) после того, как в первой половине XVIII в. произошел раздел земли между бекскими фамилиями, переделов больше не происходило и «народ, сроднившись со своими местами, доставляющими им хлеб и все содержание, считал их своей собственностью»¹.

Из приведенных высказываний и князей, и народа, мнения, к чему пришел А.С. Акбиев на основе анализа имеющихся сведений, действительно можно заключить, что в Засулакской Кумыкии князья не имели полной собственности на земли. Они на самом деле не могли распоряжаться всеми землями как хотели, так как, если, с одной стороны, они выступали как частные собственники в рамках княжеских фамилий, т.е. совладельцами с остальными членами определенной фамилии, то, с другой, – они выступали как совладельцы с жителями тех селений, где находились земельные угодья. Поэтому нельзя не согласиться с мнением А.С. Акбиева о том, что факты «свидетельствуют о двойственности в правовых воззрениях засулакских кумыков на земельную собственность. Все это дало основание Д.-М. Шихалиеву утверждать, что «князья кумыкские суть ограниченные владетели земли и только покровители народа»².

Но, по сведениям того же Д.-М. Шихалиева, до Газимагомеда в Засулакской Кумыкии было много мелких деревень, которые «первоначально были не что иное, как хутора княжеские, или узденские», расположенные на частных землях княжеских или узденских. На общих землях всех аксаевских князей были качкалыки и деревни, расположенные на Сунже и Тереке до Амир-Аджи-юрта. На общих землях всех кумыкских князей жили аухи, а на разделенных землях между всеми кумыкскими князьями жили салатавцы³.

Из сказанного ясно, что в Засулакской Кумыкии имелись не только фамильные княжеские земли, но и частные. Эти единичные земли князей образовались в XVIII в. также в результате покупки ими земли и выделения им уделов – части из обще-

¹ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.14. Л.62, 93, 122, 172.

² Акбиев А. Указ. соч. С.68.

³ Там же.

¹ Акбиев А. Указ. соч. С.68.

² Там же. С.69.

³ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.37-38.

го состояния¹. На наличие у кумыкских князей частных земель писал Ф.И. Леонтович, отмечая, что у них было два вида феодальной земельной собственности – «общее владение, т.е. земли, принадлежащие целой фамилии, и частное, составляющее собственность одного только лица»². Согласно источникам, собственностью «отдельных кумыкских феодалов являлись нередко и такие земли, которые они получили с правом потомственного владения, без всяких условий от русского правительства и крупных местных владетелей за оказанные им услуги». По сведениям Д.-М. Шихалиева, эндиреевскому князю Алишу, родоначальнику рода, известного в Костеке под именем Хамзиных, русское правительство пожаловало землю, принадлежавшую князьям бурчбиям, которые изменили России. На новой земле Алиш с разрешения начальства крепости Святого креста «населил Костек, возобновил Байрам-аул, бывшую резиденцию князей бурчбиев»³. В то же время он и, «переселяясь на всегдашнее жительство в новое свое владение, не отказывался от прав своих на родовые земли, близ Андреева (Эндирея. – Б.А.) оставшиеся»⁴. Приводит он и другой пример – после упразднения крепости Святого кр. один эндиреевский князь Казий из рода Темировых получил разрешение от князя Потемкина основать Казий-юрт и иметь там, через Сулак паром. «Казий присвоил себе окружные порожние (пустующие. – Б.А.) земли...»⁵ После его смерти «князь Шефи Темиров исходатайствовал у фельдмаршала графа Гудовича грамоту на владение Казий-юртом и землею»⁶. Весьма интересные примеры приводит Р.М. Магомедов. «В 1733 г. костековские «почетные» жители Магомед-Гази, Алхас, Шиха, Гусейн, Магомед, Абужали и Кауф обратились к русскому коменданту Св. Креста генералу Левашову с просьбой принять их в российское подданство и позволить

¹ ЦГА РД. Ф.105. Оп.3. Д.49. Л.60. Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С.120.

² Леонтович Ф.И. Указ. соч. С.189-190. См. также: Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн.1. С.632.

³ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.34.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.34-35.

⁶ Там же. С.35.

им поселиться за горячим колодцем (...в Салатавии) и быть во владении аксайского Алиш-бека». Указом Анны Ивановны им было разрешено поселиться на этих землях, в результате чего костековский владелец Алиш и его потомки получили широкую возможность пользоваться присулакскими землями в Салатавии, где расположены селения Зурамкент, Миатли и др¹.

Другой пример, приведенный Р.М. Магомедовым, – в 1778 г. эндиреевский владелец Кази Темиров получил от командующего Астраханской губернией генерал-майора Ивана Якубия билет, т.е. право указанного владельца «на пастьбу табуна в урочище Долмы» (Долма – рукав реки Сулак) и «на бугор Уска-т-эгиз близ моря и иметь там хутор»². Это право за Кази Темировым подтвердил П.Потемкин. В выданном Потемкиным в 1786 г. документе говорится: «Даю сей открытый лист Кавказского наместника эндиреевскому владельцу Кази Темирову, что позволяется ему селить слободу по реке Сулак, в окрестностях бывшей крепости Святого Креста вольными и независимыми людьми и пользоваться землями тамошними так, как и прочие соседственные кумыкские владельцы»³.

Хорошо сказал о процессе захвата общественных земель местными феодалами и передаче им российским правительством Н.П. Тульчинский. Он писал, что русская власть воспитывала детей влиятельной аристократии в русских учебных заведениях, принимала их потом на русскую военную службу, награждая их высокими чинами и, наконец, способствовала этим же князьям захватывать общественные земли, выдавая им под разными наименованиями бумаги, в которых разрешалось князьям владеть теми или иными угодьями и деревнями⁴. Следует отметить, что именно с присоединением Засулакской Кумыкии к России усиливается захват феодалами общинных земель, что было отмечено и Н.П. Тульчинским. Он, в частности,

¹ Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С.326. Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.162.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Тульчинский Н.П. Указ. соч. С.5.

писал: «Наибольшая часть земельных захватов имела место в XVIII столетии при преемниках Петра I-го и преимущественно в царствование Екатерины II-й»¹. Именно в XVIII в. «русские магнаты» энергично содействовали своим авторитетом к созданию крупных земельных собственников на кумыкской плоскости»², и этот процесс продолжался до конца первой половины XIX в. Засулакские князья, а также следующая по феодальной иерархии группа феодалов из сала-узденей, «служба в русской армии» и работая чиновниками различных рангов, «держали в своих руках все нити для превращения общественных земель в свои собственные»³. И, как писал далее Н.П. Тульчинский, это и приводило к тому, что «масса земель поступала во владение князей без всяких правительственных распоряжений, только по праву сильного»⁴. Этим можно объяснить и утверждение полковника А.М. Буцковского, собиравшего материал для описания Кавказской губернии, о том, что в Засулакской Кумыкии «все земли без исключения составляют полную собственность княжеских родов» и что эти князья «имеют наследственных подданных в роде крестьян, коих, однакож продавать не могут, а получают только с каждого двора в год: один воз дров, одного работника на один день к посеву и жатве хлеба и сенокосению»⁵.

Конечно, в решении земельных вопросов российская администрация защищала интересы феодалов, а не крестьян. В районах, которые оказались в сфере российского влияния, и главным образом на Кумыкской плоскости, военные давали князьям и бекам «ордера», «билеты», «грамоты», «охранные листы» на право владения различными земельными участками. В результате в Засулакской Кумыкии вся земля в 400 тысяч десятин стала собственностью 10 княжеских фамилий, а 10 тысяч крестьян оказались безземельными.

¹ Тульчинский Н.П. Указ. соч. С.6.

² Там же. С.9.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С.239.

Думается, здесь уместно привести слова А. Руновского, который писал о периоде после присоединения Дагестана к России и имевших место и до этого порядках в феодальных владениях Дагестана. «Мы, – отмечал он, – способствовали угнетению горцев со стороны их владетелей... После покорности дагестанских племен мы не изменили существенно господствующую там вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили тиранию владетелей, но предоставили им власть управлять народами на прежних основаниях, еще укрепили эту власть...»¹.

В связи с вопросом о захвате засулакскими князьями общинных земель интерес представляет материал о захвате земель ногайцев. Согласно «Истории ногайцев...» кумыкские князья тревожили ногайцев, они «устроивали зимовья на наших (ногайских. – Б.А.) землях, осушали уголья (*сага*), мучили нас». «Костековские князья не давали ... покоя ... казиюртовцам. Они зарезали овец Девлетгирея, вспахали пастбищное место, предназначенное для его скота». В другом месте отмечается, что «когда в Эндирее был приставом Джанбулат, на наши ногайские земли вновь пришли пахать»².

Кумыкские князья Засулакской Кумыкии имели различные категории земель и на территории Салатавии. Д.-М.Шихалиев отмечал, что это были лучшие «во всем Дагестане пастбищные горы», которые они отдавали на откуп, так же, как и другие кутаны, отдаваемые «внаем для пастьбы баранов на зиму салатавцам, ауховцам, гумбетовцам, койсу-болинцам и даже акушинцам»³. Согласно сведениям, собранным Ш.М. Мансуровым, чиркеевцы арендовали горы Малиш-тау, Накаашу, Балатау, Цебеанлу, Кабюралли, Батлюб-шоб и Росдал-шоб. За пользование этими горами и за свободную пастьбу зимой баранов на кутане Шава, между Тереком и Сулаком, а также за сады, расположенные около Чиркея, «они платили с каждого жителя, кто имел виноградники на арендуемых землях, по одной сапет-

¹ Военный сборник. 1859. № 42. С. 680.

² Хрестоматия по истории права и государства Дагестана XVIII-XIX вв. Ч.1. С.112-113.

³ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.43.

ке винограда или по 20 коп. сер., с 50 баранов по одному шаму (годовалый баран)»¹.

Сохранились сведения, показывающие какие салатавские села у каких князей арендовали те или иные участки. Так, жители селений Чиркей и Гертма арендовали земли у князей Айдемировых; жители селений Гостала, Иха, Гуни и Бавтугай – у Муртузали Аджиевых; жители селений Зурамкент – у Темировых; Инчхо, Хубар, Алмак, Дылым – у князей Казаналиповых; жители Миатли – у князей Хамзаевых и Паштовых; жители Буртуная – у князей Каплановых². Причем кутаны приносили князьям огромные доходы. По свидетельству Д.-М.Шихалиева: «Каждый кутан или каждая гора могла кормить от 3-х до 6-ти тыс. баранов в известный период года, и каждый из этих угодий стоил откупщикам не менее 50-ти барашков годовалых и 12-ти кусков сыра весом в 12 фунтов каждый»³.

Имеющиеся сведения показывают, что в Салатавии имелись не только фамильные княжеские земли, но и частные, собственниками которых были отдельные представители княжеских родов. Причем такие земельные угодья имелись еще до XVIII в. Но мы приведем ряд примеров по исследуемому периоду. Согласно архивным источникам, сохранились купчие, согласно которым многие такие частные княжеские участки в Салатавии были проданы местным жителям. Так, земельные участки Белешген и Инчхе в 1115 г.х. (1703 г.) жителю села Гертма Джабраилу продал эндиреевский князь Магомед Айдемиров⁴. Другой эндиреевский князь Муртузали-Хаджи Чупаулау-оглы в 1172 г.х. (1759 г.) продал свой **собственный горный участок земли** (подчеркн. мною – Б.А.), находящийся в Салатавии, жителю сел. Чиркей Магомед-Аджи Шейх-оглы⁵.

¹ Мансуров Ш.М. Салатавия (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала, 1995. С.72.

² ЦГА РД, Ф.105. Оп.1. Д.12. Л.33; Д.4. Л.19, Д.6. Л.42. Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.202.

³ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.43-44.

⁴ ЦГА РД, Ф.147. Оп.4. Д.41-а. Л.15.

⁵ Там же. Д.44-а. Л.43.

Согласно имеющимся данным, к концу XVIII в. на территории Салатавии было 5200 дес. земли, находившихся в собственности засулакских феодалов-князей. Эти земли были захвачены ими в основном у сельских общин салатавцев, начиная с XVIII в. вплоть до 20-х годов XIX в.¹

Всего же в собственности княжеских фамилий, начиная от Терека до Сулака и от предгорья до Каспийского моря, как отмечалось выше, находилось до 400 тыс. дес. Кроме того, они владели и рыбными ватагами. Лишь небольшие площади присельских земель оставались в собственности сельских обществ Эндирея и Аксяя. Все население, находившееся на землях князей, за их пользование обязано было нести князьям подати², как «полноправным владельцам земли»³.

Выше уже отмечалось, что больше всего феодальных владений в Дагестане было у кумыков, и поэтому у них было много и феодальных владельцев. Но не все они были такими крупными, как указанное выше Тарковское шамхальство или княжества Засулакской Кумыкии. И, естественно, собственные владения их правителей были не такими большими, как выше-названных владельцев. Среди оставшихся феодальных владельцев кумыков были мехтулинский хан, утамышский султан, бамматулинский владетель, правитель Буйнака крым-шамхал. Среди них наиболее крупным был мехтулинский хан, на феодальной земельной собственности которого, прежде всего, следует остановиться.

Само Мехтулинское ханство, как было сказано во второй главе монографии, согласно записке Временной комиссии, учрежденной для разбора сословно-поземельных прав жителей Северного Кавказа, образовалось примерно во второй половине XVII в. Вопрос образования ханства имеет прямое отношение к образованию и феодального землевладения его владельцев. Поэтому коротко отметим, что первый правитель его по имени Мехти (с прозвищем Кара-черный) сначала не имел феодальной земельной собственности, так как не было у него своей ре-

¹ Мансуров Ш.М. Указ. соч. С.72.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.201; История Дагестана. М., 1968. Т.2. С.42.

³ Белобородов А. Прошлое кумыков // Терские ведомости. 1896. № 145.

зиденции. Как сказано в указанной записке Временной комиссии, Мехти, «удалившись из Кумуха, стал проживать попеременно в разных деревнях, соседственных к населению, составившему впоследствии Мехтулинское ханство»¹.

Став известным местному населению, «как человек, который способен удерживать принятое им под покровительство население от внутренних неурядиц и ограждать от набегов соседей», Кара-Мехти сначала был приглашен «аймакинцами, а потом оглинцами, чтобы он принял их под свое покровительство. Примеру этих селений последовали вскоре и общества других одиннадцати селений, живущих до того вольными, самостоятельными общинами». Вскоре Кара-Мехти «приобрел над всем отдавшимся ему народом власть правителя и военачальника»².

Первые годы управления для Кара-Мехти все необходимое давало население. Затем, когда стали известны годовые расходы его более состоятельные (как сказано в источнике «часть селений». – Б.А.) распределили между собой повинности, а другие селения менее состоятельные – взяли на себя обязанности выставлять по приказанию правителя вооруженных людей³.

Но главное – вместе с повинностями «Кара-Мехти народ предоставил в свое пользование некоторые участки общественных земель и пастбищных гор»⁴. Они то и явились основой будущей крупной земельной собственности мехтулинских ханов, чему способствовала и политика, проводимая потомками Кара-Мехти. Они еще больше укрепили свою власть и права в селах, перешедших под управление Кара-Мехти, «и, войдя в родство с домами шамхала и аварских ханов, начали сами именоваться ханами»⁵.

В изучаемое время мехтулинские ханы уже были одними из известных и крупных феодальных землевладельцев. Причем крупное феодальное землевладение в Мехтулинском ханстве

¹ Мехтулинские ханы // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.2. С.2; Феодальные отношения... С.35.

² Там же.

³ Там же. С.2; С.35-36.

⁴ Там же. С.2; С.36.

⁵ Там же.

было таким же, как и в Тарковском шамхальстве. В собственности мехтулинских ханов также находились все категории земель. В указанной записке Временной комиссии о владениях Мехтулинского ханства прямо говорится, что вплоть до конца XVIII в. здесь было «неразделенное владение». И лишь после смерти Умы владение ханов стало делиться на уделы между его наследниками¹. Причем, как сказано в источнике, доставшиеся в удел деревни с их землями находились «в исключительном владении» их собственников «до прихода генерала Ермолова в Дагестан»².

В исследуемый период мехтулинские ханы имели в собственности земли, «наследственные от предков», т.е. те земли, которые получил Кара-Мехти от сельских общин после его приглашения в качестве правителя, и присоединенные последующими владельцами от земель сельских общин. В их числе были кутаны (зимние пастбища, которые отдавались в аренду сельским обществам и частным лицам). Это Киры-Яр, Паракси, Ндакун, Саях-Ачи, Юхари, Аданак; горы, также отдаваемые в аренду (летом) – Алицулькал, Оральулькал, Кульдузулькам, Мага-Ураха, Шанки, Давабул-Меер, Гумбет-Тав, половина горы Барцани-Меер; «предгорные поля» Дженеки и Урута, которые отдавались в аренду под распашку и кошение; хутор Мархи, в сел. Кака-Шуре, где хан имел собственное хозяйство (пашни и пастбища)³. Кроме того, собственностью хана были не только земли, на которых было основано сел. Апши (урочище Апши-Кала), но и земли сел. Ахкент и Чогли, что подтверждается переходом выморочных земель жителей этих сел к мехтулинскому хану и прямое указание источника, что земли, на которых основаны эти села, принадлежали хану⁴. Согласно источникам, известно, что Рашид-хану лично принадлежали кутаны Кирьяр и Идум-кутан⁵, не считая других категорий земель.

¹ Мехтулинские ханы // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.2. С.3; Феодальные отношения... С.36.

² Там же. С.4.

³ Феодальные отношения... С.48.

⁴ Там же. С.45; Мехтулинские ханы. С.9, 13.

⁵ Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.215. Ссылается на ЦГИА РГ. Ф.416. Оп.4. Д.35. Л.201.

Интересный материал по землевладению мехтулинских ханов обнаружен и издан Т.М. Айтберовым. В изданном им «Соглашении» мехтулинских князей с населением сел. Охли говорится, что охлинцы оставили в собственность «эмиров» Алисултана и Ахмедхана-Хаджи местность Завзан¹. Он полагает, что это территория, которая в прошлом принадлежала князю Завзану Мехтулинскому (ум. в конце XVII в.)².

Жители Мехтулинского ханства за пользование землями хана платили различные подати и несли повинности. Вот как об этом сказано в источнике: «Мехтулинские ханы пользовались разными налогами и повинностями, частью издавна установившимися, частью введенными при нашем (русском. – Б.А.) правительстве»³. В ханстве было три вида налогов (податей) и повинностей. К первому виду относились подати и повинности, «довольно точно определенные»; ко второму виду – не определенные в размере, но выполняемые жителями «по мере надобности и востребованию»; к третьему виду относились «случайные, обязательные только при известных обстоятельствах»⁴. В источнике указаны 14 видов податей и повинностей⁵. Как бы суммируя их, в 30-е гг. XIX в. А.П. Щербачев – офицер русской армии, в специальной работе, посвященной Мехтулинскому ханству, койсубулинцам и Аварскому ханству, писал, что «хан получает ясак с жителей баранами, хлебом и фруктами». Уточняя эти общие слова, ниже он писал: «Он (хан. – Б.А.) получает из каждого двора по 1 сабе, весом 1 п. 20 фунт., пшеницы или по 2 барана. Кроме того, каждое семейство дает на день одного работника для снятия хлеба»⁶.

Но в источнике дается более обстоятельный перечень каждого из трех видов податей и повинностей, с указанием отдель-

¹ Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. / Состав. Айтберов Т.М. Махачкала, 1999. Ч. II. С.102-103.

² Там же. С.116.

³ Мехтулинские ханы... С.9.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.10-13.

⁶ Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. 1830 г. // ИГЭД. С.294.

ных сел и количества конкретного вида податей и повинностей, которые несли в пользу ханов жители ханства¹.

Из других феодальных владетелей кумыков отметим бамматулинского владельца, во владении которого было 7 сел с центром в сел. Большие Казанищи. Это был особый удел потомков одного из членов шамхальского дома, по имени Баммат, «которому предоставлены были они (села. – Б.А.) в наследственное владение и наследники которого управляли независимо от шамхалов»². Имели ли бамматулинские владетели свои domains или нет, источники не говорят. Но не может быть сомнения, что как феодальные владельцы они являлись и самими крупными землевладельцами в своем владении. Из 7 сел, которые составляли владение, при последнем владетеле Гирей-беке, жители сел Малые Казанищи, Кафыр-Кумух и часть сел. Халимбек-аул, имея своих «особых беков», не платили владетелю ничего. Он не имел «право пользования доходами и повинностями» с них³. Значит, в остальных 4 селениях владетель имел, надо полагать, свои земли, жители которых давали ему «доходы и повинности» за пользование его землями.

Небольшим было и Утамышское султанство, которое в исторической литературе известно и как владение, и как союз обществ, входивший в состав Кайтагского уцмийства. Но известно, что до похода Петра I в Прикаспие в 1722 г. здесь был свой владетель – султан. И он, конечно, имел свои земельные владения. В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» сказано: «Гамринский магал составлял прежде отдельное и независимое владение под управлением бека из фамилии Карачи, из которых старший вроде был правителем всего магала»⁴.

Из этих же сведений мы узнаем о земельной собственности владельцев-султанов, которая находилась в Каякенте, в пользовании его жителей. Кроме того, султаны «имели в своем владении и другие земли, проданные ими в разное время, из которых значительная часть находится во владении общества сел. Ута-

¹ Мехтулинские ханы. С.10-13.

² Там же. С.4-5.

³ Там же. С.5.

⁴ Феодальные отношения... С.228.

мышь»¹. Из этих слов выходит, что земли султана находились и в других селениях владения.

За пользование землей султана жители сел. Каякент платили подать «произведениями земли», куда, надо полагать, входили различные злаки, а также овощи и фрукты, так как во владении султанства, занимавшем территории равнины и предгорья, были развиты садоводство, виноградарство и овощеводство.

Как было показано во второй главе монографии, в Нагорном Дагестане в исследуемый период было два феодальных владения, о которых есть сведения в источниках – Аварское и Казикумухское ханства. Владельцами в этих ханствах были ханы, которые и являлись самыми крупными землевладельцами. В собственности этих ханов находились главным образом пастбищные горы, хотя они владели и пахотными участками, которых было несравненно меньше, чем горных пастбищ. По мнению дагестанского этнографа М.А. Агларова, эта особенность крупного феодального землевладения в Нагорном Дагестане объяснялась тем, что «пахотные и другие так называемые «оживленные» земли перешли в частную собственность землевладельцев задолго до феодализации общества, что создало огромное препятствие образованию латифундий за счет мюльков»². По этой причине феодалы захватывали «общинные земли и то слабых общин и плохо организованных общин, которые феодалы сдавали в аренду тем же обществам, получая за это определенную плату»³. Но была еще не менее веская причина этому – это естественно – географические условия, которые не способствовали широкому развитию в горах пашенного земледелия, малочисленность пахотуодобных земель, гористость местности, благоприятствующая больше развитию животноводства. Именно природно-географические условия, а также хозяйственная деятельность горцев являлись одной из причин сосредоточения в собственности феодалов в основном пастбищных гор и отдельных мест. В горах пахотные участки были неболь-

¹ Феодальные отношения... С.229.

² Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука, 1988. С.81.

³ Там же.

ших размеров и разбросаны в разных местах, порой далеко друг от друга, а часто это были террасированные поля. Поэтому «горские феодалы не были заинтересованы в захвате мелких и рассеянных по крутым склонам гор пахотных участков. Они стремились монополизировать право пользования горными пастбищами, выступая в роли покровителей и защитников скотоводческой общины и взимая за это натуральную подать с других членов общинного коллектива»¹.

Возникнув задолго до исследуемого периода, собственность феодальных владетелей Нагорного Дагестана в интересующее нас время превратилась в крупную феодальную собственность. Владетели феодальных владений Аварского и Казикумухского ханств в XVIII – первой половине XIX в. являлись владельцами огромных массивов земли. «Аварские феодалы, – писал проф. Р.М. Магомедов, – являлись крупными собственниками земли и скота»². Так, по сведениям первой трети 30-х гг. XIX в., аварскому хану принадлежали земли, находившиеся в пользовании как ряда союзов сельских общин, так и отдельных сел: Калалал, Орота, Харахи, Амуши, Мусшул. По сведениям Р.М. Магомедова, аварскому хану принадлежали земли вокруг Хунзаха и в селах Цалкита, Местерух, Куани, Мусшула, Токита, Глотлук, Ках, Амишта. Ханские сады имелись в Голотле, Хинибе, Целмесе, Тлохе, Гоцатле, Заибе. Ханские пастбища находились «и на территории Каратинского, Гидатлинского, Андийского и Ахвахского вольных обществ»³. Только с голотлинских садов хан собирал более 500 корзин (1500 меры или 500 пудов) винограда⁴. В начале XIX в. комендант Кизлярской крепости А.И. Ахвердов писал: «Доходы прежних ханов аварских простирались до 100 000 рублей персидскими деньгами, или товарами и скотом, но по непослушности его народа и по разстройкам жены почти ничего не получает, кроме за одне

¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1966. Т.2. С.560.

² Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.92.

³ Там же.

⁴ Львов Н.О. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ. 1867. № 71.

земли, где летом подданных его пасутся овцы, за то платят ему овцою, сыром и маслом»¹.

В 30-х гг. начальник 21-й пехотной дивизии и левого фланга Кавказской линии Р.Ф. Розен писал, что жители Калала аварскому хану «довольно послушны и платят ему ясак за землю, которая считается принадлежащей дому аварских владетелей»².

Выше среди других сел, на территории которых находились земли аварского хана, упоминалось и сел. Куани. Интересно, что это нашло отражение и в адатах, вернее, Куани зафиксировано как сел. Аварского округа. Так, в одной из статей адатов сел. Куани сказано: «Если кто из другой деревни придет в Квани и убьет кого-нибудь из них по кровомщению, то он должен заплатить сто овец, потому что земля, на которой они живут, принадлежит начальнику» (т.е. хану. – Б.А.)³. Подтверждается это и в «Ленной грамоте» хунзахских правителей, выданной на имя Сурхая, сына Гебек-хана. Куани являлся мюльком аварских ханов. Право владеть Куани в 1830 г. было передано Китлилай-бике и Баху-бике Сурхаю. Ему же Баху-бике отдала и гору Хацатль (Гьац'аль)⁴.

Большая работа по выявлению бывших земель аварских ханов была проделана Х.-М. Хашаевым. Им в различных архивохранилищах бывшего СССР были собраны сведения о весьма большом количестве земель, находившихся до Шамиля во владении аварских ханов. Хотя и трудно утверждать, что все они принадлежали ханам и в исследуемый период, так как земельная собственность ханов постоянно менялась за счет увеличения или уменьшения как в результате прямых захватов земель у сельских общин, так и дарений им или купли, тем не менее, можно безошибочно утверждать, что многие из перечисленных Х.-М.О. Хашаевым в своей монографии и изданных им в сборнике архивных материалов земель (в особенности пастбищных

гор) и в интересующее нас время входили в состав земельной собственности аварских ханов. На них и остановимся ниже.

Но прежде отметим, что все земли раятских селений Ках, Токита, Тлейлук, Мусшул, Куани, Хиниб и Амишта являлись ханскими и с них полагалась дань: с гор, воды, сенокосных угодий, садов и посевов¹. Аварским ханам принадлежало и сел. Сиух. До начала XVIII в. здесь, как писал об этом Р.М. Магомедов, не было своих ханов, но ранее это был домен хунзахского правителя, ставшего затем уделом одного из представителей рода нуцалов².

О принадлежности многих земель хунзахскому хану свидетельствуют указания о них, что они были собственностью хана «с давних времен», «издавна», «в дошамилевское время» и т.д. Так, кроме указанных выше сел, гор и участков земли в разных селах, согласно архивным источникам, аварским ханам принадлежали: горы Багда-меер, Сайсута, пастбищное место около сел. Мистерух (Чолкай и Ротлан), горные пастбищные места и часть покосных мест Хурдутль-Бак, Сагальды, Нухлутль, пахотные поля и сенокосные места около сел. Хиндах, пахотные поля Теки, пахотные поля и сады около сел. Большие и Малые Амуши. Все эти земли составляли более 350 дес.³

Согласно архивным источникам, аварским ханам принадлежали в сел. Куани пахотное поле Кудияб-Хур и один участок сенокоса; в сел. Харахи – участок сенокоса Харитль-Бак и пахотный участок в местности Токита; в сел. Ахальчи – местность Коло-Бак на урочище Матлас. Здесь же сказано, что сиухцы пользовались горами хана Хунди-меер, Бокда-меер и Аргичу-меер «с незапамятных времен» и платили хану: «за первую гору 10 раталов (9 пудов) коровьего масла, за вторую – 90 мер молока, за третью – через год по одному барашку со стада пасущихся баранов»⁴.

¹ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С.225.

² Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С.290.

³ Из истории права народов Дагестана / Сост. А.С.Омаров. Махачкала, 1968. С.33.

⁴ Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. / Сост. Т.М. Айтберов. Махачкала, 1999. Ч.1. С.104-105.

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.94-95.

² Там же. С.89-90.

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.147.

⁴ Феодалные отношения... С.280-283; Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. II. С.200.

Земли, которые в прошлом принадлежали аварским ханам, после присоединения Аварии к России были переданы в казну. Таких земель в Хунзахском наибстве было 14,75 десят. пахотной, 220,5 десят. покосной и пастбищной; в Цатанихском наибстве – 40 десят. пахотной и 175 десят. пастбищной; в Батлухском наибстве – 702,5 десят. покосной. Ханской собственностью были покосный участок Тобот (5 дес.), пастбищные горы Алагада-меер (300 дес.), Матлас (250 дес.), Перси-меер (200 дес.), Гортлахун-меер и Хунди-меер и Тассахун-меер, каждая не менее 200-300 десятин¹.

Принадлежность в прошлом (конечно, и в изучаемое время) аварским ханам многих земель подтверждали уже после присоединения Аварии к России (речь идет о 70-х гг. XIX в.) и представители аварских сельских обществ и отдельные лица, пользовавшиеся в прошлом («ханское время») их землями и обращавшиеся к русским властям выделить им земли из бывших ханских владений или же освободить их от податей за пользование горными пастбищами, пахотными участками и покосами, ранее принадлежавшими аварским ханам. Таким путем была установлена принадлежность аварским ханам земель Бекьул-Бак, кутана Аруша, леса около сел. Кванхидатль, земель около сел. Ингердах, Хурдутль-Бак, Сагалади и Нухлутль, пахотного участка в сел. Кваниб под названием Кудияб-Хур, перечисленных выше гор в Сиухе, гор в сел. Орота Тассахун-меер и Гортлахун-меер, части горы в сел. Тануси-Арах-меер, пастбищной горы, которой пользовались жители сел. Зибирхали, Годобери и Шодрода, лесного участка под названием Ачабуково, сенокоса под названием Хурдутль-Бак, пахотного участка в местности Токита, находившихся в пользовании жителей сел. Харахи, четырех гор между сел. Унцукуль и Ишкарты².

Много сведений о ханских землях в Аварии собрал и издал Р.М.Магомедов. По его сведениям, в собственности аварских ханов находились Цолотль (Хиниб), Заиб и голотлинские земли, пригодные под сады, сенокос Митлас, пастбища Хакхита, Нак-меер, Грутли, Ахару-меер, Тала, Коро, Энгеро, Чара-меер,

пахотные земли Гьала и Хансул Кулк и сенокосный участок Харитя¹.

Земельная собственность аварских ханов увеличивалась за счет дара им земель сельскими общинами. Такими участками, согласно сведениям, собранным Р.М.Магомедовым, являлись Жанимих, Ободинский Тонтината бак, Игиштани, Чина-меер, Жатул хlor, Харатли, которые аварский хан получил в дар от сельских обществ Цада, Ахальчи, Шотода, Обода, Батлайчи и Орота².

Согласно «Записи о даре со стороны хунзахцев Мухаммеднуцалу Аварскому (1175/1761-1762 г.)», хунзахский джамаат подарил нуцалу гору Алатади, когда у него родился сын Уммахан³. При рождении сына у другого хана он вынудил батлаичцев «подарить ему пастбища и сенокосы в местности Чина-меер, где находятся развалины старого аула, а также пастбища и сенокосы «Тпадулахlar» в местности между Гинучутлем и Батлаичем»⁴.

Земельная собственность аварских ханов, как крупное феодальное землевладение в других владениях Дагестана, увеличивалась и за счет захватов ими общественных земель. Так, у сел. Обода были захвачены пастбищные места Бакъли, Талаку-меер, Нуси и Кулутли, а также пахотная земля сел. Орота Ахидури. У сел. Харахи хан захватил пахотные земли Теледа Наха⁵. Р.М. Магомедов приводит интересные примеры, как аварские ханы захватывали земли сельских общин. О небольшом сел. Коло, расположенном между Хиндахской и Колинской речками, он писал: «Земля здесь плодородна. По рассказам местных жителей, хунзахский хан послал одного из своих племянников по имени Килич в местность «МельльичиТиб». Килич построил себе укрепленную усадьбу и овладел всем окружающим богатством: землею, садами, пастбищами и т.д. Так колинцы лишились своих земель и угодий»⁶.

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.96.

² Там же.

³ Хрестоматия по истории права... Ч.II. С.6-7.

⁴ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып.II. С.86.

⁵ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.97.

⁶ Там же.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.147, 148.

² Там же. С.147-149.

Другой интересный пример о захвате аварских земель сел. Тадмагатли и порабощении его жителей: «Хан со своей дружиной явился в тадмагатлинскую местность и объявил, что отныне вся долина, где расположено было село и остальные земли, принадлежат ему и тадмагатлинцы за пользование ими должны платить ему дань»¹.

Земельная собственность аварских ханов, как и владельцев других феодальных владений Дагестана, носила наследственный характер. Приведем один пример, подтверждающий это. По сведениям подполковника Скалона, собранным им в Хунзахе, раньше одному из сыновей аварского хана Сурхай-хану принадлежало определенное количество «деревень»². Другой сын хана Абу-Султан-нуцал-хан в прошении к Николаю I просил возвратить ему **наследственное имение**, состоявшее из трех с половиной деревень, гор и пашни Диргиль, Феравиль, Урели, половины дер. Алпаль, 6 загородов, 8 гор, земли в сел. Тушь и Мусуль³.

Р.М. Магомедов приводит весьма интересные сведения, собранные им на территории бывшего Аварского ханства, из которых видно, что основные земельные владения хана составляли пастбища⁴. Это дало ему основание утверждать о малочисленности пахотных земель, находившихся в «исключительном его владении» и что «хан был собственником лучших пастбищ в его владениях, а скотоводство являлось основной отраслью хозяйства населения и именно оно составляло главный источник ханского дохода»⁵.

По мнению Х.-М.О. Хашаева, в собственности аварских ханов, кроме пастбищных гор, находилось и более 400 десятин пахотной земли⁶.

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.98.

² Там же. С.92. Сведения из сб.: «Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века)» / Под ред. С.Бушуева и Р.Магомедова. Махачкала, 1940. Ч.III. С.127-128.

³ Там же. С.132.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.96-97.

⁵ Там же. С.92, 95.

⁶ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.127.

Безусловно, аварский хан являлся собственником и пахотных земель и притом немногих, о чем говорит ряд источников. В частности, об этом можно судить из «Перечня податей аварскому нуцалу с подчиненных ему аулов», где среди других податей перечислены и подати с харахинцев, которые должны были подвозить пшеницу и просо в дом нуцала и развозить удобрения на своих ослах к его пахотным местам.

И все же Аварское ханство не являлось исключением среди других феодальных владений Нагорного Дагестана, да и расположенных и в других частях, где «не было условий для создания больших массивов пахотных земель». Поэтому аварские ханы, как и другие горские феодалы, что было отмечено и выше, «не были заинтересованы в захвате мелких и рассеянных по крутым склонам гор пахотных участков», а присваивали горные пастбища, доходами с которых собственно в основном они и жили. Ханские пастбища в Аварии подразделялись на три вида: 1) пастбища-горы и различные участки, принадлежащие хану; 2) пастбища, отдававшиеся крестьянам в качестве надела; 3) пастбища, отдаваемые ханами под условием несения определенной службы. Что же касается пахотных земель хана, то он владел непосредственно только одной частью, а другая часть их «отдавалась в качестве надела крепостным крестьянам»¹.

Крупнейшим владельцем «лучших пастбищ и пахотных земель», владельцем «больших стад мелкого и крупного скота» был казикумухский хан. «Он со своими приближенными – симирдарал составлял высший слой лакской феодальной знати»². Но до первой трети XVIII в. правителем в Лакии был халклавчи и только после взятия Шемахи в 1721 г. восставшими против Ирана дагестанцами во главе с Дауд-Бекком и Сурхай-ханом, бывшим тогда халклавчи, он стал именоваться ханом. О землях халклавчи у нас нет конкретных данных. Но, надо полагать, что ими были земли, которыми владел в Лакии шамхал со столицей в Казикумухе, переселившийся навсегда в Тарки в 40-е гг. XVII в. Слова, сказанные Х.-М.О. Хашаевым о том, что казикумухские ханы, «жившие в старой резиденции (Кумухе. – Б.А.),

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.99.

² Там же. С.277.

унаследовали прежние права и привилегии шамхалов»¹, относятся и к халклавчи. А. Комаров писал, что за халклавчи были закреплены доходы с «некоторых гор и пашен»², специально для этого назначенных.

Как пишут дагестанские ученые, природно-географические условия в Казикумухском ханстве, как и в Аварском ханстве, не способствовали широкому развитию пашенного земледелия. Р. М. Магомедов приводит один официальный документ из ЦГИА РГ, где сказано, что «ханские земли в Казикумухском округе находились на возвышенностях гор, не были пригодны к хлебопашеству»³. Однако, по свидетельству авторов XVIII-XIX вв., в Казикумухском ханстве были и хорошие пашни. Еще в 1728 г. участник Каспийского похода Петра I И.-Г. Гербер писал: «Между горами находятся изрядные и плоскостные (т.е. ровные. – Б.А.) долины и равнины, чего ради содержат великое множество скота, а особенно овец и имеют пашни, но хлеб от стужи, от близко лежащих снегом покрытых гор случающейся поздно воспевае»⁴. В другом варианте работы И.-Г. Гербера, – оригинале рукописи, извлеченном из РГАДА и изданном в 1958 г., говорится: «Хотя сей уезд (Казикумухское ханство. – Б.А.) между горами лежит, однакож **в оном ровные места и для того пашни имеются** (подчеркн. мною – Б.А.), только для стужи хлеб в августе месяце и позже поспевае»⁵. Ниже он продолжает писать, что хан Казикумухский «имеет в своем уезде (владении. – Б.Г.) хорошие пашни, также скотину и баранов»⁶. И далее – утверждение его о том, что: «Доходы получает

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.161.

² Комаров А. Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С.6.

³ ЦГИА РГ. Ф.79. Д.16. Л.6. Магомедов Р.М. Указ. соч. С.263.

⁴ Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Июль-сентябрь. Т.17. № 7.

⁵ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С.102.

⁶ Там же.

владелец, или Сурхай, которые состоят в десятой доле хлеба»¹, также является подтверждением, что в Казикумухском ханстве было хорошо развито пашенное земледелие.

Но все приведенное не говорит о том, что хану принадлежали все пашни, разбросанные по разным местам, где невозможно было вести крупное земледельческое хозяйство. Напротив, главными землями в ханстве были пастбища, и поэтому, как отмечал И.-Г. Гербер, в ханстве содержали «великое множество скота, а особенно овец»². Основываясь на приведенных и других сведениях, Р. М. Магомедов писал, что «основной отраслью хозяйства лаков было скотоводство»³. Он предлагал за основу экономической жизни лаков взять именно «эту сторону»⁴, – как писал он. Ведение крупного скотоводческого хозяйства невозможно без больших летних и зимних пастбищ. Поэтому они играли не меньшую роль в экономической жизни лаков, чем у других народов Дагестана, как например, в Аварии, что было показано выше. Именно из пастбищ складывалась поземельная собственность лакских феодалов. И здесь уместно привести слова Р. М. Магомедова, писавшего: «По тому, как пастбища разделялись на «зимовники» и «летники» и по тому, как большинство беков наделялись пастбищными горами в потомственную собственность, – можно заключить, что **главное и решающее место в системе ханских земель принадлежало летним пастбищам**»⁵ (подчеркн. мною. – Б.А.).

Ниже будет показано соотношение пастбищ и пашен в хозяйстве казикумухского хана на конкретных примерах. Здесь же отметим, что в исследуемый период в Лакии не только было крупное феодальное землевладение, но оно имело тенденцию к постоянному расширению, увеличению, что происходило с увеличением самого ханства в результате присоединения новых территорий. Эту политику начал Сурхай – сын Гирея, который пришел к власти в конце XVII – начале XVIII в. Казикумухскому ханству.

¹ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С.102.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // Сочинения и переводы...

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.264.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.266.

мухский хан не только в самой Лакии, но и на всей присоединенной территории являлся «полновластным правителем». Вполне естественно, что вместе с расширением территории ханства расширялось и само владение хана, что происходило в результате военных походов на соседние владения и союзы сельских общин «и путем оказания покровительства различным сельским обществам, подвергавшимся нападению врагов»¹. Еще при первом же правителе Лакии Сурхай-хане I (Чолаке) к Лакии были присоединены даргинский союз Буркун-Дарго, ряд сел союза Андалал, столица Рис-Ора, сел. Арчи, часть южнодагестанских сел по ущелью Кара-Самура². Сурхай-хан I распространил свою власть на значительное число кюринских обществ и на ряд магалов Табасарана, сделавшись крупнейшим владельцем на северо-восточном Кавказе³. Еще в начале XVIII в. И.-Г.Гербер писал, что Сурхай «через свое богатство и частые подарки дагистанцам, куралинцам и протчим воровских народов к себе привлекал и оттого силен в почтении»⁴. В другом варианте работы И.-Г.Гербера, хранящейся в РГАДА и цитируемой Х.-М.О. Хашаевым, сказано об этом так: Сурхай кюринцев «подданными своими почитает и добром допустить не хочет, чтобы от него отделены были. Также иные между собой не только за едино стоят, но хасикумыки (казикумухи. – Б.А. и нижние (южные. – Б.А.) дагестанцы с ним крепко соединились»⁵.

Естественно, что к Сурхаю, как к сильнейшему феодалу, прибегали к помощи и покровительству многие сельские общества. По мнению Р.М. Магомедова, это был первый этап на пути порабощения свободных общин⁶. Так были порабощены луткунцы и ялахцы, которые, «будучи тесными соседними рутульцами, добровольно поступили под защиту казикумухских ханов, с обязательством платить им за покровительство опре-

¹ Маршаев Р., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1991. С.113.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.160.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.269.

⁴ Гербер И.-Г. Описание стран и народов... // ИГЭД. С.102-103.

⁵ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.160.

⁶ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.269.

деленную дань хлебом»¹. Но, согласно другим источникам, они прибегли к покровительству казикумухского хана во второй половине XVIII в., сделавшись «зависимыми от беков его фамилии»².

При Сурхай-хане I границы Казикумухского ханства дошли до Ширвана. Участвуя в антииранском восстании, как один из руководителей, Сурхай-хан I в 1725 г. становится правителем Ширвана. И.-Г.Гербер называл его «ханом шамахинским», который «купно (вместе. – Б.А.) с Даудбеком или, Хаджи Дауд, главнейший был над бунтовщиками (восставшими. – Б.А.) в Ширване, и через подданство, которое он при ребелии достал, у дагистанцов, куралинцов и других воровских народов славен и в великом почтении»³.

Преемники Сурхай-хана I продолжили его политику расширения владения. Сын Сурхай-хана, Магомед-хан, захватил Нухинское и Кубинское ханства и некоторое время ханствовал в этих владениях. Сын последнего Шахмардан перешел на сторону Кубино-Дербентского владетеля Фатали-хана и управлял северной частью Кюра и Гюнейским магалом, из которых впоследствии образовалось Кюринское ханство, присоединенное затем к Казикумухскому ханству при Сурхай-хане II.

Особенно сильно укрепилась власть хана и расширилась территория ханства во время правления Сурхай-хана II Кумбута. Воспользовавшись междоусобицей между двумя селениями Курахского магала, он захватил их пастбище Хиниг, пастбищную гору – у лезгин, называемую Кохаз в 1074 дес. Жители же Ричинского магала Квардал в Агуле вынуждены были уступить хану летнее пастбище Тунар-вув⁴.

В XVIII в. казикумухские ханы захватили лучшие общинные пастбища в Агуле – в местности Сарфун-су пастбище бедюков, лучшие пахотные участки яркутцев в местности

¹ Справка к законодательству о прекращении зависимых отношений поселенцев Дагестанской обл. и Закатальского окр. к бекам и кешкелевладельцам. С.13. Магомедов Р.М. Указ. соч. С.269; Феодальные отношения... С.121, 170.

² Феодальные отношения... С.170.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.102.

⁴ Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С.113.

ЧирихГор. «Хан захладел селением, – отмечалось в прошении Бедюкского сельского общества на имя начальника по гражданской части на Кавказе, – всем имуществом и распоряжался по своему усмотрению всеми общественными угодьями. Хан начал пользоваться пастьбою своих овец на означенной горе Сарфундаг в течение трех летних месяцев»¹. Впоследствии ханы полностью укрепили за собой эти участки в качестве частной собственности и сдавали их крупным животноводам или тем же общинникам за непосильно большую арендную плату². Как пишет далее А.Р. Насруллаев, казикамухские ханы стали выступать в качестве верховных собственников подвластной им территории. Не говоря уже об основной территории агулов, которая по мере усиления влияния казикамухского правителя полностью попадала под его власть. Земли населенных пунктов Цирхе, Буркихан, Бедюк, Яркут и др. полностью эксплуатировались как собственность ханов. Жители этих общин несли в пользу хана поземельные налоги «за пользование угодьями, считавшимися все ханскими»³.

А еще ранее – «к середине XVIII в. к Казикамухскому ханству окончательно был присоединен даргинский союз сельских общин Буркун-Дарго, который обязан был нести в пользу казикамухского владельца различные повинности. Был тогда же присоединен к ханству Ахмарлинский магал южного Табасарана, в результате чего, как писал Р.М. Магомедов, за счет этих «присоединенных земель стало быстро расти и крепнуть хозяйство лакских феодалов и в первую очередь хана»⁴. Как писал участник Персидского похода 1796 г. майор Ф.Ф. Симонович: «... Кура недостаточенствует скотоводством и есть вообще способна к произведению всех плодов. Она составляет произведениями своими большую часть богатства Хамутаева (Сурхайхана II Кумбутаея. – Б.А.), с которой оный по Кубинскому положению подати собирает»⁵.

¹ Насруллаев А.Р. Агулы – Альфа и Омега. Махачкала, 2001. С.135-136.

² Там же. С.136.

³ Там же.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.270.

⁵ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.151-152.

И в самом Казикамухском ханстве, в частности на территории Кумуха, образовались ханские земли, которые обрабатывались лакскими раятами сел. Тухчар, Бурши, Тулизма и др. Кроме того, хан имел земельные участки и на территории узденских сел. Очень хорошо показал принадлежность казикамухскому хану различных земель, в особенности горных пастбищ, С.И. Габиев. Он писал: «Все горные пастбища, за исключением некоторых, которые считались собственностью отдельных обществ, являлись собственностью хана. Причем хану принадлежали целые селения, жители которых несли определенные повинности. Так, «жители ханских селений Урими, Мукарти и других ежегодно давали по одному быку, масло и сыр в определенных размерах, жители сел. Мухар – по 15 вьюков дров и по одному курдюку, жители сел. Камахи – по 15 вьюков дров и по одной туше барана, жители сел. Вехли, кроме дров, по 1 ½ курдюка и по дачу (мера измерения сыпучих тел. – Б.А.) ячменя, жители селений Хусрашинского магала – по два дастала (мера измерения. – Б.А.) масла»¹. Это были в основном села, заселенные ханом лагами, ставшими его раятами, которых он наделил землей². Согласно посемейным спискам населения Казикамухского округа, землями ханов пользовались жители сел. Хурхи, Чирах, Хосрех, Сумбат, Вачи, Цища, Суха, Хурхи, Гомиах, Тухчар, за что платили хану тамач³ (повинность зерном). Кроме того, хан превратил в раятов силой оружия и даргинские села Чирах, Ашты, Кунки, Худуц и др.⁴

Сохранились сведения, что после смерти в 1858 г. последнего казикамухского хана Агалара русская администрация в Дагестане упразднила ханство и наследственные земли были распределены между потомками ханского дома, а 2571 дес.

¹ Габиев С. Лаки. Их прошлое и быт // СМОМПК. Тифлис, 1906. Вып.36. С.86.

² ЦГА РД. Ф.126. Оп.1. Д.11-б.

³ Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Издание Закавказского статистического комитета. Тифлис, 1890. С.157, 159.

⁴ Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX в. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1960. Т.VII. С.157.

ханских земель – взяты в казну¹. Сохранился список потомков казикумухского ханского дома, между которыми были распределены ханские пахотные земли и пастбищные горы.

Используя и анализируя данный документ, Р.М. Магомедов отмечал, что хотя он относится к более позднему времени, «это ничуть не умаляет важность документа. Земельные ханские владения за это время, если и подвергались изменениям, то не таким уж существенным. Ценность документа заключается в том, что в нем дается полная картина ханской поземельной собственности»².

Согласно списку потомков казикумухского ханского дома, которым были розданы ханские пахотные земли и пастбищные горы, их получили 23 потомков ханского дома.

Анализируя этот материал, Р.М. Магомедов писал: «Перечень лиц, между которыми было произведено распределение наследства казикумухского хана, раскрывает очень интересные моменты в хозяйственном устройстве господствующего класса. Перед нами весь комплекс недвижимой собственности одного из самых крупных лакских феодалов. Мы видим из чего складывалось поземельное владение хана, и прежде всего во всем этом обращает особое наше внимание тот факт, что из 23 потомков ханского дома 19 бекских семейств получили в результате раздела имения исключительно пастбищные горы, а остальные беки – земли под посев. Наибольшее количество земель получила жена Агалар-хана Шамай-бике: землю под пашню на 48 саб и 7 пастбищных гор. На долю остальных пришлось в среднем от одной до трех пастбищных гор»³.

Правивший до Агалар-хана казикумухский хан Магомед-Мирза, сын Аслан-хана Кюринского, согласно сведениям А.Каяева, имел в собственности более 40 пастбищных гор, за сдачу в аренду которых получал 1702 овец ежегодно⁴. По другим данным, казикумухский хан получал от сдачи в аренду

своих пастбищных гор и отдельных пастбищных мест 2500 овец¹ и даже более овец ежегодно². От продажи их, чем занимались старшины зависимых от хана сел, между их жителями, хан получал огромные деньги. В связи с этим Х.-М.О.Хашаев писал: «В условиях животноводческого хозяйства плата за пользование пастбищами по существу является феодальной рентой, так как ханы, захватив основные звенья животноводческого хозяйства – пастбища, поставили животноводов в зависимое положение»³ (подчеркн. мною – Б.А.).

Отметив, что основным видом феодальной собственности казикумухских ханов были пастбищные горы, обратимся и к другим категориям земель, в частности их пахотным землям. Из приведенного выше источника известно, что все земли казикумухского хана составляли 178 саб посева или 8,9 десятин земли. Если посмотреть, как они в конце 50-х гг. XIX в. были распределены между потомками хана, то мы увидим следующую картину. Больше всех пахотных земель, как и пастбищных гор (Лавмач, Ганшировалу, Кали-Карбархимхалу, Арчи-Хулия, Бизикалу, Ариралу (3 часть) и Чихламу (летник), получила Шамай-бике. Они находились при сел. Кумух, Тума, Кума. Общая площадь их составляла 40 сабов посева. Пашни при сел. Кумух были известны под названием ХанналкIу (что значит ханские) и обрабатывались раятами. Они составляли 8 сабов посева. Площадь посева в местности Кунхулуху равнялась 6 сабам, при ауле Тума – 12 сабам, Кума – 12 сабам⁴.

Но Шамай-бике была не единственной наследницей, получившей из ханских земель пахотные земли. Пахотные участки получила также Джантин-беке при сел. Кумух, площадью 25 саб посева. Пахотные земли хана имелись и при рутульских землях, в частности в Лучеке в Ирахинском магале в 120 саб посева, которую получили Абдула-бек Шайб-бек-оглы и Юсуф-бек Алир-Гамза-бек. Имелись пахотные земли при сел.

¹ ЦГА РД. Ф.26. Оп.4. Д.128.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С.264.

³ Там же. С.264-265.

⁴ Каяев А. Материалы по истории лаков // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.444. Л.83-85; Маршаев Р., Бутаев Б. Указ.соч. С.114-115.

¹ ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.72-в. Л.4. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.161.

² Движение горцев... С.22

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.161.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.264.

Шовкра размером 13 саб посева, которые получил Омар-бек Якуб-бек-оглы¹.

Как и в Аварии и вообще в горном Дагестане, пахотные участки были разбросаны в разных местах, даже в пределах территории одного общества. Только в двух лакских селениях – Кадрухе и Чадруге², находящихся на территории Рутульского союза, имелись ханские пашни, обрабатываемые трудом рабов. Это и были собственные пашни казикумухских ханов. На других указанных выше пахотных землях не было организованного ханского хозяйства. Пахотные земли, находящиеся на территории указанных выше сел, хан отдавал в надел свободным крестьянам. Так, были наделены ханской землей жители сел. Тухчар, Хосрех, Сумбат, Вачи, Циша, Сухи, за пользование которой крестьяне отдавали хану тамач (повинность зерном)³. Жители их считались раятами, т.е. феодально-зависимыми крестьянами, которые отбывали феодалам установленные ими повинности.

По мнению Р.Г. Маршаева и Б.Б. Бутаева, всего в Казикумухском ханстве было более 12 «заселенных в основном военнопленными, превращенных позже в рабов». Но мы никак не можем с ними согласиться, когда они как раятскими перечисляют сел. Хосрех, Шара, Ашты, Тухчар, Хурхи, Тулезма, Хулесма, Арчи, Шары, а также, как они писали, «лезгинские села Чирах, Боркихан и другие»⁴.

Как видно из перечня сел, они все перепутали. Во-первых, все-таки не ясно, какие села являлись узденскими (см. перечень Р.М. Магомедова), а какие – раятскими. Во-вторых, никогда Чирах и Буркихан не были лезгинскими – в Чирахе жили даргинцы, а в Буркихане – агулы. Нельзя согласиться и с их мнением, что эти «раятские» села образовались в начале XIX в. Это в основном старые села, например, сел. Ашты существовало задолго до XIX в. Сохранилась даже дата строительства аштынского моста в начале XVII в. И еще – ни Ашты, ни Арчи, ни

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.264-265.

² Там же. С.265.

³ Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С.117.

⁴ Там же.

Шали не были заселены военнопленными, которые затем стали называться раятами. Коль речь зашла о раятах, то здесь еще раз можно отметить, что они образовывались не только из военнопленных, но и из местного населения, что было отмечено и А.Каяевым. «Раятский слой крестьян, – писал он, – пополнялся свободными общинниками, попавшими в экономическую зависимость феодалам. Например, в конце XVIII – начале XIX в. жители аулов Бурши, Виратти, Тьурши, Ххути, Бути, были насильственно превращены в раятов»¹. Выше мы упоминали о двух лезгинских селениях Ялах и Луткун. Они еще раньше попали в раятскую зависимость². Еще ранее указанных авторов Р.М. Магомедов попавшими в раятскую зависимость селами называл Бурши, Чарвалю, Тухчар и Шара, которые раньше «считались зависимыми от лакских феодалов»³, но затем стали отбывать феодалам установленную повинность, а жители их именоваться раятами⁴. Причем превращение бывших свободных узденей в раятов Р.М. Магомедов объяснял так: «Все эти бывшие сельские общины подпали под власть хана, и базой для этого послужила покровительственная политика хана и пользование ханскими пастбищами. Население указанных аулов, в отличие от остальных узденей, называлось раятами – ханскими людьми потому, что оно лишалось прав на свои пастбищные и пахотные земли и теперь сидело на ханских»⁵.

Интересно, что само население даже так называемых раятских сел не было в полной зависимости от хана, так как оно делилось на различные сословные группы крестьянства, которые имели различные отношения к ханам. Такими селами были Бурши, Тулезма, Чаравлю, Шара, Хурхи, Говкра. Исходя из положения населения двух последних сел, когда большинство населения их было узденями, меньшинство – раятами и еще меньше было в них лагов, зависимость населения от феодалов этих сел отличалась от «зависимости перечисленных выше сел»

¹ Каяев А. Указ. раб. С.322-323. Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С.117.

² ЦГА РД. Ф.239. Оп.1. Д.1. Л.99. Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С.117.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.273.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

(Бурши, Тулезма, Чаравлю и Шара), Р.М. Магомедов писал: «Там в зависимость впадал весь аул, включая и узденей, а здесь в зависимости была только незначительная часть общинников, ставших раятами. Там все сплошь население считалось раятами, а здесь все аулы являлись узденскими, и узденями являлась и та часть сельчан, которая впадала в зависимость от хана. Но и эти уздени не были прикреплены к земле, и их зависимость ограничена была приношениями за те пастбищные земли, которыми они пользовались. При этом лаги в узденских селах не принадлежали еще ханам»¹.

Уздени и зависимые от хана раяты, хотя и проживали в одном и том же селении, платили хану за пользование их землями различные, не одинаковые подати. Но, если хан захватывал свободную общину – либо подчинив его силой, либо взяв под свое покровительство, все равно население попадало не только под его влияние, но и в зависимость. Так и случалось с жителями многих лакских селений. В результате за свои же земли, которые хан превратил в свою собственность и отдавал их в пользование бывшим хозяевам-собственникам, они вынуждены были нести различные повинности. Согласно сведениям второй половины XIX в., жители Чираха за ханский надел платили подать в 310 руб.; некоторые жители сел. Сумбат за ханский надел платили подать в 68 руб.; за пользование земельными наделами хана некоторые жители Вачи отбывали тамач в 64 руб., некоторые жители Цища – 38 руб. и т.д. Многие жители ряда сел, попадавшие в зависимость от хана, платили хану натуральную ренту. Так, в сел. Бурши 19 дымов отбывали тамач или постоянную арендную плату за пользование горою Мачаллаши: по 4 батмана сыру (2 пуда) и 3 батмана масла (1,5 пуд.), а 45 дымов – за пользование горами Чинияр, Лашаар и Аруалу – ежегодно 9 баранов; общество сел. Чаравалу несло тамач по 1 быку и 60 руб. в год за пользование горой Суниль-зульту и т.д.² Натуральная рента являлась «основной формой реализации земельной собственности в Казикумухском ханстве»³. Интересно,

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.273.

² Дагестанская область. Свод статистических данных... С.157, 159.

³ Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С.118.

что у хана кое-где была и отработочная форма ренты. Так, жители сел. Хьурхи ежегодно должны были выходить на косовицу трав на ханские сенокосы недалеко от сел. Шара¹.

Р.М. Магомедов, который внимательно изучил все имеющиеся источники и богатый историко-этнографический материал, собранный в Лакии, пришел к заключению, что в Казикумухском ханстве «все джамааты можно было разделить на три категории». К первой категории он отнес 16 джамаатов, которые попали в зависимость от лакских феодалов; «ко второй – джамааты, в той или иной степени» втянутые в систему ханства и выполнявшие определенные обязательства хану, наконец, к третьей категории он отнес «все остальное подавляющее большинство джамаатов. Это – джамааты, сохранившие свой замкнутый характер, имеющие тухумы и не несущие никаких обязательств по отношению к хану, хотя эти джамааты и составляли, в числе других лакских общин, владение казикумухское»².

Приведенный материал, особенно материал переписи 1886 г., показывает, что казикумухские ханы действительно являлись крупными феодальными землевладельцами, в собственности которых находились все категории земель. Как совершенно верно отмечал Р.М. Магомедов: «У лакских феодалов мы наблюдаем всего понемногу – имеется и земля под пашни, и хорошие пастбища, и большое количество овец. На основе сосредоточения этих богатств шел процесс зарождения феодального домена»³. Но тот же материал наглядно показывает, что основным видом земельной собственности ханов Казикумуха были горные пастбища (40 штук), которые давали ему большие доходы. Многочисленность пастбищных гор давала возможность казикумухским ханам не только сдавать их в аренду жителям ханства, но и соседним верхнедаргинцам – жителям Акуша-Дарго и Сюргинского союза.

Подводя итог крупного феодального землевладения в Казикумухском ханстве, можно отметить, что оно имело сходство с Аварским ханством, где также основным видом земель были

¹ Каяев А. Указ. раб. С.99-100. Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С.118.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С.272.

³ Там же. С.268.

горные пастбища, и здесь также не было возможности для ведения своего феодального пашенного земледелия, так как преобладающим видом пахотных земель были разбросанные в разных местах участки.

С другим явлением мы сталкиваемся в Кайтагском уцмийстве. Говоря о феодальном землевладении здесь, Р.М. Магомедов писал: «Процесс образования крупного феодального землевладения здесь был такой же, как и в других частях Дагестана и хозяйство кайтагских феодалов обладало теми же характерными чертами, как и другие подобного типа хозяйства»¹. Вместе с тем он отмечал: «Другое дело – размер собственной запашки уцмий и беков. Она действительно не походила по своему объему и организации к тому, что нам известно по другим местам. Это наблюдается не только в Кайтаге (об этом мы скажем ниже при изучении крупного феодального землевладения владений Южного Дагестана. – Б.А.), но и в других частях Дагестана и объясняется тем, что по своей структуре феодальные владения в Дагестане вообще разнились, носили более неоднородный характер, чем тот, какой мы привыкли видеть на западе и в России»². И совершенно правильно он полагал, что в Дагестане «феодальное владение имело специфические особенности соответственно с естественно-историческими условиями жизни населения. Феодальное хозяйство отражало эту специфику. Летние и зимние пастбища в ряде мест составляли экономическую основу феодализма. Отсюда первостепенное значение в экономике дагестанских феодалов должно было принадлежать кутанам и горным пастбищам»³, что было показано при изучении крупного феодального землевладения в Аварском и Казикумухском ханствах.

С другим положением мы имеем дело в Кайтагском уцмийстве, что было подчеркнуто и Р.М. Магомедовым, писавшим: «Кайтагские уцмий в этом отношении составляли, правда, исключение. Они располагали хорошими пастбищами и, наряду с этим, превосходными землями для ведения широкого земледелия.

Они являлись обладателями свободных, незаселенных земель, которые могли быть с успехом использованы под пашни»¹. Но и в Кайтагском уцмийстве, несмотря на наличие хороших пахотных земель на равнине и в предгорной части владения, «кайтагские феодалы не вели широкого земледелия, и земли под пашни занимали второстепенное место в их хозяйстве»².

Другого мнения придерживался Х.-М.О. Хашаев, который писал: «Основную часть доходов уцмий и беки получали от жителей Нижнего Кайтага – терекемейцев, которые являлись крепостными и испытывали тяжелый феодальный гнет. Они были выходцами из Туркмении и поселились здесь еще в начале XVII в. на свободных землях феодалов с условием платить им подати и отбывать повинности, которые из года в год увеличивались по воле уцмий и беков»³.

Продолжая далее описывать землепользование в Терекеме, Х.-М.О. Хашаев отмечал, что в этой части Кайтагского уцмийства земли «было в изобилии, обработка зависела от наличия рабочего скота. Уцмий и беки (как владельцы этой земли. – Б.А.) выбрали наиболее выгодную для себя форму эксплуатации крестьянства: установили размер податей в зависимости от количества рабочих буйволов или быков»⁴.

Некогда Терекемейская равнина принадлежала урчумульцам. Согласно сведениям А.-К.Бакиханова, она в конце XVI в. при Султан-Ахмеде была присвоена уцмием и заселена переселенцами из разных мест Ширвана (Кубы, Шемахи, Ленкорани) и других мест Закавказья и стала делиться между наследниками уцмий – его ближайшими родственниками – беками. Причем делились только ненаселенные земли (кутаны и ятаги), которые служили зимними пастбищами. Земли же, находившиеся в собственном пользовании живущих здесь терекемейцев, не подлежали дележу, а при переходе какого-либо селения к нескольким феодалам, делились не сами земли, которыми пользова-

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.212-213.

² Там же. С.213.

³ Там же.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.213.

² Там же.

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.175.

⁴ Там же.

лись поселяне известного селения, а хозяйства (дворы) зависимых крестьян – терекемейцев¹.

Хорошо сказано о том, что Терекемейская равнина принадлежала уцмью Кайтага в «Адатах об отношении терекемейских райатов к бекам», записанных во второй половине XIX в., но имевших место и ранее, как показали сами терекемейцы, «это то, что мы видели и слышали от наших отцов, которые также слышали от слов своих отцов и предков»², т.е. надо полагать, что если не сразу после поселения терекемейцев на бывшие земли урчемульцев, то через некоторое время уже были определены формы пользования этими землями.

В первой же статье терекемейских адатов говорится: «Вся терекемейская земля с состоящим на оном лесом, кустарниками, камышом и водою есть собственность бека (уцмия. – Б.А.). Жители терекемейских деревень на землю и воду права не имеют, а раздает оные жителям каждой деревни дарга (староста. – Б.А.), поставленный беком, и кевхи (старшины. – Б.А.); дарга у одного убавляет землю, другому прибавляет с ведома или по приказанию бека. Райат не может промолвить слова или жаловаться на большинство и на малость находящейся в пользовании его земли, а в обоих случаях должен быть доволен тем, что имеет. Райаты за пользование бекскою землею платят ему установленную подать – чехиш и служат ему»³.

Согласно «Акту о переселении уцмия в Баршли», датируемому примерно серединой XVI в.⁴, с перенесением столицы Кайтага в Башлы и переселением сюда уцмия, «они (башлынци. – Б.А.) отдали ему равнину от нижней части [земель] и треть штрафов (фидйа). Они успокоили его и обласкали этим»⁵.

Из этого же документа мы узнаем, что уже тогда уцмий Кайтага стал крупным землевладением. Он имел не только Терекемейскую равнину, которую, согласно отмеченному «Акту»,

уцмий получил в свое владение от башлинцев, но и горные пастбища, в котором сказано, что по истечении месяца после переселения уцмия в Башлы «к нему были призваны кадии, большие люди и юноши страны для совещания и заключили они соглашение относительно» землепользования¹.

Согласно этому соглашению, между кайтагцами и уцмием, последний отдал гору Варха-Зирихгерану, гору Мурхила мура и Кабала бахI (Кьябала бяхI. – Б.А.) – [жителям] Каба и Хабши (союз Гапш-Хапши-Хябши. – Б.А.), три части [ее жителям] Каба и одну часть Хабши; гору Каба – всему [обществу] Каба; место, где сады – Хайдаку (Кара-Хайдаку. – Б.А.) вместе с Урчамулом; соляные колодцы – Урчамулу. Горы самых верховьев (верхние части гор. – Б.А.) остались общими (мусавийа) [для жителей] Хабши, Каба и Зирихгерана².

Из анализа приведенного акта Т.М. Айтберов делает несколько выводов, одним из которых является: «Для свободных кайтагцев XV-XVII вв. уцмий были всего лишь магистратами священного происхождения, получившими земли и повинности на время»³.

Мы не совсем согласны с этим выводом Т.М. Айтберова. Не только Терекемейская равнина, но и указанные в соглашении горы являлись собственностью уцмия, которые были отданы им в пользование различным обществам, входившим в тот период в состав Кайтагского уцмийства. Об этом свидетельствует тот факт, что в исследуемый период почти все перечисленные горы вместе с другими горами находились в собственности уцмия Кайтага, пользователи которых несли ему различные повинности и платили подати продуктами сельского хозяйства.

Согласно «Ведомости о статьях, с которых бывший уцмий Адиль-хан пользовался доходами», составленной в 1821 г., в собственности уцмия находилось 13 «ятаг пастбищных»⁴, за аренду которых «брал баранов и барашек от 700 до 1000 голов

¹ Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С.109. Феодалные отношения... С.190.

² Феодалные отношения... С.35.

³ Там же. С.32.

⁴ Айтберов Т.М. Два кайтагских документа XV-XVI вв. // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С.121.

⁵ Там же. С. 119.

¹ Айтберов Т.М. Указ. соч. С.121

² Там же. С.119-120.

³ Там же. С.120.

⁴ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.176.

и с каждого пастуха, живущего в ятагах при баранах, – по одному караваю сыра»¹. Это говорит о том, что основной земельной собственностью и уцмий Кайтага, как крупного землевладельца, все же являлись пастбища (ятаги и пастбищные горы), которые приносили ему большие доходы. Горцы Дагестана, как и в пастбищах шамхала Тарковского, что было показано выше, нуждались в ятагах и горных пастбищах кайтагского уцмий, и они ежегодно арендовали их за большую плату. Как писал участник Каспийского похода Петра I в 1722 г. И.-Г.Гербер, в Кайтагском уцмийстве «особливо имеются добрые луга для корму скотины и баранов, чего ради акушинцы и многие таулинцы (горцы. – Б.А.) баранов своих зимним временем сюды на корм пригоняют, и за то усмею положено пошлин платить». Так как «каждую зиму более 100000 здесь баранов кормятся, – писал он далее, – усмею от того немалые доходы приходят»².

Автор конца XVIII в. – участник похода Зубова 1796 г. Д.И. Тихонов также писал о кутанах уцмий Кайтага. «Кутаны или хуторы, – писал он, – уцмием некоторые отданы его чиновникам за услуги. Они же отдают оные в наймы на зимнее только время горским жителям»³.

И в исследуемое время, кроме кутанов на равнине, служащих зимними пастбищами для горцев, уцмий имел в горах и летние пастбища, которые также находились в арендном пользовании горцев. Таким пастбищем, например, была гора Дубасара, отданная уцмием жителям сел. Абдашка и Турага и используемая ими «под хлебопашеством и покосами», с обязательством платить ему подати – натуральную ренту⁴. Причем эти подати были немалые. «Магал Уцари, – отмечается в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», – платил уцмью следующие подати: жители сел. Уцари – 30 баранов, 30 барашков, 20 козлов, 10 козлят; жители сел. Шари – 20 баранов, 20 барашков, 10 козлят и 2 телят годовалых; жители сел. Чагры – 21 батман масла (один батман = 6 фунтам); жители сел. Сола-

Кари давали 9 веревок для увязки на выюки масла, которое давали чагринцы, одну сабу ячменя для лошадей нукера уцмий и один шерстяной чувал для нукера»¹. В собственности уцмий находилась и пастбищная гора Андара-чи, которая также сдавалась в аренду, и она тоже приносила доход уцмью².

Как отметили выше, кайтагские уцмий владели не только ятагами и горными пастбищами, но и «превосходными землями для ведения широкого земледелия. Они являлись обладателями свободных, незаселенных земель, которые могли быть с успехом использованы под пашни»³. Это были в основном земли Терекемейской равнины. Но уцмий имел участки пахотных земель и в различных селах за пределами Терекеме. Все эти земли – собственность уцмий, как самого крупного землевладельца Кайтагского уцмийства, так же как и частная собственность любого другого жителя Уцуми-Дарго, назывались мюльком. Обладание уцмий не только кутанами и горными пастбищами, как отмечал Р.М. Магомедов, являлось «основной особенностью кайтагского общества», что ставило его «в исключительно выгодное положение как внутри страны, так и вне ее»⁴. Но все же, несмотря на наличие хороших земель, пригодных для земледелия, уцмий Кайтага, подобно другим владельцам Горного Дагестана, не вели крупного феодального хозяйства, основанного на эксплуатации большого количества феодально-зависимого крестьянства – раят.

Хотя в указанных выше «Адатах об отношениях терекемейских раятов к бекам» сказано: «Раяты засевают для бека на состоящих у них в пользовании землях 4 дышлика, т.е. 20 чантина и полученный с этого семени урожай жнут, молотят и после обращения в пшено доставляют в дом бека»⁵ (Х.-М.О. Хашаев приводит эту статью «Адагов» в иной редакции: «Раяты обязаны для бека производить посев хлеба, исправлять и очищать каналы, поливать, жать и возить хлеб его на харманы, мо-

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.252.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.83-84.

³ Тихонов И.Д. Указ. соч. // ИГЭД. С.134.

⁴ Феодальные отношения... С.220.

¹ Феодальные отношения... С.219.

² Там же. С.183.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.213.

⁴ Там же. С.222.

⁵ Феодальные отношения... С.33.

лотить и перевозить пшеницу в дом бека»)¹, это все же не крупное хозяйство феодала. Но здесь важно то, что феодалы имели свои пашни, которыми они пользовались и на них они вели свое хозяйство. В этом хозяйстве применялся личный труд зависимых крестьян – райтов и эта отработочная форма ренты за пользование феодальной землей.

Поэтому, отмечая как особенность наличие хороших и больших пахотодобных земель в собственности кайтагского уцмья, в то же время следует указать, что эти земли под пашни занимали второстепенное место в их хозяйстве, что было характерно и для других горских владельцев, хотя причина этого у них была другая – отсутствие аналогичных, как у уцмья, земель, пригодных для ведения крупного пашенного земледелия. Подтверждением значения в хозяйстве кайтагского уцмья пахотодобных земель является и то, что после смерти уцмья между его наследниками делились только ненаселенные земли, т.е. кутаны и пастбища.

Большие земельные массивы, как самостоятельные владельцы, имели в исследуемый период также правители Дербентского владения, Табасарана, Кюринского ханства и Илисуйского султанства.

Дербентское владение в изучаемое время состояло не только из собственно его территории, но и других земель, расположенных к югу от него. И поэтому, естественно, феодальное землевладение на всей его территории было широко распространено. Но сведений о земельном владении, принадлежащем лично правителям, мало. Согласно сведениям А.И. Лопухина, в начале XVIII в. при одной деревне, находящейся «по конец одной горы», имелся «сад виноградной и деревья саженные, и оной сад салтана дербентскова»². Не может быть сомнения, что земли правителей Дербента находились и в других местах и они охватывали разные категории земель. Как сообщал И.-Г.Гербер: «По обеим сторонам за городом обитатели имеют пашен довольно число и добрых виноградных и других садов, всяких овощей, яблонь, груш, персиков, сизи, гранаты и про-

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.179.

² Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.9, 54.

чие, также дыни и арбузы около города везде имеются бесчисленно»¹.

По сведениям И.-Г.Гербера, в составе Дербентского владения находились и земли, расположенные к югу от него, по правую сторону от р. Самура – Мушкур, Низават, Шабран, Рустау и Бермяк². Как отмечает Н.А. Магомедов: «С ослаблением власти Сефевидов в начале XVIII века дербентские правители стали полноправными на подвластной им территории. Земли уездов «улька» Мушкур, Низават, Шабран, Рустау, пожалованные некогда дербентским правителям Сефевидами в качестве «улька», превратились в ханские. С них дербентские правители аккуратно собирали подати»³. «Доходы» со всех этих мест, писал П.Г.Бутков, поступали к султану дербентскому⁴. Все доходы шли в пользу правителя владения и ничего не шло в шахскую казну. Как писал И.-Г.Гербер, «от султанов с приходов (сборов. – Б.А.) никогда не спрашивается, того ради из сих уездов (Мушкур, Низават, Шабран, Рустау и Бермяк. – Б.А.) в казну шахову никогда ничего не происходило»⁵. Исследуя Дербентское владение, Н.А.Магомедов пришел к правильному выводу, что доходы дербентских владельцев способствовали их политическому усилению и самостоятельности. «Все эти налоги с зависимого городского и сельского населения, – пишет он, – в конце XVII – первой четверти XVIII века, вернее до похода Петра I в Прикаспие, поступали в распоряжение султанов, которые фактически становились самостоятельными правителями в силу сложной политической обстановки в Иране, где шахи – Сефевиды потеряли свою былую власть»⁶.

На территории самого города Дербента сеяли «небольшое количество хлеба» и здесь, конечно, правитель не имел своего

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.86.

² Там же.

³ Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала, 1998. С.206.

⁴ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч.1. С.93, 95.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. С.86.

⁶ Магомедов Н.А. Указ. соч. С.207.

личного земледельческого хозяйства. По свидетельству С.Г. Гмелина, который был в Дербенте в 70-е гг. XVIII в., «здесь в земледелии очень мало упражняются»¹. Но правители Дербента и ханства имели земли в Улусском магале, где было 21 село². Сначала это были султаны-ставленники персидских шахов, затем после Петра I – ханы и в особенности Фатали-хан, который присоединил Дербентское ханство к своему владению – Кубинскому ханству. Именно в период Фатали-хана больше всего было здесь крупной феодальной земельной собственности. По словам С.Г. Гмелина, Фатали-хан «во всех городах» имел «собственные сады и пашни»³. После его смерти эти земельные владения перешли к его наследникам. Так, по словам Кизлярского коменданта А.И. Ахвердова, в начале XIX в. дербентскому владетелю Шихали-хану принадлежали «17 посредственных деревень»⁴.

Самыми крупными землевладельцами в Табасаране были майсумы и кадии, которые, подобно уцмиям Кайтага, владели населенными и ненаселенными землями в райтской части Табасарана, за пользование которыми зависимые крестьяне-райты несли определенные, причем очень разнообразные, повинности. В начале XVIII в. И.-Г.Гербер писал, что «доходы, которые махсум (майсум. – Б.А.) и кады получают, состоят в хлебе и другой пище»⁵. Эта «другая пища» и содержала в себе многочисленные подати, выражавшиеся в разнообразных продуктах земледелия, животноводства, садоводства, пчеловодства и т.д.

Пахотные земли Табасарана в основном находились в Нижней части, как писал И.-Г.Гербер, это к «Дербенту лежащие» земли, где находились «хорошие поля и хлебородная земля»⁶.

Изучая формы земельной собственности в Табасаране, М.Р. Гасанов пришел к выводу, что «общая тенденция состоит в том,

что непосредственные производители постепенно лишались земли и в то же время происходило дальнейшее расширение феодальной формы земельной собственности»¹. Основываясь на слова И.-Г.Гербера, которые приводились выше, он пишет, «что правители Табасарана владели большими земельными участками, с которых получали доходы в виде хлеба»². О верности утверждения М.Р. Гасанова можно судить по сведениям конца XVIII в. Участник Персидского похода 1796 г. Д.И. Тихонов при описании владения уцмия Кайтага, затронув и земли Табасарана, писал, что по правой стороне течения реки Дарбах «до самого почти места укрепления персидского шаха Надира, называемого Иранхараб, принадлежат земли табасаранским владельцам Махмуту, а в верх речки – кадию и Махмет беку»³.

М.Р. Гасанов, анализируя сообщение Д.И. Тихонова, полагает, что здесь «речь идет не только о пахотных землях, но и пастбищных угодьях, принадлежавших табасаранским владельцам, о которых часто упоминают архивные материалы»⁴.

Еще в 60-е гг., Х.-М.О. Хашаев, изучая общественно-экономический строй Дагестана, в том числе табасаранцев, также отмечал, что: «Феодалы: майсум, кадий, их потомки, беки и чанки были собственниками больших земельных владений, имели власть не только над крепостными райтами, но и над узденями Табасарана. Крепостные крестьяне-райты, имея свое мелкое хозяйство, живя на землях, захваченных беками (майсумы и кадии являлись теми же самими беками, стоявшими у власти. – Б.А.), обязаны были ... платить подати и отбывать повинности во все больше увеличивающихся размерах»⁵.

Как и в любом средневековом феодальном обществе, в Табасаране земли майсума и кадия, как феодалов, делились на две части. Одна часть земли отдавалась в пользование сельским обществам и отдельным крестьянским семьям за плату, а другая часть находилась в их личном пользовании. На второй час-

¹ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1785. С.22.

² Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.142.

³ Гмелин С.Г. Указ. соч. С.24.

⁴ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С.220.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.104.

⁶ Там же.

¹ Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1978. С.25; Его же. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С.186.

² Там же.

³ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.128.

⁴ Гасанов М.Р. Указ. соч. С.25; С.186.

⁵ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.198.

ти феодальной земли и велось феодальное хозяйство, где «все работы выполнялись подвластными крестьянами бесплатно»¹, в чем и заключалась эксплуататорская сущность феодального землевладения. Это была отработочная рента, выражавшаяся в проведении всех видов сельскохозяйственных работ: засеять поле, жать хлеб, свозить снопы на харимы (токи), а зерно – в дом феодала, косить сено и убирать в стоги, производить полив и т.д.² Эта феодальная рента ничем не отличалась от феодальной ренты феодальной Руси и стран Европы. Это была феодальная барщина, охватывавшая десятки видов сельскохозяйственных работ. Так, перечень их в пользу табасаранского кадия превышал тридцать видов³. «Кадий табасаранский, – писал Ф.Ф. Симонович, – пользуется доходами таковыми же, как и майсум, да получает от жалованных дербентским Фет Али ханом деревень по 5000 р. ханскими деньгами»⁴. Будучи крупным земельным собственником, табасаранский кадий имел «пахотные участки, зимние и летние пастбища, леса, стада крупного и мелкого рогатого скота, виноградники, плантации марены»⁵.

Майсум и кадий имели также горные пастбища и кутаны (зимние пастбища). Остановившись на этом вопросе, М.Р. Гасанов пишет: «Зимними пастбищами они пользовались в течение нескольких месяцев – от начала осени до наступления лета, а горными пастбищами – в течение летних месяцев. По истечении этих сроков жители окрестных сел могли пасти здесь скот за определенную плату»⁶. По сведениям, собранным сословно-поземельной комиссией по Южному Дагестану, представляется возможным составить примерный список населенных земель и зимних пастбищных мест или ятагов, которые находились в собственности табасаранских феодалов, как крупных собственников земли. Это Гунтуш, Калаган, где были не только ятаги, но и пахотная земля в 200 капанов (капан = 3 пудам); местность Сюют, где были ятаги Верхний и Нижний Каямар, Гасарик,

¹ Гасанов М.Р. Указ. соч. С.25; С.187.

² Феодальные отношения... С.110, 112, 116, 160.

³ Гасанов М.Р. Из истории... С.33.

⁴ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.153.

⁵ Гасанов М.Р. Из истории... С.33.

⁶ Гасанов М.Р. Очерки истории... С.187.

Джарахан, Галюрик и Икюм Али Дюхер. На этой местности могли пастись 4000 баранов и сверх того здесь была пахотная земля в 300 капанов; Шор-Даре, где могли пастись 2000 баранов и здесь же была пахотная земля в 100 капанов; земля Чайла, где были ятаги: Симсарюг (могли пастись 800 баранов), Амшаликбулах (500 баранов); Пелаган (1000 баранов); Бегяна (700 баранов), Кюбьячи (600 баранов); Дах-кура (1200 баранов); Лапсахаша (1000 баранов); Ерсарик (500 баранов). Кроме того, здесь была удобная пахотная земля в 100 капанов. Всего перечисленных ятагов было 16¹.

Подобно уцмиям Кайтага, табасаранские феодальные владельцы, как самые крупные землевладельцы Табасарана, получали за сдачу в аренду зимних пастбищ большие доходы.

Крупная феодальная собственность в Табасаране, как и в других феодальных владениях, имела тенденцию, с одной стороны, к уменьшению в результате дробления, а с другой – увеличению, когда майсумы и кадии расширяли свою земельную собственность за счет захвата земель сел союзов сельских общин и лично свободных крестьян, что, естественно, вызывало недовольство, сопротивление и приводило к стычкам.

Во главе Илисуйского султанства, занимавшего часть территории в Южном Дагестане, заселенную цахурами, и часть территории вне Дагестана, за Главным Кавказским хребтом, стоял султан. «Территория султанства примыкала к территории вольных обществ (Джаро-Белоканы. – Б.А.) с востока, отдаленная от нее реками Капы-чаем; с юга границей султанства служила Алазань и ее приток Айри-чай, с востока река Кашка-чай, образовавшая здесь границу с ханством Шекинским; на севере владения султанства переходили на северную сторону Главного Кавказского хребта, захватывая район верховьев реки Самура, и граничила с Кюринским ханством»². Заселяли султанство три основные этнические группы: цахуры (калтахи), свободные крестьяне, сидевшие на собственной земле и не обложенные феодальными повинностями. Юг территории султанства был

¹ Феодальные отношения... С.163.

² Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала, 1993. С.73.

занят ингилоями (омусульманенные грузины) и мугалами (турки), прикрепленные к земле держателей кешкелей, принадлежавших султану и бекам.

Цахуры заселяли сплошь оба склона Главного Кавказского хребта и северную и среднюю (гористую) части территории султанства. Они составляли четыре вольных обществ: Цахурское, Сувагильское, Карадулакское и Илисуйское.

Как писал И.П. Петрушевский, «власть султанов была продолжением власти моуравов элисенских, иначе говоря, она возникла на почве феодальных отношений Кахетии и не вышла из горного Цахура»¹. Султаны сначала укрепились на плоскости, как преемники грузинских моуравов, а затем подчинили себе нагорные цахурские общества.

Захватив политическую власть, правители султанства постепенно сосредоточили в своих руках и земельные угодья. Появились имения, принадлежавшие лично султану и его родственникам – бекам. Они получали доход с зависимых крестьян-раят.

В образовании феодальной земельной собственности цахурского султана мы видим аналогии с образованием феодальной собственности мехтулинского хана. Если первоначально правители Илисуйского султанства «пользовались доходами только с указанных им земель», то «с занятием Кахской провинции, они стали получать в виде жалованья доходы с покоренного сел. Ках. Впоследствии к кахцам были приравнены ингилойцы сел. Алибегло и Мешабаш, которые «поступили в состав султанских удельных имений»². Эти три села находились «в полной зависимости от султана с давнего времени»³. Подтверждены эти три села как собственные владения илисуйских султанов и многочисленными фирманами персидских шахов и турецких султанов, выданных в XVI-XVII вв. цахурским султанам⁴. «Султану Илисуйскому, – писал И.П. Петрушевский, – до

¹ Петрушевский И.П. Указ. соч. С.75.

² Линевиц И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII С.6.

³ Там же. С.15.

⁴ См. АКАК. Тифлис, 1866. Т.II; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.50.

1830 г. лично, как помещику, принадлежало три селения: Ках, Алибегло и Мешабаш (всего 230 дымов ингилойцев и 77 мугалов)»¹.

И.Линевиц характеризовал собственность султана Илисуйского как «большое царственное имение, которое доходило до ущелья Кина»².

В Илисуйском султанстве не было барщины. Ни султаны, ни беки своего отдельного хозяйства в крупных размерах не вели. В собственности султанов не было крупных площадей пахотной земли. Им принадлежали небольшие усадьбы и участки земли, работа на которых производилась домашней челядью, иногда за ничтожную плату. Усадьба самого султана, как писал И.П. Петрушевский, основываясь на архивные данные, находилась в центре султанства – в Илису и она «состояла из двух каменных и одного деревянного дома, тутового сада, виноградника и огорода»³.

За пользование султанской землей ингилойцы и мугалы несли определенные повинности, которые в целом составляли для султана большие доходы. Так 52 ½ кешкеля ингилоев вносили ежегодно по 3 таг. (мера измерения сыпучих тел) хлеба (2 т. пшеницы, 1 т. ячменя), по 3 стилия шелка и по 1 вьюку винограда с каждого кешкеля (участок, обложенный данью); 45 кешкелей мугалов вносили по 1 таг. хлеба и 1 стилию шелка с кешкеля. Кроме того, те и другие вносили с каждого кешкеля султану еще по одному вьюку самана и, дополнительно к перечисленному, – по 5 чанахов хлеба султанскому цирюльнику и столько же султанскому поставщику ястребов⁴. Султан получал особые налоги с 48 лавок кахского базара, в среднем по 15 рублей с лавки⁵.

Возьмем второе сел. Алибегло. Здесь было 46 кешкелей, которые вносили до 1830 г. по 1 таг. 6 чанахов пшеницы и чалтыка, по 1 таг. проса с каждого кешкеля. Последний султан Да-

¹ Петрушевский И.П. Указ.соч. С.79.

² Линевиц И. Указ. соч. С.16.

³ Петрушевский И.П. Указ. соч. С.80.

⁴ Там же. С.79.

⁵ Там же.

ниель-бек (1830-1844 гг.) обложил кешкельников новым сбором: по 1-1 ½ ст. шелка, по ½ выюка винограда с кешкеля. Кроме того, кешкельники должны были вносить малджаат (1/10 долю урожая) за пользование обширными землями Белюзек¹.

В третьем сел. Мешабаш, принадлежащем султану, кроме упомянутых уже повинностей, устанавливалась с XIX в. еще обязанность приносить султану в дни праздников и его семейных торжеств «добровольные приношения» – туговой водкой, орехами, уксусом и т.д.²

Во всех султанских селах существовал и особый сбор – даргалык (даругалик – на содержание даруге, управляющего султанскими имениями). Доходы с отдельных кешкелей султан передавал во временное пользование своим бекам и даже нукерам³.

Самым молодым феодальным владением исследуемого периода было Кюринское ханство, занимавшее территорию бывших кюринских сельских общин. Естественно, и правитель этого ханства по происхождению был самым молодым. Но это не помешало правителям ханства иметь свои земельные владения, составлявшие основу их власти над подчиненным населением ханства и осуществлять руководство ими.

Начало феодальному землевладению в Кюринском ханстве положил сын казикумухского владетеля Магомед-хана – Шахмардан-бек, который, по словам А.-К.Бакиханова, «повздорил со своим братом Сурхаем и Фатх Али-хан отдал ему во владение часть Кюринского округа до Кабирека, принадлежавшего Дербенту и Гюнейский магал, принадлежавший Кубе». Вдобавок к этому Шахмардан-бек «присоединил еще к нему Курахский магал и захватил таким образом весь Кюринский округ»⁴. Укрепившись в новом владении, Шахмардан-бек начал захват общинных земель. Все земли до появления Шармардан-бека у кюринцев составляли частную собственность – личные мюльки и общинные земли. Согласно показаниям поверенных 135 кю-

ринских сел, до захвата казикумухскими феодалами в 1811 г. у них не было феодального землевладения. С 1812 по 1860 г. было роздано бекам и приближенным ханов 15 сел, жители которых ранее не отбывали податей и повинностей¹.

Естественно, имел личные земельные угодья и сам хан, о чем можно судить из доклада члена сословно-поземельной комиссии Андрианова о земельном устройстве местного населения. Он отмечал, что «В Кюринском ханстве издавна установился обычай, на основании которого жители несли в пользу своих ханов двоякого рода налоги и работы: одни – в виде податей за отправление между ними суда и расправы, а другие – поземельные за пользование угодьями, считавшимися все ханскими»².

Интересно, что в Кюринском ханстве больше всего была развита барщина. Согласно сведениям сословно-поземельной комиссии, раньше здесь были «свободные ханские земли», превращенные потом в казенные, на которых «ханы, а потом управляющие ханством из беков, родственников кюраказикумухского ханского дома, производили разные для себя посева хлеба и марены, косили сено, пасли свой стада рогатого скота, табуны лошадей и баранов и по своему усмотрению раздавали земли в пользование разным частным лицам временно за доход, по обычаю, и без дохода, даже в потомственное пользование»³. Всех бывших ханских земель, превращенных в казенные, в Кюринском ханстве было 29 участков, в количестве более 23843 дес.⁴ Они были известны под названиями Лагин (4000 дес.); земли с двумя садами близ сел. Касум-кент; Магаргенский покос; горная земля Кулидж; Ятаг-коказ; Ятаг-Хнег; Сарорук-даг; Тукар-даг; Чулик-гора; Вакиль-хнар; Эрадар, пастьбищное место; покос на горе Гур; Бахцухский покос; покос на горе Каляк; земля Карблуг (4000 дес.); стан Чилийская земля (4000 дес.); Мамрашская земля (700 дес.); Донгучнаурская земля (более 2300 дес.); Янашкалинская земля; земля Ген-таг; Ятак

¹ Петрушевский И.П. Указ. соч. С.79.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Бакиханов А.-К. Указ. соч. (1991). С.163.

¹ ЦГИА РФ. Ф.416. Оп.3. Д.1224. Л.20. Хашаев Х.М. Указ. соч. С.191.

² Феодальные отношения... С.165.

³ Там же.

⁴ Там же.

Зардиан; Кюра-шар-Даре (до 3500 дес.); гора Тхур и 6 выморочных участков в количестве 283 дес.¹

Обработкой ханских земель занимались бывшие свободные уздени, превращенные в райтов. Так, после создания ханства жители сел. Барбаркент, Бюль-Бюль, Казаркент стали как райты отбывать «душарлык» – подати хлебом беку в размере одной рупы (мера сыпучих тел = 1 ½ пуда пшеницы или 1 ¼ пуда ячменя) пшеницы, одной рупы ячменя. Кто имел посев ячменя, пшеницы или чалтыка в низменности, дополнительно уплачивал беку 3 рупы посеянного и девять дней в году работал на бека и был обязан выставлять арбы для перевозки сена и зерна, доставить арбу дров, дать 1 ½ фунта масла с коровы, овцу со 100 голов; ¾ фунта меда (те, кто имел пчел), обрабатывать за плату 2/3 десятины чалтыка. Кроме того, давали обществу 2 руб. деньгами, барана, 1 рупу пшеницы для угощения участников «эвреза» (взаимопомощи). Кюринские беки использовали обычай «эврез» для обработки ячменя хана, беков и чанков. Обычай этот, как писал Х.-М.Хашаев, превратился в барщину. Жители селений Аликент, Магарамкент, Захрабкент, Бубкент, Хатун, Испик, Махмудкент и других отбывали подобные же повинности². Все земли в прошлом – до передачи их бекам, были собственностью самого хана и поэтому все перечисленные подати шли только в пользу хана. То же самое относится к сельскохозяйственным работам (т.е. барщине), которые проводились в хозяйстве хана. В материалах сословно-поземельной комиссии они названы «повинности работою» – по четыре дня со двора. Среди сел, обязанных в прошлом нести подати и повинности хану, перечислены 12 сел. Кроме вышеперечисленных в этом списке, среди них были и селения Барбаркент, Бюль-Бюль-кент, Газыр-кент, Кейсун и Целяг (Целягун)³. Среди них, как видели выше, жители трех сел. Барбаркента, Бюль-Бюль-кента и Казар-кента (Газыр-кент) как райты отбывали «душарлык» – подати хлебом и несли много натуральных повинностей.

¹ Феодальные отношения... С.165-166.

² ЦГИА РФ. Ф.345. Д.3158. Л.12. Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С.191-192.

³ Федеральные отношения... С. 167.

Подводя краткий итог всему приведенному выше материалу, можно заключить, что во всех дагестанских феодальных владениях имелась земельная собственность феодальных правителей как представителей высшего сословия класса феодалов. Причем в собственности феодальных правителей находились все категории земель. Особенностью земельной собственности дагестанских владельцев являлось в изучаемое время, с одной стороны, увеличение ее за счет захватов земель сельских общин и отдельных лиц, а с другой – в целом дробление ее с увеличением количества владельцев феодального землевладения, т.е. раздачи земель наследникам феодальных правителей. Особенностью крупного феодального землевладения было и то, что основным видом земель владельцев Дагестана выступали пастбищные горы и пастбищные места, особенно в Нагорном Дагестане. А это, в свою очередь, являлось показателем дальнейшего развития феодальных отношений и связанного с этим экономического и политического укрепления феодалов, а также ростом эксплуатации крестьянства.

§ 3. Бекское землевладение как вторая форма крупного феодального землевладения

В Дагестане самой распространенной феодальной земельной собственностью было бекское землевладение. Объяснялось это тем, что во всех феодальных владениях Дагестана имелось много наследников и родственников феодальных правителей, которые, получив земли от них, сами становились феодальными землевладельцами, нередко такими же крупными, как и сами феодальные владельцы. «Бек (бег, бей), – сказано в «Советском энциклопедическом словаре», – (тюрк. – властитель, господин, синоним араб. эмир), титул родоплеменной, а затем феодальной знати в странах Ближнего и Среднего Востока. В Иране правитель племен. У тюрк. народов средней Азии и Закавказья в ср. века и новое время **титул феодала-землевладельца...**¹ (подчеркн. – мною – Б.А.).

¹ Советский энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1980. С.122.

Согласно сведениям начала 70-х гг. XIX в., число беков только в Темир-Хан-Шуринском наибстве составляло 477 мужчин и 452 женщины; в Казикумухском округе – 42 мужчин и 32 женщины, в Южном Дагестане было 426 лиц бекского сословия обоего пола¹. По данным отчета начальника Дагестанской области, в 1871 г. в Казикумухском округе было 74 бека и 820 чанков². В 1818 г. в Мехтулинском ханстве было 3 фамилии беков и 33 – чанков³. С.М. Броневский беков вместе с узденями, азнаурами и мурзами относил к дворянству. Он писал: «Дворяне кавказские суть не что иное как малые вассалы, живущие под покровительством Князей, которые сами бывают иногда вассалами других владельцев»⁴. Этим дворян, по сведениям конца XIX в., было: потомственных – 1465 душ обоего пола и личных – 1813 душ⁵. С.М. Броневский, говоря о земельной собственности «дворян», писал, что «большая часть земель разделена между дворянами как бы на откупном праве, потому что земля почитается за собственность князей; и хотя дворяне пользуются оною, как властные помещики (подчеркн. мною. – Б.А.) от древнейших времен, но право князей всегда подразумевается»⁶. Р.М. Магомедов писал: «Бек, бег – феодал, крупный землевладелец (общадаг.)»⁷. А по Х.-М.О. Хашаеву, бек – это «феодальный владелец или должностное лицо. В Дагестане беками назывались сыновья ханов или беков от равного брака»⁸.

Еще ранее – в 1938 г. С.В. Юшков, изучая особенности феодализма в Дагестане, дал более подробную характеристику бекам. Он также писал, что беки – это дети ханов, «не ставших

¹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века: Сборн. докум. / Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. Махачкала, 1959. С.695-698.

² ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.7. Л.7.

³ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д.163.

⁴ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1923. Ч.1. С.46-47.

⁵ Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1970. С.33.

⁶ Броневский С. Указ. соч. Ч.1. С.47.

⁷ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.402.

⁸ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.256.

ханами», которые и становились беками (беями, биями). Вместе с тем он сразу отмечал и неоднородность бекского сословия. «Но, несомненно, – писал он, – что многие бекские фамилии вели свое начало не от ханов, а от древних феодальных владельцев, в свое время освоивших не занятые земли и пастбища и заселенных их рабами, чагарами, раятами или безземельным узденством, а затем ставших вассалами ханов». Останавливаясь на земельной собственности беков, С.В. Юшков писал, что «беки получили свои земли по наследству («назру»), по дару от своего отца-хана или бека. Но они могли получать землю и от других ханов или беков, могли увеличивать свои владения путем возмездных способов»¹.

Останавливаясь С.В. Юшков и на правах беков по отношению к полученной от отца или другого лица земле. В частности, он писал: «Беки имели право неограниченного распоряжения своей землей. Нам не удалось установить за полным умолчанием источников, владели ли беки своей землей на праве полной собственности, или же получали земли под условием службы. Нам думается, что в Дагестане не было типичных институтов раннего западно-европейского и русского феодализма – бенефициев и феодалов, поместий и вотчин. Нам думается, что земельное право беков весьма близко подходит к русским удельным отношениям: удельные князья получали земли в полное обладание»².

Но, если и можно согласиться с этим утверждением ученого, то никак нельзя принять его предположение, что «эти институты находились в зачаточном виде и потому не получили отражение в источниках»³. Ведь факт, что на самом деле беки как родственники хана-правителя получали свои земли не в XVIII и в первой половине XIX в., а давно. Поэтому вряд ли верно говорить о зачаточном состоянии поместий беков в изучаемое время.

Да и последующие слова С.В. Юшкова подтверждают, что беки сидели в своих поместьях, полученных от ханов. «Но бе-

¹ Юшков С.В. Указ. соч. С.79.

² Там же.

³ Там же.

ки, – писал он, – однако были настоящими вассалами ханов. Беки по требованию ханов должны были собирать ополчение и командовать этим ополчением. Беки составляли обычную свиту хана и очевидно (не очевидно, а на самом деле это было так. – Б.А.) оказывали ему помощь советом. Но здесь опять мы наблюдаем особенность дагестанского вассалитета. **Вассальные отношения были основаны не на договоре, а на факте принадлежности к бекству и на землевладении** (подчеркн. мною – Б.А.). Поскольку земля передавалась по наследству или по дару, постольку нам неизвестен институт оммажа (*hommagium*). И здесь дагестанский вассалитет близко подходит к русским удельным порядкам, так как отношения русских удельных князей к великим также не были основаны на оммаже»¹.

И далее, и с чем невозможно не согласиться, что дагестанские беки «пользовались полным иммунитетом в своих владениях»².

Во второй главе работы уже было сказано, что состав беков был неоднородным. Были беки – ближайшие родственники феодальных правителей, чанка-беки, карачи-беки и просто чанки. Характеристика им дана там же. Здесь же нас интересует только вопрос об отношении каждой из этих групп к земле.

Наиболее близкие к правителям родственники (сыновья, братья, племянники, дяди) – это вторая после ханов сословная группа класса феодалов. Поэтому их и было много. Еще в 70-е гг. XVII в. Я.Я. Стрейс писал, что в Дагестане «много властелинов и князей»³. Еще до него А.Олеарий писал, что в Дагестане имеются различные князья, почти в каждом городе имеется особый⁴. Уже в начале изучаемого времени И.-Г.Гербер писал, что «аварская земля на несколько уездов разделена, из которых каждой уезд своего владетеля имеет»⁵. Речь здесь, конечно, идет о беках и их родственниках. На многочисленность беков указывали и советские ученые. Так, Р.М. Магомедов в 1957 г.

¹ Юшков С.В. Указ. соч. С.79.

² Там же.

³ Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С.220.

⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С.494.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.113.

писал, что «институт беков в Аварии был довольно распространенным явлением. Беки имелись в самом Хунзахе, Гочатле, Сиухе, Голотле и в окрестных аулах ханства»¹. Р.Г. Маршаев писал: «Основными владельцами Казикумуха являлись беки, которые ранее находились в вассальных отношениях к шамхалам, а со времени, например, второй половины XVII в. стали независимыми от шамхалов»². Это были в основном потомки и родственники шамхалов, ханов и других владетелей³, которые и являлись владетельными беками⁴, наиболее крупными землевладельцами после правителей феодальных владений.

Земельная собственность владетельных беков в изучаемое время являлась основной, наиболее распространенной формой феодального землевладения в Дагестане. Земельная собственность их образовалась в основном в результате перехода земель по наследству от их отцов – феодальных владетелей.

В этом плане интересно привести сведения о Табасаране, о котором в архивном источнике сказано: «Родовые владения, состоящие из раятских селений и незаселенных земель, делились по наследству между членами Майсумского рода»⁵. Еще лучше об этом сказано в другом архивном источнике – «селения предгорья Табасарана, называемые раятскими, переходили по наследству ко всем членам владетельных домов, именуемым беками»⁶. В конце XVIII в. Ф.Ф. Симонович писал о владениях Табасарана, что они «**заклучают в себе других частных временных владельцев, братьев и сродственников настоящих владельцев**»⁷ (подчеркн. мною. – Б.А.)

То же самое мы наблюдаем в других дагестанских владениях. Так, в материале сословно-поземельной комиссии о Кайтаге сказано, что деревни и ненаселенные земли «беки получали» по

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.104.

² Маршаев Р.Г. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI-XVII в. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.22. Л.81.

³ История Дагестана. М., 1967. Т.1. С.318

⁴ Там же. С.239.

⁵ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.30. Л.22.

⁶ Там же. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.1-а.

⁷ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.152.

наследству или по жалованию от русского правительства¹. Причем особенностью Кайтага и Табасарана являлось именно то, что беки по наследству получали только ненаселенные земли, «так называемые кутаны и ятаги бекские, служившие прежде зимними пастбищами и потому приносившие непосредственный доход землевладельцам»².

Бекское землевладение в изучаемое время было не только наиболее распространенной формой феодального землевладения. Оно имело и тенденцию к постоянному расширению, т.е. увеличению собственников этой формы феодального землевладения. Это был процесс выделения из правящих феодальных фамилий новых феодальных семей беков, получавших от феодальных правителей определенные земли. Вместе с тем следует отметить, что это был процесс не только дальнейшего расширения крупного феодального землевладения, но и процесс увеличения самого феодального сословия беков. Получив в наследственное владение «отдельные районы владений», беки становились после феодальных правителей крупными землевладельцами, находившимися в вассальной зависимости от своего сюзерена (правителя феодального владения), от которого получали земли. Это общая форма образования бекского землевладения, как частной феодальной земельной собственности, которая характерна для всех феодальных владений. Во всех феодальных владениях Дагестана основанием для получения в собственность части владений феодального правителя была именно принадлежность к его семье. Получив земли от владетеля, беки становились полными собственниками. Бекские имения «по роду получаемых повинностей от поселян (речь в данном случае идет о терекемейцах. — Б.А.) принадлежали к числу тех, земли которых находились в действительном обладании беков, приносящими им доход земными произведениями и другими повинностями»³.

¹ Феодальные отношения... С.185.

² Там же. С.190.

³ ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.30. Л.19.

Беки получали земли не только по наследству, но и по дару (назру)¹, за заслуги, как например, это бывало в Кайтагском уцмийстве и в Табасаране, о которых в архивном материале сказано, что пахотные земли на кутанах (ятагах) майсум и кадий отдавали по своему усмотрению в виде поощрения, прежде всего бекам², так и по назру.

Феодальные владетели широко использовали назру для передачи земель членам своих семей, родственникам и иным лицам. М.М. Ковалевский писал, что институт «назру» — это то же самое, что и завещание в других странах. «Путем таких дарений при жизни, — отмечал он, — «назру» исполняют то же назначение, какое в других странах принадлежат завещанию»³. Феодальный владетель мог по своему усмотрению подарить землю кому хотел из членов своей семьи, о чем также писал М.М. Ковалевский⁴.

И советские ученые С.В. Юшков и Р.М. Магомедов писали о широком распространении в Дагестане института «назру». Р.М. Магомедов вслед за Н.П. Тульчинским, писавшим, что «земли дарились под словом *назру* (на вечные времена), или временно — в пожизненное пользование»⁵, писал, что «назру» по своей сущности представлял собой как наследственное (лен), так и временное или пожизненное (бенефиций) пожалование⁶.

Но каким бы путем беки-родственники феодальных владетелей и прежде всего сыновья, братья и т.д. (т.е. ближайшие родственники) ни получали земли, они становились такими же собственниками, как и феодальные владетели в своих доменах, так как последние вместе с землей уступали бекам и свои фео-

¹ Назру, согласно мусульманскому праву, — это «обет», даваемый всевышнему в учинении какого-либо благоугодного дела или в совершении благотворительности, посредством передачи кому-либо своего имения на полном праве собственности. См.: ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. V. С.4.

² ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.16-а. Ч.4. Л.7.

³ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. II. С.211-212.

⁴ Там же. С.212.

⁵ Тульчинский Н.П. Указ. соч. С.6.

⁶ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.389-390.

дальные права на них. Беки на самом деле владели полученными землями по праву частных собственников. Земли беков, как частных феодальных собственников, свободно передавались по наследству (беки имели наследственные права над подчиненными им деревнями)¹, завещались, отчуждались путем продажи и т.д. Земля беков находилась в их полной собственности. Они имели на нее право владения, пользования и распоряжения. «Так как в Дагестане место завещания заменяет дарение и так как дарить можно было только в собственность, – писал М.М. Ковалевский, – то понятным становится происхождение следующего правила: лицо, передающее кому-либо свое имущество, не может стеснить его воли в распоряжении этим имуществом, выставляя, например, требование, чтобы часть имущества пошла на покрытие издержек по похоронам, на свадьбу или в приданное дочери, или иной родственницы завещателя»².

Подчеркивали полное право собственности на свои земли беков и советские исследователи. «Беки имели право неограниченного распоряжения своей землей», – писал С.В. Юшков³. Вслед за ним Р.М. Магомедов о беках Аварии писал: «Внутри ханства, будучи собственниками пахотных и пастбищных земель, беки обладали всеми правами и преимуществами феодалов»⁴. О безусловной частной собственности беков писал Х.М.О. Хашаев⁵.

При этом советские исследователи опирались на собранный сословно-поземельной комиссией материал, где отмечается, что бекские земли находились «в непосредственном их распоряжении»⁶, что собственность бека была неприкосновенна и феодальный обычай лишал хана всякого права «отбирать наследственное имение беков»⁷ и т.д.

¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1. Кн.1. С.604.

² Ковалевский М.М. Указ. соч. С.211.

³ Юшков С.В. Указ. соч. С.79.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.105.

⁵ Хашаев Х.М. Указ. соч. С.150.

⁶ Феодальные отношения... С.185.

⁷ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.6. Л.21; Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана... С.141.

Бекское землевладение – это форма феодальной земельной собственности, «стоявшая вне служебного ленного землевладения». Хотя беки и находились в вассальной зависимости от феодальных владетелей, на что указывалось и выше, и в случае необходимости по их призыву они должны были выходить со своими дружинами и ополчением из подвластного им населения, тем не менее они не находились на положении служебных людей. Примечательны в этом плане слова Р.М. Магомедова, писавшего о Тарковском шамхальстве так: «Хотя бекства и входили в состав шамхальства, определяя его административное деление, но сами беки не были должностными лицами. Шамхал их не назначал и не снимал. Они были вассалами шамхала и несли сопряженные с этим обязанности вассала к сюзерену»¹. Как указывалось и выше, по мнению С.В. Юшкова, земельное право беков Дагестана весьма близко подходило к русским удельным отношениям, «удельные князья – писал он, – получали земли в полное обладание»². Об этом же писал Р.М. Магомедов в отношении кумыкских беков³.

Беки дагестанских феодальных владений, получив в собственность по наследству или назру землю, получали вместе с тем и все остальные права феодальных собственников – право налогового и административно-судебного иммунитета, право отчуждения земли и т.д., и их земли не могли быть отчуждены феодальным правителем, от которого они получили эти земли. Налоговый и административно-судебный иммунитет являлся характерной особенностью бекского землевладения в Дагестане, как частной феодальной земельной собственности. «... в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде, – указывал К.Маркс, – была атрибутом земельной собственности»⁴. Сам факт получения земли в собственность с правом отчуждения являлся показателем того, что феодальные правители (шамхалы, ханы, уцмии, майсумы, кадии, султаны) вместе с

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.194.

² Юшков С.В. Указ. соч. С.79.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.172.

⁴ Маркс К. Капитал. Т.1 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.344.

землей отказывались в пользу беков и от всех остальных прав, которыми они обладали как земельные собственники. Феодальные правители, передав землю в собственность бекам, не устанавливали ни размера, ни формы феодальной ренты, присваиваемой с переданных ими земель бекам. Размер феодальной ренты определялся в соответствии с существующей традицией и зависел от реальной власти бека над зависимым населением.

Беки дагестанских феодальных владений – это те же самые крупные землевладельцы-вотчинники, что и феодальные владельцы, хотя, безусловно, в их собственности находилось меньше земли. Но среди беков были и такие собственники, которые имели весьма большие земельные угодья. Так, один из беков в Кайтагском уцмийстве по имени Исмаил-бек «имел под владением 16 деревень»¹. Согласно имеющимся сведениям, марагинский бек имел до 600 десятин земли². Получив какую-то часть земель от феодального владельца, беки все время старались увеличить свою собственность, впрочем, как и сами владельцы, за счет захвата общинных земель и тем самым расширить свое владение. В результате происходило дальнейшее расширение феодального землевладения и феодальных отношений в целом. «Развитие феодальных отношений в Табасаране, – пишет М.Р. Гасанов, – было связано именно с ростом бекской собственности на землю»³. И далее, отмечая расширение земельной собственности беков, он пишет, что это «происходило за счет присвоения джамаатских и частнокрестьянских земель»⁴. Причем, в пользу беков поступали и те земли, которые принадлежали выселившимся или бежавшим и изгнанным с семейством, а также умерших без наследников⁵. Останавливаясь на этом вопросе, В. Линден писал: «Право распоряжения, по своему ус-

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.224. Ссылается на архивный источник РГАДА. Ф. Колл. иностр. дел. Сношения России с Персией. Д.24. 1772 г. Л.74.

² Гасанов М.Р. Социально-экономическое развитие кадийства Табасарана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.188.

³ Гасанов М.Р. Из истории... С.26; Очерки... С.187.

⁴ Там же.

⁵ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.8. Л.88.

мотрению, недвижимым имуществом подвластных бекам поселян, не оставивших после себя наследников, являлось ранее одним из существенных земельных прав представителей высшего сословия в Дагестане»¹.

Усилившись как землевладельцы и получив вместе с землей политические права в своих владениях, беки являлись выразителями центробежных сепаратистских интересов. Поэтому феодальные владельцы стремились ограничить рост имущества беков. Хорошо отражено это в «Постановлениях Кайтагского Уцмий Рустем-хана», где в одной из статей сказано: «Никто не должен завещать имение свое в пользу бека или чанки. Кто сделает такое завещание, того вместе с семейством изгонять из селения. А кто будет упрашивать и советовать, чтобы такого завещателя оставить, того дом разрушать»².

Р.М. Магомедов, анализируя данную статью «Постановления», писал: «Это очень строгое предписание, пожалуй, такое, какое редко можно встретить у других народов. Оно целиком направлено против бека, против земельной собственности и, следовательно, **против усиления политической власти бека** (подчеркн. мною. – Б.А.) ... уцмий этим суровым актом в известной степени сдерживал неимоверно быстрый рост бекских земель и отгораживал себя от усиливающихся беков»³.

Чтобы не быть голословным по бекскому землевладению как одной из форм крупного феодального землевладения, остановимся на конкретных примерах, показывающих их наличие, как в феодальных владениях, так и в отдельных селах союзов сельских общин, куда проникло влияние феодальных владельцев Дагестана, в особенности казикумухского и аварского ханов, уцмий Кайтага и др. Это необходимо, чтобы показать беспочвенность утверждений как официальных властей в Дагестане после присоединения его к России, так и представителей различных комиссий о том, что здесь не было бекского землевладения. Так, председатель сословно-поземельной комиссии

¹ Линден В. Указ. соч. С.290, 306.

² Постановления Кайтагского Уцмий Рустем-хана // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.1. С.88.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.225-226.

по военно-народному управлению Кавказа Сандрыгайло писал: «Вся история Дагестана до присоединения к России представляет собою беспредельный ряд кровавых войн и столкновений между различными правителями и «вольными» обществами, при которых не могло возникнуть понятие о земельной собственности. Земли составляли ценность лишь для поселян (крестьян. – Б.А.), и они действительно владели ею. Беки являлись только правителями народа, их власть и право измерялись силой, а так как сила зависела от количества подвластных, то каждый из них стремился к увеличению числа подвластных».

И главное, с чем никак нельзя согласиться, это утверждение: **«Отношения земельные совершенно отсутствовали»** (подчеркн. мною. – Б.А.). Предметом обложения являлась не земля, а рабочая сила при разделе наследства делилась на земле, а дым подвластных»¹.

Не состоятельность приведенных слов очевидна. Выше уже было отмечено, что беки от феодальных правителей по наследству и назру получали именно землю, которую беки отдавали для обработки и получения податей за это крестьянам различных категорий. Выше мы приводили слова Ф.Ф. Симоновича, что в Табасаране, кроме уцмий и кадия были и «частные владельцы». Или возьмем сведения сословно-поземельной комиссии о кайтагских беках, где сказано: **«Беки кайтагские владеют ненаселенными землями; последние называемые кутанами и ятагами бекскими, за исключением незначительных обычаем установившихся случаев, находятся в непосредственном их распоряжении»** (подчеркн. мною. – Б.А.). Населенными и ненаселенными землями беки владеют по наследству или по пожалованию от нашего правительства»². В другом месте справки комиссии сказано: «За хорошую службу уцмий награждал беков подарками, состоявшими из вещей и разного рода скота; деревень и земель ненаселенных уцмий не дарил бекам, они доставались им только по наследству. Отбирать эти наследственные имения (подчеркн. мною. – Б.А.) у беков уц-

мий не мог»¹. И еще аналогичное сказанному – «Право беков на взимание с подвластных им поселян (раят) различных податей и повинностей в большинстве случаев, – по крайней мере в так называемых селениях, – произошло от того, что **поселяне при водворении своем получили в пользование удобные к обработке земли и воду, принадлежавшие уцмью, от которого перешли по наследству к бекам»** (подчеркн. мною. – Б.А.). Именно за пользование феодальной землей раяты обязаны были, платить бекам определенную подать с различных земельных произведений и исполнять некоторые натуральные повинности»².

В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» прямо сказано, что ненаселенные земли – это кутаны и ятаги бекские, которые находились «в непосредственном их распоряжении»³ и далее, что они раньше «служили... пастбищными местами», но затем беки стали иметь на них «собственные распахки», т.е. пахотные места, которые по участкам отдавали отдельным лицам из подвластных им поселян. Сами представители терекемейцев подтверждали, что они «кроме пастьбы скота на бекских кутанах пользуются на них землю под хлебопашество на известных участках». Приведем примеры из официальных документов о бекских кутанах. Согласно «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», кайтагские беки имели в собственности кутаны Араб-рамазан, Палаш-кутан, Аджикутан⁴ и т.д.

Вернемся к бекам табасаранских феодальных владений, о которых в архивном источнике сказано: «Земля, находившаяся в пользовании раят, принадлежит бекам, потому что предки их раньше раят заселили ее»⁵. Согласно другому источнику, «раяты проживали на землях, бекам принадлежащих», и они имели «право на землю ими обрабатываемую, ограниченное лишь возможностью продажи ее не иначе как жителю своего селе-

¹ Феодальные отношения... С.184.

² Там же. С.185.

³ Там же. С.184.

⁴ Там же. С.195.

⁵ ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.21. Л.2-3.

¹ ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.139. Л.158-159.

² Феодальные отношения... С.185.

ния, кроме того, райты лишены права перехода из одного селения в другое без согласия бека и обязаны при подобном переселении оставлять в пользу последнего все свое недвижимое имущество»¹.

Все это, конечно, не могла не учитывать русская администрация в Дагестане, и Комитет по устройству Закавказского края нашел возможным считать «право беков сходным с правами помещиков в России и что для спокойствия края было бы удобнее и полезнее не отнимать у беков имения, а на известных условиях подтвердить их права на землю»².

К сожалению, в фондах архивов очень мало, а по многим владениям вообще нет конкретных сведений о бекских земельных владениях. Но и имеющиеся достаточно ярко отражают наличие этой формы феодальной земельной собственности.

Следует отметить, что большую работу по выявлению материала по бекскому землевладению, особенно по Аварскому ханству, провел Х.-М.О. Хашаев. «В период движения мюридизма, – писал он, – были истреблены многочисленные беки и чанки, поэтому материал об их земельной собственности, за редким исключением, не сохранился. Тем не менее отдельные данные, добытые нами в архивах и путем опроса местных жителей, свидетельствуют, что беки жили во многих селениях Аварского ханства и «вольных» обществ, владели большими земельными угодьями и что односельчане платили им подати и несли для них повинности»³. По мнению Р.М. Магомедова: «Беками назывались у аваров верхушка класса феодалов после нуцала. Образование института бекства относится к периоду возникновения в Аварии феодальных отношений. Первые беки вышли из среды патриархальной знати. В последующем беками становились и дети нуцала, не ставшие ханами. **Бекское землевладение слагалось из земель, полученных по назру и земель, захваченных у общинников**»⁴ (подчеркн. мною. – Б.А.). Р.М. Магомедов отмечал также, что: «Внутри ханства, будучи

собственниками пахотных и пастбищных земель, беки обладали всеми правами и преимуществами феодала и при эксплуатации крестьянского населения применяли методы внеэкономического принуждения». Вместе с тем он писал, что аварские беки «в своем владении не пользовались полным иммунитетом»¹. По его же словам, что было отмечено и выше, «институт беков в Аварии был довольно распространенным явлением. Беки имелись в самом Хунзахе, Гоцатле, Сиухе, Голотле и окрестных аулах ханства»². Особенно много (32 чел.) имелись беки в сел. Гоцатль³. В указанных и других селах ханства сидели представители правящей хунзахской фамилии, и их владение состояло из различных сел, пахотных и пастбищных земель, за пользование которыми крестьяне несли определенные повинности.

Сохранилось интересное «Описание земельных владений, прав и обычаев княжеского рода» сел. Гоцатль, согласно которому их земельная собственность сложилась в результате передачи в их собственность различных земель андалальцами, хиндалальцами и хунзахцами «для получения ими пользы» от этих земель. Это участки земель вблизи Корода, Чина, земли в направлении Хадани, земли в направлении места «Перед голубиной скалой», земли, тянущиеся к месту «ЛъинтЮ раГалде», земли, тянущиеся в направлении Киркини, земли, тянущиеся в направлении «Щулальутле», земли, тянущиеся в направлении ущелья «ЧамучАлахъ», земли, тянущиеся в направлении угла озера и т.д.⁴

До Шамяля в сел. Гоцо фамилия Ахсавур-заби, состоящая в 70-е гг. XIX в. из 4 дворов, владела несколькими домами, пахотными и сенокосными местами и зимними пастбищами у горы Арак-Тау⁵.

Собственниками отдельных сел и земельных угодий прежде всего выступали ближайшие родственники аварского хана и

¹ ЦГА РД. Ф.150, Оп.1. Д.1. Л.8.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.131.

³ Там же. С.150.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.104.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.105.

² Там же. С.104.

³ Хашаев Х.М. Общественно-экономический... С.151.

⁴ Хрестоматия по истории права ... Ч.II. С.86-87.

⁵ Феодальные отношения ... С.277.

прежде всего его сыновья. Бывший в Хунзахском ханстве в 1828 г. Ф.П. Скалон писал, что один из сыновей Сурхай-хана имел в своем владении определенное количество деревень, с которых «получались прежде ясак, или подати»¹. Другой сын аварского хана Абу-Султан-Нуцал-хан писал императору Николаю I, чтобы возвратили «принадлежащее ему имение», которое «состоит из деревень: Диргиль, Фераваль, Урела, половины дер. Алпаль, 6-ти загородов и 8-ми гор». И далее он писал, что он желал бы получить по наследству «мне принадлежащую галлу (хлеб, зерно, продуктовая рента. – Б.А.) с деревень Тушь и Мусуль, состоящую из 6-ти мулов, 12 быков и красного бурмета (грубая бумажная материя, привозимая из Персии. – Б.А.) с каждой деревни, для того, кто будет послан мною для собирания означенной галлы и ясака»². Р.М. Магомедов, анализируя эти данные, писал: «Таким образом, для нас бесспорным является положение, что аварский хан и его наследники (беки. – Б.А.) являлись крупными земельными собственниками»³. Причем, как отмечал он далее: «Основным видом феодального землевладения в аварских ханствах (Р.М. Магомедов писал о наличии в Аварии, кроме Хунзахского, еще Гоцатлинского и Сиухского ханств. – Б.А.) было бекство, а затем шло условное землевладение, соответствующее русскому поместью»⁴.

Остановимся на других примерах о бекском землевладении, в частности сведениях, собранных Х.-М.О. Хашаевым. По его сведениям, в 40-х гг. XIX в. мюриды сожгли в собственном доме кидибских беков, которых называли «алдамилал» по имени одного из них – Алдама, являвшегося седьмым потомком аварского нуцала. По другим же сведениям, кидибские беки являлись выходцами из аварского ханского дома и жили в Ункрятле и Кидибе и происходили из фамилии аликлычевцев⁵.

¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX в.) / Под ред. С.Бушуева и Р.Магомедова. Махачкала, 1940. Т.3. Ч.1. С.127-128.

² Там же. С.132.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.92.

⁴ Там же. С.99.

⁵ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.136.

Согласно сведениям, собранным также Х.-М.О. Хашаевым, бекам, происходившим из аварского ханского дома, принадлежали земли, находившиеся в Багулале, Чамалале, Тиндале, в частности в сел. Саситль, Сильда, Гако, Кидиб, Хваршины, Митрада и Сухалах. Это и есть общество Ункрятль («четыре земли»). Он писал, что «жители этих селений являются выходцами из Аварии и платили кидибским бекам подати за пользование их землей»¹ (подчеркн. мною. – Б.А.). Он предполагал, что «земли эти были захвачены аварскими ханами и там поселился один из членов ханского дома (подчеркн. мною. – Б.А.) по имени Аликлыч, а так как эта территория была расположена на границе с Тушетией, то, может быть, аварские ханы решили обеспечить безопасность своих владений, поселив там аварцев и поставив во главе их одного из своих нуцалов»². В 1844 г. дети уничтоженных мюридами кидибских беков обратились с просьбой вернуть им «горы и земли», которые были сначала конфискованы Шамилем, а затем после его сдачи, «взяты в казну»³.

Согласно записке, составленной в 1839 г. и хранящейся в фонде Клюки фон Клюгенау РГВИА под названием «О некоторых обществах Дагестана», сказано, что правителями Ункрятля были князья Амир Хамза и Молачи. «Селения Кидиб, Саситль и Сильды, – говорится в ней, – они считают своей собственностью, так как земля им принадлежит, и поэтому они получают с каждого двора в год по одному барану, по сабе пшеницы и по три рабочих дня»⁴. Последнее говорит о том, что в пользу беков зависимые крестьяне несли не только натуральные, но и отработочные повинности. Значит, беки вели свое хозяйство, в котором работали крестьяне.

Собрал весьма интересный материал по кидибским бекам Д.М. Магомедов, по сведениям которого им принадлежали самые лучшие и плодородные земли в Саситле и Кидибе и ог-

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.136.

² Там же.

³ Феодальные отношения... С.278-279.

⁴ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.137; Хрестоматия по истории права... Ч.П. С.34.

ромные пространства горных пастбищ – горы Эчеда-меер и Тулдух-меер¹. За пастьбу на этих горах скота беки «от каждой отары овец получили по 10 волухов»².

Здесь следует оговориться. В одних случаях Х.-М.О. Хашаев называл кидибских феодалов беками, в других – чанками и даже приводит примеры, сколько было их в указанных селах Ункратля: в Кидибе – 8 человек, в Саситле – 5 человек и т.д.³ О землевладении чанков будет сказано ниже. Но коль мы уже привели здесь их как беков, не станем к ним возвращаться ниже, а материал о них оставим здесь. Тем более, что и в официальных материалах архивохранилищ страны они идут как беки, а не чанки.

Согласно собранным Х.-М.О.Хашаевым сведениям, на территории Аварии было еще много беков, владевших земельными угодьями, приносившими им доход за их пользование. «Беки и чанки Аварского ханского дома, – писал он, – были разбросаны по всей Аварии (в современном понимании этого слова). Владели они лучшими землями. Он писал, что в прошлом в Аварии были правители-шамхалы, являвшиеся феодальными правителями в разных аварских обществах – в Гидатле, Хучада, Анди и т.д. Потомки этих шамхалов и являлись беками, получившие различные земельные угодья. Так, потомки гидатлинских шамхалов жили в селениях Тидиб, Урада и Гинта. Они «владели большими пастбищами в горах, называемых и теперь «Шамхальскими горами», и получали подати от жителей многих селений»⁴. Как писал далее Х.-М.О. Хашаев: «В 1885 г. они пытались восстановить свои права и написали прошение о том, что до появления в горах Шамяля их предки и они сами получали доход от селений Кособ, Тунсода и Ахвах, жители кото-

рых были их подданными»¹. В Гумбете, а затем в Чечне жили потомки аварских ханов, которым принадлежали различные категории земель. Как писал Х.-М.О.Хашаев: «Один из беков по имени Турарав (Турарав) завещал подати от селения Орота обратить на погашение его долгов и зарезать 300 баранов на его поминках»². Согласно имеющимся сведениям, Турловы были известны и под названием Кучуковы и они даже после переселения в Чечню сохранили в Гумбете свои земельные угодья³. Полковник Юрьев в 1823 г. по поводу Турловых писал, что «часть гумбетовцев платила подать аргунийским бекам Теркау (Турловы. – Б.А.), жившим на берегах Терека»⁴. Гумбетовских беков А.-К.Бакиханов называл эмирами. Он писал, что они владели горами и невольниками⁵. Еще до переселения (возможно, изгнания) в Чечню они действительно имели земли в Мехельта. Им принадлежало сел. Тлярота, а также большие земельные угодья, в том числе пастбищное место Цинабакал и гора Тамух, за пользование которыми местное население платило им подати⁶. Как говорят источники, Турловы были крупными землевладельцами. Согласно записке ген. Клюки фон Клюгенау: «Гумбетовские беки овладели землями до самого Терека». В 30-е гг. XIX в. потомки их проживали в сел. Брагуни и дома их сохранились в сел. Мехельта⁷.

Что касается потомков андийских шамхалов, следует отметить, что они впоследствии образовали тухум шамхалов. Свою родословную они связывали с шамхалами Тарковскими. По сведениям Х.-М.О. Хашаева, в полукилометре выше сел. Анди стоят развалины бывших ханских построек под названием «Рехедолотль», что значит «имение ханов»⁸. От этих ханов, видимо, и произошли андийские беки.

¹ Магомедов Д.М. Социально-экономическое развитие союзов сельских общин Западного Дагестана в XVIII – начале XIX в. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С.113; Его же. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV-XVIII в. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981. С.34.

² Хашаев Х.-М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1954. С.35.

³ Там же. С.36.

⁴ Хашаев Х.-М. Общественный строй... С.138.

¹ ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.5. Л.3-4. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.138.

² Хашаев Х.-М. Общественно-экономический... С.35.

³ Полевой материал, собранный нами в сел. Мехельта Гумбетовского района.

⁴ РГВИА. Ф.ВУА. Колл. 414. Д.300. Л.62.

⁵ Бакиханов А.-К. Указ. соч. (1926). С.90.

⁶ Полевой материал, собранный нами в Гумбетовском районе.

⁷ Хашаев Х.-М. Общественный строй... С.137.

⁸ Там же.

Так выглядело в общих чертах бековское землевладение в Аварии. Как позволяет имеющийся материал, в работе сделана попытка подкрепить его наличие конкретными сведениями – приведены примеры по тем или иным категориям земель, показывающие наличие в том или ином селении представителя (родственника) правящей ханской фамилии, который за пользование его земельными угодьями получал с местного населения определенные подати.

И в Казикумухском ханстве наиболее крупными землевладельцами были беки – родственники хана, которые получали от него в наследственное владение различные категории земель и населенные пункты, жители которых несли в их пользу разнообразные повинности. Следует отметить, что в этом феодальном владении, границы и территория которого в изучаемое время, как было показано во второй главе, благодаря активной внешней политике его правителей, начиная с Сурхай-хана I (Чолак), очень сильно расширились, беки получали земли не только в самой Лакии, но и в присоединенных к ханству территориях и обществах с иноэтническим населением. Уже в XVIII в. к Казикумухскому ханству было присоединено Буркун-Дарго, ряд сел Андалала, сел. Арчиб, часть селений, расположенных по ущелью Кара-Самура. Сын Сурхай-хана I Магомедхан захватил Нухинское и Кубинское ханства, а сын последнего Шахмардан-бек перешел на сторону Фатали-хана Кубинского и управлял северной частью Кюры и Гюнейским магалом. В начале XIX в. магалы Агул-дере и Ахмарлу перешли под управление Сурхай-хана II, который до этого присоединил к ханству и владение Шахмардан-бека.

Согласно описанию Дагестана Д.Тихонова и А.Сереброва, в конце XVIII в. Казикумухское владение включало в себя горную долину, состоявшую тогда из 150 деревень, в которых проживало 30 тыс. жителей и около 100 деревень кюринских с населением до 12 тыс. человек¹. Ф.Ф.Симонович тогда же писал: «Всего деревень в сей провинции до 150, а жителей мужеска пола, по народному исчислению, 30 000 душ»².

¹ Тихонов Д., Серебров А. Описание Дагестана. 1796. // РГВИА. Ф.ВУА.

² Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. С.152.

Естественно, что на такой огромной территории должно было быть организовано и управление разными частями и во главе них стояли беки, получавшие от хана земельные угодья. Причем это касается не только самой Лакии, но и тех территорий, которые были присоединены к ней в результате активной политики казикумухских ханов. Согласно данным более позднего времени (1871 г.), чем исследуемый период, в Казикумухском округе было 74 бека¹. «На захваченных землях ханы назначали своими правителями представителей наиболее состоятельных семей сельской знати. Так, местность «Генитала» была отдана во владение бека аула Мамраш, в котором находилась сторожевая башня»². Это, конечно, местный бек. Но беки Лакии в основном происходили от лакских ханов. В этом плане уместно здесь вспомнить слова Р.М. Магомедова, писавшего: «Беки после хана составляли следующий разряд класса феодалов. Все они происходили из казикумухского ханского дома. Одни из них были детьми хана, другие – братьями и их детьми. Многие из них, как и хан, имели свои пастбища, раят и лагов. Часть из них постоянно проживала в Кумухе и довольствовалась выделенными из ханской казны доходами, другие сидели в поверенных землях, владея ими наследственно, как это имело место с буркиханскими беками и беками Шуаиб и Иса, которые владели населенными пунктами в южном Дагестане. Отличались они от кумухских беков тем, что жили в отдалении от хана, **владели землями и скотом, будучи вассалами хана** (подчеркн. мною. – Б.А.). Но все они брали себе жен только из Кумуха и только из ханского дома»³. Последнее способствовало увеличению чистокровных беков.

По происхождению из казикумухского ханского дома были почти все беки, находившиеся в Южном Дагестане – и в селах самурских лезгин, и в кюринских селах, и в селах агулов. Беки в самурских селах образовались от двух братьев Сурхай-хана – Шуаиб-бека и Исак-бека, «от мщения которого бежали, и, прощенные Сурхаем, в конце прошедшего (XVIII. – Б.А.) столетия

¹ ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.71. Л.7.

² ЦГА РД. Ф.134. Д.2. Л.3. Маршаев Р., Бутаев Б. Указ.соч. С.116.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.277-278.

поселились в сел. Кака, получая в свою пользу дань с двух деревень – Луткуна и Ялаха, вносимую последними хану за испрошенное покровительство и защиту от притеснений соседних больших обществ»¹. Жители этих сел должны были нести в пользу беков повинности: все общество сел. Луткун – по 75 руп. (рупа = мера сыпучих тел равная 1,5 пшеницы или ячменя, лезгинская рула = 9 пудам пшеницы) пшеницы и по 75 руп ячменя, а ялахцы – по одной рупе пшеницы с каждого дыма. И еще – с каждого дыма этих сел беки имели право требовать одного работника на 3 дня в году, а всего в год с Луткуна 276, а с Ялаха – 285 рабочих на один день. Причем подати и повинности сельские общества обязаны были нести не каждому беку отдельно, а всем вместе².

Выставление работников для беков – это свидетельство того, что они имели свое собственное земледельческое хозяйство, работы в котором выполнялись местным населением: удобряли поля, сеяли и жали хлеб, косили сено, заготавливали дрова и все это свозили в село. Иногда беки собирали дань маслом, медом, баранами³. В свое время хан купил земли на территории Кака и в изучаемое время в собственности беков находилось около 20 небольших пахотных участков, лежавших череполосно с пашнями какинских крестьян. Бекам принадлежали также пастбища Куртай и Олакан-дере в рутульских землях и захваченный на какинской земле участок Перег⁴. У Шуаиб-бека при сел. Луткун имелись 4 участка на 5 капанов (1,3 дес.), а при Ялахе – 3 участка на 3 капана (0,7 дес.); у сыновей Исак-бека имелись при сел. Луткун 5 пахотных участков на 10 капанов (2,5 дес.)⁵. По другим сведениям, бекский двор Исак-бека имел пахотной земли 10,75 дес., девять дворов бекского поколения Шуаиб-бека какинского – 7 десятин; в других местах они имели пахотной земли 7,5 дес. и четыре пастбищные горы⁶. По бо-

¹ Феодальные отношения... С.170-171.

² Там же. С.171.

³ ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.143-з. Л.5; Ф.150. Оп.1. Д.8. Л.11.

⁴ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып. II. С.98.

⁵ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.8. Л.79.

⁶ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.189.

лее поздним данным, 9 бекских семей имели: пашни 13,2 дес., покоса – 31,4 дес., пастбища – 800 дес.¹

В Кара-Кюре имелись свои беки. Они «не имели никакого отношения к лакским бекам. Это была самостоятельная ветвь, идущая от Камкама». По сведениям, собранным Р.М. Магомедовым: «Лучшие пахотные земли – Чияр и Чувухур, расположенные вокруг аула, считались бекскими»².

В кюринских обществах беки, надо полагать, появились после переселения сюда Шахмардан-бека. Очевидно, часть их появилась после образования Кюринского ханства. Но, по официальным данным, беки в Кюра появились позже. Согласно «Справке из архивных дел по вопросу о характере и происхождении поселенских повинностей...», здесь не было беков до Аслан-хана. «С назначением Аслан-хана в Кюринском ханстве расселились родственники его, прибывшие из Казикумухского ханства, и образовали сословие беков»³. С 1812 по 1860 г. бекам и приближенным хана было роздано 25 селений, жители которых раньше не отбывали податей и повинностей⁴. Жители сел. Барбаркент, Бюль-Бюль, Казаркент стали отбывать душарлык (подати хлебом), работать по 9 дней в году, выставять арбы для перевозки хлеба и сена, доставлять арбу дров, давать 1,5 фунта масла с коровы, овцу со 100 голов, $\frac{3}{4}$ фунта меда, обрабатывать $\frac{2}{3}$ десятины чалтыка. Кюринские беки пользовались и обычаем «эврез» для обработки своих имений. Обычай этот практически превратился в барщину. Подобные же повинности отбывали и жители сел. Аликент, Магарамкент, Захрабкент, Бубкент, Хутум, Испик, Махмудкент и др.⁵

Были беки и в Яраге. Вокруг ханского дворца в Юхари-Яраге находились семь домов беков, братьев хана. Были беки и в Целягоне. Здесь проживал двоюродный брат хана Сурхай-хана Гарун-бек. Бекам Целягона принадлежал ряд сел (Целягун, Гезеркент, Койсун, Магарамкент, Барбар-кент, Бирбир-

¹ Феодальные отношения... С.254.

² Магомедов Р.М. Дагестан ... Вып.2. С.158.

³ Феодальные отношения... С.250.

⁴ Гидаунов П.Г. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. 1901. № 3. С.67.

⁵ Хашаев Х.-М. Общественный строй... С.191.

кент), жители которых отбывали дегъек: с каждого двора рипе (4,5 пуда) пшеницы и столько же ячменя, с того, кто имел 10 овец, брали одну овцу. Целягунский бек имел земли (пастбища) Аббас-кишлах на территории Ханджал-кала и Эрид-дар на территории нынешнего сел. Кукан в Курахском районе. Родственники курахских ханов – беки находились и в других лезгинских селах. Свою родословную от лакских ханов вели и беки Гапцаха, которым подчинялись и платили подати жители сел. Гапцах, Филя, Кочхюр, Коля.

Беки, происходившие от казикумухского ханского рода, находились и в агульском сел. Буркихан. Здесь было 5 домов беков. Получив во владение Буркихан, они захватили у сельского общества пастбища Журогда, Чажинус, Урчар-Гъиккатул, Варвурдал, Оьлранах, Хайлил-учас, Мяцинххан и др. Беки присвоили и пахотные земли сельского общества Тиригьи, дающие урожай зерна около 50-60 мерок². Раяты и даже уздени села должны были платить им ежегодно 8 баранов малых и больших, а также по одному барану с каждого стада. Кроме того, раяты давали бекам продукты земледелия и животноводства и выполняли полевые работы³. Лес целиком принадлежал бекам, за пользу которым и раяты, и уздени должны были по очереди «платить бекам с каждых 12 домов в год 12 баранов»⁴. Бедные общинники работали пастухами и чабанами у беков⁵. Из 11 зимних пастбищ, имевшихся в Буркихане, два были отданы Сурхай-ханом Абдул-Гафурбеку⁶.

Представители казикумухской ханской фамилии находились в даргинском обществе Буркун-Дарго, присоединенном к ханству в XVIII в. Они захватили у местных жителей ряд земель. Так, у сел. Кунки были захвачены пастбищные горы Дарксана и Метазмезлахъяб, за пользование которыми кункин-

цы обязаны были давать сначала хану, а затем бекам скот¹. В окрестностях сел. Ашты буркиханским бекам принадлежали участки земли Калажна, Урка-бута и Хана-бута².

Беки Казикумухского ханства, жившие непосредственно в Лакии, имели как отдельные земельные угодья, так и населенные пункты, жители которых были зависимы от них и платили им определенные подати за пользование их землями. Так, беку Жабраилу принадлежали сел. Зугъраб, Хути и Бути, жители которых были раятами и несли в его пользу повинности: жители всех трех сел должны были выйти один день на сенокосение, один день на сбор сена и один день перевозить сено в дом бека; каждый аул должен был выставить на 15 дней по два человека на уборку урожая: на 15 дней отдавать своих лошадей для молотбы урожая бека; каждые две семьи должны были выделять по одной арбе для перевозки пшеницы; каждая семья должна была вносить в фонд бека по одной мерке пшеницы; каждый, кто сеял на равнине рис (зерно), отдавал беку по 3 мерки; кто имел корову, отдавал по 2 истила масла; у кого была пасека – лишался одного истила меда; с каждых 100 голов полагалось по одной овцематке; осенью каждая семья отвозила беку по одной арбе дров³.

Как показывают и другие имеющиеся сведения, раяты выполняли на феодалов и иные работы за пользование их земельными угодьями. Разнообразные работы в хозяйстве феодала – это отработочные повинности – барщина, заключавшаяся в том, что они сеяли пшеницу, убирали урожай, молотили и доставляли зерно в дом бека, заготавливали камни и лес во время строительства бекского дома. Им часто приходилось ездить за строительным лесом даже в Кюра и Табасаран⁴.

Много земель сосредоточили в своих руках кумыкские беки – родственники шамхала Тарковского и потомки Султан-Мута, проживавшие в Засулакской Кумыкии. Это бии и князья

¹ Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып. I. С.158-160; Его же. По аулам Дагестана. Вып. II. С.86.

² Каяев А. Указ. раб. С.103-104, 55, 2. Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С.116.

³ ЦГА РД. Ф.20. Оп.1. Д.18. Л.26-27.

⁴ Там же. Л.25.

⁵ Агулы. Махачкала, 1975. С.35.

⁶ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.3. Л.25.

¹ Полевой материал, собранный нами в Дахадаевском районе // РФ ИИ-АЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.553. С.60.

² Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып. II. С.12, 13.

³ Каяев А. Указ. раб. Л.88-89. Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С.117-118.

⁴ Там же; ЦГА РД. Ф.2. Д.1389. Л.12.

кумыкских владений. Кроме того, у кумыков были и так называемые карачи-беки, которых источники, как отмечалось во второй главе работы, характеризуют как древних хозяев земли, раздробивших и потерявших свои земли в результате увеличения их численности, раздробления собственности или продажи ее. Но главными представителями класса феодалов у кумыков после шамхалов и старших князей Засулакской Кумыкии были беки (бии и князья). Беки, происходившие от шамхалов, как отмечалось выше, в большинстве своем находились в вассальной зависимости от шамхалов, как и карачи-беки, имели земли, полученные ими по «назру» и по дару от отца или приобретенные путем покупки, и пользовались полным иммунитетом в своих владениях¹.

Изучая социально-экономические отношения кумыков, С.Ш. Гаджиева уделила большое место земельным отношениям и писала, что кумыкские феодалы сосредоточили «огромный фонд земли, которыми полностью распоряжалась феодальная знать»². Обратила она внимание и на имевшую место особенность феодальной земельной собственности, в том числе собственность беков в Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве. Она писала, что «здесь феодальная собственность на землю была несколько завуалирована общинными порядками, в то время как на Кумыкской плоскости (т.е. Засулакской Кумыкии. – Б.А.) князья открыто настаивали на полном и безусловном признании за ними собственности на всю земельную площадь»³.

Как было показано выше, в Засулакской Кумыкии было десять княжеских родов, во главе которых стояли старшие князья, остальные, хотя также назывались князьями, практически являлись теми же беками (биями), как и беки других феодальных владений. Но во владении землей засулакских беков имелись и свои особенности – основной формой земельной собственности была фамильная. Знаток истории Засулакской Кумыкии Д.-М.Шихалиев писал, что «наиболее плодоносная полоса земли, пересекаемая речками Яксаем, Ямансу, Ярыксу и Акташем, до

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.170-171.

² Гаджиева С.Ш. Кумыки... С.119.

³ Там же.

самого Сулака, по подошвам Чеченских, Ауховских и Салатавских гор была разделена князьями в 4-м колене после Султанмута, т.е. около XVIII столетия, на участки, по числу княжеских отдельных родов; на каждый из этих участков проведены были из вышесказанных рек канавы, и каждая канава с полою, ею напалаемою (орошаемою. – Б.А.), назначена была в вечное пользование свободным лицам и чагарам за известную, незначительную в пользу князей рабату»¹. Возле каждого бекского рода образовывались особые кварталы, чтобы быть ближе к тому роду, на земле которого им полагалось работать².

В другом месте Д.-М.Шихалиев писал, что «каждый род князей» имел собственную землю как бы в удел от первоначального владения Султан-Мута, «по дележу доставшаяся»³.

Но в то же время, как показывают источники, кроме общеродовых или общесемейных земель, засулакские князья (бии, беки) имели и свои отдельные, только им лично принадлежащие земли, составлявшие их неотъемлемую собственность. Об этом, в частности, говорят имеющиеся в фондах ЦГА РД документы о купле-продаже различных земельных участков и горных пастбищ. В этих документах указаны конкретные засулакские князья (а не роды), которые продают различным представителям Салатавии земельные участки и горные пастбища⁴.

На эту особенность в землевладении засулакских беков обратили внимание и авторы работ XIX в. Так, Ф.И. Леонтович, как отмечалось и выше, писал, что у засулакских кумыков существовали два вида поземельной собственности: «общее владение, т.е. земли, принадлежащие целой фамилии, и частное, составляющее собственность одного только лица»⁵. Об этом же писал и Н.Дубровин⁶. Х.-М.Хашаев писал, что в начале XIX в.

¹ Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.41; Кумык. Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ, 21 октября, 1840. № 40.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ЦГА РД. Ф.147. Оп.4. Д.41-а. Л.44, 46; Д.34-а. Л.3-4, 43, 45, 48, 53.

⁵ Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып.2. С.189-190.

⁶ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1. Кн.1. С.632.

«кумыкские бии стали ... собственниками всех земель на кумыкской плоскости; владели они землей совместно и раздельно»¹.

Частные бекские земли в Засулакской Кумыкии возникали и расширялись как за счет захватов чужих земельных угодий, так и получения земель от местных русских властей, которые шли навстречу просьбам князей выделить им ту или иную территорию. Еще Д.-М.Шихалиев писал, что кумыкские князья после наделения обитателей края «должными пропорциями земли и после пожалования отдельных участков некоторым узденям» постепенно стали занимать земли казаков крепости Святого Креста и Аграханского войска, на которых трудно было вести зерновое хозяйство из-за невозможности или трудности их полива. Поэтому князья отдавали эти земли в аренду на зиму для пастьбы баранов салатавцам, гумбетовцам, койсубулинцам и даже акушинцам (верхнедаргинцам), за что получали хорошие доходы. Как писал Д.-М.Шихалиев далее: «Имея в Салатавии лучшие во всем Дагестане пастбищные горы, они отдавали там места на откуп. Каждый кутан или каждая гора могла кормить от 3 до 6-ти тыс. баранов в известный период года, и каждый из этих угодий стоил откупщикам не менее 50 баранов годовалых и 12-ти кусков сыра весом в 12 футов каждый»². Это были общие – фамильные кутаны.

Приведем ряд примеров, как возникла частная бекская собственность на землю, получая отдельные участки угодий от местной русской администрации. Русское правительство пожаловало земли Алишу Хамзину, которые принадлежали костековским князьям Бурчегиям, изменившим России и бежавшим в горы. С разрешения начальства крепости Святого креста Алиш Хамзин населил Костек, восстановил сел. Байрам-аул и не отказался от своих прав на родовые земли близ Эндирея³. В грамоте, данной Алишу Хамзину, по указу императрицы Анны, наследным князем Людвигом Гессен Гамбургским, сказано, что «пожалован Андреевской деревни Али-бек Хамзабеков сын в

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.201.

² Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.43-44.

³ Там же. С.34.

деревню Костек командиром, которому повелевается через нас, чтобы он всех своих узденей, да Гиреевских узденей и протчих той деревни прежних обывателей и вновь ежели кто в той деревне селица возжелает ласкостию принимать и поселять и множить и той деревни, всякими угодьями: полями, санными покосами и лесом и водами ему Алиш-беку владеть как Гирей владел...»¹

Другой эндиреевский бек, Казий Темиров, получил разрешение от князя Потемкина основать сел. Кази-юрт и иметь паром через реку Сулак. Казий Темиров присвоил себе окружные пустопорожные земли и умер бездетным².

Опираясь на ряд примеров – сообщения бека Арслан-хана Уцмиева о том, что «имения кумыкских князей находятся в первобытном состоянии, не разделенными между участниками, каждая фамилия владеет землями, занятыми на Кумыкской плоскости одним из своих предков...»³; Гебека Темирова, что: «Отцы наши, сыновья деда нашего Темира, шесть братьев Хасбулат, Казий, Кара-Мурза, Девлет-гирей, Исмаил и Шепи во время своей жизни не делили оставшиеся от князей Темира имение, как-то: земли, кутаны, деревню, а все, что у них было общим, и каждому выделилась следуемая часть доходов...»⁴ и других князей, А.С. Акбиев пишет, что главной, основной формой собственности на землю в Засулакской Кумыкии была фамильная собственность князей на землю. Но не это вызывает возражение, а то, что он далее пишет: «**Личной владельческой бекской земли фактически не существовало** (подчеркну. мною. – Б.А.). Даже если бек и приобретал каким-либо путем участок земли, то он после его смерти составлял собственность целой фамилии или же включался в родовую бекскую земельную собственность»⁵. Как же быть с приведенными выше примерами, разве они не свидетельствуют о наличии частной собственности у беков? Думается, что они подтверждают это.

¹ ЦГА РД. Ф.236. Оп.1. Д.2. Л.3. Акбиев А. Кумыки... С.53.

² Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.34-35.

³ ЦГА РД. Ф.105. Оп.5. Д.5. Л.2. Акбиев А. Указ. соч. С.54.

⁴ Там же. Д.15. Л.7. Акбиев А. Указ. соч. С.54.

⁵ Там же.

Много было беков в Тарковском шамхальстве. Все они имели свои земельные угодья, полученные как от самого шамхала, так и своих отцов-беков. Подобно шамхалу, бекам и чанкам шамхальства «принадлежали лучшие земли и оросительные каналы. Многие шамхальские беки имели десятки тысяч десятин земли»¹. Это были так же, как и в других владениях как отдельные угодья, так и населенные пункты. Так, согласно сведениям комиссии о сословно-поземельных правах жителей Темир-Хан-Шурина округа, сел. Шамхал-Янги-Юрт было основано в начале XVIII в. шамхалом Мехти и отдано в управление одному из беков с правом повинностями с жителей и доходами с кутана Алагез². В 1735 г. шамхал подарил своему внуку Амал Магомеду сел. Харкас и Верхнее Казанище с прилегающими к ним горами, а также три кутана в Чанкаке под названиями Хайдак, Сурхай и Чикьянак и еще одно сел. Юхари-Таркали со всеми прилегающими к нему землями, которые назывались Таркали-Овлак или Кокрек, до Темир-Кою и до самого Уй-Саглан-Тюбе³. Еще один пример получения земель и сел от шамхала беками, близкими родственниками его: известно, что в начале XVIII в. владельцем Губдена был дядя шамхала Тарковского Муртузали⁴.

Беки Губдена, согласно местным адатам, имели право получать участок общественной земли в размере 54 каб в качестве бийлика. Они владели также кутанами, на которых имели свои покосы, отдаваемые на откуп⁵. Кумторкалинским бекам принадлежали сел. Кумторкала и Верхнее Казанище, с которых получали повинности, и четыре кутана⁶. В собственности кумторкалинских беков находились земли Яр-Туб, Айвоз, Хамбут, Истису, Курган-ер, Оразган-ер. Это были земли, находившиеся

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.209.

² ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.93. Л.3.

³ Материалы по сословно-поземельному вопросу в Дагестане // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.163. Л.39; Д.192. Л.65, 69; Д.194. Л.20.

⁴ Микрофильмы архивных документов, извлеченных В.Г.Гаджиевым из АВПР // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д.3141. Л.12.

⁵ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.68. Л.65; Ф.2. Д.28. Л.33; Акбиев А. Кумыки... С.49; Его же. Общественный строй... С.58.

⁶ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.6. Л.19. Акбиев А. Указ. соч. С.49.

издавна в их собственности. Вблизи Темир-Хан-Шуры они же имели земельные участки Богдат-Тала, Костерек-Тала, Очакан-Тала, Халим-Тала и лес¹. Как писал В.Линден, кумыкские беки сосредоточили в своих руках значительную часть Кумыкской плоскости и поставили большинство населения последней в поземельную зависимость от себя². Ярким примером сказанному является «Согласованное признание жителей сел. Карабудахкент по поводу традиционных прав местных аристократов», относящееся к середине XIX в. В нем сказано: «Мы, жители Карабудахкента, – малые и большие, – пришли к соглашению: первооснователями этого селения, Карабудахкента, являются потомки покойного эмира Карабудах-Атая ... Земля и вода, [дающая жизнь] селению Карабудахкент, находятся во власти карабудахкентских эмиров. Это имеет место со времен их далеких предков, что мы и признаем. Мы не можем иметь ни земли, ни воды ... если эмиры Карабудахкента предварительно не распределяют всего этого между нами. Население Карабудахкента не может иметь ни земли, ни воды – без распределения всего этого руками эмиров, – и на равнинной части земель Карабудахкента.

[Мы платили эмирам Карабудахкента подать] мареной (*андуш*) или – по выбору самих этих эмиров, – давали им ее денежный эквивалент, или что-либо другое.

Тому [из них], кто становился [старшим] эмиром, состоящим над нами, жителями Карабудахкента, представляли мы право на получение выкупа [с преступников] за убийства, кражи и за другие преступления, [делая это] из-за воды и земли.

Мы обязаны выходить всем [селением]: один день [в году] для проведения посевных работ на землях того эмира, который в качестве [старшего] будет стоять под нами в данное конкретное время; один день [в году] для проведения жатвы; один день [в году] для проведения обмолота...

Все эти работы мы выполняли в пользу [старшего эмира] из-за воды и земли ...

¹ ЦГА РД. Ф.2. Оп.5. Д.28. Л.33-33 об.

² Линден В. Указ. соч. С.272.

Далее, мы обязаны нести в пользу эмиров Карабудахкента еще и службы частного порядка...»¹

Еще И.-Г.Гербер в начале XVIII в. писал, что в Тарковском шамхальстве «большие деревни и из малых несколько вместе розданы сыновья шамхальским и несколькими знатным людям дагестанского народу для содержания»². По его же словам, «еще до дальнего определения (т.е. еще издавна. – Б.А.) доходы допущено брать сыновьям шамхальским и другим владельцам»³. В конце XVIII в. Д.И. Тихонов писал, что в местечке Буйнак «шамхалова сын пребывает»⁴. Далее он, перечисляя деревни, входившие в состав Тарковского шамхальства, писал, что они «имеют своих князей (беков. – Б.А.) и узденей (уллу-уздени. – Б.А.), которым должны жители один день на лето работать, хлеб пахать и прочее, а шамхалу не работают (так как эти села принадлежали бекам, которые они получили по наследству и шамхал не имел уже на них никакого права. – Б.А.), а только ему пашут один день в лето, а жители, обитающие в Тарках, а сыну его Махтию работают, то же самое и жители буйнакские»⁵.

Принадлежали шамхальским бекам, так же как и ему, и зимние пастбища-кутаны, о которых Д.И. Тихонов писал как о «частных жителей», которые также отдавали их «по своей воле» «на зимнее время горским жителям в найми по договору»⁶.

Мало сведений о земельной собственности мехтулинских беков: Из источников известно, что брат Ахмед-хан-Адгия (мехтулинского хана) – Али-Султан-бек, отказавшись от престола, «взял в удел четыре деревни» и, конечно, там были его земли. Эти четыре селения (Дургели, Кака-Шура, Параул и Урма) после смерти Али-Султан-бека по требованию его сына Султан-Ахмед-хана (правителя Аварии) перешли в его собственность. Затем, после измены Султан-Ахмед-хана, правителя Мехтулинского ханства Гасан-хана и правителя Бамматулы

¹ Хрестоматия по истории ... Ч.1. С.106-108.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.71.

³ Там же.

⁴ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.129.

⁵ Там же. С.130.

⁶ Так же.

Гирей-бека, они были переданы Мехти-шамхалу «в полное... управление». Сын Гасан-хана, Ахмед-хан, став мехтулинским ханом, имел во владении 10 деревень. Когда в 1834 г. брат его Али-Султан, служивший в России, вернулся на родину, Ахмед-хан дал ему в удел Кака-Шуру. После смерти наследника Аварского ханства, малолетнего Султан-Ахмеда, из записанных за ним 3 деревень (Дургели, Параул и Урма) дагестанское начальство передало Али-Султану деревню Дургели с «несколькими» кутанами. Побочному сыну последнего аварского хана Мирзе-беку был отдан один кутан (Айляма), «который бы доставлял ему средства для существования»¹.

Известно также, что сын последнего мехтулинского Ахмед-хана Шахназар владел только двумя горами «Гулебек-тау», кутаном «Аданаж» и одним кварталом в сел. Дженгутай, известным под именем Алихан-аул².

Сведения о беках Кайтага и их земельной собственности сохранились в основном в материалах сословно-поземельной комиссии, хотя там и не очень много конкретности – какие беки и в каких селах правили, какие земельные угодья они имели. Но и из этих общих сведений, которые были собраны комиссией, наглядно видно, что, наряду с уцмиями, беки Кайтага были землевладельцами и что земли они получали как близкие родственники непосредственно от уцмия. «Беки, – указывается в одном документе, – составляли высший класс населения в Кайтаге; все кайтагские беки происходят от рода уцмия ... Беки кайтагские владеют населенными и ненаселенными землями, которые находятся в их наследственном владении. Поземельная зависимость поселян выражается в обязанности платить бекам определенную подать с различных произведений и в исполнении некоторых натуральных повинностей. Имена беков переходили по наследству. Наследникам женского пола выделяется лишь часть движимого имущества»³.

Получив по наследству ненаселенные земли, кайтагские беки не только сдавали их в аренду горцам как зимние пастби-

¹ Федеральные отношения. С.36-41.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С.171.

³ ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.24. Л.8; Феодальные отношения... С.185.

ща, но и со временем, в особенности в исследуемый период, разводили здесь свое земледельческое хозяйство, – как сказано в источнике, имели здесь «собственные распахки». Сдавались эти земли и для разведения хозяйства раятским семьям, т.е. терекемейцам, которые и проживали на плоскостной части Кайтагского уцмийства.

Интересные сведения сохранились по бекскому землевладению по периоду после упразднения должности уцмия, из которых видно как образовалось или расширилось бекское землевладение в Кайтаге после 1820 г. в результате предоставления бекам разными «начальствующими» лицами России земельных угодий, лесов и населенных пунктов. Так, в 1820 г. Ибах-бек получил от Ермолова сел. Деличобан и Шахбаз «со всеми их пастбищными местами и выгонами», которые раньше принадлежали Султан-Ахмед-беку. После смерти в 1826 г. Ибах-бека его владение перешло к его детям. В 1826 г. Хан-Магомед получил в управление сел. Великент, Салик и Хан-Магомед-Кала. В 1831 г. Джамав-бек получил «во владение» сел. Карадаглы, Падар и Татлар, а также «кишляги» Кеджух, Карымкарт, Дашкичи, Усми-Кутан, Акперек, Улу-истису и Палаш-кутан «со всеми принадлежащими к ним доходами». В том же году Джамав-беку были переданы в управление его с братом и племянниками, детьми Хан-Магомед-бека еще сел. Салик, Кала, Джемикент и Янгикент и два участка ненаселенной земли. Еще при жизни Джамав-бек выделил из своего владения племяннику Ахмед-хану две деревни Падар и Татлар и три участка ненаселенной земли: Кезучали, Алвачи и Араб-Рамазан, остальные «имения Джамав-бека затем перешли к его сыновьям Амир-Чопану, Шамсул-вара, Гебеку и Мехти. Во владении Гатамбека с племянниками, сыновьями умерших братьев его Мирзабека и Талгат-бека, находились сел. Чумли и Деличобан и 6 участков ненаселенной земли, затем после его смерти они перешли во владение его племянника. Во владении вдовы Искендер-бека, Хаджи-ханум-бике находились по несколько дворов подвластных поселян и один кутан, доставшийся по наследству. Во владении Абдула-бека с братьями находилось сел. Татлар, «по несколько дворов подвластных поселян в других селе-

ниях и два ятага, доставшиеся им по наследству, из которых один кутан куплен отцом их, Казай-беком»¹.

Из перечисленных сведений видно, что одними и теми же селами владели разные беки. Дело в том, что русские власти меняли их владельцев, взамен одних сел им выделялись другие.

В Кайтагском уцмийстве повинности беков зависели не от количества обрабатываемой раятами земли, а от численности последних. «Нигде, – сказано в «Записке сословно-поземельной комиссии», – быть может, степень благосостояния землевладельца-бека не была с такой очевидностью тесно связана с благосостоянием его подвластных, как здесь, ибо доход, полученный им, зависит не столько от количества земли, находящейся в его владении, сколько от числа подвластных поселян и имеющегося у них рабочего скота, так как подати и повинности раят распределялись не по дворам, а по количеству, имеющегося у них рабочего скота»². Поэтому в Кайтагском уцмийстве, как и в Табасаране, земли, полученные по наследству беками, «делили между собой по числу дворов или душ мужского пола, принимая во внимание самостоятельность раят, которые находились в прямой зависимости от раятской земли»³.

Не много конкретного материала и по бекскому землевладению в Табасаране, хотя оно и здесь получило широкое развитие. И исследователи особо не распространяются в своих работах по этому вопросу. Отмечая наличие в Табасаране крупного феодального землевладения, М.Р. Гасанов прежде всего указывает на землевладение майсумов и кадиев, а затем пишет: «Крупные пахотные земельные участки находились также в пользовании беков»⁴. Они наделяли раят землей, за что последние обязаны были нести беку определенную часть урожая»⁵. В архивных источниках прямо указывается, что раяты проживали на землях беков⁶. Беки же получали земли от своих отцов-владельцев Табасарана. В результате в конце XVIII в. мы нахо-

¹ Феодальные отношения... С.235-239.

² Там же. С.187-188.

³ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.2. Л.90.

⁴ Гасанов М.Р. Из истории... С.26; Его же. Очерки... С.187.

⁵ Там же.

⁶ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.4-6. Л.3; Ф.90. Оп.2. Д.21. Л.2-3.

дим здесь ряд беков. По этому вопросу интерес представляют сведения Ф.Ф. Симоновича. Он писал, как отмечалось и выше, что майсумство и кадийство «заключают в себе других (кроме майсума и кадия. – Б.А.) частных временных владельцев, братьев и сродственников настоящих владельцев, как-то: масумово, Мустафы бека, шамахала, Алигули масума» и далее: «к кадиеву Табасарану принадлежат частные временные владения Махмут бека, Магомет бека и Мурза бека»¹.

В другой работе Ф.Ф. Симонович уточняет родственные отношения указанных беков к владельцам Табасарана: Али Гули масум – это двоюродный брат майсума, остальные, видимо, – братья майсума и кадия², которые, получив от них земли, владели ими как своими собственными владениями. Эти беки, конечно, имели своих детей, которые также получали земли от своих отцов и управляли разными селами бекства, точно так же, как и их отцы. Мустафа бек был в Карчаге, в Чулате – шамхалов, Али Гули – в Хорике, в Хаменди был Махмут бек³. Согласно сведениям начала 30-х гг. XIX в., в Нижнем Табасаране было 7 магалов, из которых один принадлежал Аслан-хану, два – наследнику майсума Ибрагиму Карчагскому, остальные четыре принадлежали бекам из фамилии кадия Муртазали⁴.

По показанию южнотабасаранского бека Ших-Али-бек-Кирхляр-Куси-Майсум-оглы, беки имели при селениях свои мюльки, которые «они купили у раят или достались им после смерти раят, не оставивших наследников, или бежавших». Другой бек Мустафа-бек карчагский также показал, что беки «имеют свои отдельные участки, которыми пользуются сами»⁵.

Земельная собственность беков постоянно расширялась. Как пишет М.Р. Гасанов: «Развитие феодальных отношений было связано с ростом бекской собственности на землю»⁶.

За пользование бекскими землями раяты несли повинности, которые, как показывают источники, были выше, чем в других

феодалных владениях, часто они зависели от произвола бека. Председатель Комиссии по сословно-поземельным делам в частях Кавказского края 12 февраля 1900 г. писал: «Что касается податей и повинностей, отбываемых табасаранскими раятами в пользу беков, то в прежнее время определенный размер был установлен только для хлебной подати, в одних селениях северной Табасарани уплачивался по количеству рабочего скота (как в Кайтаге. – Б.А.), в других же, а равно во всех раятских селениях южной Табасарани, – подворно, независимо от пространства надела или числа рабочего скота пшеницей от одной до двух саб. **Работ же раяты обязаны были отбывать столько, сколько понадобилось бы беку для его хозяйственных потребностей** (подчеркн. мною. – Б.А.); лишь соблюдение своих собственных выгод сдерживало в этом отношении чрезмерные требования беков в тех приделах, которые давали бы раяту возможность вести и свое собственное хозяйство»¹.

Беки, являясь управителями различных частей Табасарана, из года в год увеличивали подати и повинности, пользуясь неопределенностью их. Как писал Х.-М.О. Хашаев: «Феодалы: майсум, кадий, их потомки, беки и чанки были собственниками земельных владений, имели власть не только над крепостными раятами, но и над узденями Табасарана. Крепостные крестьяне-раяты, имея свое мелкое хозяйство, живя на землях, захваченных беками, обязаны были... платить подати и отбывать повинности во все более увеличивающихся размерах»². Среди податей, которые несли своим бекам раяты Табасарана, были: подать хлебом, подать чалтыком, подать с марены, подати орехами, виноградом, сеном и саманом, солью, повинность работами, подать с предметов хозяйства и промышленности, дровяная повинность, арбяная повинность и т.д.³

В Рутуле предки беков также владели землями. В XIX в. их было 15 семей, которые имели около 60 дес. удобной земли и

¹ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. С.152-153.

² Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. С.199.

³ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. С.153.

⁴ Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С.314.

⁵ Феодальные отношения... С.150.

⁶ Гасанов М.Р. Из истории... С.26; Его же. Очерки... С.187.

¹ ЦГИА РГ. Ф.416. Оп.3. Д.101. Л.144. Хашаев Х.-М. Общественный... С.198.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.198.

³ Феодальные отношения... С.158-162.

27 кишлаков, на 4940 овец¹. Интересный материал собрал о рутульских беках, их богатстве З.Ш. Закарияев. Некоторые выявленные им имена рутульских беков отсутствуют в их генеалогической таблице, составленной в 1873 г. наибом Рутульского магала Хасан-хан-беком. В частности, в эпитафии Сутай-бека сына Ахмед-бека ... говорится о том, что он владел «многими несметными богатствами, не поддающихся подсчету, и среди них – триста лошадей». Это прямое указание, отмечает З.Ш. Закарияев, принадлежности Сутай-бека к имущественной элите Рутульского магала и демонстрация степени имущественного расслоения в Рутуле в начале XVIII в.»²

Земельные владения и отдельные населенные пункты имелись и у беков Илисуйского (Цахурского) султанства. Хотя в султанстве были трех типов беки, но землевладельцами были два типа: во-первых, это беки, члены султанской фамилии. Как писал И.П. Петрушевский, «бекскими правами пользовались исключительно сыновья султана или других беков от «законных» жен бекского происхождения, тогда как сыновья от наложниц или жен «низкого» происхождения не получали звания бека»³. Второй тип беков – это наследственные беки «из других фамилий, цахурских, тюркских, обязанных службой султану – в войске и при дворе»⁴. Эти обе группы беков и «получали от султана во владение кешкельные села или части их (нередко только отдельные кешкелы), закреплявшиеся наследственно»⁵. Беки не «знатного» происхождения не владели кешкелями.

Всего в Илисуйском султанстве во владении беков находилось 14 селений: Абахло, Кичик-Котукло, Узун-Тала, Кара-Тала, Аманло, Кайсарло, Кипчак, Казмаляр, Дехми-Дагельды, Шахляр, Аламло, Байдарло, Онджало и Тахтанум. Все эти села

¹ ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.142-3, 128; Д.142-з. Л.93. Хашаев Х.-М. С.190.

² Закарияев З.Ш. Социально-экономическое и культурное развитие Дагестана в XI-XIX вв. (по данным эпиграфических памятников на арабском языке): Автореф. дисс... д-ра ист. наук. (Рукопись). С.61.

³ Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала, 1993. С.77.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

находились на юге султанства. Кроме того, девяти бекам принадлежало также 30 дымов в Кахе-ингилойском¹.

Одни беки владели целыми селениями, а другие – только отдельными кешкелями. Так, селение Фистихло (40 дымов) принадлежало в первой трети XIX в. беку Хаджи-ага, селение Аманло и Кайсарло (31 дым) – бекской фамилии Али-Султан-Ушаги и т.д.

В противовес указанному многие беки владели немногими кешкелями. Так, селение Ибахло (27 дымов) принадлежало 15 бекам, селение Казмаляр (40 дымов) – 17 бекам и т.д.² Как видим, здесь мы встречаемся с аналогичным типом феодальной земельной собственности, какое было в княжествах Засулакской Кумыкии, в которых основным типом феодального землевладения была фамильная или родовая собственность на землю. Кроме того, нам здесь важно подчеркнуть, что по своему экономическому положению беки занимали разные позиции. Были беки, в собственности которых находилось несколько сел и они, конечно, имели и больше веса в политической жизни султанства и являлись носителями центробежных сил, как и в любом другом феодальном владении более богатые беки. Вспомним здесь, что самому султану Илисуйскому лично, как помещику, принадлежало всего три селения: Ках, Алибегло и Мешабаша, хотя они и были более крупными по сравнению с другими селами султанства.

За пользование бекскими кешкелями кешкельники несли разнообразные повинности, которые в разных селах отличались по своим размерам и количеству. Кешкельные подати заключались в ежегодных взносах хлеба, шелка, винограда, самана, фруктов. Это были натуральные повинности ингилойцев и мугалов, как зависимых категорий крестьянства. Что касается барщины, то ее в султанстве не существовало, так как беки не вели «своего отдельного крупного хозяйства. Бекам, как кешкелевладельцам, принадлежали сравнительно небольшие усадьбы и участки земли, работы на которых производились

¹ Петрушевский И.П. Указ. соч. С.79.

² Там же. С.77.

домашней челядью, иногда с помощью бедняков-гулхадаров из Дагестана, нанимавшихся на ничтожную плату»¹.

Как и в дагестанских феодальных владениях, беки Илисуйского султанства стремились, в особенности с XIX в., увеличить феодальные повинности. В материалах Закатальской сословно-поземельной комиссии, собранных на основе показаний поверенных сел. Байдарло, прослежено не только повышение различных податей, но и дан перечень беков, владевших определенным количеством кешкелей. Материал представляет интерес в плане отражения в нем, как одним и тем же селением владели разные беки. В нем, в частности, сказано, что в сел. Байдарло 9 кешкелей принадлежало Халил-беку, 5 кешкелей – Алхас-беку, 9 кешкелей – Паша-беку и Султан-беку, 8 кешкелей – цахурам Рустам-ага, Ташим-ага и Юсуф-ага². Из других сведений известно, что тюркские (мугальские) селения Аманло и Кайсарло принадлежали бекам из фамилии Али-Султан-Ушаги – вассалам илисуйского султана, которому они вносили ежегодно от 5 до 15 чанахов хлеба с каждого кешкеля, выполняя и другие повинности. В русских документах эти беки названы «законными помещиками»³.

Весь вышеприведенный материал касается феодальных владений, где и находились беки, как представители правящих феодальных родов, выступавших после феодальных правителей как крупные землевладельцы. Но беки и, естественно, бекское землевладение имели место и в ряде сел союзов сельских общин, в так называемых независимых общинах. Выше уже приводился материал, показывающий зависимость буркундаргинских сел от казикумухских владетелей, обложивших местное население различными податями за пользование земельными угодьями, захватив их у сельских общин. Такими же методами приводились в зависимость и жители ряда других сел. Зависимость же от беков ряда сел была связана с вхождением их ранее в состав того или иного владения. Особенно хорошо это прослеживается в даргинских селах.

¹ Петрушевский И.П. Указ. соч. С.80.

² Там же.

³ Там же. С.81.

Известно, что зависимость ряда сельских общин от Кайтагского уцмийа и образование феодальных фамилий было связано с вхождением союзов в состав Кайтагского уцмийства. Когда уцмий имел резиденцию в горах (Калакорейш, Уркарах), возникла зависимость даргинских общинников от уцмийа, которая затем в какой-то мере сохранилась и после перенесения столицы на равнину. Среди народов, населяющих владения уцмийа в конце XVIII в., Д.И. Тихоновым перечислены также сюргинцы и урахинцы¹. Капитан генштаба Прушановский также писал о нахождении под юрисдикцией уцмийа Сюра и Каба-Дарго², «деревни» которого «с несколькими другими деревнями... также находившимися в зависимости уцмийа, платили ему подать ячменем, пшеницею и баранами»³. В связи с вхождением Каба-Дарго в состав уцмийства в ряде сел (Викри, Мургуку, Дейбук, Меусиша) появились беки и чанки, имевшие здесь свои земельные владения. Беки Викри и Мургука известны как правители и собственники крупных земель, эксплуатировавшие местное население. Так, земельные владения мургукуских беков находились в местности ЛагхIяри (3 га), БекIазила (20 га)⁴ и т.д. Пахотные земли бек покупал у мургукуских и башлинских уздени и они являлись его мюльками⁵. Уздени Мургука «работали всегда два дня, один день пахали и один день жали на его полях»⁶. Как старшина селения, бек получал половину штрафов, взимаемых за различные преступления⁷.

В 40-50 гг. XVIII в. в Викри, входившем в состав Каба-Дарго, беком был Буржум. В 1200 г.х. (1785-1786 г.) Викри находилось под властью Шамхал-бека, сына Умар-бека. Викринцы несли в пользу бека натуральные повинности, а также

¹ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.131.

² РГВИА. Ф.ВУА. Д.6512. Л.81; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.180.

³ Феодальные отношения... С.16; ЦРА РД. Ф.90. Оп.1. Д.5. Л.1, 2; Оп.2. Д.24. Л.4.

⁴ Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1972. С.114.

⁵ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Ед.хр.7. Л.1.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л.2.

должны были «косить, возить дрова в один день, пахать землю в один день, убирать урожай в один день»¹.

Указанные повинности были возложены при Гирей-беке, сыне Рустем-хана-уцмий (XVII в.), когда он перевел жителей разрушенных сел Айша, Шилакаб и Ханкаджи в сел. Викри. В «Записи о прошлом селения Викри...» записано, что территория, начинающаяся от Аргла Чирк (*Аргъла Чирк*) и идущая до селения Гулли, находится во власти селения Викри». Что касается земель беков, то о них здесь сказано так: «Граница же селения Викри с селением Гулли, а также граница территории, находящейся под властью викринских эмиров, начинается от рва – *хандаке* и идет до крепости *Нихав*; вся эта территория находится во власти эмиров селения Викри».

Интересно, что у беков были и другие земли. В «Записи...» сказано, что «местность...: Каршураха (*Къаришурагъа*), доходя вплоть до селения Айша, они – викринские эмиры (?) – подарили селению Цизгари»².

Причем, что важно, в источнике викринцы в своих показаниях подтвердили, что они свидетельствуют и полностью признают, что Албури-бек (запись сделана в 1863-64 г.) – «происходит [с обеих сторон] от наших чистых по крови эмиров, тех, которым служили наши самые отдаленные предки»³. Начало же викринским бекам положил сын Рустем-хан – уцмий (XVII в.) Гирей-бек, после которого сел. Викри управляли Буржум, Айди-бек, Мухаммед-бек, Умар-бек, Шамхал-бек, который умер в 1208 г.х. (1793-94 г.). После Шамхал-бека был Албури-бек, затем Айдемир-бек (умер в 1264/1847-48 г.) и Албури-бек II.

Одному из представителей рода уцмиев в Уркарахе Тамайталхъану принадлежала гора Хурцима – рядом с Меусиша, за пользование которой талхъан брал с каждой коровы по килавка (400 г.) масла⁴.

Талхъан, поставленный уцмием, который имел свои собственные земельные владения, находился в независимой общине

¹ Материалы по истории Кайтага; Айтберов Т.М. О кайтагских уделах XVII-XVIII вв. // Конференция молодых ученых: Тез. докл. Махачкала, 1982. С.61-62.

² Хрестоматия по истории... Ч.1. Ч.117-118.

³ Там же. С.119.

⁴ Полевой материал, собранный нами в Дахадаевском районе в 1967 г.

сел. Мюрего. Он отличался большой жестокостью и, согласно имеющимся сведениям, был прогнан мюрегинцами. Бежав к уцмью, этот бек стал жаловаться ему, на что уцмий ответил: «я тебе дал курдюк и острый нож, кто виноват, что ты не смог резать курдюк по кусочкам и кушать»¹.

Много было представителей правящего дома казикумухских ханов в различных кюринских селах, которые имели свои земельные угодья, за пользование которыми местные жители несли определенные повинности. Они имелись в Юхари-Яраге, Целягуне, Испике, Зухрабкенте, Аликенте, Векеларе, Гапцахе, Кочхюре и т.д. Бывшие независимые общины стали зависимыми после образования Кюринского ханства, о чем было сказано подробно выше².

§ 4. Земельная собственность карачи-беков

Выше было отмечено, что у кумыков, кроме беков, происшедших из шамхальского рода, были еще карачи-беки. Хотя они и к изучаемому времени и потеряли многие земельные угодья, но все же в их собственности сохранилось немало земель и отдельных населенных пунктов. Жили карачи-беки, как указывалось во второй главе, в сел. Эрпели, Ишкарты, Каранай, Ахатли, Карабудахкент, Губден, а также в Утамышском султанстве. Это, как писал Р.М. Магомедов, «были представители самостоятельного рода, хотя малая их численность и экономическая маломощность ставили их в известной степени в политическую зависимость от крупных землевладельцев»³. Г.Д. Даниялов писал, что «чистые карачи-беки не уступали в глазах народа бекам шамхальского дома»⁴. «Судя по многочисленности карачи-бекам род их действительно должен был быть весьма древним, но размножившись и через это раздробив родовые земли на мелкие части, они крайне обеднели, и общественное положение большинства их с давнего времени мало разнится от

¹ Полевой материал 1962 г.

² Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып. II.; полевой материал, собранный нами в Курахском и Магарамкентском районах.

³ Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С.170.

⁴ Даниялов Г.Д. Классовая борьба... С.41.

положения простолюдинов»¹. Х.-М.О. Хашаев писал о принадлежности карачи-бекам и в изучаемое время некоторых кутанов и пастбищных гор. Они находились «в исключительном владении этих беков», – отмечал он². Остановившись на образовании земельной собственности карачи-беков, он писал, что еще до прихода шамхалов они «успели захватить значительные земельные массивы» и в изучаемое время «пользовались привилегиями наравне с шамхальскими беками»³.

А.С. Акбиев считает карачи-беков крупными земельными собственниками и, изучив материалы сословно-поземельной комиссии, приводит конкретные примеры по земельным владениям карачи-беков. Он сравнивает для убедительности сведения о беках и карачи-беках. На основе сведений, приводимых в работе Р.М. Магомедова, о том, что: «Размеры бекских владений не везде были одинаковы. К примеру, в селении Гелли имелось 10 домов беков, причем девять из них вели свою родословную от шамхалов, а десятый был **карачи-беком**. Доходы, поступающие в их пользу, были не одинаковы. Из четырехсот геллинских дворов девять отбывали повинности шамхалу, двести дворов – названным выше 9 бекам и сто дворов – карачи-бекам»⁴, он пишет: «Таким образом, карачи-беки были богаче беков шамхальской линии. Они владели крупными земельными угодьями»⁵. И на самом деле, согласно материалам сословно-поземельной комиссии, карачи-беки владели в Дагестан принадлежащими им в собственность селениями Верхний Каранай, Нижний Каранай, Ахатлы и пастбищными горами Бурли-меэр и Исмаил-меэр, а жители этих селений отбывали в пользу беков повинности⁶.

По сообщению жителей Кафыр-Кумуха, они «были подвластны бекам иного рода, не из рода шамхалов». «Наше селение, – говорили они, – служило им за пользу, которую приносили

они, управляя нами и помогая нам, чем могли, по адату». «Кафыр-кумухские карачи-беки, – пишет А.С. Акбиев, основываясь на источник, – владели участками земли в этом селении. Это подтверждается правом беков принимать в селение постороннего, выделив ему при этом земельный надел для ведения хозяйства»¹.

Большими земельными площадями владели карачи-беки селений Эрпели и Карабудахкент. Причем эти карачи-беки получили земли от шамхала². О принадлежности земель в Эрпели карачи-бекам говорит то, что если уздень переходил из Эрпели в другое селение, он не мог продать свою землю, она оставалась во владении этих беков³. Кроме того, это подтверждается и «правом беков принимать в селение постороннего, выделив ему при этом земельный надел для ведения хозяйства»⁴. Карабудахкентские карачи-беки часть участков земли, полученных ими от шамхала, превратили в пахоты, а часть была оставлена под пастбища-кутаны⁵, которые, как и другие дагестанские феодалы, карачи-беки сдавали в аренду для пастьбы скота.

В сел. Губден карачи-бекам принадлежали не только различные категории земель, в том числе кутаны, но и вода, «которая составляла личную собственность бека, а не принадлежность кутана»⁶. Гамринские беки, кроме земель, находившихся в пользовании жителей сел. Каякент, имели в своем владении и другие земли, проданные ими в разное время, из которых значительная часть находилась во владении общества сел. Утамыш⁷. Жители сел. Каякент были бекскими раятами, платили «им подати произведениями земли, потому что были водворены на землях, принадлежащих бекам»⁸. Наиболее близко к ис-

¹ ЦГА РД. Ф.125. Оп.2. Д.16-а. Л.2; Д.72-а. Л.3; Линден В. Указ. соч. С.288.

² Хашаев Х.-М. Общественный строй... С.212.

³ Там же. С.208.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.171.

⁵ Акбиев А. Общественный... С.59.

⁶ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.1. Л.48.

¹ ЦГА РД. Д.6. Л.57. Акбиев А. Указ. соч. С.59.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.1. Д.79. Л.26-27.

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.212.

⁴ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.6. Л.44. Акбиев А. Указ. соч. С.59.

⁵ Материалы по истории Карабудахкента / Перев. с кумык. Г.С.Федорова

// РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.365. Л.19-20.

⁶ ЦГИА РГ. Ф.416. Оп.4. Д.35. ДНС. № 13. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.212-213.

⁷ ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.44.

⁸ Там же. Д.43; Ф.90. Оп.2. Д.30. Л.22.

следуемому нами времени пример продажи карачи-беками своих земель относятся к концу XVII в. В одной арабской рукописи, представленной утамышским старшиной Уста Магомед Казии Магомед-оглы в Дагестанский народный суд в конце XIX в., говорится, что гамринскому беку Султан-Мут-беку принадлежал Дагу-кутан, часть которого в 1669/70 г. он продал Исмаиломлы за 1500 руб.¹ Сохранилась интересная запись о происхождении карачи-беков и их землях из сел. «ал-Гадари» (Кадар). Согласно записи в книге «Нузхат ал-азхат фи тараджими ула ман Дагестан» Асилдар б. Ата ал-Гадари происходил из рода эмиров карачи. Имя его матери Ай-Миси ал-Индиравийа (Андрейаульская). Она из рода Сала». Шестым предком Асилдара был Ша'бан, а десятым Араб. Далее говорится о его землях: «Гора, на которой он похоронен, и гора Напай были его мулком»². Этот интересный источник испортил своими комментариями издавший его Т.М.Айтберов, который пишет здесь: «Дагестанские карачибеки, видимо, потомки одного из членов нуцальского рода, который достиг в Золотой Орде ранга «карачи»³. Спрашивается, на чем основано такое утверждение?

Согласно имеющимся сведениям, в исключительном владении карачи-беков Тарковского шамхальства находились некоторые «кутаны и пастбищные горы для овец», которые они по своему усмотрению «могли отчуждать в посторонние руки»⁴.

Карачи-беки, как и беки и чанки, независимо от своих частных земель, пользовались также и общественными землями, являясь в этом отношении членами общины. Такое явление было широко распространено в сел. Кака-Шура, Кадар, Капчугай, Атлы-Буюн, Кумторкала, Карабудахкент, Эрпели, Губден и др.⁵ При этом они получали не одну, а две или четыре и более доли, в то время как остальные члены общины получали только по од-

¹ ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.139-а. Л.18-19.

² Айтберов Т.М. Новое о карачибеках и салаузденях (XV в.) // I конференция молодых ученых дагестанского филиала АН СССР (Тезисы докладов). Махачкала, 1978. С.14-15.

³ Там же. С.15.

⁴ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.1. Д.179. Л.27.

⁵ О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.329. Л.2.

ной доле, причем в некоторых селениях им выделялись их доли не по жребью, как всем остальным членам общины, а по своему выбору¹. Так, в сел. Карабудахкент карачи-беки получали из общинных земель при ежегодном разделе земли пай в 8 каб пахотной земли, в то время как чанки получали по 4 кабы земли².

В ряде обществ Дагестана беки пользовались и таким преимуществом, как право пасти скот после сбора урожая на полях (жнивьях) зависимых крестьян и на общинных пастбищах. Так, в Карабудахкенте беки имели право пастьбы крупного рогатого скота и овец на общественных землях под названием Гирей-туз.

Во всех селах, где карачи-беки проживали и имели свои земельные угодья, крестьяне отбывали, как и бекам, определенные повинности. Так, в сел. Эрпели уздени отбывали карачи-бекам такие повинности: один день работали на вспашке бекских земель, при этом бек давал на угощение одного барана, сыр и хлеб из расчета на 20 человек; один день работали на уборке хлебов с такой же пищей бека. За использование горных пастбищ, принадлежащих бекам, уздени платили по одному барану. В случае смерти бека с аула взыскивали «алым» в 40 руб. или четыре быка и с каждого дыма по арбе дров, а семья бека обязана была устроить поминки с приглашением всех односельчан³.

§ 5. Земли сословия чанков

Во второй главе работы уже было сказано о чанка-беках и чанках, их правах и отличии друг друга. Здесь наша задача показать, какими правами обладали чанки, чем они отличались от беков и чанка-беков в отношении владения землей, от кого они получали ее, как складывалась их земельная собственность вообще.

Отметим еще раз, что чанки – это нечистокровные представители правящих феодальных фамилий, это дети от неравных

¹ ЦГА РД. Ф.2. Оп.5. Д.58; Феодальные отношения... С.93; Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С.198.

² Там же. С.198.

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.212.

браков не просто феодалов, а дети, рожденные во втором и следующих поколениях от браков чанков-беков и простолюдинок. «Джанки, – сказано в «Кратких сведениях о привилегированных и прочих сословиях... Северного Дагестана», – имеют также разряды: те из них, которые происходят прямо от владельцев особ и от биев или беков, а равно и потомки таких джанков, рожденные от матерей-простолюдинок и джанков же, именуется также беками и пользуются особыми правами и преимуществами, ставящими в разряд туземного высшего сословия. Прочие же потомки джанков, рожденные от браков с простолюдинками, хотя и сохраняют за собой звание джанков, но им не присваивается титула бека и прав высшего сословия¹ (подчеркн. мною. – Б.А.).

Экономическим правом представителей высшего сословия феодалов было прежде всего право получения по наследству земли. Этих прав, как отмечается в источниках и подчеркивается в исследованиях почти всех ученых, занимающихся изучением сословных групп класса феодалов и земельных отношений в Дагестане, как раз и не было у чанков. Так, если, как сказано в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», «в прежнее время обыкновенно чанка-бекам выделялось из недвижимого имения отца: 12 дворов раят, 12 дворов евреев, 12 дворов чагар и один или часть ятага»², то простые чанки «живут по преимуществу в узденских селениях Кайтага, как в нагорной его части, так и в сел. Башлы». И далее – главное: **«Чанки не владеют населенными землями** (подчеркн. мною. – Б.А.), а имеют в своем владении обыкновенные участки при селениях, в которых живут и пользуются общественной землею наравне с прочими жителями. Вообще чанки слились совершенно с прочим населением и ни в чем не отличаются от него кроме названия чанки в этой стране»³. «Никогда, – писал князь Меликов, – ни в Кайтаге, ни в других местах раздел наследственного имения между беками и братьями их чанками не совершался по шариату. Если бы здесь в прежние времена

¹ Феодальные отношения.. С.186.

² ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.72-а. Л.2-3.

³ Там же.

применялся в подобных делах шариат, то давно бы не стало ни бекского сословия, ни крупных недвижимых имений. По шариату бекские имения подвергались бы, при многоженстве мусульман, дележу на такие мелкие части, что это привилегированное сословие утратило бы всякое значение и даже самое существование»¹.

Как отмечал Г.Д. Даниялов, значение чистоты в бекском сословии засвидетельствовано тем же князем Меликовым: «В Дагестане права высшего сословия по наследству сохраняются так строго и ненарушно, что до сих пор не было примера, чтобы офицерский чин сравнивал кого-либо из чанков с чистыми беками. Отец по своему офицерскому чину не может передать своим чанкам прав, присвоенных ...»².

Надо полагать, что именно поэтому уцмий Султан-Ахмед в конце XVI в. определил права чанков уцмийского рода, рожденных от матерей равного происхождения и рожденных от матерей неравного происхождения. Первые и являлись чистокровными беками, а вторые беками-чанками.

В таком же положении, как в Кайтаге, находились чанки других феодальных владений Дагестана. Более того, в дореволюционной литературе высказывалось мнение об отсутствии у чанков какой-либо земельной собственности. Так, А. Белобородов писал, что кумыкские «чанки жили за счет своих родственников-князей, которым досталось отцовское наследство, и они не имели никакой земельной собственности»³. «Чанки кумыкских князей, – сказано в «Записке комиссии о сословном строе в кумыкском округе Терской области», – владели поземельной собственностью в таком только случае, если отцы их при жизни своей выделяли им часть; в таком случае частью этой они владели на одинаковых правах с князьями, водворяли на своих землях аулы, пользовались поземельными доходами, продавали и дарили земли по своему усмотрению и пользовались всеми другими преимуществами, присваиваемыми земле-

¹ ЦГИА РГ. Ф.416. Оп.3. Д.1301. Л.3. Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.40.

² Там же.

³ Белобородов А. Прошлое кумыков // Терские ведомости. 15 декабря 1896. № 146.

владельцам по обычаю»¹. Хорошо писал о правах на землю чанков Хамзаев. «Если князь берет узденку или холопку, — отмечал он, — то дети, происходящие от такого брака, не пользуются титулом князя... и не могут владеть землями по смерти отца» (подчеркн. мною. — Б.А.)². «По кумыкским адатам, — писал Р.М.Магомедов, — они считались детьми неравноправными. В отличие от остальных беков чанки не имели права на поземельное наследование... Чанки могли получить землю только путем видела им определенного участка при жизни отца»³. С.Ш. Гаджиева писала: «Чанки владели лишь землей, переданной отцами по «назру» (дарственному акту)»⁴. Здесь уместно привести слова П.Петухова о чанках Кайтагского уцмийства. «Последние, — писал он, — не были правителями народа и при разделе наследства получали меньшую против «чистокровных» долю»⁵. О чанках Казикумухского ханства Р.М. Магомедов писал: «Они не имели никаких владельческих прав, и земельная собственность их не отличалась от обычной узденской»⁶. По мнению Г.Д. Даниялова, чанки не только «не пользовались правами по наследованию имущества наравне с детьми от равной по происхождению жены», но «имущество давалось им только во временное пользование, как средство для жизни (так наз. чанк-пай)»⁷. Используя слова В.Линдена, он писал также, что: «Обыкновенно чанка, вскоре после женитьбы или по достижению совершеннолетия, получив при жизни или после смерти отца незначительную долю из отцовского имения, выселялся из родительского дома и затем уже не только не мог претендовать на наследство от отца, но и не считается членом его фамилии»⁸. На это обратил внимание и Р.М. Магомедов, который писал: «Очевидно, в прошлом ханы и беки практико-

¹ Феодальные отношения... С.89.

² Князь Х-ъ. Кое-что о кумыках // Кавказ. 1865. № 70.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.123.

⁴ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.108.

⁵ П-в (Петухов) П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. 1867. № 8.

⁶ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.278.

⁷ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.42.

⁸ В. Линден. Указ. соч. С.293.

вали поселение своих детей от неравного брака подальше от себя в феодально-зависимых аулах»¹. А по мнению А.С. Акбиева, в «Засулакской Кумыкии чанкам поручалось управление некоторыми кварталами больших селений» и в подтверждение своего мнения приводит пример, что «чанки из рода Темировых в Эндирее управляли кварталом Ачаган-аул»².

С пользой для себя использовали чанков казикумухские ханы. В отдельных случаях они (чанки) должны были заниматься сбором ханских податей и следить за выполнением жителями аулов различных повинностей. В Казикумухском ханстве известны аулы, которые поставляли хану чанков и осуществляли его власть. Это аулы Гьухьал, ГьунчуКьатль, Караши, Клямяши, Шахьуйми, Куши, Ттрчи, Шитли, Бягьекул, Варайми, Кигьярчи, Хути, Хурхи, Хьуна, Дучи, Шар, Тпоьхчар, Цушар, Сумбатль, Кули, Хосрех, Вихли, Виратти³. Это были узденские и райтские села⁴, которые, видимо, чанки получили от казикумухских ханов для ведения там судебных дел и сбора податей⁵.

В ряде случаев чанкам разрешалось брать доходы с отдельных сел. В архивном материале имеется такой пример: По сообщению джанки селения Атлы-буюн Апау-Ахмед-хан-оглы сословно-поземельной комиссии, его предка Худаме «пять поколений тому назад, как джанку из своего дома» Бамматшамхал поселил в этом селении и представил ему доходы свои с жителей селения»⁶. Земля, на которой было построено селение, и все покосные земли чанки считали «своею собственностью». Они же обладали правом отчуждения выморочного имущества⁷. Как сказано в «Справке об особых правах беков и

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.105.

² Акбиев В. Общественно... С.59.

³ Каев А. Указ. раб. № 2. С.104. Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С.116.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.278.

⁵ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т.1. С.107. Маршаев Р.Г. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI-XVII вв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.22. Л.38; Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С.116.

⁶ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.6. Л.46.

⁷ Акбиев А. Кумыки... С.49.

чанков в Темир-Хан-Шурином округе», жители Атлы-буюна отбывали в пользу чанков кент-ясак, сабан-билхъа (уплата по одному барану ежегодно от каждых 30), бичан-билхъа (обязанность выставлять с каждого дыма по одному косарю на один день)¹. Приведем другие примеры, когда чанкам предоставлялось или отдельный земельный участок, или селение для управления. Так, согласно сведениям сословно-поземельной комиссии, место, занимаемое сел. Капчугай, было предоставлено шамхалом чанкам из сел. Аргуани, Тарки и Бет-аула. Впоследствии потомки этих чанков показали, что «вся земля принадлежит им, никто из жителей не имеет право при переходе продавать или передавать кому-либо отведенные им участки земли; даже не имеет право завещать ее в пользу мечети»². Жители сел. Капчугай отбывали четырехдневную натуральную повинность в пользу чанков. Они не несли расходы по найму кадия, кузнеца и пастуха и пользовались правом первоочередного орошения своей земли. По показанию поверенных капчугайских чанков, чанки пользовались всеми льготами и повинностями «на основании старинных обычаев»³. По показанию чанков сел. Кадар, Умалат-шамхал, сын хана, послал своего сына Амирхана в Кадар «управлять этим селением на бекских правах»⁴. От него и произошли все кадарские чанки, и в XIX в. здесь было 22 хозяйства чанков⁵. Приведем еще один пример, хотя и немного выходящий за рамки изучаемого периода – в 1853 г. шамхал Тарковский Абумуслим отдал в пользование своему чанке Таймаз-хану сел. Параул⁶.

Источники показывают, что имели свои земельные владения и чанки Мехтулинского ханства. Согласно «Записке временной комиссии о владениях Мехтулинского ханства и повинностях, отбываемых жителями хану и чанкам», три семейства чанков: Гирея, Бамата и Чопана – сыновей Али-Халау, пользовались от

¹ Из истории права... С.197.

² ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.30. Л.255, 268.

³ ЦГИА РГ. Ф.416. Оп.4. Д.35. Л.18. ДНС. 1886. № 13. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.215.

⁴ Феодальные отношения... С.92.

⁵ Там же.

⁶ РГИА СПб. Ф.1276. Оп.2. Д.84.

ахкентцев «определенными издавна повинностями на правах землевладельцев»¹ (подчеркн. мною. – Б.А.). А в селении Чогли четыре семейства чанков: Бамата-Иху-оглы, Ахмет-хана, Шейх-Магомы и Абдул-Муталима – сыновей Муту также пользовались «от оглинцев определенными издавна повинностями на правах землевладельцев»² (подчеркн. мною. – Б.А.).

Чанки имелись и в других селах Мехтулинского ханства. В Верхнем Дженгутае каждое хозяйство села выделяло чанке ежегодно по 1 къали (12 кг) зерна. Здесь был тухум под названием «Чанкласул тухум». Известен некий чанка Яхья, на которого работали сельчане. А в Нижнем Дженгутае был квартал чанков Чанкааул. Чанки села имели много земли. Из тухума чанки в Кака-Шура был известен некий Гебек. В сел. Апши также был тухум чанка, известный под названием «Баддамилал члунклузул тухум». Члены этого тухума имели много земель, которые сдавались сельчанам в аренду на половинных началах. Это были в основном пахотные земли³.

Как писал Х.-М.О. Хашаев, подобно мюлькам беков, мюльки чанков находились «на территории тех селений, где они жили»⁴.

В связи со сказанным, что чанки не получали земли по наследству, и с приведенными последними примерами небезынтересно привести мнение Р.М. Магомедова, к которому он пришел, изучая общественно-экономический и политический строй кумыков и, в частности, вопрос о классовой структуре кумыков. «Существование у кумыков безземельных чанков установить не удалось. Все они в той или иной степени владели землей и в своих владениях они, как и беки, пользовались всеми правами феодальных сеньоров»⁵.

Это мнение Р.М. Магомедова как бы перекликается с особым, не совпадающим с мнением других исследователей, ут-

¹ Феодальные отношения... С.43

² Там же.

³ Умаханов Р.М.-С. Мехтулинское ханство в XVIII – нач. XIX в. Социально-экономическое развитие и политическое положение. Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2004.

⁴ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.146.

⁵ Магомедов Р.М. Общественно... С.173.

верждением проф. С.В. Юшкова по наследственным правам чанков, который писал: «Они также получали земли по наследству и по дару от своих отцов или родственников, могли получать землю по дару от других феодалов, увеличивать свои владения возмездными способами. Права чанков над подвластным им населением были те же, что и беков». Можно думать, что это сказано о чанках кумыков, так как он далее писал: «По кумыкскому праву отличие чанков от беев заключалось лишь в следующем: 1) они не имели своих узденей, наоборот они сами должны находиться в вассальных отношениях беев, от которых происходили; 2) в делах кровных и в делах по воровству они никакими привилегиями не пользовались»¹.

Ниже мы рассмотрим примеры, действительно свидетельствующие о наличии в собственности чанков немалых земельных угодий. Здесь же для полноты картины о правах чанков на наследование земли отметим, что в отличие от других феодальных владений Дагестана в Табасаранском кадийстве чанки были равны с беками. В источнике сказано, что здесь, когда «беки женились на простых женщинах... дети от этих браков пользовались одинаковыми правами с чистокровными беками»². В то же время в Табасаранском майсумстве чанки находились на таком же положении, как и в других дагестанских феодальных владениях, «выражавшемся в неравном наследовании имений отца»³.

В исследуемый период чанки составляли многочисленную группу класса феодалов. В одной Аварии чанки жили почти во всех феодально-зависимых селах ханства и даже в тех селах, где никогда не жили беки⁴. В Казикумухском ханстве, по имеющимся сведениям, было 830 чанков⁵. Интересно, что многие чанки жили в различных селах союзов сельских общин, и здесь они являлись носителями феодальных отношений, они владели всеми категориями земель и местное население отбы-

вало в их пользу различные повинности, причем как натуральные, так и отработочные, что говорит о наличии у них своего земледельческого хозяйства, с применением труда феодально-зависимого населения.

Большой и весьма интересный по исследуемому вопросу материал, в частности по чанкам Аварии, выявил и опубликовал в своих работах Х.-М.О. Хашаев. Им было установлено, что в горах Дагестана существовали ранее неизвестные исторической литературе феодальные образования, в частности шамхальства в Гидатле, Анди и Аргуани, феодальных фамилий в различных обществах в Аварии, в селениях Ругуджа, Андых, Телетль, Тидиб, Гинта, Урада, Гонода, Сиух, Цалкита, Моксох, Мехельта, Гоцатль, Мушули, Шотода, Тукита, Кидиб, Саситль и др., где лучшие земли, притом больших размеров, принадлежали этим феодальным фамилиям. Жители этих селений вплоть до начала движения горцев под руководством Шамиля отбывали трехдневную барщину и платили своим феодалам подати¹. В сел. Кидиб и Саситль жили чанки (нуцалчи – чIагIи), которые владели двумя пастбищными горами под названиями Эчеда-меер и Тулдух-меер и от каждой отары овец, которая имела на них, получали по 10 волухов². Кидибские чанки были сожжены в 1844 г. Шамилем в их собственном доме. Один из потомков кидибских чанков 1871 г. просил вернуть ему имение родителей. Доходы от указанных выше горных пастбищ были обращены в их пользу³.

Согласно другим сведениям, в сел. Кидиб было 13 человек, которые собирали подать со всего Ункратля: с каждого маленького селения – по 30 яловых овец, а с каждого большого селения – по 40 яловых овец ежегодно. Эти нуцалы, как называли их ункратлинцы, земли считали своей собственностью⁴.

В сел. Гоцо было 19 хозяйств чанков, которые пользовались податями с 16 узденских хозяйств. Они имели пахотные участки на 370 сабов посева, сенокосов – на 5120 пудов и паст-

¹ Юшков С.В. Указ. соч. С.80.

² ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.8, 9, 3.

³ Там же. Л.3.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.105.

⁵ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.27.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.127.

² Хашаев Х.-М. Общественно-экономический... С.35.

³ Там же.

⁴ Хрестоматия по истории... Ч.II. С.24-25.

бища в 9 кв. верст в местности Арах-меер¹. В сел. Моксох 17 хозяйств чанков получали подати от 11 хозяйств вольноотпущенников².

В сел. Гоцатль было 53 чанков, которые, как и беки, владели лучшими землями. В Мушули было 4 чанка, в Цельмесе – 3, в Шотода – 6³. В Андыхе около 10 хозяйств владели территорией под названием Рацутль-Бах, площадью около 100 дес. пахотной и покосной земли. Жители Андыха были обязаны отдавать чанкам трехдневный удой молока от овец и три дня в году работать на них⁴.

По данным Комиссии по определению сословных прав, только в трех округах – Аварском, Андийском и Гунибском было более 100 человек из ханской фамилии⁵. В Андийском округе было чанков: в Кидибе 8 чел., в Саситле 5 чел., в Тукита 3 чел., в Ингердахе 1 чел., в Данухе 1 чел., в Мехельта 9 чел., в Анди две фамилии. В Гунибском округе – в Гонода было 64 чел. чанков, в сел. Чада-Коло Анцухо – Капучинского участка, Гунибского округа жили потомки хана⁶.

Много было чанков в селах Андалала и Гидатлинского союза. Они находились в сел. Телетль, Уриб, Зиури, Гоготль, Урада, Тидиб, Гинта, Ругуджа, Голотль и др. В сословно-поземельной комиссии многие чанки не могли даже точно сказать (например, чанки сел. Ури и Зиури) откуда произошли, они показали, «что это было очень давно», и слышали от отцов, что в древние времена пользовались с разных мест доходами, но откуда и какими, не знаем теперь⁷. Но, по имеющимся сведениям, почти все чанки являлись выходцами из казикумухского шамхальского рода. В 1884 г. представители чанков вышеприведенных сел Гидатля и Андалала показали, что их предки

происходят из рода казикумухских ханов. Ругуджинские чанки показали, что их «предок по имени Султан переселился в Ругуджа при Чолак-хане Казикумухском по причине происшедшего в Кумухе возмущения¹. В народных преданиях он известен как Султанил-хан. От него и произошли ругуджинские чанки. Чанки имели земли. Самому Султанилав-хану принадлежали местность Бокънеб (пахотные земли), Мачи меч (пастбище) и Мачаниб-руху (лес)². За пользование землями чанков местное население платило различные подати. По показанию чанков их предки жили сначала в сел. Телетль и Гонода, которые переселились из Казикумуха «давно». «Наши предки, Голотля чанки, пришли из Тилитля, и мы из одного тухума с тилитлинскими чанками. Земли, которыми мы пользуемся, большею частью получили по наследству от отцов и частью приобретены нами покупками в разное время³. Они же показали, что и земля, на которой построено сел. Телетль и «все сельские земли», были приобретены их предками пустыми и населены ими. Об этом говорит и то, что если после узденя не оставалось наследников мужского пола, то из его имения на 8 саб земли брали беки или чанки в свою пользу⁴. По их словам, они имели на свои земли все права собственников. «В настоящее время, – показали они в 1884 г., – мы передаем имения детям в наследство по шариату. Так было и в старину, только тогда женщины не имели доли в пастбищных землях. Мы продаем свои земли, кому и когда хотим, и завещаем мечети, как свои собственные»⁵.

Сначала из Казикумуха предки телетлинских чанков переселились четыре брата, которые жили в Голотле, из них три брата переселились в сел. Телетль, Гоцатль и Гонода. Они «обязали каждый по 12 домов в Голотле платить им за земли свои, которые оставили им в Голотле в их пользование». Плату от 12 домов, следующую их предку, получали чанки до Шамиля, лишивший их «этой платы, которая, как показали чанки,

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.35.

² Там же; С.35; Его же. Общественный... С.151.

³ Хашаев Х.-М. Общественно-экономический... С.35.

⁴ Там же; Его же. Общественный... С.151.

⁵ Там же.

⁶ Хашаев Х.-М. Общественно-экономический... С.36.

⁷ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сбор. док. / Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. Махачкала, 1959. С.707, 709.

¹ Движение горцев... С.707. Феодалные отношения... С.293.

² Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып.1. С.56.

³ Феодалные отношения... С.293.

⁴ Движение горцев... С.708; Феодалные отношения... С.293.

⁵ Там же.

была: с двора – две сабы джабы, по сабе всяких плодов и с каждого дома приходил рабочий в Телетль на три дня». Причем все это «делалось на старшего бека только, а не для всех: он был управителем селения». Кроме того, для старшего бека (чанки) «в те же времена и телетлинские уздени работали 3 дня в году по дню: для распашки, косьбы и жатвы». И на урийских беков до Шамиля работали уздени¹. Старший бек Телетля Чопан до Шамиля получал также с Бацадинской горы с «бочардинского общества в год четырех баранов». «Чопан получал быка за важных преступников, ляжку скотины, поступавшей в штраф обществу села, и десятую часть штрафов»². В пользу урийских чанков общество сел. Ингерда вносило 12 баранов в год³.

Собрал ряд сведений о чанках Аварии и Р.М. Магомедов, который отмечал, что они жили почти во всех феодально-зависимых аулах ханства и даже в тех аулах, где никогда не жил бек. Он писал: «В аулах чанки фактически являлись представителями ханско-бекской администрации и пользовались привилегиями по сравнению с массой зависимого крестьянского населения. На местах чанки имели свои земли (пахотные и пастбищные). Землей их наделяли в собственность ханы и беки, в зависимости от того, кто был отцом. В аулах Гоцо, Кида, Саситль, Мохсох, Цельмес, Шотода, Цалкита население в пользу чанков отбывало разные повинности. Так, например, чанки Цалкита от шести дымов получали по одной мерке пшеницы и по одному барашку от тех жителей, кто имеет баранов, – основанием к отбыванию повинностей служила земля, полученная от чанков в качестве надела... чанки Шотода получали от общества селения Цельмес по одной мерке пшеницы в год с каждого дыма за пользование пастбищным участком земли «Гаджилютиб»⁴.

Помимо того, что чанки имели свои собственные земли, они пользовались и правом пользования общественными зем-

лями. Как показали чанки: «Мы вместе с узденями пользуемся наравне с ними пастьбой на джамаатских пастбищах и пользуемся с ними же, где есть, джамаатскими лесами и общественными угодьями и водами на одинаковых правах с узденями»¹. По показанию урийских чанков, они «слышали от отцов, что в древние времена» «прочих селений чанки» пользовались с разных мест доходами².

Интересный материал о собственных лесных участках и горных пастбищ чанков, живших в Андалале, был собрансловно-поземельной комиссией. Согласно сведениям комиссии, собранным в 80-е гг. XIX в., у телетлинских чанков-ганкалов Сурхай-оглы был свой собственный наследственный лес Газанапиль-Рох; у Шамхала Казанат-оглы такой же лес, часть того же леса и того же названия; у Чарабура Амир-Али-оглы был лес Магома-Халиль-Рох, полученный от матери; у его брата было два участка леса, один наследственный, а другой купленный у телетлинского узденя Раджаба-Омар-оглы; у Али-бека Али-Булат-оглы были две части из леса Каласо-Рох; у его брата Аша-хана был купленный участок – Каласа-Рох у трех телетлинских женщин.

Уринец Хан-Киши-Сурхай-оглы имел два участка леса: один наследственный, а другой купленный у овдовевшей узденки; у Умма-Азыкалова был лес, купленный у узденя Хотанова-Ахмет-оглы.

У телетлинца Бров-Амур-Азиза-оглы был лес, купленный у своего узденя Магома-Раджаб-оглы; у Али-хана-Гамид-оглы был лес, полученный в наследство от жены; у Альбуры-Магомед-оглы был купленный лес от чанки Гитинова. У сыновей Магома-хана-Гаматль-оглы (зиуринцы) «были у двух по одному участку», купленные один у телетлинского узденя Ибрагим-Омар-оглы и узденя Магома-Раджаб-оглы; у зирийца Амир-Али-Чарабура-оглы был наследственный лес; у телетлинца Турчи-хана был лес, полученный в наследство от жены.

¹ Движение горцев... С.708; Феодальные отношения... С.294.

² Там же.

³ Там же. С.709; С.294.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.105.

¹ Движение горцев... С.709; Феодальные отношения... С.294.

² Там же.

У гонодинца Али-бека Алдамилова была наследственная пастбищная гора Гонода-меэр, находящаяся в пользовании джамаата¹.

Чанки (нуцаби), происходившие от андийских шамхалов, находились в сел. Андых и Ассаб. Нуцаби Ассаба владели землями Тлярата. Жили они в Полорда, где до сих пор сохранились развалины их домостроений².

Из приведенного материала видна многочисленность сословия чанков как одной из групп класса феодалов. К сожалению, конкретных данных, кроме как приведенных выше, о численности чанков в XVIII или в первой половине XIX в., нет. Но многочисленность их и до изучаемого времени, и во второй половине XIX в. может говорить об их численности и в изучаемое время. Приведем в дополнение к тем сведениям, которые были приведены выше, сведения о численности чанков в 1871 г. Согласно им, в аварских наибствах Гунибского округа были: в Куядинском наибстве – 162 чанка мужского пола и 155 – женского; в Телетлинском – соответственно 59 и 40; в Казикумухском округе: в Аштикулинском наибстве 199 чанков мужского пола и 160 – женского; Вицхинском соответственно – 86 и 104; в Кумухском – 78 и 53; Мухарском – 76 и 78. Всего, по этим данным, только в двух указанных округах было 660 чанков мужского и 586 – женского, вместе обоого пола 1246 чел.³

Вторая особенность чанков Дагестана – их неодинаковое социально-правовое и экономическое положение. Если в феодальных владениях чанки, не имея наследственных прав, естественно, не получали и земельной собственности, в том случае, когда при жизни отец не давал им земли, то чанки в союзах сельских общин, в особенности в аварских обществах, имели свою земельную собственность, полученную как от своих предков, так и купленную у местных жителей, можно полагать, и у сельских общин.

¹ Движение горцев... С.709; Феодальные отношения... С.294.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.586. С.90.

³ Движение горцев... С.617-618.

§ 6. Мелкая феодальная земельная собственность низшей группы феодалов (сала-узденей)

Во второй главе работы дана подробная характеристика сала-узденей, дано разъяснение, откуда и как они произошли, у кого – в каких феодальных владениях и у каких народов Дагестана они имелись, каково было их социально-правовое положение. Здесь же перед нами стоит задача – показать, каково было их экономическое положение, каково было их отношение к земле. Для решения этой задачи необходимо еще раз напомнить, что в составе так называемых сала-узденей были две группы, одна из которой и являлась низшей сословной группой класса феодалов. О ней и пойдет речь в данной главе.

Но прежде все же придется возвратиться к предыстории их возникновения, отметить разные пути возникновения сала-узденей, что и предопределило владение ими землей. Одна группа сала-узденей – это первосельцы Засулакской Кумыкии. Вторая же группа сала-узденей – это пришельцы или же переселенцы в Засулакскую Кумыкию после прихода сюда Султан-Мута и позже. Речь в данном разделе работы пойдет только о первой группе сала-узденей.

Но сначала отметим, что не все исследователи заметили такое разделение сала-узденей, говоря о них как об одной из групп сословия феодалов Засулакской Кумыкии. Между тем еще в 1846 г. М.Б. Лобанов-Ростовский подразделял сала-узденей на собственно сала-узденей (первосельцы) и княжеских узденей (поздних переселенцев). Первых он называл «древними хозяевами земли, независимыми дачниками», которые гордились своим известным происхождением, богатством и удалью, уступая первенство одним лишь князьям¹.

Такое положение первосельцев объяснялось тем, что когда Султан-Мут после переселения в Засулакскую Кумыкию присвоил все земли и раздавал их «своим кабардинским и кумыкским узденям» и, таким образом, вскоре «большая часть жите-

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ. Тифлис, 1846. 31 сентября 1846. Отдельное издание. Махачкала, 2002. С.38.

лей очутилась в зависимости от князей», «вольными дачниками остались только те, которые еще до прибытия Султанмута, выселились из гор». Они-то и составили потом «особый класс, первый в народе после князей», ставшие «по месту их первоначального поселения на речке Сала-су» «известны под именем салау-уздень»¹. Об этом писал и Т.Макаров, который также подчеркивал, что после переселения Султан-Мута вольными владельцами «земель остались только те, которые до прибытия Султан-Мута выселились из гор» (подчеркн. мною. – Б.А.). Это и были первосельцы, которые «составили после особый класс узденей, отличавшийся силой и влиянием в народе»².

Как о первосельцах – первой группы сала-узденей писал Д.-М.Шихалиев, отметив, что это были «древнейшие обитатели края», т.е. те самые «сала или салатавцы», которых Султан-Мут застал, когда он переселился в Чир-юрт. Их было тогда несколько семейств, которые переселились «с речки Саласу, где было их главное поселение». В сопровождении их и ездил за помощью в Кабарду Султан-Мут. А когда он переселился из Чир-юрта на урочище Чумлу, с ним вместе переселились и эти сала-предки сала-узденей, а также гуены и тюмены³. Сала переселились вместе с Султан-Мутом и Айдемиром и в Эндирей. Они – «несколько семей из числа вышедших с дедом и отцом его сала» переселилось и с сыном Айдемира – Алибеком. Так, на всей территории Засулакской Кумыкии образовалась особая группа сала-узденей.

Переселившись в Эндирей, сала-уздени «нимало не лишались своих преимуществ», оставаясь «сильным классом в своем племени». Потомки Султан-Мута «осыпали их разными благодеяниями, дарили им земли, невольников, оружие и проч.»⁴

Здесь мы не будем останавливаться на характеристике сала-узденей, данной в дореволюционной, советской и постсоветской литературе. Отметим лишь, что разницу в их происхождении, социально-правовом и имущественном положении от-

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.24-25.

² Макаров Т. Кумыкский округ // Кавказ. 2 октября 1860. № 77.

³ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.42, 39.

⁴ Там же. С.39.

метили лишь отдельные ученые. Сала-уздени – это низшая группа феодалов. Поэтому нельзя согласиться с утверждением С.В. Юшкова, что «первостепенные уздени – это верхушка узденей, верхушка крестьянства, которая выделилась из родовой массы, несомненно путем освоения пустых земель, или путем захвата населенных земель и закабаления безземельного крестьянства»¹. Но ведь, когда из разных горных мест на земли Засулакской Кумыкии переселились разные группы горцев, здесь было много земель, у кого же они отнимали их, зачем это нужно было и, кроме того, разве верхушка узденей сюда переселялась? И сам С.В.Юшков далее писал о многочисленности в Засулакской Кумыкии в то время пустых земель, основываясь при этом на официальную записку о положении кумыкских биев, где сказано, что сала-уздени (первосельцы) воспользовались «землями свободными и для тогдашнего народонаселения излишними (подчеркн. мною. – Б.А.), что свободными землями воспользовались личности руководящие переселением»². Можно согласиться, что «последующие вольные переселенцы и выходцы за право пользования землей стали в некоторую зависимость от собственников»³. Но откуда тогда взялось «безземельное крестьянство», если это пустующие земли и лишь после того, как эти первосельцы осваивали их (земли) переселяются сюда на их земли другие горцы, которые и попадают в зависимость от них.

В свете всего приведенного нельзя согласиться и с мнением Х.-М.О. Хашаева, писавшего еще в 1954 г., что сала-уздени являлись вассалами феодалов, которые пользовались «вначале землями (бенефициями) своего сеньора – князя. Впоследствии бенефиция (пожалованная за службу ненаследственная земля. – Б.А.) эта превратилась в лен-феод, так как если в прошлом князья могли отобрать землю у сала-узденей, то в начале XIX в. она стала уже наследственной собственностью их, сначала –

¹ Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута. Свердловск, 1938. С.80.

² Там же.

³ Там же.

условной, хотя случаев отобрания князьями земель у сала-узденей в XIX в. не обнаружено), а после раздела земель в 1865 году земли сала-узденей стали безусловной собственностью их»¹.

Здесь опять-таки приходится констатировать, что речь идет вообще о сала-узденях, а не о первой группе сала-узденей, которые, как было сказано выше, и об этом писали некоторые дореволюционные и советские авторы, владели своими поместьями еще «до прихода князей»².

Хочется привести здесь и слова С.В. Юшкова, писавшего, что **первостепенные уздени «владели землей на праве собственности** (подчеркн. мною. – Б.А.): эту землю приобретали или по наследству, или по дару. Они отдавали свою землю феодально-зависимым крестьянам, чагарам, раятам или обрабатывали ее при помощи рабов. Они были свободны от всяких повинностей»³.

Уместно здесь привести и мнение Г.Г. Османова, который был одним из советских ученых, писавших о наличии двух групп феодального сословия сала-узденей. Анализируя вышеприведенное утверждение Х.-М.О. Хашаева, он писал: «Во-первых, сала-уздени сами составляли группу феодалов и были вассалами не просто «феодалов», а только тех, кто стоял выше их на феодальной иерархической лестнице. Во-вторых, земля «стала наследственной собственностью сала-узденей, конечно, не в 1865 году, а значительно раньше и юридическое оформление их прав на собственность было проведено рескриптом 1846 года»⁴.

С.В. Юшков, а затем и Р.М. Магомедов писали, что сала-уздени (или первостепенные уздени) занимали промежуточное положение между классом феодалов и классом феодально-

¹ Хашаев Х.-М. Общественно-экономический... С.14.

² Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. // Кавказ. 1846. № 37; Скитский Б.В. К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. // Известие Сев.-Осет. НИИ. Орджоникидзе, 1956. № 18. С.162.

³ Юшков С.В. Указ.соч. С.80.

⁴ Османов Г.Г. Указ. соч. С.146; Его же. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана; М.: Наука, 1984. С.24.

зависимого крестьянства¹. По мнению С.В. Юшкова: «Процесс их сближения с основными группами феодалов был тем определеннее и быстрее, чем быстрее шла феодализация той или иной части Дагестана. Первостепенные уздени-сала-уздени у кумыков, причисляли себя к феодалам и многократно обращались к царскому правительству о даровании им прав русского дворянства»².

И действительно сала-уздени были феодалами, как отметили выше, С.В. Юшков называл их средними феодалами³, Р.М. Магомедов – низшей группой феодалов⁴, С.Ш. Гаджиева – средней прослойкой феодалов⁵, А.С. Акбиев – мелкими феодальными землевладельцами⁶, а досоветские авторы – М.Б. Лобанов-Ростовский и А.Белобородов – «древними хозяевами» земли⁷, «независимыми дворянами», «свободными владельцами»⁸.

И на самом деле первая группа сала-узденей, будучи первосельцами, сосредоточила в своих руках большие земельные угодья. «Сала-уздени, – писала С.Ш. Гаджиева, – владели большими площадями земель, горными пастбищами, кутанами, чагарами, раятами и т.д.»⁹ Согласно сведениями Д.-М. Шихалиева, до первого имама Дагестана Газимагомеда на кумыкской плоскости было много мелких деревень, которые «первоначально были не что иное, как хутора», со временем превращавшиеся «в прочные деревни». Они принадлежали как князьям, так и сала-узденям¹⁰. Когда в Засулакской Кумыкии не стало свободной земли и вся земля перешла в собственность княжеских фамилий, сала-уздени не имели возможность, как в про-

¹ Юшков С.В. Указ. соч. С.80; Магомедов Р.М. Указ. соч. С.173.

² Там же. С.80-81.

³ Там же. С.70.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.173.

⁵ Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое, культура, быт. Махачкала, 2000. С.184.

⁶ Акбиев А. Кумыки... С.57.

⁷ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.38; Белобородов А. Указ. соч. // Терские ведомости. 1896. № 145.

⁸ Белобородов А. Указ. соч. // Терские ведомости. 1896. № 145.

⁹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. ... 1961. С.109.

¹⁰ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.37-38.

шлом, увеличивать свою земельную собственность, сажая на свободные земли новых пришельцев, попадавших в зависимость от них. Поэтому князья, учитывая силу и сплоченность сала-узденей, стремились привлечь их на свою сторону и иметь в их лице социальную опору. Для этого они наделяли сала-узденей землей и давали им подарки. В результате земельная собственность сала-узденей еще больше увеличивалась и они, естественно, экономически становились еще сильнее, приближаясь по своему положению к сословию князей. Именно эта часть или группа сала-узденей, известная как уллу-уздени (старшие уздени) или первостепенные уздени, по сведениям Д.-М.Шихалиева, владела большими земельными угодьями «с канавами или без канав, кутанами (зимними пастбищами. – Б.А.), горами»¹ (летними пастбищами. – Б.А.).

Согласно имеющимся материалам, князья дарили земли предкам сала-узденей Темировых². Качалаевы имели в кочевьях кутан, утроенный, как сказано в источнике, ими давно³, под названием Качалай-кутан, в котором они имели свои каналы (Качалай-татаул) «с незапамятных времен (по показанию сала-узденя Хамау Качалаева в 1865 г.) и землю Качалай-Кара-тюбе⁴. Земля по правой стороне Гергеук-татаула вниз от Уман-аула по канавам Умаш-татаула и Орпа-татаула принадлежала сала-узденям Казбековым⁵. Участок между западной стороной Муцал-аула и Лаклантортовской канавой принадлежала сала-узденям Эльмуразаевым. Земли первостепенных узденей Паштовых и Кандауровых под названием Кабача-тюбе лежали вверх от Эндирея. Это была «родовая собственность фамилий Паштовых и Кандауровых, которыми, как и всеми принадлежащими землями, обе фамилии «владели поровну»⁶. Были также землевладельцами и остальные фамилии сала-узденей: Такаевы, Тавлуевы, Качалаевы, Раджаб-Аджиевы, Тутушевы, Азнауровы, Карабудаговы, Ачакановы, Умар-Аджиевы, Гебеко-

¹ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.48.

² ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.9. Л.100.

³ Там же. Оп.5. Д.5. Л.160.

⁴ Там же. Оп.1. Д.14. Л.39.

⁵ Там же. Л.77-78.

⁶ Там же. Л.82, 87.

вы, которые, как и вышеперечисленные фамилии, имели свои кварталы в Аксае и Костеке¹.

Говоря о первой группе сала-узденей, Д.-М.Шихалиев отмечал возможность перехода в их состав и таких независимых узденей, которым князья жаловали земли на правах собственности. «Так как владеть землею, с проведением на оной канаваю, – писал Д.-М.Шихалиев, – было свойственно одним сала-узденям, то пожалованные такими же угодьями уздени андреевские (эндиреевские. – Б.А.) – Казбековы и аксаевские – Азнауровы причислены к сословию сала, не по происхождению, а по землям»². К сала-узденям, согласно записке комиссии о сословном строе в Кумыкском округе Терской области, причислялись «и выходцы из именитых родов Кабарды, Крыма, Аварии»³. Значит, они тоже имели земли на таких же правах, как и сала-уздени-первосельцы Засулакской Кумыкии. Далее Д.-М.Шихалиев писал, что: «Уздени других фамилий (они все перечислены выше. – Б.А.), которые назывались общим именем уллу-оздень, т.е. старший уздень, владеют землями с канавами или без канав, кутанами, горами, или аталыки княжеские, или же отличные какими-нибудь особыми почестями»⁴. В «Записке комиссии о сословном строе в Кумыкском округе Терской области» сала-уздени, или первостепенные уздени (уллу-уздень, большой уздень) исследуемого времени названы потомками тех сала, которые «положили основание Кумыкскому владению»⁵.

Земля делала сала-узденей и свободными, и сильными, и влиятельными. По словам М.Б. Лобанова-Ростовского, только эти землевладельцы-первосельцы Кумыкской плоскости не зависели от князей и даже не упустили случая, «чтобы ослабить

¹ ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.9. Л.104. ЦГА РД. СФ. 105. Оп.1. Д.9. Л.10; Оп.5. Д.5. Л.160; Оп.1. Д.14. Л.39, 77-78, 82, 87, 104; Макаров Т. Кумыкский округ // Кавказ. 1860. №78.

² Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.48. (примеч.)

³ Феодальные отношения... С.81.

⁴ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.48.

⁵ Феодальные отношения... С.86; Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.38; Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.46.

власть князей». Более того, они соперничали с князьями и часто вступали с ними в междоусобицы¹.

Именно наличие в собственности земли делало первосельцев-сала-узденей феодалами, а не те участки, которые они получали от князей впоследствии. Земли, которыми они владели до прихода Султан-Мута, остались за ними и после заселения Засулакской Кумыкии. Как отмечалось и выше, кумыкские беки, заселив эту территорию и разделив между собой всю землю, оставили неприкосновенными владения тех узденей, которые по богатству и силе имели большой вес в народе или кто заслужил подобное своей верной службой. Отмечал это и Д.-М.Шихалиев. «Сословие сала-узденей кумыкских, – писал он, – единоплеменное салатавцам и вместе с гуенами и тюменами под покровительством князей, положившее основание Кумыкскому владению (имеется в виду Эндиреевское княжество Султан-Мута. – Б.А.), сохранило до сих пор (т.е. до середины XIX в. – Б.А.) **неприкосновенными все свои земли, какие когда-либо само приобрело или от князей получало**»² (подчеркн. мною. – Б.А.).

Преимущество сала-узденей-первосельцев, по их объяснению, состояло именно «в том, что они владели населенными землями, пользуясь с жителей поземельными доходами и булкою (повинность), сами же не отбывали никаких повинностей князьям»³. То есть они имели на свою земельную собственность такие же права, как и другие феодалы-землевладельцы в своих владениях. Их земельная собственность была такой же частной мюльковой собственностью со всеми вытекающими из нее правами – продажи, дарения, завещания и т.д. Они, как князья Засулакии, имели своих чагаров и рабов. В «Записке комиссии о сословном строе в Кумыкском округе Терской области», составленной в 1869 г., отмечается: «Сала-уздени, или **первостепенные уздени, все владели поземельной собственностью и, как землевладельцы, пользовались одинаковыми правами с князьями и чанками**»⁴ (подчеркн. мною. – Б.А.). И да-

лее: «Поэтому сала-уздени искони были свободны от всяких повинностей, что считалось между народом самым главным преимуществом»¹. И, наконец, что сказано в указанной записке: «Узденское достоинство считалось присущим по рождению, а поэтому князья не могли давать или лишать этого достоинства»², что говорит о самостоятельности, независимости первосельцев-сала-узденей от князей не только в вопросах землепользования, но и их сословной принадлежности, как особой группы класса феодалов. Важно отметить в связи со сказанным и то, что если даже сала-уздени и получали от князей какую-то землю, они за это не обязаны были платить что-то. Они, как писал Х.-М.О. Хашаев, «были приближенными князей, начальниками их дружин. Они имели крепостных (чагаров. – Б.А.) и рабов и не платили князьям никаких податей»³. Сала-уздени, как сказано в приведенной выше «Записке...», «вместе с князьями участвовали в защите страны и в предводительствовании в военных предприятиях»⁴.

Уместно здесь привести и слова А.В. Буцковского о взаимоотношениях сала-узденей с князьями и вопросах землевладения. «Узденья, – писал он, – имеющие только своих подданных в таком же смысле, почитают себя подданными тех князей, землями коих пользуются, не платя однакож никакой положенной дани, равно и простой им принадлежащий народ. Имея право переходить из подданства одного к другому князю явствует, что **сила сих последних зависит от достатка земель** (подчеркн. мною. – Б.А.). За сим обязанности узденей и простых подданных относительно к князьям состоят в сопровождении сих как на воровские поиски, так и в воинские походы»⁵. Ясно, что речь в приведенной цитате идет о первосельцах-сала-узденях, что вытекает из слов «узденья, имеющие только своих подданных» и «сила сих последних (сала-узденей. – Б.А.) зависит от достатка земли». Но в цитате из работы А.В.Буцковского

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.38.

² Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.46.

³ Феодалыные отношения... С.86.

⁴ Там же. С.89.

¹ Феодалыные отношения... С.89.

² Там же. С.90.

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.201.

⁴ Феодалыные отношения... С.89.

⁵ Буцковский А.В. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей // ИГЭД. С.239-240.

есть слова, свидетельствующие об обязательствах сала-узденей за полученную от князя землю – сопровождать их на «воровские поиски (грабежи? – Б.А.) и «в воинские походы».

Очевидно, что наш автор не делил сала-узденей на группы, чем можно объяснить последние слова. Вряд ли сала-уздени-первосельцы, как дружинники сала-уздени второй группы, участвовали в грабежах. А то, что они возглавляли походы, в качестве военных предводителей, то это, как отмечалось выше, подтверждают ряд авторов и сведения, собранные сословно-поземельной комиссией.

Как отмечал А.В. Буцковский, он говорил только об узденях, которые имели «своих подданных». А ими как раз и являлись сала-уздени первой группы, которые действительно имели своих подданных и, подобно князьям и чанкам, «сами никогда не занимались полевыми работами, и занятия эти считали для себя унижительными»¹. Поэтому сала-уздени, как и князья, «земли свои отдавали в пользование тем кварталам, которые не имели земли общественной, или на землях своих водворяли аулы из разных горских выходцев и в обоих случаях пользовались с тех жителей условленными работами (булка) или поземельной податью (ясак)»².

Жизнь сала-узденей середины XIX в. по-иному показана М.Б. Лобановым-Ростовским. Он, в частности о сала-узденях Эндирея писал: «В Андрееве имеют они свой собственный аул (квартал. – Б.А.), в котором в прежнее время чинили сами расправу. Земли их не обширны; но в самых лучших местах, и все поблизости деревни. Хлебопашеством в настоящее время занимаются они прилежно и сами, вместе с холопами своими, выходят на полевые работы. Впрочем, так как через квартал их проложена базарная улица, то главный доход получают с лавок, отдаваемых ими внаем жидам и армянам. Чагаров у них нет; но у многих есть хутора, заселенные выходцами или безземельными кумыками из вольного сословия, которые платят им ежегодный оброк». Далее он отмечал, что у сала-узденей не было и узденей, «потому что пришелец, искавший в незнакомой сто-

¹ Феодальные отношения... С.87.

² Там же.

роне покровительства, естественно отдавал себя под защиту сильнейшего, а князья всегда были знаменитее сала-узденей; но они могли легко собрать значительную толпу приверженцев из вольноотпущенников, из горцев, с которыми вели большое качество и которым отдавали обыкновенно сыновей своих на воспитание. В отношении к князю они обязаны были наблюдать все наружные знаки уважения, наравне с прочими узденями, но князья, в свою очередь, поступали с ними ласково и всячески старались привязать их к себе. Эти два сословия, никогда не вступавшие в родственные связи, недозволенные законом кумыкским, при неравенстве состояний, сближались узами, которые у кабардинцев и у кумыков почитаются едва ли не сильнее самого кровного родства: князья отдавали сыновей своих с первого детства в дом почетного салау-узденя на воспитание; и таким образом, они сохраняли «непоколебимую привязанность «на всю жизнь»¹.

Квартал («собственный аул» – по терминологии М.Б. Лобанова-Ростовского), который занимали сала-уздени Эндирея, носил название Салааул, который «был обитаем сала-узденями, во всем почти независимыми от князей»².

Интересно, что в противовес М.Б. Лобанову-Ростовскому Н.Дубровин писал, что первостепенные уздени имели, кроме собственных земель, чагаров и рабов³. О наличии невольников у сала-узденей писал и Д.-М. Шихалиев⁴, что их земли обрабатывались выходцами «из разных гор» или теми жителями, кто не имел земли, за что они обрабатывали их земли и давали «поземельную подать («ясак»), – говорится в «Записке комиссии о сословном строе в Кумыкском округе Терской области»⁵. О том, что сала-уздени как «более древняя ветвь феодальной знати, чем князья (бии) из шамхальского дома», которые владели, как было сказано и выше, «большими площадями земель, горными пастбищами, кутанами, чагарами, рабами и т.д.», писала

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.39-40; См.также: Макаров Т. Указ.соч. // Кавказ. 5 октября 1860. № 78.

² Лобанов-Ростовский. Указ. соч. С.25.

³ Дубровин Н. Указ. соч. Т.1. Кн.1. С.629.

⁴ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.39.

⁵ Феодальные отношения... С.87.

С.Ш. Гаджиева¹. Х.-М.О. Хашаев также писал, что сала-уздени «имели крепостных (т.е. чагаров. – Б.А.) и рабов»².

По словам Т.Макарова, в 60-е гг. XIX в. в Эндирее были «фамилии Сала: Кандауровы, Паштовы, Реджаб-Аджиёвы, Казбековы и Тутушевы, последние выходцы из Крыма; в Яхсае: Таулуевы, Карабудаковы, Ачакановы, Качаловы; в Костеке: Такаевы, Умар-Аджиёвы и Гебековы»³. Как видно из приведенного перечня, сала-узденей-потомков первосельцев на кумыкскую плоскость в XIX в. было много. Перечисленные, очевидно, это родовые фамилии, в состав которых входили отдельные семьи, состоявшие не менее, чем из пяти членов. В перечне, приведенном выше, 12 фамилий сала-узденей, если иметь в виду, что они состояли из нескольких семей, число которых постоянно увеличивалось, то можно себе представить, сколько было их в исследуемое время.

Близко к сословию сала-узденей находились такие же древние жители Засулакской Кумыкии, как гуены и тюмены. «К этому последнему разряду, – писал Д.-М.Шихалиев, – я причисляю гуенов и тюменов, древнейших обитателей края, вместе с сала прежде всех признавших власть Султанмута и положивших основание Кумыкскому владению. Хотя Султанмут и сыновья его Казаналип и Айдемир утвердили за ними тогдашние их земли (подчеркн. мною. – Б.А.), но гуены и тюмены в продолжение многих лет должны были бороться со всевозможными препятствиями, мешавшими им пользоваться своим достоянием, и результатом всех их деяний и справедливых усилий было то, что они сохранили до сих пор неприкосновенными свои права на поземельную собственность (подчеркн. мною. – Б.А.) и некоторые характеристические обычаи. Ныне гуенам (речь идет о первой половине XIX в. – Б.А.) принадлежат превосходные земли не в дальнем расстоянии от Андреева и по берегу Сулака, выше Темир-аула; тюменам принадлежит урочище Бурунчак за Сулаком⁴ (подчеркн. мною. – Б.А.).

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.109.

² Хашаев Х.-М. Общественный ... С.201.

³ Макаров Т. Указ. соч. // Кавказ, 5 октября 1860. № 78.

⁴ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.42.

§ 7. Земельная собственность высшего мусульманского духовенства и общинной феодальной и феодализирующей знати

Подобно тому, как высшее мусульманское духовенство и феодализирующая знать по своему социально-правовому положению сближались с различными сословными группами класса феодалов, так и их земельная собственность по своему размеру и формам пользования приближалась к феодальному землевладению. «Мусульманское духовенство составляло самую многочисленную и разветвленную группу привилегированного сословия»¹. Духовенство «составляло здесь (в Дагестане. – Б.А.) важнейший класс общества и ограничивало некоторым образом самую ханскую власть, потому что, хотя ханы имели постоянно право жизни и смерти, смены и назначения каждого отдельного лица этого сословия, но они не могли коснуться прав и преимуществ всего сословия вообще, потому что это считалось бы посягательством на священное постановление пророка»². Духовные лица были совершенно освобождены от податей и повинностей³. Кроме того, они получали доходы с как им лично принадлежавшего имущества, так и за отправление религиозных обрядов, обучение детей и за ведение шариатских дел. В их пользу шла значительная часть различных приношений в пользу мечетей и медресе. Но наиболее доходной статьёй мусульманского духовенства и мечетей являлись вакуфы – земли и различное имущество, завещаемые прихожанами в пользу мечетей, а также мечетская десятина – закят.

Но, кроме всего перечисленного, которые имели служители мечетей, как духовные лица, они имели и свои собственные земли, скот и различное имущество. Особенно это касается крупного духовенства. «Крупное духовенство, кадии, а также некоторые муллы, – писал Х.-М.О. Хашаев, исследуя общест-

¹ Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX вв. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1960. Т.VII. С.148.

² РГВИА. Ф.ВУА. Коллекция 482. Д.101. Л.13.

³ Там же.

венно-экономический строй кумыков, – владели собственными землями и распоряжались вакуфным имуществом»¹.

Останавливаясь на вакуфном имуществе, Г.Г. Османов хорошо показал все тяготы его содержания, лежащие на плечах рядовых членов общества. Он писал, в частности: «Все тяготы по наблюдению за вакуфным имуществом, по обработке земли, сбору урожая, по доставке дров для мечетей, по ремонту домов, мельниц и т.д. лежали на крестьянах. Духовенство осуществляло лишь надзор за аккуратным поступлением доходов»².

В период летних экспедиций в районы Дагестана для сбора историко-этнографического материала в 60-90-е гг. XX в. нами собран большой материал, показывающий правдивость вышеприведенных слов Г.Г. Османова. На самом деле почти повсеместно именно крестьяне, рядовые члены общины проводили на вакуфных землях все сельскохозяйственные работы. Причем они проводились совершенно бесплатно и это считалось в порядке вещей, как обязанность правоверных мусульман. Показателем в этом плане является обязанность общинников в сел. Акуша делать «дороги к землям вакф»³. Существовало даже наказание к тем, кто в свое время не делал этого. Кроме того, в этом же обществе применяли наказание к тем, кто «не сделал поминок на ту сумму, как приказано, было в завещании»⁴.

Обратимся к примерам по аварским обществам, где духовенство в лице шейх-ул-ислама, шейхов, кадиев и других, составлявших в Аварии, как и в других местах, «особую феодальную группу», владевших «землями и скотом... являлись распорядителями мечетских вакуфных земель» и «будучи феодалами... жестоко эксплуатировали сельское население вольных обществ»⁵.

Р.М. Магомедов приводит интересный материал, как духовенство на основе заката и другими путями «эксплуатировало

¹ Хашаев Х.-М. Общественный строй... С.201.

² Османов Г.Г. Указ. соч. С.150.

³ Сведения об Акуша // Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М.О.Хашаева. М.: Наука, 1965. С.13.

⁴ Там же.

⁵ Магомедов Р.М. Общественно... С.56.

верующую массу сельского населения», применяя при этом различные формы и методы эксплуатации. Так, в сел. Мачада (союз Гидатль) кадий установил определенный порядок выделения заката, – его надо было вносить по окончании Рамазана (уразы). По постановлению кадия, кто имел пропитание хоть на один день, должен был выделить из своего хлеба по саху (мерке) с каждого члена семьи и отдать духовенству. Если кто-либо не выделял заката, с того взыскивался штраф – четыре шали¹.

Население обязано было отбывать духовенству и другие повинности – обрабатывать мечетские земли и земли духовных лиц. «Кто не молотит вакуфное зерно, – сказано в адатах Караха, – и кто не подал его по распоряжению судей в мечеть, – с него взыскивается мерка зерна. Кто не выполнил распоряжение судей относительно вакуфного и мечетского дела, – как-то: чистка и молотьба зерна, печение хлеба и изготовление толокна и подвозка в мечеть, – с него взыскивается мерка хлеба ежедневно»². И в Мачада крестьяне поочередно обрабатывали вакуфные земли, свозили урожай, удобряли поля. Если кто не обрабатывал в свою очередь вакуфные земли, с того взыскивался штраф – котел весом в четыре ратала. Здесь же все семейные вопросы по убийству, бракам, наследованию имущества должны были решать по шариату кадием. «Если кто-либо отказывался пойти на шариатский суд, с него ежедневно брали по овце до тех пор, пока он не явится на суд»³.

Все это, говоря словами проф. В.П. Илюшечкина, было присвоение прибавочного труда, прибавочного продукта, который присваивался духовенством в виде трудовых повинностей, когда общинники работали бесплатно на землях мечетей (посев, уборка урожая, сена, молотьба зерна и т.д.) и самих духовных служителей⁴.

С.Ш. Гаджиева прямо писала: «К господствующему классу относилось и духовенство, которое, кроме своих мюльков, поль-

¹ Магомедов Р.М. Общественно... С.56.

² Там же. С.56-57.

³ Там же. С.57.

⁴ Илюшечкин В.П. Эксплуатация и особенность в сословно-классовых обществах. М.: Наука, 1990. С.150.

зовалось вакуфами или примечетскими землями... Духовенство распоряжалось значительной частью «заката», получаемого от крестьян в размере десятой части урожая, а также от других доходов крестьян¹.

Х.-М.О. Хашаев привел интересные сведения, хотя и позднего времени, о духовенстве в Лакии. Он писал: «В сел. Казикумух, кроме ханов, беков и чанков, крупными землевладельцами были лица из фамилии кадия. Так, например, в 1905 г. Камиль-кадиоглы имел 243 десятины земли, Максуд-Мустафа-оглы 375 десятин и т.д.²

Исследуя социально-экономическую историю Табасарана, М.Р. Гасанов также пишет о наличии у табасаранцев многочисленной группы привилегированного сословия в лице кадия, шейхов и сеидов³. Причем, как писал И.Березин: «кадии пользуются доходом большим, нежели беки: муллы получают от жителей десятину пшеницы, из сорока баранов – одного, от бракосочетания, похорон, раздела наследства после покойных и проч. получают вознаграждение лошадьми, рогатым скотом, ослами, баранами и, наконец, деньгами и разными вещами»⁴.

Говоря о наличии в каждом селении значительных мечетских земель, М.Р. Гасанов пишет, что «ими распоряжались духовные лица, и почти весь доход, получаемый с них, использовали для своих нужд»⁵.

Г.Д. Даниялов, отмечая неодинаковое положение представителей духовенства, писал, «если шейх-уль-ислам, находившийся при владетельном князе, в торжественных случаях сидел даже выше самого князя, **имел свои земли** (подчеркн. мною. – Б.А.), богатства и зависимых крестьян, то низшее духовенство непосредственно срасталось с крестьянством, не отличаясь от него и внешне»⁶. Он отмечал также, что представители духовенства «стремились к власти, получали почести, порою и богатство, в

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.111.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.162. Ссылается на: ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.71. Л.7.

³ Гасанов М.Р. Очерки... С.181.

⁴ Березин И. Указ. соч. Ч.2. С.180.

⁵ Гасанов М.Р. Указ. соч. С.181.

⁶ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.43.

значительном количестве имели и рабов. Как высшее сословие были явными угнетателями наравне с беками и князьями». И главное в его утверждении – **«Некоторые из них, имея должности по наследству, были богатейшими землевладельцами, на которых работали крестьяне»**¹ (подчеркн. мною. – Б.А.).

Чтобы не быть голословным, приведем имеющиеся в нашем распоряжении примеры, как высшее духовенство сосредоточило в своих руках различные земельные угодья и большое количество крупного рогатого скота и овец. Так, акушинский кадий имел в собственности лучшие земли, отторгнутые от общинных земель и полученные некогда его предками от казикумукского шамхала². Акушинский джамаат выделил для кадия Акуша и специальные сенокосные участки³. Недовольствуясь этим, Магомед-кадий Акушинский купил еще за 4 тыс. руб. пастьбище на плоскости под названием Бебук угбулак⁴, что говорит о наличии в его собственности не только различных категорий земель, но и большого количества скота, в особенности овец. В источнике прямо говорится, что акушинский кадий являлся владельцем больших и «хороших имений»⁵.

Исследуя общественно-экономический строй даргинцев, Х.-М.О. Хашаев писал: «В качестве главного феодала в Акушинском обществе выступает духовное лицо – кадий, – который **имел более 500 десятин земли** (подчеркн. мною. – Б.А.). Кроме того, он распоряжался всем фондом зяката, вакуфа, общественными суммами и штрафами»⁶.

Богатыми собственниками земель и скота были и другие акушинские кадии. Так, в числе 14 тыс. овец, которые паслись на кутанах Тарковского шамхальства в 1844 г., 3600 принадлежали Зухух-кадию Акушинскому⁷. Согласно данным 80-х гг.

¹ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.44.

² Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С.170.

³ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Ед.хр.7. Л.9.

⁴ РГВИА. Ф.400. Оп.1. Д.326. Л.197.

⁵ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Ед.хр.7. Л.9.

⁶ РГВИА. Ф.400. Оп.1. Д.326. Л.197; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.171.

⁷ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С.456-457.

XIX в., богатые уздени из сел. Акуша имели до 10 тыс. овец¹. По сведениям того же периода, отдельные хозяйства Уркарахского наибства имели также большие хозяйства. Так, хозяйство Абу-Бакара Нурбаганд-оглы сел. Уркарах имело 45 лошадей, три осла, 70 саб пахотной земли, 20 саб покоса, 6 тыс. овец; Умалат-бек-оглы имел 51 лошадь, двух ослов, 2 тыс. баранов, 70 саб пахотной земли и 15 саб покоса; Магомед-Бумудар-оглы – 30 голов рогатого скота, 32 лошади, 500 овец и 45 саб пахотной земли; Наби Хапиз-оглы – 8 голов рогатого скота, 10 лошадей и 1000 овец. В сел. Дибгаши Магомед-Расул Омар-оглы имел 40 голов крупного рогатого скота, 30 лошадей и 2 тыс. овец. Абдулла-бек Раджаб-оглы из этого же селения имел 25 голов крупного рогатого скота, 14 лошадей и 1100 овец².

Хотя данные, приведенные выше, относятся конкретно не к исследуемому периоду, тем не менее они для нас важны. Если учитывать, что богатство складывается не вдруг в один момент, а постепенно. Коль так, то мы должны отметить и то, что, если даже и в меньших размерах, хозяйства указанных богатых представителей узденства были большими и в изучаемое время.

Богатые уздени, как феодальная знать, выдвинулись и в других союзах сельских общин. Р.Г. Маршаев писал, что в Гюнейской части Ахтов помимо аскакалов, являвшихся наследственной в прямой нисходящей линии³, феодальной знатью, выделялось еще одно привилегированное сословие так называемых бахтичяров, «приобретших богатство путем грабежа соседних лезгинских селений и набегов на другие места». Он сравнивал бахтичяров с первостепенными узденями феодальных владений Дагестана, о которых было сказано выше, и указывал, что они в основном являлись выходцами из богатых узденских тулумов – Кабанар, Касрияр и Сирияр⁴. Это была своего рода военно-служилая знать, благодаря которой были подчинены Ахтынскому обществу другие села самурских лезгин.

¹ ЦГА РД. Ф.21. Посемейные списки 1886 г. Общество Акуша.

² Там же. Оп.5. Д.42. Л.51-52, 101-102, 126-127, 128-129.

³ Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX в. М., 1965. С.26.

⁴ Маршаев Р.Г. Указ. соч. С.115.

Крупными землевладельцами в Каба-Дарго были урахинские кадии. В изучаемый период кадиями Каба-Дарго были урахинские кадии из рода Абдулкадирхъали. В начале XIX в. кадием в Урахи был Абдулкадир. Он имел огромные земли, которые скупал у односельчан. Еще при жизни он дал каждому из трех сыновей – Газибеку, Абдулкериму и Абдурашиду по 12 дес. (на 100 барха засева) земли. Сыну Абдулкадира, Абдулкериму, ставшему кадием после отца, принадлежала половина местности Чакашулла ургуба, участок леса напротив сел. Махаргимахи. В местности Биштал Ираула Абдулкерим захватил себе земли площадью в 3 га, чтобы пасти свою лошадь. Если туда заходил чужой скот, то он захватывал и резал его¹.

Богатыми землевладельцами были и кадии других союзов сельских общин. Они применяли в своем хозяйстве труд обедневших и малоземельных общинников, тем самым, получая неплаченную ренту, что и было формой их эксплуатации.

Большие земельные владения в виде пахотных и сенокосных участков, а также пастбищных гор и отдельных мест, порой даже превышающие земельные владения беков феодальных владений, имела верхушка союзов сельских общин в лице фактически феодальной по своей сущности и феодализирующей знати, захватившей и политическую власть в своих союзах.

В условиях наличия частной собственности на землю с правом ее отчуждения – продажи, наследования, дарения, обмена и т.д. это было естественным явлением, ибо одни члены общества имели возможность покупать земли, а другие в силу определенных причин вынуждены были продавать свои участки. Как отмечал К.Маркс: «Там, где уже имеется налицо отделение членов общины как частных собственников, ... там появляются также и такие условия, в силу которых отдельный человек может лишиться своей собственностью, т.е. может лишиться того двойного отношения, которое делает его, с одной стороны, равноправным гражданином, членом общины, а с другой – собственником»².

¹ Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1972. С.111-112.

² Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1. С.484.

Таких собственников земли – владельцев больших земель различных категорий, стоявших над общинами и правивших ими, в Дагестане было много, почти повсеместно, в особенности в тех обществах, где они практически захватили общинное управление, превратив его в наследственное.

Так, одна семья в сел. Ураги (Сюргинский союз) имела в собственности 8 пахотных участков, стоимостью в 830 манат, несколько сенокосных участков, стоимостью в 52 манат; другой житель Сюргинского союза, согласно записи акта о разделе имущества между Шахбаном, сыном Магомеда и Айшат, дочерью Масала от 1758 г., также имел 4 сенокосных и 8 пахотных участков; в одной ицаринской рукописи имеется запись, что некие Хулахма и Махунтар имели в собственности 12 пахотных участков, с которых они «обращают вакф» определенное количество зерна; в одной из рукописей из сел. Ашты указывается, что Курбан-Исмаил и его сын имели 5 участков пахоты и одно пастбище¹.

Интересный материал о собственниках земли сохранился по сел. Усиша. Один из его жителей по имени Алибек, сын Талхъан-Гаджи имел в собственности 19 сенокосных участков. Отца Алибека звали Талхъан-Гаджи. Термин (прозвище или имя Талхъан), возможно, был прибавлен к имени Гаджи как показатель (раньше в Усиша были талхъаны-беки) его происхождения или как показатель его знатности и богатства. Другой усишинец Магомед-Расул, сын Асхабар-Гаджи, имел совместно с другими усишинцами 13 сенокосных участков². У отдельных усишинцев имелись в собственности и большие пахотные участки. На юге от сел. Усиша находится местность под названием Газимирзабек, площадью около 300 га. Она принадлежала одному усишинец³. У акушинца Магомеда Муса-оглы вместе с совладельцами и жителями сел. Мюрего и Утамыш находился участок земли кутана Эльдери, площадью в 212 дес.⁴

¹ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. ... Махачкала, 1999. С.186-187.

² Алиев Б., Ахмедов М., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.167-168.

³ Полевой материал, собранный нами в 1962 г. Информ. Асхабов Г.М., 1872 г.р.

⁴ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.32. Л.1.

«Процесс дифференциации крестьян в даргинских сельских общинах происходил интенсивнее, – писал Х.-М.О. Хашаев, чем в Аварии, здесь наблюдаются также неравенство тухумов, наличие рабов, накопление крупного и мелкого рогатого скота, а также земель в руках богатых узденей»¹ (подчеркн. мною. – Б.А.). Так, по сведениям В.Вильер де Лиль-Адама, писавшего в начале 70-х гг. XIX в., мекегинский старшина Кадила Баганд имел много земли и 5 тыс. овец, а все имения его оценивались в 50 тыс. руб.² По его же сведениям, у богача сел. Хаджалмахи был большой фруктовый сад³. Отдельные богатые уздени даргинских обществ имели даже зимние пастбища. Так, мекегинец Омар Гасан в 1870 г. купил у Карабудахкентского бека 240 десятин земли. Позже крупных землевладельцев в даргинских общинах было еще больше, и они владели не десятками, а сотнями десятин земли⁴.

Выше мы приводили сведения о кадиях Акуша как крупных не только землевладельцев, но и владельцев скота. Были в Акуша, кроме имеющихся по данным посемейных списков, скотовладельцы и в непосредственно изучаемый период. В этом плане интерес представляет пример обогащения одного акушинца, приведенный Х.-М.О. Хашаевым на основе архивных источников, где сказано: «Когда после акушинской победы (1819 г. – Б.А.) приказано было от генерала (А.П. Ермолова. – Б.А.) покоренным дагестанцам выдать нам всех русских, скрывающихся у них беглецов, тогда один акушинец привел старого русского солдата и, прощаясь с ним со слезами, давал ему две тысячи руб. серебром, прибавляя к тому еще двадцать коров и пятьдесят баранов»⁵. Этот акушинец тогда рассказал, что 18 лет тому назад, будучи в крайней бедности, он принял солдата в свой дом и выдал за него свою дочь. Труд солдата обогатил его,

¹ Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.170.

² Вильер де Лиль-Адам В. Две недели в Даргинском округе (путевые заметки) // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С.13.

³ Там же. С.20.

⁴ ЦГА РД. Ф.21. Оп.4. Д.101. Л.115, 118, 121; Ф.80. Оп.2. Д.4. Л.79; Ф.80. Оп.3. Д.18. Л.81.

⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Колл. 482. Д.128. Л.22. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.170.

а потому он разделил имущество и его долю хотел вручить ему. Но солдат отказался получить все это, взял только 100 рублей¹.

В табасаранском сел. Вертил жил богач по имени Жюгель, которому принадлежали пастбищная гора Ралак и другие категории земель. На него работали крестьяне сел. Урги, Яраг, Джучи, Фурдаг и Вертил. Они обрабатывали поля Жюгеля и заготавливали на зиму корм для его скота². В одной рукописи Корана из сел. Чирах имеется запись земельных владений чирахца-наиба Шамиля, среди которых не только пахотные и сенокосные участки, но и обширное пастбище³.

Много разбогатевших земельных собственников было в Салатавии, которые сосредоточили в своих руках земли в сотни десятин. В основном эти земли были куплены у князей Засулакской Кумыкии, имевших свои земли в Салатавии. Так, несколько участков приобрел у князей Засулакии житель сел. Гертма Джабраил – участки Белишген и Инчхе он купил за двух грузинских холопов и 600 руб. Согласно договору от 1735 г. между детьми эндиреевца Хамзата и детьми Исмаила при примирении за умершего Исмаила, первые подарили его детям гору Чадыр-Гурган в 300 дес. В 1751 г. чиркеец Сунгур Хаджиляеву Демилялову купил гору у эндиреевца Сагида Сагидова за 1150 руб., 40 быков и 50 овец. Житель того же сел. Магомед-Аджи Шейх-оглы в 1759 г. купил у эндиреевского князя Муртузали-Хаджи Чапалау-оглы участок земли в Салатавии за 3000 руб., 3 крепостных мужского пола и 3 крепостных женского пола. Маллачиляу Додо-оглы в 1835 г. купил гору Чедираб за 116 руб. у князя Давлет Угу Гирей-оглы. Чиркеец Мирза примерно в начале XVIII в. купил у эндиреевского князя гору Эба-меер в 200 дес. Тогда же Мирза купил у эндиреевского князя земельный участок в 300 дес. и тогда же предки юнкера Пирасул Магома Айдемирова из Чиркея купили земельный участок Маматхан-Чадыргун у эндиреевского князя, где было 50 дес. леса и 60 дес. пастбищ. Примерно в 1711 г. житель сел. Зубутль Хожа Абдужил Хажияв купил в Салатавии пастбищ-

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Колл. 482. Д.128. Л.22. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.170.

² Магомедов Р.М. Дагестан... Вып.1. С.161-162.

³ Полевой материал, собранный нами в сел. Чирах в 1975 г.

ную гору Ялхи Сиген примерно площадью в 200 дес. у эндиреевского князя Айдемира. Примерно в 1736 г. чиркеец Дариш-Магома Алиев купил у темир-хан-шуринского князя Урустан-хана пастбищную гору Ясазул-меер в 100 дес. В 1731 г. чиркеец Дада Пирасул Магомаев купил у костековских князей пастбищный участок Малачиясу-меер в 300 дес. Примерно в 1786-1788 гг. житель сел. Зубутль штабс-капитан Дади Таймасханов и его брат Шангирей купили в Салатавии у князя Аксая Капланова пастбищную гору Чиразул-меер. Чиркеец Абакар Мирзаев в 1794 г. купил у эндиреевского князя Сааду Саадуева за 500 руб. пастбищную гору Абакар-меер в 100 дес.¹

Согласно жалобе от 1862 г. майора Нижегородского драгунского полка Афин Мустафы Умарова и подтверждению почетных старшин сел. Хубар и Инчхе, его предкам в этих сел. принадлежали земли Хапига, Марасаб, Тамача, Лабазан, Баталово, Кумыкент. Первый из этих земельных участков – это сад, пространством в 1 день пахоты, три пахотных места – Хазиниясу-Магома-Тала – на 13 дней пахоты, Муцудояхан – на 2 дня пахоты и поляна Исупа – на 2 дня пахоты и место для дома со двором в самом сел. Им же принадлежали в сел. Хубар 2 места на 2 дня пахоты каждое и покосы на 2 арбы сена². Все эти земли достались матери Умарова от ее матери, уроженки сел. Хубар³.

Как видно из приведенных конкретных примеров, больше всего собственников земель – и пахотных, и пастбищных – было в сел. Чиркей Салатавского союза. Здесь находились крупные барановоды, которые и покупали для пастьбы своих овец у кумыкских князей пастбищные горы и отдельные места. Наиболее крупными барановодами были Магомедхаджиев и его сыновья. Свои пастбищные горы он назвал именами своих сыновей: Салатгерей-меер (горы Салатгерей), Бецца Хияжиясул-меер (гора Бецца Хаджиява) и МухАамирзал-меер (гора Мухамирзы)⁴. Давуд Хаджияев имел 7-8 тыс. овец. Пайзулаев в се-

¹ Новые документы о земельных отношениях в Салатавии // Общественный строй союзов сельских общин Дагестан в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981. С.108-120.

² ЦГА РД. Ф.1. Оп.1. Д.6. Л.42.

³ Там же. С.39-40.

⁴ Казиев Г., Ахмедзиявдинов Т. Чиркей. Махачкала, 1972. С.18 (на авар. яз.)

редине XIX в. имел 25 тыс. овец. Для содержания чиркеевских овец требовалось более 600 человек. В начале XIX в. в сел. Гертма самым богатым человеком был барановод Гаджиев, который нанимал одновременно до сотни чабанов¹.

В центре Каба-Дарго – сел. Урахи крупными землевладельцами были Шахбанхъали. Они имели земли даже на территории Кичигамри. При советской власти на одном из его пахотном поле было более 10 приусадебных участков колхозников сел. Урахи. Большим богачом-землевладельцем в сел. Урахи в XVIII в. был Хъанца Нурбахъянд – основатель тухума Гъинчлухъали. В его собственности находились земли в местностях Хябкъай, Омаршалахъяр, Чакалла Гиниц, Бахла Гилала, Гъинчлухъала Гярми, Холахъяллишила, Къолалишила, Цугъясла къада и т.д. Было у него и много скота, одних только буйволов – 18 голов. Имел много земли в местности Байгъабил гъуни около сел. Урахи и хутора МулигИмахи (на 50-60 берха засева) брат кадия Абдулкерима Газибей².

Крупные собственники земли и скота имелись и в Южном Дагестане. По словам М.В. Саидовой, например, в Ахтыпаринском обществе «собственность на скот создала такую глубокую дифференциацию, что еще до XIX в. выделилась верхушка узденей, имевших от 4 до 12 тысяч баранов, до 100 и более лошадей и владевших большими пастбищами, пахотными и сенокосными участками³. Р.М.Магомедов писал, что в «Ахтах и Кюре с давних времен существовала феодальная знать, она пользовалась всеми привилегиями земельных собственников и, прикрываясь адатами, эксплуатировала местное население (подчеркн. мною. – Б.А.), но феодалы здесь еще не окрепли»⁴.

Согласно сведениям южнодагестанской сословно-поземельной комиссии о сословно-поземельном строе в Самур-

¹ Казиев Г., Ахмедзиявдинов Т. Чиркей. Махачкала, 1972. С.18.

² Алиев Б.Г. Каба-Дарго... С.111-112.

³ Саидова М.В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дисс... канд. ист. наук. М., 1947. С.119, 137; см. также ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.142. Л.24; Маршаев Р.Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII – нач. XIX вв. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1957. Т.III. С.116.

⁴ Магомедов Р.М. История Дагестана... 1968. С.295.

ском округе, отдельные хозяйства имели в собственности пастбищные горы. «Так, двое из жителей сел. Смугул имели свои собственные ятаги, т.е. пастбищные горы»¹.

В Рутуле, как писала М.В. Саидова, в первой четверти XIX в. был богач по имени Музукайя, имевший 5000 овец и захвативший у общины обширные пастбища; другой богатый рутулец – Котхудьер имел от 1000 до 3000 баранов; богач Ага-хан имел 1000 баранов, 100-150 лошадей, собственное пастбище, завладел он также лучшими пахотными участками, расположенными близко от селения, земли его обрабатывали нукеры (батраки)². Таких богатых узденей рутульцы называли кетхудьерами³. Это была настоящая феодальная и феодализирующаяся знать, отличавшаяся от остальной массы узденства своим богатством и правовым положением в обществе.

Земельная собственность местной знати увеличивалась и за счет различных земель, которые дарили феодальные владельцы за «верную службу». Так, житель сел. Нижний Стал Пир-Гасан получил от Сурхай-хана за службу ятаг для пастбы скота⁴. Земельный участок «Кулардж» площадью 581 десятина был предоставлен ханом безвозмездно арсугскому старшине Коджар-Джамалу из влиятельного тухума Кошанского магала⁵.

Изучая союзы сельских общин Аварии, Р.М.Магомедов писал, «что аварский джамаат представлял собой разлагавшуюся сельскую общину». Процесс распада патриархально-общинных отношений у аваров сопровождался выделением знати. К XVIII-XIX вв. «представители знати в джамаатах уже сделались крупными собственниками земли и скота (подчеркн. мною. – Б.А.). На этой основе в аварских вольных обществах развивался феодальный уклад.

Формирование земледельческой знати (подчеркн. мною. – Б.А.)... шло в первую очередь за счет глав тлибилей, шухби, бегаулов, верхушки мусульманского духовенства. Эта часть

¹ Саидова М.В. Указ. раб. С.116.

² Там же. С.111.

³ Там же. С.139.

⁴ ЦГА РД. Ф.90. Оп.20. Д.20. Л.71. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана... С.149.

⁵ Там же. Ф.130. Оп.1. Д.1. Л.3; С.149.

состоятельных верхов вольного общества разными путями экспроприировала джамаатские земли своих соседей общинников и ставила общинников в кабальную зависимость»¹ (подчеркн. мною. – Б.А.). Для подтверждения сказанного он приводит интересный пример о захвате андийским крупным скотоводом Арашом пастбищной земли джамаата Ашали. Араш послал на ашалинскую землю свой скот и лошадей и объявил ашалинцам, что отныне она принадлежит ему. Захваченная земля стала носить название «земли Араша»².

По мнению Р.М. Магомедова, выделение земледельческой знати в аварских союзах сельских общин происходило в двух направлениях. В одних из них усиленный процесс выделения земледельческой и скотоводческой знати происходил еще в XVIII – первой половине XIX в., а в других – процесс превращения патриархально-феодальной знати к этому времени был уже в основном закончен. К XVIII в. здесь произошло выделение особых феодальных династий³. Типичным представителем такой знати был Динга Хаджи из Тинди, который «являлся феодалом, превратившимся из племенного вождя в князя. По преданию, Динга Хаджи был крупным работорговцем, владельцем больших отар овец, пастбищ и пахотных участков» (подчеркн. мною. – Б.А.): «он имел четырех жен и был неограниченным властелином в обществе. Как иначе, чем феодалом, можно назвать такого предводителя набегов, наводившего ужас на Грузию?»⁴

Называл типичным феодалом Г.Д. Даниялов и Ахалава из бывшего Бежтинского округа, который, как полагал он, пользовался определенной формой господства и имел экономическую и политическую власть. «Без этого, – писал Г.Д. Даниялов, – он не мог быть в близких отношениях с царем Грузии Ираклием Вторым, а также с могущественным Умма-ханом Аварским»⁵.

¹ Магомедов Р.М. Общественно... С.54.

² Там же. С.54-55.

³ Там же. С.55.

⁴ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.47.

⁵ Там же. С.46.

«Знатнейшим лицом в Джурмуте в это время был Мама Шабан»¹.

В аварских обществах было много богатых людей-землевладельцев и особенно собственников многочисленного скота. У богатых жителей Антратля в 1831 г. было от 8 до 10 коров и от 200 до 300 овец, от 3 до 4 лошадей². Богатые хозяева Тиндинского общества в 1844 г. имели по 20 голов крупного рогатого скота и до 300 голов баранов, в отдельных хозяйствах общества Ратлуб насчитывалось до 100 голов крупного рогатого скота и до 1000 овец³.

По сведениям Н.И. Воронова, многоскотные хозяйства имелись в Гидатлинском обществе. Только крупного рогатого скота здесь было до 10 тыс. голов, т.е. в среднем около 5 штук на каждый двор⁴. Естественно, этот скот не был распределен равномерно и среди гидатлинцев были такие, которые имели десятки голов, а другие – по 1-2-3 штуки. Много овец имелось в Глейсерухе и Мукратле, количество их доходило до 112 тыс. голов при населении до 4 тыс. человек. В среднем на одну душу приходилось до 28 баранов⁵. Но это только средняя цифра. И здесь распределение скота было, конечно, неравномерным, одни имели сотни и тысячи голов, другие – от несколько голов до нескольких десятков. И, естественно, владельцы больших отар не могли обходиться без посторонней помощи при проведении различных работ – перегон, дойка, стрижка и т.д.

Нанимали работников для проведения различных работ и в земледельческих хозяйствах. По сведениям Н.Львова, в Аварии работницы или работники нанимались «во время покоса или жатвы», за что получали «в день от 15-ти до 20 коп., с хозяйскою пищею». Другие же, более легкие работы, вознаграждались гривенником, пятью коп., или вместо денег мукою; бывало и так, что работницы не получали ничего, довольствуясь обедом и ужином, куском курдюка, сушеной баранины, яични-

¹ РГВИА. Ф.ВУА. Д.6528. Ч.2. Л.110.

² Там же Д.103212. Колл. 414. С.201. Хашаев Х.-М. Общественно-экономический... С.37.

³ Там же. Д.6528. Ч.2. С.83.

⁴ Воронов Н.В. Путешествие по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.1. С.29.

⁵ Там же.

цы и т.д. Хозяева были очень рады таким работникам, так как они обходились им очень дешево¹.

В Гидатле были «аристократы-шухби» из четырех селений. От них в зависимости находились нахатели (нахателал). Они платили шухби харадж, который должны были «отправлять на ток Шамхала, расположенный в местности Циниб». Это делалось в пятничный день в середине каждой весны. Кто в установленный день не отправлял харадж, резали того корову. В соглашении между гидатлинскими аристократами и нахателями записано, что «этот обычай был у гидатлинцев давно, он был унаследован «ими от отдаленных предков»². Шамхал по происхождению из казикумукского шамхальского дома, живший в местности Циниб, был убит еще до Шамиля, а бекские права гидатлинских беков были полностью ликвидированы в период движения горцев под руководством Шамиля³. «Шамхальские горы», за пользование которыми гидатлинские шамхалы получали подати, были превращены в байтулманские. С.Х. Асиятилов, подробно изучивший историю Гидатля, остановился и на местной знати, их земельной собственности. Он, в частности, писал: «важнейшие сенокосные угодья, расположенные вдали от населенных пунктов вплоть до Великой Октябрьской революции принадлежали феодальной знати». Он привел и названия сенокосов, которые принадлежали знати. Это сенокосы в сел. Урада «Халихмадазилал мечI» – покосы Халихмадиловых и покосы Халилиловых, Хажилал и др. Он также писал: «В частной собственности феодальной знати были также леса и пастбища. Они имелись в урочище Чорци и Гоноб Кахибского района и во многих других районах Аварии»⁴. Причем, по его утверждению: «Переход покосов и зимних пастбищ в частную собственность феодальной знати уходит своим становлением в раннесредневековую эпоху»⁵.

¹ Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 13.

² Хрестоматия по истории... С. 80-81; Феодальные отношения. С. 30.

³ Там же.

⁴ Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX вв.). Махачкала, 1967. С. 38.

⁵ Там же. С. 39.

§ 8. Условное землевладение как одна из форм феодального землевладения

К феодальному землевладению относится и условное землевладение как порождение феодальных отношений, которое могло появиться только при наличии крупного феодального землевладения, как основы феодального способа производства. А крупное феодальное землевладение как земельная собственность феодальных правителей и беков, как было показано выше, в Дагестане существовало еще задолго до изучаемого времени. С его возникновением появляется и условное землевладение. Поэтому условное землевладение не было порождением XVIII – первой половины XIX в. Оно существовало давно, превращаясь постепенно в безусловную земельную собственность. Но в то же время возникновение условного землевладения – это не единовременный акт или процесс. Оно возникало в период феодальных отношений, так как все это время существовало крупное феодальное землевладение, как источник его, хозяином которого была высшая феодальная знать, нуждавшаяся все время в людях, которые обслуживали бы ее, выполняя те или иные обязанности, за что последние и получали земельное владение.

Условное землевладение – это землевладение, связанное с выполнением тех или иных обязательств на крупных феодалов, в основном на феодальных правителей и наиболее возвышавшихся по своему экономическому и политическому положению беков, являвшихся ближайшими родственниками феодальных владетелей, которые также обладали большими земельными угодьями, имели в собственности по несколько сел, зависимое население, которое отбывало им разнообразные большие повинности, позволяющие содержать им своих нукеров.

В изучаемый период условное землевладение являлось одним из основных видов феодального землевладения. Останавливаясь на феодальной земельной собственности в Аварии, Р.М. Магомедов писал: «Основным видом феодального землевладения в аварских ханствах было бекство, а затем шло условное землевладение, соответствующее русскому поместью»¹.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 99.

Как и в любом феодальном государстве, в феодальных владениях Дагестана основная форма служебного или условного землевладения была связана с военной службой. Но это не исключало, что феодальные владетели наделяли землей различные категории служилых людей.

Во второй главе работы нами было уже показано, что на службе у феодальных владетелей были как их приближенные – близкие родственники, так и феодальная служилая знать – различные вельможи, мурзы, везиры, назиры, нукеры и т.д. Они-то и являлись получателями земель на условиях несения ими службы. Поэтому феодальное служебное держание в Дагестане по своей сущности являлось условным землевладением. В зависимости от того, кто являлся по своему социальному положению получателем условного держания, возникали различные его формы, из которых, как и повсюду, в Дагестане имели место крупное и мелкое, пожизненное и временное служебное держание. Следствием этих различных видов условного пожалования служилые люди со временем становились должностной знатью, носившей различные названия. У нас нет конкретных сведений о наделении за службу указанных выше должностных лиц. Напротив, известно, что они сами являлись представителями состоятельной группы людей. Но, как также отметили выше, эта служилая знать складывалась из различных категорий членов общества, поэтому не исключено, что многие из служилых людей не имели своей земли, полученной по наследству. По этой причине, подобно в других странах, и в Дагестане для превращения служилого человека в феодального землевладельца в большинстве случаев, а возможно и главным образом, решающее значение имели пожалования феодальных владетелей. В связи со сказанным уместно вспомнить слова Г.Г. Литаврина, сказанные им при изучении земельных отношений в Византии, что мало примеров, когда богатство простолюдинов предшествовало его успехам на имперской службе. В подавляющем большинстве случаев зависимость была обратной: от первых успехов на службе – к постепенному созданию богатства¹.

¹ Литаврин Г.Г. Проблемы государственной собственности в Византии X-XI вв. // Византийский временник. М.: Наука, 1973. Т.35. С.70.

Условное землевладение – это бенефиция западноевропейских феодальных государств. Проф. С.В. Юшков, останавливаясь на формах феодального землевладения в Дагестане, как и ряд других форм землевладения, отрицал наличие здесь условного землевладения. Он, в частности, писал: «Нам думается, что в Дагестане не было типичных институтов раннего западно-европейского и русского феодализма – бенефициев и фео-дов, поместий и вотчин»¹. И далее ниже, отмечая, что в Дагестане «земли передавались ханам и бекам по наследству или же дарились», он опять писал, что в Дагестане «отсутствовали наиболее типичные для раннего феодализма институты: оммаж (hommagium), патронат, бенефиции и фео-ды... нам не удалось установить условный характер феодального землевладения»².

Ошибка С.В. Юшкова состояла в том, что, во-первых, нельзя ставить прямых аналогий дагестанских феодальных владений и феодальных государств Западной Европы; во-вторых, речь должна была идти не о раннефеодальных государственных структурах Дагестана, каковыми они являлись в раннем средневековье, а о XVIII – первой половине XIX в., когда дагестанские феодальные владения находились на развитой их стадии и, в-третьих, речь должна идти не о землевладении беков-представителей ханской правящей фамилии, являвшихся прямыми наследниками их, а о служилой группе, которая и получала земли от феодальных правителей и беков за выполнение определенных обязательств, т.е. за оказание им каких-то услуг. Это и есть условное землевладение, которое в исследуемое время в Дагестане имело место и проявлялось в различных формах.

По мнению Р.М. Магомедова, условное землевладение – это военно-ленные земли, т.е. земли, отдаваемые ханами в качестве лена и бенефиций³. Объясняя значение термина «лен», Р.М. Магомедов писал, что он равнозначен дагестанскому термину «назру», т.е. отдача ханами земель в пожизненное и временное пользование. Он считал лен и бенефиции особой фор-

¹ Юшков С.В. Указ. соч. С.79.

² Там же. С.85.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.387.

мой феодальной собственности и в то же время отмечал неясность, «с чем было связано возникновение ленных отношений в дагестанских ханствах»¹. Но главное, на чем останавливались и мы выше в связи с мнением С.В.Юшкова, на что обращал внимание Р.М. Магомедов, это то, что он писал: «В то же время, говоря о лене (т.е. назру в Дагестане), мы не можем не обращать внимания на то, что ленные отношения в ханствах далеко не совпадали с теми ленными отношениями, которые наблюдались в Западной Европе в эпоху феодализма». Далее он писал, в чем заключались эти различия. «На западе, – писал Р.М. Магомедов, – феодал-землевладелец отдавал вассалу земли на определенных условиях. Условная дача в жалование земель практиковалась и в России. В дагестанских ханствах же в роли своеобразного «вассала» выступает не одно лицо, а целый коллектив, т.е. сельская община и иногда вольное общество. При ленной системе внутри ханства хан жаловал землей отдельные узденские джамааты, сохранившие свое общинное устройство и самостоятельность населения. Таких джамаатов в ханствах было много. Например, население Тануси аварского ханства за пользование ханским пастбищем несло службу хану путем очередного выделения из состава своего населения нукеров. Другие узденские джамааты, если они не несли феодальных повинностей, за полученную землю должны были участвовать в войнах и набегах хана»².

Описанные – это ленные отношения внутри ханств. Но были и ленные отношения и за пределами ханств. Известно, что аварские и казикумухские ханы имели пастбищные земли на территории ряда союзов сельских общин. Часть этих земель ханы использовали в качестве средств получения ренты, другую часть отдавали этим союзам или общинам. Эта вторая часть находилась в условном пользовании. В качестве примера Р.М. Магомедов приводит андийские летние пастбища, которых сперва хан отдавал тем же андийцам за службу, а потом за эти же земли андийцы вынуждены были нести повинность. На таких же правах, как и андийцы, ханскими пастбищными землями пользо-

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.388.

² Там же.

вались и унцукульцы¹. Прапорщик Хрисанф, бывший в Аварском ханстве в 1828 г., писал, что 4 союза сельских общин – Гидат (или Гид), Киль, Кувал и Каралал, названных им «военными округами», хотя не являлись подданными аварских ханов, имели «издревле обязанность по требованию хана доставлять войска на собственном их продовольствии»². Прочитывая эти слова Хрисанфа, Р.М. Магомедов писал: «Ясно, что сама по себе такая обязанность между вольными обществами и ханом не могла сложиться. Несомненно, в основе этих отношений лежали мотивы не столько политического направления, сколько экономическо-го»³.

Нельзя не отметить и тот весьма важный вывод, который сделал Р.М. Магомедов на основе всего сказанного выше. «Мы считаем, – писал он, – что выделение (т.е. пожалование) ханом земель отдельным джамаатам и вольным обществам являлось важным этапом в развитии феодальной собственности и феодальной власти в Аварии. В обстановке политической раздробленности Дагестана, опираясь на свою дружину из нукеров и на ленные отношения с вольными обществами, ханы расширяли свои земельные владения, сокращали своих политических противников...»⁴

В более же ранний период истории феодализма в Дагестане феодальные владетели жаловали бекам в наследственное управление часть территории феодального владения, и можно полагать, что пожалованные в управление бекам земли и доходы с них являлись основным видом пожалований. Как писал М.М. Ковалевский, в первое время «право обращать в свою личную пользу все натуральные и денежные поступления крестьян известного округа» «всецело связано со службой и прекращается вместе с ней. Но так как со временем служба становится не только пожизненной, но и наследственной, то и право на крестьянские повинности и сборы приобретает характер наследственного пользования, фактически ничем не отличаемо-

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.388.

² Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С.269.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.388.

⁴ Там же.

от собственности»¹. Это и есть условное пожалование. Беки в тот период получали в управление земли за службу. Со временем же право пользования рентой превращается в право пользования землей. Затем это право пользования землей превращается в право владения ею и наконец, в право собственности. Именно так образовалась, что было показано во второй главе, основная часть сословия беков в Дагестане, и в изучаемое время они были крупными феодальными собственниками, которые получали земли, управление и доходы главным образом по наследству, как ближайшие родственники феодальных владельцев.

Но и в изучаемое нами время нередко были случаи, когда феодальные владельцы, как собственники основного земельного фонда владения, передавали определенные села и часть территории в управление своим близким родственникам за выполнение тех или иных условий. С таким явлением мы сталкиваемся, например, в Илисуйском султанстве, где беки получали условное пожалование. Здесь какая-то часть беков получала от султанов как феодальных владельцев (В.Линден называл их наиболее влиятельными «лезгинами», которым султан предоставлял право временного получения доходов с части «удельных» или других зависимых селений)² «в вознаграждение за службу право обращать в свою пользу все, что муганлы и ингелойцы должны были вносить за пользование уступленной им во владение землей»³. Эту часть беков М.М. Ковалевский называл второстепенными начальниками.

И.П. Петрушевский называл их беками не «знатного» происхождения, которые получали «бекское звание за личную службу султану, не передававшие своих прав – прав по наследству, и не владевшие кешкелями». Он называл их также простыми «агентами феодалов» и не относил их к феодалам, хотя и называл беками⁴.

Аналогичные пожалованные беки имелись в Кайтагском уцмийстве и в дербентском владении. Причем в Кайтаге это были не местные беки, а «иноплеменные». «Бекам иноплеменным, – говорится в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», – приходившим из других мест **на службу уцмию** (подчеркн. мною. – Б.А.), он иногда давал во временное пользование доходы с деревень или с нескольких дворов раят, но таких беков в настоящее время в Кайтаге нет»¹. Речь идет о начале XX в. и, естественно, тогда их и не могло быть не только в Кайтаге, но и в других местах. Наследственных земель служилые беки Кайтага не получали, что нашло отражение и в адатах Кайтага. В одной из статей кайтагских адатов сказано, что крестьяне и земли «раздаваемы были за заслуги во временное владение»².

Ханы Дербентские также, как писал В.Линден, «под персидским влиянием, жаловали иногда титул бека состоявшим у них на службе лицам не бекского происхождения, сопровождая обычно означенное пожалование предоставлением во временное или пожизненное их управление одного или нескольких селений, или же, в более редких случаях, ограничиваясь пожалованием одного титула»³. И далее, останавливаясь на правовом положении таких беков, В.Линден писал: «Пожалованные беки пользовались меньшими правами, чем коренные. Напр., те из них, которым жаловались в управление селения, пользовались правом получения с них известной доли урожая, а причитающуюся с этих селений денежную подать вносили владельцу»⁴. Он также отмечал те изменения, которые происходили со временем в положении этих беков. «Пожалованные беки в Дагестане, – писал он, – так же как и в персидских ханствах Закавказья, нередко успевали превращать временную привилегию в

¹ Феодальные отношения... С.184.

² Сборник адатов Кайтага и Табасарана. Адаты Кайтага // Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы) / Состав. А.С.Омаров. Махачкала, 1968. С.152.

³ Линден В. Указ. соч. С.286-287.

⁴ Там же. С.287.

¹ Ковалевский М.М. Указ. соч. Т.1. С.230.

² Линден В. Указ. соч. С.304.

³ Ковалевский М.М. Указ. соч. Т.1. С.228.

⁴ Петрушевский И.П. Указ. соч. С.77.

наследственную и таким путем незаметно сливались с сословием потомственных беков»¹.

Х.-М.О. Хашаев, останавливаясь на бекском землевладении, его наследственном характере, писал: «Но в Дербентском ханстве было широко принято одаривать и служилых беков. Передавались селения, где проживали раяты, чагары и терекемейцы. Подати уступали или продавали любому, кто хотел их приобрести. Постепенно дарованные и захваченные земли и деревни заносились в камеральные описания как бекские, и это было достаточным основанием, чтобы признать за беками право собственности на них»².

Именно поэтому, видимо, служилые беки известны в источниках как «знатные люди Дербента», владевшие имениями (амляк)³.

Условными землями можно считать и земли, которые давались царским правительством из местных казенных земель феодальным правителям и бекам Дагестана. Такими были населенные и ненаселенные имения, находившиеся в бывшем Кюринском ханстве, которыми наделялись кюринские ханы, начиная с Аслан-хана, расселившимся в ханстве их родственникам, получившим эти имения временно, как «средство к жизни»⁴. Но со временем разница между селениями, перешедшими по наследству от предков и полученными во временное владение, стиралась. Как писал Х.-М.О. Хашаев: «Никто не контролировал, какие селения принадлежат бекам на правах временного владения, и беки использовали все лазейки для того, чтобы они переходили в их частичную собственность»⁵. В качестве примера он отмечает, как деревни Бамматулы и Улусского магала, отданные Мехти-шамхалу только в пожизненное владение, остались за шамхалом наследственно.

Порой местные царские власти вместо жалования давали для пользования населенные пункты. Так, с 1831 г. Ибрагим-бек –

¹ Линден В. Указ. соч. С.286-287; Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.36.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.133.

³ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С.93.

⁴ Феодальные отношения... С.166.

⁵ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.133.

потомок майсумов Южного Табасарана имел в пользовании семь деревень: Хурцыг, Кенцырь, Экендиль, Чулат, Кезнах, Джерах и Бурханкент, которые после его смерти в 1850 г. были зачислены в казну¹.

А казенных земель повсюду в Дагестане в изучаемое время было много. Так, такие земли: пастбища, горы, сенокосы и даже сады имелись на территории многих сел бывшего Кюринского ханства. Всего, по имеющимся сведениям, казенных земель здесь было 29 участков, площадь которых составляла более 23843 дес.² Причем из казенных земель наделялись и местные жители, которые также не имели «права собственности на эти земли и продавать их»³.

На особенности условного землевладения в Дагестане, на неземельный характер повинностей, получаемых беками за управление частями или отдельными селами феодальных владений, обратил внимание и Г.Д. Даниялов. Он, в частности, писал, что «раздача селений в управление практиковалась долгие годы, даже после присоединения Дагестана к России. Так, например, в Кюре, до 1812 года вовсе не было беков, и крестьяне не отбывали бекских повинностей. С назначением в 1811 году Кюринским ханом Аслан-хана Казикумухского вслед за ним прибыли в Кюру его многочисленные родственники из Казикумуха, которым он стал **раздавать в управление** (подчеркн. мною. – Б.А.) селения Кюринского ханства»⁴. Он рассматривал получение податей с местного населения как плату за управление, т.е. как условное пожалование, что он подкреплял и архивными источниками. «Переход по наследству состоявших в управлении беков селений с правом получения доходов, – писал он, – естественно, мог привести беков к тому убеждению, что селения эти принадлежали им на вотчинном праве, «которое с водворением русского управления и с постепенным проникновением в местную среду русских правовых взглядов и

¹ Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С.10.

² Феодальные отношения... С.165.

³ Там же. С.166.

⁴ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.82.

понятий о поместном владении должно было окрепнуть в направлении, совершенно несоответствующем истинной природе бекских прав. Подобному перевороту в представлениях беков на характер их отношений к поселянам, без сомнения, способствовало и отношение к этому вопросу местных властей. Невмешательство русской администрации во внутренние дела местных владений, соединенное с поддержанием всех особенностей местной правовой жизни, было причиной того, что владельцы и беки получали возможность развивать и усиливать свои права по отношению к поселянам, истолковывая их в желательном для них смысле». Кроме того, «развитию убеждения беков в принадлежности им прав на самые земли, населенные раятами, работы Дербентской комиссии, которая... внушила бекам уверенность, будто населенные поселянами земли составляют собственность беков, а взимаемые ими повинности являются не вознаграждением за прежние покровительства и охрану безопасности, а земельным оброком»¹.

Не только на плоскости, но и в горах существовало условное землевладение, так как и здесь феодальные владельцы обращались к услугам различных лиц, за что последние поощрялись либо землей, либо управлением над какой-то территорией или селением, либо получали с них подати, взимаемые феодалами. И эти пожалованные люди практически являлись местной знатью, и они со временем превращали условное пожалование в наследственное, и становились такими же собственниками, как и наследственные беки, что происходило и в других феодальных владениях средневековья. Хотя пожалованные беки и другие служилые люди не могли свободно распоряжаться пожалованной землей в отличие от чистокровных беков (вотчинников), они со временем все же превращали условное держание в частную собственность. Говоря словами азербайджанского ученого М.М. Эфендиева, процесс превращения условной феодальной собственности на землю в частную феодальную собственность в течение веков происходил под влиянием многочисленных внутренних и внешних факторов, которые то

¹ Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.83. Ссылается на: РГИА СПб. Ф.1276. Оп.2. Д.84.

способствовали ему, то задерживали его. В отдельные периоды этот процесс протекал даже в обратном порядке¹.

Расширив права на жалованные владения, закрепив наследственно их за собой, служилые люди порой, особенно если они были беками, превращались в довольно крупных собственников, которые подчас успешно боролись с центральной властью. В подтверждение сказанного сошлемся на один пример по Аварии. Как писал Р.М.Магомедов, сохранились сведения об Анкалаве, как крупном собственнике земли в сел. Сиух. Он, как сиухские ханы, имел своих зависимых крестьян, сидевших на наделенной им земле. Анкалав не принадлежал к сиухскому ханскому дому, но в Сиухе он был тоже вроде хана. Анкалав в прошлом был служилым человеком у хунзахских ханов. Разбогатев и став собственником земель, он стал даже соперничать с сиухскими ханами².

Имеющиеся сведения говорят и о том, что в Аварии часто служилыми правителей являлись уздени. Для убедительности обратимся к примерам, которые приводит Р.М. Магомедов, говоря о феодальной собственности на землю в Аварии. «Условное землевладение в Аварии, – писал он, – сложилось в процессе развития феодальных отношений. Этот вид феодальной собственности получил свое распространение в результате раздачи земель по назру ханами и беками служилым людям. Сохранились сведения, что уздени сел. Обода, Манатилал, Шахилал, Кайтлал служили у хана и выполняли его различные поручения. За несение службы аварский хан наделил их отобранными у ободинского джамаата общественными землями под названием «нуси» и «кулутли». В условное владение землю получали также Килич в сел. Коло, Гатими в сел. Ахачи, Акачилов в сел. Орота»³.

Причем приведенные примеры Р.М. Магомедов рассматривал как бенефицию, который предшествовал лену. И в связи с этим писал, что «уздени служили у хана, бека, конечно, не ради

¹ Эфендиев М.М. Аграрные отношения в Азербайджане в первой половине XIX в.: Дисс... д-ра ист. наук. Баку, 1958. Л.275.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С.90.

³ Там же. С.99.

военной славы или приобретения почета. Они за свою службу получали земли, т.е. иначе говоря, они получали бенефиций, как это наблюдалось в Западной Европе. В условное земельное держание узденъ мог получить как пахотные, так и пастбищные земли. В последующем условная форма земельного держания переходила в пожизненное пользование узденей. На этой базе закладывалась основа небольших феодальных владений в разных частях Аварии¹. Таким феодалом он считал указанного выше Килича из Коло, выделившегося путем получения земли от хана. И далее в качестве другого примера он пишет: «В Тануси жили очень влиятельные семьи, получившие от хана пахотные земли и сенокосные участки. Некоторые из них имели собственные хутора. В Ахалчи на основе бенефиций собственниками земли стали люди, именовавшиеся «гитимами». В самом Хунзахе три узденских тухума (маджарилал, дайтилал, угъзулал) пользовались особым почетом в ханской столице. Все они через бенефиций были соединены со своим непосредственным сюзереном»².

Писал Р.М. Магомедов о лене и бенефиции в кумыкских феодальных княжествах, которые были известны под названием назру. Как писал Н.П. Тульчинский, здесь земли по назру дарились «на вечные времена» или «во временное пользование»³. Кумыкские князья дарили земли по назру сала-узденям (об этом сказано выше), эмчекам (молочным братьям), аталыкам (воспитателям своих детей) и прочим лицам, в частности нукерам и т.д.

Все приведенное является ответом С.В. Юшкову, отрицавшему, о чем было сказано выше, наличие в Дагестане бенефиций, лена, феода и других институтов, характерных для феодального общества, в частности, как писал он, для стран Западной Европы.

Не всякий служилый человек и даже бек мог дойти до положения коренных или родовых беков, и они по своему социально-правовому и экономическому положению не были равны

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С.389.

² Там же.

³ Тульчинский Н.П. Указ. соч. С.6.

с первыми. Но служилые люди, в том числе и беки, составляли основное руководящее ядро феодального ополчения¹.

Особенно хорошо сказанное видно на примере из положения сала-узденей (или уллу-узденей) засулакских феодальных княжеств, упомянутых выше как сала-узденей второй группы, названных М.Б. Лобановым-Ростовским «княжескими узденями», составлявших ранее (в XIX в. это «вольные хлебопашцы») «класс людей важных»². Это были люди, которые заселились в Засулакской Кумыкии после образования владения Султан-Мута, в отличие от действительных первосельцев, обитавших в Сала-су и имевших еще до Султан-Мута свои земли, почему цитируемый выше автор называл их «вольными дачниками», которые еще до Султан-Мута выселились с гор»³.

Эти вторичные переселенцы на кумыкскую плоскость, получившие земли в условное владение. Они, как писал М.Б. Лобанов-Ростовский, обращались к Султан-Муту «с просьбой на получение участка и обязывались, в вознаграждение отведенной им земли и оказываемого им покровительства, в известной степени подчиненностью и службою князя, то есть по феодальному обычаю, перенятому у кабардинцев, они поступали к нему в уздени. – Таким образом, в скором времени большая часть жителей, по земле ими занимаемой, очутилась в зависимости от князей»⁴. Об этом писал и А.Белобородов, отметивший, что «обилие свободных земель около Эндерея позволило Султан-Муту наделить своих дружинников, кабардинских и кумыкских узденей, участками земли»⁵. Земли же («все свои земли») сала-узденей-первосельцев, как писал Д.-М.Шихалиев, и в середине XIX в. сохранились «неприкосновенными»⁶.

Княжеские уздени получали не только землю. «Потомки Султанмута осыпали их разными благодеяниями, дарили им земли, невольников, оружие и проч.». Но за все это «сала обя-

¹ История Дагестана. Т.1. С.239.

² Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.35.

³ Там же. С.24.

⁴ Там же.

⁵ Белобородов А. Прошлое кумыков // Терские ведомости. 13 декабря 1896. № 145.

⁶ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.46.

заны были верою и правдою служить князьям в качестве узденей, не щадя в случае нужды и жизни своей для них»¹.

Хорошо описал обязанности княжеских сала-узденей М.Б. Лобанов-Ростовский, отмечавший: «Следовать за князем в набеги, на войну, прислуживать ему дома, один день в году выходить на сенокос его, – вот в чем состояла вся служба узденя. До гроба приверженные своим князьям, они безропотно исполняли все их поручения, в междоусобных драках проливали кровь за них, не разбирая правоты дела, в случае убийства князя мстили за кровь его на семье убийцы, если он был равен им, если же он был князь, то на его узденях»². И в повседневной жизни у этих княжеских узденей было много обязанностей. «В мирное время, – писал М.Б. Лобанов-Ростовский, – уздени жили обыкновенно при князе, около его дома, в ауле, т.е. квартале его фамилии; большую часть дня проводили с ним или на дворе его, чистили его оружие, присматривали за лошадьми, выезжали с ним на охоту, и тогда один из них нес его сокола на руке; когда князь слезал с лошади, уздень соскакивал, чтобы схватить ее за узды и поддержать стремя, то же самое, когда он садился. Если уздень ходил или ехал вдвоем с князем, он всегда держался его левого плеча. Когда же их было несколько, его окружали с обеих сторон. Уздени не садились перед князем, разве в старости и то по особому его приказанию; во время обеда они ему прислуживали и доедали его остатки. Зато и князья не оставляли без награды их верной службы; они дарили их оружием, лошадьми, платьем, всем, в чем они нуждались. Щедрость была добродетелью князя, как верность узденя. За обиду, нанесенную последнему чужим князем, он обязан был мстить как за свою собственность. Детей своих, когда они вступали в возраст и начинали выезжать в поле, князья препоручали тому из узденей своих, на которого более полагались; быть пестуном молодых господ составляло верх почести для старого служителя»³.

Лично княжеские уздени были свободны и имели право переходить к другому князю. Но и князь мог, «рассердившись на

¹ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.39.

² Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.35.

³ Там же. С.35-36.

одного из них, удалить его от себя и отобрать все данные ему подарки и землю ему уступленную»¹.

Интересно, что к середине XIX в. уже не было княжеских узденей. Как отмечал М.Б. Лобанов-Ростовский, «теперь ... этот класс узденей княжеских почти исчез. Наружные знаки уважения низших сословий к высшему остались по-прежнему, но навсегда уже опустели дворы княжеские, и вместе с закатом удалой жизни разошлись их гордые дружины. Прежние уздени их, службою русским получившие чины и нажившие деньги, покупкою приобретали земли, иногда даже под разными предложениями выманивали у русских начальников окончательное **укрепление за собою поместьев, получивших от князей под условием личной службы и всегда по воле последних, могущих отойти от них**»² (подчеркн. мною. – Б.А.).

В княжествах Засулакской Кумыкии князья наделяли землей и других. «Подобно сала-узденям, князья, – писал Д.-М.Шихалиев, – отмечали пожалованием земель и многих других узденей с тем, чтоб они служили им по примеру сала»³. Это условные держатели княжеской земли, которые также могли со временем перейти в сословие феодалов. Так, как писал Д.-М.Шихалиев: «Так как владеть землею, с проведенною на оной канавою, было свойственно одним сала-узденям, то пожалованные такими же угодьями уздени андреевские-Казбековы и аксаевские-Азнауровы, причислены к сословию сала, не по происхождению, а по землям»⁴. С.Ш. Гаджиева также отмечала, что ряды сала-узденей «пополнялись пожалованными дружинниками из числа простых узденей». При этом она отмечала, что дружинники – это нукеры, называвшиеся у засулакских кумыков – узденями, хотя также именовалась по всей Кумыкии и основная часть феодально-зависимого крестьянства»⁵. Именно рядовые уздени, писала она, несли военную службу князю. При этом она высказала противоположное вышеприведенному мне-

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.36-37.

² Там же. С.37.

³ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.39.

⁴ Там же. С.48.

⁵ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.109.

ние о том, что дружинники «из простых узденей не могли иметь звание сала, так как оно было наследственным, а не пожалованным»¹. Давая характеристику нукеру, С.Ш. Гаджиева отмечала, что он, – будучи узденем, «не был простым наемником. Он считался свободным воином, который по своему желанию служил тому или иному господину. Однако, награждая узденя-нукера землей, владетель фактически ставил его в лично зависимые отношения»². Основной обязанностью нукеров-дружинников в первой половине XIX в. она считала обязанность помогать «феодалам осуществлять власть над зависимым населением, иными словами, нукеры составляли, – писала она, – аппарат, принуждающий трудящихся выполнять волю феодальной верхушки»³. Говоря же об обязанностях нукеров-дружинников в более раннее время, она солидарна была с тем описанием их, которое дано в работах М.Б. Лобанова-Ростовского и Д.-М.Шихалиева, на что было обращено внимание выше, приведя их высказывания в работе довольно подробно.

Нукеры были во всех феодальных владениях, и они нами во второй главе работы даны вместе с другими служилыми, которые составляли особую служилую группу. Поэтому здесь нет необходимости еще раз характеризовать их. Хочется лишь отметить, что, как и в княжествах Засулакской Кумыкии, и в других феодальных владениях нукеры, наряду с различными вещами, лошадью и т.д., получали и земли. Так, сохранились сведения об условном землевладении в Табасаране. За несение службы и выполнение различных поручений майсумы и кадии наделяли тех или иных лиц земельными участками. Подобные участки, например, находились в сел. Хоредж в местности Чулусахъ, в сел. Чувек в местности Мякъярин йшива и др.⁴

Здесь следует отметить, что нукерство и связанное с ним условное землевладение табасаранских феодальных владений

довольно подробно и хорошо изучил М.Р. Гасанов, о котором он пишет: «Существовали различные формы условного землевладения, из которых в Табасаране имели место крупное и мелкое, наследственное, пожизненное и временное служебное держание»¹. Он пишет о служилых беках, которые, «расширив права на пожалованные владения, закрепив наследственно их за собой... становились собственниками»².

К категории служилых лиц в феодальных владениях Табасарана он относит и нукеров, характеризуемых им как телохранителей, дружинников, «которые за свою службу у майсума, кадия и беков также получали земельные пожалования»³. М.Р. Гасанов, опираясь на архивные материалы, пишет: «Сохранились сведения о пожаловании нукеров майсумом и кадием. Табасаранские правители по усмотрению своему в виде поощрения «отдавали пахотные земли и нукерам» (подчеркн. мною. – Б.А.), которых было «достаточное число». Они помогали правителям и бекам Табасарана собирать повинности и подати, сопровождали их в поездках и были освобождены от повинностей»⁴. И далее он пишет: «Получив в условное владение земельный участок или доходы с раятских дворов, нукеры, естественно, длительное время служили правителям»⁵. Показывая условный характер землевладения нукеров, он пишет о его признаках, в чем это выражалось: «В случае смерти нукера, отхода от службы или по другим причинам земля или доходы, пожалованные в условное держание, переходили к собственнику, т.е. в распоряжение того бека, который пожаловал их». Кроме того, нельзя было с пожалованной земли переселять живших на них раят с места на место»⁶.

Сохранились разнообразные сведения о различных пожалованиях нукеров феодальными владетелями Дагестана. Так, по адатам Кайтагского уцмийства, известно, что в Терекеме бек, когда желал, раздавал раятские дворы, т.е. раятов своим

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.110.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Гасанов М.Р. Социально-экономическое развитие юго-западного Табасарана (Дирический союз сельских обществ) // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.189. Л.47

¹ Гасанов М.Р. Из истории... С.27; Его же. Очерки... С.188.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.16. Ч.4. Л.27; Д.46. Л.13, 20.

⁵ Гасанов М.Р. Из истории... С.27; Его же. Очерки... С.188.

⁶ Там же. С.38-39; 188-189.

нукерам из узденей с указанием, какой двор которому нукеру должен платить и служить¹. Причем в адатах указывается, что «беки давали нукерам много раятских домов». Именно это обстоятельство и служило одним из путей превращения представителей верхушечного слоя узденства в феодалов. Эти нукеры сами превращались в мелких феодалов, хотя нередко они являлись выходцами из узденской верхушки». Много земель было роздано «воинским людям» за их службу в Дербенте. По сведениям И.-Г.Гербера, здесь жители – «все воинские люди», из которых «600 человек конных и 1000 человек пехоты»². Одна рота конницы состояла из племени Гурчиан³. Это была своего рода гвардия, находившаяся под командованием самого наипа Дербента. И главное – все воины получали «от шаха великое жалованье, имели около города несколько нашен, а особенно пользовались садами»⁴ (подчеркн. мною. – Б.А.).

Интересное сообщение встречается у Э.Челеби, который писал, что еще в 30-40-е гг. XVII в. в Тарковском шамхальстве, в частности, в сел. Тарки, где и находились шамхальские нукеры, названные им «военными людьми», имелись земли, на которых они работали «в свою пользу» и платили налог духовенству⁵.

В Илисуйском султанстве, как и бекам, султаны часто отдавали поземельную подать с ингелойцев во временное пользование, в виде жалованья за службу, нукерам⁶.

Еще в 1938 г. проф. С.В. Юшков, останавливаясь на формах феодальной земельной собственности в Дагестане, предполагал, что нукеры выбирались из верхушки узденства и писал,

¹ Феодальные отношения... С.34; Даниялов Г.Д. Указ. соч. С.56.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.85.

³ Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С.54.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.85-86; Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч.1. С.27; Козубский Е.И. Указ.соч. С.89.

⁵ Челеби Э. Отрывки из «Путешествия» // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.37. С.90.

⁶ Линевиц И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С.17.

что ближе всего к нукерам Дагестана подходят гриди Киевской Руси. Выше были отмечены функции дагестанских нукеров. Их функции, как и функции гридей, были весьма разнообразны. Они выполняли финансово-административные и судебные функции. Вместе с тем нукеры составляли военные отряды при хане¹. И действительно, кроме отмеченных выше, функции нукеров дагестанских феодальных владений заключались и в выполнении ими административной работы, в частности полицейских функций. Так, о нукерах Кайтагского уцмийства сказано, что, кроме постоянной стражи, их назначение заключалось в исполнении полицейских функций, например, «приведение в повиновение узденей, не исполняющих требование уцмийа»². А в шамхальстве, как писал В.Г. Гаджиев, нукеры-дружинники выполняли «административно-финансовые функции, сборы пошлин, взимание штрафов, принуждение к своевременной уплате податей, наказание преступников, охрану особы шамхала и его дома»³. В Аварском и Казикумухском ханствах нукеры выполняли в основном полицейские функции, а в мирное время они составляли военные отряды при хане⁴.

Именно за выполнение перечисленных и других функций нукеры получали как земельные участки, так и отдельные подати и различные подарки скотом и вещами с зависимого населения⁵. Служилая сословная группа Дербентского ханства муафа, как военно-служилая знать, составляла ханское войско⁶. Как сказано в источнике, муафы, как и юзбаши, согласно «даным от хана талагам (талиге)», имели ранжбаров и пользовались «особыми участками, пожалованными от владельцев»⁷. Как пишет Н.А. Магомедов: «Права муафов порою распространялись на целую общину»⁸.

¹ Юшков С.В. Указ. соч. С.84.

² ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.24. С.4-5.

³ Гаджиев В.Г. Роль в России в истории Дагестана. М., 1965. С.24.

⁴ Там же. С.33, 36.

⁵ Исторический журнал. 1940. № 2. С.66.

⁶ Магомедов Н.А. Образование Дербентско-Кубинского ханства (вторая половина XVIII в.). Махачкала, 2010. (рукопись). Л.35-37, 86-88.

⁷ АКАК. Тифлис, 1881. Т.8. С.474.

⁸ Магомедов Н.А. Указ. раб. Л.86.

Но в Дербенте, как отмечалось во второй главе, кроме муаффов, были и служилые феодалы, которые составляли «социальное ядро ханской власти ... Они были заинтересованы в получении земель, населенных крестьянами, и службе одному могущественному хану»¹. Служилая знать была и сама заинтересована в сильной государственной власти, так как она «до некоторой степени гарантировала расширение территории за счет захвата новых владений, а это увеличивало фонд земельных пожалований для раздачи их служилым людям на правах тиула за несение службы»². Далее, продолжая приведенную мысль, Н.А. Магомедов пишет: «Служилые феодалы щедро награждались за службу хану: им раздавались большие земельные угодья в виде лена, и в подтверждение этого приводит пример, когда за верную службу Фатали-хан указом от 1774 г. пожаловал Малику Хаджи-беку пять селений, а после смерти последнего его сыну Яхье-беку была передана община Дэдэли «за преданность и исправное несение службы»³.

Останавливаясь на особенностях пожалований земель в период объединения Дербентского и Кубинского ханств в одно государство, Н.А. Магомедов отмечает, что в это время «широко распространялась поместная форма землевладения (тиуль). Тиульдары получали во владение земли, экспроприированные у крупных феодалов, что, несомненно, вело к усилению феодальной опоры ханства и созданию его руководящего ядра»⁴.

Общей тенденцией во всех феодальных владениях было то, что временное и условное держание приобретало тенденцию постепенного перехода в мюльк⁵, т.е. в наследственную собственность. И еще одна особенность условных держателей – они были не рядовыми представителями, а знатными людьми, военными чинами, верхушкой узденства – «влиятельными узденями».

¹ Магомедов Н.А. Указ. раб. Л.86.

² Там же.

³ Там же. Л.87. Ссылается на: Гаджинский И. Указы кубинских ханов. Баку, 1956. С.150.

⁴ Магомедов Н.А. Указ. раб. Л.88.

⁵ История Дагестана. Т.1. С.317.

В заключении данного раздела отметим, что условное землевладение являлось порождением крупного феодального землевладения, как основы феодального способа производства, следствием развитых феодальных отношений, без чего не могло быть ни одной формы феодального землевладения.

Резюмируя весь приведенный в третьей главе материал, можно отметить наличие в Дагестане как множества сословных групп класса феодалов, так и различных форм феодального землевладения. Самыми крупными землевладельцами были феодальные правители, в собственности которых находились все категории земель. За ними шли беки, являвшиеся их ближайшими родственниками, многие из которых практически также являлись крупными землевладельцами. Формой феодальной земельной собственности были земли карачи-беков, чанков, сала-узденей и высшего духовенства, а также феодальной и феодализирующейся общинной знати. Каждая форма феодальной земельной собственности имела как сходство, так и свои особенности. Но их объединяло одно и это главное – на свою земельную собственность хозяин – будь то феодальный правитель или же представитель общинной верхушки имели одинаковые права. Разница между приведенными формами феодальной земельной собственности заключалась в их неодинаковых размерах. У крупных землевладельцев было больше земли, у остальных представителей различных сословных групп класса феодалов меньше и эта разница была тем больше, чем дальше находились эти сословные группы от феодальных владетелей.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего приведенного во всех трех главах работы материала по классу феодалов в целом, его сословных группах, формах и категориях феодальной земельной собственности и исходящих из них форм феодальной земельной ренты в виде податей и повинностей зависимого дагестанского крестьянства можно сделать следующие выводы.

Прежде всего, по историографии проблемы и источникам, на основе которых написана данная монография. Обзор приведенных в работе исследований и их анализ показывает:

1) Наличие разнообразных работ, в которых подняты вопросы, имеющие отношение к исследуемой проблеме, и которые написаны в разные хронологические периоды: в дореволюционное время, в годы Советской власти (советский период) и постсоветский период;

2) Разный подход авторов работ к изучаемой нами проблеме в эти хронологические отрезки времени;

3) Частая однотипность, близость сюжетов, поднимаемых вопросов изучаемой проблемы, т.е. часто практическое отсутствие нового, повторяемость вопросов проблемы в трудах авторов различных периодов, не считая отдельных конкретных примеров по различным владениям или регионам. Это своего рода зависимость авторов, писавших в более позднее время по разным вопросам проблемы, от работ авторов предшествующих периодов. Порой наблюдается повторение одного и того же материала, одних и тех же фактов особенно у ряда авторов второй половины XIX в., когда они пользуются в своих исследованиях работами авторов 40-50-х гг. того же столетия. К примеру, использование ими работ М.Б. Лобанова-Ростовского, Д.-М. Шихалиева, первыми обратившихся к исследованию со-

словно-классовой структуры и земельных отношений, имевших место в Засулакской Кумыкии (Кумыкской плоскости) в 40-х гг. XIX в. и в то же время поднявших вопросы исторического прошлого этого региона Дагестана, в частности, писавших о ее заселенности при Султан-Муте, переселении последнего на эти земли, образовании Эндиреевского княжества и т.д.

Как правило, за редким исключением, изучаемая проблема в целом и ее различные вопросы поднимаются в имеющихся исследованиях по одному региону – Кумыкской плоскости (Засулакской Кумыкии). Что касается других регионов и находящихся там феодальных владений, то вопросы их классовой структуры, сословного деления и феодального землевладения (не считая трудов наиболее известных советских ученых, таких как С.В. Юшков, Р.М. Магомедов, Х.-М. Хашаев, Г.Г. Османов и ряд других), занимают небольшое место, что можно объяснить недостаточностью источников и тем, что многие авторы собирали материал в основном по равнинной части Дагестана, не углубляясь в его горный регион, где находились известные и не менее древние феодальные владения, как например, Аварское и Казикумухское ханства, в которых классовая структура, сословное деление и феодальное землевладение были характерны не менее древнее время, чем на плоскости, которые проявлялись своими особенностями и общими чертами с другими государственно-политическими структурами периода феодализма.

Что касается источниковой базы исследуемой проблемы, отметим, в первую очередь, ее разнообразие. Это, прежде всего, архивные материалы, разбросанные в различных архивохранилищах страны и отдельных стран СНГ. Для изучаемой темы наибольшее значение среди них имеют архивные материалы Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД). В них сосредоточены данные не просто отрывочного характера, а с подробным описанием положения, имевшем место именно в рамках изучаемого хронологического отрезка времени и притом по всем регионам Дагестана, по всем феодальным владениям. Поэтому эти источники являются основными среди прочих архивных источников. Другими архивными источниками являются архивные материалы по изучаемой проблеме, имеющиеся в Российском государственном во-

енно-историческом архиве (РГВИА), хотя и немного – в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Архиве внешней политики России (АВПР) и Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (РГИА СПб.). Много разнообразного материала по классу феодалов, его сословных группах, особенно верхушке в лице феодальных правителей, феодальной земельной собственности находятся в Центральном государственном историческом архиве Республики Грузия (ЦГИА РГ), что объясняется сосредоточением всех документальных материалов в Тифлисе как в центре Кавказского края.

Следующая группа источников – это рукописные, неопубликованные еще материалы, находящиеся в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН). Здесь сосредоточено много и архивных материалов, извлеченных из архивохранилищ центральных и местных архивов, и отдельные рукописные труды в виде книг и различных записей на арабском языке по истории Дагестана, в том числе классовому строю, сословным группам и земельным отношениям в Дагестане, и адаты дагестанских народов, записанные в различное время, историко-этнографический материал, собранный в основном учеными-историками, этнографами и востоковедами Института ИАЭ ДНЦ РАН, неопубликованные исследования дагестанских ученых и т.д.

К аналогичным источникам, хранящимся в фондах архивов страны, относятся и материалы, опубликованные в различных публикациях, осуществленных как в дореволюционное время, так и в годы Советской власти. Их немало и они содержат архивные источники, извлеченные не только из центральных и местных архивов, но и РФ ИИАЭ ДНЦ РАН.

Весь перечисленный материал и дал возможность исследовать главные вопросы проблемы – класс феодалов, его сословные группы и феодальное землевладение с его имевшими место формами и категориями в рамках изучаемого хронологического периода как в дагестанских феодальных владениях (в основном), так и союзах сельских общин, во многих обществах которых проживали представители или выходцы из правящих фео-

дальных фамилий дагестанских феодальных владений. Согласно этому материалу, класс феодалов Дагестана состоял из различных сословных групп, отличавшихся друг от друга по своему происхождению, социально-правовому, политическому и экономическому положению и, прежде всего, наличием в собственности различных категорий земель.

Это прежде всего феодальные владельцы или правители (шамхалы, уцмий, ханы, майсумы, кадии, султаны), стоявшие на самой вершине феодальной иерархической лестницы в своих владениях и возглавлявшие феодальные владения. Это самая высшая, самая активная, самая энергичная, самая властная, самая политизированная часть класса феодалов, его верхушка, от которой находились в зависимости все остальные сословные группы. Это высшая знать класса феодалов, сосредоточившая в своих руках всю высшую политическую и судебную власть.

Эта власть высшей знати, как правителей своих государственно-политических структур, как отмечалось почти во всех источниках и авторами, писавшими о них и сословных группах класса феодалов, была деспотическая. Феодальные владельцы самовластно управляли своими владениями, они возглавляли политическое управление, вершили суд, к ним обращались по апелляционным вопросам, которые не решались на местах.

Источники и литература подтверждают это, и как бы в обобщенном виде об этом хорошо сказано у Н.Ф.Дубровина, писавшего, что феодальные правители Дагестана «управляют своими владениями совершенно неограниченно, и все дела, кроме маловажных, решались по их личному усмотрению. Произволу ханов не было никаких пределов; жестокость обращения с подвластными составляет исключительную черту ханского правления. Там, где нет законов, где в основании управления стоит ханский произвол, там нет возможности дать ясного понятия об образе управления, а можно только сказать, что когда хан добр – и управляемому народу сносно; но если правитель жесток... – то народу невыносимо тяжело».

И при всем этом во власти и управлении феодальных владельцев и в изучаемое время сохранились рудименты старого времени – периода народоправства, как писали авторы XIX в., демократические начала. Заключались они в том, что почти все

феодалыне владетели Дагестана (шамхалы Казикумухские, а затем Тарковские, казикумухский халклавчи, кайтагский уцмий, правители Табасарана, илисуйский султан), несмотря на наследственность их власти в правящей феодальной фамилии, избирались либо на всеобщем народном сходе, происходившем на специальной поляне или месте, или же на сходе (собрании) представителей феодальной знати с присутствием или участием знатных людей из других феодальных владений и союзов сельских общин Дагестана. На избираемого владетеля, как правило, надевался специальный головной убор (папаха) и притом представителем известного тухума или рода, а в Тарковском шамхальстве – кадием Акушинским, являвшимся в то же время кадием – главой всей федерации пяти верхнедаргинских союзов сельских общин – Акуша-Дарго.

Только по проведению этой церемонии феодальный владетель считался избранным на должность правителя и владетеля того или иного феодального владения. Но все это не меняло сути дела – феодальные владельцы в изучаемое время выступали как самовластные деспоты, сосредоточившие в своих руках всю полноту власти светским управлением своего владения, возглавлявшие и судопроизводство, и военное управление, и право сношения с другими феодальными владениями Дагестана и государствами, с которыми только они имели право вступать в сношения, устанавливая связи, посылая посольства для ведения от их имени переговоров и т.д. Феодальные владетели дагестанских феодальных владений – это полновластные хозяева в своих владениях. Проводя активную внешнюю политику, многие из них (казикумухские ханы, Фатали-хан Кубинский, аварские ханы, уцмий Кайтага) в исследуемый период расширяли свои владения и еще больше усиливали и укрепляли свою власть внутри своих владений. В результате они сильно возвысились среди остальных феодальных владетелей и имели на них определенное влияние, что отражалось на проводимой ими внешней политике. Поэтому источники отмечают, что именно эти дагестанские владетели являлись в исследуемый период наиболее сильными и влиятельными личностями, политическими деятелями, выделявшимися и возвысившимися над остальными владетелями, с которыми последние вынуждены

были считаться – поддерживать их политику, вступать в родственные отношения в результате династических браков, выступать на их стороне, оказывать им военную и материальную помощь, предоставлять в необходимых случаях убежище, выступать посредниками и т.д.

Другая часть феодальных владельцев (шамхал Тарковский, князь феодальных владений Засулакской Кумыкии) возвышалась в результате сближения с Россией и вхождения их владений в состав Российской империи, а их самих – вступления в подданство российского императора. В результате за ними не только закреплялись их родовые имена и владения, но они получали от российского правительства новые земельные владения, различные награды, чины и воинские звания, дававшие им дополнительные возможности экономического и политического порядка и различные привилегии, которые не имели другие феодальные владельцы Дагестана. Это отмечалось даже официальными царскими властями, чтобы показать и подчеркнуть, какую выгоду они имеют в связи с вступлением в подданство Российской империи.

Вторую сословную группу класса феодалов Дагестана составляли беки. Это были братья, дети и дяди феодальных владетелей, не ставшие феодальными владетелями, но находившиеся на самой высшей ступени феодальной лестницы после самих правителей. Это прежде всего чистокровные беки, т.е. дети феодальных правителей и беков, рожденные от равного брака, когда как отец, так и мать, родившая их, были по происхождению из бекского сословия, будь то из местных феодальных родов, или правящих феодальных родов других феодальных владений Дагестана, или феодальных фамилий других соседних стран – азербайджанских ханств, феодальных владений Северного Кавказа и т.д. Это наиболее близкая к феодальным владетелям сословная группа класса феодалов. Беками считались и те дети феодальных владетелей и самих же беков, рожденные от них и от простолюдинок – это чанка-беки. Эти две категории беков, которые имели право представительства феодального дома.

Беки в исследуемый период представляли самую многочисленную сословную группу класса феодалов. Беки имелись во всех феодальных владениях Дагестана. Многие авторы XIX в.

называли беков дворянами, находившимися в вассальной зависимости от феодальных владетелей. Беки получали от феодальных владетелей отдельные районы феодального владения и становились такими же правителями в своих уделах, как феодальные владетели на всей территории владения. Из-за их многочисленности беки находились почти во всех феодально-зависимых селах феодальных владений. Нередко в одном селении могло быть по несколько семей беков, которым принадлежало определенное количество хозяйств, обязанных нести своему беку определенные обычаи повинности. Как и феодальные правители в своих владениях в целом, беки в зависимых от них селениях осуществляли всю административно-политическую власть и вершили суд по гражданским делам. Но беки не имели внешнеполитических прав в рамках своего бекства, так как внешнеполитические вопросы являлись прерогативой феодального правителя, осуществлявшего и проводившего внешнюю политику от имени всего народа, от имени всего владения, а не от каких-то его частей. Не допускалась никакая сепаратистская политика и во всех мероприятиях, проводимых правителями, беки обязаны были подчиняться им. Во время военных походов, совершаемых правителем, беки обязаны были со своими нукерами и во главе ополчения своих сел присоединиться к правителю и идти в бой со своим отрядом.

В общем, беки – это те же самые феодальные правители, но в своих уделах (бекствах), которые управляли на тех же правах, что и феодальные правители (шамхалы, уцмии, ханы, майсумы, кадии, султаны) теми селениями, которые находились в их непосредственной зависимости. Звание бека было наследственным и переходило от отца к сыну и «пополнение этого сословия извне лицами низшего происхождения практиковалось лишь в виде исключения» (В. Линден).

К сословию беков относились и карачи-беки или карачи-бии. В исследуемое время карачи-беки являлись представителями (потомками) древнего привилегированного знатного сословия, выделившегося из местных племен. Они были древнее шамхальских беков. По имеющимся источникам, карачи-беки при арабах потеряли свое привилегированное положение. Когда их стало много, раздробив свои земли, они «крайне обедне-

ли» и их общественное положение стало мало чем отличаться от положения «простолюдинов». Находились карачи-беки только в кумыкских селениях Карабудахкент, Ишкарты, Эрпели, Каранае, даргинском селении Губден и в Утамышском султанстве. По другим сведениям, они проживали также в Ахатлы, Чиркее, Чир-юрте и Султан-Янги-юрте (В. Линден). В изучаемое время карачи-беков было немного и, как и беки ханского происхождения, они были независимы и сохранили те же права, которыми обладали раньше – «они могли самостоятельно сносятся с любым государством, вести переговоры, заключать договоры, вступать в подданство» (Р.М. Магомедов). Хотя положение карачи-беков считалось выше ханских беков, на деле в исследуемое время их положение очень сильно упало, что объяснялось их обеднением по сравнению с богатыми бекскими родами. Но, несмотря на это, карачи-беки сохраняли чистоту своего рода, они не вступали в неравные браки. Карачи-беки считались «смотрителями», «разбирателями» дел, спорных вопросов, «блюстителями» старинных кумыкских обычаев и к ним обращались для разбирательства спорных вопросов как к «блюстителям всех старинных кумыкских обычаев». В Эрпели хранилась книга «Исмаил-куран» – своего рода сборник адатов карачи-беков, где записывались все постановления карачи-бекского сословия (Д.-М. Шихалиев).

Побочную группу класса феодалов составляли чанки. Это особая группа людей феодальной иерархии Дагестана, имевших место повсеместно – и в феодальных владениях, и в союзах сельских общин. Хотя чанки по своему происхождению имели прямое отношение к первым двум высшим сословным группам класса феодалов – правителям и бекам, будучи их детьми от неравных браков, но тем не менее не имели права на звание бека. Поэтому по своим правам они практически ничем не отличались от обыкновенных узденей. В отличие от чанка-беков, которые происходили от феодальных правителей в браке с простолюдинками и потомков их, рожденных от матерей не простолюдинок, чанки являлись детьми чанка, рожденные от браков с простолюдинками.

Чанки не имели не только прав, которые имели первые две группы феодалов, но и земли, имущества и таковых они не по-

лучали от своего отца-феодала, так как считались по рождению неравноправными с его другими детьми, рожденными от брака с женщинами бекского происхождения или знатного рода. Чанков, как и самих беков, было в Дагестане много – десятки и сотни чанков находились в селах феодальных владений и союзов сельских общин. Но положение их в разных обществах было разное. Главное, что необходимо отметить, – если в феодальных владениях чанки не являлись владельческими феодалами, то в союзах сельских общин они были феодальной верхушкой общества, обладая и земельной собственностью, и политической властью. Если в феодальных владениях чанки не имели никаких зависимых от них сословий, то в союзах сельских общин они имели зависимых крестьян, пользовавшихся их земельной собственностью, плативших за это натуральную ренту и выполнявших в их хозяйстве сельскохозяйственные работы. Это особенно было характерно для Аварии, где чанки имели больше прав и в управлении, и в имущественном отношении. Существует мнение, что в прошлом ханы и беки практиковали поселение своих детей от неравных браков подалеже от себя в феодально-зависимые аулы (Р.М. Магомедов). Отсюда их многочисленность в союзах сельских общин, где они практически находились в положении феодалов – их родственников, проживавших в феодальных владениях Дагестана.

Низшую группу феодалов, которая имела только у кумыков, составляли сала-уздени, называвшиеся у них уллу-узденями (большие уздени) или первостепенными узденями – в русских источниках. По мнению отдельных ученых (А.Г. Булатова), близко к сала-узденям находились лакские «гъарзал уздантал» и «хъуни къаттри», самостоятельные слои узденства, которые не несли никому никаких повинностей.

Сала-уздени в основном имелись в Засулакской Кумыкии. Это были первосельцы этого региона, жившие здесь до прихода сюда Султан-Мута. Они находились в поселении на р. Сала, откуда возникло и их название. Они с радостью встретили Султан-Мута и являлись его опорой. Когда он переселился из Чирюрта в Эндирей, они переселились вместе с ним и образовали свой квартал. Султан-Мут, а затем и его потомки осыпали сала-узденей разными благодеяниями, дарили им дополнительные

земли и невольников, оружие и т.д. По характеристике авторов XIX в., сала-уздени были древними хозяевами земли (т.е. собственниками), «независимыми дачниками», что и приближало их положение к классу феодалов. Это «второй класс в народе после князей» (Ф.И. Леонтович). Эта первая группа сала-узденей, являвшиеся собственниками земли в отличие от второй группы сала-узденей, известных как «княжеские», бывшими дружинниками кумыкских князей, от которых они получали земли и разные подарки, за что они должны были душой и телом служить им, сопровождать их во всех походах, охоте, выезде и т.д. Что касается сала-узденей первой группы, то главная их привилегия состояла в том, что они владели собственной землей и были полностью свободны от повинностей и обложения «ясаком» (натуральная повинность) и «булкой» (отрабоченная рента). Интересно, что сала-уздени, хотя и «считали чанков выше себя по сословному отношению», но дочерей своих за них не отдавали, считая такие «браки неприличными».

Одной из сословных групп класса феодалов являлась верхушка мусульманского духовенства: кадии, шейх-уль-исламы, шейхи, сеиды, эфендии. Это духовные феодалы, привилегированная часть духовенства. Она представляла довольно многочисленную группу населения, игравшую большую роль в жизни общества. Духовенство было неприкосновенно даже со стороны феодальных владельцев и не несло никаких повинностей, оно было совершенно освобождено от податей и повинностей в чью бы то ни было пользу. Это главное преимущество духовенства как членов общества, которое отличало их от простого народа – узденства и зависимых категорий крестьян. Высшее мусульманское духовенство находилось в близких отношениях к классу феодалов, оно выступало советником ханов, занимало высшие должности или посты при дворе феодального правителя. Это еще больше возвышало высшее духовенство, получая от правителей за свою службу «почести, порою и богатство». Представители высшего духовенства, «как высшее сословие, были явными угнетателями, наравне с беками и князьями» (Г.Д. Даниялов). Эксплуатировало духовенство рядовых членов общества и получая различные поборы за исполнение религиозных обрядов. Различные поборы не только обеспечивали ну-

жды духовенства, но и давали ему возможность накапливать богатство. Поэтому многие представители высшего мусульманского духовенства имели свои крепкие хозяйства, напоминавшие хозяйства представителей феодального класса Дагестана.

Подобно высшему мусульманскому духовенству, к классу феодалов следует отнести феодальную (фактически) и феодализирующуюся общинную знать Дагестана. В исследуемый период в горах повсеместно выделились по своему экономическому и политическому положению богатые, сильные, влиятельные и большие тухумы и малые родственные коллективы, которые практически узурпировали власть – общинное управление в джамаатах и союзах сельских общин. Во многих сельских общинах только общинная знать имела право занимать административные должности, выдвигать на эти должности только своих представителей. Многие богатые и влиятельные тухумы и даже отдельные семьи превратили высшие административные должности в наследственные. Занимая административные должности, общинная верхушка еще больше усиливалась и обогащалась, все больше отдаляясь от остальных членов джамаата. Под влиянием этой богатой части общины народные собрания (сходы) принимали удобные им решения; на сходах верховодили они и всегда перевес при принятии решений был на их стороне. Они практически определяли политику своих джамаатов и союзов, они в свою угодю определяли, где и когда пасти на общинных пастбищах скот членов джамаата, они захватывали общинные угодья. Право пастьбы скота на общинных пастбищах для не имеющих или имеющих мало скота превратилось в простую фикцию. Их право практически перешло в руки общинной верхушки, которая активно использовала общинные пастбища. Практически она стала хозяином и жнивьев, так как и там богатые скотовладельцы пасли более активно свой скот в отличие от членов общины, которые не имели скота или имели его в небольшом количестве. С общинной верхушкой, как с равным себе, общались феодальные владетели, при необходимости последние обращались к ним за помощью и советом. Все это сближало общинную знать с классом феодалов Дагестана, ставило ее в один ряд с ним.

Близко к классу феодалов, к различным его сословным группам, в частности, находилась служилая знать дагестанских феодальных правителей, куда входили различные должностные лица при дворе правителей. Эти везиры, назиры, нукеры, салауздени второй группы, различные мурзы, посланники, представители правителя, доверенные лица, служилые, слуги, писари, секретари. Причем, что интересно, среди них находились как представители класса феодалов (сыновья, братья, дяди правителей др.), так и представители местной феодальной знати и богатых семей, высшего мусульманского духовенства, а часто и представители узденства, служившие посланниками и нередко сопровождавшие в различных мероприятиях как самих правителей, так и его родственников, посылаемых для переговоров, заключенная договоров, для встречи каких-то послов или посланников других владений и государств. В общем, круг служилых лиц при феодальных владетелях был немалый и они являлись представителями разных сословных групп дагестанского общества. Среди них на особом положении, наиболее приближенными к правителям являлись везиры, выступавшие в роли премьер-министров и министров; они выполняли наиболее важные поручения, решали серьезные дела, встречались с более высокопоставленными представителями других владений и государств, от имени своих правителей отправлялись на переговоры в другие владения и государства, возглавляя разные посольства, они передавали от имени своих правителей серьезные, секретные письма и послания, им поручались обращения правителей, адресованные правителям других стран и т.д.

За везирами шли назиры, которым поручалось выполнение различных поручений, причем их могло быть и несколько человек. Служилые были как постоянные, так и временные, которые выполняли разовые поручения. Часть служилых без указания занимаемой ими должности в источниках, особенно русских, известны как чиновники такого-то правителя.

Перечисленные служилые – это общедагестанского масштаба люди, т.е. служилые имевшиеся повсеместно. Но в разных феодальных владениях были служилые, которые имели свои особые названия, несвойственные другим владениям, например, в Кумыкии – «черив баши» – главы военной силы, «ка-

расчы» – конюшенник, «хунгачы» – стольник, «аякчы» – виночерп. Но все эти должности выполняли нукеры, рабы и казаки. Были у кумыков также дворецкие, сотники, городовые и т.д. (С.Ш. Гаджиева). В Дербентском ханстве были нукеры – мулезимы, слуги, заведующий столом, заведующий напитками, заведующий сладостями, заведующий конюшнями, глава финансового ведомства – саркер, господин двора – эшик-агаси, господин казны – хасине-агаси и т.д. (Н.А. Магомедов). Были свои особенности и в других феодальных владениях. Все это вместе взятое – свидетельство наличия в дагестанских феодальных владениях многочисленной группы служилых людей.

Все указанные сословные группы класса феодалов Дагестана имели свою собственную землю. Она, как частная собственность этого правящего класса в целом, и составляла феодальное землевладение. Однако не все сословные группы имели одинаковую земельную собственность. Она разделялась на крупное, среднее, мелкое и условное феодальное землевладение. Феодальная земельная собственность находилась в прямой связи с занимаемым собственником земли местом в феодальной иерархической лестнице. Чем выше стоял в этой иерархической лестнице феодал, тем больше было в его собственности земли.

На высшей ступени феодальной иерархической лестницы, как отмечалось выше, находились феодальные владетели – шамхалы, уцмий, ханы, майсумы, кадий и султаны. И, естественно, они, как феодальные правители, являлись и самыми крупными земельными собственниками в своих феодальных владениях. Их земельная собственность – это домены – личная собственность, которая распространялась на все категории земель. Обладание землей делало феодального владетеля сильным и влиятельным не только внутри своего владения, но и среди других феодальных владений и их правителей.

Больше всего земли имел шамхал Тарковский, владение которого тянулось от Сулака – на севере, до Кайтагского уцмийства – на юге. В пределах этой территории в собственности шамхала имелись различные земли, одни из которых считались его личной собственностью, другие – находились в пользовании сельских общин и самого шамхала, третьи земли – это зем-

ли, которые принадлежали шамхалу и бекам, но находились в наследственном пользовании «известного населения без права отчуждения», за пользование которыми крестьяне несли повинности.

К первому виду феодальных земель относились и пастбища, которых шамхал имел как на плоскости, так и в горах. Они сдавались в аренду горским овцевладельцам, за что шамхал получал огромные доходы.

Большими землевладельцами были кайтагский уцмий, казикумухский хан и др. феодальные владельцы. Так, уцмий Кайтага также имел много кутанов, а в горах и горные пастбища, которые также сдавались в аренду овцевладельцам горных обществ. А по сведениям XIX в., казикумухский хан имел в собственности более 40 пастбищных гор, за аренду которых получал более 2500 овец в год. Феодальные владельцы имели и другие категории земель – и пахотные участки, и сенокосы, и большие лесные массивы, за пользование которыми они также получали от крестьян различные подати. Особенностью феодальной земельной собственности в княжествах Засулакской Кумыкии было наличие здесь как основной формы феодального землевладения – фамильной собственности, хотя в исследуемое время широко была развита и индивидуальная собственность различных представителей княжеских родов, которых было 10.

Земельная собственность феодальных владетелей была основой образования другого крупного по своей сущности и по масштабам Дагестана феодального землевладения – бекского. Каждый представитель правящих феодальных родов (фамилий) дагестанских феодальных владений, который не становился правителем, получал в удел как земельные участки, так и ненаселенные земли и в управление определенное количество сел или одно село, или даже его часть в зависимости от того каким владением обладал феодальный правитель – отец, брат и т.д. Получив в удел землю, бек становился таким же собственником земли, как и феодальный владетель, от которого он получил удел. Он имел на эту землю такие же права, как феодальный владетель на земли в своем владении.

Что касается карачи-беков, то они не получали от феодальных правителей земли, они имели их как доставшиеся от своих

предков – древних феодальных сословных групп. Но, как отмечается в источниках, земель у карачи-беков было немного и они в силу дележа их, передачи по наследству все больше уменьшались и в исследуемое время в Дагестане не было крупных землевладельцев из сословия карачи-беков, таких как среди шамхальских, уцмийских или других беков, получавших земли от феодальных владельцев. Порой такие беки имели очень большие земельные массивы, были весьма сильны и это служило тому, что они вели сепаратистскую политику в отношении своих феодальных владетелей, которым они обязаны были служить как вассалы, поддерживая их в их мероприятиях и во внешнеполитических вопросах. Но феодальные владетели пресекали их сепаратизм и в необходимых случаях прибегали к жестким мерам.

Интересное, своеобразное явление наблюдалось в земельной собственности сословия чанков. Как, правило, чанки, не считаясь наследниками феодальных владетелей, не получали от феодальных правителей и беков наследства в виде земли. Многие из них проживали в сельских общинах и ничем экономически не отличались от жителей села. Те же чанки, которые осели в различных селах союзов сельских общин, имели свои земли, причем различных категорий и, передав их в пользование местному населению, подчинили и обложили его различными повинностями, вплоть до барщинных работ по несколько дней в году в их хозяйстве. На местах такие чанки выступали как настоящие феодалы со своей феодальной земельной собственностью.

Имело свою земельную собственность и низшее сословие класса феодалов – сала-уздени. Источники, как указывалось выше, называют сала-узденей «хозяевами земли», «древними дачниками», что говорит о владении сала-узденей землями еще в древности, т.е. до заселения в Засулакской Кумыкии Султан-Мута. Свои земли сала-уздени сохранили и при Султан-Муте, и при его потомках. Кроме того, кумыкские князья также наделяли их землей из своей собственности. На свои земли сала-уздени имели такие же права, как и кумыкские князья. Как и князья, сала-уздени имели зависимых крестьян, сами они не занимались полевыми работами, отдавали свои земли в пользование крестья-

ням, за что последние обязаны были им податями и повинностями. Это первая группа сала-узденей, живших на Кумыкской плоскости еще до переселения сюда Султан-Мута.

Собственниками больших земельных участков, отличавших их от остального населения общин, была также верхушка мусульманского духовенства и общинная фактически уже ставшая феодальной и еще феодализирующаяся знать. Это были близкие по экономическому положению к различным сословным группам класса феодалов люди, которые также пользовались различными привилегиями, предусмотренными шариатом и местными адатами, что позволяло им захватывать общинные земли, заставляя бесплатно работать на себя рядовых членов общества, присваивать их труд и тем самым еще больше обогащаться. Так, шейх-уль-ислам, «находившийся при владетельном князе... имел свои земли, богатства и зависимых крестьян...». Представители высшего духовенства «стремились к власти, получали почести, порою и богатства, в значительном количестве имели и рабов. Как высшее сословие, были явными угнетателями наравне с беками и князьями». А некоторые из них, «имея должности по наследству, были богатейшими землевладельцами, на которых работали крестьяне» (Г.Д. Даниялов).

Не менее богатыми владельцами больших земельных площадей, достигавших до нескольких сот десятин, несколько тысяч голов овец и сотен голов крупного рогатого скота была общинная и союзная верхушка. Естественно, она не могла своими силами вести хозяйство и прибегала к применению труда наемных работников, количество которых в богатых хозяйствах доходило до нескольких сот человек.

К феодальному землевладению относится и условное как порождение феодальных отношений, и оно могло появиться только при наличии крупного феодального землевладения, как основы феодального способа производства. Поэтому появление условного землевладения связано с периодом появления крупного феодального землевладения, т.е. оно имело место задолго до исследуемого периода, развиваясь и изменяя свою сущность в ходе исторического развития общества. Возникнув сначала как служебное держание, со временем это землевладение пре-

вращалось в наследственное и становилось собственностью. Но процесс феодального развития требовал и постоянного обновления служилых, почему и весь период феодального общества сопровождается возникновением новых условных держателей. Поэтому условное землевладение – это землевладение, связанное с выполнением тех или иных обязательств на крупных феодалов (правителей, беков). В исследуемый период условное землевладение было широко распространено в феодальных владениях Дагестана, так как на службе у феодальных правителей находилось множество лиц. Это нукеры, количество которых достигало до многих сотен человек, близкие к феодальному двору служилые люди, уздени как служившие постоянно у феодального правителя, так и выполнявшие разовые поручения. Условными держателями в ряде владений (Дербентское ханство, Илисуйское султанство) были и беки. Это были служилые беки, в отличие от беков, происходивших от правящих феодальных родов. Особенностью условного держания (землевладения) в Дагестане было то, что земля давалась феодалом за службу не только отдельным служилым лицам, но и целому обществу, что являлось важным этапом в развитии феодальной собственности (Р.М. Магомедов). По своему характеру условное землевладение можно сравнить с западноевропейской бенефицией. Все это говорит о неверности существовавшего мнения среди отдельных советских ученых об отсутствии в Дагестане условного землевладения.

Таковы вкратце наши выводы по изучаемой проблеме, посвященной классу феодалов и феодальному землевладению в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

БИБЛИОГРАФИЯ

И. Источники

а) документы центральных и местных архивов

РГВИА

- Ф. ВУА. Д.6379. Ч.1; 6512; 6528. Ч.2; 18474.
Ф.205. Клюки фон Клюгенау. Краткий географический и статистический взгляд на общество Дарго. Оп.1. Д.139.
Ф.400. Главный штаб. 1866-1918 гг. Оп.1. Д.1323; Оп.258/968. Д.18.
Ф.414. Статистические сведения о Российской империи. Д.300; 10/3212.
Ф.482. Кавказские войны. Д.101; 128.

АВПР

- Ф. Сношения с Персией. 1722 г. Д.8.

РГАДА

- Ф. Колл. ин. дел. «Кумыцкие дела». Д.3; 1719. Д.б/н; Сношения России с Персией. Д.24. 1772.

РГИА СПб

- Ф.1268. Кавказский комитет. 1833-1882. Оп.1. Д.429; 782; Оп.5. Д.372.
Ф.1377. Д.3.
Ф.1276. Оп.2. Д.84.

ЦГИА РГ

- Ф.2. Канцелярия Главноуправляющего Закавказским краем. 1801-1848 гг. Оп.1. Ед.хр.90; 902; 903; 936; 939.
Ф.16. Канцелярия Тифлисского военного губернатора управляющего гражданской частью. 1802-1849. Оп.1. Д.614.
Ф.65. Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. Д.3.

Ф.79. Д.16.

Ф.231. Комиссия для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавказского края по военно-народному управлению. 1883-1917. Д.250; 260.

Ф.263. Горская экспедиция грузинского верховного правительства. 1801-1831. Оп.2. Д.4.

Ф.345. Д.3158.

Ф.416. Кавказская археографическая комиссия. Оп.1. Д.17; Оп.3. Д.12/24; 101; 1224; 1301. Оп.4. Д.35.

Ф.916. Кавказская археографическая комиссия. 1864-1917. Оп.1. Д.917; Оп.3. Д.1224.

Ф.1086. Военно-топографический отдел военно-окружного штаба кавказского военного округа. 1865-1918 гг. Оп.6. Д.345.

ЦГА РД

Ф.1. Оп.1. Д.6; 14.

Ф.2. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура. 1888-1920 гг.; Оп.1. Д.18.

Ф.3. Оп.1. Д.18; Оп.2. Д.24; Оп.3. Д.43; 93; 139; 139-а; 142; 142-а; 142-з; 187-а; 1389; Оп.5. Д.28; 58.

Ф.18. Дербентский комендант. 1812-1849. Оп.1. Д.33.

Ф.20. Оп.1. Д.18.

Ф.21. Дагестанский областной статистический комитет, гор. Темир-Хан-Шура. 1864-1918 гг. Оп.4. Д.106; Посемейные списки. 1886. Общество Акуша. Оп.5. Д.42.

Ф.26. Оп.4. Д.128.

Ф.80. Податной инспектор Даргино-Табасаранского участка Дагестанской области, гор. Дербент. 1894-1917. Оп.2. Д.4; Оп.3. Д.6; 18.

Ф.90. Комиссия по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура. 1877-1898 гг. Оп.1. Д.1; 3; 5; 6; 7; 24; 32; 68; 155. Оп.2. Д.5; 21; 30.

Ф.105. Кумыкский окружной отдел комиссии по правам личным и поземельным туземцев Терской области. Управление Хасавюрта. 1890-1918. Оп.1. Д.5; 9; 12; 13; 14; 49. Оп.5. Д.4; 5.

Ф.126. Канцелярия начальника Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура. Оп.1. Д.21; 21-в; 26; 216. Оп.2. Д.7; 16-а; 71; 72-а.

Ф.134. Д.2.

Ф.147. Управление Хасавюртовского округа Терской области, гор. Хасавюрт. Оп.4. Д.34-а; 41-а.

Ф.150. Комиссия по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Южного Дагестана, гор. Дербент Дагестанской области. 1864-1882 гг. Оп.1. Д.1; 2; 4-б; 6; 6-б; 8; 14; 16-а. Ч.4; 18; 43; 108.

Ф.236. Оп.1. Д.2.

Ф.237. Оп.2. Д.6.

Ф.239. Оп.1. Д.1.

Ф.379. Кизлярский комендант. Оп.1. Д.2; 5; 6; 41; 49; 90; 159-а; 221; 543; 853; 881; 963; 1196.

б) Материалы рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (ИИАЭ ДНЦ РАН)

Алиев Б.Г. Земельно-правовые отношения в Дагестане в XV-нач. XIX в. 1989. Ф.3. Оп.1. Д.507.

Алиев Б.Г. Крупное феодальное и мечетское землевладение в Дагестане в XV-XVIII вв. Махачкала, 1974. Ф.3. Оп.1. Д.264.

Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в 1982 г. в Агульском, Советском, Дахадаевском, Кайтагском и Табасаранском районах. Ф.1. Оп.1. Д.586.

Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском р-не в 1966 г.

Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Буйнакском и Каякентском районах в 1987 г.

Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Гумбетовском районе в 1982 г. Ф.1. Оп.1. Д.580.

Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Гумбетовском районе в 1981 г. Ф.1. Оп.1. Д.628.

Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Дахадаевском районе в 1967 г. Ф.1. Оп.1. Д.553.

Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Курахском и Магарамкентском районах. Ф.1. Оп.1. Д.5037.

Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в сел. Усиша Акушинского района в 1962 г. Информ. Асхабов Г.М., 1872 г.р. Ф.1. Оп.1. Д.371.

Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в сел. Чирах Агульского района в 1975 г.

Алиев Б.Г. Социальные отношения. Ф.3. Оп.1. Д.111.

Аннотированный список произведений арабских и персидских писателей. Ф.1. Оп.1. Д.16.

Брюханов П.А. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией. Ф.3. Оп.1. Д.4.

Гаджиева С.Ш. Полевой материал, собранный в с. В.Гаквари в 1976 г. Ф.5. Оп.1. Д.179.

Гасанов М.Р. История аулов Табасарана (Хурик, Джули, Цапах). Ф.3. Оп.1. Д.138.

Гасанов М.Р. Социально-экономическое развитие аулов кадийства Табасаранского. Ф.3. Оп.1. Д.188.

Гасанов М.Р. Социально-экономическое развитие Табасаранского аула. Ф.3. Оп.1. Д.156.

Гасанов М.Р. Социально-экономическое развитие юго-западного Табасарана (Дирический союз сельских обществ). Ф.3. Оп.1. Д.181.

Документальные материалы по истории Дагестана XVIII в. из архива МИД, выявленные в 1962 г. В.Г.Гаджиевым. Ф.1. Оп.1. Д.52.

Документы по земельным отношениям в Дагестане до XVIII в. включительно. Ф.3. Оп.1. Д.273.

Документы по земельным отношениям в Дагестане. Ф.3. Оп.1. Д.293.

Завещание Мухаммеда б. Турараб. Завещание Акдуника. 1730 / Перев. с араб. Саидова М.-С. Ф.1. Оп.1. Д.218.

Записка о правах и преимуществах господствующих группы населения, об адатах и управлении жителей Присулакского наибства. Ф.5. Оп.1. Д.79.

Записки о сословно-поземельном строе в Кайтаге. Ф.1. Оп.1. Д.155.

История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков. Ф.1. Оп.1. Д.286.

Кавказская археографическая комиссия. Сведения о податях, натуральных повинностях и других налогах, взываемых с жителей Дагестанской области. Ф.5. Оп.1. Д.60.

Каяев А. Материалы и документы, собранные А.Каяевым по истории Дагестана XVIII в. Ф.5. Оп.1. Д.4.

Каяев А. Материалы по истории лаков. Ф.1. Оп.1. Д.444.

Клапрот Ю. Историческая, географическая, этнографическая и политическая карта Кавказа и соседних провинций Грузии и Персии. Париж, 1827 / Перев. с француз. З.Кидаловой. Ф.1. Оп.1. Д.76.

Копии документов, извлеченных из фондов Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), относящихся к истории России, Персии, Кавказа и Дагестана первой половины XVIII в. Ф.1. Оп.1. Д.59.

Краткие сведения о поземельных правах высшего сословия. Ф.1. Оп.1. Д.158.

Кущева Е.Н. Материалы по истории Дагестана XVIII в. Ф.1. Оп.1. Д.449.

Маршаев Р.Г. Лаки в XV-XVII вв. Ф.3. Оп.1. Д.56.

Маршаев Р.Г. Очерки истории лаков. Ф.3. Оп.1. Д.91.

Маршаев Р.Г. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI-XVII вв. Ф.3. Оп.1. Д.22.

Материалы по истории Дагестана в XVII-XIX вв. Ф.1. Оп.1. Д.291.

Материалы по истории Дагестана XIX века. Ф.6. Оп.1. Д.51.

Материалы по истории Карабудахкента / Перев. с кумык. Г.С.Федорова. Ф.416. Оп.4. Д.35. ДНС. № 13.

Материалы по сословно-поземельному вопросу в Дагестане (в том числе в Кайтаго-Табасаранском округе). Ф.1. Оп.1. Д.163.

Новые материалы по истории сословно-поземельных отношений в дореволюционном Дагестане (монография – автор неизвестен). Ф.1. Оп.1. Д.199.

Омаров А.С. Общественный быт Нагорного Дагестана по материалам обычного права (до присоединения Дагестана к России). Ф.3. Оп.3. Д.84.

О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам и о главных основаниях поземельного устройства населения Дагестанской области и Закатальского округа. Ф.1. Оп.1. Д.329.

Переводы с копии документов шахов Персии, султанов Турции на имя ширванских и дагестанских правителей. 1591-1748 / Перев. 30-х гг. XIX в. подполк. Ахундова. Ф.1. Оп.1. Д.50.

Письма шамхала Адиль-Гирея Тарковского Петру I. Указ Петра I Адиль-Гирею, записи дневника Андриана Лопухина при проезде его из Шемахи в Москву, записи о проезде в Петербург шамхала Тарковского, допросы и т.п. материалы о сношении России с Дагестаном в 1717-1725 гг. Ф.1. Оп.1. Д.60.

Происхождение жителей и права их в пользовании землей. Ф.1. Оп.1. Д.169.

Прощение беков Темир-Хан-Шурина в комиссию по разбору сословно-поземельных прав жителей Кавказского края... 1885 г. Ф.1. Оп.1. Д.194.

Прощение жителей Темир-Хан-Шурина в Главное начальствующему гражданской частью на Кавказе... 1884-1907 гг. Ф.1. Оп.1. Д.192.

Рукопись перевода Кади-Магомед-оглы жителя селения Усиша Даргинского округа. Ф.1. Оп.1. Д.397.

Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX в. / Состав. Гаджиев В.Г., Габиев Д.-М.С., Магомедов Н.А., Шихсаидова Р.С. Ф.3. Оп.1. Д.278.

Салатавия. Географическо-экономический очерк. 1928. Ф.5. Оп.1. Д.79.

Справка, составленная Лобановым «Тяжесть обложения крестьянского населения Дагестана при власти ханов и царей по сравнению с положением при советской власти». Ф.1. Оп.1. Д.283.

Тамай А.И. Кумыки в XV-XVII вв. Ф.3. Оп.3. Д.19.

Тамай А.И. Кумыки в XVIII в. Ф.3. Оп.3. Д.79.

Тамай А.И. Очерки истории кумыков XVI-XVIII вв. Ф.3. Оп.1. Д.1.

Филиппов А. Народное обычное право как исторический материал // Литературно-политическое издание «Русской мысли». М., 1907. Кн.9. Ф.5. Оп.1. Д.5.

Фотокопии документов из фонда «Сношения России с Персией. Кумыцкие и Тарковские дела», выявленные Р.Г.Маршаевым. Ф.6. Оп.1. Д.44.

Челеби Э. Отрывки из «Путешествия». Ф.1. Оп.1. Д.37.

Юшков С.В. Рукопись по истории Дагестана. Ф.1. Оп.1. Д.42.

в) опубликованные документы и материалы

Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899.

Адаты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Тифлис, 1972. Вып. VI.

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1866-1904. Т. I-XII.

Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. 1578-1613 гг. М., 1899. Т. 1.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1-3.

Веселовский Н.И. Памятники дипломатических отношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. 1.

Гидатлинские адаты / Подг. к печати Х.-М.Хашаев и М.-С.Саидов. Махачкала, 1957.

Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. / Состав., введ., вступит. статья к текстам и примеч. В.Г.Гаджиева. Махачкала, 1992.

Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Издание Закавказского статистического комитета. Тифлис, 1890.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в. / Состав. В.Г.Гаджиев и Х.Х.Рамазанов. Махачкала, 1959.

Ибрагимов Г.Х. Новые источники по истории цахуров // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980.

Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы) / Состав. А.С.Омаров. Махачкала, 1968.

История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.: Архив. матер. / Под ред. М.О.Косвена и Х.-М.Хашаева. М., 1958.

Магомедов Р.М. Памятник истории и культуры даргинцев XVII в. Махачкала, 1964.

Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX в.) / Под ред. С.Бушуева и Р.Магомедова. Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. 1.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда IX-XI вв. М., 1963.

Новые документы о земельных отношениях в Салатавии // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981.

Особые права беков и чанков Темир-Хан-Шурина округа // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968.

Письмо аварского кадия Мирза Магомеда к кн. Цицианову // АКАК. Тифлис, 1869. Т. II.

Письмо Султан-Ахмед-хана к ген. Тормасову. 1809 // АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV.

Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. / Состав., предисл. и примеч. Х.-М.Хашаев. М., 1965.

Постановления Кайтахского Уцмия Рустем-Хана, написанные в XII в. по Р.Х. и отданные на хранение кадию магала Ганк // ССКГ. Тифлис, 1968. Вып. 1.

Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Докум. и матер. / Состав. В.Г.Гаджиев, Д.-М.С.Габиев, Н.А.Магомедов, Р.С.Шихсаидова и Ф.З.Феодаева. М., 1988.

Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: Докум. и матер. / Состав. Р.Г.Маршаев. Махачкала, 1958.

Сборник адатов Кайтага и Табасарана. Адаты Кайтага // Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы) / Состав. А.С.Омаров. Махачкала, 1968.

Сведения об Акуша // Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. М., 1965.

Справка к законодательству о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской обл. и Закатальского окр. к бекам и кешкелевладельцам.

Труды комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908.

Феодальные отношения в Дагестане. XIX – нач. XX в.: Архив. матер. / Состав., предисл. и примеч. Х.-М.Хашаева. М., 1969.

Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. / Состав. Т.М.Айтберов. Махачкала, 1999. Ч.1-2.

II. Литература

а) Книги

Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965.

Абдуллабекова А.Э. Частное землевладение в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2008.

Аглавов М.А. Сельская община Нагорного Дагестана в XVII – начале XIX в. М., 1988.

Агулы (Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре) / Ответ. ред. А.Исламмагомедов. Махачкала, 1975.

Адзиева С.М.-С. Сословно-классовая структура и формы зависимых отношений в Дагестане в XVIII – первой половине XIX века. Махачкала, 2008.

Акбиев А. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998.

Акбиев А. Общественный строй кумыков в XVII-XVIII вв. Махачкала, 2000.

Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. Очерк социально-политической истории. Махачкала, 1972.

Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, 2007.

Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала, 1999.

Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана. XVIII – первая половина XIX в. Махачкала, 2006.

Алиев Б.Г., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в.: Вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала, 2008.

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Махачкала, 1999. Т.1.

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. К.2. (Историческая география Южного Дагестана). Махачкала, 2002.

Алимова Б.М. Кайтаги. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1998.

Алимова Б.М. Табасаранцы. XIX – нач. XIX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992.

Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестана. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929.

Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1994.

Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX в.). Махачкала, 1967.

Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001.

Ахмадов Я.З., Хасмагомедов Э.Х. История Чечни в XIX-XX веках. М., 2005.

Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1926.

Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991.

Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: Испогань, в Персию, Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Т.3.

Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань, 1850. Ч.1-2.

Bodenstädt F. Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Frankfurt a. M., 1855.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч.1-2.

Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв.). Махачкала, 2000.

Булатова А.Г. Лакцы (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971.

Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996.

Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

Гаджиев В.Г. Сочинения И.Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.

Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое, культура и быт. Махачкала: ГУП «Дагкнигоиздат», 2000. Кн. первая.

Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961.

Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.

Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX вв. Махачкала, 1978.

Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.

Ганджинский П. Указы кубинских ханов. Баку, 1956.

Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия Г-на Академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809.

Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1785. Ч.3.

Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. СПб., 1846.

Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1970.

Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1. Кн.1.

Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом и этнографическом отношении. СПб., 1835. Ч.3.

Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990.

Исламмагомедов А.И. Аварцы: историко-этнографическое исследование. XVIII – нач. XX в. Махачкала, 2002.

История Азербайджана. Баку, 1958. Т.1.

История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т.1.

История Дагестана. М.: Наука, 1968. Т.2.

История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т.1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2005.

История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Нальчик, 1967. Т.1.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1888. Т.1.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.) М., 1988. Т.2.

История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т.2.

История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.

Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971.

Казиев Г., Ахмедзиявдинов Т. Чиркей (на авар.яз.). Махачкала, 1972.

Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв. Махачкала, 2000.

Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т.1-2.

Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М., 1963.

Левиатов В.И. Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948.

Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Полн. собр. соч. Т.1.

Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса. 1822-1823. Вып.1-2.

Линден В. Высшие классы населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1915.

Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки: их нравы, обычай и законы. Описание гражданского быта кумыков 1843 года / Предисл. д.и.н., проф. С.Ш.Гаджиевой. Махачкала, 2002.

Люблинская А.Д. Французское крестьянство в XVI-XVIII вв. Л., 1978.

Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. (политическое и экономическое развитие). Махачкала, 1998.

Магомедов Н.А. Образование Дербентско-Кубинского ханства (вторая половина XVIII в.). Махачкала, 2010. Рукопись.

Магомедов Р.М. Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960.

Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып.1.

Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып.2.

Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т.1-2.

Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968.

Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до начала XIX века. Махачкала, 1961.

Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957.

Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. Ч.1.

Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Ч.2.

Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1994.

Мансуров Ш.М. Салатавия (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала, 1995.

Мансурова А.Г. Цудахария (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX вв.). Махачкала, 1995.

Марков Е. Очерк Кавказа. СПб., 1889.

Маркович Я.А. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717-1767). Киев, 1893-1895. См. также: «Дагестан в известиях...».

Маркс К. Капитал. Т.1 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23.

Маркс К. Капитал. Т.3. Ч.3. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.2-е изд. Т.25. Ч.2.

Маршаев Р., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1991.

Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.

Неверовский А. Истребление аварских ханов в 1834 г. СПб., 1848.

Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847.

Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848.

Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья: опыт сравнительно-исторического исследования. М., 1980.

Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях / Под ред. В.С.Легнобытова. СПб., 1836.

Олеарий А. Путешествие в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

Ольшевский М.Я. Кавказ с 1844 по 1866 год. СПб., 1994.

Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984.

Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т.1.

Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955.

Петрушевский И.П. Джаро-Белооканские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала, 1993.

Петрушевский И.П. Землевладение и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков. М.-Л., 1960.

Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-XIX вв. Л., 1949.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1881. Т.1. Вып.1.

Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XIX века. Махачкала, 1964.

Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

Советский энциклопедический словарь. М., 1980.

Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний // Ежемесячные сочинения и известия о судебных делах. СПб., 1763.

Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000.

Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989.

Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935.

Тульчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости (краткий исторический очерк, составленный по официальным источникам). Владикавказ, 1903.

Хашаев Х.-М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке (материалы к сессии). Махачкала, 1954.

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.

Хашаев Х.-М. Прогрессивное значение присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1958.

Челеби Э. Книга путешествия: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. Вып.2.

Челеби Э. Книга путешествия: Земли Закавказья, сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М., 1983. Вып.3.

Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках / Состав., предисл. и коммент. доктора исторических наук С.Ш.Гаджиевой. Махачкала, 1993.

Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII-XVII вв.). Махачкала, 1969.

Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. Махачкала, 1975.

Якубова И.И. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40-70-е годы XVIII в. Нальчик, 1993.

Reineggs J. Allgemeine historisch-geographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und St. Pbg., 1796-1797

б) Статьи и тезисы докладов

Айтберов Т.М. Два кайтагских документа XV-XVI вв. // Источниковедение истории досоветского периода. Махачкала, 1987.

Айтберов Т.М. Материалы по истории Дагестана XV-XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана (Сб. статей и материалов). Махачкала, 1980.

Айтберов Т.М. Материалы по хронологии и генеалогии правителей Аварии (XVIII-XIX вв.) // Источниковедение средневекового Дагестана. Сб. статей. Махачкала, 1986.

Айтберов Т.М. Новое о карачи-беках и сала-узденях // Конференция молодых ученых ДФ АН СССР. Тезисы докладов. Махачкала, 1978.

Айтберов Т.М. О кайтагских уделах XVII-XVIII вв. // Конференция молодых ученых. Тез. докл. Махачкала, 1982.

Айтберов Т.М. Соглашение аварских общин XVIII – нач. XIX в. // Письменные памятники Дагестана XVIII-XIX вв. Махачкала, 1989.

Айтберов Т.М., Нурмагомедов А.М. Койсубулинский союз и шамхальство в первой четверти XVIII в. (По письмам Мухаммада Кудутлинского к Адил-Гирайя-Будай-шамхала Тарковского) //

Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981.

Айтберов Т.М., Шмелев А. Из истории политического строя Мехтулы (опыт хронологии в дореволюционном Дагестане). Темат. сб. Махачкала, 1989.

Азаматов К.Г. Землевладение и землепользование по обычному праву горцев Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Региональная конференция. Тезисы докладов. Махачкала, 1980.

Алиев Б.Г. Даргинцы в борьбе с Надир-шахом // Эхо Кавказа. М., 1995. № 3 (9).

Алиев Б.Г. К вопросу о происхождении кайтагских правителей, их титула и названия Хайдак // Дагестан в эпоху великих переселений народов (этногенетическое исследование). Махачкала, 1981.

Алиев Б.Г. Лично зависимые (крепостные) крестьяне Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2008. № 3 (15).

Алиев Б.Г. Сала-уздени (происхождение, экономическое и социально-правовое положение) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2010. Вып. 1 (21).

Алиев Б.Г. Условное землевладение в Дагестане в XV-XVII вв. // Из истории дореволюционного Дагестана (сбор. науч. трудов). Махачкала, 1976.

Алиев Б.Г. Формы землевладения в Дагестане в XVII-XVIII в. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Региональная научная конференция: Тезисы докладов. Махачкала, 1980.

Алиев Б.Г. Чагары как одно из сословий дагестанского зависимого крестьянства (XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2009. Вып. 3 (9).

Алиев Б.Г. Частнофеодальное (бекское) землевладение в Дагестане в XV-XVII вв. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980.

Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. К вопросу о заселении Терекемейской равнины и образования лично зависимого крестьянства: экономическое и социально-правовое положение // Вестник Ин-

ститута истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2008. Вып. 4 (16).

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Сословно-классовая структура и государственно-политическая система феодального Дагестана // Материалы научной конференции, посвященной итогам научно-исследовательской деятельности ИИАЭ ДНЦ РАН в 1990-1995 гг. Махачкала, 1996.

Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (Из дневника гимназиста) // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.

Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИРГО. Тифлис, 1884. Т. XX. Вып. 4.

Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. М., 1958.

Бакиханов А. О классах дагестанских горцев. Приложение // Агаян Ц.П. А. Бакиханов. Баку, 1948.

Бартольд В.В. Дагестан // Собр. соч. Т. 3. М., 1965.

Бартольд В.В. К вопросу о происхождении кайтагов // Собр. соч. Т. 5. М., 195.

Белобородов А. Землевладение в Терской области // Терские ведомости. 1895. № 107.

Белобородов А. Прошлое кумыков // Терские ведомости. 1896. № 145, 146.

Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 г. Тифлис, 1857.

Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 г. Тифлис, 1858.

Берже А. При-Каспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856.

Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.

Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.

Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. М., 1958.

Вильер де Лиль-Адам Владимир. Две недели в Даргинском округе (путевые заметки) // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII.

Воронов Н.В. Путешествие по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I.

Габиев С. Лаки, их прошлое и быт // СМОМПК. Тифлис, 1906. Вып. XXXVI.

Гаджиева С.Ш. Земельные отношения у кумыков в первой половине XIX в. // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. Махачкала, 1954.

Гаджиева С.Ш. О сословных отношениях кумыков первой половины XIX века // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX.

Гарданов В.Г. Обычное право как источник для изучения социальных отношений народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX вв. // СЭ. М., 1960. № 5.

Гасанов М.Р. Некоторые вопросы социально-экономического развития Табасарана в XVIII – нач. XIX вв. // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1975. Вып. II.

Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Июль-сентябрь. Т. 17. № 7-8.

Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958.

Гидулянов П.Г. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. 1901. № 1

Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. М., 1958.

Даниялов Г.Д. Шамхалы, нуцалы и уцмии. Феодалная раздробленность и их обособленность в Дагестане // Исторический путь народов Дагестана до вхождения его в состав России. Махачкала.

Джидалаев Н.С., Айтберов Т.М. Чанка // Тюрско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985.

Дреникин И.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.

Иванов А. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал. М., 1940. № 2.

Казиев Г. Судьба селения Чиркей // Дружба (на авар.яз.). Махачкала, 1972.

Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. М., 1958.

Ковалевский М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. Кн. 12.

Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД, 1958.

Комаров А. Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.

Комаров А. Народонаселение Дагестанской области // ЗКО-ИРГО. Тифлис, 1873. Кн. 8.

Коцебу М.А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД, 1958.

Кумык. Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ, 1848. № 37-44.

Кушева Е.Н. О некоторых особенностях феодализма у народов Северного Кавказа // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969.

Лавров Л.И. Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. Сб. науч. трудов. Махачкала, 1976.

Лавров Л.И. Шамхалы Казикумухские и Тарковские // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987.

Лерх Я. Продолжение известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1745 по 1747 год // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791. Месяц август. Ч. LXII (52).

Линден В. Краткий исторический очерк бывшего общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // КК на 1917 г. Тифлис, 1916.

Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.

Литаврин Г.Г. Проблемы государственной собственности в Византии X-XI вв. // Византийский временник. М., 1973. Т. 35.

Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки: их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков. 1843 год // Кавказ, 1846. № 37, 38.

Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. М., 1958.

Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III.

Львов Н.О. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ, 1867. № 71.

Магомедов Д.М. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV-XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981.

Магомедов Д.М. Социально-экономическое развитие союзов сельских общин Западного Дагестана в XVIII – начале XIX в. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980.

Магомедов Н.А. Органы управления Дербентского владения в первой половине XVIII в. // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989.

Макаров Т. Кумыкский округ // Кавказ. 1860. № 77, 78, 79.

Мамбетов Г.Х., Думанов Х.М. К вопросу о феодальной земельной собственности в Кабарде в дореволюционный период // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Региональная конференция. Тезисы докладов. Махачкала, 1980.

Маркс К. наброски ответа на письма В.И.Засулич. Второй набросок // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.19.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1.

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т.3.

Маршаев Р.Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII – нач. XIX в. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1957. Т.III.

Маршаев Р.Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1959. Т.VI.

Мехтулинские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып.II.

Неизвестный автор. Записка о сношениях с аварскими ханами с 1800-го по 1838 г. // ИГЭД. М., 1958.

Неизвестный автор. Описание Дагестана. Конец 20-х или начало 30-х годов // ИГЭД. М., 1958.

Никитин К. Очерк Елисуйского ущелья // Кавказ. 1866. № 70.

Новые документы о земельных отношениях в Салатавии / Публ. подгот. Ш.М.Мансуров // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981.

Нурова С.М., Агларов М.А., Эльдаров Э.М. О системе общественного самоуправления в досоветском Дагестане // Труды

Географического общества Дагестана. Махачкала, 1998. Вып. XXVI.

Ольшевский М.Я. Кавказ с 1844 по 1866 г. // Русская старина. 1894. Т.81-82. № 1-2.

Омаров А. Воспоминания муталима // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып.II.

Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX вв. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1960. Т.VII.

Пь-в [Петухов] П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. 1867. № 7, 8, 12, 13, 15, 17.

Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. М., 1958.

Ртищев Н.Ф. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. М., 1958.

Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. 1862. Т.25. № 8.

Саидов М.-С. О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1957. Т.II.

Сведения для будущего времени об основании селения Чиркей и о поселениях в Салатавии // Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып.II.

Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.

Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД, 1958.

Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.

Сказкин С.Д. Классики марксизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении // Средние века. М., 1954. Вып.5.

Скалон Ф.П. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. М., 1958.

Скитский Б.В. К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. // Известия Сев.-Осет. НИИ. Орджоникидзе, 1956. № 18.

Стродс Х.П. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. М., 1977.

Тамай И.А. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741-1743 гг.) // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т. III.

Тамай А.И. Материалы и вопросы о феодализме в истории Дагестана // Революционный Восток. № 5. 1935.

Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.

Тульчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное землепользование на кумыкской плоскости // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. VI.

Умаханов М.К. О численности феодальных владений Дагестана в XVII-XVIII веках // Труды Географического общества Дагестана. Махачкала, 1998. Вып. XXVI.

Фон Плотто А. Природа и люди Закатальского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV.

Хазанов А.М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М., 1975.

Х-ъ (Хамзаев). Кое-что о кумыках // Кавказ. 1865. № 68, 70.

Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. М., 1958.

Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1.

Шапиро А.Л. О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. 1969. № 12.

Шихсаидов А.Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т. VII.

Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. 1830 г. // ИГЭД. М., 1958.

Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута (исторический). Свердловск, 1938. Вып. 1.

Яишников Т.Н. Описание владения Илисуьского султана. 1831 г. // ИГЭД, 1958.

в) Диссертации и авторефераты

Абдуллабекова А.Э. Частное (мюльковое) землевладение в Дагестане в XVIII – первой половине XIX вв.: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2005.

Айгунова А.Г. Казии-Кумухское ханство как государственное образование лаков (конец XVII – начало XIX в.): Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2003.

Акавов З.З. История просветительского движения в Засулакской Кумыкии: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2003.

Асланов Д.А. Социально-экономическое и политическое развитие Кюринского ханства в XIX в.: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

Багандова З.Г. Кайтаг в XVIII – нач. XIX в.: Проблемы социально-экономического развития и административно-политического устройства: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

Бархударян В.Б. Феодальное землевладение в Армении в IX-XI веках: Автореф. дис... канд. ист. наук. Ереван, 1954.

Гасанов А.А. Союзы сельских общин Табасарана в XVIII – первой половине XIX в. (исследование социально-экономического и административного устройства): Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2006.

Джалилова Х.М. Рутулы: социально-экономическое и политическое развитие XVII – первой половине XIX века: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

Джахиева Э.Г. Кумыкское владение в международных отношениях в конце XVIII – нач. XIX вв. (1774-1826 гг.): Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1999.

Ибрагимов И.Г. Агулы в XVIII – первой половине XIX в. (проблемы социально-экономического развития и политического устройства): Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

Магомедов Д.М. Социально-экономическое и политическое развитие Дидо в XVIII – нач. XIX в.: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1977.

Магомедов З.М. Феодальное землевладение в Дагестане в XV-XVII вв.: Основные формы и пути расширения: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

Магомедов Н.А. Экономическое развитие Дербентского ханства в XVIII в. (ремесло, торговля, налогово-финансовая система): Автореф. дис... канд. ист. наук. Нальчик, 1985.

Нурмагомедов И.Г. Карах в XIX – нач. XX в.: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2001.

Рагимова Б.Г. Сельская община у самурских лезгин в конце XVIII-XIX вв.: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1987.

Саидова М.В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1947.

Сайбулаев А.Б. Социально-экономическое развитие и политическое положение Гумбетовского союза сельских обществ в XVIII – первой половине XIX в.: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2001.

Соболева О.В. Социально-экономические отношения в Аварском ханстве в конце XVIII – начале XIX в.: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1955.

Тагирова П.М. Гидатль в XVIII – первой половине XIX в. (исследование социально-экономического развития и административно-политического устройства): Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2002.

Умаханов Р.М.-С. Мехтулинское ханство в XVIII – нач. XIX вв.: социально-экономическое развитие и политическое положение: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2001.

Фаталиева Х.Р. Аварское нупальство в XVIII веке (Социально-экономическое, политическое и культурное развитие): Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1999.

Шамхалов К.И. Союзы сельских общин Верхнего Кайтага (Ганк, Гапш и Муйра) в XVIII – первой половине XIX в.: исследование социально-экономического развития и административного устройства: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2003.

Эфендиев М.М. Аграрные отношения в Азербайджане в первой половине XIX в.: Дис... канд. ист. наук. Баку, 1958.

Автореф. – Автореферат.

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией – Тифлис.

Акад. – Академик.

Архив. матер – Архивные материалы.

В. – Век.

Вв. – Века.

ВУА – Военно-ученый архив.

Вып. – Выпуск.

Г. – Год.

Гг. – Годы.

Д. – Дело.

Дис... д-ра ист. наук – Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Дис... канд. ист. наук – Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Докум. и матер. – Документы и материалы.

ДФ АН СССР – Дагестанский филиал Академии наук СССР.

Ед.хр. – Единица хранения.

ЗКОИРГО – Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. – Тифлис.

ИГЭД – История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. – М.

ИРГО – Известия русского географического общества. – СПб.

Изд. текста, перев., коммент., вступит. статья к текстам и примеч. – Издание текста, переводы, комментарии, вступительная статья к текстам и примечания.

ИИАЭ ДНЦ РАН – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.

ИИЯЛ ДФ АН СССР – Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР.

КК – Кавказский календарь. – Тифлис.

Кн. – Книга.

Л. – Ленинград.
 Л. – Лист.
 М. – Москва.
 Оп. – Опись.
 Примеч. – Примечание.
 Проф. – Профессор.
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
 РГИА СПб. – Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
 Ред. – Редакция.
 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН – Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.
 С. – Страница.
 Сбор. докум. и матер. – Сборник документов и материалов.
 СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис.
 СПб. – Санкт-Петербург.
 ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис.
 Сост. – Составитель.
 СЭ – Советская этнография. – М.
 Тез. докл. – Тезисы докладов.
 Т. – Том.
 УЗ – Ученые записки.
 Указ. соч. – Указанное сочинение.
 Ф. – Фонд.
 ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан.
 ЦГИА РГ – Центральный государственный исторический архив Республики Грузия.
 Ч. – Часть.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Актуальность и необходимость научной разработки проблемы	3
Глава I. Историография. Литература. Источниковая база исследования	9
§ 1. Историография проблемы.	9
а) Обзор литературы дооктябрьского периода.....	9
б) Историография проблемы советского периода.....	33
в) Историография проблемы постсоветского периода	45
§ 2. Источники.	54
Глава II. Класс феодалов Дагестана и его сословные группы ... 69	
§ 1. К вопросу о численности феодальных владений и правящих феодальных фамилий в Дагестане.	69
§ 2. Феодальные владельцы как высшая знать класса феодалов .. 84	
1. Шамхал Тарковский.....	88
2. Князя Засулакской Кумыкии.....	117
3. Кумыкские бии как самостоятельные феодальные владельцы бийликов.....	133
4. Мехтулинский хан.....	143
5. Султан Утамышский и его владение.	152
6. Владелец Кайтага – уцмий.....	159
7. Казикумухский хан.	177
8. Аварский хан.	193
9. Правитель (владелец) Дербентского владения (ханства).....	210
10. Владетели Табасарана.....	221
11. Цахурский (Илисуйский) султан.	231
12. Кюринский хан.....	240
§ 3. Беки, чанка-беки – второе сословие класса феодалов.	246
§ 4. Карачи-беки – древнее сословие класса феодалов.....	260
§ 5. Чанки – побочная сословная группа класса феодалов.....	265
§ 6. Сала-уздени (уллу-уздени), первостепенные уздени – низшая сословная группа класса феодалов.....	273
§ 7. Дагестанское мусульманское духовенство и общинная феодальная и феодализирующаяся знать.....	288
§ 8. Служилая группа дагестанских феодальных владений. ...	301

Глава III. Феодалное землевладение в Дагестане.	329
§ 1. К вопросу о земельной собственности и феодалном землевладении: сущность, особенности, формы.	329
§ 2. Земельная собственность дагестанских феодалных владельцев.	339
§ 3. Бекское землевладение как вторая форма крупного феодалного землевладения.	405
§ 4. Земельная собственность карачи-беков.	447
§ 5. Земли сословия чанков.	451
§ 6. Мелкая феодалная земельная собственность низшей группы феодалов (сала-узденей).	465
§ 7. Земельная собственность высшего мусульманского духовенства и общинной феодалной и феодализирующейся знати.	477
§ 8. Условное землевладение как одна из форм феодалного землевладения.	493
Заключение.	514
Библиография.	531
Список сокращений.	555

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Научное издание

Б.Г. Алиев

**СТРУКТУРА КЛАССА ФЕОДАЛОВ И ФОРМЫ
ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ
В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

**(Трансформация, дифференциация,
региональные особенности)**

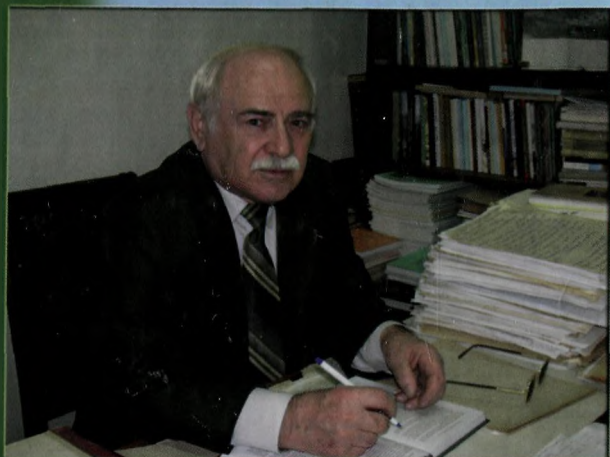
Редактор *Рагимова Г.Г.*
Корректор *Бегова Д.С.*
Художник *Дмитриева Д.И.*

Подписано в печать 20.11.2011 г.
Формат 60x84_{1/16}. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 37. Уч.-изд. л. 35. Тираж 500 экз.

Издательство ООО «Парнас»,
125480, г. Москва ул. Вилиса Лациса, д.31, корп.2

Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
Тел.: +7-903-477-55-64, +7-988-2000-164

Алиев Багомед Гадасвич – главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, заслуженный деятель науки РД, доктор исторических наук, профессор, трижды лауреат премии регионального общественного благотворительного фонда им. шейха Абдурахмана Хаджи ас-Сугури.

Основные направления научно-исследовательской работы – развитие феодальных отношений в Дагестане, земельно-правовые отношения, история дагестанских сел и союзов сельских общин, сословно-классовая структура и государственно-политическая система, историческая география, институты управления и власти в феодальном Дагестане, крестьянство Дагестана и класс феодалов.

Алиев Б.Г. является автором более 550 научных работ, изданных в Махачкале, Москве, Санкт-Петербурге, Тегеране, Ростове, Тбилиси, Грозном, Владикавказе, Нальчике, Майкопе, Пятигорске, Карачаевске, Липецке, Дербенте, Кизляре, Хасавюрте, в их числе 14 монографий и один сборник статей.

Награжден Почетными грамотами Президиума АН СССР, Президиума РАН, Президиума Дагфильяла АН СССР, Президиума ДНЦ РАН, Института ИАЭ ДНЦ РАН, а также медалью «Ветеран труда», в 2005 г. за заслуги в области образования, воспитания и науки – медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

ISBN 978-5-4326-0019-6

9 785432 600196 >